ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

Включен в Перечень ВАК

ISSN 2225-756X

Научный диалог

2020. № 8

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • Международная база ERIH PLUS с 11 июня 2015 года • Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • EBSCO • Index Copernicus • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Импакт-фактор РИНЦ 2017	0,379
ICV 2018 Index Copernicus	100,00
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки 10.01.00 Литературоведение 10.02.00 Языкознание
География авторов выпуска	Владикавказ, Волгоград, Вологда, Екатеринбург, Ижевск, Краснодар, Магадан, Москва, Нальчик, Нижний Тагил, Новосибирск, Омск, Пенза, Самара, Саранск, Симферополь, Сочи, Сыктывкар, Тольятти, Трнава (Словакия), Тула, Череповец
Авторы, имеющие ученую степень	90 %

Дата выхода в свет 27.08.2020

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2020. № 8

Impact factor RSCI 2017	0,379
ICV 2018 Index Copernicus	100,00
	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • Russian Science Citation Index (RSCI) • Index Copernicus • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the journal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет

10.02.00 Языкознание

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньяминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефтимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоськина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Science Editors

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

Editorial board

Linguistics

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)
Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

Literary studies. Journalism. Folklore

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)
Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

History. Ethnography. Ethnology

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)
Yuri Dmitrievich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

Содержание

Языкознание

Абросимова Е. А. Современная гипертекстовая поэзия: аспекты взаимодействия авторского текста и интернет-медиа ... 9

Белов В. А. Семантические исследования организации и функционирования ментального лексикона ... 29

Будаев Э. В. Литературные персонажи как сфера-источник прецедентных имен в СМИ Великобритании ... 52

Данкова Н. С., Крехтунова Е. В. Репрезентация пандемии в СМИ: метафорический образ войны (на материале американских газет) ... 69

Ильина Е. Н., Тиво В. С. Ономастическое пространство мультфильмов о русских богатырях студии анимационного кино «Мельница» ... 84

Инютина Л. А., Шильникова Т. С. Об изменении синтаксической системы сложных предложений в русском языке XVII века (на материале сибирских челобитных грамот) ... 97

Киреева Е. З. Фактор адресата в тексте официального документа (на материале указов губернатора Тульской области, изданных в связи с распространением Covid-2019) ... 108

Паршина О. Д., Иванян Е. П. Аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации начала XXI века ... 123

Ребрина Л. Н. Семантико-мотивационные характеристики неолексем вражды: дискурсивное раскрытие внутренней формы слова ... 141

Соколянский А. А. Фонологическая интерпретация согласных в русском языке в заимствованных словах на стыке приставки и корня ... 156

Улитова А. С. Расположение предлогов в словосочетаниях с однородными членами в текстах делового содержания XVIII века ... 171

Якушкина Е. И. К вопросу о лексических различиях староштокавских хорватских и новоштокавских сербских говоров ... 185

Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Дементьева К. В. Медиакоммуникации региона в условиях глобализации и глокализации информационного пространства (на примере СМИ Республики Мордовия) ... 200

Кажарова И. А., Кучукова З. А., Берберова Л. Б. Авторская модальность дидактического текста и читательское восприятие (на материале «Адаба» А. Г. Дымова) ... 215

Кудаева З. Ж., Хагожеева Л. С. Жанровые свойства и типы адыгских топонимических преданий ... 230

Матвиенко А. И., Солопина Г. А. Поэтика магического реализма в комедии Сары Рул «Чистый дом» ... 243

Поташова К. А. Поэтическая формула «я вижу» в творчестве К. Н. Батюшкова: творческое усвоение державинской традиции ... 258

Толкачева С. В. Традиционные рекрутские обряды русского населения Удмуртии: этнографические параллели с рекрутскими обрядами народов Урало-Поволжья 272

Исторические науки. Этнография. Этнология

Абазов А. Х., Нахушева И. Р. Приставские управления на Северном Кавказе в последней трети XVIII — первой половине XIX века: эволюция деятельности 287

Белозёрова М. В. К проблеме национального самоопределения автохтонных народов на примере регионов юга России (конец 1980-х — начало 1990-х годов) 301

Беспалова К. А. Французская коммунистическая группа в Москве: создание и деятельность (1918—1920) 320

Бодрова Е. В., Калинов В. В. К истории строительства поставленных в СССР по ленд-лизу нефтеперерабатывающих заводов (1941—1945 гг.) 334

Бондарева В. В. Движение «красной охраны» в первые годы «культурной революции» в Китае (1966—1967): взгляд отечественных и зарубежных исследователей . 346

Гайданка Е. И. Либерализация государственного режима в условиях кризиса социализма: словацкий контекст (середина 1980-х — 1992 годов) 367

Дарчиев А. В. К вопросу о значении трёхногого коня в религиозно-мифологических представлениях осетин 383

Нестерова Т. П. Франция и попытка урегулирования итало-эфиопского конфликта в конце 1935 года: план Хора—Лаваля 398

Созинова К. А «Следы моих слез останутся на этой бумаге ...»: письма Елизаветы Стивенс М. М. Сперанскому 412

Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Повстанческое движение в казачьих регионах Юга России: причины и политические формы в 1920—1924 годах 428

АВТОРАМ 443

CONTENTS 448

Языкознание
Linguistics

Александр Анатольевич Соколянский, д-р филол. наук (Магадан)
Анастасия Сергеевна Улитова, канд. филол. наук (Москва)
Вадим Алексеевич Белов, канд. филол. наук (Череповец)
Виолетта Сергеевна Тиво, преподаватель (Сыктывкар)
Екатерина Алексеевна Абросимова, канд. филол. наук (Омск)
Екатерина Ивановна Якушкина, канд. филол. наук (Москва)
Елена Викторовна Крехтунова, канд. филол. наук (Пенза)
Елена Закировна Киреева, д-р филол. наук (Тула)
Елена Николаевна Ильина, д-р филол. наук (Вологда)
Елена Павловна Иванян, д-р филол. наук (Самара)
Лариса Николаевна Ребрина, д-р филол. наук (Волгоград)
Людмила Александровна Инютина, д-р филол. наук (Новосибирск)
Наталья Станиславовна Данкова, канд. филол. наук (Пенза)
Ольга Дмитриевна Паршина, канд. филол. наук (Тольятти)
Татьяна Сергеевна Шильникова, канд. филол. наук (Новосибирск)
Эдуард Владимирович Будаев, д-р филол. наук (Нижний Тагил)

Абросимова Е. А. Современная гипертекстовая поэзия: аспекты взаимодействия авторского текста и интернет-медиа / Е. А. Абросимова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-9-28.

Abrosimova, E. A. (2020). Modern Hypertext Poetry: Aspects of Relations between Author's Text and Internet Resources. *Nauchnyi dialog, 8:* 9-28. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-9-28. (In Russ.).

УДК 801.73:004.738.5+82-1
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-9-28

Современная гипертекстовая поэзия: аспекты взаимодействия авторского текста и интернет-медиа

© **Абросимова Екатерина Алексеевна (2020),** orcid.org/0000-0002-6256-400X, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина» (Омск, Россия), abrosimova@inbox.ru.

Статья посвящена референциальным отношениям между авторским текстом и интернет-ресурсами в современной гипертекстовой поэзии. Актуальность исследования связана с общим интересом филологии к интермедиальным феноменам, с возрастанием роли интернет-коммуникации в поэтическом дискурсе, с вхождением в поэтический язык элементов цифровой культуры. Новизна видится в обращении к малоизученным в настоящее время неутилитарным гипертекстовым произведениям. Определены аспекты исследования референциальных отношений между вербальным текстом и сетевыми ресурсами применительно к художественному тексту. Материалом исследования послужили стихотворения, циклы стихов, книги современных поэтов, содержащие ссылки, по которым читатель может осуществить переход к продолжению / дополнению текста в Интернете. Выделяются следующие аспекты анализа: расположение и форма гиперссылки, дальность гипертекстового «прыжка», вид и жанр медиа-«мишени», состояние ресурса, к которому ведет ссылка, степень погружения адресата в гипертекстовую структуру. Анализируются примеры реализации гипертекстовых переходов, делаются выводы о выразительных возможностях гиперссылочной организации произведений поэтического дискурса.

Ключевые слова: интермедиальность; современная поэзия; поэтический дискурс; гипертекстовая поэзия; гипертекст; гиперссылка; референция.

1. Введение

Одной из ярких особенностей современного поэтического дискурса является его интермедиальность, понимаемая и как процесс — постоянное стремление поэтов к воплощению смыслов через выразительные средства

других медиа, — и как результат — поликодовое, интермедиальное целое. В новых условиях коммуникации, при которых автор и адресат получают доступ к практически безграничным ресурсам Интернета, важнейшую роль играют механизмы референции, организующие саму возможность перехода от одного медиа к другому. Наиболее типичным способом такого перехода является гиперссылка, которая, по предсказанию создателя теории гипертекста Т. Нельсона, будет участвовать в организации разного вида текстов, в том числе поэтических: «… возможность осуществить скачок по ссылке <…> немедленно ведет к различным видам текстовых форм: в науке, обучении, художественной литературе, ***гипер-поэзии***[1]» (выделено нами. — *Е. А.*) [Nelson, 1981, p. 26]. Однако, если в отношении научного, учебного, публицистического текста гиперссылочная организация уже продемонстрировала богатейшие возможности, то в поэзии она до сих пор остается не вполне освоенной. Несмотря на ожидания, связанные с эстетическим потенциалом гипертекста, гипертекстовую поэзию в настоящее время, по-видимому, можно назвать развивающимся явлением, не достигшим еще своего расцвета. Еще в 2000 году поэт Александр Левин, делая обзор гипертекстовых произведений, продемонстрировал многочисленные творческие неудачи авторов этого направления. Замечания касались нарушения связности и целостности, внутреннего единства текста. Вывод поэта был категоричен: «Не обнаружил я толком никаких гипертекстов в рассматриваемых работах. Гиперссылки обнаружил, спорить не стану. А вот гипертекстов — нет» [Левин]. Об этом же позже писал и Сергей Бирюков: «Гипертексты, о которых столько говорят как о будущем сетературы, пока не проявились по-настоящему» [Бирюков, 2004, с. 198].

При этом обращает на себя внимание возрастающий интерес поэтов последних двух десятилетий к различным экспериментам с гипертекстовой организацией произведений, поискам новых форм и способов воплощения смыслов. Этот интерес проявляется как в создании гипертекстовых стихов, поэтических циклов и книг, так и в написании манифестов и комментариев, в которых осуществляется попытка осмысления возможностей гиперссылок в поэтическом дискурсе, см., например: [Скирда 1; Рыдкин 5; Родин, 2016].

Целью данной статьи является выделение возможных аспектов текстового анализа гипертекстовой поэзии и определение специфики референциальных отношений между авторским текстом и сетевыми ресурсами.

1 Здесь и далее перевод иноязычных цитат выполнен нами. — Е. А.

Материалом исследования послужили различные произведения современного поэтического дискурса: признанные общественностью и так называемые «любительские» стихотворения, поэмы, поэтические циклы и книги, содержащие материально выраженные отсылки к интернет-медиа: гипертекстовые поэтические проекты Ю. Рыдкина [Рыдкин 1; Рыдкин 2; Рыдкин 3; Рыдкин 4]; интерактивная книга стихов К. Лысенко «В маленькой комнате» [Лысенко, 2019]; книга В. Кальпиди «Философия поэзии» [Кальпиди, 2019], наполненная QR-кодами, которые ведут к сетевым ресурсам; гиперстихи В. Скирды [Скирда, 2; Скирда, 3; Скирда, 4;]; экспериментальные поэтические гипертексты, созданные на основе известных произведений [Из классики; Сараев и др.], гипертекстовые поэмы R. Kendall «Penetration» [Kendall, 2001], D. Larsen «Ghost Moons» [Larsen, 2001].

2. Интермедиальная референция в современной гипертекстовой поэзии

В данной статье под *интермедиальной референцией* мы предлагаем понимать такие отношения между поэтическим произведением и интернет-медиа, при которых основной текст (стихотворение, поэма, поэтический цикл, книга) содержит маркированные автором ссылки на сетевые ресурсы.

В лингвистической традиции референция определяется как «отнесённость актуализованных (включённых в речь) имён, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» и «определяется тремя основными факторами: синтаксическим, логико-семантическим и прагматическим» [ЛЭС, 1990, с. 411]. При этом данный термин получил широкое распространение в междисциплинарных исследованиях, в которых требуется, по известному выражению Н. Д. Арутюновой, «“зацепить” высказывание за мир» [Арутюнова, 1982]; обозначить и охарактеризовать взаимосвязи между текстом и внеязыковой действительностью, текстом и другими текстами, текстом и невербальными феноменами. Так, термины *референция, референтный текст* применяются в современных работах, посвященных различным аспектам гипертекстуальности: «Очевидно, что современный гипертекст, опосредованный компьютерной средой, дает реципиенту мгновенный доступ к совокупности референтных текстов …» [Минеева, 2017, с. 66]. Гиперссылка как структурная единица гипертекста, являющаяся, по мнению О. В. Дедовой, «материализовавшейся коннотацией, призванной эксплицировать имплицитно выраженные в тексте семантические и ассоциативные связи» [цит. по: Стройков, 2010, с. 809], становится сигналом и способом перехода от одного медиа к другому. С помощью гиперссылки устанавливаются структурные, семантические и прагматические связи между

текстом и различными интернет-ресурсами: «Гипертекстовая ссылка считается основным средством реализации когезии и обеспечения когерентности в электронном гипертексте» [Минеева, 2017, с. 65]. При этом применительно к поэтическому тексту исследователи говорят об особой, «расщепленной» референции (Р. Якобсон), «множественной референциальной распечатке» [Ревзина, 1990, с. 31]: непосредственная связь между словом и референтом усложняется, становится многогранной и неоднозначной, превращаясь по сути в троп. В работах, посвященных интертекстуальности художественного произведения, доказывается, что такая референция не ограничена рамками ни какого-то конкретного языка, ни даже определенного кода (вербального, музыкального, изобразительного). Единственным ограничением становится внутренняя целостность — единство содержания и формы литературного произведения. Эта целостность, задающая направление восприятия и интерпретации текста, в определенном смысле противопоставлена самой идее гипертекста, так как находится «в противоречии с аморфной сетью свободных ассоциаций» [Фатеева и др.]. Говоря об отношениях референции в гипертекстовой поэзии, необходимо, по-видимому, учесть данное противоречие. Гиперссылка становится не только способом указания на другое медиа, но и своеобразным выразительным средством, имеющим эстетический потенциал. Можно предположить, что гиперссылка, помещенная автором в поэтическое произведение, будет выполнять функцию не прямой, а «расщепленной» референции. При этом очевидно, что эстетическая функция гиперссылки будет реализована в полной мере именно в «энергетически сильном» произведении [Кузьмина, 1999], обладающем художественной ценностью, — а в настоящее время гипертекстовое направление находится в стадии формирования, многочисленных экспериментов. Тем не менее, как нам представляется, потенциал гиперссылки в поэтическом дискурсе может быть интересен и на данном этапе для понимания роли гиперссылки в неутилитарном тексте и получения представления о видах взаимодействия слова и интернет-медиа.

3. Аспекты анализа гиперссылочной организации поэтических произведений

К настоящему времени создано большое количество типологий гиперссылок на различных основаниях, таких как графическое оформление, частеречная принадлежность слова-ссылки, навигационные функции, отношения между частями гипертекста, состояние гиперссылки (рабочая или нерабочая, с уже осуществленным или с неосуществленным переходом) и т. д. [Дедова, 2008; Клочкова, 2008, 2009; Носовец, 2011; Рязанцева, 2008;

Стройков, 2010, 2019 и др.]; обзоры классификаций см. в работах [Каменева, Сурина, 2013; Стройков, 2019]. При этом анализ гиперссылок почти не охватывает семантическую сторону взаимодействия текста и медиа, к которым ведут гиперссылки. По-видимому, во многом это объясняется тем, что типологии в основном создавались для определения специфики нехудожественных произведений: научных, учебных материалов, новостных сайтов и др. Механизмы референции между художественными текстами и / или невербальными феноменами культуры получили обоснование в работах, посвященных интертекстуальности [Кузьмина, 1999; Фатеева, 1999; Чернявская, 2017]. В этих трудах авторы исходят из единства формальной, смысловой и прагматической организации поэтического текста и определяют значимость целого ряда факторов, важных для восприятия и интерпретации «чужого» слова в тексте. Среди таких факторов позиция цитаты в произведении, энергетический потенциал цитируемого и цитирующего текста, маркированность и атрибутированность интертекстуального знака, его происхождение и связь с историческим временем, с культурной традицией, расчет на понимание определенной группой читателей и др. Эмпирический материал данной статьи, с одной стороны, является своеобразным результатом эксперимента с коммуникационными технологиями, а с другой — представляет собой неутилитарные тексты, рассчитанные на эстетическое восприятие. Поэтому формально-прагматические аспекты классификации гиперссылок применительно к поэтическому дискурсу, как нам представляется, должны быть дополнены семантическими. Объединяя опыт исследователей в области интертекстуальности и гипертекстуальности, полагаем, что при анализе специфики гипертекстовых поэтических экспериментов важную роль играют следующие позиции, раскрывающие как структурные и прагматические, так и семантические аспекты: расположение и форма гиперссылки, дальность гипертекстового «прыжка», тип медиа-«мишени» и особенности его связности с самим поэтическим словом / текстом, состояние ресурса, к которому ведет ссылка (рабочий или нет), степень погружения адресата в гипертекстовую структуру.

Рассмотрим эти аспекты на примерах.

Расположение гиперссылки. Гиперссылка может быть «встроена» в сам поэтический текст или располагаться за его пределами и являться относительно независимой от вербального произведения. «Встроенные» гиперссылки обычно маркированы подчеркиванием и цветом, что визуально выделяет их на фоне основного текста и привлекает внимание читателя. Одна из наиболее распространенных позиций гиперссылки — эпиграф. Так, гипертекстовый эпиграф к стихотворению «Джалло» [Скирда 2] *Do*

I dare / Disturb the universe?[1] (букв. *Посмею ли я потревожить мирозданье?*) ведет к тексту-источнику этой цитаты — поэме Т. Элиота [The Love Song …], а фамилия автора этих строк при «клике» связывает читателя со статьей о поэте в Википедии [Элиот …]. Первая строка стихотворения *Кто смеет потревожить мирозданье?* является буквальным продолжением эпиграфа, далее же, на протяжении всего текста, В. Скирда обыгрывает семантику глаголов *to disturb* (*в себе сама тревога?, тревожных кнопок, Не смей тревожить — пробуй потрясти*) и *to dare* (*Я ли посмею, Спросит с дерзнувших сто крат*); игра с многозначностью этих глаголов поддерживается аллюзией к словам Раскольникова из «Преступления и наказания» (*Я ли посмею, на волю ли? / Тварью дрожит бересклет, / Право имеет магнолия / — В пекло счастливый билет*), а также к монологу Гамлета (*Терпеть подачки или похваляться данью, / Бытийствовать иль всуе проживать?*). Любопытно, что в комментариях к стихотворению [Скирда 2] читатели и автор обсуждают и еще одну реализацию смысла, заложенную в значении глагола *to disturb*, связанную с названием книги Д. Карнеги «Как перестать беспокоиться и начать жить». Поэтический текст при этом содержит узнаваемые интертекстуальные переклички с поэмой Элиота (*In the room the women come and go / Talking of Michelangelo. — Всплакнут ли тёти по Буонарроти, / Чьё имя — Микеланджело?*; *The yellow fog that rubs its back upon the window-panes, / The yellow smoke — Всё тот же пусть октябрь на излёте, / И желтое по телику джалло*), причем гиперссылками в стихотворении становятся ключевые слова, на которых строится образная система стихотворения: гиперссылка *тёти по Буонарроти*, как и эпиграф, ведет к оригинальному тексту Элиота, по-видимому, подчеркивая связь между произведениями, а слово *джалло* — к энциклопедической статье, в которой говорится о его этимологии (в переводе с итальянского — желтый) и об особенностях жанра джалло. Семантический компонент ‘желтый’ при этом является одним из основных в гипертекстовом стихотворении: (ср. слова *пекло, огарыши, желтое по телеку джалло, солипсический, утреннее электричество, октябрь*). Кроме того, отмечаемые исследователями Т. Элиота дантовские и гомеровские аллюзии [Шелкович, 2014] также находят своеобразное отражение в стихотворении В. Скирды (*Всё завершится вращением / Други на круги своя, / Вечного возвращения Смелым и смевшим маяк*).

Подобные «встроенные» гиперссылки, как правило, характерны для стихотворений, функционирующих в интернет-среде. В изданных же изна-

1 Здесь и далее ссылки даются курсивом в разрядку.

чально на бумаге произведениях гиперссылки часто представляют собой отдельные от основного текста структурные единицы. Например, книга стихов К. Лысенко содержит специальный раздел «Инструкция от автора», в котором объясняется, как переходить на интернет-ресурс, где размещено продолжение произведений: *Вбей в браузере этот адрес: «http://kamilla-lysenko.livejournal.com». Видишь самый первый пост? Он озаглавлен «В маленькой комнате. Добро пожаловать!». Ниже ссылки с непонятными пока словами. Открой его* [Лысенко, 2019, с. 5—6]. Действуя согласно инструкции, читатель находит в Сети эссе, иллюстрации, списки фильмов, песен и др. для полного погружения в атмосферу того или иного стихотворения.

Форма гиперссылки. Чаще всего гиперссылка предстает в виде отдельного слова или словосочетания, как было продемонстрировано на примере стихотворения «Джалло», однако, например, у сетевого поэта Ю. Рыдкина стихотворения полностью охвачены гипертекствой разметкой и каждый «стихоблок» связан с определенным медиа, что создает специфическую структуру. Так, стихотворение «Колоссальная простота» [Рыдкин 4] содержит несколько текстовых фрагментов, последовательно связанных с помощью гиперссылок с иконописными работами белорусского художника А. Исачёва: каждая икона соответствует определенной части произведения. Стихотворение при этом графически не разделено на строфы: именно ссылки на изображения в сочетании с рифмой и ритмом организуют композицию. Примечательно, что при этом доступ по ссылке к одной из икон отсутствует и соответствующий ей стихотворный фрагмент воспринимается как своеобразная пустая рамка, из которой вынуто какое-то изображение.

Гиперссылка может быть оформлена не только вербально, но и, например, в виде цифр, пунктуационных знаков или отдельных букв. Так, в стихотворении «ВНЕВНЕВНОЕ» [Рыдкин 1] строфа, состоящая только из рядов одних цифр *1*, ведет к началу романа А. Драгомощенко «Китайское солнце» [Драгомощенко]. При этом начальные слова романа содержат множество слов и фраз, подсказывающих читателю возможные ассоциации со зрительным впечатлением, возникающим при взгляде на ряды одинаковых цифр (*узоры, контуры, эхо, блуждающих глаз, зеркальных брызг*), строки эпиграфа (*I see the Error screens, …* — букв. *Я вижу ошибку экрана …*). Строфа, состоящая только из заглавных букв *В*, гипертекстуально связана с видеолекций ученого А. Старобинского «Инфляционная стадия ранней Вселенной» [Старобинский]. Такое оформление строфы также позволяет создать целый комплекс возможных ассоциаций, например, *В* — это первая буква ключевого понятия лекции — Вселенная; строки с плотны-

ми рядами одинаковых букв становятся буквальным изображением *сверхплотности* и *инфляционной стадии*, о которых говорится в лекции; кроме того, если воспринимать строфу как звуковой комплекс, можно провести параллель с дефектом речи самого лектора.

Дальность гипертекстового «прыжка». Во-первых, гиперссылка может маркировать «скачок» в пределах одного стихотворения. В этом случае она становится элементом, «запускающим» другой вариант прочтения или повтор текста или его частей. Примером такой организации являются экспериментальные работы А. Сараева и Р. Карапетьяна [Сараев и др.], основанные на буквальном освобождении стихотворения с изначально нелинейной композицией от ограничений бумажной плоскости. С применением гиперссылок такие принципы, как бесконечность повтора (*У попа была собака ...*), возможность альтернативного прочтения (*Принцесса была прекрасная ...* Г. Сапгира), цикличность, постоянное возвращение к началу текста (*Дом, который построил Джек ...*), получают полную реализацию.

Во-вторых, как уже отмечалось, с помощью гиперссылки автор может направлять читателя к своеобразному контексту своего стихотворения в Интернете. В этом случае осуществляется «прыжок» от текста к определенному сетевому хранилищу, принадлежащему самому автору. Так, от стихотворения «Алкогольный Джаз» [Лысенко, 2019, с. 45] ссылка ведет к целому сценарию *вечера в стиле алкогольного джаза*, включающего просмотр фильма, рецепты коктейля, дресс-код [Лысенко]. В книге В. Кальпиди «Философия поэзии» интермедиальные связи — как с собственным текстом, так и с авторским поэтическим депозитарием — установлены при помощи многочисленных QR-кодов — изображений, содержащих код, при наведении на который камеры смартфона читатель попадает на определенный автором интернет-ресурс. Расположенные на передней и задней частях суперобложки QR-коды ведут к внутреннему содержанию самой книги, а QR-коды на клапанах и внутри текста, имеющие значки фото- видео-, аудио- или текстовых материалов, соединяют читателя с сайтом, где расположены разнообразные медиа, связанные с творчеством поэта. Так, QR-код, с которого начинается первая глава книги, ведет к видео, посвященному биографии и основным книгам самого поэта; QR-код второй главы — к интервью с автором, третьей — к ролику «В. Кальпиди отвечает на вопросы» и стихотворениям в исполнении автора. Как и у К. Лысенко, медиа на сетевом ресурсе В. Кальпиди имеют эксплицитную связь с содержанием разделов книги, однако, как нам представляется, эта связь более глубокая, требующая от читателя большего погружения в поэтический мир поэта. Так, при помощи QR-кодов он создает многогранные смысловые связи между главой «Чертеж ангела. Парщиков

(2014)» и видеороликами с участием поэта А. Парщикова. В главе печатной книги автор раскрывает собственное виденье творчества А. Парщикова и публикует стихотворение, написанное на смерть поэта. В одном из видеороликов, к которым ведут QR-коды, Парщиков читает свое стихотворение «Лиман» [Читает Алексей Парщиков], а в другом запечатлен отрывок из его монолога — рассуждения о смерти [Алексей Парщиков]. Эти медиа (глава книги, стихотворение Кальпиди о Парщикове, видеоролики), объединенные темой смерти поэта, формируют единое целое с помощью смыслов, пересекающихся в творческих мирах Парщикова и Кальпиди: связи земного и вечного, поиск исходной точки, «чертежа», первоначала.

В-третьих, гиперссылка может вести на свободный, внешний по отношению к авторскому тексту ресурс. В этом случае связь стихотворения и интернет-медиа становится гораздо в большей степени ассоциативной и определяется общей тематической областью и модальностью восприятия. Так, в основу композиции гипертекстового стихотворения Ю. Рыдкина ДА ВАЙ [Рыдкин 3], полностью охваченного гипертекстовыми ссылками, положена тема шахмат. Эпиграф (*Шахматы есть удивительное со-бытие / постмодерна, иерархии и эсхатологии. / Хотя к чему это я здесь эпиграфирую?)* при клике ведет к видеоролику «Живые кадры Спасский-Фишер, 1972». Далее строфы связываются с целым рядом разнообразных медиа, среди которых мультфильм «Шахматы для детей», видеоуроки шахматной игры Бронштейна, шахматные поединки Карпова и Каспарова, документальный фильм о Каспарове, фотография женщины-гроссмейстера Анны Шаревич, различные картинки, так или иначе воплощающие ассоциативные смыслы, связанные с шахматами: клетка, битва, черно-белый узор, черный и белый цвет кожи, девушки в черном и белом белье и др. Подобные семантические признаки передаются и интертекстуальными знаками. Так, в строфе *великий игнор растворил меня в несуществовании, / но оно сгустилось в «тёмную лошадку», внутри которой я аннексирую уйму Трой!!!*, по закону тесноты стихового ряда, прецедентное имя Троя в контексте словосочетания *темная лошадка* вызывает в памяти образ Троянского коня и одновременно — коня шахматного. Любопытно, что именно эта строфа при гиперссылочном переходе ведет к несуществующей странице: возникает своеобразная перекличка слов *игнор, растворил, в несуществовании* и отсутствующего медиа.

Тип и жанр медиа, к которому осуществлена отсылка. Гипертекстовое произведение может иметь ссылки на размещенные в Сети аудио, видео, изображения, тексты различных жанровых форм.

Так, гиперссылки на электронные словари и энциклопедии обычно помогают автору определить значение термина, охарактеризовать имя собственное, дать справку о каком-то факте или явлении. Например, стихотворение В. Скирды «Зов» [Скирда 3], посвященное праязыку, имеет три гиперссылки, каждая из которых соотнесена с определенной статьей в Википедии. Первая ссылка (*В. М. Иллич-Свитыч*) представляет собой фамилию и инициалы известнейшего лингвиста и ведет к статье, в которой читатель может познакомиться с основными идеями ученого и целью создания строк, помещенных в эпиграф: *Язык — это брод через реку времени, / он ведёт нас к жилищу умерших; / но туда не сможет дойти тот, / кто боится глубокой воды*. В строке «Кого настырно за*клик*али» гипертекстуальна часть слова — клик-, ведущая к статье о «щелкающих согласных»; третья же ссылка — от слова *Праностратическим* — к энциклопедической информации о праязыках.

Ссылки, ведущие к изображениям, как правило, используются для своеобразной языковой игры, основанной на многозначности слова, и часто поддерживаются интертекстуальными знаками. Например, слово *Зеленый* в стихотворении В. Скирды «Эль-Инферно» (*Где сомненья октябрьски ржавы / Будь любезен услышать свой ум — / На осколках великой державы / Всё Зелёный свирепствует Шум* ... [Скирда 4]) имеет гипертекстовую связь с изображениями доллара, а также является частью словосочетания — цитаты стихотворения Н. А. Некрасова «Зеленый Шум». Кроме того, в тексте В. Скирды встречается и еще одно устойчивое сочетание с этим прилагательным, но уже на английском языке: *Там Green Man'ы практически вечны* (по-видимому, имеется в виду средневековый мотив «зеленого человека», изображения лица в окружении растений, получившего множество интерпретаций в культуре). В гипертекстовом стихотворении, таким образом, обыгрывается целый комплекс значений, заданных словом *Зеленый*: с одной стороны, обозначение денег, продажности, с другой — символ весеннего пробуждения, торжества и мудрости природы. Эти смыслы дополняются конфликтом между *я и ты, духом и плотью* (*Дух омрачён, а плоть — как клеть, Ты — то, что следует добиться, Я — то, что стоит одолеть*), поддержанным аллюзией к некрасовскому тексту, в котором использован прием параллелизма образа человека с его страстями и природных явлений.

В другом примере, стихотворении «Тексто» [Рыдкин 2], названия четырех расположенных подряд строф представляют собой четыре варианта употребления лексемы *место*, каждое из которых уточняется изображением. Так, заголовок *Место для фото* связан с вырезанным как

для размещения в рамку документа фотопортретом самого поэта; гипертекстовое название *Место печати* ведет к фотографии, на которой печать из сургуча стоит на человеческой груди; *Место места* при «клике» переносит читателя к глянцевому изображению загорающей девушки с ящеркой, разместившейся на ее теле, с подписью *Займи свое место под солнцем*; название же стихотекста *Место!* ведет к изображению собаки, выражающей практически человеческие эмоции. При этом стихотворные строки, расположенные под соответствующими заголовками, также кликабельны — они ведут к дальнейшему развитию образа при помощи обращения к другим медиа. Такие интермедиальные отсылки демонстрируют читателю игру с множественностью значений слова, создаваемую пересечением различных речевых клише: шаблонной фразы документа «место для фото», команды собаке, общелитературных формул «место под солнцем», «знай свое место».

Гиперссылки на материалы СМИ придают поэтическому тексту актуальность и злободневность, а в некоторых случаях полностью меняют контекст восприятия. Интересна в этом ключе судьба стихотворения Н. А. Добролюбова «Газетная Россия», написанного в 1855 году [Из классики]. Классическое поэтическое произведение, попав в Интернет, получило связь с современными событиями, транслируемыми СМИ; гипертекстовая стереоскопическая композиция позволяет по-разному воспринимать и смысл заголовка — «Газетная Россия»; в гипертекстовом прочтении стихотворение в буквальном смысле становится сотканным из публикаций СМИ. Например, фрагмент строки *Читал я перечень подробный / Различных жертв различных ли* имеет гипертекстовую связь с газетной публикацией «Коллекцию произведений искусства Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской выкупил российский бизнесмен Алишер Усманов» [Коллекцию …, 2007], *Примеры английского зверства* — с публикацией Андрея Лугового «В убийстве Литвиненко замешаны британские спецслужбы и Березовский» [Луговой, 2007], слово *торговли* при «клике» ведет к материалу «Наторговали» [Наторговали …, 2007]. Любопытно, что некоторые ссылки даны не на конкретные материалы, а на главную страницу сайта и у читателя каждый раз актуализируется новый смысл прочитанного поэтического слова или строчки. Так, гиперссылка, представляющая собой строку *О наших дивных генералах*, ведет на сайт телеканала «Звезда» [Телеканал «Звезда»], который регулярно обновляется и каждый раз демонстрирует адресату, прошедшему по ссылке, новый материал, связанный, как правило, с распоряжением властей или представляющий собой интервью с известными политиками.

Ссылки на видео (документальные фильмы, интервью, научно-популярные лекции, юмористические передачи) демонстрируют впечатления, идеи, образы, вдохновившие автора на создание текста. Так, одно из уже рассмотренных стихотворений, «ДА ВАЙ» [Рыдкин 3] связано с большим количеством телесюжетов об истории, теории и практике шахмат, а также с обучающими роликами и мультфильмами, но говорить об объективных связях авторского текста и многочисленных, часто длительных по времени видео, как нам представляется, невозможно. Интересно, что в манифестах, комментариях и предисловиях к собственным стихам поэты поясняют этот момент: сложная сеть гиперссылок в стихах нужна для того, чтобы читатель «почувствовал точь-в-точь то же, что и автор» [Рыдкин 5]; чтобы «зацепить нечто провиденциальное, вскрыть невещественное … подобрать коды к мировоззренческой матрице» [Скирда 1].

4. Состояние ресурса, к которому ведет ссылка

Одним из свойств гиперссылки является тот факт, что она представляет собой лишь временный мостик, связывающий текст и различные медиа за его пределами. Пространство, к которому ведет гиперссылка, довольно часто оказывается недоступным, причем как для читателя, так и для самого автора. Но если при восприятии нехудожественного текста этот факт будет расценен как ошибка, требующая устранения, то в поэтическом произведении такой путь в никуда может становиться своеобразным выразительным средством. Интересно, что сами поэты рефлектируют это явление: «Это чем-то похоже на гибель скульптуры изо льда, замка на песке, надписи на берегу моря, etc» [Скирда 1]. Отсутствующее медиа, к которому читатель переходит по ссылке, является пустотой в прямом смысле этого слова: это не просто белое пространство листа, многоточие или паузы, как в книжной поэзии, а именно несуществующий — уже или еще — ресурс. Так, фрагмент стихотворения Ю. Рыдкина *от глоссолалии зашкаливает трезвость, / и вот уж Я погребено под тупиками* [Рыдкин 1] ведет к ранее существовавшей, но теперь недоступной странице (по ссылке появляется надпись «Доступ запрещен»): сами поэтические строки, содержащие слова *глоссолалия, погребено, тупики* органично встраиваются в контекст удаленного ресурса. В уже рассмотренном стихотворении «Газетная Россия» [Из классики], вербальная часть которого принадлежит Н. А. Добролюбову, далеко не все ссылки являются рабочими, однако это воспринимается как временное явление: газетная картина мира меняется, значит, могут меняться и публикации.

Степень погружения адресата в гипертекстовую структуру. Благодаря техническим средствам читатель получает возможность отслеживать

собственную позицию в текстовом пространстве. Так, в гипертекстовых поэмах «Penetration», «Ghost Moons» [Kendall, 2001; Larsen, 2001] такой интерактивный компонент создается целым рядом средств, среди которых возможность выбора уникального пути прочтения при «клике» на имя лирического героя, от лица которого будет идти рассказ, анимационные элементы (например, зеленый куст на правой стороне экрана, который растет по мере чтения поэмы), меняющийся по мере проникновения в поэтический гипертекст цвет ссылки. Отметим, что названные поэмы получили научное освещение [Rosario, 2011; Кучина, 2018]; при этом исследователи рассматривают их скорее обзорно, наряду с другими формами электронного творчества, хотя и акцентируя внимание на гипертекстовой структуре.

5. Заключение

Итак, современные поэты стремятся к освоению выразительных возможностей гиперссылочной организации, которая позволяет автору и читателю выходить за пределы стихотворения, цикла или книги стихов и устанавливать непосредственную связь с внетекстовой реальностью. Как нам представляется, гипертекстовые эксперименты демонстрируют, хотя и не всегда последовательно реализуют, разнообразные возможности гиперссылки в структурно-композиционном, содержательном и прагматическом аспектах, и именно этот потенциал привлекает все больше и больше авторов. В неутилитарных текстах гиперссылка может выполнять как технологическую функцию непосредственного перехода от текста к интернет-медиа, так и эстетическую, становясь своеобразным средством «расщепленной» референции, участвуя в создании и трансляции поэтических смыслов.

Эксперименты с формой и расположением гиперссылки, дальностью гипертекстового «прыжка», видами и жанрами медиа, а также интерактивными технологиями связаны с попыткой поэтов расставить ключевые смысловые и композиционные акценты, сконцентрировать или рассеять определенный смысл, приблизить свое произведение к литературной традиции, создать контекст восприятия, задать направление интерпретации или наоборот — увести читателя в глубины авторских ассоциаций и т. д. Приведенные в статье примеры использования гиперссылок в поэтических произведениях, по-видимому, демонстрируют, с одной стороны, стремление поэтов семантически и эстетически «нагрузить» этот структурный элемент, а с другой — обнаруживают определенное «сопротивление» неутилитарного речевого материала. Вероятно, технологическая природа гиперссылки, предполагающая прямую отсылку к определенному смыслу, вступает в противоречие с самой сутью потенциально многозначного поэтического слова. С другой стороны,

введенная в текст, рассчитанный на эстетическое восприятие, гиперссылка удивительным образом подчеркивает его несовершенства, например, подкрепляя речевые штампы изображениями или авторскими комментариями, тем самым многократно усиливая их и привлекая к ним внимание. Отношения эквивалентности или пояснения, конкретизации, успешно работающие, например, в рекламных гипертекстах, в поэтическом произведении вызывают эффект обманутого ожидания, но в негативном ключе: читатель ожидает игры, появления неожиданного смысла или образа, а получает иллюстрацию к уже сказанному. Многочисленные отсылки к большому количеству внешних по отношению к автору медиа (особенно видео и картинкам) организуют ассоциативно-подтекстовые связи: читатель получает прямой доступ к образам, которые вдохновили автора на создание стихотворения. Эти медиа, с одной стороны, могут поддерживать структуру, соотнося части стихотворения с определенными образами, а с другой — наоборот, растворяют целостность и связность авторского текста, уводят читателя в бесконечную цепь ассоциаций.

На наш взгляд, наиболее полно раскрывают свою природу гиперссылки в стихах с изначально необычной, игровой композицией («Принцесса и Людоед», «У попа была собака»), а также в произведениях, выполненных как своеобразный арт-объект, в которых гипертекст сочетается с анимационными, цветовыми, кинестетическими, звуковыми эффектами. В таких произведениях гиперссылки играют действительно конструктивную роль, становясь средством интерактивности или формируя новый взгляд на известное произведение. Любопытен, на наш взгляд, феномен нерабочих ссылок, когда автор по не зависящим от него обстоятельствам теряет доступ к медиа, включенному в гипертекстовое целое: в некоторых случаях срабатывает закон тесноты стихового ряда и ненайденная страница становится своеобразным выразительным средством. Интерес для дальнейшего изучения может представлять и потенциал гиперссылки как интертекстуального знака, особенно в позиции эпиграфа, организующего целостность восприятия стихотворения и его связь с литературной традицией. Кроме того, исследование гипертекстовой поэзии предполагает анализ специфики читательского восприятия таких произведений.

Источники

1. *Драгомощенко А.* Китайское солнце [Электронный ресурс] / А. Драгомощенко // Вавилон. — Режим доступа : http://www.vavilon.ru/texts/dragomot2.html.

2. *Из классики* [Электронный ресурс] // Stranger in a Strange Land_: записи в Живом Журнале. — Режим доступа : https://marquis-the-cat.livejournal.com/42137.html._

3. *Кальпиди В. О.* Философия поэзии / В. О. Кальпиди. — Челябинск : Издательство Марины Волковой, 2019. — 512 с.

4. *Коллекцию* Ростроповича-Вишневской выкупил Алишер Усманов [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2007. — 17 сентября. — Режим доступа : https://rg.ru/2007/09/17/usmanov-kollekcia-anons.html.

5. *Левин А.* Записки ленивого читателя [Электронный ресурс] / А. Левин. — Режим доступа : http://www.levin.rinet.ru/TEXTS/teneta2000-hyper.htm.

6. *Луговой А.* В убийстве Литвиненко замешаны британские спецслужбы и Березовский [Электронный ресурс] / А. Луговой // Комсомольская правда. — 2007. — 31 мая. — Режим доступа : https://www.omsk.kp.ru/daily/23911/68057/.

7. *Лысенко К.* Алкогольный джаз [Электронный ресурс] / К. Лысенко. — Режим доступа : https://kamilla-lysenko.livejournal.com/13482.html.

8. *Лысенко К.* В маленькой комнате : Интерактивная книга поэзии / К. Лысенко. — [б. м.] : Издательские решения, 2019. — 136 с.

9. *Наторговали* [Электронный ресурс] // Lenta. Ru : интернет-газета. — 2007. — 25 декабря. — Режим доступа : https://lenta.ru/articles/2007/12/25/trade/.

10. *Парщиков. А.* Отрывок из … [Электронный ресурс] / А. Парщиков. — Режим доступа : http://mv74.ru/kalpidy/aleksej-parshikov.html.

11. *Родин М.* Между физикой и лирикой : о новых формах поэзии [Электронный ресурс] / М. Родин // Дискурс : электронный журнал. — 2016. — 2 июня. — Режим доступа : https://discours.io/articles/theory/mezhdu-fizikoy-i-lirikoy-o-novyh-formah-poezii.

12. Рыдкин 1 — *Рыдкин Ю.* Гиперссылочный брасс [Электронный ресурс] / Ю. Рыдкин // Полутона : журнал. — 2018. — 15 февраля. — Режим доступа : https://polutona.ru/?show=0622172919.

13. Рыдкин 2 — *Рыдкин Ю.* Гиперссылочные тексты [Электронный ресурс] / Ю. Рыдкин // Полутона : журнал. — 2016. — 26 мая. — Режим доступа : https://polutona.ru/?show=0508001141.

14. Рыдкин 3 — *Рыдкин Ю.* Гиперссылочный палимпсест [Электронный ресурс] / Ю. Рыдкин // Полутона : журнал. — 2016. — 28 августа. — Режим доступа : https://polutona.ru/?show=0717011227

15. Рыдкин 4 — *Рыдкин Ю.* Колоссальная простота [Электронный ресурс] / Ю. Рыдкин // Textura club : сайт. — 2016. — 18 января. — Режим доступа : http://textura.club/kolossalnaya-prostota/.

16. *Рыдкин 5 — Рыдкин Ю.* Манифест гиперссылочной поэзии [Электронный ресурс] / Ю. Рыдкин // Сигма : электронный журнал. — 2016. — 23 июля. — Режим доступа : https://syg.ma/@rydkin/manifiest-gipierssylochnoi-poezii.

17. *Сараев А.* Введение в HyperPoem Markup Language, язык гиперпоэтической разметки [Электронный ресурс] / А. Сараев, Р. Карапетьян. — Режим доступа : http://igriuma.ru/forum/index.php?showtopic=3782.

18. Скирда 1 — *Скирда В.* Гиперстих — Гиперстих : формулировка концепта [Электронный ресурс] / В. Скирда // Журнал гиперстихов, пролазмов и концептов Скирда Вадима Михайловича. — 2010. — 3 апреля. — Режим доступа : https://intuitive-s.livejournal.com/10076.html.

19. *Скирда 2 — Скирда В.* Джалло [Электронный ресурс] / В. Скирда // Интуитив : Журнал гиперстихов, пролазмов и концептов Скирда Вадима Михайловича. — 2016. — 31 октября. — Режим доступа : https://intuitive-s.livejournal.com/125285.html.

20. *Скирда 3 — Скирда В.* Зов [Электронный ресурс] / В. Скирда // Интуитив : Журнал гиперстихов, пролазмов и концептов Скирда Вадима Михайловича. — 2016. — 21 октября. — Режим доступа : https://intuitive-s.livejournal.com/124099.html.

21. *Скирда 4 — Скирда В.* Эль-Инферно [Электронный ресурс] / В. Скирда // Интуитив : Журнал гиперстихов, пролазмов и концептов Скирда Вадима Михайловича. — 2010. — 27 октября. — Режим доступа : https://intuitive-s.livejournal.com/46418.html.

22. *Старобинский. А.* Инфляционная стадия ранней Вселенной [Электронный ресурс] / А. Старобинский. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=zJ8VFdDgXRQ.

23. *Телеканал* «Звезда». Официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://tvzvezda.ru/?id=12484?id=12484.

24. *Элиот* Томас Стернз [Электронный ресурс] // Википедия : электронная энциклопедия. — Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Элиот,_Томас_Стернз.

25. *Читает Алексей Парщиков* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://mv74.ru/kalpidy/4-glava.html.

26. *Kendall R.* Penetration [Electronic resource] / R. Kendall. — 2001. — Access mode : http://www.eastgate.com/Penetration/penetration.htm.

27. *Larsen D.* Ghost Moons [Electronic resource] / D. Larsen. — 2001. — Access mode : http://www.deenalarsen.net/kanjis/tsuki/index.html.

28. *The* Love Song of J. Alfred Prufrock [Electronic resource] // Poetry foundation. — Access mode : https://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/poems/44212/the-love-song-of-j-alfred-prufrock.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Лингвистические проблемы референции [Электронный ресурс] / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII Логика и лингвистика (Проблемы референции). — Москва : Радуга, 1982. — Режим доступа : https://classes.ru/grammar/157.new-in-linguistics-13/source/worddocuments/xiii.htm.

2. *Бирюков С. Е.* О стратегиях / С. Е. Бирюков // Поэтика исканий, или Поиск поэтики / С. Е. Бирюков // Материалы международной конференции-фестиваля «Поэтический язык рубежа X—XI века и современные литературные стратегии». — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. — С. 189—197.

3. *Дедова О. В.* Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете / О. В. Дедова. — Москва : МАКС Пресс, 2008. — 284 с.

4. *Каменева В. А.* Типология гиперссылок / В. А. Каменева, В. Н. Сурина // Гипертекст как объект лингвистического исследования : Материалы III международной научно-практической конференции, 20 июня 2013 / ответственный редактор С. А. Стройков. — Самара : ПГСГА, 2013. — С. 71—79.

5. *Клочкова Е. С.* Повтор как средство создания референциальной структуры гипертекста / Е. С. Клочкова // Вестник СамГУ. — 2008. — № 4 (63). — С. 46—54.

6. *Клочкова Е. С.* Лингвопрагматические особенности электронного гипертекста на немецком языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. С. Клочкова. — Самара, 2009. — 22 с.

7. *Кучина С. А.* Роль поликодовых компонентов в структуре и семантике электронных художественных гипертекстов и гипермедиа / С. А. Кучина // Филология и культура. — 2018. — № 1 (51). — С. 93—100.

8. ЛЭС — *Лингвистический* энциклопедический словарь / под редакцией В. Н. Ярцевой. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 682 с.

9. *Минеева М. В.* Лингвистический гипертекст как способ декодирования информации : монография / М. В. Минеева. — Челябинск : Искра-профи, 2017. — 178 с.

10. *Носовец С. Г.* Гипертекстовые ссылки в интернет-сми : опыт типологической характеристики / С. Г. Носовец // Вестник Челябинского государственного университета. — Филология. Искусствоведение, 2011. — Выпуск 55, № 17 (232). — С. 127—131.

11. *Ревзина О. Г.* От стихотворной речи к поэтическому идиолекту / О. Г. Ревзина // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль : Общие вопросы. Звуковая организация текста. — Москва : Наука, 1990. — С. 27—46.

12. *Рязанцева Т. И.* Теория и практика работы с гипертекстом (на материале английского языка) : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Т. И. Рязанцева. — Москва : Издательский центр «Академия», 2008. — 208 с.

13. *Стройков С. А.* Комплексное лингвистическое исследование гипертекстовой ссылки электронного гипертекста / С. А. Стройков // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2019. — № 4 (91). — С. 99—112. DOI : 10.23859/1994-0637-2019-4-91-10.

14. *Стройков С. А.* Основные понятия лингвистической концепции электронного лексикографического гипертекста / С. А. Стройков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — Самара : Издательство СНЦ РАН, 2010. — Т. 12, № 5 (3). — С. 808—811.

15. *Фатеева Н.* Интертекстуальность [Электронный ресурс] / Н. Фатеева, П. Паршин // Электронная энциклопедия «Кругосвет». — Режим доступа : https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html.

16. *Чернявская В. Е.* Текст в медиальном пространстве : учебное пособие / В. Е. Чернявская. — Москва : ЛЕНАРД, 2017. — 232 с.

17. *Шелкович М. В.* Функция гомеровских и дантовских аллюзий в «Любовной песне Дж. Альфреда Пруфрока» Т. С. Элиота / М. В. Шелкович // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета : Филология. — 2014. — Выпуск 4 (39). — С. 82—95.

18. *Nelson T. N.* Literary Machines : The Report On, and Of, Project Xanadu Concerning Word Processing, Electronic Publishing, Hypertext, Thinkertoys, Tomorrow's Intellectual Revolution, and Certain Other Topics Including Knowledge, Education and Freedom / T. H. Nelson. — Sausalito, California : Mindful Press, 1981. — 123 p.

19. *Rosario G. Di.* Electronic Poetry. Understanding Poetry in the Digital Environment / G. Di. Rosario. — Jyväskylä : Jyväskylä University Printing House, 2011. — 336 с.

Modern Hypertext Poetry: Aspects of Relations between Author's Text and Internet Resources

© Ekaterina A. Abrosimova (2020), orcid.org/0000-0002-6256-400X, PhD in Philology, associate professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin" (Omsk, Russia), abrosimova@inbox.ru.

The article is devoted to the referential relations between the author's text and Internet resources in modern hypertext poetry. The relevance of the research is related to the general interest of philology in intermediate phenomena, the increasing role of Internet communication in poetic discourse, and the introduction of elements of digital culture into the poetic language. The novelty is seen in the appeal to currently little-studied non-utilitarian hypertext works. Aspects of research of referential relations between a verbal text and network resources in relation to a literary text are defined. The research material was poems, cycles of poems, books of modern poets that contain links that the reader can use to make the transition to the continuation / addition of the text on the Internet. The following aspects of the analysis are highlighted: the location and form of the hyperlink, the range of the hypertext "jump," the type and genre of the media "target," the state of the resource to which the link leads, the degree of immersion of the recipient in the hypertext structure. Examples of implementation of hypertext transitions are analyzed, conclusions are drawn about the expressive possibilities of hyperlink organization of works of poetic discourse.

Key words: intermediality; modern poetry; poetic discourse; hypertext poetry; hypertext; hyperlink; reference.

Material resources

Chitayet Aleksey Parshchikov. Available at : http://mv74.ru/kalpidy/4-glava.html. (In Russ.).

Dragomoshchenko, A. Kitayskoye solntse. In: *Vavilon*. Available at: http://www.vavilon.ru/texts/dragomot2.html. (In Russ.).

Eliot Tomas Sternz. In: *Vikipediya: elektronnaya entsiklopediya.* Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Eliot,_Tomas_Sternz. (In Russ.).

Iz klassiki. In: *Stranger in a Strange Land: zapisi v Zhivom Zhurnale.* Available at: https://marquis-the-cat.livejournal.com/42137.html. (In Russ.).

Kalpidi, V. O. (2019). *Filosofiya poezii.* Chelyabinsk: Izdatelstvo Mariny Volkovoy. (In Russ.).

Kendall, R. (2001). *Penetration.* Available at: http://www.eastgate.com/Penetration/penetration.htm.

Kollektsiyu Rostropovicha-Vishnevskoy vykupil Alisher Usmanov. (2007) In: *Rossiyskaya gazeta.* 17 sentyabrya. Available at: https://rg.ru/2007/09/17/usmanov-kollekcia-anons.html. (In Russ.).

Larsen, D. (2001). *Ghost Moons.* Available at: http://www.deenalarsen.net/kanjis/tsuki/index.html.

Levin, A. *Zapiski lenivogo chitatelya.* Available at: http://www.levin.rinet.ru/TEXTS/teneta2000-hyper.htm. (In Russ.).

Lugovoy, A. (2007). V ubiystve Litvinenko zameshany britanskiye spetssluzhby i Berezovskiy. In: *Komsomolskaya pravda.* 31 maya. Available at: https://www.omsk.kp.ru/daily/23911/68057/. (In Russ.).

Lysenko, K. *Alkogolnyy dzhaz.* Available at: https://kamilla-lysenko.livejournal.com/13482.html. (In Russ.).

Lysenko, K. (2019). *V malenkoy komnate: Interaktivnaya kniga poezii.* [b. m.]: Izdatelskiye resheniya. (In Russ.).

Natorgovali. (2007). In: *Lenta. Ru: internet-gazeta.* 25 dekabrya. Available at: https://lenta.ru/articles/2007/12/25/trade/. (In Russ.).

Parshchikov, A. *Otryvok iz ...* Available at: http://mv74.ru/kalpidy/aleksej-parshikov.html. (In Russ.).

Rodin, M. (2016). Mezhdu fizikoy i lirikoy: o novykh formakh poezii. In: *Diskurs: elektronnyy zhurnal.* 2 iyunya. Available at: https://discours.io/articles/theory/mezhdu-fizikoy-i-lirikoy-o-novyh-formah-poezii. (In Russ.).

Rydkin 1 — Rydkin, Yu. (2018). Giperssylochnyy brass. In: *Polutona: zhurnal.* 15 fevralya. Available at: https://polutona.ru/?show=0622172919. (In Russ.).

Rydkin 2 — Rydkin, Yu. (2016). Giperssylochnyye teksty. In: *Polutona: zhurnal.* 26 maya. Available at: https://polutona.ru/?show=0508001141. (In Russ.).

Rydkin 3 — Rydkin, Yu. (2016). Giperssylochnyy palimpsest. In: *Polutona: zhurnal.* 28 avgusta. Available at: https://polutona.ru/?show=0717011227. (In Russ.).

Rydkin 4 — Rydkin, Yu. (2016). Kolossalnaya prostota. In: *Textura club: sayt.* 18 yanvarya. Available at: http://textura.club/kolossalnaya-prostota/. (In Russ.).

Rydkin 5 — Rydkin, Yu. (2016). Manifest giperssylochnoy poezii. In: *Sigma: elektronnyy zhurnal.* 23 iyulya. Available at: https://syg.ma/@rydkin/manifiest-gipierssylochnoi-poezii. (In Russ.).

Sarayev, A., Karapetyan, R. *Vvedeniye v HyperPoem Markup Language, yazyk giperpoeticheskoy razmetki.* Available at: http://igri-uma.ru/forum/index.php?showtopic=3782. (In Russ.).

Skirda 1 — Skirda, V. (2010). Giperstikh — Giperstikh: formulirovka kontsepta. In: *Intuitiv: Zhurnal giperstikhov, prolazmov i kontseptov Skirda Vadima Mikhaylovicha.* 3 aprelya. Available at: https://intuitive-s.livejournal.com/10076.html. (In Russ.).

Skirda 2 — Skirda, V. (2016). Dzhallo. In: *Intuitiv: Zhurnal giperstikhov, prolazmov i kontseptov Skirda Vadima Mikhaylovicha.* 31 oktyabrya. Available at: https://intuitive-s.livejournal.com/125285.html. (In Russ.).

Skirda 3 — Skirda, V. (2016). Zov. In: *Intuitiv: Zhurnal giperstikhov, prolazmov i kontseptov Skirda Vadima Mikhaylovicha.* 21 oktyabrya. Available at: https://intuitive-s.livejournal.com/124099.html. (In Russ.).

Skirda 4 — Skirda, V. (2010). El'-Inferno. In: *Intuitiv: Zhurnal giperstikhov, prolazmov i kontseptov Skirda Vadima Mikhaylovicha.* 27 oktyabrya. Available at: https://intuitive-s.livejournal.com/46418.html. (In Russ.).

Starobinskiy, A. *Inflyatsionnaya stadiya ranney Vselennoy.* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=zJ8VFdDgXRQ. (In Russ.).

Telekanal «Zvezda». Ofitsialnyy sayt. Available at: https://tvzvezda.ru/?id=12484?id=12484. (In Russ.).

The Love Song of J. Alfred Prufrock. In: *Poetry foundation.* Available at: https://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/poems/44212/the-love-song-of-j-alfred-prufrock.

References

Arutyunova, N. D. (1982). Lingvisticheskiye problemy referentsii. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vypusk XIII Logika i lingvistika (Problemy referentsii)*. Moskva: Raduga». Available at: https://classes.ru/grammar/157.new-in-linguistics-13/source/worddocuments/xiii.htm. (In Russ.).

Biryukov, S. E. (2004). O strategiyakh. In: *Poetika iskaniy, ili Poisk poetiki. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii-festivalya «Poeticheskiy yazyk rubezha X—XI veka i sovremennyye literaturnyye strategii».* Moskva: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. 189—197. (In Russ.).

Chernyavskaya, V. E. (2017). *Tekst v medialnom prostranstve: uchebnoye posobiye.* Moskva: LENARD. (In Russ.).

Dedova, O. V. (2008). *Teoriya giperteksta i gipertekstovyye praktiki v Runete*. Moskva: MAKS Press. (In Russ.).

Fateyeva, N., Parshin, P. Intertekstualnost'. In: *Elektronnaya entsiklopediya «Krugosvet»*. Available at: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html (In Russ.).

Kameneva, V. A., Surina, V. N. (2013). Tipologiya giperssylok. In: *Gipertekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya: Materialy III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 20 iyunya 2013.* Samara: PGSGA. 71—79. (In Russ.).

Klochkova, E. S. (2008). Povtor kak sredstvo sozdaniya referentsialnoy struktury giperteksta. *Vestnik SamGU, 4 (63):* 46—54. (In Russ.).

Klochkova, E. S. (2009). *Lingvopragmaticheskiye osobennosti elektronnogo giperteksta na nemetskom yazyke: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk.* Samara. (In Russ.).

Kuchina, S. A. (2018). Rol' polikodovykh komponentov v strukture i semantike elektronnykh khudozhestvennykh gipertekstov i gipermedia. *Filologiya i kultura, 1 (51):* 93—100. (In Russ.).

LES — *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'.* (1990). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).

Mineyeva, M. V. (2017). *Lingvisticheskiy gipertekst kak sposob dekodirovaniya informatsii: monografiya.* Chelyabinsk: Iskra-profi. (In Russ.).

Nosovets, S. G. (2011). Gipertekstovyye ssylki v internet-smi: opyt tipologicheskoy kharakteristiki. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye, 55 / 17 (232):* 127—131. (In Russ.).

Revzina, O. G. (1990). Ot stikhotvornoy rechi k poeticheskomu idiolektu. In: *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Poeticheskiy yazyk i idiostil': Obshchiye voprosy. Zvukovaya organizatsiya teksta*. Moskva: Nauka. 27—46. (In Russ.).

Rosario, G. Di. (2011). *Electronic Poetry. Understanding Poetry in the Digital Environment.* Jyväskylä: Jyväskylä University Printing House.

Ryazantseva, T. I. (2008). *Teoriya i praktika raboty s gipertekstom (na materiale angliyskogo yazyka): uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy.* Moskva: Izdatelskiy tsentr «Akademiya». (In Russ.).

Stroykov, S. A. (2010). Osnovnyye ponyatiya lingvisticheskoy kontseptsii elektronnogo leksikograficheskogo giperteksta. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, 12, 5 (3).* Samara: Izdatelstvo SNTs RAN. 808—811. (In Russ.).

Stroykov, S. A. (2019). Kompleksnoye lingvisticheskoye issledovaniye gipertekstovoy ssylki elektronnogo giperteksta. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta, 4 (91):* 99—112. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-4-91-10. (In Russ.).

Shelkovich, M. V. (2014). Funktsiya gomerovskikh i dantovskikh allyuziy v «Lyubovnoy pesne Dzh. Alfreda Prufroka» T. S. Eliota. *Vestnik PSTGU: Filologiya, 4 (39):* 82—95. (In Russ.).

Nelson, T. N. (1981). *Literary Machines: The Report On, and Of, Project Xanadu Concerning Word Processing, Electronic Publishing, Hypertext, Thinkertoys, Tomorrows Intellectual Revolution, and Certain Other Topics Including Knowledge, Education and Freedom.* Sausalito, California: Mindful Press.

Белов В. А. Семантические исследования организации и функционирования ментального лексикона / В. А. Белов // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 29—51. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-29-51.

Belov, V. A. (2020). Semantic Studies of Organisation and Functioning of Mental Lexicon. *Nauchnyi dialog, 8:* 29-51. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-29-51. (In Russ.).

УДК 81’37
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-29-51

Семантические исследования организации и функционирования ментального лексикона[1]

© **Белов Вадим Алексеевич (2020),** orcid.org/0000-0002-4173-2000, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры германской филологии и межкультурных коммуникаций, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Череповецкий государственный университет» (Череповец, Россия), belov.vadim.a@gmail.com.

В обзорной статье рассматриваются ключевые проблемы семантической организации ментального лексикона. Он понимается как динамическая, когнитивно организованная семантическая сеть лексических единиц. В работе представлена характеристика основных моделей семантической организации ментального лексикона, выделены преимущества и недостатки каждого подхода. Отмечается, что в настоящее время наиболее активно развиваются коннекционистские модели. Среди них выделены следующие: сеть малого мира, которая рассматривает определенный фрагмент лексикона; тезаурусные модели, объединяющие все единицы лексикона; и вычислительно-дистрибутивные модели, выстраивающие взаимоотношения между большим количеством единиц на основе корпусных данных о совместном употреблении. Анализируются источники получения сведений об организации ментального лексикона, среди которых ведущее положение занимают результаты ассоциативных экспериментов и прайминга. Выявлено, что проводятся также исследования интуитивных оценок испытуемыми сходства слов, осуществляется анализ непреднамеренных речевых ошибок, применяются нейропсихологические технологии для изучения ментального лексикона. Отдельно обсуждается проблема семантических отношений в ментальном лексиконе, для описания которых применяется «пространственная» метафора: семантическая близость рассматривается как расстояние или вектор.

Ключевые слова: ментальный лексикон; значение слова; семантическая близость; семантические связи.

1. Введение

В современных исследованиях ментальный лексикон (далее — МЛ), то есть внутренний словарь человека, понимается как сложноорганизованная сеть (network).

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-112-50367 «Семантические исследования организации и функционирования ментального лексикона».

Для современной лингвистики характерно усиление лексикализма, согласно которому лексикон является центром языковой способности человека. Этот подход постепенно сменяет генеративную парадигму, где доминирующая роль отводится грамматике. Рост количества работ по МЛ также связан с расширением исследовательского инструментария.

Активный исследовательский интерес привел к появлению разнообразных моделей МЛ, которые по-разному описывают, как в нем хранятся и функционируют слова. Отличия МЛ от обычного словаря касаются содержания, принципов организации и механизмов поиска. Так, слова в большинстве бумажных словарей организованы по алфавиту, а в МЛ они могут быть структурированы на основе множества принципов, в том числе фонетических, семантических и ассоциативных [Aitchison, 2012], благодаря чему поиск слова в МЛ осуществляется предельно быстро. При этом МЛ хранит значительно больше информации о слове, чем любой печатный словарь. Наконец, МЛ — чрезвычайно динамичная сеть.

В ментальном лексиконе представлены фонологические, морфологические, семантические подсистемы (сети). Настоящая работа посвящена описанию зарубежных исследований семантической организации МЛ, центральным объектом которой является семантическая сеть (семантический компонент лексикона или семантическая память), где хранится информация о семантических категориях и значении слов [McRae et al., 2013].

2. Модели семантической организации ментального лексикона

В когнитивных науках разработано достаточно большое количество подходов к пониманию МЛ. Один из первых принадлежит британскому ученому Дж. Мортону [Morton, 1982], им предложена л о г о г е н н а я модель, основная идея которой заключается в том, что у каждого слова в МЛ есть логоген — целостное образование, включающее в себя фонетическую и вероятностную информацию о слове. Достоинством модели является учет информации о частотности и вероятности появления единицы в определенных типах текста; представленные свойства в большей степени ориентированы на восприятие речи. У высокочастотных слов ниже порог распознавания. Однако эта модель не согласуется с полученными эмпирическими данными о восприятии речи, к тому же она не разграничивает устную и письменную речь.

На основе другого подхода разработана к о г о р т н а я модель, которая базируется на механизме постепенного подбора кандидатов, подходящих по фонетическим признакам. Этот подход реализует, в частности, американский нейробиолог У. Марслен-Уилсон [Marslen-Wilson, 1999]. Процесс

распознавания языковой единицы предполагает существование «точки уникальности», которая отличает конкретное слово от других представителей когорты. В работе британского исследователя Д. Синглтона [Singleton, 1999] механизм модели иллюстрируется на примере слова *elephant* [‘elifənt]: его когорта включает в себя слова с начальным фонетическим компонентом [‘eli]: *elevate*, *element*. Точкой уникальности для этого примера является звук [f] в слове *elephant*, так как другие слова когорты его не имеют. Как показали экспериментальные исследования [Wurm et al., 2006], время восприятия слова меньше, если точка уникальности находится в его начале. Также учитывается влияние на распознавание контекстуального содержания: члены когорты, которые не подходят по смыслу, отбрасываются. Критические замечания, высказанные в работе [Aitchison, 2012], связаны с тем, что, во-первых, в модели происходит активация большего количества слов, что тормозит распознавание речи; во-вторых, носитель языка использует всю возможную информацию, чтобы распознать слово быстро; в-третьих, модель не учитывает случаев, когда начало слово было произнесено искаженно.

Следующий подход породил модель серийного поиска, предложенную американским ученым К. Форстером [Forster, 2006], который использует аналогию с поиском в библиотеке. Когда нужно найти книгу, человек обладает частью информации о ней (знает, например, название или автора), поэтому ищет отсутствующие сведения в каталоге и после приступает к поиску самой книги. При поиске слова в МЛ носитель языка поступает аналогичным образом: он исходит из имеющейся в ситуации информации и запускает поиск в «каталоге». Механизм поиска предполагает переход с одного уровня (например, фонетического) на другой. Критика модели связана с тем, что она предполагает автономный процесс обработки первоначальной сенсорной информации без влияния контекста и не учитывает неязыковые факторы.

В модели В. Левельта, голландского психолингвиста, директора-основателя Института психолингвистики Макса Планка, в МЛ соединяются лексика, грамматика и фонетика [Levelt, 1989]. Механизм функционирования лексикона включает два основных компонента: декларативный компонент («знания что»), включающий в себя знания о фактах, и процессуальный компонент («знания как») с информацией о языковых действиях. Декларативный компонент содержит информацию о мире, ситуативные и дискурсивные знания о подходящем стиле и жанре. Процессуальный компонент содержит процедуры порождения и восприятия речи. Подход способствовал развитию коннекционистских моделей, так как МЛ в их

рамках рассматривается как посредник между лексической и грамматической информацией. Однако данная модель ориентирована прежде всего на порождение речи, также вызывает вопросы автономность указанных типов информации [Singleton, 1999].

В генеративной лингвистике предполагается, что существует языковой модуль, который функционирует независимо от других условий. За человеческий язык, по мнению американского философа и когнитивного лингвиста Дж. Фодора, отвечает отдельный модуль, локализованный в определенной области мозга [Fodor, 1983], хотя существуют связи между модулями. МЛ представляет собой граф, где лексические единицы являются узлами, связанными с другими узлами сети. У связанных узлов ниже порог возбуждения, поэтому требуется меньше времени для их активации. Контекстуальная информация не играет решающей роли в работе модуля и активируется только после завершения функционирования языкового модуля. Критика модели связана с ограниченным участием семантической и прагматической информации.

Модулярную модель развил американский лингвист, занимающийся одновременно генеративной и когнитивной лингвистикой, Р. Джекендофф [Jackendoff, 2000], который особую роль отводил посредническим модулям. Он выделил два типа: интегративные модули (отвечают за связь уровней представления) и интерфейсные модули (осуществляют обработку информации). Восприятие начинается с обработки слуховой информации с помощью интерфейса специального модуля, далее информация передается в интегративные модули для создания семантического и синтаксического представления.

Несмотря на критику модулярного подхода, его сторонники находят новые аргументы в поддержку идеи об отдельности лексикона, который хранит значения слов и слабо связан с грамматическими правилами. Так, изучение нейрогенеративных расстройств показало, что за лексикон и грамматику отвечают разные участки мозга. Доказательством этого является тот факт, что люди, страдающие болезнью Альцгеймера, при употреблении английских неправильных глаголов допускают значительно больше ошибок, чем при использовании правильных глаголов; напротив, пациенты с болезнью Паркинсона чаще допускают ошибки с правильными глаголами [Ullman et al., 1997]. Похожие выводы были получены в ходе работы с пациентами, имеющими разные типы афазии [Ullman et al., 2005]. Обсуждаемые модели предполагают существование нескольких типов лексикона (лексического, грамматического и фонологического). Достоинством модулярного подхода является возможность объяснения спецификации определенных участков

мозга. Вместе с тем большинство эмпирических исследований опровергает модульную организацию когнитивных функций.

Коннекционистские (параллельные) модели, разработанные в рамках одноименного подхода, предполагают протекание нескольких процессов одновременно: разные части информации обрабатываются в одно и то же время (параллельно), на различных уровнях, независимо друг от друга. Процессы обработки языковой информации предполагают высокую степень интерактивности, в том числе за счет взаимодействия фонетической и семантической информации. Процессы обработки и поиска информации не сконцентрированы в отдельном модуле, а распределены по нейронной (семантической) сети. МЛ интегрирует разные типы информации. Например, в интерактивной модели активации (The Interactive Activation Model), предложенной американскими учеными Дж. МакКлелландом и Д. Румельхартом [McClelland et al., 1981], Trace [McClelland et al., 1986], и модели шортлиста (Shortlist Model) [Norris, 1994] описывается процесс восприятия, все уровни которого функционируют параллельно и взаимодействуют друг с другом.

Для описания функционирования лексикона используется метафора мозга: семантическая организация ментального лексикона изоморфна физиологическому строению мозга. Структуры мозга объединены синаптическими связями, которые определяют активацию слов. Мозговые сигналы могут быть возбуждающими и тормозящими, а распространение активации является двунаправленным («вперед» и «назад»). Обучение представляет собой укрепление определенных ассоциаций. Коннекционистский подход получил признание благодаря эмпирическим данным о семантической организации мозга. Так, с физиологической точки зрения не существует четкой привязанности сложных языковых функций к определенным участкам мозга. При этом данная модель противоречит серийной и модульной моделям лексикона, где операции представляются осуществляемыми последовательно друг за другом. К коннекционистским моделям можно также отнести интегративные подходы и модели, отрицающие существование лексикона.

Интегративные модели лексикона используют достижения разных (иногда противоречащих друг другу) моделей. Это возможно потому, что МЛ — сложная сеть, которая может работать на основе различных механизмов. Информация в лексиконе может дублироваться, храниться в нескольких местах, как отмечает в своем труде британский ученый П. Скехан [Skehan, 1998]. В работе другой английской исследовательницы в области языка и коммуникации Э. Рэй [Wray, 2002] предложена двоичная модель, в рамках которой языковые процессы функционируют целостно и анали-

тически одновременно. В МЛ хранятся как сочетания слов (идиомы, текстовые фрагменты) целостно, так и компоненты по отдельности. Модель отвергает принцип экономии хранения информации.

Высказывается также точка зрения, отрицающая существование МЛ. Подобные модели развиваются в рамках коннекционистского подхода к МЛ: вся информация разных уровней интегрируется и взаимодействует в одной сети. Согласно концепции итальянского ученого А. Карамацца [Caramazza, 1996], МЛ не включает фонологическую и семантическую информацию, но он интегрирует эти сведения, поэтому МЛ является интерфейсом этих уровней. Семантические узлы (node) напрямую связаны с орфографической, фонетической информацией и синтаксическими признаками. В работе [McClelland et al., 1989] обосновывается, что лексическое представление не хранится в лексиконе в определенном месте, информация распределена по сети, поэтому возможна активация информации различного уровня в сети. Дж. Эванс рассматривает слова как стимулы, действующие на психическое состояние (mental states) человека и «вызывающие» значение. Он выступает против общепринятого взгляда на МЛ, который, развиваясь под влиянием словарной метафоры, предполагает, что слово как единица лексикона обладает набором семантических, синтаксических и фонетических свойств [Elman, 2004]. Слово функционирует как стимул (ключ), который активирует определенные связи и узлы. МЛ — динамическая сеть, а значения слов определяются контекстом. Такая модель подтверждается исследованиями, которые показывают, что лексические представления включают большое количество информации — семантической, синтаксической, прагматической, событийной, внеязыковой.

Для коннекционистских подходов характерно признание того, что МЛ, как уже говорилось выше, интегрирует информацию разного уровня; подобные подходы вызваны усилением лексикализма в лингвистике.

Среди современных моделей, разработка которых начата еще в 1980-х годах, можно выделить модель сети малого мира (the Small World Network), рассматривающую семантические отношения в отдельных участках лексикона: в парах, отдельных категориях (семантических полях, синонимических отношениях и пр.) (см., например, [McRae et al., 2005]). Модель представляет МЛ как сеть, которая состоит из множества субкластеров, объединенных связями.

Идея модели высказана в работе [Collins et al., 1969], где лексикон рассматривается как иерархически организованная система, подобная дереву. Такая структура характерна для определенной части лексики (например, для названий животных), представляющей небольшой фрагмент действи-

тельности (см. работы [Collins et al., 1969; Sloman, 1998]). Ассоциативные эксперименты показывают, что крупномасштабные фрагменты в меньшей степени структурированы [Anderson, 2000]. Согласно этой модели небольшое количество слов объединены сильной связью, а семантические расстояния между ними короткие [Watts et al., 1998]. При этом ассоциативные и семантические связи выходят за пределы ограниченного фрагмента действительности. Например, по данным Русского ассоциативного словаря, большая часть связей слова *лошадь* сформирована в рамках одного семантического поля «названия животных»: *конь, корова, кобыла* и пр. Однако на стимул представлены реакции другого семантического поля: *телега, карета* — ‘название средств передвижения’. В этой модели подробно описывается, как новое понятие встраивается в существующую систему. Новые единицы, обладающие большим количеством отличий от существующих понятий и имеющие большое количество связей, лучше закрепляются в языке [Steyversa et al., 2005a]. Поясним это на примере синонимических рядов, которые представляют определенный фрагмент действительности. Неологизмы в процессе адаптации приобретают семантические отличия и входят в существующие синонимические ряды, занимая субдоминантное положение. Например, англицизм *паркинг* приобрел семантические отличия от существующих синонимов *стоянка, парковка*, которые связаны с обозначением здания или части здания для временного хранения транспорта. Существующие синонимы оказываются шире по значению.

Таким образом, модель малого мира позволяет описать организацию семантических отношений в пределах отдельного фрагмента действительности; реализация модели может быть выражена в представлении организации семантического поля, лексико-семантической группы, синонимического ряда. Однако она не способна дать целостное описание лексикона со всеми существующими связями.

Преимуществом «тезаурусных» моделей МЛ являются комплексность и способность охватить весь лексикон. Значение слова представляется как набор определенных связей, который не предполагает наличие толкования; такой подход к значению противопоставлен металингвистическому (компонентному) подходу, который требует использования семантически простых компонентов для толкования лексем. Среди подобных проектов наиболее распространенный — проект «WordNet», предложенный коллективом под руководством Дж. Миллера, американского психолога, основоположника когнитивной психологии. Цель проекта — создать лексическую систему английского языка в соответствии с психолингвистическими представлениями об организации человеческой памяти

[Miller et al., 1988]. Для многих языков были сделаны аналоги WordNet. К сожалению, только небольшая часть лексики изучена с психолингвистической точки зрения, что создает определенные проблемы для разработчиков. В основу архитектуры системы положены результаты ассоциативных экспериментов, поэтому значение представляется ассоциативно через наиболее значимые для носителя языка семантические отношения: синонимию, гипонимию, гиперонимию, меронимию.

Базовым типом отношений в WordNet является синонимия; синонимы объединены в синсеты (synsets), каждый из которых представляет один концепт. Многозначные слова входят в несколько синсетов. Синсеты связаны между собой парадигматическими отношениями, характер которых зависит от принадлежности к части речи. Существительные и глаголы организованы иерархически, а прилагательные — неиерархически. Иерархичность существительных обеспечивается гипонимическими / гиперонимическими, меронимическими отношениями, поэтому все существительные входят в определенный класс. В качестве наиболее общих названий выбрано 25 категорий — «Животные», «Отношения», «Вещество» и др. Иерархическая организация основана на наличии общих признаков в значении.

К недостаткам WordNet можно отнести возможную оторванность модели от эмпирических данных: как показано в [Deyne et al., 2016a], реальный лексикон организован по иным принципам. Критические замечания также связаны с тем, что не все существующие семантические отношения отображены в WordNet. Обоснование выбора типа отношений для базы данных вызывает вопросы у критиков [Murphy, 2002]. Представленная структура по сути повторяет известные в традиционной лингвистике отношения. Так, ассоциативно значимыми оказываются связи между словами *ракетка, мяч, сетка*, но они не отображаются в WordNet. Еще одна проблема WordNet заключается в том, что система не различает отношения между словами и отдельными значениями (лексико-семантическими вариантами).

С развитием информационных систем распространение получает направление, использующее достижения вычислительных технологий и анализирующее большие корпуса. В рамках такого направления семантические связи устанавливаются с помощью регистрации употреблений слова в одинаковых и схожих контекстах. Наиболее известная модель в этом направлении, разрабатываемая такими учеными, как Т. Ландауэр, С. Дирвестер, Т. Роджерс, называется скрытый семантический анализ (Latent semantic analysis) [Landauer et al., 1997]. В этом случае с помощью анализа контекстуальной информации выявляется организация семантической памяти (семантического пространства) с учетом связей между

лексическими единицами [Rogers, 2010]. Данный подход использует способ получения информации о контекстной заменяемости слов в большом количестве текстов, который позволяет создать вычислительную модель для выявления латентных связей между словами. Этот метод применяется при индексации документов, поиска важной информации и ключевых слов [Deerwester et al., 1990]. Языковая обоснованность подхода связана с тем, что он отражает прочитанное и услышанное человеком и показывает, как под влиянием языкового окружения формируются семантические связи слов [Landauer et al., 1997].

Возможны два подхода к определению семантической связанности: во-первых, установление контекстов, где слова могут употребляться вместе; во-вторых, поиск одинаковых контекстов, в которых слова употребляются (при этом слова сами слова могут не употребляться вместе). Так, слова *утконос, опоссум, сумчатые, млекопитающее* оказываются семантически связанными, потому что встречаются в одинаковых контекстах.

Модель успешно работает с полисемией и синонимией. Благодаря анализу контекстов, характерных для реализации определенного значения, можно понять, какое значение многозначного слова представлено в тексте. Подход выявляет контексты, где преимущественно употребляется определенный синоним. Также с помощью этого подхода анализируются разные типы ассоциативных связей (см. работу [Budanitsky et al., 2001; Turney, 2001]). Так, модель позволяет установить различия между словами, которые связаны семантически и ассоциативно (semantically associated) (*пчела — мед*), и словами, которые семантически похожи (semantically similar) (*лошадь — пони*).

Критика подхода связана с тем, что семантически связанные слова (которые активируются в лексиконе совместно) могут не употребляться вместе в контексте [Deyne et al., 2016]. Полученные связи часто не отображают ассоциативные связи, регистрируемые в ходе ассоциативных экспериментов [Deyne et al., 2015]. Например, наиболее частотной ассоциативной реакцией на стимул *банан* оказывается слово *вкусный* (по данным Русского ассоциативного словаря), однако эти слова редко встречаются в одинаковых контекстах: в Национальном корпусе русского языка отмечается только 1 пример. Также ассоциативные связи могут быть вызваны неязыковыми причинами: социально значимым событием или прецедентным текстом, однако это не регистрируется в подобных моделях.

Одна из самых авторитетных моделей МЛ — модель распространяющейся активации (spreading activation), которая концентрируется на проблеме семантического расстояния. Сегодня изуче-

нием модели занимаются ученые в разных странах, в том числе США, Испании, Австралии. В работе американского когнитивиста А. Коллинза [Collins et al., 1969] показано, что активация одного слова приводит к активизации связанных слов. Слова в семантической памяти организованы на основании сходства их значения: чем оно больше, тем более тесно они связаны [Borge-Holthoefer et al., 2010]. Связи между словами различаются силой, что выражается в скорости активации соседнего узла. Сила связи определяется частотой реакций испытуемых на определенный стимул в условиях ассоциативного эксперимента. Сильная связь фиксируется у ассоциатов, которые являются наиболее распространенными реакциями на стимул. Модель объясняет эффект прайминга (см. ниже). Она рассматривает отношения между словами со слабой семантической связью, не имеющими между собой прямых связей [Deyne et al., 2016]. Для представления связей слов используются графы, каждый из которых представляет слово или кластер слов.

3. Источники данных о семантической организации МЛ

Теоретические подходы к МЛ часто определяются имеющимися источниками сведений о семантической организации ментального лексикона. Обобщая разные подходы, можно выделить несколько ключевых источников: результаты ассоциативных экспериментов, прайминга, анализ языковых ошибок, интуитивные представления носителей языка о семантической близости слов, данные о контекстуальном употреблении слов и нейролингвистические исследования.

Большое количество работ опирается на результаты ассоциативных экспериментов и прайминга. Ассоциативные связи являются прямым способом получения информации об организации семантических связей, психических процессов в МЛ [Nelson et al., 2004; Mollin, 2009]. Прежде всего, анализ ассоциативных связей слов показывает, что МЛ представляет собой сеть, содержащую узлы, кластеры. В развитии и расширении ассоциативной сети особую роль играют частотность и время освоения понятия [Steyvers et al., 2005a].

Существует дискуссия, какие виды отношений в лексиконе представляют ассоциативные реакции. В большинстве исследований доказывается, что доминирующий тип связей, которые представляют ассоциативные реакции, — тематические [Deyne et al., 2008]. Ассоциативно связанными оказываются разные типы семантических отношений: синонимические, тематические, таксонимические, контекстуальные отношения и другие. Ассоциативные связи вызваны несколькими причинами: во-первых, принадлежностью к одной семантической категории (семантическому полю,

синонимии; примером в русском языке может стать пара *автомобиль — поезд*), во-вторых, встречаемостью в общем контексте (ситуации) (например, в русском языке *автомобиль — дорога*), в-третьих, причинно-следственными связями (*огонь — курение*), в-четвертых, инструментальными отношениями (*метла — пол*) [Borge-Holthoefer et al., 2010].

Еще одна обсуждаемая проблема касается определения наиболее распространенных реакций в ассоциативном эксперименте. Первоначально учитывались только первые, наиболее частотные реакции (primary response) на стимул. Например, на стимул *судьба* наиболее частотной реакцией оказывается слово *человек* (по данным Русского ассоциативного словаря). Однако другие реакции *рок, жизнь, злодейка, неизбежность* также интересны для семантического анализа и позволяют построить сеть связей слов в лексиконе. Их характер зависит от индивидуальных особенностей носителя языка.

Метод прайминга используют для определения семантического расстояния в лексиконе, он показывает зависимость скорости и точности реакции от предшествующего контекста и стимула [Jones et al., 2012]. Испытуемый получает задание определить, является ли предъявленная ему цепочка букв (звуков) реальным словом. При этом перед предъявлением основного стимула, который называется целью (target word), участнику эксперимента предлагается прайминг (prime word). Например, после предъявления прайминга *лошадь* испытуемый значительно быстрее узнает целевые слова — синонимы (*кляча*) и семантически связанные слова (*кобыла, мерин*). Степень семантической и ассоциативной связи прайминга и цели определяет скорость реакции испытуемого, таким образом, эффект прайминга коррелирует с семантическим расстоянием между стимулами [Lerner et al., 2014]. В современных исследованиях в качестве прайминга выступает не только отдельное слово, но и целые высказывания (см., например, [Camblin et al., 2007]).

Для исследования может использоваться оценка семантической близости слов носителями языка. Такая методика применяется в работе [Deyne et al., 2016], где испытуемым предъявлялись три слова и предлагалось задание указать, какие два слова наиболее связаны. Носители языка имеют интуитивную систему сравнения, которая позволяет определить семантическую общность значений слов. Результаты исследования показали высокую степень согласия в выборе связанных пар, что подтверждает наличие подобной интуитивной способности у носителя языка.

Обращение к интуиции осуществляется также в проекте признакового описания семантической общности (Feature Production

Norms description), который опирается на результаты эксперимента с носителями языка [McRae et al., 2005] и направлен на выявление типичных, устойчивых признаков («норм») слов. В ходе эксперимента испытуемым предъявляли слова и просили их сообщить признаки, которые оказываются важными для слова. Полученные признаки могут касаться цвета, строения, нахождения, способа использования, носителя действия и др. Например, для стимула *лось* даны реакции: *большой; имеет рога; на него охотятся люди; животное*. Полученные реакции рассматриваются как нормы, потому что такие характеристики систематически сопровождают эти слова.

Большинство признаков являются дифференцирующими, позволяющими различать слова, так как они занимают привилегированное положение в семантической памяти [Cree et al., 2003]. Сравнение набора признаков понятий позволяет рассчитать семантическую близость слов: семантически близкие слова имеют схожий набор признаков.

По сравнению с ассоциативными нормами, которые представляют разные типы отношений, признаковые нормы ориентированы на семантические отношения. Так, на стимул *мышь* наиболее частотной ассоциативной реакцией является *сыр*; при этом стимул и реакция не имеют общих признаков.

Непреднамеренные речевые ошибки (slips of the tongue; speech errors) стали предметом лингвистического анализа еще в XIX веке. Речевая ошибка — «непреднамеренное, непривычное отклонение от плана речи» [Dell, 1986, с. 284]; подобная ошибка должна быть устранена, то есть говорящий в других условиях может заметить ее и исправить [Poulisse, 1999]. Анализ речевых ошибок может стать базой для построения и проверки гипотез об организации МЛ. На основе анализа ошибок создана модель В. Левельта.

В результате ошибки происходит словесная замена, когда вместо нужного слова используется другое или слово с определенными искажениями. Замена состоит из слова-ошибки (которое было использовано говорящим) и слова-цели (которое хотел сказать говорящий). Среди типов ошибок можно выделить замены (например, **гам гитары* (*там гитара*)), обмен (**глазный гряз* (*грязный глаз*)), сохранение (preservation) (**там титара*) (*там гитара*), семантическую подмену (substitution) (**коробка слишком маленькая* (*коробка слишком большая*)) и другие. Анализ примеров показывает, что ошибки реализуют разные семантические (антонимические, синонимические и др.), грамматические и фонетические отношения. См. подробно в [Poulisse, 1999].

Например, в работе [Burke et al., 2004] благодаря обращению к явлению «на кончике языка» («вертится на языке»; tip-of-the-tongue) доказыва-

ется разграничение семантической и фонологической / орфографической информации: в этом случае семантическое представление слова активировано, но фонологическая / орфографическая репрезентация активирована лишь частично.

Современное исследование ошибок осуществляется по двум основным направлениям: изучение ошибок носителей языка и анализ ошибок билингвов. Также используется эксперимент, где испытуемым предъявляются пары слов, одно из которых содержит ошибку. Возможны задания, которые намеренно провоцируют ошибки у носителей языка; например, участникам эксперимента предъявляются фонетически похожие слова для того, чтобы повысить вероятность ошибочного произнесения целевого слова.

Наконец, все большее распространение получают исследования МЛ с использованием современных нейропсихологических технологий (магнитно-резонансная томография и др.). Большинство работ в данном направлении ориентированы на изучение локализации языковых функций [Poeppel et al., 2012].

Значительная часть исследований касается мозговой асимметрии мозга. Традиционно считалось, что языковые функции локализованы в левом полушарии, в настоящее время доказано, что для полноценного использования языка необходима работа двух полушарий. С лексической точки зрения правое полушарие отвечает за использование нелитературных слов, употребление слов в переносном, метафорическом значении и в целом за формирование контекстного, дискурсивного значения и построение текста и дискурса (см. обзор работ [Federmeier et al., 2008]).

Многочисленные эмпирические исследования показывают противоречивые результаты полушарной локализации, поэтому сложно однозначно определить, какое полушарие отвечает за семантические и ассоциативные связи в МЛ. Обобщая исследования в этой области, можно выделить ключевые гипотезы. Во-первых — гипотезу «грубого кодирования», согласно которой семантическая активация является узкой и сильной в левом полушарии, а в правом полушарии — широкой, но более слабой [Bouaffre et al., 2007]. В правом полушарии оказываются наиболее активизированными общекатегориальные связи (типа *собака — козел*, где оба слова относятся к одному семантическому полю). Во-вторых — гипотезу, представленную в работе [Deacon, 2004], согласно которой полушария используют принципиально разные семантические представления: в левом семантическая обработка является целостной и задействует ассоциативные связи по принципу распространяющейся активации. В правом полушарии используются дистрибутивные связи, основанные на признаках представления.

Эта гипотеза в целом противоречит принятым в отечественной нейролингвистике представлениям о мозговой асимметрии языковых функций (см. [Деглин, и др. 1983]). В-третьих, существует гипотеза, что в полушариях мозга реализуются разные принципы организации контекстуальной (синтаксической) информации [Federmeier, 2007]. Полушария по-разному обрабатывают контекстуальную информацию: левое полушарие связано с предикативной и предсказывающей функцией, а правое полушарие специализируется на интегративной функции. Так, за формирование связности и цельности, создание прагматической значимости текста отвечает правое полушарие. Соответственно, категориальные ассоциативные связи, связанные с предсказуемостью и предикативностью речи, локализованы в левом полушарии. Ассоциативные связи, не обладающие категориальной общностью, оказываются непредсказуемы, за них в большей степени отвечает правое полушарие.

Таким образом, в современных нейролингвистических исследованиях отмечается, что оба полушария участвуют в работе МЛ. Однако семантическую информацию они обрабатывают различно, работая параллельно и одновременно, что позволяет быстро осуществлять сложные языковые операции. Очевидно, что нейролингвистические исследования полушарий необходимо продолжать, так как полученные на сегодняшний день результаты противоречивы. Регистрируемые противоречия могут быть связаны с индивидуальными особенностями строения мозга.

4. Проблема семантической близости

Проблема семантической близости и сходства слов имеет ключевое значение для МЛ. Несмотря на интерес к проблеме, некоторые вопросы остаются нерешенными. Так, достаточно хорошо изучены отношения между словами, обладающими значительной семантической близостью в рамках модели сети малого мира, а также семантические отношения понятий базового уровня (например, конкретных существительных, обозначающих физические предметы, типа *олень, волк*). При этом отношения между словами, объединенными слабой семантической связью, изучены недостаточно. Также вызывает вопросы природа семантического сходства, которая сложно объяснима: с одной стороны, общая часть семантически близких слов не является примитивной и инвариантной, с другой стороны, сходство зависит от контекста [Estes et al., 2011; Medin et al., 2005]. Более того, в МЛ две любые единицы могут иметь определенное сходство в значении. В [Medin et al., 1989] приводится пример: *tennis ball* (*теннисный мяч)* и *shoes (обувь)* могут иметь общий компонент (предикат) ‘not having ears’ (отсутствие ушей), но

этот компонент (предикат) едва ли занимает важное положение в семантическом представлении этих слов. Как правило, сходство оценивается с помощью небольшого набора наиболее важных признаков.

Для обозначения семантической близости используется «пространственная» метафора: семантически близкие слова оказываются в МЛ ближе друг к другу. В МЛ единицы объединены в узлы, поэтому связанные семантически или ассоциативно слова находятся в одном узле или соседних. В модели распространяющейся активации для обозначения семантического расстояния применяется термин *сила* (strength). Выявлена зависимость между силой ассоциативной и семантической связанности слов и скоростью их активации при прайминге и ассоциативном эксперименте [Lorch, 1982].

Семантическое расстояние между словами можно представить как вектор в многомерном пространстве [Landauer et al., 1997; Burgess et al., 2000]. В работе [Steyvers et al., 2005] на основе матрицы ассоциативных реакций слова размещаются в словесно-ассоциативном пространстве, где рядом располагаются слова со схожими ассоциативными связями, что помогает прогнозировать семантическое сходство между единицами.

5. Заключение

В статье представлен краткий обзор наиболее авторитетных моделей семантической организации ментального лексикона, разработанных зарубежными учеными и нашедших поддержку у коллег из разных стран, а также его основных принципов исследования. Хотя изучение МЛ началось в рамках американской психолингвистики, сегодня МЛ занимаются и в когнитивной лингвистике, и в смежных науках (нейрофизиологии, психологии, философии), а также компьютерной лингвистике. Основные вопросы МЛ рассматриваются учеными из разных стран (США, Великобритании, Испании, Австралии, Голландии, России) и различных научных школ, которых объединяет изучение явления в рамках когнитивного подхода к языку. Публикуется большое количество работ, рассматривающих как общетеоретические положения, так и частные проблемы лексикона (особенности ментального лексикона билингва, организации хранения словоформ и пр.).

Многообразие подходов к лексикону вызвано, во-первых, различными концептуальными взглядами на природу языка, во-вторых, использованием различных источников получения сведений о МЛ. Отмечается активное развитие коннекционистких моделей, предполагающих протекание параллельных процессов обработки информации различного типа и использующих так называемую «мозговую» метафору. Современные коннекционистские исследования, осуществляемые в рамках когнитивной научной

парадигмы представителями когнитивных школ лингвистики, психологии и физиологии, применяют различные научные инструменты (нейрофизиологические, экспериментальные, психологические). Напротив, модулярные модели МЛ разрабатываются прежде всего сторонниками генеративной лингвистики в США.

В качестве источников сведений об организации МЛ чаще всего используются результаты ассоциативных экспериментов и прайминга, однако распространение получают и другие методики. Как представляется, применение современных нейропсихологических технологий позволяет по-новому взглянуть на семантическую организацию ментального лексикона.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-112-50367 / Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-112-50367 «Семантические исследования организации и функционирования ментального лексикона».

Литература

1. *Деглин Л. В.* Язык и функциональная асимметрия мозга / Л. В. Деглин, Л. Я. Балонов, И. Б. Долинина // Текст и культура. Труды по знаковым системам. — Выпуск XVI. — Тарту : Тартуский государственный университет, 1983. — С. 31—42.

2. *Aitchison J.* Words in the Mind. An Introduction to the Mental Lexicon / J. Aitchison. — Oxford : Blackwell, 2012. — 307 p.

3. *Anderson J.* Learning and memory : An integrated approach / J. Anderson. — New York : Wiley, 2000. — 488 p.

4. *Borge-Holthoefer J.* Semantic networks : Structure and dynamics / J. Borge-Holthoefer, A. Arenas // Entropy. — 2010. — Vol. 12. — Pp. 1264—1302.

5. *Bouaffre S.* Hemispheric differences in the time-course of semantic priming processes : evidence from event-related potentials (ERPs) / S. Bouaffre, F. Faita-Ainseba // Brain and Cognition. — 2007. — Vol. 63 (2). — Pp. 123—135.

6. *Budanitsky A.* Semantic distance in WordNet : An experimental, application-oriented evaluation of five measures / A. Budanitsky, G. Hirst // Proceedings of the Workshop on WordNet and Other Lexical Resources : Second Meeting of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics (NAACL-2001). — Pittsburgh, 2001. — Pp. 29—34.

7. *Burgess C.* The dynamics of meaning in memory / C. Burgess, K. Lund // Cognitive dynamics: Conceptual and representational change in humans and machines. — Mahwah : Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2000. — Pp. 117—156.

8. *Burke D.* Aging and Language Production / D. Burke, M. Shafto // Current Directions in Psychological Science. — 2004. — Vol. 13 (1). — Pp. 21—24.

9. *Camblin C.* The interplay of discourse congruence and lexical associationduring sentence processing : Evidence from ERPs and eye tracking / C. Camblin, P. Gordon, T. Swaab // Journal of Memory and Language. — 2007. — Vol. 56. — Pp. 103—128.

10. *Caramazza A.* The brain's dictionary / A. Caramazza // Nature. — 1996. — Vol. 380. — Pp. 485—486.

11. *Collins A.* Retrieval time from semantic memory / A. Collins, R. Quillian // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. — 1969. — Vol. 8 (2). — Pp. 240—247.

12. *Cree G.* Analyzing the factors underlying the structure and computation of the meaning of chipmunk, cherry, chisel, cheese, and cello (and many other such concrete nouns) / G. Cree, K. McRae // Journal of Experimental Psychology : General. — 2003. — Vol. 132. — Pp. 163—201.

13. *Deacon D.* Evidence for a new conceptualization of semantic representation in the left and right cerebral hemispheres / D. Deacon, J. Grose-Fifer, C.-M. Yang // Cortex. — 2004. — Vol. 40. — Pp. 467—478.

14. *Deerwester S.* Indexing by Latent Semantic / S. Deerwester, S. Dumais, G. Furnas // Journal of the American Society of Information Science. — 1990. — Vol. 41 (6). — Pp. 391—407.

15. *Dell G.* A spreading activation theory of retrieval in sentence production / G. Dell // Psychological Review. — 1986. — Vol. 93. — Pp. 283—321.

16. *Deyne De S.* Word Associations : Network and Semantic properties / S. De Deyne, G. Storms // Behavior Research Methods. — 2008. — Vol. 40. — Pp. 213—231.

17. *Deyne De S.* The role of corpus size and syntax in deriving lexico-semantic representations for a wide range of concepts / S. De Deyne, S. Verheyen, G. Storms // Quarterly Journal of Experimental Psychology. — 2015. — № 68 (8). — Pp. 1643—1664.

18. *Deyne De S.* Structure at every scale : A semantic network account of the similarities between unrelated concepts / S. De Deyne, D. Navarro, A. Perfors // Journal of Experimental Psychology : General. — 2016. — Vol. 145 (9). — Pp. 1228—1254.

19. *Deyne De S.* Large-scale network representations of semantics in the mental lexicon / S. De Deyne, Y. Kenett, N., D. Anaki // Big data in cognitive science : From methods to insights. — New York : Psychology Press. — 2016. — Pp. 174—202.

20. *Elman J.* An alternative view of the mental lexicon / J. Elman // Trends in Cognitive Sciences. — 2004. — Vol. 8 (7). — Pp. 301—306.

21. *Estes Z.* Thematic Thinking : The Apprehension and Consequences of Thematic Relations / Z. Estes, S. Golonka, L. Jones // Psychology of Learning and Motivation: Advances in Research and Theory. — 2011. — Vol. 54. — Pp. 249—294.

22. *Federmeier K.* Multiple effects of sentential constraint on word processing / K. Federmeier, E. Wlotko, E. De Ochoa-Dewald // Brain Research. — 2007. — Vol. 1146. — Pp. 75—84.

23. *Federmeier K.* Thinking ahead : the role and roots of prediction in language Comprehension / K. Federmeier // Psychophysiology. — 2007. — Vol. 44 (4). — Pp. 491—505.

24. *Fodor J.* The Modularity of Mind / J. Fodor. — Cambridge : MIT Press, 1983. — 145 p.

25. *Forster K.* Early activation of category information in visual word recognition / K. Forster // The Mental Lexicon. — 2006. — Vol. 1 (1). — Pp. 35—58.

26. *Jackendoff R.* Fodorian modularity and representational modularity / R. Jackendoff // Language and the Brain. Representation and Processing. — San Diego : Academic Press, 2000. — Pp. 4—30.

27. *Jones L.* Lexical priming : Associative, semantic, and thematic influences on word recognition / L. Jones, Z. Estes // Visual word recognition. — Hove : Psychology Press, 2012. — Vol. 2 : Meaning and context : Individuals and development. — Pp. 4—72.

28. *Lerner I.* Integrating the automatic and the controlled : Strategies in semantic priming in an attractor network with latching dynamics / I. Lerner, S. Bentin, O. Shriki // Cognitive Science. — 2014. — Vol. 38 (8). — Pp. 1562—1603.

29. *Levelt W.* Speaking : From Intention to Articulation / W. Levelt. — Cambridge : MIT Press, 1989. — 547 p.

30. *Lorch R.* Priming and search processes in semantic memory : A test of three models of spreading activation / R. Lorch // Journal of Verbal Learning Verbal Behavior. — 1982. — Vol. 21 (4). — Pp. 468—492.

31. *Marslen-Wilson W.* Abstractness and combination : The morphemic lexicon / W. Marslen-Wilson // Language Processing. — Hove : Psychology Press, 1999. — Pp. 101—119.

32. *McClelland J.* An interactive activation model of context effects in letter perception : I. An account of basic findings / J. McClelland, D. Rumelhart // Psychological Review. — 1981. — Vol. 88 (5). — Pp. 375—407.

33. *McClelland J.* Sentence comprehension : a parallel distributed processing approach / J. McClelland, M. St. John, R. Taraban // Language and Cognitive Processes. — 1989. — Vol. 4. — Pp. 287—335.

34. *McClelland J.* The TRACE model of speech perception / J. McClelland, J. Elman // Cognitive Psychology. — 1986. — Vol. 18 (1). — Pp. 1—86.

35. *McRae K.* Semantic feature production norms for a large set of living and nonliving things / K. McRae, G. Cree, M. Seidenberg // Behavior Research Methods. — 2005. — Vol. 37 (4). — Pp. 547—559.

36. *McRae K.* Semantic memory / K. McRae, M. Jones // The Oxford Handbook of Cognitive Psychology. — Oxford : Oxford University Press, 2013. — Pp. 206—219.

37. *Medin D.* Concepts and categories : memory, meaning, and metaphysics / D. Medin, L. Rips // The Cambridge Handbook of Thinking and Reasoning. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — Pp. 37—72.

38. *Medin D.* Psychological essentialism / D. Medin, A. Ortony // Similarity and analogical reasoning. — New York : Cambridge University Press, 1989. — Pp. 179—195.

39. *Miller G.* Introduction to WordNet : An On-line Lexical Database / G. Miller, R. Beckwith, C. Fellbaum // International Journal of Lexicography. — 1990. — Vol. 3 (4). — Pp. 235—244.

40. *Mollin S.* Combining corpus linguistics and psychological data on word co-occurrence : Corpus collocates versus word associations / S. Mollin // Corpus Linguistics and Linguistic Theory. — 2009. — Vol. 5. — Pp. 175—200.

41. *Morton J.* Disintegrating the lexicon : An information processing approach / J. Morton // Perspectives on Mental Representation. — Hillsdale : Erlbaum, 1982. — Pp. 89—109.

42. *Murphy L.* Semantic Relation and the Lexicon / L. Murphy. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002. — 304 p.

43. *Nelson D.* The University of South Florida free association, rhyme, and word fragment norms / D. Nelson, C. McEvoy, T. Schreiber // Behavior Research Methods, Instruments and Computers. — 2004. — Vol. 36. — Pp. 402—407.

44. *Norris D.* Shortlist : a connectionist model of continuous speech recognition / D. Norris // Cognition. — 1994. — Vol. 52 (3). — Pp. 189—234.

45. *Poeppel D.* Towards a new neurobiology of language / D. Poeppel, K. Emmorey, G. Hickok // Journal of Neuroscience. — 2012. — Vol. 32 (41). — Pp. 14125—14131.

46. *Poulisse N.* Slips of the tongue : speech errors in first and second language production / N. Poulisse. — Philadelphia, Amsterdam : John Benjamins, 1999. — 269 p.

47. *Rogers T.* Computational models of semantic memory / T. Rogers // The Cambridge Handbook of Computational Psychology. — Cambridge University Press : Cambridge, 2008. — Pp. 226—267.

48. *Singleton D.* Exploring the Second Language Mental Lexicon / D. Singleton. — Cambridge : Cambridge University Press, 1999. — Pp. XI—XII.

49. *Skehan P.* A Cognitive Approach to Language Learning / P. Skehan. — Oxford : Oxford University Press, 1998. — 324 p.

50. *Sloman S.* Categorical inference is not a tree : The myth of inheritance hierarchies / S. Sloman // Cognitive Psychology. — 1998. — Vol. 35. — Pp. 1—33.

51. *Steyvers M.* The large scale structure of semantic networks : Statistical analyses and a model of semantic growth / M. Steyvers, J. Tenenbaum // Cognitive Science. — 2005. — Vol. 29. — Pp. 41—78.м

52. *Steyvers M.* Word association spaces for predicting semantic similarity effects in episodic memory / M. Steyvers, R. Shiffrin, D. Nelson // Decade of behavior : Experimental cognitive psychology and its applications. — Washington : American Psychological Association. 2005. — Pp. 237—249.

53. *Turney P.* Similarity of Semantic Relations / P. Turney // Computational Linguistics. — 2006. — Vol. 32 (3). — Pp. 379—416.

54. *Ullman M.* A neural dissociation within language : evidence that the mental dictionary is part of declarative memory, and that grammatical rules are processed by the procedural system / M. Ullman, S. Corkin, M. Coppolla // Journal of Cognitive Neuroscience. — 1997. — Vol. 9. — Pp. 266—276.

55. *Ullman M.* Neural correlates of lexicon and grammar : Evidence from the production, reading, and judgment of inflection in aphasia / M. Ullman, R. Pancheva, T. Love // Brain and Language. — 2005. — Vol. 93 (2). — Pp. 185—238.

56. *Watts D.* Collective dynamics of 'small-world' networks / D. Watts, S. Strogatz // Nature. — 1998. — Vol. 393. — Pp. 440—442.

57. *Wray A.* Formulaic Language and the Lexicon / A. Wray. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002. — 348 p.

58. *Wurm L.* Dynamics of the auditory comprehension of prefixed words : Cohort entropies and conditional root uniqueness points / L. Wurm, M. Ernestus, R. Schreuder // The Mental Lexicon. — 2006. — Vol. (1) 1. — Pp. 125—146.

Semantic Studies of Organisation and Functioning of Mental Lexicon[1]

© Vadim A. Belov (2020), orcid.org/0000-0002-4173-2000, PhD in Philology, senior research scientist, Department of German Philology and Intercultural Communication, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia), belov.vadim.a@gmail.com.

The review article discusses the key problems of semantic organization of the mental lexicon. It is understood as a dynamic, cognitively organized semantic network of lexical units. The paper presents the characteristics of the main models of semantic organization of mental vocabulary, highlights the advantages and disadvantages of each approach. It is noted that currently connectionist models are developing most actively. Among them there are

1 The article is financially supported by RFBR within the project 19-112-50367 "Semantic Studies of Organisation and Functioning of Mental Lexicon."

the following: the small world network, which considers a certain fragment of the lexicon; thesaurus models that combine all units of the lexicon; computational and distributive models that build relationships between a large number of units based on corpus data about shared usage. The author analyses the sources of information about the organization of the mental lexicon, among which the leading position is occupied by the results of associative experiments and priming. It is revealed that research is also carried out on the subjects' intuitive assessments of word similarity, analysis of unintentional speech errors. Neuropsychological technologies are used to study the mental lexicon. The problem of semantic relations in the mental lexicon, which are described using a "spatial" metaphor, is discussed separately: semantic proximity is considered as a distance or a vector.

Key words: mental lexicon; word meaning; semantic proximity; semantic connections.

References

Aitchison, J. (2012). *Words in the Mind. An Introduction to the Mental Lexicon.* Oxford: Blackwell.

Anderson, J. (2000). *Learning and memory: An integrated approach.* New York: Wiley.

Borge-Holthoefer, J., Arenas, A. (2010). Semantic networks: Structure and dynamics. *Entropy, 12:* 1264—1302.

Budanitsky, A., Hirst, G. (2001). Semantic distance in WordNet: An experimental, application-oriented evaluation of five measures. In: *Proceedings of the Workshop on WordNet and Other Lexical Resources: Second Meeting of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics (NAACL-2001).* Pittsburgh. 29—34.

Bouaffre, S., Faita-Ainseba, F. (2007). Hemispheric differences in the time-course of semantic priming processes: evidence from event-related potentials (ERPs). *Brain and Cognition, 63 (2):* 123—135.

Burgess, C., Lund, K. (2000). The dynamics of meaning in memory. In: *Cognitive dynamics: Conceptual and representational change in humans and machines.* Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates Publishers. 117—156.

Burke, D., Shafto, M. (2004). Aging and Language Production. *Current Directions in Psychological Science, 13 (1):* 21—24.

Camblin, C., Gordon, P., Swaab, T. (2007). The interplay of discourse congruence and lexical associationduring sentence processing: Evidence from ERPs and eye tracking. *Journal of Memory and Language, 56:* 103—128.

Caramazza, A. (1996). The brain's dictionary. *Nature, 380:* 485—486.

Collins, A., Quillian, R. (1969). Retrieval time from semantic memory. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 8 (2):* 240—247.

Cree, G., McRae, K. (2003). Analyzing the factors underlying the structure and computation of the meaning of chipmunk, cherry, chisel, cheese, and cello (and many other such concrete nouns). *Journal of Experimental Psychology: General, 132:* 163—201.

Deacon, D., Grose-Fifer, J., Yang, C.-M. (2004). Evidence for a new conceptualization of semantic representation in the left and right cerebral hemispheres. *Cortex, 40:* 467—478.

Deglin, L. V., Balonov, L. Ya., Dolinina, I. B. (1983). Yazyk i funktsionalnaya asimmetriya mozga. In: *Tekst i kultura. Trudy po znakovym sistemam, XVI.* Tartu: Tartuskiy gosudarstvennyy universitet. 31—42. (In Russ.).

Deerwester, S., Dumais, S., Furnas, G. (1990). Indexing by Latent Semantic. *Journal of the American Society of Information Science, 41 (6):* 391—407.

Dell, G. (1986). A spreading activation theory of retrieval in sentence production. *Psychological Review, 93:* 283—321.

Deyne, De S., Storms, G. (2008). Word Associations: Network and Semantic properties. *Behavior Research Methods, 40:* 213—231.

Deyne, De S., Verheyen, S., Storms, G. (2015). The role of corpus size and syntax in deriving lexico-semantic representations for a wide range of concepts. *Quarterly Journal of Experimental Psychology, 68 (8):* 1643—1664.

Deyne, De S., Navarro, D., Perfors, A. (2016). Structure at every scale: A semantic network account of the similarities between unrelated concepts. *Journal of Experimental Psychology: General, 145 (9):* 1228—1254.

Deyne, De S. Kenett, Y., N., D. Anaki. (2016). Large-scale network representations of semantics in the mental lexicon. In: *Big data in cognitive science: From methods to insights.* New York: Psychology Press. 174—202.

Elman, J. (2004). An alternative view of the mental lexicon. *Trends in Cognitive Sciences, 8 (7):* 301—306.

Estes, Z., Golonka, S., Jones, L. (2011). Thematic Thinking: The Apprehension and Consequences of Thematic Relations. *Psychology of Learning and Motivation: Advances in Research and Theory, 54:* 249—294.

Federmeier, K., Wlotko, E., De Ochoa-Dewald, E. (2007). Multiple effects of sentential constraint on word processing. *Brain Research, 1146:* 75—84.

Federmeier, K. (2007). Thinking ahead: the role and roots of prediction in language Comprehension. *Psychophysiology, 44 (4):* 491—505.

Fodor, J. (1983). *The Modularity of Mind.* Cambridge: MIT Press.

Forster, K. (2006). Early activation of category information in visual word recognition. *The Mental Lexicon, 1 (1):* 35—58.

Jackendoff, R. (2000). Fodorian modularity and representational modularity. In: *Language and the Brain. Representation and Processing.* San Diego: Academic Press. 4—30.

Lerner, I., Bentin, S., Shriki, O. (2014). Integrating the automatic and the controlled: Strategies in semantic priming in an attractor network with latching dynamics. *Cognitive Science, 38 (8):* 1562—1603.

Levelt, W. (1989). *Speaking: From Intention to Articulation.* Cambridge: MIT Press.

Jones, L., Estes, Z. (2012). Lexical priming: Associative, semantic, and thematic influences on word recognition. In: *Visual word recognition, (2): Meaning and context: Individuals and development.* Hove: Psychology Press. 4—72.

Lorch, R. (1982). Priming and search processes in semantic memory: A test of three models of spreading activation. *Journal of Verbal Learning Verbal Behavior, 21 (4):* 468—492.

Marslen-Wilson, W. (1999). Abstractness and combination: The morphemic lexicon. In: *Language Processing.* Hove: Psychology Press. 101—119.

McClelland, J., Rumelhart, D. (1981). An interactive activation model of context effects in letter perception: I. An account of basic findings. *Psychological Review, 88 (5):* 375—407.

McClelland, J., John, M. St., Taraban, R. (1989). Sentence comprehension: a parallel distributed processing approach. *Language and Cognitive Processes, 4:* 287—335.

McClelland, J., Elman, J. (1986). The TRACE model of speech perception. *Cognitive Psychology, 18 (1):* 1—86.

McRae, K., Cree, G., Seidenberg, M. (2005). Semantic feature production norms for a large set of living and nonliving things. *Behavior Research Methods, 37 (4):* 547—559.

McRae, K., Jones, M. (2013). Semantic memory. In: *The Oxford Handbook of Cognitive Psychology.* Oxford: Oxford University Press. 206—219.

Medin, D., Rips, L. (2005). Concepts and categories: memory, meaning, and metaphysics. In: *The Cambridge Handbook of Thinking and Reasoning.* Cambridge: Cambridge University Press. 37—72.

Medin, D., Ortony, A. (1989). Psychological essentialism. In: *Similarity and analogical reasoning.* New York: Cambridge University Press. 179—195.

Miller, G., Beckwith, R., Fellbaum, C. (1990). Introduction to WordNet: An On-line Lexical Database. *International Journal of Lexicography, 3 (4):* 235—244.

Mollin, S. (2009). Combining corpus linguistics and psychological data on word co-occurrence: Corpus collocates versus word associations. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory, 5:* 175—200.

Morton, J. (1982). Disintegrating the lexicon: An information processing approach. In: *Perspectives on Mental Representation.* Hillsdale: Erlbaum. 89—109.

Murphy, L. (2002). *Semantic Relation and the Lexicon.* Cambridge: Cambridge University Press.

Nelson, D., McEvoy, C., Schreiber, T. (2004). The University of South Florida free association, rhyme, and word fragment norms. *Behavior Research Methods, Instruments and Computers, 36:* 402—407.

Norris, D. (1994). Shortlist: a connectionist model of continuous speech recognition. *Cognition, 52 (3):* 189—234.

Poeppel, D., Emmorey, K., Hickok, G. (2012). Towards a new neurobiology of language. *Journal of Neuroscience, 32 (41):* 14125—14131.

Poulisse, N. (1999). *Slips of the tongue: speech errors in first and second language production.* Philadelphia, Amsterdam: John Benjamins.

Rogers, T. (2008). Computational models of semantic memory. *The Cambridge Handbook of Computational Psychology*. Cambridge University Press: Cambridge. 226—267.

Singleton, D. (1999). *Exploring the Second Language Mental Lexicon.* Cambridge: Cambridge University Press. XI—XII.

Skehan, P. (1998). *A Cognitive Approach to Language Learning.* Oxford: Oxford University Press.

Sloman, S. (1998). Categorical inference is not a tree: The myth of inheritance hierarchies. *Cognitive Psychology, 35:* 1—33.

Steyvers, M., Shiffrin, R., Nelson, D. (2005). Word association spaces for predicting semantic similarity effects in episodic memory. In: *Decade of behavior: Experimental cognitive psychology and its applications*. Washington: American Psychological Association. 237—249.

Steyvers, M., Tenenbaum, J. (2005). The large scale structure of semantic networks: Statistical analyses and a model of semantic growth. *Cognitive Science, 29:* 41—78.

Turney, P. (2006). Similarity of Semantic Relations. *Computational Linguistics, 32 (3):* 379—416.

Ullman, M. Corkin, S., Coppolla, M. (1997). A neural dissociation within language: evidence that the mental dictionary is part of declarative memory, and that grammatical

rules are processed by the procedural system. *Journal of Cognitive Neuroscience, 9:* 266—276.

Ullman, M., Pancheva, R., Love, T. (2005). Neural correlates of lexicon and grammar: Evidence from the production, reading, and judgment of inflection in aphasia. *Brain and Language, 93 (2):* 185—238.

Watts, D., Strogatz, S. (1998). Collective dynamics of 'small-world' networks. *Nature, 393:* 440—442.

Wray, A. (2002). *Formulaic Language and the Lexicon.* Cambridge: Cambridge University Press.

Wurm, L., Ernestus, M., Schreuder, R. (2006). Dynamics of the auditory comprehension of prefixed words: Cohort entropies and conditional root uniqueness points. *The Mental Lexicon, 1 (1):* 125—146.

Будаев Э. В. Литературные персонажи как сфера-источник прецедентных имен в СМИ Великобритании / Э. В. Будаев // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 52—68. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-52-68.

Budaev, E. V. (2020). Literary Characters as a Source Domain of Precedent Names in the UK Media. *Nauchnyi dialog, 8:* 52-68. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-52-68. (In Russ.).

УДК 811.111’42
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-52-68

Литературные персонажи как сфера-источник прецедентных имен в СМИ Великобритании[1]

© Будаев Эдуард Владимирович (2020), orcid.org/0000-0003-2137-1364, ResearcherID Q-4542-2016, SPIN 7149-6638, доктор филологических наук, доцент, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Нижний Тагил, Россия), aedw@mail.ru.

В статье рассматриваются прецедентные имена из сферы-источника «Литература», функционирующие в СМИ Великобритании. Материалом для исследования послужили 104 примера прецедентных имен, использованных в британских печатных СМИ: The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent — за последние десять лет (2010—2019). Для изучения данных прецедентных имен применялись когнитивно-дискурсивный анализ и приемы лингвокультурологического описания. Сделан вывод о том, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным источником прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров, составляющего 400 прецедентных имен). Показано, что британские журналисты отдают предпочтение онимам, связанным с британской литературой, что закономерно, потому что данные прецедентные имена хорошо известны как журналистам, так и адресатам британских СМИ. Выявлено, что британские журналисты регулярно обращаются в своих текстах к именам героев из классических произведений английской литературы. Вместе с тем показано, что ведущее место по частотности актуализации и продуктивности занимают прецедентные имена, ставшие популярными в последние десятилетия, что в первую очередь относится к героям романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Таким образом, анализ показал, что функционирование прецедентных имен зависит не только от когнитивных и культурных, но и от дискурсивных факторов.

Ключевые слова: прецедентное имя; прецедентные феномены; интертекстуальность; СМИ Великобритании; дискурс СМИ; литературные персонажи.

1. Введение

Отличительной чертой современной массовой коммуникации является активное использование прецедентных имен (далее — ПИ) [Богоявлен-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31622.

ская и др., 2015; Будаев и др., 2019; Гудков, 2020; Зырянова, 2016; Ибрагим и др., 2013; Иванова и др., 2014; Нахимова, 2011]. Согласно определению В. В. Красных, ПИ — «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных, 2002, с. 172]. В отличие от других прецедентных феноменов ПИ хранятся в когнитивной базе как вербальный феномен, а также как совокупность дифференциальных признаков и атрибутов, которые и делают его прецедентным. Схожее понимание ПИ предложено Д. Б. Гудковым в «Словаре лингвокультурологических терминов»: «Прецедентное имя — “воплощенное” имя собственное, связанное с широко известным текстом, ситуацией и / или фиксированным комплексом определенных качеств, способное регулярно употребляться денотативно (интенсионально), выступая в роли семантического предиката» [Ковшова и др., 2017, с. 114].

В зарубежной лингвистике не используется понятие прецедентных феноменов, что не означает, что сам феномен не изучается. В немецкоязычных публикациях аналогом понятия прецедентных имен можно считать термин *Namenmetaphern* (буквально «имена-метафоры») с той разницей, что *Namenmetaphern* описываются не в понятиях концептуальных структур и их лингвистических коррелятов, а как языковые метафоры. В качестве примера можно привести исследование Петры Эвальд, посвященное изучению «имен-метафор» в немецкой прессе [Ewald, 2014].

В англоязычных публикациях аналогом *Namenmetaphern* являются так называемые *intertextual metahpors* (интертекстуальные метафоры) [Kennedy, 2000; Zinken, 2003]. Анализ интертекстуальных метафор в зарубежной лингвистике соотносится с анализом коннотативного употребления прецедентных имен в отечественной лингвистике, в то время как случаи денотативного использования прецедентных имен относятся к изучению проявлений интертекстуальности в целом [Теория …, 2016]. Так, в работе К. Эрнандез-Гуэрра [Hernández-Guerra, 2013] рассматривается случай использования Б. Обамой антропонимов И. Гете, Л. Пастера и И. Гутенберга. Президент США, выступая в Страсбурге, использовал данные прецедентные имена в денотативном значении, чтобы подчеркнуть перед аудиторией, что им есть чем гордиться (все перечисленные персоналии жили в Страсбурге). Отметим, что в зарубежной политической лингвистике вопрос об интертекстуальном употреблении антропонимов зачастую

вообще никак не маркируется — случаи метафорического употребления антропонимов рассматриваются как обычные тропы, такие же, как метафоры, выраженные именами нарицательными.

Широкая востребованность ПИ в современных СМИ связана с тем, что коннотативное употребление антропонимов позволяет использовать очень широкий спектр функций с помощью небольшого количества языковых средств. В этом спектре выделяют людическую [Рогозина, 2009], прагматическую [Гришаева, 2008], манипулятивную [Салахова и др., 2016], суггестивную [Саблукова, 2014], интеллектуализирующую [Драпалюк, 2010], компрессионную, гипертекстовую и эстетическую [Чернобров, 2009], экспрессивную, оценочную и парольную [Гудков, 2003] функции. ПИ в СМИ отводится важная роль в процессах формирования оценочных суждений [Качалова, 2010], приращения смысла [Орехова, 2013], становления доминанты идиостиля [Нахимова и др., 2016] и др.

Знание специфики функционирования ПИ является необходимым условием для понимания особенностей национального менталитета представителей иного лингвокультурного сообщества и служит предпосылкой для успешного межкультурного взаимодействия. Текущие политические события, находящие отражение в современных СМИ, свидетельствуют о новом витке ухудшения отношений между Россией и Великобританией. На этом фоне представляется актуальной задачей обращение к проблеме выявления особенностей функционирования прецедентных имён в британской прессе, направленное на поиск специфики восприятия британцами современного мира.

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужили 104 прецедентных имени из сферы-источника «Литературные персонажи» в текстах СМИ Великобритании (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) за последние десять лет (2010—2019). Во внимание принимались только примеры коннотативного употребления ПИ, потому что оним становится прецедентным с того момента, как фиксируется его метафоризация.

Можно выделить две основные методики анализа коннотативного употребления ПИ в СМИ: 1) методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником; 2) методика исследования ПИ, объединяемых сферой-мишенью.

1. Методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником. Данная методика исследования ПИ подразумевает выбор определённой сферы-источника прецедентности и изучение при-

меров всех ПИ, объединяемых выбранной сферой-источником, в текстах СМИ. К настоящему моменту исследования ПИ в российских СМИ с применением такого подхода проведены на примере сфер-источников «Монархи» [Нахимова, 2009], «Немецкая философия» [Быкова, 2012], «Политика» [Будаев и др., 2020], «Литература» [Боярских, 2008], «Русская классическая литература» [Наумова, 2017], «Исторические деятели и реалии» [Дмитриева и др., 2019] и др. В качестве сферы-источника может служить вся совокупность ПИ определённой культуры. Например, в диссертации Л. В. Быковой [2009] рассмотрена немецкоязычная культура в целом как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских СМИ.

2. Методика исследования ПИ, объединяемых сферой-мишенью. Данная методика исследования подразумевает анализ ПИ, задействованных для описания определённого концепта. Методика используется в тех случаях, когда необходимо изучить особенности осмысления определённого фрагмента действительности, но исследователь не знает, какие сферы-источники ему предстоит анализировать. Определение сфер-источников, актуализированных в СМИ для описания некоторой сферы-мишени, и их анализ являются при таком подходе основными задачами [Богданович и др., 2019; Мещерякова-Клабахер, 2016; Сипко, 2019].

В настоящей работе используется методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником «Литературные персонажи».

3. Анализ прецедентных имен

Семантическая сфера «Литературные персонажи» относится к числу самых востребованных источников прецедентности в современных СМИ Великобритании (2010—2019): 104 единицы из корпуса 400 прецедентных имен, что составляет 26 % от общего корпуса примеров.

Данная сфера-источник ярко отражает национальную специфичность в актуализации ПИ в СМИ Великобритании. Британские журналисты регулярно обращаются в своих текстах к именам героев английской литературы, рассматривая их в качестве эталонов для концептуализации текущих явлений.

Вместе с тем граница между культурно-специфичными и универсальными ПИ нередко носит диффузный характер. Например, в британских СМИ авторы регулярно прибегают к использованию онимов, восходящих к произведениям У. Шекспира. Однако этот великий английский писатель оказал большое влияние не только на британскую, но и на мировую культуру. С одной стороны, онимы шекспировского прецедентного мира восходят к британской литературе, но с другой — их в полной мере можно отнести к фонду универсально-прецедентных феноменов. Многие персонажи У. Шекспира

превратились из героев произведений в узнаваемый во многих культурах типаж с комплексом характерных черт. Таким образом, британские по происхождению литературные онимы получили прецедентный статус и стали концептами в когнитивной базе многих лингвокультурных сообществ.

Например, в следующем контексте речь идет о похитителе бриллиантов, который задушил свою жену, подозревая, что она изменяет ему, а потом повесился сам. ПИ Othello (Отелло) — традиционный образ ревнивца, способного на убийство возлюбленной. Данное ПИ входит в фонд как британских, так и универсальных ПИ. При этом в приведенном контексте актуализируется не какой-то один дифференциальный признак (например, ревность), а целый когнитивный сценарий, повторяющий сюжет знаменитой шекспировской пьесы (ревность, убийство, самоубийство). Ср.: *Diamond thief suffering from '**Othello** syndrome' strangled his wife then hanged himself because he believed she was having an affair* (Daily Mail, 30 August 2013) [AA] (Похититель алмазов, страдающий от «синдрома Отелло», задушил свою жену, а затем повесился сам, потому что был убежден, что жена ему изменяла[1]).

Среди шекспиризмов также востребовано имя главного антагониста пьесы Уильяма Шекспира «Отелло» *Iago* (Яго). Данное ПИ выступает в качестве эталона человека, которому присущи такие черты, как зависть и интриганство. В статье приводится психологическая характеристика подобного типа людей и даются советы о том, как можно узнать такого «Яго» в своем окружении, как обезопасить себя от его общества и как не стать жертвой его интриг и зависти. Ср.: *I tell you how to avoid **Iagoes*** (The Independent, 21 December 2015) [Там же] (Рассказываю, как избежать таких Яго).

В следующем примере назван не менее известный литературный персонаж — *Гамлет (Hamlet)*. С этим именем связан традиционный образ человека, занятого поиском истины, справедливости, ответов на фундаментальные философские вопросы. Это знание актуализируется в следующем контексте, посвященном колебаниям принца Гарри по поводу отказа от британского престола. Ср.: ***To be or not to be** an active royal, that is the question raised last week on behalf of Prince Harry, Duke of Sussex. <…> More recently, his anguished ruminations have suggested another **Shakespearean hero** — **Hamlet**, the tormented prince who wants to avenge the death of a parent* (The Guardian, 26 Oct 2019) [Там же] (Быть или не быть королевской особой, вот в чем вопрос, который возник на прошлой неделе перед принцем Гарри, герцогом Сассексским. <…> Совсем недавно его мучительные раз-

1 Здесь и далее перевод наш. — Э. Б.

мышления навели на мысль о еще одном шекспировском герое — Гамлете, измученном принце, который хочет отомстить за смерть родителя).

По сюжету пьесы Гамлет мстит за убийство отца, что позволяет журналисту в рассмотренном выше контексте актуализировать фоновые знания об этом сценарии поведения для описания мотивов поведения принца Гарри. Примечательно, что реализация сценария не имеет гендерных ограничений. Принц Генри Чарльз Альберт Дэвид — младший сын принца Уэльского Чарльза и принцессы Дианы, погибшей в автокатастрофе. В британском обществе существует мнение, что королевская семья косвенно причастна к смерти принцессы Дианы. Таким образом, принц Гарри, подобно Гамлету, мстит за смерть родителя (матери).

Помимо традиционных признаков, восходящих к сюжету пьесы, ПИ *Hamlet* может использоваться в сочетании с титулом *Prince of Denmark* для привнесения смысла неразрывности двух обсуждаемых феноменов. Произведение под названием «The Tragical Historie of Hamlet, Prince of Denmarke» («Трагическая история о Гамлете, принце датском») — одна из самых знаменитых пьес в мировой драматургии. Имя *Hamlet* ассоциативно связано с его титулом, поэтому выражение *Hamlet without the prince* (Гамлет без принца), применяемое к описанию встречи в Давосе без президента США, акцентирует бессмысленность проведения этого делового мероприятия в таком формате. Ср.: *Davos without Donald Trump is like* ***Hamlet*** *without the prince* (The Guardian, 17 Jan 2017) [Там же] (Давос без Дональда Трампа — это то же самое, что Гамлет без принца).

Более традиционные дифференциальные признаки на страницы британских СМИ привносят ПИ *Romeo and Juliet* (Ромео и Джульетта). В следующем контексте основанием для метафоризации становится признак преданной любви, при этом из фрейма источника не проецируется возраст юных героев. Ср.: ***Romeo and Juliet*** *as 80-year-olds who fall in love at a tea dance* (The Guardian, 14 Mar 2010) [Там же] (Восьмидесятилетние Ромео и Джульетта, которые влюбляются друг в друга на вечеринке с танцами).

Несмотря на всемирную известность шекспиризмов, они значительно уступают по частотности и продуктивности ПИ из произведений другого британского автора — Дж. Роулинг. Ей принадлежит серия романов «Harry Potter», которая представляет собой хронику приключений юного волшебника Гарри Поттера и его друзей Рона Уизли и Гермионы Грейнджер, обучающихся в школе чародейства и волшебства Хогвартс.

Несмотря на то что романы написаны в 1997—2007 годах, многие онимы из этих произведений уже стали прецедентными (*Harry Potter, Voldemort, Severus Snape, Death Eaters, Draco Malfoy, Dobby, Hagrid,*

Peeves, Xenophilius Lovegood, Dolores Umbridge, Hermione Granger, Albus Dumbledore), о чем свидетельствует регулярная актуализация этих онимов в СМИ в коннотативном значении.

Самым популярным ПИ британской прессы из этого списка стал *Voldemort* (Волан-де-Морт) — главный антагонист Гарри Поттера, великий тёмный волшебник, который обладает огромной магической силой и который почти достиг бессмертия при помощи специальных артефактов (крестражей), спрятанных по всему миру. Образ Волан-де-Морта — эталон абсолютного зла, которое желает править всем миром, поэтому данный оним часто используется для привнесения пейоративных смыслов в осмысление деятельности политиков. В следующем контексте журналист ссылается на мнение Дж. Роулинг, которая сравнила Д. Трампа с Волан-де-Мортом, в связи с обещаниями Д. Трампа запретить мусульманам приезжать в США. Ср.: *Rowling herself nodded to a Trump / Voldemort comparison back in 2015, when Trump first proposed a ban on Muslims entering the US.* (The Guardian, 14 March 2017) [Там же] (Сама Роулинг сравнила Трампа с Волан-де-Мортом в 2015 году, когда Трамп предложил запретить въезд мусульман в США).

Вместе с тем некоторые журналисты иронично используют ПИ *Voldemort*, справедливо указывая на то, что это имя близко к тому, чтобы превратиться в «ярлык», который навешивают на любого политика, который не понравился журналисту или заказчику обличительной статьи в прессе. Более того, использование данного ПИ применительно к оппоненту не оставляет возможности договориться с ним или продолжить дискуссию в силу однозначно негативных смыслов, закрепившихся за онимом. Ср.: *Calling anyone* ***Voldemort*** *is problematic in terms of the debate you might have. It shuts down the debate* (The Guardian, 13 March 2017) [Там же] (Называть кого-либо Волан-де-Мортом проблематично с точки зрения потенциальных дебатов, потому что это исключает возможность дебатов).

Прагматический потенциал ПИ *Voldemort* оказался настолько востребованным, что на страницах британской прессы регулярно появлялся «новый Волан-де-Морт», на что обратили внимание сами журналисты. Специальные исследования показывают, что прецедентные феномены, часто воспроизводимые в дискурсе, подвержены трансформациям на разных языковых уровнях [Budaev et al., 2017]. Данное ПИ не стало исключением. В следующем контексте используется диминутив *Voldie* (Волди) в сложном слове *Voldey-of-the-week* («Волди этой недели»), что ослабляет пейоративность ПИ, включая его в иронический контекст (воплощению зла не пристало давать уменьшительно-ласкательные имена, тем более такое воплощение не может появляться всего на неделю). Ср.: *Last month's Volde-*

mort was David Gonski, nominated by Liberal MP Trevor Evans in a sparring match with Labor's Joanne Ryan, who responded by dubbing the entire Liberal backbench his death eaters <...> Current ***Voldey-of-the-week*** *is former prime minister Tony Abbott, named by opposition foreign affairs spokeswoman Tanya Plibersek on Friday* (The Guardian, 13 July 2017) [AA] (В прошлом месяце член парламента от Либеральной партии Тревор Эванс окрестил Волан-де-Мортом Дэвида Гонски в спарринге с Джоанной Райан из Лейбористской партии, которая в ответ назвала своих либеральных оппонентов пожирателями смерти <...>. «Волди этой недели» — бывший премьер-министр Тони Эбботт, которого в пятницу пресс-секретарь оппозиции Таня Плиберсек назвала Волан-де-Мортом).

В произведениях Дж. Роулинг имя *Voldemort* было табуировано, поэтому часто заменялось словосочетанием *«He Who Must Not Be Named»* («Тот, кого нельзя назвать»). Несмотря на то, что данное словосочетание не является собственно антропонимом, оно, безусловно, апеллирует к тому же самому концепту, что и собственно оним *Voldemort*. Ср.: *Donald Trump is* ***'He Who Must Not Be Named'*** *at UN climate change meeting* (The Independent, 24 March 2017) [Там же] (Дональд Трамп — «Тот-Кого-Нельзя-Называть» на встрече ООН по изменению климата).

Вместе с тем в приведенном примере автор выбирает именно табуированный вариант имени, для того чтобы подчеркнуть тот факт, что имя Дональда Трампа на заседании ООН по климату не многие отважились упоминать, так как Д. Трамп прежде обещал вывести США из Парижского соглашения об изменении климата.

В следующем примере журналист использует ПИ *Severus Snape* и *Death Eaters*, чтобы выразить поддержку палестинской стороне палестино-израильского конфликта. *Death Eaters* (Пожиратели Смерти) — организация злых волшебников, которую создал Волан-де-Морт, поэтому сравнение израильского правительства с Пожирателями Смерти, привносит исключительно пейоративные коннотации. При этом журналист спрашивает, является ли премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху совершенным злодеем — *Волан-де-Мортом* — или же он — *Северус Снегг* (Severus Snape), который, притворяясь хорошим, время от времени проявляет свою злобную сущность. В романах Дж. Роулинг *Северус Снегг* ведет двойную игру на протяжении всего повествования. Ср.: *Is it fair to compare the Israeli government to* ***Death Eaters****? Is Binyamin Netanyahu more like* ***Severus Snape*** *or* ***Lord Voldemort****?* (The Guardian, 29 October 2015) [Там же] (Справедливо ли сравнивать израильское правительство с пожирателями смерти? Похож ли Биньямин Нетаньяху больше на Северуса Снегга или Лорда Волан-де-Морта?).

Другой отрицательный персонаж романа — *Peevs* (Пивз), полтергейст, который перемещается по коридорам школы Хогвартс и совершает разного рода злобные поступки. В следующем примере данное ПИ используется для описания политика, который поддерживает авторитарные политические режимы. Ср.: *If we were to fancast Harry Potter using Australian members of parliament, then Abbott would be* ***Peeves*** *the poltergeist. <…> Tony Abbott is not Voldemort, he's Peeves. Please get your Harry Potter references right* (The Guardian, 13 July 2017) [Там же] (Если бы мы устроили фанкаст по Гарри Поттеру с участием членов австралийского парламента, то Эбботт был бы полтергейстом Пивзом <…>). Тони Эбботт — Пивз, а не Волан-де-Морт. Пожалуйста, делайте корректные ссылки на героев романов о Гарри Поттере).

В британской прессе востребован еще один отрицательный персонаж романа — *Draco Malfoy* (Драко Малфой), школьный враг Гарри Поттера в Хогвартсе. Антропоним Малфой происходит от французского словосочетания *mal foi*, которое переводится как *недобросовестность* (первая часть антропонима начинается с *mal*, что, собственно, означает 'плохой, злой'). Таким образом, Дж. Роулинг уже в антропонимах показывает, кто из героев какую сторону занимает в борьбе сил добра и зла. Соответственно, актуализация ПИ *Draco Malfoy* привносит в осмысление концепта сферы-мишени отрицательные коннотации, но, в отличие от ПИ *Lord Voldemort*, *Draco Malfoy* ассоциируется с учеником, который еще только учится и не обладает таким могуществом, как предводитель сил зла *Волан-де-Морт*. Ср.: *Trevor Noah on Boris Johnson: 'Like a midlife crisis* ***Malfoy****'* (The Guardian, 6 January 2019) [Там же] (Тревор Ноа о Борисе Джонсоне: «Он похож на Малфоя в период кризиса среднего возраста»).

В приведенном контексте сближение усиливается внешним сходством: Борис Джонсон имеет такие же светлые волосы, как и Д. Малфой. В целом внешность нередко становится основанием для переноса. Например, в следующем контексте В. В. Путин сравнивается с персонажем романов о Гарри Поттере *Dobby* (Добби), который был помощником Гарри Поттера. Ср.: *He looks like* ***Dobby*** *got a job at KPMG* (The Guardian, 6 June 2019) [Там же] (Он выглядит как Добби, который получил работу в KPMG).

Примечательно, что британские политики находят способы использовать ПИ с положительными смыслами в негативном смысле, если речь идет о России или ее президенте, ср. высказывание британского премьер-министра Бориса Джонсона: *Despite looking a bit like* ***Dobby*** *the House Elf, he is a ruthless and manipulative tyrant* (The Express, 27 December 2019) [Там же] (Несмотря на некоторое внешнее сходство с домашним эльфом Добби, он — безжалостный тиран и манипулятор).

Также ПИ *Harry Potter* может использоваться для метафорического переноса на основании внешнего вида. Гарри Поттер приобрёл большую популярность во всём мире, и его примечательная внешность хорошо известна поклонникам. Гарри Поттер — худощавый, носит круглые очки, на лбу шрам в виде молнии. В приведённом примере концепт сферы-мишени — британский комик Джон Оливер, который так же худощав и носит очки. Ср.: *He looks like* ***Harry Potter*** *ever since* (The Independent, 6 March 2013) [Там же] (С тех пор он выглядит как Гарри Поттер).

В рассматриваемый период литературные персонажи из других произведений уступают в частотности и продуктивности актуализации на страницах СМИ Великобритании онимам из книг Дж. Роулинг, но почти всегда они восходят к произведениям британских писателей. Рассмотрим эти примеры.

Robinson Crusoe (Робинзон Крузо) — прецедентное имя, восходящее к серии романов Д. Дефо. Данное ПИ обычно употребляется как символ одиночки, который вынужден жить вдали от людей и добывать все необходимое для жизни своим трудом. Вместе с тем в каждом конкретном контексте метафоризация сопровождается переносом определённого концептуального признака, в то время как остальное содержание концепта не актуализируется. Ср.: *Trang has immense appeal for those looking for a* ***"Robinson Crusoe"*** *get away with peace, quiet and total relaxation* (The Daily Mirror, 2 March 2015) [Там же] (Транг обладает огромной привлекательностью для тех, кто желает отдохнуть в спокойствии, тишине и полном расслаблении в духе Робинзона Крузо).

В приведенном примере ПИ Robinson Crusoe — метафора, привносящая смысл полного уединения для отдыха. Очевидно, что содержание концепта, связанное с напряженным трудом Робинзона Крузо на острове, не только не может служить основанием для метафоризации, но и противоречит смыслу контекста.

ПИ *Sherlock Holmes* (Шерлок Холмс), восходящее к произведениям А. К. Дойла, используется в британских СМИ в метафорическом смысле для обозначения сыщика (детектива) или для обозначения человека, который обладает выдающимся интеллектом, позволяющим решать сложные проблемы. Данные признаки ПИ могут быть актуализированы не только для описания примеров высокого интеллекта, но и для привнесения противоположных смыслов, как в концептуальном бленде из контекста в статье Daily Mail. Ср.: *It's a mystery that would stump even* ***Sherlock Holmes****: Why on earth are we letting Conan Doyle's home fall into ruin?* (The Daily Mail, 12 March 2010) [Там же] (Это загадка, которая поставила бы в тупик даже

Шерлока Холмса: с какой стати мы позволяем дому Конан Дойла превращаться в руины?).

Большой популярностью среди журналистов пользуется прецедентный зооним *Cheshire Cat* (Чеширский кот). Данное ПИ восходит к персонажу книги Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Чеширский кот — постоянно улыбающийся кот, который по собственному желанию может телепортироваться, быстро исчезать или постепенно растворяться в воздухе, оставляя на прощанье лишь улыбку. Типичное основание для коннотативного употребления данного ПИ — наличие улыбки. Ср.: *Ms Duff wears **Cheshire cat grin*** (The Daily Mail, 24 May 2012) [Там же] (На лице госпожи Дафф красуется широкая улыбка Чеширского кота).

Наконец, пространство прецедентных имен из сферы-источника «Литература» в британской прессе наполнено не только собственно прецедентными антропонимами и зоонимами. Актуализация фоновых знаний о концепте, связанном с определенным онимом, может реализовываться с помощью смежных прецедентных феноменов, например, прецедентных топонимов. Ср.: *Britain First took themselves to **Sherwood Forest** this week to warn people about knife-wielding migrants living in the woods* (The Independent, 3 July 2016) [Там же] (На этой неделе представители Britain First отправилась в Шервудский лес, чтобы предупреждать туристов о том, что в лесу живут мигранты, вооруженные ножами).

Согласно английским народным балладам, Шервудский лес — место, где обитал Робин Гуд, предводитель лесных разбойников. Разбойники грабили богатых и отдавали всё бедным. В рассматриваемом примере актуализирована только часть содержания концепта из сферы-источника при осмыслении концепта сферы-мишени — MIGRANTS (мигранты). Мигранты сравниваются с разбойниками из Шервудского леса, которые живут в лесу и носят с собой оружие, но в отличие от разбойников Робин Гуда мигранты не планируют оказывать помощь бедным англичанам.

4. Заключение

Итак, наши наблюдения показывают, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным ресурсом прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров ПИ).

Особенность функционирования ПИ из данной сферы-источника заключается в том, что британские журналисты отдают предпочтение онимам, связанным с британской литературой. Это вполне закономерно, потому что данные ПИ хорошо известны как журналистам, так и адресатам британских СМИ. Граница между культурно-специфичными и универ-

сальными ПИ из рассматриваемой концептуальной сферы размыта, так как наиболее востребованные в британских СМИ онимы широко известны не только в Великобритании, но и во всем мире. Вместе с тем всемирно известные литературные персонажи восходят не только к творчеству писателей с Британских островов, что позволяет констатировать склонность британских журналистов выбирать в качестве эталонов для сравнения онимы из отечественной литературной традиции.

С одной стороны, британские журналисты регулярно обращаются в своих текстах к именам героев из классических произведений английской литературы (*Othello, Robinson Crusoe, Iago*). Вместе с тем чаще всего на страницах СМИ встречаются не классические образы (например, шекспиризмы), а наиболее популярные персонажи последних лет. В первую очередь это относится к героям романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере (*Harry Potter, Voldemort, Severus Snape, Death Eaters, Draco Malfoy, Dobby, Hagrid, Peeves, Xenophilius Lovegood, Dolores Umbridge, Hermione Granger, Albus Dumbledore* и др.). Эти ПИ занимают ведущее место как по частотности актуализации, так и по продуктивности.

Таким образом, анализ показал, что функционирование ПИ зависит не только от когнитивных и культурных, но и от дискурсивных факторов. Изменение экстралингвистической ситуации оказывает непосредственное влияние на выбор ПИ, их частотность и продуктивность. Если литературные произведения получают большую популярность, онимы из этих произведений регулярно используются в СМИ для осмысления событий социально-политической, культурной и экономической жизни общества, а также обыденной жизни людей.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31622 / Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31622.

Источники

АА — *Архив* автора.

Литература

1. *Богданович Г. Ю.* Библейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма / Г. Ю. Богданович, Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал // Язык и культура. — 2019. — № 47. — С. 8—20. — DOI: 10.17223/19996195/47/1.

2. *Богоявленская Ю. В.* Функционирование прецедентных высказываний во французском медиадискурсе / Ю. В. Богоявленская, А. П. Чудинов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2015. — № 29. — С. 20—35.

3. *Боярских О. С.* Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004—2007 гг.) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. С. Боярских. — Екатеринбург, 2008. — 231 с.

4. *Будаев Э. В.* Буратино как прецедентный феномен в российских СМИ / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова // Детская книга как институт социализации : «золотой ключик» к миру взрослых : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. — Нижний Тагил : НТГСПИ, 2019. — С. 23—31.

5. *Будаев Э. В.* Прецедентные имена со сферой-источником «Политика» в СМИ Великобритании (2010—2019 гг.) / Э. В. Будаев, П. П. Щербинина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 1 (79). — С. 27—34. — DOI: 10.26170/pl20-01-03.

6. *Быкова Л. В.* Немецкая философия как сфера-источник прецедентных феноменов в современной российской прессе / Л. В. Быкова // Язык и культура. — 2012. — № 1—2. — С. 198—206.

7. *Быкова Л. В.* Немецкоязычная культура как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских печатных СМИ : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. В. Быкова. — Сургут, 2009. — 210 с.

8. *Гришаева Л. И.* Прецедент как универсальное средство передачи и хранения культурной информации / Л. И. Гришаева // Политическая лингвистика. — 2008. — № 1 (24). — С. 118—123.

9. *Гудков Д. Б.* Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. — Москва : Ленанд, 2020. — 200 с.

10. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2003. — 288 с.

11. *Дмитриева А. В.* Прецедентные имена исторических деятелей и реалий в поликодовых видеотекстах российской и французской политической рекламы : коммуникативно-прагматический аспект / А. В. Дмитриева, М. В. Голомидова // Научный диалог. — 2019. — № 8. — С. 25— 40. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-25-40.

12. *Драпалюк А. С.* Прецедентные феномены как один из способов интеллектуализации газетного текста : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. С. Драпалюк. — Саратов, 2010. — 300 с.

13. *Зырянова И. П.* Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы (2005—2009 гг.) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. П. Зырянова. — Екатеринбург, 2016. — 239 с.

14. *Ибрагим В. Ф.* Сферы-источники прецедентных имен в российской и египетской прессе / В. Ф. Ибрагим, Р. Х. Дарвиш // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2013. — № 4 (37). — С. 92—99.

15. *Иванова С. В.* Национально-культурные прецеденты в политической коммуникации / С. В. Иванова, З. З. Чанышева // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4 (50). — С. 39—47.

16. *Качалова И. Н.* Оценочная функция языковой игры в дискурсе СМИ : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. Н. Качалова. — Москва, 2010. — 189 с.

17. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с.

18. *Мещерякова-Клабахер В. А.* Номинация лица в текстах немецких СМИ (на примере номинаций писателя) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. А. Мещерякова-Клабахер. — Санкт-Петербург, 2016. — 25 с.

19. *Наумова И. А.* О прецедентных феноменах из сферы-источника «Русская классическая литература» в средствах массовой информации Российской Федерации / И. А. Наумова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2017. — Т. 14, № 2. — С. 81—87. — DOI: 10.14529/ling170212.

20. *Нахимова Е. А.* Имена русских царей как прецедентное поле в современных Российских СМИ / Е. А. Нахимов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2009. — № 2. — С. 12—19.

21. *Нахимова Е. А.* Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации : теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург : УрГПУ, 2011. — 276 с.

22. *Нахимова Е. А.* Прецедентные феномены как доминанта идиостиля публициста / Е. А. Нахимова, А. П. Чудинов // Филология и человек. — 2016. — № 2. — С. 107—115.

23. *Орехова Е. Н.* Прецедентность и приращение смысла в общественно-политическом дискурсе (когнитивно-прагматический аспект) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. Н. Орехова. — Майкоп, 2013. — 226 с.

24. *Рогозина Л. Э.* О людической функции прецедентного имени (на материале французского языка) / Л. Э. Рогозина // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. — 2009. — № 4. — С. 72—79.

25. *Саблукова В. А.* Суггестивные механизмы использования национально-прецедентных феноменов в дискурсе конфликта (на материале реалий русской лингвокультуры в англоязычных СМИ) / В. А. Саблукова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 16 (345). — С. 124—127.

26. *Салахова А. Б.* Лингвистический анализ манипулятивных средств воздействия СМИ в период информационных войн (на материале прессы Германии) / А. Б. Салахова, К. Л. Грачева // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6 (60). — С. 132—138.

27. *Сипко Й.* СССР — только репрессии, деформации, застой? / Й. Сипк // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 193—201.

28. *Ковшова М. Л.* Словарь лингвокультурологических терминов / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2017. — 192 с.

29. *Теория* и методика лингвистического анализа политического текста / А. П. Чудинов [и др.]. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2016. — 308 с.

30. *Чернобров А. А.* Компрессионная, гипертекстовая и эстетическая функции имен в тексте / А. А. Чернобров // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. — 2009. — № 4. — С. 109—117.

31. *Budaev E. V.* Transformations of precedent text : Metaphors We Live by in academic discourse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. — 2017. — Vol. 1. — Pp. 60—67. — DOI: 10.20916/1812-3228-2017-1-60-67.

32. *Ewald P.* Rostock, das Sydney der Ostsee — Zur Spezifik von Namenmetaphern / P. Ewald // Methoden der Metaphernforschung und — analyse. — Wiesbaden : Springer, 2014. — S. 197—213.

33. *Hernández-Guerra C.* Textual, intertextual and rhetorical features in political discourse: the case of president Obama in Europe / C. Hernández-Guerra // Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas. — 2013. —Vol. 8. — Pp. 59—65. — DOI: 10.4995/rlyla.2013.1175.

34. *Kennedy V.* Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy // Metaphor and Symbol. — 2000. — Vol. 15. — № 4. — Pp. 252—265. — DOI:10.1207/S15327868MS1504_6.

35. *Zinken J.* Ideological Imagination : Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse / J. Zinken // Discourse and Society. — 2003. — Vol. 14, № 4. — Pp. 507—523. — DOI: 10.1177/0957926503014004005.

Literary Characters as a Source Domain of Precedent Names in the UK Media[1]

© Eduard V. Budaev (2020), orcid.org/0000-0003-2137-1364, ResearcherID Q-4542-2016, SPIN 7149-6638, Doctor of Philology, Associate Professor, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University (Nizhny Tagil, Russia), aedw@mail.ru.

The article deals with precedent names (PN) from the source domain “Literature”, functioning in the UK media. The material for the study was 104 examples of precedent names used in the British print media (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) over the past ten years (2010–2019). Research methods were cognitive-discourse analysis, linguocultural description. It is concluded that the source domain “Literary characters” is the most demanded source of precedent names in the British media (26 % of the total body of examples, which is 400 precedent names). It is shown that British journalists give preference to onyms related to British literature, which is natural, because PN data are well known to both journalists and British media addressees. It was revealed that British journalists regularly refer to the names of characters from the classics of English literature in their texts. At the same time, it is shown that the leading place in terms of frequency of actualization and productivity is occupied by PN, which have become popular in recent decades, which primarily refers to the characters of J. Rowling’s Harry Potter novels. Thus, the analysis showed that the functioning of PN depends not only on cognitive and cultural, but also on discursive factors.

Key words: precedent name; precedent phenomena; intertextuality; UK media; media discourse; literary characters.

Material resources

AA — *Arkhiv avtora*. (In Russ.).

Reference

Bogdanovich, G. Yu., Nakhimova, E. A., Segal, N. A. (2019). Bibleyskiye motivy kak istochnik formirovaniya mediynogo obraza Kryma. *Yazyk i kultura, 47:* 8—20. DOI: 10.17223/19996195/47/1. (In Russ.).

1 Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31622.

Bogoyavlenskaya, Yu. V., Chudinov, A. P. (2015). Funktsionirovaniye pretsedentnykh vyskazyvaniy vo frantsuzskom mediadiskurse. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova, 29:* 20—35. (In Russ.).

Boyarskikh, O. S. (2008). *Pretsedentnyye fenomeny so sferoy-istochnikom «Literatura» v diskurse rossiyskikh pechatnykh SMI (2004—2007 gg.): dissertatsiya … kandidata filologicheskikh nauk.* Ekaterinburg. (In Russ.).

Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2017). Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki, 1:* 60—67. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-1-60-67.

Budaev, E. V., Chudinov, A. P., Nakhimova, E. A. (2019). Buratino kak pretsedentnyy fenomen v rossiyskikh SMI. In: *Detskaya kniga kak institut sotsializatsii: «zolotoy klyuchik» k miru vzroslykh: materialy XI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Nizhniy Tagil: NTGSPI. 23—31. (In Russ.).

Budaev, E. V., Shcherbinina, P. P. (2020). Pretsedentnyye imena so sferoy-istochnikom «Politika» v SMI Velikobritanii (2010—2019 gg.). *Politicheskaya lingvistika, 1 (79):* 27—34. DOI: 10.26170/pl20-01-03. (In Russ.).

Bykova, L. V. (2009). *Nemetskoyazychnaya kultura kak sfera-istochnik pretsedentnykh fe-nomenov v sovremennykh rossiyskikh pechatnykh SMI: dissertatsiya … kandidata filologicheskikh nauk*. Surgut. (In Russ.).

Bykova, L. V. (2012). Nemetskaya filosofiya kak sfera-istochnik pretsedentnykh fenomenov v sovremennoy rossiyskoy presse. *Yazyk i kultura, 1—2:* 198—206. (In Russ.).

Chudinov, A. P. [i dr.] (2016). *Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta.* Ekaterinburg: Uralskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. (In Russ.).

Chernobrov, A. A. (2009). Kompressionnaya, gipertekstovaya i esteticheskaya funktsii imen v tekste. *Aktualnyye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov, 4:* 109—117. (In Russ.).

Dmitriyeva, A. V., Golomidova, M. V. (2019). Pretsedentnyye imena istoricheskikh deyateley i realiy v polikodovykh videotekstakh rossiyskoy i frantsuzskoy politicheskoy reklamy: kommunikativno-pragmaticheskiy aspect. *Nauchnyy dialog, 8:* 25—40. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-25-40. (In Russ.).

Drapalyuk, A. S. (2010). *Pretsedentnyye fenomeny kak odin iz sposobov intellektualizatsii gazetnogo teksta: dissertatsiya … kandidata filologicheskikh nauk.* Saratov. (In Russ.).

Ewald, P. (2014). Rostock, das Sydney der Ostsee — Zur Spezifik von Namenmetaphern. In: *Methoden der Metaphernforschung und — analyse.* Wiesbaden: Springer. 197—213.

Grishayeva, L. I. (2008). Pretsedent kak universalnoye sredstvo peredachi i khraneniya kulturnoy informatsii. *Politicheskaya lingvistika, 1 (24):* 118—123. (In Russ.).

Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii.* Moskva: Gnozis. (In Russ.).

Gudkov, D. B. (2020). *Lyudi i zveri. Russkiye pretsedentnyye imena i zoonimy v natsionalnom mife. Lingvokulturologicheskiy slovar'*. Moskva: Lenand. (In Russ.).

Hernández-Guerra, C. (2013). Textual, intertextual and rhetorical features in political discourse: the case of president Obama in Europe. *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas, 8:* 59—65. DOI: 10.4995/rlyla.2013.1175.

Ibragim, V. F., Darvish, R. Kh. (2013). Sfery-istochniki pretsedentnykh imen v rossiyskoy i yegipetskoy presse. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki, 4 (37):* 92—99. (In Russ.).

Ivanova, S. V., Chanysheva, Z. Z. (2014). Natsionalno-kulturnyye pretsedenty v politicheskoy kommunikatsii. *Politicheskaya lingvistika, 4 (50):* 39—47. (In Russ.).

Kachalova, I. N. (2010). *Otsenochnaya funktsiya yazykovoy igry v diskurse SMI: dissertatsiya … kandidata filologicheskikh nauk.* Moskva. (In Russ.).

Kennedy, V. (2000). Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo. *Metaphor and Symbol, 15 (4):* 252—265. DOI:10.1207/S15327868MS1504_6.

Kovshova, M. L., Gudkov, D. B. (2017). *Slovar' lingvokulturologicheskikh terminov.* Moskva: Gnozis. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya.* Moskva: Gnozis. (In Russ.).

Meshcheryakova-Klabakher, V. A. (2016). *Nominatsiya litsa v tekstakh nemetskikh SMI (na primere nominatsiy pisatelya): avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk.* Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Nakhimova, E. A. (2009). Imena russkikh tsarey kak pretsedentnoye pole v sovremennykh Rossiyskikh SMI. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya, 2:* 12—19. (In Russ.).

Nakhimova, E. A. (2011). *Pretsedentnyye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya.* Yekaterinburg: UrGPU. (In Russ.).

Nakhimova, E. A., Chudinov, A. P. (2016). Pretsedentnyye fenomeny kak dominanta idiostilya publitsista. *Filologiya i chelovek, 2:* 107— 115. (In Russ.).

Naumova, I. A. (2017). O pretsedentnykh fenomenakh iz sfery-istochnika «Russkaya klassicheskaya literatura» v sredstvakh massovoy informatsii Rossiyskoy Federatsii. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika, 14 (2):* 81—87. DOI: 10.14529/ling170212. (In Russ.).

Orekhova, E. N. (2013). *Pretsedentnost' i prirashcheniye smysla v obshchestvenno-politicheskom diskurse (kognitivno-pragmaticheskiy aspekt): dissertatsiya … kandidata filoloicheskikh nauk.* Maykop. (In Russ.).

Rogozina, L. E. (2009). O lyudicheskoy funktsii pretsedentnogo imeni (na materiale frantsuzskogo yazyka). *Aktualnyye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazkov, 4:* 72—79. (In Russ.).

Sablukova, V. A. (2014). Suggestivnyye mekhanizmy ispolzovaniya natsionalno-pretsedentnykh feomenov v diskurse konflikta (na materiale realiy russkoy lingvokultury v angloyazychnykh SMI). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 16 (345):* 124—127. (In Russ.).

Salakhova, A. B., Gracheva, K. L. (2016). Lingvisticheskiy analiz manipulyativnykh sredstv vozdeystviya SMI v period informatsionnykh voyn (na materiale pressy Germanii). *Politicheskaya lingvistika, 6 (60):* 132—138. (In Russ.).

Sipko, Y. (2019). SSSR — tolko repressii, deformatsii, zastoy? *Politicheskaya lingvistika, 5 (77):* 193—201. (In Russ.).

Zinken, J. (2003). Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Polit-ical Discourse. *Discourse and Society, 14 (4):* 507—523. DOI: 10.1177/0957926503014004005.

Zyryanova, I. P. (2016). *Pretsedentnyye fenomeny v zagolovkakh rossiyskoy i britanskoy pressy (2005—2009 gg.): dissertatsiya … kandidata filologicheskikh nauk.* Yekaterinburg. (In Russ.).

Данкова Н. С. Репрезентация пандемии в СМИ: метафорический образ войны (на материале американских газет) / Н. С. Данкова, Е. В. Крехтунова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 69—83. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83.

Dankova, N. S., Krekhtunova, E. V. (2020). Media Representation of the Pandemic: a Metaphorical Image of War (based on American Newspapers). *Nauchnyi dialog, 8:* 69-83. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83. (In Russ.).

УДК 811.111’42:070
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83

Репрезентация пандемии в СМИ: метафорический образ войны (на материале американских газет)

© **Данкова Наталья Станиславовна (2020),** orcid.org/0000-0003-2485-8047, Researcher ID P-6824-2015, Scopus Author ID 0000-0003-2485-8047, SPIN 1431-0443, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Английский язык», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный университет» (Пенза, Россия), n.s.dankova@mail.ru.

© **Крехтунова Елена Викторовна (2020),** orcid.org/0000-0003-3369-0055, Researcher ID AAP-4376-2020, SPIN 4213-7020, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Английский язык», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный университет» (Пенза, Россия), mizuori@mail.ru.

Статья посвящена изучению особенностей репрезентации в СМИ ситуации распространения коронавирусной инфекции. Материалом послужили статьи, опубликованные в американских газетах. Показано, что при освещении пандемии в СМИ широко используется метафорическая модель «Война». Актуальность работы обусловлена способностью СМИ воздействовать на массовое сознание. Методологическую основу исследования образует критический дискурс-анализ, устанавливающий связь между языком и социальной действительностью. В статье предлагается обзор работ, посвященных изучению метафоры. Приводятся теоретические основания для исследования метафорического моделирования. В ходе анализа выявлены языковые средства актуализации метафорической модели «Война». Авторы отмечают, что данная метафорическая модель представлена такими фреймами, как «Война и ее характеристики», «Участники военных действий», «Зона военных действий», «Действия врага», «Противостояние врагу». Показано, что современная действительность представлена в СМИ как военное положение, коронавирус позиционируется в СМИ как жестокий и беспощадный враг, стремящийся захватить мир, лечение заболевания репрезентируется как борьба с врагом. Сделан вывод о том, что использование метафорической модели «Война» представляет собой один из способов концептуализации распространения коронавируса.

Ключевые слова: дискурс СМИ; репрезентация; метафора; пандемия; коронавирус.

1. Введение

Данная статья продолжает серию работ, направленных на изучение дискурса СМИ. Поскольку современная действительность охвачена пандемией коронавируса, следует отметить пристальное внимание СМИ к проблеме распространения коронавирусной инфекции. Языковая репрезентация данной темы в различных видах дискурса, в частности в публицистических текстах, находится в свою очередь в фокусе внимания лингвистов. Например, исследованы средства языковой выразительности, используемые при освещении вопроса пандемии, в немецком политическом дискурсе [Петренко и др., 2020]. Объектом настоящего исследования являются американские СМИ в связи с тем, что Америка входит в число стран, наиболее пострадавших от коронавируса. Полагаем, что освещение пандемии в СМИ во многом определяет отношение читателей к глобальной проблеме современности. В этой связи В. И. Карасик отмечает, что публикации о распространении инфекции находят эмоциональный отклик у читателей [Карасик, 2020]. Кроме того, отечественные и зарубежные исследователи неоднократно отмечали роль медийного дискурса в конструировании реальности [Дубровская, 2016; Bloor et al., 2007].

Актуальность исследования определяется как лингвистическими, так и социальными факторами. С позиции лингвистики она обусловлена недостаточной изученностью языковых репрезентаций пандемии коронавирусной инфекции в СМИ. С точки зрения социологического фактора актуальность определяется способностью СМИ воздействовать на массовое сознание. Газетные и журнальные тексты как в печатном, так и в электронном форматах рассматриваются нами вслед за другими исследователями как авторитетные источники информации об окружающем мире [Busch, 2006]. При этом теоретически мы исходим из того, что метафорические переносы, используемые в текстах СМИ, оказывают определенное влияние на формирование картины мира адресатов [Пшенкин, 2006].

Целью данного исследования является изучение языковых репрезентаций метафорической модели «Война», которая широко используется для освещения пандемии коронавируса в американских СМИ. Мы ставим перед собой следующие задачи: обозначить основные фреймы и слоты, присущие данной метафорической модели, выявить средства их актуализации в дискурсе.

Методологическую основу исследования образует критический дискурс-анализ, устанавливающий связь между языком и социальной действительностью [Bloor et al., 2007; Fairclough, 2004]. Методологическую важность представляют достижения теории исследования метафоры. Данная работа проведена в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, сто-

ронники которого рассматривают метафору как средство, нацеленное на выполнение определенной функции [Скребцова, 2010].

Материалом для анализа послужили статьи, опубликованные в американских газетах «New York Post», «The New York Times», «USA Today». Статьи отбирались из электронных версий печатных изданий методом произвольной выборки по ключевым словам *coronavirus*, *pandemic* [New York Post; The New York Times; USA Today]. Общее количество публикаций составило 50 статей. Все материалы, используемые в работе, цитируются без изменения авторской орфографии и пунктуации.

2. Теоретические основы изучения метафоры

Исследование метафоры пользуется большой популярностью у лингвистов [Балашова, 2014; Буженинов, 2020; Громыко, 2020; Чудинов, 2003 и др.]. Учеными отмечается двойственная природа метафоры, которая рассматривается как лингвистический и как ментальный феномен [Клименова, 2009]. Данный троп широко исследуется с позиции когнитивной лингвистики, поскольку отражает ментальный мир человека и является средством изучения когнитивных механизмов сознания. Метафору образно представляют как зеркало, в котором отражается национальное сознание [Колтышева, 2013].

Исследователями обозначены основные теоретические подходы к изучению метафоры, такие как концептуальный анализ, когнитивный анализ, лингвистическая прагматика, дискурсивный анализ, корпусные исследования, риторическая критика, контент-анализ и др. [Скребцова, 2010].

Большой вклад в исследование метафоризации внесли работы Л. В. Балашовой, посвященные изучению метафор с различными сферами-источниками, такими как спорт, медицина, религия, военное дело и др. [Балашова, 2017; Балашова, 2018; Балашова, 2019]. По мнению исследователя, метафоризация выполняет функцию классификации, дифференциации и упорядочения наших представлений о мире [Балашова, 2013].

Особую ценность для анализа метафорического представления пандемии в американских СМИ представляет работа А. П. Чудинова, выполненная в рамках когнитивно-дискурсивного подхода и посвященная исследованию метафорического моделирования в современном политическом дискурсе [Чудинов, 2003]. Согласно определению А. П. Чудинова, «метафорическая модель — это существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: “X — это Y”» [Чудинов, 2003, с. 70]. «В соответствии с названной формулой система фреймов

(слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита)», — отмечает исследователь [Там же].

При изучении репрезентации пандемии в СМИ мы опираемся на методику фреймо-слотового анализа, которая широко используется в современных исследованиях [Коптякова, 2008; Литвинова, 2009; Чудинов, 2003 и др.]. Следует отметить, что существует два подхода к понятию фрейма: фрейм как структура знания и фрейм как структура представления знания [Соколова, 2007]. Используя категорию фрейма как структуры знания, исследователи стремятся изучить обыденное человеческое сознание. Однако в рамках данного мы не ставим перед собой такую задачу, а рассматриваем фрейм как структуру представления знания. Объектом нашего внимания является язык. Наш интерес сосредоточен на моделировании окружающей действительности посредством метафор.

Отмечается, что метафорическое моделирование действительности широко используется в СМИ с целью создания определенного отношения к описываемым реалиям [Коптякова, 2008]. Исследователи признают, что метафора является мощным средством воздействия на адресата, а также эффективным способом концептуализации, категоризации и интерпретации событий и явлений реальной жизни [Буженинов, 2020; Попова и др., 2020]. «Так как метафоры имеют концептуальную природу, они могут оказывать влияние на наши мысли, действия и отношения» — отмечает Т. Фелбег [Фелберг].

Широко изучена роль метафоры, используемой с целью создания образов политических деятелей [Хачмафова и др., 2018 и мн. др.]. Отмечается, что СМИ моделируют метафорический образ политика, стремясь преобразовать существующую в сознании читателей языковую картину мира [Тамерьян и др., 2014].

Большой интерес для настоящей работы представляет изучение метафорической модели со сферой-источником «Война». Л. В. Балашова указывает на особую роль военной метафоры. «Главной отличительной особенностью модели становится то, что с ее помощью можно описать практически любой тип конфликтной ситуации во всем их разнообразии», — пишет исследователь [Балашова, 2017, с. 18].

На широкое использование данной метафорической модели указывается во многих трудах, посвященных анализу политического дискурса. Так, А. Э. Буженинов относит фрейм «Ведение войны» к основным фреймам в репрезентации американской политики [Буженинов, 2020]. Е. К. Мохова рассматривает метафорическую модель «Политика — это война» и отме-

чает, что военные метафоры активируют стремление сражаться с врагом [Мохова, 2010]. Милитарная метафора рассматривается как один из продуктивных способов концептуализации немецкой политической действительности в работе Е. Е. Коптяковой [Коптякова, 2008], которая изучает метафорическую модель «Политика Германии — это война» и выделяет такие фреймы, как «Война и ее разновидности», «Военные действия», «Участники войны», «Ход войны» [Там же]. Отмечается, что военная метафора является наиболее востребованной в современном политическом дискурсе, поскольку военная лексика передает сложность и конфликтность политической ситуации [Балашова, 2014]. Военная метафора также широко используется для репрезентации дипломатических, экономических, хозяйственных, правовых и других отношений в социуме [Там же].

Как представляется, метафора войны участвует в концептуализации распространения коронавирусной инфекции. Далее обратимся непосредственно к результатам настоящего исследования.

3. Метафорическая модель «Война» как средство репрезентации пандемии в СМИ

Анализ языкового материала показал, что пандемия коронавируса представлена в американских СМИ посредством метафорической модели «Война». Данная модель актуализируется в дискурсе использованием лексики сферы-источника «Война». Метафорическая модель «Война» представлена такими фреймами, как «Война и ее характеристики», «Участники военных действий», «Зона военных действий», «Действия врага», «Противостояние врагу». Рассмотрим выделенные нами фреймы и их актуализацию в СМИ более подробно.

3.1. Фрейм «Война и ее характеристики»

Языковые репрезентации фрейма «Война и ее характеристики» включают лексику семантического поля «Война», сравнения, эпитеты. Следующий пример демонстрирует эксплицитное указание на военное положение за счет лексической единицы *war / война*: *In tents, emergency rooms and intensive care units, a* ***war*** *is taking place* (April 10) [USA Today, 2020] (В палатках, приемных неотложной помощи и отделениях интенсивной терапии идет война[1]).

Помимо непосредственного указания на военное положение, в медийном дискурсе выстраивается параллель между пандемией и реальными военными действиями. Так, в СМИ используется стилистический прием срав-

1 Здесь и далее перевод авторов. — Н. Д., Е. К.

нения с целью оценить количество жертв, вызванных распространением коронавируса в США. Количество летальных исходов от COVID-19 сравнивается с войнами в Ираке, Афганистане, нападением на Перл-Харбор, а также террористическими актами. Полагаем, что подобная подача материала оказывает непосредственное влияние на восприятие читателей, формируя соответствующее отношение к глобальной проблеме современности.

Образ войны моделируется также посредством эмоционально окрашенных эпитетов (*catastrophic / катастрофический*) и номинаций (*nightmare / ужас, tragedy / трагедия, calamity / бедствие*), пробуждающих у читателя чувство тревоги и страха.

3.2. Фрейм «Участники военных действий»

Фрейм «Участники военных действий» представлен двумя слотами: «Враг», «Воины». Коронавирус характеризуется в СМИ как наносящий урон враг, с которым сложно вести противоборство. Так, следующий пример подчеркивает силу, который обладает враг, и указывает на последствия его действий: *But for the moment, the virus has proved* ***far more damaging than*** *any recent encounters with* ***traditional adversaries*** *...* (April 2) [The New York Times, 2020] (Но на данный момент вирус оказался гораздо более разрушительным, чем любые недавние сватки с обычными врагами ...).

Слот «Воины» актуализируется в СМИ посредством лексических единиц *front-line workers / работники передовой, soldiers / солдаты.* Следующие примеры демонстрируют, что врачи и медицинские сотрудники представлены в образе воинов, которые ведут неравный бой с врагом, значительно превосходящим их силами (*battle against the odds / битва с врагом, имеющим значительное превосходство*): *Broadway star serenades* ***front-line workers*** (April 30) [USA Today, 2020] (Звезда Бродвея исполняет серенаду для работников передовой); *He gowned up, used his own N95 mask and spent several hours in the ICU observing these newfound* ***soldiers*** *to provide these moments exclusively to the USA TODAY NETWORK. They offer rare, unfettered access into one hospital system's battle against the odds* (April 10) [Ibid.] (Он надел защитный костюм, свою собственную маску № 95 и провел несколько часов в отделении интенсивной терапии, наблюдая за этими солдатами-новобранцами, чтобы поделиться эксклюзивными моментами с читателями USA TODAY. В них предлагается редкий, беспрепятственный доступ к больничной битве с врагом, имеющим значительное превосходство).

Образ врага ассоциируется в СМИ не только с человеческим обликом. В следующем примере враг представлен в виде монстра с огромной пастью, в которую рискуют попасть медицинские работники: *The grueling day offered a glimpse into the chaotic, risk-filled lives of emergency workers*

who are reaching directly into ***the jaws of the pandemic*** (April 2) [The New York Times, 2020] (Изнурительный день позволил взглянуть на хаотичную, наполненную риском жизнь работников служб неотложной помощи, которые направляются прямо в пасть пандемии).

Отметим, что в языковых единицах, объединенных противопоставленными друг другу слотами «Враг» и «Воины» в рамках данного фрейма, заложена оценка бесстрашия и героизма воинов, с одной стороны, и неуязвимости врага, с другой стороны.

3.3. Фрейм «Зона военных действий»

Метафоры, относящиеся к фрейму «Зона военных действий», указывают на то, что современные условия работы врачей и медицинских работников представлены как военные. Данный фрейм реализуется номинациями *front lines / передовая, battlefield / поле боя, trenches / окопы, forefront / передовая линия*, которые обнаруживаются в примерах: *"Doctors are on the* ***front lines*** *to save lives, not to allow patients to suffer a horrible death," she said* (April 10) [USA Today, 2020] («Врачи находятся на передовой, чтобы спасать жизни и не позволить пациентам умереть страшной смертью», — сказала она); *"We are on the* ***battlefield****. We are in the* ***trenches*** *and in the middle of a war," said Dr. Robert L. Klitzman, the director of the masters of bioethics programs at Columbia University* (April 2) [The New York Times, 2020] («Мы на поле боя. Мы находимся в окопах и в самом разгаре войны», — сказал доктор Роберт Л. Клитцман, директор магистерских программ по биоэтике в Колумбийском университете).

Как видим, медийные репрезентации подчеркивают то, что врачи работают в совершенно новых для них условиях суровой реальности.

3.4. Фрейм «Действия врага»

Фрейм «Действия врага» представлен такими слотами, как «Удар», «Наступление», «Завоевание», «Убийство». Коронавирус позиционируется в СМИ как враг, наносящий удар по мирному населению. Слот «Удар» актуализируется в дискурсе посредством глаголов со значением 'бить', 'ударять' (*hit, struck, pummels*). Отметим широкое использование метонимии, поскольку удар пандемии ассоциируется с нападением на страны, что способствует созданию образа войны в целом: *The European Union has agreed to an aid package for countries like Italy that have been* ***hit*** *hard by the coronavirus pandemic* (April 10) [The New York Times, 2020] (Европейский союз договорился о предоставлении помощи таким странам, как Италия, которые оказались под сильным ударом пандемии коронавируса); <...> *the virus* ***pummels*** *the United States* <...> (April 23) [Ibid.] (<…> вирус наносит удары по Соединенным Штатам <…>).

Граждане страны представлены как жертвы военного нападения: *crushed* / *разбитые*.

Согласно медийным репрезентациям, враг-коронавирус ведет активные наступательные действия (слот «Наступление»). Образ врага, передвигающегося по земле, создается в следующем примере посредством глагола движения (*come / приходить)*: *The coronavirus has been slow to* ***come*** *to Haiti* (April 23) [Ibid.] (Коронавирус медленно дошел до Гаити).

Кроме того, данный слот реализуется в языке милитарной лексикой. Враг не просто приходит (*come*), он вторгается (*is making incursions*), подползает ближе (*creeps ever closer*), осаждает (*under siege*), атакует (*the onslaught*): *<…> the pandemic* ***is making incursions*** *into the nation's state legislatures* (April 10) [Ibid.] (<…> пандемия вторгается в национальные законодательные органы штатов); *But as the virus* ***creeps ever closer****, the Amish community is joining the fight.* (April 10) [Ibid.] (Но по мере того, как вирус подползает все ближе и ближе, сообщество амишей присоединяется к сражению); *With New Jersey city* ***under siege****, emergency workers race to keep up* (April 2) [Ibid.] (Когда город Нью-Джерси находится в осаде, спасатели стремятся не отставать); *<…> militarist policies "do nothing to curb the* ***onslaught*** *of the pandemic."* (April 23) [Ibid.] (… милитаристская политика «не делает ничего, чтобы сдержать атаку пандемии»).

Слот «Завоевание» формируется в текстах СМИ посредством метафоры захвата территорий (городов, стран): *New Yorkers have watched in helpless fear as the coronavirus, with dizzying speed and ferocity, truly* ***took hold of the city*** *in recent days* (April 2) [Ibid.] (Жители Нью-Йорка с беспомощным страхом наблюдали за тем, как коронавирус с головокружительной скоростью и жестокостью действительно захватил город за последние несколько дней).

Слот «Убийство» активируется в СМИ при описании жертв пандемии. Действия врага-коронавируса метафорично представлены как убийство: *<…> COVID-19* ***is killing*** *black people in America at an alarming and disproportionate rate* (April 10) [USA Today, 2020] (… COVID-19 убивает чернокожих людей Америки с угрожающей и непропорциональной скоростью).

Число жертв пандемии (*the flow of bodies / поток тел*) описывается посредством образа конвейера (*conveyor belt / конвейер*). Данная лексическая единица, содержащая сему непрерывности, указывает на большое количество смертей, вызванных коронавирусной инфекцией: *One doctor there said* ***the flow of bodies*** *passing through was "like a conveyor belt"* (April 2) [The New York Times, 2020] (Один доктор сказал, что поток проходящих через них тел «похож на конвейер»).

Как видим, фрейм «Действия врага» конструирует в СМИ образ жестокого сильного противника, который стремится покорить территории, убивая мирных жителей.

3.5. Фрейм «Противостояние врагу»

Лечение коронавирусной инфекции репрезентируется в СМИ посредством метафор, относящихся к фрейму «Противостояние врагу», представленному слотами «Борьба», «Оборона», «Победа».

Американские СМИ активируют слот «Борьба» при освещении событий, связанных с распространением коронавирусной инфекции. Согласно медийным репрезентациям, ведется сражение с врагом-коронавирусом. Данный слот реализуется в дискурсе посредством лексики с семантикой борьбы (*battle, fight*): *The WHO official noted that the crisis appeared to be stabilizing in some regions, but the* ***battle*** *with the virus was far from over* (April 23) [New York Post, 2020] (Официальный представитель ВОЗ отметил, что в некоторых регионах кризис, по-видимому, стабилизируется, но борьба с вирусом еще далека от завершения); *While public health is the top national priority, the measures taken to* ***fight*** *the virus have come at a steep cost, as much of the economy has effectively ground to a halt* (April 10) [USA Today, 2020] (В то время как общественное здравоохранение является главным национальным приоритетом, меры, принятые для борьбы с вирусом, обошлись слишком дорого, поскольку значительная часть экономики фактически остановилась).

Действия, направленные на противостояние врагу, часто представлены в СМИ как оборонительные. Так, следующие далее примеры формируют слот «Оборона» посредством лексических единиц с семантикой сопротивления: *Critics said governors who delayed issuing orders to keep residents at home created a disadvantage in* ***confronting*** *the pandemic* (April 10) [The New York Times, 2020] (Критики говорят, что губернаторы, которые откладывали выдачу распоряжений о том, чтобы жители оставались дома, создали неблагоприятные условия для противостояния пандемии); *They argue that the two superpowers need to work together to* ***suppress*** *the virus and resuscitate the global economy* <…> (April 2) [Ibid.] (Они утверждают, что две сверхдержавы должны работать вместе, чтобы оказать сопротивление вирусу и реанимировать мировую экономику <…>).

Фрейм «Противостояние врагу» включает в себя также слот «Победа» (*beat, defeat*). Подчеркивается необходимость одержать победу над врагом, а также высказываются положительные прогнозы: *“Until we come up with some drugs that can prolong life and help people* ***beat*** *the virus, we’re going to continue to have people passing away,” Johnson said* (April 10) [USA Today, 2020] («Пока мы не разработаем лекарства, которые могут продлить жизнь

и помочь людям победить вирус, люди будут продолжать умирать», — сказал Джонсон); *"This is how we will unlock the coronavirus puzzle," he said. "This is how we will* ***defeat*** *it in the end"* (April 2) [The New York Times, 2020] («Вот как мы разгадаем загадку коронавируса, — сказал он. — Вот как мы одержим над ним победу в конце»).

Результаты анализа языкового материала представлены далее в виде таблицы, характеризующей сегменты и средства реализации метафорической модели «Война», а также создаваемый ею образ (табл. 1).

Таблица 1

Реализация метафорической модели «Война», используемой для репрезентации пандемии в текстах СМИ

Фреймы	**Слоты**	**Лексические единицы**	**Создаваемый образ**
Война и ее характеристики	—	*War / война, Catastrophic / катастрофический, nightmare / ужас, tragedy / трагедия, calamity / бедствие*	военное положение
Участники военных действий	Враг	*Adversary / враг, the jaws of the pandemic / пасть пандемии*	беспощадный враг, совершающий разрушительные действия
	Воины	*front-line workers / работники передовой, soldiers / солдаты*	воины, ведущие неравный бой с врагом
Зона военных действий		front lines / передовая, battlefield / поле боя, trenches / окопы, forefront / передовая линия	военные условия
Действия врага	Удар	*hit, strike / ударять, pummel / бить, crush / подавлять*	нанесение удара по населению
	Наступление	Come / приходить, make incursions / вторгаться, creep closer / подползать, under siege / в осаде, onslaught / атака	наступательные действия врага
	Завоевание	*take hold of the city захватить город*	захват территорий
	Убийство	*Kill / убивать, flow of bodies / поток тел*	уничтожение мирных жителей
Противостояние врагу	Борьба	*Battle / бой, fight / сражение*	сражение с врагом
	Оборона	Confronting / противостояние, Suppress / оказывать сопротивление	оказание сопротивления врагу
	Победа	beat, defeat / побеждать	одержание победы над врагом

4. Заключение

Итак, в ходе настоящего исследования изучены языковые репрезентации метафорической модели «Война» по материалам некоторых ведущих американских газет США. Она представлена такими фреймами, как «Война и ее характеристики», «Участники военных действий», «Зона военных действий», «Действия врага», «Противостояние врагу». В составе фрейма «Участники военных действий» в свою очередь выделяются слоты «Враг» и «Воины, фрейм «Действия врага» включает в себя слоты «Удар», «Наступление», «Завоевание», «Убийство», фрейм «Противостояние врагу» представлен такими слотами, как «Борьба», «Оборона», «Победа».

Образ войны моделируется посредством милитарной лексики, номинаций с семантикой борьбы, а также эпитетов, сравнений и др. Можно сделать вывод, что современная действительность, которая имеет специфику в связи с распространением коронавирусной инфекции, оценивается СМИ как военное положение. Коронавирус изображается как жестокий и беспощадный враг, стремящийся захватить мир. Согласно медийным репрезентациям, враг наносит удары по населению, осаждает, атакует, захватывает территории, уничтожает мирных жителей. При этом медицинские работники представлены воинами, ведущими неравный бой с врагом, который значительно превосходит их силами. Лечение коронавирусной инфекции репрезентируется как борьба, результатом которой станет отпор врагу и победа над ним.

Проведенный анализ газетных публикаций позволяет сделать вывод об особенностях восприятия пандемии коронавируса той частью общества, картина мира которой формируется под влиянием СМИ. Дальнейшее изучение материала, а также привлечение других категорий анализа видятся нам перспективным направлением исследования.

Источники

1. *New* York Post. — 2020. — April, 23. — Access mode : https://nypost.com/.

2. *The New* York Times. — 2020. — April, 2, April, 10. — Access mode : https://www.nytimes.com/.

3. *USA* Today. — 2020. — April, 2, April, 10. — Access mode : https://www.usatoday.com/.

Литература

1. *Балашова Л. В.* Активные процессы в русском языке XXI века : институционально обусловленные метафоры / Л. В. Балашова // Коммуникативные исследования. — 2019. — Т. 6. — № 3. — С. 601—619.

2. *Балашова Л. В.* Военная и спортивная концептуальные метафоры (диахронический аспект) / Л. В. Балашова // Язык — Коммуникация — Образование : Методологи-

ческие исследования и практика преподавания : сборник научных трудов по материалам I Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией Е. Ю. Балашовой. — Саратов : Издательство Коваль Юлия Владимировна, 2017. — С. 15—21.

3. *Балашова Л. В.* Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX—XXI вв. (динамический аспект) / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. — 2018. — № 2 (68). — С. 10—17.

4. *Балашова Л. В.* Русская метафора в диахронии : основные тенденции в развитии переносов в предметной сфере / Л. В. Балашова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. — 2013. — Том 13. — Выпуск 2. — С. 3—7.

5. *Балашова Л. В.* Русская метафора : прошлое, настоящее, будущее / Л. В. Балашова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 496 с.

6. *Буженинов А. Э.* Метафорическая репрезентация концепта «Политика США» в идиостиле Анри Жиру / А. Э. Буженинов // Политическая лингвистика. — 2020. — № 1 (79). — С. 35-41. DOI: 10.26170/pl20-01-04.

7. *Громыко С. А.* Гастрономическая метафора в русском дореволюционном парламентском дискурсе (на материале речей правых депутатов) / С. А. Громыко // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 25—37. — DOI : 10.24224/2227-1295-2020-5-25-37.

8. *Дубровская Т. В.* Стратегии положительно-оценочной репрезентации российско-итальянских отношений в российском внешнеполитическом дискурсе (на материале сайта МИД РФ) / Т. В. Дубровская // Научный диалог. — 2017. — № 9. — С. 26—40. — DOI : 10.24224/2227-1295-2017-10-26-40.

9. *Карасик В. И.* Эпидемия в зеркале медийного дискурса : факты, оценки, позиции / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 25—34. — DOI: 10.26170/pl20-02-02.

10. *Клименова Ю. И.* Интегрированный подход к исследованию метафоры / Ю. И. Клименова // Известия РПГУ имени А. И. Герцена. — 2009. — № 96. — С. 201—205.

11. *Колтышева С. Я.* Комплексный метафорический образ Мадонны в медиа-дискурсах России и США / С. Я. Колтышева // Вестник ЮУрГУ. Серия : Лингвистика. — 2013. — № 2. — С. 2—31.

12. *Коптякова Е. Е.* Метафорическое представление внутренней политики Германии в российской прессе / Е. Е. Коптякова // Филология и человек. — 2008. — № 2. — С. 131—138.

13. *Литвинова Е. А.* Метафорический образ России во французском политическом дискурсе / Е. А. Литвинова // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2009. — № 1. — С. 47—49.

14. *Мохова Е. К.* Метафорический образ Америки в политическом дискурсе У. Чавеса / Е. К. Мохова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 1 (31). — С. 106—108.

15. *Петренко Д. А.* Средства языковой выразительности в образе COVID-19 (на материале немецкого политического дискурса СМИ) / Д. А. Петренко, Э. В. Лихачёв, М. В. Чернышова // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 194—209.

16. *Попова Т. Г.* Метафора как важный элемент когниции / Т. Г. Попова, Е. В. Саушева // Политическая лингвистика. — 2020. — № 1 (79). — С. 68—72.

17. *Пшенкин А. А.* Метафорический образ СССР / России в американском и российском политическом дискурсе / А. А. Пшенкин // Политическая лингвистика. — 2006. — № 20. — С. 146—161.

18. *Скребцова Т. Г.* 2010.02.017 Метафора в политическом дискурсе : (по материалам журнала «Политическая лингвистика»). Научно-аналитический обзор / Т. Г. Скребцова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6, Языкознание : Реферативный журнал. — 2010. — № 2. — С. 90—100.

19. *Соколова О. В.* Категория фрейма в когнитивной лингвистике / О. В. Соколова // Вестник АГТУ. — 2007. — № 1 (36). — С. 236—239.

20. *Тамерьян Т. Ю.* Метафорическое моделирование образа канцлера Германии А. Меркель / Т. Ю. Тамерьян, В. А. Цаголова // Коммуникативные исследования. 2014. — № 2. — С. 70—78.

21. *Фелберг Т.* Путь Сербии в Европу по метафорам Зорана Джинджича [Электронный ресурс] / Т. Фелберг. — Режим доступа : http://www.philology.ru/linguistics1/felberg-07.htm.

22. *Хачмафова З. Р.* Метафорическое моделирование образа политика в медиадискурсе / З. Р. Хачмафова, Н. В. Погребняк // Вестник АГУ. Серия 2 : Филология и искусствоведение. — 2018. — № 4 (227). — С. 112—116.

23. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2003. — 248 с.

24. *Bloor M.* The Practice of Critical Discourse Analysis : An Introduction / M. Bloor, Th. Bloor. — London : Hodder Arnold, 2007. — 207 p.

25. *Busch B.* Media, Politics, and Discourse: Interactions / B. Busch // Encyclopedia of Language and Linguistics. — Amsterdam : Elsevier, 2006. — Pp. 609—616.

26. *Fairclough N.* Analysing Discourse : Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. — London, New York : Routledge, 2004. — 270 p.

Media Representation of the Pandemic: a Metaphorical Image of War (based on American Newspapers)

© Natalia S. Dankova (2020), orcid.org/0000-0003-2485-8047, Researcher ID P-6824-2015, Scopus Author ID 0000-0003-2485-8047, SPIN 1431-0443, PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Language, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University" (Penza, Russia), n.s.dankova@mail.ru.

© Elena V. Krekhtunova (2020), orcid.org/0000-0003-3369-0055, Researcher ID AAP-4376-2020, SPIN 4213-7020, PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Language, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University" (Penza, Russia), mizuori@mail.ru.

The article is devoted to the study of the media representation features of the situation of coronavirus infection spread. The material was articles published in American newspapers. It is shown that the metaphorical model "War" is widely used in media coverage of the pandemic. The relevance of the work is due to the ability of the media to influence the mass consciousness. The methodological basis of the research is formed by critical discourse analysis, which establishes the connection between language and social reality. The article provides an overview of works devoted to the study of metaphor. The theoretical foundations for the study

of metaphorical modeling are given. In the course of the analysis, the linguistic means of updating the metaphorical model "War" were revealed. The authors note that this metaphorical model is represented by such frames as "War and its characteristics", "Participants in military action", "War zone", "Enemy actions", "Confronting the enemy". It is shown that modern reality is presented in the media as martial law, the coronavirus is positioned in the media as a cruel and merciless enemy seeking to take over the world, the treatment of the disease is represented as a fight against the enemy. It is concluded that the use of the metaphorical model "War" is one of the ways to conceptualize the spread of coronavirus.

Key words: media discourse; representation; metaphor; pandemic; coronavirus.

References

Balashova, L. V. (2013). Russkaya metafora v diakhronii: osnovnyye tendentsii v razvitii perenosov v predmetnoy sfere. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika, 13 (2):* 3—7. (In Russ.).

Balashova, L. V. (2014). *Russkaya metafora: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye.* Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).

Balashova, L. V. (2017). Voyennaya i sportivnaya kontseptualnyye metafory (diakhronicheskiy aspekt). In: *Yazyk — Kommunikatsiya — Obrazovaniye: Metodologicheskiye issledovaniya i praktika prepodavaniya: sbornik nauchnykh trudov po materialam I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Saratov: Izdatelstvo Koval' Yuliya Vladimirovna. 15—21. (In Russ.).

Balashova, L. V. (2018). Meditsinskaya kontseptualnaya metafora v politicheskom mediadiskurse XX—XXI vv. (dinamicheskiy aspekt). *Politicheskaya lingvistika, 2 (68):* 10—17. (In Russ.).

Balashova, L. V. (2019). Aktivnyye protsessy v russkom yazyke XXI veka: institutsionalno obuslovlennyye metafory. *Kommunikativnyye issledovaniya, 6 (3):* 601—619. (In Russ.).

Bloor, M., Bloor, Th. (2007). *The Practice of Critical Discourse Analysis: An Introduction.* London: Hodder Arnold.

Busch, B. (2006). Media, Politics, and Discourse: Interactions. In: *Encyclopedia of Language and Linguistics.* Amsterdam: Elsevier. 609—616.

Buzheninov, A. E. (2020). Metaforicheskaya reprezentatsiya kontsepta «Politika SShA» v idiostile Anri Zhiru. *Politicheskaya lingvistika, 1 (79):* 35-41. DOI: 10.26170/pl20-01-04. (In Russ.).

Chudinov, A. P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii: monografiya.* Ekaterinburg: Uralskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. (In Russ.).

Dubrovskaya, T. V. (2017). Strategii polozhitelno-otsenochnoy reprezentatsii rossiysko-italyanskikh otnosheniy v rossiyskom vneshnepoliticheskom diskurse (na materiale sayta MID RF). *Nauchnyy dialog, 9:* 26—40. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-26-40. (In Russ.).

Fairclough, N. (2004). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research.* London, New York: Routledge.

Felberg, T. *Put' Serbii v Evropu po metaforam Zorana Dzhindzhicha.* Available at: http://www.philology.ru/linguistics1/felberg-07.htm. (In Russ.).

Gromyko, S. A. (2020). Gastronomicheskaya metafora v russkom dorevolyutsionnom parlamentskom diskurse (na materiale rechey pravykh deputatov). *Nauchnyy dialog, 5:* 25—37. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-25-37. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2020). Epidemiya v zerkale mediynogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii. *Politicheskaya lingvistika, 2 (80):* 25—34. DOI: 10.26170/pl20-02-02. (In Russ.).

Khachmafova, Z. R., Pogrebnyak, N. V. (2018). Metaforicheskoye modelirovaniye obraza politika v mediadiskurse. *Vestnik AGU. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie, 4 (227):* 112—116. (In Russ.).

Klimenova, Yu. I. (2009). Integrirovannyy podkhod k issledovaniyu metafory. *Izvestiya RPGU imeni A. I. Gertsena, 96:* 201—205. (In Russ.).

Koltysheva, S. Ya. (2013). Kompleksnyy metaforicheskiy obraz Madonny v media-diskursakh Rossii i SShA. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika, 2:* 2—31. (In Russ.).

Koptyakova, E. E. (2008). Metaforicheskoye predstavleniye vnutrenney politiki Germanii v rossiyskoy presse. *Filologiya i chelovek, 2:* 131—138. (In Russ.).

Litvinova, E. A. (2009). Metaforicheskiy obraz Rossii vo frantsuzskom politicheskom diskurse. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya, 1:* 47—49. (In Russ.).

Mokhova, E. K. (2010). Metaforicheskiy obraz Ameriki v politicheskom diskurse U. Chavesa. *Politicheskaya lingvistika, 1 (31):* 106—108. (In Russ.).

Petrenko, D. A., Likhachev, E. V., Chernyshova, M. V. (2020). Sredstva yazykovoy vyrazitelnosti v obraze COVID-19 (na materiale nemetskogo politicheskogo diskursa SMI). *Nauchnyy dialog, 7:* 194—209. (In Russ.).

Popova, T. G., Sausheva, E. V. (2020). Metafora kak vazhnyy element kognitsii. *Politicheskaya lingvistika, 1 (79):* 68—72. (In Russ.).

Pshenkin, A. A. (2006). Metaforicheskiy obraz SSSR / Rossii v amerikanskom i rossiyskom politicheskom diskurse. *Politicheskaya lingvistika, 20:* 146—161. (In Russ.).

Skrebtsova, T. G. (2010). 2010.02.017 Metafora v politicheskom diskurse: (po materialam zhurnala «Politicheskaya lingvistika»). Nauchno-analiticheskiy Obzor. *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6, Yazykoznaniye: Referativnyy zhurnal, 2:* 90—100. (In Russ.).

Sokolova, O. V. (2007). Kategoriya freyma v kognitivnoy lingvistike. *Vestnik AGTU, 1 (36):* 236—239. (In Russ.).

Tameryan, T. Yu., Tsagolova, V. A. (2014). Metaforicheskoye modelirovaniye obraza kantslera Germanii A. Merkel'. *Kommunikativnyye issledovaniya, 2:* 70—78. (In Russ.).

Ильина Е. Н. Ономастическое пространство мультфильмов о русских богатырях студии анимационного кино «Мельница» / Е. Н. Ильина, В. С. Тиво // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 84—96. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-84-96.

Ilyina, E. N., Tivo, V. S. (2020). Onomastic Space of Animated Films about Russian Heroes by the Studio of Animation Cinema "Mill". *Nauchnyi dialog, 8:* 84-96. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-84-96. (In Russ.).

УДК 81'42:778.534.662+82-131
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-84-96

Ономастическое пространство мультфильмов о русских богатырях студии анимационного кино «Мельница»[1]

© Ильина Елена Николаевна (2020), orcid.org/0000-0002-1797-8959, SPIN 1219-9296, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет» (Вологда, Россия), filfak@list.ru.

© Тиво Виолетта Сергеевна (2020), orcid.org/0000-0001-9459-0352, SPIN 2032-6475, преподаватель, Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение Архангельской области "Устьянский индустриальный техникум" (п. Октябрьский, Архангельская область, Россия), магистрант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина» (Сыктывкар, Россия), vita.tivo@mail.ru.

Статья посвящена изучению системы имен собственных в текстах мультипликационных фильмов с фольклорной прецедентной основой. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения медиатекстов, транслирующих фольклорную образность, в лингвокогнитивном и лингвостилистическоком аспектах. Материалом для исследования служат персонажный и закадровый тексты мультипликационных фильмов о русских богатырях: «Алёша Попович и Тугарин Змей» (2004), «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2006), «Илья Муромец и Соловей Разбойник» (2007). Рассматривается комплекс названий географических объектов, система именований антропо- и зооморфных персонажей, определяется прецедентная база формирования ономастического пространства мультипликационных фильмов, характеризуются способы введения новых компонентов в ономастикон данного контента. Особое внимание уделяется описанию интертекстуальных связей исследуемого поликодового контента с произведениями эпических жанров русского фольклора и с иными источниками. Научная новизна работы видится в том, что вербальная составляющая исследуемых нами мультипликационных фильмов в настоящий момент изучена недостаточно, а их ономастикон впервые становится предметом лингвистического анализа.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 20-012-00082 «Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивные и языковые механизмы»).

Ключевые слова: лингвофольклористика; фольклорная концептология; ономастика фольклора; лингвистика массовых коммуникаций.

1. Мультипликационные фильмы о русских богатырях как объект лингвистического анализа

В истории отечественной мультипликации существуют различные опыты обращения к текстам русских былин: с одной стороны, это мультипликационные фильмы второй половины XX века, текстовая основа которых была весьма близка к фольклорным источникам («Добрыня Никитич» (1965, реж. В. Дегтярев), «Илья Муромец. Пролог» (1975, реж. И. Асенчук), «Садко богатый» (1975, реж. В. Курчевский) и др.), а с другой — работы начала XXI века, в частности, мультфильмы о русских богатырях студии анимационного кино «Мельница»: «Алеша Попович и Тугарин Змей» (2004, реж. К. Бронзит) [Алёша], «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2006, реж. И. Максимов) [Добрыня], «Илья Муромец и Соловей Разбойник» (2007, реж. В. Торопчин) [Илья] и др[1]. Мультфильмы последних лет, сохраняя сюжетно-фабульную и образную связь с фольклорным источником, тем не менее обнаруживают с ним существенные расхождения, специфику которых мы описывали ранее [Ильина и др., 2020]. Предметом осмысления в данной статье является система имен собственных этих мультфильмов. В качестве гипотезы исследования выдвигается тезис о том, что ключевым стилистическим приемом создания текста современной «анимационной комедии» (М. Свешников) на основе былинного сюжета является прием бурлескной травестии (травестирования), позволяющий сложить эстетический образ на базе компонентов различных культурных страт, объединенных современным массовым сознанием.

2. Ономастическое пространство русских былин в трудах отечественных лингвофольклористов

Система имен собственных классической былины весьма активно обсуждалась в трудах лингвофольклористов. В центре внимания исследователей оказались вопросы системной организации ономастикона русского эпоса [Кондратьева, 1967; Хроленко и др., 2000; Петрова, 2001; др.] и отдельных кластеров ономастической системы: названий географических объектов [Пропп, 1958; Тарланов, 2001] и имен персонажей [Тарланов, 2001; Тарланов, 2002; Личные имена …, 2002 и др.], а также специфика реализации ономастических универсалий жанра в практике сказительских традиций [Новиков, 1992; Уренская, 2001 и др.]. В результате этой рабо-

1 Авторы сценария: Александр Боярский, Илья Максимов и Максим Свешников.

ты были описаны особенности членения географического пространства в былине, выявлен комплекс именований объектов с в о е г о пространства: это древнерусские села (*Карачарово*) и города (*Муром*, *Ростов*, *Чернигов* и др.) как «малая родина» русских богатырей и точки на пути их служения; это центры политической (*Киев*, *Новгород*) и духовной (*Царьград*) жизни русского человека и его родина в широком смысле слова (святая *Русь*, *Русь*-матушка и др.), это сакральные объекты (*Пучай*-река, *Ильмень*-озеро и др.), выполняющие функцию границы с ч у ж и м миром, местом обитания враждебных сущностей. Концептуальной основой былины является универсальная ментальная оппозиция «с в о е / ч у ж о е», сюжетно репрезентируемая борьбой богатыря с внешним врагом во имя защиты родной земли [Черноусова, 2015]. Эта оппозиция организует и состав имен персонажей: с одной стороны — богатырей, «старших» (*Святогор*) и «младших» (*Илья Муромец*, *Илья крестьянский сын Иванович*), их родственников, друзей и помощников (*Амелфа Тимофеевна*, *Еким Иванович*, *Бурушка-косматушка*), с другой стороны — внешних врагов, объединяющих в себе антропо- и зооморфное начало (*Тугарин Змей* (*Змеевич*), *Змей Горыныч*), обладающих губительной силой и мощью (*Идолище Поганое*, *Калин-царь* и др.), победу над которыми способен одержать только великий воин, сверхчеловек, богатырь [Беляев, 2017]. В трудах отечественных ученых весьма убедительно толкуется внутренняя форма онимов былинного жанра в контексте эволюции системы русских личных имен и ее взаимодействия с другими ономастическими системами [Пропп, 1958; Тарланов, 2002; др.].

3. Ономастикон богатырских мультфильмов арт-студии «Мельница»

Мультфильмы о русских богатырях в качестве сюжетной основы обращаются к описанию подвигов «младших» русских богатырей «киевского» цикла: Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича, вступающих в противоборство с чудовищами — Соловьем-разбойником, Змеем Горынычем и Тугарином Змеем (Змеевичем) [Пропп, 1958]. Соответственно и система имен собственных этих мультфильмов сориентирована на именослов этих трех сюжетов. Вместе с тем в этой сфере наблюдаются и существенные отличия. Их описание уместно будет прокомментировать при описании основных подсистем ономастического пространства мультфильмов: названий географических объектов, имен персонажей, а также иных объектов, упоминаемых по ходу развития сюжета.

3.1. Названия географических объектов

«Богатырские» мультфильмы студии «Мельница» достаточно полно воспроизводят ядерную зону топонимикона былин. Как и в фольклорном

источнике, в текстах мультфильмов осуществляется номинация родины в целом («*Давным-давно, когда в лесах грибов и ягод было вдоволь, а в прудах и реках рыба водилась, жил народ на* ***Руси-****матушке да не тужил. А только стали вдруг дела нехорошие твориться*» [Илья]), «малой родины» богатырей («*В славном городе* ***Ростове*** *у ростовского попа соборного был один-единственный сын*» [Алёша]), других русских городов («*Смешной случай вышел. Он под* ***Черниговом*** *морковку с людских огородов воровал*» [Добрыня]), центров политической и духовной жизни («*У меня большие связи! Да за мной весь* ***Новгород*** *стоит!*» [Алёша]; «*Направился Добрыня ко стольному* ***Киев****-граду*» [Добрыня]), в том числе находящихся за пределами русской земли («*За море он подался, в* ***Царьград*** *направился*» [Илья]; «*А Соловей, победу празднуя, был уже совсем рядом с* ***Великим Городом***» [Илья]). Вместе с тем акценты в этой системе заметно смещаются. Так, в мультфильме про Алешу Поповича место центра мира занимает родина богатыря — город *Ростов* (там начинается и там заканчивается путешествие богатыря). При этом *Киев*, традиционно выполняющий эту функцию в былинах «киевского» цикла, оказывается всего лишь местом временного хранения ростовского золота. В мультфильме про Илью Муромца описан поход богатыря на *Царьград*. Но в отличие от былинного сюжета богатырь не ставит перед собой каких-либо религиозных или политических задач — он идет выручать из плена своего коня Бурушку. На состав топонимов «богатырских» мультфильмов оказывает заметное влияние система имен собственных волшебной сказки: «*Соберем им оброк золотом, оброк тот положим в пещеру, что под* ***Баюн****-горой*» [Алёша]; «*Здесь Колыван, неподалёку. На болоте у горы* ***Кудыкиной***» [Добрыня]. В качестве имен, имеющих иную прецедентную основу, обращает на себя внимание маркер чужого пространства ***на Западе*** («*А теперь, вишь, народ правду желают знать! Что скажут на* ***Западе****?*» [Илья]), активно используемый в современной массовой коммуникации. «Чужим» пространством в мире былинного эпоса был скорее *Юго-Восток* — оттуда многие племена кочевников совершали набеги на Киевскую Русь [Греков, 1953].

3.2. Имена / именования персонажей

Состав имен персонажей в текстах мультипликационных фильмов вполне отчетливо ориентирован на именослов былинного жанра — здесь также можно усмотреть взаимодействие ядерной составляющей (имена персонажей фольклорной традиции) и периферии (имена «новых» персонажей, вводимых в текст мультфильма сообразно замыслу авторов сценария). В этой сфере весьма ярко проявляют себя новации ономастической

системы. Далее прокомментируем эти новации при обращении к различным группам персонажей.

3.2.1. Богатыри

В текстах мультфильмов сохранены имена трех наиболее популярных в фольклорной традиции былинных богатырей: *Ильи Муромца*, *Добрыни Никитича* и *Алёши Поповича*. По образцу их полных именований конструирует себе имя ученик Добрыни, избранник княжеской племянницы гонец Елисей: «*Я и имя себе богатырское придумал:* ***Елисей Силович***» [Добрыня]. Рядом с этими именованиями активно используются их варианты, сохранившиеся в былинных текстах («*В славном городе Ростове у ростовского попа соборного был один-единственный сын. Звали его* ***Алёша, по отцу Поповичем***» [Алёша]; «*Ой, спасибо Вам,* ***Илья Иванович****!* [Илья]), личные имена без патронимических составляющих («*Слушай,* ***Добрыня****, а ты по любви женился?*» [Добрыня]; «*Нам теперь* ***Илья****-бунтарь без надобности*» [Илья]), а также многочисленные квалитативы: «*Вот что ваш* ***Алешенька*** *сделал!*» [Алёша]; «*Пока, счастливой дороги,* ***Добрынюшка****, до свидания!*» [Добрыня]; «*Спасибо, Господи, что ты ниспослал* ***Алешке*** *план нашего спасения*» [Алёша]; *Не забывай нас,* ***Илюшенька****!*» [Илья]; «*Послушай, светлый князь, а что если* ***Илюшке*** *про казну ни слова, а про коня рассказать?*» [Илья].

На периферии «богатырского» антропонимикона оказываются имена других богатырей — либо сохраненные без изменений («*Дядька, так это дом уж не самого ли* ***Святогора****?*» [Алёша]), либо трансформированные в пространстве сюжета мультипликационного фильма. Так, именем одного из богатырей (***Колыван***) авторы сценария называют одного из антагонистов главного персонажа. В русском эпосе *Колыван* — это один из малоизвестных «старших» богатырей, который, подобно Святогору, обладал непомерной силой и хотел перевернуть земную твердь. По мнению М. Фасмера, имя этого персонажа связано с финским сочетанием *Kalevan poika* «сын Калева», нередко используемым для именования героев финского эпоса [Фасмер, 2009, 1: с. 299]. В текст мультфильма повествователь вводит этого персонажа с помощью архаической антропонимической модели («*И жил в те времена купец знатный* ***Колыван сын Берендеев***» [Добрыня]), используя ее как одно из средств стилизации текста. В более поздних мультфильмах образ этого персонажа расширяется («Три богатыря на дальних берегах» (2012)), что находит в свое проявление и в ономастической сфере (***Барон фон Курдюк***).

3.2.2. Сторонники богатыря

В «богатырских» мультфильмах значительно шире, чем в прецедентных фольклорных текстах, представлен «ближний круг» богатыря: авторы

сценария максимально полно воспроизводят в отношении каждого из богатырей «матрицу» фольклорных персонажей, как ориентируясь на жанровую специфику былины, так и заимствуя типы сказочных персонажей. Так, в сюжете мультфильмов появляются «старики»: кроме упоминаемых в былине родителей Алёши Поповича и матери Ильи Муромца, в новых текстах появляются дядька ***Тихон*** и ***бабка***. Максимально полным оказывается состав «любимых»: кроме ***Настасьи*** (*Микулишны*), имя которой активно воспроизводится в былинных текстах [Личные имена …, 2002], в мультфильмах действуют новые персонажи в этой функции — невеста *Алёши Поповича* ***Любава***, избранница *Ильи Муромца* летописец ***Алёнушка,*** жених княжеской племянницы *Забавы Путятишны* ***Елисей***. Расширяется состав «спутников»: хотя в цитируемых мультфильмах каждый из богатырей действует по отдельности, каждый из них обретает комическую свиту (например, у *Добрыни* это ученик ***Елисей*** и побратим ***Змей Горыныч***). Пополняется и ряд зооморфных помощников: рядом с богатырским конем *Ильи Муромца* ***Бурушкой*** (***Бурушкой-косматушкой***), чье имя устойчиво воспроизводится былинными текстами, появляются говорящий конь ***Гай Юлий Цезарь***, ослик ***Моисей***, слон ***Бизнес***, верблюд ***Вася***). Потребность объективировать номинацию новых персонажей порождает в этой сфере активную словесную игру авторов вторичного текста.

КОНЬ: *Зовут меня* ***Гай Юлий Цезарь****. Ну, делая скидку на ваше образование, можете звать меня просто* ***Юлий****!*

АЛЕША: *Хе-хе! Это что ж за имя такое странное?*

ЮЛИЙ: ***Меня назвали в честь великого римского полководца и императора. Я*** *ведь до того, как меня цыгане украли,* ***при храме новгородском был, там множество книг занятных хранится*** [Алёша].

Формирование нового имени происходит практически на глазах у зрителя:

АЛЁНУШКА: *Князь, да врёт он всё! Это у него такой* ***бизнес****…*

ИЛЬЯ: *А что это за чудище заморское? Откуда зверь такой взялся?*

КНЯЗЬ: *А!* ***Бизнесом*** *его кличут…* [Илья].

Языковая игра в диалогах главного персонажа с его помощниками объективирует внутреннюю форму личных имён (ДОБРЫНЯ: *Ты зачем мне в попутчики навязался?* ***Забавы*** *ради?* ГОНЕЦ: *Так ты всё знаешь? Ну, да!* [Добрыня]), а также вводит в текст речевые номинации, ярко рисующие образы персонажей. Так, ученичество гонца Елисея, его взросление в походе при наставничестве Добрыни обыгрывается фразовой номинацией «(не) кого попало»:

ДОБРЫНЯ: в *общем, так. Я* ***кого попало*** *в ученики не беру!*

ГОНЕЦ: *А если я буду не «кого попало»?*

ДОБРЫНЯ: *Куда попало?*

ГОНЕЦ: *Ну, ты говоришь «кого попало»…*

ГОНЕЦ: *Ты сам говорил… как только станешь не «кого попало»…*

ДОБРЫНЯ: *Всё, достаточно! Коней достать сможешь?* [Добрыня].

В числе помощников богатыря неожиданно для зрителя оказывается его былинный антагонист Змей Горыныч, именование которого также представлено в тексте мультфильма достаточно широким спектром вариантов: «*Не умеет летать* ***Горыныч****. Дедушка его ещё умел*» [Добрыня]. Комизм образа этого персонажа создается с помощью объективации его многоголовости: персонаж называет себя во множественном числе («*Это местные.* ***Нас*** *ловят*» [Добрыня]), а каждая из голов Горыныча самостоятельно участвует в коммуникации:

2-я голова: *Позор, позор! Обмануть друга!*

1-я голова: *О, давайте на верблюде поедем — быстрее будет!*

3-я голова: *А что!? Это мысль.*

2-я голова: *А как он сказал: «Не может мой друг оказаться вдруг!». Слушайте: не нужно никуда ехать, давайте все расскажем Добрыне. Колыван же обманул нас.*

1-я голова: *Да, было! Сам князь, говорит, наш план одобрил, врал, выходит. Может, и правда расскажем Добрыне?*

3-я голова: *Да вы что? Да спит, спит Добрыня, сном богатырским спит. Раньше утра его не добудишься — сам знаешь.*

1-я голова: *Тоже верно, к тому же мы записку оставили на всякий случай.*

3-я голова: *Ну…*

1-я голова: *А как утро настанет, мы тут как тут!*

3-я голова: *И Забава с нами* [Алёша].

Таким образом, системность в сфере имен сторонников богатыря определяют, с одной стороны, типология персонажей фольклорного эпоса, а с другой — стремление максимально полно представить в каждом из сюжетов эту галерею типов, используя различного рода именования этих персонажей: родителей / стариков, возлюбленных, антропо- и зооморфных помощников — как средство стилизации и / или создания комического эффекта.

3.2.3. Противники богатыря

Те же тенденции находят свое проявление в сфере именований противников богатыря. Они либо персонифицированы (***Тугарин Змей***, ***Соловей-разбойник*** и др.), либо представлены как собирательное множество (*рать чужеземная*, *сила тёмная*, *басурмане* и пр.). Состав былинных антагони-

стов в текстах мультфильмов — при преимущественном сохранении ядерной зоны — пополняется именем крымского хана (***Бекет***), алчного купца (***Колыван***) и ***Бабы-Яги***.

В сфере номинации этой группы персонажей также активно проявляют себя процессы языковой игры. Это, например, «жонглирование» компонентами антропонимических моделей (АЛЁНУШКА: *Скажите, а* ***Соловей*** *— это Ваше* ***имя*** *или* ***фамилия****?* [Илья]), отантропонимическая деривация (ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ: *А во времена те лихие повадились войска* ***тугарские*** *землю русскую топтать, да русских людей неволить…* БАБКА: ***Тугаре****, точно тугаре! Их наречье!* [Алёша]), онимизация речевого контекста (КОЛЫВАН: *Долг привёз?* БЕКЕТ: *О, мудрейший Колыван!* ***Форс-мажор*** *у меня…* КОЛЫВАН: *Вот* ***у него*** *бы и занял…* [Добрыня]) и, наоборот, осмысление имени собственного как средства объективации способностей: БАБА-ЯГА: *Я* ***Баба-Яга*** *в* ***шестом поколении****!* [Добрыня].

3.2.4. Князь

Если в былинной в единый образ черты сразу нескольких лиц древнерусской истории [Пропп, 1958], то в текстах мультфильмов обращает на себя внимание подчеркнутая «анонимность» киевского князя: во всех цитируемых мультфильмах у него традиции правитель обладает личным именем (князь ***Владимир***), которое складывает отсутствует личное имя («*Что ж,* ***князюшка****, вдоволь ты надо мною потешился. Чай мой черед пришел шутки шутить. Отведай-ка силушки богатырской!*» [Алёша]; «*Государственные дела требуют твоего срочного вмешательства. Повелеваю тебе получить дань с Бекета Хана Крымского. Целую.* ***Князь***» [Добрыня]; «*Доложи Василевсу: прибыл друг его старинный,* ***князь киевский****!... Вася, Вася, я здесь!*» [Илья]). Из всего княжеского семейства упоминается только племянница («*Здравствуй, душа моя* ***Забава Путятична****! Прими в мужья спасителя своего!*» [Добрыня]), вокруг исчезновения которой из княжеского терема разворачивается конфликт мультипликационного текста. Подчёркнутая «автономность» данного персонажа в дальнейшем позволяет авторам расширять этот образ[1], в частности, например, создать анимационный фильм, основой сюжета которого становится сватовство князя к чародейке с Востока как угроза благополучию родной земли («Три богатыря и Шамаханская царица» (2010)).

1 Владимир Торопчин, режиссёр. Нет, но, конечно, любимый персонаж есть. Это князь киевский, такой большой ребенок, застрявший в детстве, — капризный, эгоистичный, избалованный и при этом очень обаятельный. Он и в предыдущих фильмах появлялся, но был эпизодическим героем, а здесь его роль довольно большая и гораздо более интересная [Константин Бронзит …, 2007].

3.2.5. Прочие персонажи

На периферии антропонимической системы мультфильмов о русских богатырях как одно из средств стилизации используются русские варианты канонических имен: «*Эй,* ***Степан****, гриву-то ему расчёсывай, да гляди — не стриги!*»; «*Вот, к примеру,* ***Варвара****… Хорошо, давай на* ***Глашеньку*** *поглядим*» [Илья]. Обращает на себя внимание упоминание киевским князем, эмоционально реагирующим на тяготы долгого пути по Царьграду, одного из почитаемых на Руси православных святых: «*Ох, святитель* ***Иоанн****, понастроили!*» [Илья]. Других отсылок к сакральному смыслу Царьграда как оплота православной культуры, достаточно явно выраженному в текстах русских былин (подробнее об этом: [Пропп, 1958, с. 234—237]), в персонажном и закадровом тексте «богатырских» мультфильмов не отмечено.

3.3. Названия иных объектов

Дальнюю периферию ономастической системы «богатырских мультфильмов» составляют *идеонимы* (названия объектов интеллектуальной деятельности: еженедельное издание «***Новая береста***» [Илья], летопись «***Будни русских героев***» [Илья]), *хрематонимы* (надпись на монументе ***KNAZ*** [Илья], клеймо на золотом слитке ***2GARIN*** [Алёша]), *эргонимы* (вывеска «***Кулачный бой***» [Алёша], географический указатель ***РУСЬ / ВРАГИ*** [Добрыня]). Эти именования в значительной мере мотивированы письменноречевой традицией более поздних культурных практик: еженедельного выпуска периодических изданий («*Я не баба, а летописец… еженедельного издания «****Новая береста****»* [Илья]), обозначения территорий на географической карте (***РУСЬ*** / ***БЕКЕТ*** [Добрыня]), форм записи результатов состязаний (СОЛОВЕЙ (пишет на стене тюремной камеры): ***Илья — 1583*** / ***Василевс — 0*** [Илья]) и пр. Бурлескный стиль проявляет себя здесь также во введении «инородных» графических элементов: латинского шрифта (надпись на скульптуре киевского князя ***KNAZ*** [Илья]) в сочетании с арабскими цифрами (товарный знак на золотом слитке ***2GARIN*** [Алёша]).

4. Заключение

Анализ ономастикона трех первых фильмов о русских богатырях студии анимационного кино «Мельница» («Алёша Попович и Тугарин Змей» (2004), «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2006) и «Илья Муромец и Соловей Разбойник» (2007)) позволяет сделать вывод о том, что интертекстуальность этих текстов являет собой сложное ассоциативное взаимодействие как с фольклорным эпосом (героические песни о русских богатырях на службе киевскому князю; волшебные, бытовые и анималистические сказки), так и с речевыми произведениями иных дискурсивных практик,

преимущественно в сфере массовой коммуникации. В ономастическом пространстве «богатырских» мультфильмов на фоне сохранения её прецедентного ядра (имена главных персонажей — *богатырей*, большинства их *антагонистов*, а также некоторых *помощников* и фоновых персонажей) активно пополняется состав второстепенных участников сюжета вследствие изменения функции былинного персонажа (*Змей Горыныч*, *Колыван*), обращения к другим жанрам фольклорного эпоса (волшебной и бытовой сказке: *Баба-Яга*, *Елисей, Алёнушка*, *бабка*), привлечения хорошо известных массовой аудитории прецедентных имен европейской истории (византийский император *Василевс*, говорящий конь *Гай Юлий Цезарь*, ослик *Моисей*), использования для именования вновь вводимых персонажей русских вариантов христианского ономастикона (*Степан*, *Варвара*, *Глашенька*), традиционных антропонимических моделей (*Колыван сын Берендеев*; *Шайтан-батыр*), а также вводятся элементы языковой игры, основанной как на онимизации речевого контекста (слон *Бизнес*), так и на приближении имени собственного к нарицательному (*Баба-Яга в шестом поколении*). Эстетическую основу подобного сближения разнородных элементов составляет *бурлеск* — стиль, основанный на комическом несоответствии содержания и формы речи, нарочитом нарушении условия тематической уместности их выбора в тексте [Москвин, 2011, с. 25]. Исследуемый нами текст репрезентирует одну из наиболее поздних бурлескных форм, являющих собой поликодовое сочетание динамически развивающегося сюжета в форме рисованного мультфильма с закадровым текстом. Основы комического здесь составляет *низкий* бурлеск (героические подвиги богатырей описываются с помощью бытового диалога, просторечной, бранной, жаргонной лексики), при этом авторы сценария активно используют техники *среднего* бурлеска (в пространство текста вводятся эмоционально нейтральная иностилевая лексика: научные термины, канцеляризмы, др. — и слова других языков) в сочетании с *высоким* (фразы былинного слога, репрезентирующие фольклорную образность, сочетаются с иллюстрациями бытовых, обыденных или неблаговидных действий). В зависимости от способов образования комически воспринимаемых единиц текста превалирует *интертекстуальный* бурлеск, основным приемом комической стилизации здесь является *травестирование*, то есть парафраз прецедентного текста либо с сохранением его исходной стилистической характеристики, либо с её снижением. Сочетание всех привлеченных смыслов в единый эстетический контекст на фоне сохранения концептуальной основы русских былин: защита родной земли, борьба богатырей с внешним врагом [Черноусова, 2015] — создает комический эффект, не разрушая при этом

ассоциативного единства прецедентного фольклорного текста и вторичного текста в сфере массовой коммуникации.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00082 “Media Image of Local Oral Speech Culture: Cognitive and Language Mechanisms”/ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00082 «Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивные и языковые механизмы».

Источники и принятые сокращения

1. Алёша — *Алёша* Попович и Тугарин Змей [Электронный ресурс] / реж. К. Бронзит. — Санкт-Петербург : Студия Мельница, 2004. — Режим доступа : http://melnitsa.com/project/alyosha_popovich_i_tugarin_zmey/.

2. Добрыня — *Добрыня* Никитич и Змей Горыныч [Электронный ресурс] / реж. И. Максимов. — Санкт-Петербург : Студия Мельница, 2006. — Режим доступа : https://onlinemultfilmy.ru/dobrynya-nikitich-i-zmej-gorynych/.

3. Илья — *Илья* Муромец и Соловей Разбойник [Электронный ресурс] / реж. В. Торопчин. — Санкт-Петербург : Студия Мельница, 2007. — Режим доступа : https://onlinemultfilmy.ru/ilya-muromec-i-solovej-razbojnik/.

4. *Константин* Бронзит, Илья Максимов, Владимир Торопчин (2007) [Электронный ресурс] // sobaka.ru, 25 декабря. — Режим доступа : http://www.sobaka.ru/oldmagazine/shou/3218.

5. Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 4-е изд., стер. — Москва : АСТ : Астрель, 2009.

Литература

1. *Беляев Д. А.* Культурно-философская экспликация идеи сверхчеловека : диссертация … доктора филологических наук / Д. А. Беляев. — Белгород, 2017. — 295 с.

2. *Бобунова М. А.* Словарь языка русского фольклора. Лексика былинных текстов / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко. — Курск : Издательство КГПУ, 1999. — 250 с.

3. *Греков Б. Д.* Киевская Русь / Б. Д. Греков. — Москва : Госполитиздат, 1953. — 568 с.

4. *Ильина Е. Н.* Концептосфера русского фольклора и её отражение в новых дискурсивных практиках : монография / Е. Н. Ильина, В. В. Карпова, В. С. Тиво. — Вологда : ВоГУ, 2020. — 196 с.

5. *Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в русском эпосе : монография / Т. Н. Кондратьева. — Казань : Изд-во Казанского гос. ун-та, 1967. — 247 с

6. *Личные имена* собственные в былинах // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. — Санкт-Петербург : Тропа Троянова, 2002—2003. — Т. I. Ч. 1: Поморье. — Ч. 2: Пинега. — 2002. — С. 676—681.

7. *Москвин В. П.* Бурлескный стиль : опыт типологии / В. П. Москвин // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — Т. 70, № 6. — 2011. — С. 25—37.

8. *Новиков Ю. А.* Сказители былин и региональные эпические традиции (на материале северорусских записей былин) : диссертация … доктора филологических наук / Ю. А. Новиков. — Санкт-Петербург, 1992. — 335 с.

9. *Петрова И. А.* Парадигматические отношения имен собственных в фольклоре : диссертация … кандидата филологических наук / И. А. Петрова. — Волгоград, 2001. — 210 с.

10. *Пропп В. Я.* Русский героический эпос / В. Я. Пропп. — Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1958. — 603 с.

11. *Тарланов З. К.* Географическое пространство русских былин / З. К. Тарланов // Филологические науки. — 2001. — № 4. — С. 32—44.

12. *Тарланов З. К.* Именник русских былин / З. К. Тарланов // Русская речь. — 2002. — № 3. — С. 105—110.

13. *Уренская В. В.* Реализация бинарной оппозиции «свой / чужой» на материале антропонимии онежских былин / В. В. Уренская // Рябининские чтения — 2011 : материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Карельский научный центр РАН. — Петрозаводск, 2011. — С. 396—399.

14. *Черноусова И. П.* Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале концептосферы волшебной сказки и былины) : автореферат диссертации … доктора филологических наук / И. П. Черноусова. — Елец, 2015. — 51 с.

Onomastic Space of Animated Films about Russian Heroes by the Studio of Animation Cinema "Mill"[1]

© **Elena N. Ilyina (2020),** orcid.org/0000-0002-1797-8959, SPIN 1219-9296, Doctor of Philology, professor, Vologda State University (Vologda, Russia), filfak@list.ru.

© **Violetta S. Tivo (2020), orcid.org/0000-0001-9459-0352,** SPIN 2032-6475, lecturer, State Autonomous Professional Educational Institution of Arkhangelsk Region "Ustyansky Industrial College" (Oktyabrsky, Arkhangelsk Region, Russia), Master's Degree Seeker, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pitirim Sorokin Syktyvkar State University" (Syktyvkar, Russia), vita.tivo@mail.ru.

The article is devoted to the study of the system of proper names in the texts of animated films with a folklore precedent basis. The relevance of the research is due to the need to study media texts that translate folklore imagery in linguocognitive and linguostylistic aspects. The material for the research is character and voice-over texts of animated films about Russian heroes: "Alyosha Popovich i Tugarin Zmey" (2004), "Dobrynya Nikitich i The Zmey Gorynych" (2006), "Ilya Muromets I Solovey Razboynik" (2007). The complex of names of geographical objects, the naming system of anthropo- and zoomorphic characters is considered, the precedent base for the formation of the onomastic space of animated films is determined, and the ways of introducing new components to the proper names system of this content are characterized. Special attention is paid to the description of intertextual links of the polycode content under study with works of epic genres of Russian folklore and with other sources. The scientific novelty of the work is seen in the fact that the verbal component of the studied animated films is currently insufficiently studied, and their proper names system becomes the subject of linguistic analysis for the first time.

Key words: linguistic folklore studies; folklore concept studies; folklore onomastics; linguistics of mass communications.

1 The study is financially supported by RFBR (project 20-012-00082 "Media Image of Local Oral Speech Culture: Cognitive and Language Mechanisms").

Material resources

Alesha — *Alesha Popovich i Tugarin Zmey*. (2004). Available at: http://melnitsa.com/project/alyosha_popovich_i_tugarin_zmey/.(In Russ.).

Dobrynya — *Dobrynya Nikitich i Zmey Gorynych*. (2006). Available at: https://onlinemultfilmy.ru/dobrynya-nikitich-i-zmej-gorynych/.(In Russ.).

Ilya — *Ilya Muromets i Solovey Razboynik*. (2007). Available at: https://onlinemultfilmy.ru/ilya-muromec-i-solovej-razbojnik/.(In Russ.).

Fasmer — Fasmer, M. (2009). *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. (4th ed.). Moskva: AST: Astrel. 4/1. (In Russ.).

Konstantin Bronzit, Ilya Maksimov, Vladimir Toropchin (2007). In: *sobaka.ru*, 25 dekabrya. Available at: http://www.sobaka.ru/oldmagazine/shou/3218.

References

Belyaev, D. A. (2017). *Kulturno-filosofskaya eksplikatsiya idei sverkhcheloveka*: Doct. Diss. Belgorod. (In Russ.).

Bobunova, M. A., Khrolenko, A. T. (1999). *Slovar' yazyka russkogo folklora. Leksika bylinnykh tekstov.* Kursk: Izdatelstvo KGPU. (In Russ.).

Chernousova, I. P. (2015). *Yazyk folklora kak otrazhenie etnicheskoy mentalnosti (na materiale kontseptosfery volshebnoy skazki i byliny):* avtoref. Doct. Diss. Elets. (In Russ.).

Grekov, B. D. (1953). *Kievskaya Rus'*. Moskva: Gospolitizdat. (In Russ.).

Il'ina, E. N., Karpova, V. V., Tivo, V. V. (2020). *Kontseptosfera russkogo folklora i ee otrazhenie v novykh diskursivnykh praktikakh: monografiya*. Vologda: VoGU. (In Russ.).

Kondrat'eva, T. N. (1967). *Sobstvennye imena v russkom epose: monografiya*. Kazan: Izd-vo Kazanskogo gos. un-ta. (In Russ.).

Lichnye imena sobstvennye v bylinakh (2002). In: Arhangelskie byliny i istoricheskie pesni, sobrannyye A. D. Grigoryevym v 1899—1901 gg. S napevami, zapisannymi posredstvom fonografa. Sankt-Peterburg: Tropa Trojanova, 2002—2003. *I*: 676—681. (In Russ.).

Moskvin, V. P. (2011). Burlesknyy stil: opyt tipologii. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka, 70 (6)*: 25—37. (In Russ.).

Novikov, Yu. A. (1992). *Skaziteli bylin i regionalnye epicheskie traditsii (na materiale severorusskikh zapisey bylin):* Doct. Diss. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Petrova, I. A. (2001). *Paradigmaticheskie otnosheniya imen sobstvennykh v folklore:* PhD Diss. Volgograd. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1958). *Russkiy geroicheskiy epos*. Moskva: Gos. izd-vo khudozh. lit. (In Russ.).

Tarlanov, Z. K. (2001). Geograficheskoe prostranstvo russkikh bylin. *Filologicheskie nauki*, *4*: 32—44. (In Russ.).

Tarlanov, Z. K. (2002). Imennik russkikh bylin. *Russkaya rech*, *3*: 105—110. (In Russ.).

Urenskaya, V. V. (2011). Realizatsiya binarnoy oppozitsii «svoy / chuzhoy» na materiale antroponimii onezhskikh bylin. In: *Ryabininskie chteniya — 2011: materialy VI konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kulturnogo naslediya Russkogo Severa*. Petrozavodsk. 396—399. (In Russ.).

Инютина Л. А., Шильникова Т. С. Об изменении синтаксической системы сложных предложений в русском языке XVII века (на материале сибирских челобитных грамот) / Л. А. Инютина, Т. С. Шильникова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 97—107. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-97-107.

Inyutina, L. A., Shilnikova, T. S. (2020). On Changes in Complex Sentences Syntax in the Russian Language of the 17th Century (on Material of Siberian Petitions). *Nauchnyi dialog, 8:* 97-107. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-97-107. (In Russ.).

УДК 811.161.1’367.335(571.1)“16”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-97-107

Об изменении синтаксической системы сложных предложений в русском языке XVII века (на материале сибирских челобитных грамот)

© Инютина Людмила Александровна (2020), orcid.org/0000-0003-0091-2678, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный технический университет» (Новосибирск, Россия), ljudina@yandex.ru.
© Шильникова Татьяна Сергеевна (2020), orcid.org/0000-0001-8639-5645, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный технический университет» (Новосибирск, Россия), caprice25@yandex.ru.

Рассматривается проблема формирования грамматических (синтаксических) норм русского национального языка на материале сибирских памятников деловой письменности XVII века. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью исторического синтаксиса русского языка и истории русского языка в Сибири, а также необходимостью расширения источниковой базы таких исследований. Научная новизна работы состоит в исследовании исторических изменений синтаксической системы сложных предложений в текстах сибирских челобитных грамот, значительная часть которых не опубликована и ранее не была привлечена к историко-грамматическим изысканиям. Доказана высокая источниковедческая ценность и лингвистическая информативность сибирских челобитных XVII века. В данных текстах проанализированы сложные предложения с паратактической и гипотактической связью. Прослежены особенности их употребления в памятниках местной деловой письменности в аспекте выработки синтаксических норм русского национального языка. Определен арсенал используемых в таких предложениях сочинительных и подчинительных союзов. Выяснены особенности изменений в конструкции сложных предложений, отражающие стихию живой народной речи, языковое сознание русских людей в Сибири и в то же время являющиеся характерными для синтаксической системы всего русского национального языка в начальный период его формирования.

Ключевые слова: русский язык в Сибири; челобитная грамота; исторический синтаксис; сложное предложение; паратаксис; гипотаксис.

1. Введение

В российской лингвистике особенности бытования русского языка в Сибири недостаточно изучены. История же русского языка в начальные периоды освоения этого края, вообще, может быть обозначена только в качестве перспективного направления таких исследований. Настоящая работа призвана частично восполнить недостаточность указанных исследований, поскольку она посвящена анализу некоторых особенностей сложного предложения в сибирских текстах делового письма XVII века.

В современных трудах по историческому синтаксису русского языка особое внимание обращается на взаимообусловленность развития синтаксической системы и мышления человека. Синтаксис в языке — это «уровень, который непосредственно служит созданию, хранению и передаче информации путем построения типичных формул и конструкций, способствующих выражению законченной мысли» [Колесов, 2010, с. 391]. В свою очередь, синтаксис сыграл важную роль в становлении русских форм мышления, поскольку «сгущал прежде разрозненные лексические группы, неопределенные морфологические отношения и создавал новые грамматические категории» [Там же].

Вместе с тем исторический синтаксис изучен в меньшей степени, чем лексикология или другие разделы истории русского языка, — констатируют исследователи [см. об этом: Инютина и др., 2017; Панин, 1995; Сабельфельд, 2006; Тарланов, 1999]. Представление о системе синтаксиса древнерусского языка и ее изменении «во многом фрагментарно, охватывает лишь определенный круг проблем, за которым остается много явлений, составляющих специфику синтаксического строя русского языка и его развития» [Колесов, 2010, с. 392].

Историки языка сходятся во мнении, что русский синтаксис во многом изменил унаследованную из древнерусской эпохи структуру к XVIII веку и приблизился в этом отношении к современному состоянию. «Особенно ярко изменения синтаксического характера отразились в истории сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, где развитие русского языка шло по пути упорядочения их структуры, где усиливалась однозначность союзов, соединяющих отдельные части сложного предложения, что обусловливало возможность более точного выражения мысли, высказываемой говорящим или пишущим» [Иванов, 1990, с. 396].

Данная работа направлена на изучение проблемы формирования грамматических (синтаксических) норм в начальный период становления русского национального языка. Исследование осуществлено на материале челобитных грамот, написанных в XVII веке на территории Сибири.

Эти памятники региональной деловой письменности не были привлечены ранее к историко-грамматическим исследованиям, и большая их часть не издана, что позволяет расширить источниковую базу историко-лингвистических изысканий. Обращение к анализу исторических изменений синтаксической системы сложных предложений (далее — СП) на материале указанных выше источников составляет научную новизну данной работы.

Материалом исследования являются сибирские челобитные грамоты XVII века, грамматические особенности которых ранее не становились предметом изучения, а томские челобитные до настоящего времени не изданы и доступны только в рукописях, хранящихся в РГАДА. В данных текстах проанализированы конструкции СП с паратактической и гипотактической связью. Определен набор используемых в них сочинительных и подчинительных союзов. Прослежены особенности употребления СП в этих текстах в аспекте выработки синтаксических норм русского национального языка.

Анализ изменений в строении СП осуществлен с целью формирования представлений о том, как создавались грамматические нормы русского национального языка. Материал сибирских челобитных грамот XVII века выбран в связи с тем, что они наиболее полно отражают особенности живой речи и языкового сознания русских первопоселенцев.

Современная («интегральная») лингвистическая парадигма, исходящая из понимания сложности «объясняемого» объекта, предопределяет параметры и методы исследования, адекватные объекту [Демьянков, 1995; Кубрякова, 1995]. Исследование истории синтаксиса помогает проникнуть в суть сложного процесса познания и объяснения мира человеком.

Методологическую базу исследования составляют принципы историко-культурологического, структурно-системного и концептуального подходов к языковому материалу XVII века. В работе они реализованы в использовании комплекса исследовательских методов, таких как описание взаимосвязи языкового материала с реалиями в их исторической, материальной и территориальной конкретике, структурно-системная интерпретация СП, представление синтаксиса как средства выражения усложняющихся способов познания мира.

2. Характеристика источников исследования

Одна из задач, решаемых в работе, — расширение источниковой базы историко-грамматических изысканий. Источником нашего исследования послужили памятники сибирской деловой письменности XVII века — челобитные грамоты. Это 12 енисейских челобитных (1626—1654), издан-

ных Л. М. Городиловой [Городилова, 1989] и посвященных служебным делам (посылке служилых людей в новые земли, «поверстанию (‘призыву’) в государеву службу», переводу в другой острог, жалобам на самоуправство воеводы), и 9 челобитных (1624—1660) томских пашенных крестьян и служилых людей, в которых описаны особенности организации сибирской пашни (трудности обзаведения крестьянским хозяйством, тяготы и лишения, сопровождавшие начало пашенного земледелия в Сибири).

Можно констатировать, что челобитные, привлечённые к исследованию, отражают языковое сознание русских первопоселенцев Сибири и их живую речь. Во-первых, они относятся к одним из самых ранних региональных письменных памятников XVII века. Во-вторых, эти документы писались либо самими авторами, либо местными, а не присланными из Москвы писцами (*Челобитная пашенного крестьянина из Томского города Максимко Захарьева сына Хлебнина* (при воеводе Федоре Потаповиче Полибине), 1648 год; *Челобитная конных и пеших казаков томского города*, 1643 год; *Челобитная служилых людей, которые по царскому указу жалованье получают из Тобольска*, 1659—1660 годы и др.). В-третьих, жанр челобитной характеризуется высокой степенью выраженного личного отношения к предмету челобитья. Таким образом, челобитные являются содержательными и информативными источниками изучения истории русского языка в Сибири.

Кроме того, сибирскими языковедами отмечается факт отражения в местных документах общего процесса становления норм национального русского языка и действия узуальных норм делового стиля, детерминированных социолингвистическими и социокультурными особенностями функционирования этих документов в данном регионе [Инютина и др., 2008; Майоров, 2006]. Тесная связь языка деловой письменности и с литературно обработанным языком, и с народно-диалектным также обусловливает обращение к этим памятникам как к источникам изучения истории русского языка.

3. Структура и союзы в сложносочиненных предложениях

СП часто употреблялись в деловых памятниках XVII века, отражая сложные причинно-следственные отношения внеязыковой действительности. Синтаксические отношения и средства их выражения в русском языке этого периода характеризовались диффузностью, синкретичностью и вариативностью. В сибирских челобитных зафиксировано значительное количество СП с паратактической связью («нанизывание»). Такой тип связи указывает на тяготение этих текстов к нормам устной формы речи: ***И*** *впред намъ холопем вашимъ семены хлѣбными завестис неоткуд мѣсто гсдри украин-*

ное окроме вашего гсдрва хлѣбного жалованіа тобольския присылки взяти негде (1659—1660) [РГАДА, ф. 214, е. х. 536, л. 113]. Как правило, это были союзные, сложносочинённые предложения (далее — ССП): … *в прошлых гсдри в прежних годѣхъ пахали мы сироты ваши вашу гсдрву десятинную пашню въ вашемъ гсдве в Спаскомъ селѣ* ***і*** *по вашему великих гсдреи указу из вашего гсдрва Спаскова села мы сироты ваши переведены въ верхъ по томи рѣкѣ sa сосновку реку на новое место… **а** въ вашем гсдрве в Спаском селе земли выпахалис **и** у лѣсу недород …* (1659) [Там же, л. 266].

Синтаксический анализ челобитных позволяет говорить о вполне сложившейся структуре ССП в русском языке XVII века. Отмечены ССП незамкнутой (открытой) структуры, состоящие из двух, трёх и более равноправных по отношению друг к другу предикативных частей. Количество частей в ССП открытой структуры обусловлено не только структурно-языковыми, но и экстралингвистическими факторами: описываемой в документе ситуацией, его общим содержанием, коммуникативными задачами: *... написал* (письменный голова) *на нас на холопеі твоих тѣ наші saимчишки пашнямі и деревніами большима **а** нас холопеі твоих написал кореннымі заводнымі людми ... **а** житьем мы холопі твоі на тѣх своих заимчішках не живемъ **и** дворов и saводов деревенских хором у нас у холопеі твоих на тѣх нашіх пашнишках нѣт* (1643) [РГАДА**,** ф. 214, е. х. 112, л. 415].

Зафиксированы ССП закрытой структуры, состоящие обычно из двух частей: … ***а** твоево гсдва хлебного жалованіа был нам холопем твоим из годово(во) оклада женатым по шті четі с осьминою ржи по четыріа четверті овса на члвку **и** нам холопем твоим тем твоим гсдрвым ж хлебным жалованемъ годовым окладом s женишкама и детишкама без присевки не прокормица* … 1643 г. [Там же, л. 412].

Основным средством связи частей ССП в исследуемых текстах являются сочинительные союзы ***и, а, да**: **И** послали они в томском душею да тѣломъ людишка бѣдные **а** в томском де гдрь гѡроде для твоеа гдрвоі пашни и новоі селидбы из твоеі гсдрвоі казны денежные подмоги на лошадиную покупку и на всякои пашеннои завод имъ не давано **і** имъ для твоеи гсдрвоі пашни лошадеи пашенново заводу купит и твоеі гсдрвоі пашни пахат было нечим* … (1634) [РГАДА**,** ф. 214, е. х. 109, л. 48]; *... на твоих гсдрвых пашнях и на нашіх пашнишках хлѣбу недород в прошлом гсдрь во·PMS·(146) году било градомъ **да** в нынешнем гсдрь во РМѲ году ... хлѣба недород ...* (1643) [Там же, е. х. 112, л. 415].

Установлены определённые логико-семантические отношения между предикативными частями ССП: соединительные и сопоставительно-противительные. Соединительная связь частей ССП в сибирских челобитных

XVII века осуществляется при помощи союзов ***и, да***. Наиболее употребительным является союз ***и***: ***Да*** *в прошлом гсдри в РξЗ году волею бжиею зима стала скорая* ***и*** *снеги укинули большие* ***и*** *хлебы всякие запали с семеніа дни* ... (1659) [РГАДА, ф. 214, е. х. 536, л. 113].

В отличие от текстов современного русского языка, в челобитных союз ***а*** употребляется в соединительном значении: ... *сироты твоі привоклис в томскои город толко чюд живы разорены до основания* ***а*** *в томском городе по твоему гсдву указу посажены мы сироты твои на твою гсдрву пашню на новое место sa басандаікою рекою* ... (1634) [Там же, е. х. 109, л. 52]. Однако ССП с союзом ***и*** количественно преобладают вследствие того, что именно этот союз становится типовым средством (нормой) выражения соединительных отношений в русском языке.

В анализируемых текстах широко представлены предложения, выражающие сопоставительно-противительные отношения. В таких ССП союзы ***а, да*** отмечены в качестве средства связи. Наиболее употребительным из них является союз ***а***: ***И*** *твоя гсдрва пашня нши заимки запустеет* ***а*** *деті моі Максимко да Івашко да Миколка воеводе ш Θеодора Полибина не служивали* ... (1648) [Там же, е. х. 307, л. 264]; … ***а*** *к твоимъ гсдрвымъ ясачнымъ людемъ велѣл держати ласку и честь и береженье* ***а*** *воеваті отнюд не велѣл* ... (1626) [Там же, е. х. 12, л. 18].

Следует отметить активное использование сочинительных союзов в позиции начала самостоятельного предложения, в которой они отличаются по значению (начинательно-соединительное или сопоставительно-противительное) и по выполняемой функции: ***И*** *твоя гсдрва пашня нши заимки запустеѣт* ***а*** *деті моі Максимко да Івашко да Миколка воеводе ш Θедора Полибина не служивали* (1648) [Там же, е. х. 307, л. 264]; ***Да*** *я сирота твоі гсдрь был на Вологде в твоих гсдрвых пашенных крстьянех* ***и*** *у него Θедора Пилибина во дворе sапис в пашенных крстьянах не живал* (1648) [Там же]; ***А*** *человеченко я бедной* ***і*** *одинокои* ***и*** *ребятишка у меня маленькие* ... (1650) [РГАДА, ф. 214, е. х. 381, л. 370].

Как видим, в анализируемых текстах XVII века сочинительные союзы еще отличаются многозначностью, граничащей с синкретичностью: любой из них мог объединять структурные части ССП, находившиеся в соединительных, противительных и присоединительных отношениях, либо стоять в начале предложения. Так, в следующих предложениях союз ***а*** одновременно выражает

— соединительное и сопоставительное значение: ***И*** *мы холопы твои видечі свою бѣдность и семеіство к твоему гсдрву хлѣбному годовому жалованю к своим окладом не в давных лѣтах почелі было пріпахіват не*

повелику ***а*** *сѣелі гсдрь смотря по сѣмеіству и по рожитку по осмінке и по четверті улі в силах по две* (1643) [Там же, е. х. 112, л. 412];

— сочинительное (сопоставительное) и подчинительное (причинное) значение: … *в прошлых гсдри в прежних годѣхъ пахали мы сироты ваши вашу гсдрву десятинную пашню въ вашемъ гсдве в Спаскомъ селѣ* ***і*** *по вашему великих гсдреи указу из вашего гсдрва Спаскова села мы сироты ваши переведены въ верхъ по томи рѣкѣ sa сосновку реку на новое место …* ***а*** *въ вашем гсдрве в Спаском селе земли выпахалис* ***и*** *у лѣсу недород …* (1659) [Там же, е. х. 536, л. 266].

Тем не менее процесс закономерной специализации и нормализации структуры и средств связи в ССП в сибирских текстах, безусловно, прослеживается так же последовательно, как и в общерусских.

4. Структура и союзы в сложноподчиненных предложениях

Исторически появление письменной формы речи сыграло большую роль в развитии синтаксиса, так как на письме «оказалось возможным отрабатывать сложные конструкции, редактируя и совершенствуя тексты» [Колесов, 2010, с. 392]. СП же, по мнению историков языка, «вообще развивалось в письменной форме» [Там же].

Поскольку основной задачей деловых документов является представление всех обстоятельств дела во всех их логических взаимоотношениях, СП с развитой системой подчинительных связей в них также представлены. Типичными для исследуемых текстов являются СП, в которых одновременно реализованы паратаксис и гипотаксис: … ***а*** *у меня сироты твоево твоеі гсдрвои пашни пахат некому* ***потому что*** *у меня детеи нет* ***а*** *я сирота твои не заволодею … без ногъ и без рукъ на разных муках на пытках замучен* ***и*** *твоеі гсдрвоі пашни у меня пахат некому* (1648) [РГАДА, ф. 214, е. х. 507, л. 264]; … ***и*** *на тѣх нашіх пашнишках тот хлѣб у нас ухолопеі твоих по многие лѣта уходит под снег* ***потому что*** *снят єво некому* (1643) [Там же, е. х. 112, л. 416]; ***І*** *в тѣ де поры в том гѡродѣ пѡдмоги давана поневелику всегѡ по десяти рублеі д челвку* ***а како*** *де в прошломъ во РМА году послан … твою гсдрвү пашню в Томском* ***и*** *… городе дворишка і всякоі пашенноі заводы помалі* (1634) [Там же, е. х. 109, л. 48].

В сибирских челобитных XVII века встречаются разные модели построения сложноподчиненного предложения (далее — СПП). Это обусловлено, очевидно, синтаксическими особенностями самого жанра челобитных. Необходимость разъяснения причин и мотивов, послуживших поводом для написания челобитных, обязательность аргументации просьбы обусловливали наличие в структуре этих документов мотивировочного

раздела. В них преобладали СПП с придаточными причины. Большинство таких СПП в исследуемых текстах оформлено исконно русскими подчинительными союзами ***потому что, для того что, что***: … ***да*** *в ннешнем гсдрь во РМѲ·году … хлѣба недород* ***потому что*** *гсдрь была sima студенаіа* ***а*** *снегі былі мѣлкие* ***и*** *на тѣх на наших пашнішках на горах рож изчезлі корену выдула* (1643) [Там же, л. 417]; … *и на тѣх нашіх пашнишках тот хлѣб у нас ухолопеі твоих по многие лѣта уходит под снег* ***потому что*** *снят ѓво некому …* (1643) [Там же, л. 416].

В текстах сибирских челобитных отмечены также СПП

— с придаточными цели (союзы ***чтобы (чтоб), потому чтоб***): *… **а** нне гсдрю въ Енесеіском остроге воеводам посадцкие люди* ***чтоб*** *нас приверстат к ним посадцким людям …* (1650) [РГАДА, ф. 214, е. х. 337, л. 230]; *… **да** Васке жь с товарыщи велѣл он сыскавъ васанских людеи говоріті* ***чтоб*** *они тебѣ гсдрю служили и прямилі и были под твоею црскою высокою рукою навеки неотступны и ясакъ от себя тебѣ гсдрю давали* (1626) [Там же, е. х. 12, л. 18];

— с изъяснительными придаточными (союз ***что***): *… **а** сказал мне холопу твоему* ***что*** *есть де у нег твои гсдрвъ указ …* (1654) [Там же, е. х. 344, л. 668]; … *били челомъ тебѣ гсдрю црю і великому кнзю Михаилу Ѳедоровичю* ***что*** *мы сироты твои в томском городе по твоему гсдву указу заводили пашеннои заводишко и дворишки ставили голою.* (1634) [РГАДА, ф. 214, е. х. 109, л. 52];

— с придаточными сравнения (союз ***так же как***): … *намъ быти в твоеі гсдрве службе по прежнему въ Енесеіском в казаках* ***так же как*** *родители нши служат Тоболску і в Томском и на Тюмени і в Кузнецком остроге …* (1650) [Там же, е. х. 373, л. 230].

Кроме того, в текстах челобитных представлены СПП с несколькими придаточными: *… вели гсдрь нам дать свою гсдрву грамоту въ Енесейіскоі к воеводе* ***чтоб*** *намъ быти в твоеі гсдрве службе по прежнему въ Енесеіском в казаках* ***так же как*** *родители нши служат Тоболску і в Томском и на Тюмени і в Кузнецком остроге …* (1650) [Там же, е. х. 373, л. 230].

5. Заключение

Таким образом, подводя итог нашим наблюдениям над синтаксисом СП, отметим следующее:

1. Сибирские челобитные грамоты XVII века представляются источниками, обладающими высокой степенью лингвистической информативности. Они относятся к числу самых ранних памятников деловой письменности Сибири, содержат в себе отражение языковых особенностей русского

населения в начальный период освоения этого региона, характеризуются коммуникативно-прагматической направленностью и эмоционально-экспрессивной напряженностью.

2. В текстах сибирских челобитных отражена система СП, характерная для начального периода формирования русского национального языка. С одной стороны, употребление ССП встречается почти в три раза чаще, чем СПП, то есть сочинительная связь (паратаксис) по-прежнему преобладает над подчинительной. Сочинительные и подчинительные союзы диффузны и не избавились от синкретичности.

С другой стороны, это вполне сложившаяся структура ССП и СПП, в которой наблюдаются динамические процессы: совершенствование и выработка общерусских норм построения и употребления СП, активное развитие специализированных грамматических средств связи.

3. Появление все более сложных конструкций (СП с несколькими видами связи, СПП с несколькими придаточными) обусловлено более широким и глубоким познанием объективной действительности, развитием мышления, совершенствованием русского языка как средства общения и как средства экстраполяции усложняющихся способов познания.

Источники и принятые сокращения

РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 214 — Столбцы и книги Сибирского приказа.

Литература

1. *Городилова Л. М.* Русская скоропись XVII века : учебное пособие / Л. М. Городилова. — Хабаровск : ХГПИ, 1989. — 105 с.

2. *Демьянков В. З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Язык и наука конца XX века. — Москва, 1995. — С. 239—320.

3. *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Просвещение, 1990. — 400 с.

4. *Инютина Л. А.* Особенности становления русского языка и формирования грамматической нормы в деловой письменности Западной Сибири XVII—XVIII веков / Л. А. Инютина, Т. С. Шильникова // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 64—76. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-64-76.

5. *Инютина Т. С.* Понятие нормы делового языка в свете теории варьирования / Т. С. Инютина // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 308. — С. 19—23.

6. *Колесов В. В.* Историческая грамматика русского языка / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2010. — 512 с.

7. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. — Москва : [б. и.], 1995. — С. 144—238.

8. *Майоров А. П.* Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А. П. Майоров. — Москва : Азбуковник, 2006. —263 с.

9. *Панин Л. Г.* История церковнославянского языка и лингвистическая текстология / Л. Г. Панин. — Новосибирск : Изд-во НИИ МИОО НГУ, 1995. — 217 с.

10. *Сабельфельд Н. М.* Язык сибирских памятников письменности XVII века // Τέχνη γραμματική (Искусство грамматики). — Новосибирск : Изд-во НГУ ; Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2006. — Вып. 2. — С. 461—472.

11. *Тарланов З. К.* Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии / З. К. Тарланов. — Петрозаводск : Петрозаводский гос. ун-т, 1999. — 207 с.

On Changes in Complex Sentences Syntax in the Russian Language of the 17th Century (on Material of Siberian Petitions)

© Lyudmila A. Inyutina (2020), orcid.org/0000-0003-0091-2678, Doctor of Philology, professor, Department of Russian Language, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia), ljudina@yandex.ru.
© Tatyana S. Shilnikova (2020), orcid.org/0000-0001-8639-5645, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia), caprice25@yandex.ru.

The article deals with the problem of forming grammatical (syntactic) norms of the Russian national language based on the material of Siberian monuments of business writing of the 17th century. Relevance of the work is determined by the fact that Russian syntax and the history of the Russian language in Siberia are insufficiently studied, as well as by the need to expand the source base of such research. Scientific novelty of the work consists in the study of historical syntax of the complex sentences in the texts of Siberian petitions, most of which are not published and has not previously been brought to the historical-grammatical research. The high source value and linguistic informativeness of the Siberian petitions of the 17th century are proved. These texts analyze complex sentences with paratactic and hypotactic connections. The article traces the peculiarities of their use in monuments of local business writing in the aspect of developing syntactic norms of the Russian national language. The arsenal of compositional and subordinate conjunctions used in such sentences is defined. The changes in the structure of complex sentences are found out. They reflect live folk speech, language consciousness of the Russian people in Siberia and at the same time they are typical for the syntactic system of the Russian national language in the initial period of its formation.

Key words: Russian language in Siberia; petition; historical syntax; complex sentence; parataxis; hypotaxis.

Material resources

RGADA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 214 — Stolbtsy i knigi Sibirskogo prikaza.* (In Russ.).

References

Gorodilova, L. M. (1989). *Russkaya skoropis' XVII veka: uchebnoye posobiye.* Khabarovsk: KhGPI. (In Russ.).

Demyankov, V. Z. (1995). Dominiruyushchiye lingvisticheskiye teorii v kontse XX veka. In: *Yazyk i nauka kontsa XX veka.* Moskva. 239—320. (In Russ.).

Inyutina, L. A., Shilnikova, T. S. (2017). Osobennosti stanovleniya russkogo yazyka i formirovaniya grammaticheskoy normy v delovoy pismennosti Zapadnoy Sibiri XVII—XVIII vekov. *Nauchnyy dialog, 11:* 64—76. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-64-76. (In Russ.).

Inyutina, T. S. (2008). Ponyatiye normy delovogo yazyka v svete teorii varyirovaniya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 308:* 19—23. (In Russ.).

Ivanov, V. V. (1990). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka.* Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).

Kolesov, V. V. (2010). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka.* Sankt-Peterburg: SPbGU. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (1995). Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza). In: *Yazyk i nauka kontsa XX veka.* Moskva: [b. i.]. 144—238. (In Russ.).

Mayorov, A. P. (2006). *Ocherki leksiki regionalnoy delovoy pismennosti XVIII veka.* Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).

Panin, L. G. (1995). *Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka i lingvisticheskaya tekstologiya.* Novosibirsk: Izd-vo NII MIOO NGU. (In Russ.).

Sabelfeld, N. M. (2006). Yazyk sibirskikh pamyatnikov pismennosti XVII veka. In: *Τέχνη γραμματική (Iskusstvo grammatiki), 2.* Novosibirsk: Izd-vo NGU; Pravoslavnaya Gimnaziya vo imya Prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo. 461—472. (In Russ.).

Tarlanov, Z. K. (1999). *Stanovleniye tipologii russkogo predlozheniya v yeye otnoshenii k etnofilosofii.* Petrozavodsk: Petrozavodskiy gos. un-t. (In Russ.).

Киреева Е. З. Фактор адресата в тексте официального документа (на материале указов губернатора Тульской области, изданных в связи с распространением Covid-2019) / Е. З. Киреева // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 108—122. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-108-122.

Kireeva, E. Z. (2020). Addressee factor in Text of the Official Document (Decrees of Governor of Tula Region, Issued in Connection with the Spread of Covid-2019). *Nauchnyi dialog, 8:* 108-122. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-108-122. (In Russ.).

УДК 811.161.1’42:003.074(470.312)
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-108-122

Фактор адресата в тексте официального документа (на материале указов губернатора Тульской области, изданных в связи с распространением Covid-2019)

© **Киреева Елена Закировна (2020),** orcid.org/0000-0002-7440-6746, доктор филологических наук, доцент кафедры документоведения и стилистики русского языка, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (Тула, Россия), L89107032507@yandex.ru.

Рассматривается вопрос учета фактора адресата в тексте официального документа. Дискуссионность этого вопроса и злободневность материала обусловили актуальность исследования. Доказано, что своеобразие текстов указов определяют две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, утверждается, что фактор адресата учитывается вследствие перформативного характера речи законодателя. Отмечается, что его речевая деятельность строится прежде всего на запретах и ограничениях; разрешения представляют собой исключения из запрета; требования сводятся к обязательствам адресата и предписаниям ему. Выявлено, что имплицитные смыслы текста становятся понятны с учетом прагматической пресуппозиции «хорошо то, что целесообразно». Установлено, что имплицитная оценка складывается под воздействием фактора адресата: оценочно нагружены преамбулы указов, детализированы темпоральные характеристики высказываний. Показано, что при построении текстов направленность на адресата становится очевидной благодаря структурно-рубрикационным выделениям и группировке информации. Подчеркивается, что жанровые каноны размываются из-за стремления законодателя к убедительной аргументации решений. С другой стороны, анализ текстов в динамике выявил, что исторически сложившаяся система изменения документов не ориентирована на адресата. Делается вывод, что о стереотипах речевого поведения законодателя свидетельствует сложность изложения информации или ее нечеткость.

Ключевые слова: текст официального документа; указ; адресат; модальность.

1. Введение

Текст документа выраженно антропоцентричен: он пишется человеком, для человека и о человеке. Из этого следует значимость фигуры адресата

для определения характеристик такого текста. Однако междисциплинарное исследование состояния и качества использования русского языка как государственного, проведенное Институтом проблем государственного языка, выявило значительные проблемы в создании и понимании текстов нормативных актов [Кропачев, 2016]. Анализ нашего материала дает реальное представление об учете фактора адресата официального документа, что и обусловливает актуальность проведенного исследования.

Цель статьи — описать языковые и текстовые средства, с помощью которых учитывается фактор адресата. Предпосылкой исследования стала идея М. М. Бахтина об исходной диалогичности человеческого сознания.

Материалом исследования послужили указы губернатора Тульской области А. Г. Дюмина, связанные с мерами против распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019) (19 указов, изданных в период 16.03.2020—29.05.2020). Выбор языкового материала обусловлен его злободневностью, беспрецедентным характером принимаемых решений и многообразием их речевого проявления.

2. Слово как действие: взаимоотношения субъекта документной речи с адресатом в условиях экстраординарной ситуации

Достичь поставленной цели позволяет изучение категории модальности, поскольку в ней отражаются «сложные взаимодействия между четырьмя факторами коммуникации: говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью» [ЛЭС, 2002, с. 304]. Вслед за А. М. Пешковским, модальность рассматривается нами как единая многоаспектная категория, выражающая «отношение говорящего к той связи, которая устанавливается им же между содержанием данного высказывания и действительностью, т. е. “отношение к отношению”» [Там же].

Основу текстовой модальности как комплексной категории интенционального характера формируют отношения субъекта документной речи и адресата. Очевидно, что субъект документной речи является коллективным, несмотря на то, что его референт — Губернатор Тульской области (глава исполнительной власти региона). Текст документа обращен к реальному адресату. На основании критерия характеристика обязательств и выполняемых действий выделяются две группы адресатов: а) юридические лица и должностные лица, их представляющие; б) физические лица (граждане).

Изучение модальных экспликаторов выявило следующее.

Внешняя деонтическая необходимость в ее частном значении долженствования представлена модальным значением «объективная

необходимость выполнения действия, обязательность осуществления которого в будущем обусловливается наличием законов, закрепленных юридически». Она выражена: а) непосредственным модальным экспликатором — кратким прилагательным *должен,* единично представленным в конструкции «*должен* + *быть* + кр. страд. причастие»: *Режим саомизоляции* ***должен быть обеспечен*** *по месту проживания указанных лиц…*; б) глагольной формой «настоящего предписания»: *Режим самоизоляции не* ***применяется*** (‘не должен применяться’) *к сотрудникам и руководителям предприятий оборонно-промышленного комплекса Тульской области …* (ред. от 3 апреля).

Языковой материал иллюстрирует, что речь законодателя имеет перформативный характер. Перформативность как «особое отношение события к действительности, устанавливаемое говорящим» [Шмелева, 1984] в современных исследованиях изучается в рамках модальности. Постановляющая часть указа представляет собой высказывания, посредством которых осуществляются директивные и декларативные речевые акты (далее — РА). Директивные РА представлены запретом, приказом (требованием), разрешением и рекомендацией. Порядок их рассмотрения обусловлен частотностью и взаимосвязью значений этих РА.

1. В официальных документах запрет — вынужденная превентивная мера, принимаемая для блага адресата и третьих лиц — жителей региона. Запрет на проведение мероприятий, осуществление деятельности (в первую очередь экономической) является основной директивой вследствие своего жесткого организующего начала и ожидаемого результата. Указы Губернатора во всех редакциях начинаются с запретов.

Субъект документной речи чутко реагирует на изменение ситуации: если вначале он постановляет ***запретить*** *<…> проведение на территории Тульской области культурных, спортивных, публичных, зрелищных и иных массовых мероприятий…* (указ от 16 марта), то в последующих редакциях ряды однородных членов (каждый из которых, распространяясь, организует отдельный абзац) дополняются: ***запретить*** *<…> оказание стоматологических услуг, за исключением заболеваний и состояний, требующих оказания стоматологической помощи в экстренной или неотложной форме* (ред. от 27 марта).

Интересно заметить, что последней запрещается деятельность по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах, видимо, потому, что они, не являясь стратегическими объектами для экономики России, в то же время представляют собой ценный объект налогообложения [Федеральная налоговая …].

Запреты распространяются также на поведение граждан. Так, в ред. от 18 апреля (в связи с празднованием православной Пасхи 19 апреля 2020 года) предписывается: *1.5.* ***Запретить*** *по 30 апреля 2020 года посещение гражданами мест погребения, расположенных на территории Тульской области.*

Запрет может выражаться глаголом *приостановить*, способным к перформативному употреблению *(постановляю приостановить = приостанавливается): 1.3. Временно приостановить … посещение гражданами территорий парков культуры и отдыха…* (ред. от 11 апреля).

2. Директивные РА запрета и разрешения поляризованы и находятся в отношениях взаимоисключения. Разрешение появляется в третьей редакции указа. Оно входит в рубрику (под рубрикой понимается нумерованный пункт постановляющей части), текст которой определяет значение запрета. Средством выражения разрешения является не «канонический» глагол *разрешить,* а форма «настоящего предписания» в конструкции с отрицанием: *Ограничения <…> не распространяются* (‘не должны распространяться’) *на работу организаций общественного питания путем осуществления дистанционной торговли* = ‘Разрешается работа организаций общественного питания путем осуществления дистанционной торговли …’ (ред. от 11 апреля).

Таким образом, разрешение трактуется как исключение из общего правила, а именно как отрицание запрета, то есть отрицание отрицания.

Значение разрешения выражается также оборотом, присоединяемым производным предлогом *за исключением*. Разрешение «встраивается» в высказывание, содержащее запрет: *1.6. Запретить по 30 апреля 2020 года посещение гражданами <…> объектов торговли семенами, саженцами, рассадой <…>, а также реализацию такой продукции, за исключением ее курьерской доставки или самовывоза* (ред. от 25 апреля).

3. Текст указа организуют также РА приказа (требования). Их адресатом являются структуры органов власти, учреждения и граждане.

Инфинитивы — актанты перформативного глагола *постановлять* — семантически разноплановы. Так, глагол *обязать* способен к перформативному употреблению (*постановляю обязать = обязую*): *постановляю: 1.5. Обязать граждан <…> использовать средства индивидуальной защиты органов дыхания (маски, респираторы…)* (ред. от 10 мая). Другие глаголы обозначают предписываемое действие (*организовать, принять меры*): 2.2. *Министерству здравоохранения <…>* ***организовать*** *получение гражданами необходимой медицинской посмощи, преимущественно на дому* (ред. от 11 апреля).

Наиболее частотен глагол *обеспечить: 2.3. Министерству труда и социальной защиты <…> 2) совместно с министерством здравоохранения* ***обеспечить*** (‘гарантировать, сделать возможным’) *в указанный период* ***доставку*** *гражданам, соблюдающим режим самоизоляции <…>, лекарственных препаратов <…>; 3) установить категории наиболее социально незащищенных граждан и* ***обеспечить*** (‘снабдить’) *их на безвозмездной основе продуктовыми наборами, средствами индивидуальной защиты и медикаментами* (ред. от 11 апреля).

Как правило, глагол *обеспечить* употребляется в значении ‘гарантировать, сделать возможным, создать условия для чего-либо.’; при этом не разъясняется, каким образом необходимо обеспечить исполнение гарантий. Адресат должен самостоятельно определять способы выполнения директив. В министерствах и управлениях путем издания других документов разрабатываются конкретные меры методического и оперативного характера, связанные с реализацией указа Губернатора.

4. Скупо представлены в текстах рекомендации. Они обращены к гражданам, руководителям организаций и работодателям: *1.5. … Рекомендовать гражданам… использовать средства индивидуальной защиты рук (перчатки) при нахождении в местах общего пользования* (ред. от 10 мая).

5. Бедно представлены и декларативы — РА, посредством которых, объявляя нечто существующим, говорящий тем самым делает это существующим в реальном мире [Серль, 1986]. Значение перформативности приобретает актант *отменить* (*постановляю отменить = отменяю*), который выражает специализированный акт отмены: *1.2.* ***Отменить*** *до 12 апреля 2020 года (в весенний каникулярный период 2020 года): проведение оздоровительной кампании детей …* (ред. от 3 апреля).

3. Учет фактора адресата средствами выражения оценки

В теории государства и права признано, что на современном этапе развития общества государство существует для достижения и поддержания устойчивого равновесия общественной системы. Цель действий органов власти — решение конкретных проблем. Целью и результатом решений является благо, которое варьируется в широком диапазоне: *хорошо, нормально; лучше, чем было; не так плохо, как было; целесообразно*.

1. В постановляющей части при анализе модальных значений в перформативных предложениях оценка действия в пропозиции определяется речеактной интенцией, эксплицированной перформативным глаголом. Так, субъектом пользы в разрешениях всегда являются жители региона: для них, по мнению субъекта документной речи, рекомендации будут иметь

положительные последствия *4.1.* ***Рекомендовать*** *работодателям <…>* ***предоставлять*** *работникам, указанным в настоящем пункте и находящимся на самоизоляции,* ***отпуск*** *либо* ***осуществлять перевод*** *таких работников на дистанционный режим работы* (ред. от 15 апреля). При этом, однако, не указывается, какой отпуск (оплачиваемый / неоплачиваемый) рекомендуется им предоставить. Рекомендательный характер мер, направленных на социальную защиту граждан после 65 лет, вполне объясним: глава исполнительной власти региона не вправе давать предписания неподчиненным и неподотчетным ему юридическим лицам.

Иначе обстоят дела с запретами. По Е. М. Вольф, модальность запрещения включает с точки зрения субъекта отрицательный знак [Вольф, 2002, с. 127]. Какие действия в пропозиции оцениваются отрицательно? Они выражены номинализациями: ***посещение*** *гражданами плодопитомников,* ***торговля*** *непродовольственными товарами,* ***проведение*** *ярмарок*, ***деятельность*** *библиотек, спортивно-оздоровительных клубов, плавательных бассейнов* и др.

Даже временный, запрет на осуществление деятельности влечет за собой ущерб для экономики и определяет снижение уровня и качества жизни граждан. В первую очередь он ставит под удар слабозащищенные категории граждан (пенсионеры, дети, учащиеся): *1.4. Приостановить <…>: 1) действие единых месячных льготных проездных билетов, выданных следующим категориям жителей Тульской области:* ***в возрасте старше 65 лет****; <…> 3) предоставление скидки в размере 50 процентов действующего тарифа на проезд железнодорожным транспортом <…> лицам, достигшим* ***возраста 75 лет*** *<…>* (ред. от 3 апреля).

Содержание запретов, на первый взгляд, противоречит конституционным принципам, например принципу свободы труда (ст. 37). Имплицитные смыслы текста становятся понятны благодаря прагматическим пресуппозициям — общим дотекстовым знаниям. Они базируются на знании эпидемиологической, социальной и экономической ситуации в стране и регионе. В указе актуализируется пресуппозиция: *В условиях экстраординарной ситуации, в связи с введением режима повышенной готовности на первый план выступает принцип целесообразности.*

Нетрудно заметить, что запреты системны и направлены на ограничение прямых контактов граждан для исключения взрывного распространения заболевания. Субъектом «пользы» в них являются и объект оценки (прямой адресат — исполнитель документа), и третьи лица (граждане), в интересах которых запрет и вводится. Благодаря запретам и ограничениям реализуется основное личное право человека — право на жизнь (Конституция РФ, ст. 20). Оно налагает на государство обязательство сделать всё, чтобы

человеческая жизнь была вне опасности. Понятно, что правовые предписания не всегда осознаются гражданами как благо, — и это объяснимо, поскольку в текстах указов не определяются, например, меры социально-экономической поддержки граждан.

2. Оценка выражается также в преамбуле указов. Так, обстоятельство цели служит для объяснения необходимости принимаемого решения: *В целях снижения рисков распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019)*. Организующие его единицы имеют положительную сему в структуре значения: *снижение рисков* — ‘уменьшение, сокращение, минимизация’ рисков.

Оценка выражается экспликаторами репортативных эвиденциальных значений (производными предлогами *в соответствии, на основании* в составе предложно-падежных сочетаний) в обстоятельствах со значением основания: *в соответствии с Федеральным законом, указами Президента РФ, Постановлением Главного Государственного санитарного врача РФ*. Ссылки на документы федерального значения указывают на преемственность права, согласованность работы структур власти разных уровней.

Полагаем также, что потенциальную оценочную сему в структуре своего значения приобретает единица *самоизоляция* — термин, определения которого в праве нет. В значении корня *само-* сема ‘принуждение’, как правило, отсутствует (*самоконтроль, самообложение (граждан*)). Тексты указов предписывают соблюдать режим самоизоляции гражданам старше 65 лет и прибывшим в область. Рекомендации же по соблюдению этого режима гражданами других возрастных категорий не приводятся. Таким образом, контекст употребления единицы (*обязать соблюдать режим самоизоляции*) позволяет интерпретировать самоизоляцию как принудительную меру. Эта трактовка противоречит информации, распространяемой СМИ [Что значит режим самоизоляции …]. Итак, отсутствие четкого экстенсионала понятия и, как следствие, «размытость» значения единицы, отсутствие дефиниции дают основания причислить эту номинализацию к расплывчатым словам-«амебам» [Кара-Мурза, 2013], которыми можно оперировать по усмотрению автора сообщения.

4. Учет фактора адресата средствами выражения категории темпоральности

Модальный потенциал в тексте реализуют стилистически обусловленные языковые средства. К ним относятся лексические обстоятельственные конкретизаторы (далее — ОК), которые в предложении выполняют функцию обстоятельства времени.

Во всех рубриках постановляющей части указывается период действия ограничений (запретов). Степень детализации при этом различается. Так, уточнение (вплоть до часов и минут) зависит от экономической и социальной значимости объекта: *1.3. Временно приостановить на территории ТО с 00.00 час. 28 марта 2020 года по 24.00 час. 5 апреля 2020 года: работу организаций общественного питания, в том числе ресторанов, кафе, столовых, буфетов, баров …* (ред. от 27 марта). Преходящий характер ограничения подчеркивается в предложении трижды: наречием *временно*; предложно-падежными сочетаниями *с 00.00 час. 28 марта 2020 года по 24.00 час. 5 апреля 2020 года*; значением приставки *при-* ‘временно’ в глаголе *приостановить*. Употребление плеоназма *временно приостановить* обусловлено (если исключить языковую некомпетентность), вероятно, имплицированием скрытого положительного смысла: путем дублирования сем субъект документной речи определяет положительную установку на будущее и оптимистично оценивает трудности как временные.

ОК может выражаться наречием *незамедлительно: 4. Лицам, прибывшим (возвратившимся) на территорию Тульской области <…>:* ***незамедлительно*** *сообщать о своем прибытии (возвращении) в Тульскую область* (ред. от 15 апреля). Единица *незамедлительно* содержит интенсивную сему ‘очень’ в структуре своего значения, что придает энергичности высказыванию. Однако адресат может интерпретировать время исполнения предписания произвольно. Полагаем, что в условиях режима повышенной готовности единственно необходимой будет детализированная информация.

5. Построение и редактирование текстов, графические выделения в них как показатели учета фактора адресата

Система законодательства ориентирована на ее эффективное применение. Информация в тексте указа актуализируется благодаря внесению в него изменений; при этом последняя редакция указа отсылает адресата не к предыдущей версии, а к тексту первого указа, в который вносятся правки. На Портале Правительства Тульской области [Портал …], в СМИ представлены только тексты изменений, а сам основной текст в его актуальном (то есть многократно измененном) виде отсутствует. Эта проблема решена в платных справочно-правовых системах «Гарант» и «КонсультантПлюс». Таким образом, адресат, у которого доступ к профессиональным системам отсутствует, для воссоздания действующей редакции должен провести ряд логических операций и соотнести все редакции, выполнить работу юриста, технического редактора и корректора. Сложно назвать эту исторически сложившуюся систему изменения документов ориентированной на

адресата. Деятельность субъекта документной речи задается параметрами профессионального дискурса, к которым относятся технические правила и приемы (правила юридической техники) [Федорченко, 2016, с. 440— 441].

Структурируя текст и определяя последовательность однородных членов предложения, субъект документной речи руководствуется следующими критериями систематизации материала:

а) распределением материала по тематическим группам: при редактировании исходного текста содержание рубрик дополняется таким образом, чтобы был образован единый смысловой блок, при этом структура рубрики не изменяется: *1.3. Временно приостановить <…> работу торговых, торгово-развлекательных центров и иных объектов розничной торговли* (ред. от 27 марта):

+ работу объектов торговли, реализующих строительные материалы; работу пунктов самовывоза; продажу продовольственных товаров вне стационарных помещений, за исключением нестационарных торговых объектов ... (ред. от 18 апреля). Использованные здесь слова входят в тематическую группу «Торговля»;

б) экономической или общественной значимостью какой-либо деятельности, ср: *2.2. Режим самоизоляции не применяется к сотрудникам и руководителям предприятий оборонно-промышленного комплекса Тульской области, руководителям органов исполнительной власти…, работникам… АО «Почта России»* (ред. от 3 апреля). Для Тулы — «оружейной столицы» — градообразующими являются оборонные предприятия, поэтому они указываются в первую очередь;

в) важностью действий для нормального протекания жизни людей: *2.2. Обязать соблюдать режим самоизоляции граждан в возрасте старше 65 лет, за исключением случаев: обращения за экстренной (неотложной) медицинской помощью и случаев иной прямой угрозы жизни и здоровью; следования к ближайшему месту приобретения товаров <…>; выноса отходов до ближайшего места накопления отходов* (ред. от 3 апреля).

г) количественным составом адресата: *4. Рекомендовать жителям Тульской области воздержаться: от поездок за пределы Тульской области и по территории Тульской области, в том числе в целях туризма и отдыха; от посещения религиозных объектов и мест погребения* (ред. от 27 марта).

Таким образом, группировка данных в рубрики предполагает «взгляд со стороны», то есть точку зрения адресата. Субъект документной речи стремится сделать текст более удобным для понимания.

Чтобы активизировать внимание адресата, субъект документной речи использует графические (по своему назначению — структурно-рубрикационные) выделения:

а) в постановляющей части:

— полужирным шрифтом выделяются рубрики, адресованные непосредственно жителям региона;

— полужирным шрифтом выделяется первый абзац, который представляет собой фрагмент предложения, включающий в себя предписание и срок его действия (обстоятельство времени). Второй и последующие абзацы организуются рядами однородных членов (как правило, это однородные прямые дополнения): ***1.2. Отменить до 12 апреля 2020 года (в весенний каникулярный период 2020 года):***

проведение оздоровительной кампании детей <…>;

временное трудоустройство подростков, достигших возраста 14 лет (ред. от 3 апреля);

б) прописными буквами в массиве строчного набран перформатив ПОСТАНОВЛЯЮ.

Стремление учесть фактор адресата прослеживается при абзацном членении. Рассмотрим фрагмент: *Ограничения <…> не распространяются:*

*На аптеки и аптечные пункты**,** а также объекты розничной торговли, в которых осуществляется заключение договоров на оказание услуг связи реализация связанных с данными услугами средств связи (в том числе мобильных телефонов, планшетов), а также объекты розничной торговли в части реализации зоотоваров, продовольственных товаров и (или) непродовольственных товаров бытового хозяйственного назначения, горюче-смазочных материалов и продажи товаров дистанционным способом, в том числе с условием доставки, салоны красоты и парикмахерские, осуществляющие деятельность исключительно по предварительной записи при условии нахождения в помещении (зале) не более 5 человек одновременно (*п. 1.3, ред. от 3 апреля).

Сложноподчиненное предложение включает в себя придаточное определительное предложение с двумя однородными подлежащими (*в которых осуществляется заключение, реализация*) и главное предложение, осложненное 6 однородными дополнениями (*аптеки, аптечные пункты, объекты, объекты, салоны, парикмахерские*); 2 однородными несогласованными определениями (*объекты* (какие?) *в части реализации и продажи*); 4 однородными дополнениями, относящимися к слову *реализации* (*зоотоваров, товаров, товаров, материалов*); 2 согласованными определениями, выраженными причастными оборотами (*связанных с данными услугами; осуществляющие деятельность …*); 2 присоединительными оборотами с союзом *в том числе*, первый из которых включает однородные дополнения. Такие цепи и «нанизывание» родительных падежей характерны для официально-делового стиля.

Однако в редакции от 18 апреля эта рубрика уже разделена на абзацы:
1.3. Ограничения <…> не распространяются на:
аптеки и аптечные пункты <…>;
объекты розничной торговли горюче-смазочными материалами;
<…> салоны красоты и парикмахерские…
Второй вариант, безусловно, удобнее для усвоения информации.

6. Речежанровая характеристика указов

Взаимодействие между субъектом документной речи, адресатом, ситуацией, текстом отражается в речежанровых характеристиках текста. Субъект документной речи «скован» рамками правового дискурса и использует речевой жанр указа как удобную готовую текстовую форму. Жанр распознается благодаря «неканоническому» перформативу *постановляю*, совокупности клишированных фраз, которые формируют композицию текста. Выбор жанра жестко регламентирован на законодательном уровне. Тем не менее наш материал иллюстрирует «размывание» жанровых канонов.

(1) Как правило, преамбула содержит в себе объяснение причин, целей, оснований правового акта. В изучаемых указах элемент преамбулы (производный предлог (*в целях, в связи*) + сущ. в функции обстоятельства цели или причины) включается в постановляющую часть. Для региональных указов это нетипично: ***В целях*** *снижения рисков распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Тульской области <…> ПОСТАНОВЛЯЮ:*

1.5. ***В целях*** *защиты здоровья, прав и законных интересов граждан в сфере охраны здоровья:*

обязать граждан <…> использовать средства индивидуальной защиты органов дыхания <…> (ред. от 10 мая).

Полагаем, что причины дублирования информации объясняющего характера следующие: стремление субъекта документной речи к исчерпывающей аргументации директив и значительный объем текста.

(2) В соответствии с правилами юридической техники контроль над исполнением документа возлагается на одного исполнителя. В приведенном ниже примере в группу сказуемого входят два однородных дополнения *за собой и первым заместителем*: *10. Контроль за выполнением настоящего указа оставляю за собой и первым заместителем Губернатора Тульской области…* (ред. от 11 апреля).

Изменяется, таким образом, структура клишированной фразы, позволяющей идентифицировать жанр. Выбор нетипичной конструкции, види-

мо, обусловлен многоаспектностью принимаемых мер и вовлеченностью субъекта документной речи в процесс управления.

7. Заключение

Проведенное исследование выявило противоречивую картину.

Фактор адресата учитывается вследствие перформативного (директивного, в первую очередь) характера речи законодателя, поскольку адресат выступает исполнителем предписаний. На основании обобщения значений перформативов и особенностей их употребления мы можем сделать вывод о характере взаимоотношений субъекта документной речи и адресата. Речевая деятельность первого строится на запретах и ограничениях, поскольку субъект документной речи не сомневается в единственно возможной реакции адресата — его законопослушном поведении. Немногочисленные разрешения есть не что иное, как исключения из запрета. Приказы (требования) сводятся к (а) обязательствам адресата и (б) предписаниям, при этом адресату — юридическому лицу (органы власти) предоставляется право выбора способов их реализации в рамках служебных полномочий. На граждан распространяются запреты, немногочисленные разрешения как исключения из запретов; требования и рекомендации. Изучение речевых актов запрета выявило, что имплицитные смыслы текста становятся понятны с учетом прагматической пресуппозиции *хорошо то, что целесообразно*.

Оценка в текстах указов выражена имплицитно, однако очевидно, что отношение субъекта документной речи к содержанию сообщения подспудно складывается под воздействием фактора адресата. Так, оценочными смыслами нагружены преамбулы указов. В глазах адресата развернутая преамбула создает положительный образ законодателя как гаранта стабильности и законности. Употребление средств выражения категории темпоральности в целом демонстрирует высокую степень детализации принимаемых решений, стремление к точности.

Фактор адресата учитывается также при построении текстов. Группируя информацию в рубрики, субъект документной речи руководствуется как лингвистическими, так и неязыковыми критериями систематизации материала. «Взгляд со стороны» прослеживается и при графическом оформлении текста с помощью структурно-рубрикационных выделений. На уровне жанровой организации текстов констатируется размывание жанровых канонов, причина которого видится в стремлении субъекта документной речи к исчерпывающей аргументации принимаемых решений, его вовлеченности в процесс управления.

С другой стороны, анализ текстов в динамике, внесение изменений и дополнений в основной изменяемый текст демонстрируют, что исторически сложившаяся система изменения документов не ориентирована на адресата. Не всегда достигается доступность и четкость изложения, что свидетельствует о стереотипах речевого поведения субъекта документной речи. Так, сравнение контекстов употребления слова *самоизоляция* в текстах указов и СМИ выявило, что из-за отсутствия дефиниции и «размытости» значения оно обладает манипулятивным потенциалом.

Итак, своеобразие текстов указов определяют две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, исторически сложившаяся система создания и редактирования документов служит основой стереотипизации речевого поведения законодателя, слабо ориентированного на адресата. С другой стороны, влияние фактора адресата на создание текста представляется совершенно очевидным.

Источники и принятые сокращения

1. *Конституция* Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : официальный сайт. 1992—2016. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

2. *ЛЭС* — Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. — 2-е изд., дополненное. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. — 709 с.

3. *О дополнительных* мерах, принимаемых в связи с введением режима повышенной готовности на территории Тульской области (ред. от 19.03.2020 № 13, ред. от 15.03.2020 № 16, ред. от 27.03.2020 № 18, ред. от 31.03.2020 № 19, ред. от 03.04.2020 № 21, ред. от 05.04.2020 № 22, ред. от 11.04.2020 № 24, ред. от 14.04.2020 № 2, ред. от 15.04.2020 № 29, ред. от 18.04.2020 № 30, ред. от 23.04.2020 № 37, ред. от 25.04.2020 № 38, ред. от 28.04.2020 № 40) : Указ Губернатора Тульской области от 16 марта 2020 года № 12.

4. *О дополнительных* мерах, принимаемых в связи с введением режима повышенной готовности на территории Тульской области (ред. от 04.05.2020 № 43, ред. от 10.05.2020 № 46, ред. от 18.05.2020 № 50, ред. от 29.05.2020 № 53) : Указ Губернатора Тульской области от 30 апреля 2020 года № 41.

5. *Официальный* сайт Федеральной налоговой службы [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.nalog.ru/rn77/taxation/taxes/gambling_tax/.

6. *Портал* Правительства Тульской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://tularegion.ru/.

Литература

1. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — изд. 2-е, доп. — Москва : Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.

2. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. Век XXI-й [Электронный ресурс] / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Алгоритм, 2013. — Режим доступа : http://lib.ru/POLITOLOG/karamurza.txt.

3. *Кропачев Н.* Смысл нормативных актов «как-то» понимают до 20 процентов граждан [Электронный ресурс] / Н. Кропачев // Известия. — 2016. — 27 июня. — Режим доступа : http://izvestia.ru /news /619519 # ixzz4KoKJM7Uh.

4. *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике : Выпуск XVII. Теория речевых актов. Сборник. Перевод с английского. — Москва : Прогресс, 1986. — С. 170—194.

5. *Федорченко Е. А.* Особенности синтагматики языковых единиц в юридическом тексте / Е. А. Федорченко // Сборник тезисов Международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0» (Москва, 13—15 апреля 2016 года). — Москва : ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ имени А. С. Пушкина», 2016. — С. 440—444.

6. *Что* значит режим самоизоляции для всех с юридической точки зрения // РИА НОВОСТИ. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ria.ru/20200408/1569764617.html.

Addressee factor in Text of the Official Document (Decrees of Governor of Tula Region, Issued in Connection with the Spread of Covid-2019)

© Elena Z. Kireeva (2020), orcid.org/0000-0002-7440-6746, Doctor of Philology, associate professor, Documentation and Stylistics of the Russian Language Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University" (Tula, Russia), L89107032507@yandex.ru.

The issue of taking into account the addressee factor in the text of an official document is considered. The controversial nature of this issue and the topicality of the material determined the relevance of the study. It is proved that the originality of the texts of decrees is defined by two oppositely directed tendencies. On the one hand, it is stated that the addressee factor is taken into account due to the performative nature of the legislator's speech. It is noted that his speech activity is based primarily on prohibitions and restrictions; permissions are exceptions to the prohibition; the requirements are reduced to the obligations of the addressee and the instructions to him. It was revealed that the implicit meanings of the text become clear taking into account the pragmatic presupposition "what is appropriate is good". It was established that the implicit assessment is formed under the influence of the addressee factor: the preambles of decrees are estimated, the temporal characteristics of the statements are detailed. It is shown that when constructing texts, the focus on the addressee becomes obvious due to the structural-rubric allocation and grouping of information. It is emphasized that the genre canons are being blurred due to the desire of the legislator for convincing reasoning of decisions. On the other hand, the analysis of texts in dynamics revealed that the historically established system of changing documents is not focused on the addressee. It is concluded that the complexity of the presentation of information or its vagueness testifies to the stereotypes of the legislator's speech behavior.

Key words: text of an official document; decree; addressee; modality.

Material resources

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ). In: *KonsultantPlyus: ofitsialnyy sayt. 1992—2016.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399. (In Russ.).

LES — *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'.* (2002). Moskva: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. (In Russ.).

O dopolnitelnykh merakh, prinimayemykh v svyazi s vvedeniyem rezhima povyshennoy gotovnosti na territorii Tulskoy oblasti (red. ot 19.03.2020 № 13, red. ot 15.03.2020 № 16, red. ot 27.03.2020 № 18, red. ot 31.03.2020 № 19, red. ot 03.04.2020 № 21, red. ot 05.04.2020 № 22, red. ot 11.04.2020 № 24, red. ot 14.04.2020 № 2, red. ot 15.04.2020 № 29, red. ot 18.04.2020 № 30, red. ot 23.04.2020 № 37, red. ot 25.04.2020 № 38, red. ot 28.04.2020 № 40): Ukaz Gubernatora Tulskoy oblasti ot 16 marta 2020 goda № 12. (In Russ.).

O dopolnitelnykh merakh, prinimaemykh v svyazi s vvedeniem rezhima povyshennoy gotovnosti na territorii Tulskoy oblasti (red. ot 04.05.2020 № 43, red. ot 10.05.2020 № 46, red. ot 18.05.2020 № 50, red. ot 29.05.2020 № 53): Ukaz Gubernatora Tulskoy oblasti ot 30 aprelya 2020 goda № 41. (In Russ.).

Ofitsialnyy sayt Federalnoy nalogovoy sluzhby. Available at: https://www.nalog.ru/rn77/taxation/taxes/gambling_tax/. (In Russ.).

Portal Pravitelstva Tulskoy oblasti. Available at: https://tularegion.ru/. (In Russ.).

References

Chto znachit rezhim samoizolyatsii dlya vsekh s yuridicheskoy tochki zreniya. In: *RIA NOVOSTI. Ofitsialnyy sayt.* Available at: https://ria.ru/20200408/1569764617.html. (In Russ.).

Fedorchenko, E. A. (2016). Osobennosti sintagmatiki yazykovykh yedinits v yuridicheskom tekste. In: *Sbornik tezisov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Russkaya grammatika 4.0» (Moskva, 13—15 aprelya 2016 goda).* Moskva: FGBOU VO «Gos. IRYa imeni A. S. Pushkina». 440—444. (In Russ.).

Kara-Murza, S. G. (2013). *Manipulyatsiya soznaniyem. Vek XXI-y.* Moskva: Algoritm. Available at: http://lib.ru/POLITOLOG/karamurza.txt. (In Russ.).

Kropachev, N. (27 iyunya 2016). Smysl normativnykh aktov «kak-to» ponimayut do 20 protsentov grazhdan. In: *Izvestiya.* Available at: http://izvestia.ru /news /619519 # ixzz4KoKJM7Uh. (In Russ.).

Serl', Dzh. R. (1986). Klassifikatsiya illokutivnykh aktov. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike: Vypusk XVII. Teoriya rechevykh aktov. Sbornik. Perevod s angliyskogo.* Moskva: Progress. 170—194. (In Russ.).

Volf, E. M. (2002). *Funktsionalnaya semantika otsenki.* Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).

Паршина О. Д. Аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации начала XXI века / О. Д. Паршина, Е. П. Иванян // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 123—140. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-123-140.

Parshina, O. D, Ivanyan, E. P. (2020). Axiology of the Province Phenomenon in Russian Mass Media of the Beginning of the 21st Century. *Nauchnyi dialog, 8:* 123-140. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-123-140. (In Russ.).

УДК 811.161.1’37
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-123-140

Аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации начала XXI века

© Паршина Ольга Дмитриевна (2020), orcid.org/0000-0002-2203-5613, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет» (Тольятти, Россия), parshinaod@mail.ru.

© Иванян Елена Павловна (2020), orcid.org/0000-0003-4782-0658, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет» (Самара, Россия), elogos@rambler.ru.

Представлены результаты исследования ценностных смыслов феномена провинции в дискурсивной среде российских средств массовой информации начала XXI века. Охарактеризована на основе данных толковых словарей русского языка базовая семантика лексемы *провинция*. Анализу подвергнуты адъективные и глагольные сочетания, отобранные методом сплошной выборки из материалов Национального корпуса русского языка. Определены категории, на основании которых выявлена ценностная семантика провинции во временном и пространственном отношении. В соответствии с установленными категориями распределены отобранные адъективные и предикативные сочетания, выполнено их оценочное шкалирование в отношении положительной и отрицательной оценки. Установлено, что в начале XXI века тексты средств массовой информации фиксируют изменения ценностного пласта представлений о провинции в языковом сознании носителей современного русского языка. На основании анализа динамики аксиологической составляющей лексемы *провинция* зафиксировано уменьшение отрицательных оценок с одновременным увеличением положительных с 2006 года для адъективных сочетаний и с 2004 года для предикативных. Динамические изменения оценочных смыслов, сопровождающих слово *провинция* в медиадискурсе, могут рассматриваться как отражение изменения роли и статуса провинции в социокультурном пространстве России.

Ключевые слова: провинция; аксиология; семантика; этносемиометрия; лингвистический эксперимент; метонимия.

1. Введение

Феномен провинции в современном гуманитарном знании рассматривается многоаспектно, имеет давнюю традицию лексикографического опи-

сания и на первый взгляд обладает значительной степенью определенности. Тем не менее наличие широкого ряда исторически сформировавшихся этнокультурных коннотаций не позволяет раскрыть семантику *провинции* в формальном отношении. Как показывают исследования, признаками, первичными для ее характеристики, оказываются люди, их социальные отношения, и только затем — нестабильное географическое местоположение, см., например, [Спивак, 2004; Заойнц, 2006; Ершов, 2012; Паршина, 2020].

Характеристика семантики *провинции* предполагает обращение к ряду методологически значимых явлений: 1) специфика языка СМИ, массмедиа в современном русском дискурсе; 2) особенности аксиологии *провинции* в современных лингвистических изысканиях.

Исследователи отмечают, что охарактеризовать *провинцию* через выявление проблематики «центр — периферия» представляется возможным в понятиях преимущественно ценностно-смыслового аспекта, выделения ядра. В рамках такой интерпретации необходим лингвокультурологический подход для анализа этнического разнообразия культур [Ершов, 2012; Ерасов и др., 1999].

А. Г. Акопян считает, что органическая связь между национально-языковой картиной мира и языком СМИ проявляется в том, как автор воздействует на читателя, формируя у него определенное мнение. Это становится возможным благодаря использованию адресантом таких языковых средств, которые оказывают особенное действие на сознание реципиента [Акопян, 2019, с. 90].

Тексты средств массовой информации отражают все процессы, происходящие в языке, а следовательно, могут быть использованы для изучения современного состояния языка [Добросклонская, 2008; Гурова, 2016]. Этим обусловлен интерес лингвистов к изучению медиатекста, который, по мнению Е. М. Марковой, с одной стороны, отражает происходящие в языке изменения, а с другой — сам активно влияет на эволюцию языка [Роль СМИ …, 2017].

Каждый язык как источник и хранитель информации строит определенную информационную картину мира. «Картина мира, создаваемая СМИ, — справедливо заметил В. А. Татаринов, — становится важнейшим сегментом общеязыковой картины мира» [Татаринов, 2007, с. 23].

Любое выражение оценки в дискурсивном мире, по Е. Ф. Серебренниковой, аксиологично. По мнению ученого, одним из способов отслеживания динамики изменения языковой системы в аксиологическом измерении можно рассматривать этносемиометрию, позволяющую выявить оценочное значение номинации *провинци*я на основании анализа цельнооформленного текста и условий его порождения [Серебренникова, 2011, с. 47].

В начале XXI века подача информации о провинции в современных СМИ существенно изменяется, что, в частности, является отражением дискуссии, развернувшейся относительно языковой и культурной политики в нашей стране [Алефиренко, 2011; Воронина, 2012]. Так, Н. И. Воронина отмечает, что «намечается ясная тенденция реабилитации культурной роли провинции. Поэтому полиэтничность и переплетение культур в провинции становятся не только смыслопорождающей деятельностью в регионе, поиском культурной идентичности, типов деятельности и форм креативности, но иногда и создает большие трудности в совместимости различных традиций и верований» [Воронина, 2012, с. 85]. Это, в свою очередь, приводит к проявлению инициативы, творчества и ответственности на местах, что является необходимым условием реализации государственной политики в провинции [Girard et al., 1983].

Помимо зафиксированных толковыми словарями значений, лексема *провинция* репрезентирует большое число трудно поддающихся формализации коннотаций, преимущественно негативного характера [Воронина, 2012, с. 80].

Именно поэтому представляется актуальным выявить динамику ценностной семантики *провинции* в российских медиатекстах начала XXI века.

Объектом исследования является репрезентация феномена *провинции* в русском языковом сознании начала XXI века, предметом — ценностные смыслы и динамика изменений оценки провинции, проявляющие себя в адъективной и глагольной сочетаемости слова.

Цель работы — охарактеризовать трансформацию ценностной семантики значения лексемы *провинция*, отражающую изменения оценки этого феномена. Для достижения поставленной цели необходимо исследовать ценностную семантику, закрепленную за словом *провинция*, в языке российских СМИ через сеть лингвистических экспериментов в отношении 1) частотности лексической сочетаемости с адъективом; 2) репрезентируемой оценки с учетом критериев, предложенных Ю. Г. Вешнинским; 3) динамики аксиологической составляющей лексемы *провинция* в период с 2000 по 2014 годы; 4) глагольной сочетаемости лексемы *провинция* в аспекте частотности; 5) аксиологических характеристик лексемы *провинция* в сочетании с предикативом; 6) динамики оценки провинции, представленной в глагольных сочетаниях с этим существительным с 2000 по 2014 годы.

Новизна исследования заключается в том, что природа ценностной составляющей феномена русской провинции раскрывается на основе анализа текстов российских СМИ начала XXI века.

2. Методология исследования

Материалом исследования послужили газетные публикации, представленные в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ], опубликованные в прессе всероссийского масштаба («Комсомольская правда», «Известия», «РБК Дейли», «Труд-7», «РИА Новости», «Новый регион 2» с 2000 по 2014 гг.) и тематических изданиях (газета «Советский спорт» с 2000 по 2014 гг.). Указанные временные рамки публикации текстов СМИ обусловлены доступностью материалов в НКРЯ на настоящий момент.

В основе данного исследования лежит понимание субъективности как фундаментального свойства процесса пользования языком, на которое указывал Э. Бенвенист: «Нет другого объективного свидетельства идентичности субъекта, чем то, которое он дает таким способом сам о себе» [Бенвенист, 2002, с. 296]. Представление о реальности по сути формируется человеком на основании «классов существующих и несуществующих, фиктивных или воображаемых объектов, понятий, представлений, которые человек вычленил при помощи языка из природы или творчески создал и способен различать и мысленно представлять как уже объективированные» [Уфимцева, 1988, с. 114].

Для выявления ценностной семантики феномена провинции представляется интересным применить метод этносемиометрии, получивший распространение в современных лингвистических исследованиях [Серебренникова, 2011; Садовникова, 2015]. Этносемиометрия, как подчеркивает Е. Ф. Серебренникова, предполагает «градуальное выведение значимых смыслов данного дискурса, что позволит создать представление о наполнении его содержания ценностным отношением автора» [Серебренникова, 2011, с. 43]. В результате станет возможным рассмотреть ценностные смыслы в определенном временном срезе или проследить их эволюцию в течение какого-либо периода.

В соответствии с алгоритмом, заданным методом этносемиометрии, были осуществлены следующие этапы исследования: 1) установлена базовая семантика лексемы *провинция*, зафиксированная в лексикографических источниках XX—XXI веков; 2) осуществлена выборка текстов из российских СМИ, содержащих лексему *провинция* в составе адъективных и глагольных сочетаний; 3) определены критерии выделения ценностной семантики провинции в отношении их локализации во времени и пространстве; 4) произведено оценочное шкалирование в рамках установленных критериев; 5) выполнена интерпретация полученных результатов.

На первом этапе исследования с помощью метода сплошной выборки были собраны образцы сочетаемости лексемы *провинция*.

Для выявления аксиологически обусловленных параметров значения лексемы *провинция* в толковых словарях русского языка XX—XXI веков использовались метод анализа словарных дефиниций и описательный метод. Это позволило выделить основные семантические компоненты значения анализируемого слова, актуализованные в дискурсе СМИ, а также на основании проведенного лингвистического эксперимента отобрать те языковые факты, которые необходимы для анализа ценностной семантики провинции.

Определение категориальных признаков для выявления ценностной семантики провинции было осуществлено в соответствии с исследованием Ю. Г. Вешнинского, в котором описано 13 типов ценностей территорий в пространственно-временном отношении. К ним ученый относит следующие ценности: 1) государственно-политические; 2) историко-культурные; 3) «коммунитарные»; 4) природные; 5) научно-когнитивные; 6) персоналистские; 7) религиозно-конфессиональные; 8) социально-стратификационные; 9) художественно-эстетические; 10) ценности локально-территориальных сообществ; 11) экономические; 12) этические; 13) этнические [Вешнинский, 2005].

Исследователи применяют разные критерии для выявления положительной / отрицательной оценки лексических единиц. Так, А. А. Зайнульдинов предлагает учитывать метафорическую образность, интенсивность выражаемого признака и т. д., а также близкое лексическое окружение номинации (слова-актуализаторы) [Зайнульдинов, 2007].

Для дифференциации оценочного и прямого употребления лексемы О. Е. Фролова вводит следующие критерии, основанные на возможности / невозможности 1) замены полной формы прилагательного на форму сравнительной степени или краткую форму; 2) подстановки наречий-интенсификаторов *очень, глубоко, так*. При возможности таких замен мы имеем дело с оценочным, характеризующим употреблением [Фролова, 2017, с. 65—66].

На основании дистрибутивного анализа, включающего сочетаемостный и контекстуальный методы, были конкретизированы ценностные характеристики лексемы *провинция*, репрезентированные положительной и отрицательной оценкой лексемы.

3. Исследование и результаты

В современном русском языке лексема *провинция* является полисемантом. Толковые словари XX—XXI веков приводят пять ее сходных, хотя и по-разному представленных значений (подробно об интегральном лексикографическом описании номинации *провинция* см. в нашей работе [Паршина, 2019]):

(1) «территория, завоеванная римлянами» [ТСРЯ, т. 3, с. 902—903; ССРЛЯ, т. 11, с. 964; СРЯ, т. 3, с. 470—471; БТСРЯ, с. 1001—1002; БАСРЯ, т. 20, с. 665];

(2) «область, административная единица в некоторых государствах» [ТСРЯ, т. 3, с. 902—903; ОШ, с. 625; ССРЛЯ, т. 11, с. 964; СРЯ, т. 3, с. 470—471; БАСРЯ, т. 20, с. 665];

(3) «административная единица, подразделение губернии в России XVIII в.» [ТСРЯ, т. 3, с. 902—903; ССРЛЯ, т. 11, с. 964; СРЯ, т. 3, с. 470—471; БАСРЯ, т. 20, с. 665];

(4) «местность, находящаяся вдалеке от столицы или крупного культурного центра, города» [ТСРЯ, т. 3, с. 902—903; ОШ, с. 625; ССРЛЯ, т. 11, с. 964; СРЯ, т. 3, с. 470—471; БТСРЯ, с. 1001—1002; БАСРЯ, т. 20, с. 665];

(5) «о чем-л. косном, отсталом, несовременном» [ССРЛЯ, т. 11, с. 964; БАСРЯ, т. 20, с. 665].

Три первых значения лексемы *провинция* обусловлены историческими и экономико-географическими реалиями. Они формируют ядро семантического поля *провинции*. Этнокультурную специфику номинации репрезентируют два других значения. Эти значения можно признать аксиологичными, поскольку они содержат ценностные параметры, описывающие сферу быта и культуры русского народа.

Для выявления аксиологической составляющей семантики лексемы *провинция* была осуществлена выборка из НКРЯ сочетаний анализируемой лексемы с именами прилагательными, причастиями и глаголами из текстов средств массовой информации начала XXI века. Было определенно 2219 вхождений адъективных и глагольных словосочетаний. Из них были отобраны 477 вхождений словосочетаний с согласованными определениями, представленными прилагательными и причастиями, и 48 вхождений сочетаний с глаголом.

4. Адъективные сочетания с лексемой *провинция*

Для определения ядерной семантики, представленной денотативным значением, и оценочной семантики был осуществлен лингвистический эксперимент (ЛЭ), заключающийся в попытке замены лексемы *провинция* на слово *область*. Так, в следующем контексте подобная замена возможна, что говорит о реализации ядерного значения 3 анализируемой лексемы: *Федор Ушаков родился в селе Бурнаково **Ярославской провинции** в семье мелкопоместного дворянина. В 1761—1766 годах учился в Морском шляхетском кадетском корпусе* [НКРЯ].

Характеризующая семантика не дает осуществить подобного рода замену, проявляя реализацию значения 4: *Теплая ностальгия по советскому прошло-*

му. ***Патриархальная провинция*** *с подсолнухами, растущими прямо на сцене, с героями, похожими на персонажей кинокомедий 60—70-х, со «строительством светлого будущего», которое диктует поступки и мысли…* [НКРЯ].

В результате ЛЭ замены были выделены 85 репрезентирующих 4-ое лексическое значение сочетаний, что представлено в таблице 1 (даны в порядке убывающей частотности). Отметим, что статистика употребительности некоторых сочетаний представлены в таблице суммирующим способом.

Таблица 1

Частотность адъектива в сочетании с лексемой *провинция*

№	Адъектив	Частотность каждой лексемы
1.	Российская	197
2.	Русская	66
3.	Глухая	46
4.	Глубокая	18
5.	Театральная	10
6.	Обветшалая	9
7.	Далекая	7
8.	Футбольная, алмазная, советская, тихая	5
9.	Церковная, родная	4
10.	Культурная, великая, отдаленная	3
11.	Менее благополучная, небогатая, нищая, отсталая, затхлая, добрая, опрятная, хоккейная, патриархальная, задрипанная, значительная	2
12.	Кинематографическая, дальняя, географическая, обычная, сырьевая, историческая, исконная, сонная, областная, третьесортная, всемирная, двойная, литературная, экономическая, нерасторопная, шустрая, курортная, крошечная, уникальная, русско-еврейская, национальная, западная (Калининград), бедная, работящая, степная, отечественная, дотационная, просвещенная, многонациональная, энергетическая, убогая, степенная, настоящая, рядовая, заштатная, абстрактная, южнорусская, военная, духовная, недовольная, индустриальная, разнообразная, скучная, среднерусская, обыкновенная, дачная, дикая, безликая, зеленая, современная, мятежная, грязная, крепнущая, прекрасная, обнищавшая, малопродвинутая, старая и др.	1

Для дистрибуции адъектива, репрезентирующего ценностную составляющую семантики *провинции*, используем категории Ю. Г. Вешнинского, рассмотренные выше. Данное распределение возможно осуществить с выявлением оценки на основании методики, предложенной О. Е. Фроловой. Так, в следу-

ющем примере возможна замена на форму сравнительной степени прилагательного и подстановка наречий-интенсификаторов *очень, глубоко: Большие маневры. **Сонная провинция** в восторге. Ну, представьте, в центре города, возле Дома офицеров, устраивается куча мала из новеньких иномарок, дорога блокируется джипами, «ДТП» снимают несколько кинокамер* [НКРЯ].

После отбора адъектива с оценочной семантикой на основании определения семантики и особенностей проявления коннотации в контексте было осуществлено распределение прилагательных на две группы слов, выражающих положительную и отрицательную оценки. Нужно отметить, что некоторые лексемы получают положительную и отрицательную оценки только в контексте, что приводит к трудностям в классификации. Полученные результаты представлены в синоптической таблице 2. Лексемы с трудно определяемой оценкой обозначены знаком.

Таблица 2

Аксиологические характеристики лексемы *провинция* в сочетании с адъективом

№	Ценности (по Ю. Г. Вешнинскому)	Положительная оценка	Отрицательная оценка
1.	Государственно-политические ценности	Значительная Исконная Крепнущая Настоящая	Дикая Заштатная Мятежная Недовольная Всемирная
2.	Историко-культурные ценности	Великая Историческая Культурная Отечественная Патриархальная Родная Современная Старая	Двойная Обыкновенная Обычная Рядовая Советская
3.	«Коммунитарные» ценности	Разнообразная	Безликая
4.	Природные ценности	Зеленая Курортная Степная Тихая	—
5.	Научно-когнитивные ценности	Просвещенная	Малопродвинутая Отсталая
6.	Персоналистские ценности	Шустрая	Затхлая Нерасторопная Скучная Сонная

Окончание табл. 2

№	Ценности (по Ю. Г. Вешнинскому)	Положительная оценка	Отрицательная оценка
7.	Религиозно-конфессиональные ценности	Церковная	—
8.	Социально-стратификационные ценности	Уникальная	Убогая Географическая Задрипанная Дальняя Далекая Глубокая Глухая Всемирная Областная Отдаленная
9.	Художественно-эстетические ценности	Абстрактная Литературная Опрятная ↔ Прекрасная	Грязная Крошечная Обветшалая Третьесортная
10.	Ценности локально-территориальных сообществ	Дачная Западная (Калининград) Алмазная (Якутия) Курортная	—
11.	Экономические ценности	Военная Индустриальная Кинематографическая Театральная ↔ Футбольная Хоккейная Энергетическая	Бедная Голодная Дотационная Менее благополучная Небогатая Нищая Обнищавшая Сырьевая Экономическая
12.	Этические ценности	Добрая Духовная Работящая Степенная	—
13.	Этнические ценности	Многонациональная Национальная Российская ↔ Русская ↔ Русско-еврейская Среднерусская Южнорусская	—

По характеру распределения оценки, а также ее движения к положительному или отрицательному полюсам можно сделать вывод о том, какие ценностные характеристики феномена провинции воспринимаются современными носителями русского языка как положительные и отрицательные.

Положительная оценка провинции преобладает в категориях историко-культурных, природных, этических, этнических ценностей и ценностей локально-территориальных сообществ. Они репрезентируют представления о провинции как о месте, в котором сохраняются история и культура страны, национальные, морально-нравственные и природные ценности. Напротив, отрицательно маркируются характеристики провинции, связанные с научно-когнитивными, персоналистскими, социально-сертификационными и экономическими ценностями. Как показывают материалы СМИ, носители русского языка полагают, что русская провинция не успевает за научно-техническим прогрессом, по-прежнему неблагополучна экономически, остается маргинализованной в социальном отношении, жители ее не обладают качествами, необходимыми в современном активно изменяющемся мире.

Из представленных выше словосочетаний можно выделить 24 конструкции с измененной семантикой лексемы *провинция* на основании метонимического переноса по модели «перенос названия с места / территории на совокупность людей, живущих на этой территории, связанных с ней»: *провинция*$_1$ ‘территория’ → *провинция*$_2$ ‘совокупность людей, живущих на данной территории’. Например: *Затишье, видимо, продолжительное, но без всяких перспектив почетного мира. «Рассерженных горожан» удалось запереть в своего рода бархатном гетто «креативного класса» и тем самым отделить от* ***недовольной провинции*** [НКРЯ].

Положительную оценку репрезентируют 10 конструкций с прилагательными (*родная, старая, просвещенная, шустрая, опрятная, прекрасная, добрая, духовная, работящая, степенная*).

Отрицательная оценка представлена в 14 случаях (*дикая, недовольная, обыкновенная, обычная, убогая, малопродвинутая, отсталая, нерасторопная, скучная, сонная, бедная, голодная, небогатая, нищая*).

Распределив частотность употребления адъективных словосочетаний с существительным *провинция* по годам, можно построить график, демонстрирующий динамику бытования положительной и отрицательной оценок в 2000—2014 годах (рис. 1), где от 0 до 12 представлено количество словосочетаний с лексемой *провинция*.

Отрицательная оценка при употреблении лексемы *провинция* преобладает в текстах российских СМИ над положительной с 2000 по 2006 годы, а

Рис. 1. Распределение отрицательной и положительной оценок в сочетаниях слова *провинция* с адъективом с 2000 по 2014 годы

затем разрыв сокращается. Это может служить косвенным подтверждением того, как трансформируется восприятие провинции, и, в частности, отражает описанную выше дискуссию о роли провинции в социокультурном развитии современной России.

5. Глагольные сочетания с лексемой *провинция*

Для отбора фактического материала глагольных сочетаний, представленных в текстах СМИ с 2000 по 2014 годы, был применен ЛЭ с тем же критерием замены, который использовался при работе с адъективными конструкциями. В результате было отобрано 48 сочетаний лексемы *провинция* с глаголами и глагольными сочетаниями. Частотность предикатива представлена далее (табл. 3).

Глаголы и глагольные конструкции репрезентируют аксиологическую составляющую пространства провинции по 4 критериям из 13, предложенных Ю. Г. Вешнинским. Наиболее интенсивно актуализируются государственно-правовые, экономические и этические ценности, менее выражены персоналистские ценности. Результаты представлены в синоптической таблице 4.

Преобладание положительной оценки по всем категориям дает представление об изменениях ценностного восприятия провинции как терри-

Таблица 3

Частотность предикатива в сочетании с лексемой *провинция*

№	Предикатив	Частотность каждой лексемы
	Живет	4
	Наступает	3
	Догоняет	2
	Поступает с бывшей империей, имеет шанс, перебивается с хлеба на воду, сможет получить, лишается, тянет, начинает ориентироваться, отказывается полюбить, извлекает выгоду, впитывает, обретает голос, оставляет отпечаток, дает сто очков вперед, теснит, находится в выгодном положении, испытывает не лучшие времена, просыпается, уходит в застой, интересует, вздыхает по крепкой руке, сидит на скудном пайке, винит, считает деньги, умеет болеть за своих, станет / перестанет с завистью смотреть, заинтересовала, рассчитывает на свои силы, не торопится, дает стержень, живет по своим законам, живет по старинке, заслуживает и др.	1

тории, жители которой проявляют себя активно в гражданском, экономическом, личностном и морально-нравственном отношении, репрезентированном в медиадискурсе начала XXI века.

Провинция во всех данных сочетаниях репрезентирует значение, образованное по метонимической модели «перенос названия с места / территории на совокупность людей, живущих на этой территории, связанных с ней»: *Владелец подержанной «шестерки», которая обошлась ему долларов в пятьсот, просто не потянет такой сбор. Он поставит авто на прикол и вообще ничего стране не даст. Это только в Москве полно «Мерседесов» и «БМВ», а* ***провинция перебивается с хлеба на воду*** [НКРЯ].

Чтобы продемонстрировать динамику положительной и отрицательной оценки в сочетаниях существительного *провинция* с предикатом в 2000—2014 годах, построим график, в котором по вертикальной оси от 0 до 5 представлено количество словосочетаний с лексемой *провинция* (рис. 2).

Положительная оценка в предикативных сочетаниях с лексемой *провинция* в текстах российских СМИ начинает преобладать над отрицательной с 2004 года, что может служить косвенным подтверждением того, что восприятие провинции претерпевает изменение в языковом сознании но-

Таблица 4

Аксиологические характеристики лексемы *провинция* в сочетании с предикативом

№	Ценности (по Ю. Г. Вешнинскому)	Положительная оценка	Отрицательная оценка
1.	Государственно-политические ценности	живет догоняет поступает с бывшей империей просыпается теснит дает сто очков вперед обретает голос имеет шанс	винит вздыхает по крепкой руке не торопится живет по старинке отказывается полюбить
2.	Персоналистские ценности	интересует заинтересовала впитывает тянет просыпается станет смотреть живет по своим законам	—
3.	Экономические ценности	сможет получить считает деньги рассчитывает на свои силы находится в выгодном положении извлекает выгоду начинает ориентироваться заслуживает	перебивается с хлеба на воду сидит на скудном пайке испытывает не лучшие времена
4.	Этические ценности	умеет болеть за своих наступает дет стержень перестанет с завистью смотреть	уходит в застой оставляет отпечаток перестанет смотреть

сителей русского языка, а также, в частности, отражает описанную выше дискуссию о роли провинции в социокультурном развитии современной России.

Рис. 2. Распределение отрицательной и положительной оценок в сочетаниях слова *провинция* с предикативом с 2000 г. по 2014 г.

6. Заключение

Таким образом, аксиология *провинции* в текстах российских СМИ начала XXI века отражает особенности языкового сознания носителей русского языка. В толковых словарях лексическое значение номинации *провинция* представлено пятью значениями, которые в большей или меньшей степени варьируются от одного лексикографического издания к другому. В отобранном лексическом материале данная номинация функционирует в значении 4 ‘местность, находящаяся вдалеке от столицы или крупного культурного центра, города’.

Членение недискретного семантического пространства, закрепленного за словом *провинция*, репрезентируется транслированием в текстах положительной и отрицательной оценок в пространственно-временных характеристиках провинции, что находит выражение в ряде ценностей, касающихся государственно-политического, историко-культурного, коммунитарного, природного, научно-когнитивного, персоналистского, религиозно-конфессионального и т. д. характера.

Выявлено увеличение числа положительных оценок в структуре ценностной семантики *провинции*. Это обусловлено изменением роли *провинции* в социокультурном пространстве страны. В целом ряде сочетаний с адъективом и всех предикативных сочетаниях зафиксировано изменение семантики лексемы *провинция* по метонимической модели.

Для дальнейшего изучения представляет интерес рассмотрение аксиологической составляющей феномена провинции в других дискурсах,

а также исследование трансформации лексического значения *провинции* в художественном и публицистическом контекстах.

Источники и принятые сокращения

1. БАСРЯ — *Большой* академический словарь русского языка / гл. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Наука, 2012. — Т. 20. — 732 с.

2. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2008. — 1536 с.

3. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.search1.ruscorpora.ru/search.xml.

5. СРЯ — *Словарь* русского языка : в 4 томах / гл. ред. А. П. Евгеньева. — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. — Т. 3: П-Р. — 752 с.

6. ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. / ред. Е. Э. Биржакова, Р. П. Рогожникова. — Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1961. — Т. 11: Пра-Пятью. — 1844 с.

7. ТСРЯ — *Толковый* словарь русского языка : в 4 томах / ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. — Т. 3: П — Ряшка. — 1424 с.

Литература

1. *Акопян А. Г.* Язык СМИ и национальная языковая картина мира: к проблеме взаимосвязей и взаимозависимостей / А. Г. Акопян // Научная мысль Кавказа. — 2019. — № 1 (97). — С. 89—95.

2. *Алефиренко Н. Ф.* Жизнесмыслы русской провинции в зеркале языка / Н. Ф. Алефиренко // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2011. — № 1, Ч. 1. — С. 124—130.

3. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; ред., вступ. и коммент. Ю. С. Степанова. — 2-е изд., стер. — Москва : УРСС, 2002. — 448 с.

4. *Вешнинский Ю. Г.* Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) / Ю. Г. Вешнинский // Мир психологии. — 2005. — № 4 (44). — С. 226—236.

5. *Воронина Н. И.* Культура провинции в пространстве современной политики / Н. И. Воронина // Философские науки. — 2012. — № 12. — С. 80—88.

6. *Гурова И. В.* Специфика отражения языковой картины мира в *гейт*-образованиях / И. В. Гурова // Наука и культура России : XIII Международная научно-практическая конференция (26—27 мая 2016 г.). Ч. 1. — Самара : СамГУПС, 2016. — С. 148—149.

7. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь) / Т. Г. Добросклонская. — Москва : Флинта ; Наука, 2008. — 263 с.

8. *Ерасов Б. С.* Проблемы анализа диады центр — периферия цивилизаций / Б. С. Ерасов, Г. А. Аванесова // Сравнительное изучение цивилизаций. — Москва : Аспект пресс, 1999. — 555 с.

9. *Ершов М. Ф.* Образы провинции и внегородское пространство / М. Ф. Ершов // Вестник угроведения. — 2012. — № 2 (9). — С. 134—151.

10. *Зайнульдинов А. А.* Эмоционально-оценочный аспект русской лексики и фразеологии (опыт прагмалингвистического словаря) [Электронный ресурс] / А. А. Зайнуль-

динов // Russian Language Journal. — 2007. — Vol. 57. — P. 29—42. — Режим доступа : http://rlj.americancouncils.org/issues/57/files/Zainuldinov_2007.pdf.

11. *Зайонц Л. О.* «Провинция» : опыт историографии / Л. О. Зайонц // Отечественные записки. — 2006. — Т. 32, № 5. — С. 70—88.

12. *Паршина О. Д.* Изучение феномена провинции в гуманитарных науках: аналитический обзор [Электронный ресурс] / О. Д. Паршина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13, № 2. — С. 126—129. — Режим доступа : https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.24.

13. *Паршина О. Д.* Лексикографический портрет слова «провинция» [Электронный ресурс] / О. Д. Паршина // Мир науки : социология, филология, культурология. — 2019. — № 4. — Режим доступа : https://sfk-mn.ru/PDF/49FLSK419.pdf.

14. *Роль* СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) [Электронный ресурс] / Е. М. Маркова, Л. В. Рацибурская, О. С. Иссерс, Ю. А. Мельник, И. П. Зайцева, Й. Сипко, М. В. Радченко // Вестник МГОУ : электронный журнал. — 2017. — № 1. — Режим доступа : https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/799.

15. *Садовникова О. Н.* Этносемиометрия знака «инновация» / О. Н. Садовникова // Вестник МГЛУ. — 2015. — Вып. 21 (732). — С. 104—114.

16. *Серебренникова Е. Ф.* Аспекты аксиологического лингвистического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов : коллективная монография. — Москва : Тезаурус, 2011. — 352 с.

17. *Спивак М. Я.* «Провинция идет в регионы» : о некоторых особенностях современного употребления слова провинция / М. Я. Спивак // Геопанорама русской культуры. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 669 с.

18. *Татаринов В. А.* Язык СМИ как объект филологического исследования и как предмет медиалингвистики / В. А. Татаринов // Язык средств массовой информации : сб. обзоров. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2007. — С. 14—30.

19. *Уфимцева А. А.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А. А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке : язык и картина мира / Б. А. Серебренников и др. — Москва : Наука, 1988. — 216 с.

20. *Фролова О. Е.* Провинция в речи и тексте (на материале Национального корпуса русского языка и повести А. Платонова «Котлован») / О. Е. Фролова // Русская провинция: pro et contra : коллективная монография / М. Валери и др. — Белгород: ИД Белгород, НИУ БелГУ, 2017. — 156 с.

21. *Girard A.* Cultural Development : experiences and policies / A. Girard, G. Gentil. — 2 ed. — Paris : UNESCO, 1983. — 172 p.

Axiology of the Province Phenomenon in Russian Mass Media of the Beginning of the 21st Century

© Olga D. Parshina (2020), orcid.org/0000-0002-2203-5613, PhD in Philology, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Tolyatti State University” (Tolyatti, Russia), parshinaod@mail.ru.

© Elena P. Ivanyan (2020), orcid.org/0000-0003-4782-0658, Doctor od Philology, professor Federal State Budgeted Educational Institution of Higher Education "Samara State University of Social Sciences and Education" (Samara, Russia), elogos@rambler.ru.

The article presents the results of a study of value meanings of the province phenomenon in the discursive environment of the Russian mass media at the beginning of the 21st century. The basic semantics of the Russian lexeme *provintsiya* is described based on the data of the explanatory dictionaries of the Russian language. The analysis is made of adjectival and verbal combinations selected by a continuous sampling method from the materials of the National Corpus of the Russian Language. The categories based on which the value semantics of the province in time and space are identified are defined. In accordance with the established categories, the selected adjectival and predicative combinations were distributed, and their estimation scaling was performed in relation to positive and negative evaluation. It is established that at the beginning of the 21st century the texts of mass media record changes in the value layer of ideas about the province in the language consciousness of modern Russian speakers. Based on the analysis of the dynamics of the axiological component of the lexeme *provintsiya*, a decrease in negative ratings was recorded with a simultaneous increase in positive ratings since 2006 for adjectival combinations and since 2004 for predicative ones. Dynamic changes in the evaluative meanings accompanying the word *provintsiya* in the media discourse can be considered as a reflection of the changing role and status of the province in the socio-cultural space of Russia.

Key words: province; axiology; semantics; ethnosemiometry; linguistic experiment; metonymy.

Material resources

BASRYa — Gerd, A. S. (ed.). (2012). *Bolshoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Nauka. 20. (In Russ.).

BTSRYa — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2008). *Bolshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Norint. (In Russ.).

NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: http://www.search1.ruscorpora.ru/search.xml. (In Russ.).

OSh — Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1992). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka.* Moskva: Az. (In Russ.).

SRYa — Evgenyeva, A. P. (ed.). (1999). *Slovar' russkogo yazyka*. (4th ed.). Moskva: Russkiy yazyk, Poligrafresursy. 4/3. (In Russ.).

SSRLYa — Birzhakova, E. E., Rogozhnikova, R. P. (eds.). (1961). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Moskva: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR. 17/11. (In Russ.).

TSRYa — Ushakova, D. N. (1939). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. 4/3. (In Russ.).

References

Akopyan, A. G. (2019). Yazyk SMI i natsionalnaya yazykovaya kartina mira: k probleme vzaimosvyazey i vzaimozavisimostey. *Nauchnaya mysl Kavkaza*, *1 (97)*: 89—95. (In Russ.).

Alefirenko, N. F. (2011). Zhiznesmysly russkoy provintsii v zerkale yazyka. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, *1 (1)*: 124—130. (In Russ.).

Benvenist, E. (2002). *Obshchaya lingvistika*. (2nd ed.). Moskva: URSS. (In Russ.).

Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialingvistika: Sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI (sovremennaya angliyskaya mediarech)*. Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).

Erasov, B. S., Avanesova, G. A. (1999). Problemy analiza diady tsentr — periferiya tsivilizatsiy. In: *Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsiy*. Moskva: Aspekt press. (In Russ.).

Ershov, M. F. (2012). Obrazy provintsii i vnegorodskoe prostranstvo. *Vestnik ugrovedeniya, 2 (9)*: 134—151. (In Russ.).

Frolova, O. E. (2017). Provintsiya v rechi i tekste (na materiale Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka i povesti A. Platonova «Kotlovan»). In: *Russkaya provintsiya: pro et contra: kollektivnaya monografiya*. Belgorod: ID Belgorod, NIU BelGU. 156. (In Russ.).

Girard, A., Gentil, G. (1983). *Cultural Development: experiences and policies*. (2nd ed.). Paris: UNESCO.

Gurova, I. V. (2016). Spetsifika otrazheniya yazykovoy kartiny mira v geyt-obrazovaniyakh. In: *Nauka i kultura Rossii: XIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. Samara: SamGUPS. 1: 148—149. (In Russ.).

Markova, E. M., Ratsiburskaya, L. V., Issers, O. S. (et al.). (2017). Rol' SMI v demokratizatsii i kreativizatsii sovremennogo russkogo yazyka (kruglyy stol). *Vestnik MGOU: elektronnyy zhurnal*, 1. *Available at*: https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/799. (In Russ.).

Parshina, O. D. (2019). Leksikograficheskiy portret slova «provintsiya». *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya*, *4*. Available at: https://sfk-mn.ru/PDF/49FLSK419.pdf. (In Russ.).

Parshina, O. D. (2020). Izuchenie fenomena provintsii v gumanitarnykh naukakh: analiticheskiy obzor. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, *13 (2)*: 126—129. Available at: https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.24. (In Russ.).

Sadovnikova, O. N. (2015). Etnosemiometriya znaka «innovatsiya». *Vestnik MGLU*, *21 (732)*: 104—114. (In Russ.).

Serebrennikova, E. F. (2011). Aspekty aksiologicheskogo lingvisticheskogo analiza. In: *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov*. Moskva: Tezaurus. (In Russ.).

Spivak, M. Ya. (2004). «Provintsiya idet v regiony»: o nekotorykh osobennostyakh sovremennogo upotrebleniya slova provintsiya. In: *Geopanorama russkoy kultury*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).

Tatarinov, V. A. (2007). Yazyk SMI kak obyekt filologicheskogo issledovaniya i kak predmet medialingvistiki. In: *Yazyk sredstv massovoy informatsii*. Moskva: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN. 14—30. (In Russ.).

Ufimtseva, A. A. (1988). Rol' leksiki v poznanii chelovekom deystvitelnosti i v formirovanii yazykovoy kartiny mira. In: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Veshninskiy, Yu. G. (2005). Aksiologiya kulturnogo prostranstva-vremeni (v granitsakh postsovetskogo kulturnogo prostranstva). *Mir psikhologii*, *4 (44)*: 226—236. (In Russ.).

Voronina, N. I. (2012). Kultura provintsii v prostranstve sovremennoy politiki. *Filosofskie nauki, 12*: 80—88. (In Russ.).

Zaynuldinov, A. A. (2007). Emotsionalno-otsenochnyy aspekt russkoy leksiki i frazeologii (opyt pragmalingvisticheskogo slovarya). *Russian Language Journal*, *57*: 29—42. Available at: http://rlj.americancouncils.org/issues/57/files/Zainuldinov_2007.pdf. (In Russ.).

Zayonts, L. O. (2006). «Provintsiya»: opyt istoriografii. *Otechestvennyye zapiski*, *32 (5)*: 70—88. (In Russ.).

Ребрина Л. Н. Семантико-мотивационные характеристики неолексем вражды: дискурсивное раскрытие внутренней формы слова / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 141—155. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-141-155.

Rebrina, L. N. (2020). Semantic and Motivational Characteristics of Neolexemes ofEnmity: Discursive Disclosure of Inner Form of the Word. *Nauchnyi dialog, 8:* 141-155. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-141-155. (In Russ.).

УДК 811.161.1’373.43::392.77
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-141-155

Семантико-мотивационные характеристики неолексем вражды: дискурсивное раскрытие внутренней формы слова[1]

© **Ребрина Лариса Николаевна (2020),** orcid.org/0000-0003-0512-980X, ResearcherID G-6420-2015, Scopus Author ID 56241972800, SPIN 3971-1615, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры германской и романской филологии, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет» (Россия, 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100); ведущий научный сотрудник кафедры языков массовой коммуникации, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19), lnrebrina@volsu.ru.

В статье изложены результаты исследования ряда русскоязычных неолексем, функционирующих в интернет-коммуникации в течение последних двух десятилетий. Объектом анализа выступили обозначения субъектов с суффиксом *–оид* (*истероид, оранжоид* и др.). Эти лексические единицы по своим прагматическим компонентам значения причисляются нами к лексике вражды, объединяются особой ролью структурного мотиватора при формировании мотивационного значения. Описываются семантико-мотивационные характеристики существительных. Определяются их лексемы-партнеры. Делаются выводы о влиянии нетипичной комбинаторики на значение словообразовательного компонента и на трансформируемый классификационный признак; о размывании границ между разными вариантами языка и стилями. Показано, что в ближайшем контексте вербализуются свойства, приписываемые обозначаемым субъектам. Анализируются закономерности дискурсивного раскрытия внутренней формы изучаемых единиц посредством экспликации мотивационных связей в рамках разных типов мотивации. Выявлено, что наиболее частотным способом актуализации мотивационных моделей в речемыслительных стратегиях адресанта в интернет-коммуникации являются экспликация лексической мотивации и метатекстовая мотивация, менее частотны экспликация

1 Благодарности. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс).

структурной мотивации и окказиональная авторская мотивация. Показано, что специфика дискурсивных практик влияет на рефлектирующее сознание адресанта, а закономерности репрезентации мотивационных моделей преломляются через признаки дискурса.

Ключевые слова: лексика вражды; обозначение субъекта; мотивация; семантика; внутренняя форма слова; структурный мотиватор; лексический мотиватор.

1. Мотивированность как глобальная универсальная категория

Обусловленность языка — важнейшая его характеристика, что объясняет активный исследовательский интерес к механизму мотивации, не получившему на сегодняшний момент должного осмысления. Мотивированность является глобальной, универсальной лексико-семантической категорией, связанной с ономасиологией, семасиологией, синтагматикой, парадигматикой, эпидигматикой, языковым сознанием, множеством экстра- и лингвистических факторов; позволяющей реализовать подход к лексической единице (ЛЕ) как к целостной (семантической и структурной) единице системы [Блинова, 2012; Cano, 2020; Gombocz, 2013, с. 45—56] и, соответственно, к языку — как к социально-исторически, социокультурно, онтологически, психофизиологически, гносеологически и прагматически обусловленному феномену [Хазимуллина, 2015; Haarich, 2013, с. 64—68, 265—266; Olostiak, 2019]. Обращение к номинативно-мотивационным отношениям позволяет охарактеризовать отражательность / индексальность структуры языка и знака, связь языковых и ментальных категорий, обусловленность языковых фактов неязыковыми, корреляции актуальных фактов языка с предшествующими [Хазимуллина, 2015; Anscombre, 2019; Chishman et al, 2020; Umbreit, 2010]. Номинативно-мотивационные модели детерминируют функционирование номинативной, лексико-семантической системы языка.

Мотивированность является ядерным, системным, самостоятельным и независимым от функциональных или системных атрибутов ЛЕ структурно-семантическим свойством слова, раскрывающимся в относительной взаимообусловленности формальных, семантических, функциональных и значимостных характеристик ЛЕ на уровне системы языка и в речи, во взаимосвязи потребностей, представлений носителей языка и языкового знания [Хазимуллина, 2015; Alves, 2011; Balestero et al, 2020; Ulrich, 2017, 2020]. Связь формы и содержания представляется рациональной, определяемой лексической и структурной соотносительностью единиц. Соотносящиеся, то есть мотивационно связанные единицы (мотивированное слово — мотивема; мотивирующие слова — лексические мотиваторы (ЛМ) и структурные мотиваторы (СМ)) конституируют мотивационную парадигму, представляющую (наряду с мотивационными контекстами) ЛЕ как элемент языкового, метаязыкового сознания, см. [Блинова, 2012]. Внутренняя

форма слова (ВФС) образуется мотивационной формой (МФ — значимые, обусловленные мотивированностью компонеты материальной оболочки ЛЕ) и мотивационным значением (МЗ — (синтетическое) значение мотивационной формы, имеющее промежуточный характер между словообразовательным и лексическим значением ЛЕ), которые в своей совокупности составляют морфо-семантическую структуру слова. ЛМ выражает мотивировочный признак (МП), а СМ — классификационный признак (КП) [Блинова, 2012]. Перспективным направлением представляется мотивационный анализ лексико-семантических категорий. Описание ВФС лексической парадигмы позволяет охарактеризовать обобщенные МП, КП и номинационные признаки (НП) и, тем самым, номинативно-мотивационные модели, релевантные для определенной лингвокультуры или отдельной предметной области. Разная соотносительность единиц обусловливает вид ВФС: живая (осознается и может быть объяснена современными носителями языка) и мертвая; метафорическая (отражает, лежащее в основе формирования мотивационного значения ЛЕ отношение подобия) и неметафорическая; вариантная (конституируемая разными МФ и МЗ) и невариантная; лексикализованная (компонент(ы) МФ выделяются, но не интерпретируются носителями языка) и нелексикализованная. Тип мотивированности задают: а) «объекты соотнесения» — абсолютная (объект соотнесения — внеязыковая действительность, как в случае фонетической мотивированности) и относительная (объект соотнесения — ЛМ и СМ); полная или частичная (по наличию / отсутствию лексической и структурной соотнесенности с другими ЛЕ); б) средства номинации и выражения мотивированности — фонетическая, морфологическая (лексическая и структурная) и семантическая мотивированность.

2. Анализ дискурсивного раскрытия внутренней формы слова на материале интернет-коммуникации и электронных СМИ: релевантные мотивационные модели

Объектом изучения является ряд актуальных ЛЕ (неолексем) с семантикой вражды, используемых для обозначения субъекта в СМИ и интернет-коммуникации во временном периоде 2000—2020 гг., объединяемых общим структурным мотиватором (ЛЕ с суффиксом *-оид*) и особой ролью СМ при формировании МЗ. В качестве материала исследования используются лексикографические источники, данные серверов Яндекс.Статистика (https://wordstat.yandex.ru/), Яндекс.Блоги (https://yandex.ru/blogs/), корпус коротких текстов RuTweetCorp (http://study.mokoron.com/); интернет-контент. Применяется комбинация системоцентрического / лексикоцентрического и тексто-

центрического подходов; мотивационный и функционально-семантический контекстный анализ, характеризуются сочетаемостные свойства ЛЕ.

ВФС представляет собой сосредоточение системных лексических отношений. Будучи связанной с принципом, способом и средством номинации, она отражает ассоциативность мышления и мотивированность ЛЕ как вербализуемый результат «толкования» действительности. При этом в ВФС интерпретируется результат комплексного, основывающегося на взаимодействии разных модусов восприятия посредством выдвижения значимого в конкретной коммуникативной ситуации признака обозначаемого объекта, соотносящегося с МП (эксплицирующая, гносеологическая функция ВФС) [Блинова, 2012]. ВФС раскрывается в дискурсивных практиках посредством разнообразной реализации мотивационных связей, актуализации мотивационных моделей в речемыслительных стратегиях адресанта [Кишина, 2011]. В рамках последних мотивационные отношения могут получать полную (эксплицируется соотносительность с ЛМ и СМ) и неполную актуализацию (представлена связь с одним типом мотиваторов) [Ахманова, 2013; Блинова, 2012]. ЛМ характеризуются в большей степени дистантной, чем контактной актуализацией и частеречным разнообразием, тогда как среди актуализаторов СМ преобладают контактно или дистантно расположенные существительные [Блинова, 2012]. При этом признаки дискурсивных практик влияют на закономерности языковой, метаязыковой рефлексии.

К интересующим нас случаям мы относим группу неолексем, образованных с помощью суффикса *-оид*, используемых для обозначения субъекта, отличающихся закрепившейся за ними негативной коннотацией и иллюстрирующих трансформацию классификационного признака структурного мотиватора ввиду нетипичной комбинаторики словообразовательной единицы. Данный суффикс (от греч. εἶδοζ «вид, внешность, образ») характерен для терминологических единиц специальных языков (ср. *монголоид, негроид, шизоид, истероид, антропоид, сфероид, планетоид*, *дифтонгоид* и др.), образуя существительные мужского рода и привнося значение ‘похожий, подобный лицу или предмету, называемому мотивирующим именем существительным’; см. словарную статью о данном словообразовательном компоненте [Ефремова, 2000]). Анализируемые ЛЕ причисляются нами к лексике вражды на основании парадигматических компонентов их значения (подгруппы «Борьба», «Оскорбления») и относятся к следующим подмножествам: а) обозначения субъекта, образованные от наименований рода занятий или общественно-политических течений (*либероид*); б) обозначения субъекта, образованные от собственных имен (*путиноид*); в) обозначения субъекта, образованные от прецедентных имен (в том числе хрононимов,

сопряженных с определенным ценностным отношением) (*оранжоид*) (см. табл. 1). ВФС ЛЕ не обусловливает их оценочную семантику. Контексты из привлеченных источников эмпирического материала подтверждают реализацию данными ЛЕ исключительно негативной оценки и функциональные ограничения прагматического характера (ЛЕ используется только противниками указанных в п. *а, б* и *в* лиц). Данное наблюдение и серийный характер соответствующих негативных обозначений позволяют сделать вывод о коннотативно обусловленном переосмыслении значения СМ (связанном в том числе и с индивидуальными коннотациями ЛМ у адресантов), о негативной интерпретации подобия (‘подобный, но ущербный, ненормальный’). Приведем примеры употребления частотных СМ с контекстуально обусловленной и закрепившейся в рамках массовой коммуникации (не в специальных текстах) негативной коннотацией, обусловливающей дальнейшую трансформацию КП при образовании неолексем — *гоминОИД, гуманОИД, шизОИД, истерОИД*: *Итак: Лебедев нашист. Развожаев садист. Удальцов* ***изворотливый истероид*** (2012) [АА]; *Неизбежно возникает социальный конфликт* ***не брезгующих никакими средствами истероидов*** *с обществом и его законами* (2012) [АА]; <…> ***гоминоиды*** <…> — <…> *обозначают у разных народов одно:* ***дикое волосатое человекоподобное существо*** (2004) [АА]; *То, что он увидел, было посильнее известной картины «Трактир у заставы»! <…> большое количество* ***бухих гуманоидов****. То, что плавало в остатках молдавского вина, был мужик <…> в* ***состоянии совершенно стеклянного алкогольного опьянения*** (2001) [АА]; *Землю захватили <…>* ***злобные, волосатые, трехметровые гуманоиды. Людей они превратили в рабов*** (2001) [АА]; *Люблю я* ***поиздеваться*** *над политическими* ***шизоидами*** <…> ***Регулярно повод дают*** (2019) [АА]). За названным суффиксом закрепляется новое значение ‘подобный называемому ЛМ, но недо- / неполноценный / ненормальный / недоделанный, ущербный / нечеловек’ (то есть к первоначальному признаку подобия добавились признак неполноценности и отрицательная оценка; КП СМ: ‘ненормальный, подобный тому, что названо ЛМ’). Образованная с его помощью серия существительных — наименований субъекта регулярно употребляется для выражения негативного, уничижительного отношения к кому-либо. Оценочность данных ЛЕ обусловливается трансформированным значением СМ и, как следствие, модифицированным КП (причины: нетипичная комбинаторика суффикса и сфера функционирования новых ЛЕ) и индивидуальными коннотациями, связанными с ЛМ. ВФС описываемых единиц — живая, метафорическая; мотивированность — полная, относительная, морфо-семантическая; НП — «свойство подобия»; см. мотивационный анализ в таблице (табл. 1).

[CC BY 4.0]

Таблица 1

Мотивационные характеристики ЛЕ

ЛЕ	МФ	ЛМ	СМ	МП	МЗ	Мотивационный контекст
либероид (ЛЕ введена С. Е. Кургиняном)	ЛИБЕР/ОИД	*либерал* (ср. *либер* — презр. о либерале: *Какие же **либеры** эти … **подлые**; … Либеры во всей своей **гнусности***…[ЯБ]).	*шизОИД, трампонОИД, оранжОИД, ельцинОИД, клинтонОИД;*	«субъект, имеющий отношение к либералу»	«<	*Макаревич не **либерал**, а **либероид*** (2019) [АА]
ЛЕ-партнеры	коллокаты из корпуса Лидс: *отъявленный*; *упорный*; *поступать*; *уничтожать*; *кричать*					вербализуемые признаки: «известный отрицательными качествами», «опасный»
оранжоид[1]: сторонники В. Ющенко, активисты «оранжевой революции» — акций 2004—2005 годов на Украине; ***оранжоид***[2]: участники / сторонники митинга на пл. Болотной в Москве в 2012 году (сравнение с оранжевой революцией)	ОРАНЖ/ОИД	*оранжевый* (связанный с оранжевой революцией)	*гоминОИД, гуманОИД, либерОИД* и др. КП: см. выше	«субъект, связанный с оранжевой революцией»	«<	*Мы заявили <…> свою <…> глубочайшую ненависть к **оранжоидам**. <…> А затем <…> дали отпор <…> народным митингом против «**оранжевой** чумы»* (2015) [АА]

ЛЕ	МФ	ЛМ	СМ	МП	МЗ	Мотивационный контекст
ЛЕ-партнеры	(интернет-коммуникация) *явный, убежденный, законченный, главный, одиозный, коварный, диоксиновый, типичный, беспринципный, безыдейный, известный; следующие глагольные единицы, сочетающиеся с ЛЕ в функции синтаксического субъекта: говорить, отрицать, рассказывать, муссировать* стоять					вербализуемые признаки: «агрессивный», «непорядочный»
путиноид (синонимичная ЛЕ — *кремлоид*)	ПУТИН/ ОИД	*Путин*	*ельцинОИД, клинтонОИД, трампонОИД;* КП: см. выше	«субъект, имеющий отношение к Путину»	«<	***путиноид*** — *это человек, уверовавший в* ***Путина*** *как в божка* (2017) [АА]
ЛЕ-партнеры	(интернет-коммуникация) *нервный, психический, упоротый, остервенелый, маниакальный, стопроцентный, оголтелый, взбесившийся, ватный, прозомбированный, зомбо-ватный, тупой, верный, обычный, типичный; верить, косячить, поливать грязью, решить, говорить, писать, вызывать (какую-либо реакцию), ненавидеть*					вербализуемые признаки: «эмоциональный», «неумный», «настойчивый», «легковерный»

Рассмотрим выявленные закономерности дискурсивного раскрытия ВФС в интернет-текстах на политические темы.

Актуализация узуальных мотивационных связей ЛЕ может носить текстовый и метатекстовый характер.

I. Как показывает анализ материала, текстовая актуализация осуществляется посредством экспликации лексической или структурной соотнесенности с мотиваторами.

А) Лексическая мотивация (экспликация ЛМ в высказывании).

Оранжоид ← оранжевый (дистантная): ***Оранжевую*** *чуму наверное спонсирует* ***оранжевый*** *вор, которому понравилось как* ***оранжоиды*** *подзарабатывают деньги* (2007) [АА].

Путиноид ← Путин (дистантная): *Почему-то* ***путиноидов*** *принято жалеть. <…> они 20 лет под* ***Путиным****, и их зомбировали* (2019) [АА]; *Наконец,* ***путиноид*** *— это человек, уверовавший в* ***Путина*** *как в божка. <…> Тут — "я чувствую, что* ***Путин*** *дан России Богом"…* (2017) [АА].

Либероид ← либерал (контактная и дистантная)*: Макаревич не* ***либерал****, а* ***либероид****.* ***Либерал*** *минус чувство справедливости =* ***либероид*** (2019) [АА].

Б) Структурная мотивация (экспликация СМ в высказывании).

Либероид ← шизОИД (контактная)*:* ***Либероид*** *— (****либерал****-шиз****оид****), ненавидит «совок» и всё связанное с ним, нынешнюю власть, а так же всех кто не разделяет его мнение* (2018) [АА].

Функционирование мотивационно связанных ЛЕ в контексте служит выдвижению фиксируемых ВФС признаков обозначаемого субъекта и, тем самым, усилению образа, стимулированию инициации разделения формируемого отношения.

II. Метатекстовая мотивация (экспликация метаязыкового сознания, характера отношений между мотивационно связанными ЛЕ посредством указания на МЗ или МП, возможно, также и КП).

Либероид *— (****либерал*** и ***андроид*** — человеко***подобный*** робот) — ***либералоподобный*** (2011) [АА] (эксплицируется КП, МП, выводится в общем виде МЗ).

Либералы*, которых ещё* ***называют*** *"****либероидами****" (не путать с ЛДПР, хотя эта партия тоже не подарок...), — это* ***либералы****-западники, те силы,* ***которые*** *проводят в России политику десоветизации и десталинизации.* ***Либероиды*** *настроены на организацию в России новой перестройки (Перестройка-2)* (2012) [АА] (эксплицируется МП).

В приводимом далее примере метатекстовой мотивации имеет место индивидуально-авторская (не узуальная, более нигде не зафиксированная)

мотивация (*либероид ← либераст*): *Почему я **называю** российских **либероидов_либероидами**, а не либералами? Потому что они не либералы, а **либерасты**, но слово «**либераст**» звучит не политкорректно* (2017) [АА].

Частотным признаком метатекстовой мотивации (см. также предыдущий пример) является экспликация адресантом собственной языковой стратегии: *Для того, чтобы **обойти эту «семантическую ловушку»,** нужно **использовать_правильные слова**. Попытки **называть их полуматерными словами**, вроде "**либерастов**" и "дерьмократов", это **не выход**, так как эти **слова** скорее **показывают отношение** к либерализму и демократии, чем к конкретным людям. И, главное, эти **слова не могут стать общеупотребительными** ... Поэтому я **предлагаю использовать** <...> **термин** «либероиды», если данный термин будет **введен в общероссийский лексикон**, то мы **семантически уничтожим либероидов** ...* (2011) [АА].

При этом рефлектирующее сознание адресанта социально ориентировано, имеет идеологическую направленность, что обусловливается уже спецификой самих дискурсивных практик, то есть метатекстовая мотивация преломляется через признаки дискурса. В рамках анализируемых практик (в том числе и по причине подчиненности рефлектирующего языкового сознания манипулятивным установкам, см. также: [Кишина, 2011]) это приводит к частому построению метатекстового комментария в формате противопоставления субъектов на оси «сторонник — противник», к раскрытию МП или МЗ «от обратного» (см. примеры выше). Посредством противопоставления задается вектор оценки, актуализируются индивидуальные коннотации адресанта. Противопоставление и вышеназванные установки диктуют предпочтение адресантом ЛЕ с ВФС, акцентирующей негативные признаки обозначаемого субъекта для построения желаемого (отрицательного) образа оппонента, что иллюстрируют описанные КП, а также ЛЕ-партнеры, указывающие на приписываемые называемому субъекту и фиксируемые в представлениях носителей языка неодобряемые признаки. Приданию глубины создаваемых образов служит и актуализация синонимических, гипер- или гипонимических связей мотивемы, мотиватора.

Комментарий адресанта к слову (часто эксплицирующий ЛМ) может иметь форму «диалогической» [Кишина, 2011], а точнее, полемической цитации (предъявление положительного суждения самого субъекта о себе или другого лица о данном субъекте с последующим опровержением, противопоставлением, негативной интерпретацией). Например: ***Либероид** — это человек, который **про_себя говорит**, что он **либерал** и демократ, **но***

действует прямо ***обратно либеральным*** *принципам и плюёт на демократию* (2017) [АА].

III. Окказиональная авторская мотивация (индивидуальное, окказиональное сближение, комментирование слов). Наиболее часто данный вид мотивации реализуется метафорической мотивированностью, когда негативные признаки обозначаемого субъекта метафорически обыгрываются, подбирается соответствующий, задающий желаемое ценностное отношение образный репрезентант и поясняются причины выбора (при этом может формироваться организующий композицию сообщения адресанта рекуррентный образ). Например: *Оранжоид, что* ***налим*** *— склизкий, не ухватишься, хоть и* ***хомяк*** (2013) [АА]. Реализуется ЛСВ[2] ЛЕ *оранжоид*, см. таблицу (табл. 1). Адресант использует зооморфную метафору (указывая на мотивировочный признак метафорической номинации) и в рамках того же предметно-тематического кода выстраивает противопоставление признаков субъекта (толстый как хомяк и скользкий как налим); номинации выполняют функцию опосредованной характеризации. При этом слово *хомяк* способствует созданию эффекта иронии, будучи употребленным одновременно в двух своих значениях: (а) обозначение животного, символизирующего определенные признаки; (б) политический сленгизм *хомяк* — обозначение белоленточника <с 2006 года белая лента неоднократно использовалась как символ протеста>, то есть представителя оппозиции. Следует также отметить, что ЛЕ *хомяк* демонстрирует большой потенциал развития полисемии в субстандартных вариантах языка; например, в коммуникации предвыборных компаний сленгизмом *хомяк* обозначается простой электорат; в банковской сфере — обычные простые люди, народ; в интернет-форумах — глупый, захваченный стадным чувством субъект.

В целом для относимых к лексике вражды неолексем — обозначений субъекта наиболее характерны медицинская, зооморфная и криминальная метафоры. Следует отметить, что на фоне растущего интереса носителей языка к намеренному словотворчеству, а также активизации метаязыковой рефлексии (см. сетевые проекты «Неологизм года», «Слово года», «Дар слова: еженедельный лексикон Михаила Эпштейна») обращение лингвистов к окказиональной авторской мотивации представляется самостоятельной интересной и актуальной задачей.

Количественный анализ отобранных контекстов, иллюстрирующих дискурсивное раскрытие ВФС описываемых обозначений субъекта, показывает, что наиболее распространенным способом репрезентации мотивационных моделей данных ЛЕ в политической интернет-коммуникации является экспликация лексической мотивации (рис. 1).

Рис. 1. Способы дискурсивного раскрытия внутренней формы слов *либероид, оранжоид, путиноид*

3. Выводы

Структурные мотиваторы, выполняя концентрирующую и стимулирующую функции, обладая самостоятельной познавательной ценностью, играют значимую роль при формировании семантики единиц и мотивационных отношений в лексико-семантической системе языка. Использование нетипичной комбинаторики специальных словообразовательных средств, ведущее к трансформации значения структурных компонентов, коммуникативное, парагматически обусловленное смягчение стилистических границ между стандартным и субстандартным вариантами языка, интеллектуализация (частотность апелляции к ассоциациям, установка на разгадывание), интенсификация (ориентированность на трансгрессивность, экспрессивизацию), активность онимов в функции словообразовательного компонента и аффиксов с отрицательным оценочным значением являются актуальными характеристиками современного именного словообразования. Названные характеристики способствуют расширению реализаций возможностей системы языка и отражают импозитивность и нарастание речевой агрессии в политической интернет-коммуникации, обусловленные активными процессами общественной, социальной конфронтации. Мотивационные характеристики неолексем, в первую очередь их внутренняя форма (выступающая важным средством реализации манипулятивных прагматических установок адресанта), получают регулярную дискурсивную экспликацию. Ее характер коррелирует с признаками дискурсивных практик, определяющими закономерности языковой, метаязыковой рефлексии и речемыслительные стратегии коммуникантов. К наиболее ча-

стотным способам дискурсивного раскрытия внутренней формы слова и актуализации мотивационных моделей в современной политической интренет-коммуникации относятся экспликация лексической мотивации и метатекстовая мотивация.

Acknowledgments / Благодарности. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс) / The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 "The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse").

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора.

2. ЯБ — *Яндекс.Блоги* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://yandex.ru/blogs.

3. *Ефремова Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. — Дрофа ; Русский язык, 2000. — Режим доступа : https://efremova.slovaronline.com.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Книга по требованию, 2013. — 608 с. — ISBN 978-5-458-52192-5.

2. *Блинова О. И.* Ключевые термины мотивологии: испытание временем (1971—2011 гг.) / О. И. Блинова // Вестник ТГПУ. — 2012. — № 10 (125). — С. 136—140. — ISSN: 1609-624X.

3. *Кишина Е. В.* Характер мотивационных и метаязыковых связей в политических текстах / Е. В. Кишина // Актуальные проблемы современного словообразования : сб. науч. статей. Вып. 4. — Кемерово, 2011. — С. 413—418. — ISBN 978-5-8353-1205-4.

4. *Хазимуллина Е. Е.* Общая лингвистическая теория мотивации : к постановке проблемы / Е. Е. Хазимуллина // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 2 (043). — С. 144—155.

5. *Alves L. M.* The prefix 'hyper-' in a journalistic corpus of brazilian Portuguese / I. M. Alves // Matraga-estudos linguisticos e literario. — 2011. — № 18 (28). — P. 129—142.

6. *Anscombre J.-C.* Idiomaticity, lexicon and lexical schematas / J.-C. Anscombre // Cahiers de Lexicologie. — 2019. — № 1 (11). — P. 11—147.

7. *Balestero M. D.* Processes of neologism formation on instagram / M. D.Balestero, C. B. Clempi, D. S. Da Costa // Revista da Anpoll. — 2020. — № 1 (51). — P. 83—95. — DOI: 10.18309/anp.v1i50.1230.

8. *Cano D. P. V.* Word formation by external motivation in Spanish and French / D. P. V. Cano // XLinguae. — 2020. — Vol. 13, Iss. 1. — P. 225—236. — DOI: 10.18355/XL.2020.13.01.17.

9. *Chishman R.* The lexical neology phenomenon in the 2018 elections / R. Chishman, A. N. dos Santos, P. Martins // Linha D'Água. — 2020. — № 33 (1). — P. 129—149. — DOI: 10.11606/issn.2236-4242.v33i1p129-149.

10. *Gombocz E.* Kontrastive Wortformenanalyse Deutsch-Ungarisch. Wortfamilien unter didaktischem und lexikographischem Aspekt / E. Gombocz. — Mannheim : Institut für Deutsche Sprache, 2013. — ISBN 978-3-937241-39-5.

11. *Haarich N.* Wortschatzabbau. Untersuchung der Muster und Auswirkungen des Lexemverlustes auf die Wortfamilienstrukturen in historischen Wortschätzen : Inaugural-Dissertation [Electronic resource] / N. Haarich. — Düsseldorf, 2013. — 390 s. — Access mode : https://docserv.uni-duesseldorf.de/servlets/DocumentServlet?id=34827.

12. *Olostiak M.* Theory of lexical motivation in Slovak lexicology / M. Olostiak // Skase journal of theoretical linguistics. — 2019. — № 16 (3). — P. 136—155.

13. *Ulrich W.* Morphologische Bewusstheit — Wie sie uns hilft, unbekannte Wörter zu verstehen / W. Ulrich // Der Sprachdienst. — 2017. — № 6. — S. 264—276. — ISSN: 0038-8459.

14. *Ulrich W.* Prayed and exhausted! Between Occasionalisms and Neologisms / W. Ulrich // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2020. — № 48 (1). — S. 167—186. — DOI: 10.1515/zgl-2020-0005.

15. *Umbreit B.* Does love come from to love or to love from love? Why lexical motivation has to be regarded as bidirectional / B. Umbreit // Cognitive perspectives on word formation. — 2010. — № 221. — P. 301—333. — DOI: 10.1515/9783110223606.

Semantic and Motivational Characteristics of Neolexemes of Enmity: Discursive Disclosure of Inner Form of the Word[1]

© Larisa N. Rebrina (2020), orcid.org/0000-0003-0512-980X, ResearcherID G-6420-2015, Scopus Author ID 56241972800, SPIN 3971-1615, Doctor of Philology, professor, leading research scientist, Department of German and Roman Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volgograd State University" (400062, Russia, 100 Universitetsky Ln., Volgograd); leading research scientist, Department of Mass Communication Languages, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin" (620002, Russia, 19 Mira Str., Ekaterinburg), lnrebrina@volsu.ru.

The article presents the results of a study of a number of Russian-language neolexemes functioning in Internet communication over the past two decades. The object of the analysis are subjects designations with the suffix *–oid* (Russian *isteroid*, *oranzhoid*, etc.). By their pragmatic components of meaning we consider these lexical units to be the vocabulary of enmity. They are united by the special role of the structural motivator in the formation of motivational meaning. Semantic and motivational characteristics of the nouns are described. Their partner tokens are found out. Conclusions are made about the influence of atypical combinatorics on the meaning of the word-forming component and on the transformed classification feature; about the blurring of boundaries between different language variants and styles. It is shown that in the immediate context, the properties attributed to the designated subjects are verbalized.

1 The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 "The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse").

The author analyzes the regularities of discursive disclosure of the inner form of the studied units by means of explication of motivational connections within different types of motivation. It is revealed that the most frequent way to actualize motivational models in the addressee's speech-thinking strategies in Internet communication is the explication of lexical motivation and metatext motivation, while the explication of structural motivation and occasional author's motivation are less frequent. It is shown that the specificity of discursive practices affects the reflecting consciousness of the addressee, and the patterns of representation of motivational models are refracted through the features of discourse.

Key words: enmity vocabulary; subject designation; motivation; semantics; inner form of the word; structural motivator; lexical motivator.

Material resources

AA — *Archiv avtora.* (In Russ.).

YaB — *Yandeks.Blogi*. Available at: https://yandex.ru/blogs. (In Russ.).

Efremova, T. F. (2000). *Novyy tolkovo-slovoobrazovatelnyy slovar' russkogo yazyka*. Drofa; Russkiy yazyk. Available at: https://efremova.slovaronline.com. (In Russ.).

References

Akhmanova, O. S. (2013). *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Moskva: Kniga po Trebovaniyu. (In Russ.).

Alves, L. M. (2011). The prefix 'hyper-' in a journalistic corpus of brazilian Portuguese. *Matraga-estudos linguisticos e literario*, *18 (28)*: 129—142.

Anscombre, J.-C. (2019). Idiomaticity, lexicon and lexical schematas. *Cahiers de Lexicologie*, *1 (11)*: 11—147.

Balestero, M. D., Clempi, C. B., Da Costa, D. S. (2020). Processes of neologism formation on instagram. *Revista da Anpoll*, *1 (51)*: 83—95. DOI: 10.18309/anp.v1i50.1230.

Blinova, O. I. (2012). Klyuchevyye terminy motivologii: ispytanie vremenem (1971—2011). *Vestnik TGPU*, *10 (125)*: 136—140. (In Russ.).

Cano, D. P. V. (2020). Word formation by external motivation in Spanish and French. *XLinguae*, *13 (1)*: 225—236.

Chishman, R., Dos Santos, A. N., Martins, P. (2020). The lexical neology phenomenon in the 2018 elections. *Linha D'Água, 33 (1)*: 129—149. DOI: 10.11606/issn.2236-4242.v33i1p129-149.

Gombocz, E. (2013). *Kontrastive Wortformenanalyse Deutsch-Ungarisch. Wortfamilien unter didaktischem und lexikographischem Aspekt*. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache. (In Germ.).

Haarich, N. (2013). *Wortschatzabbau. Untersuchung der Muster und Auswirkungen des Lexemverlustes auf die Wortfamilienstrukturen in historischen Wortschätzen*: Inaugural-Dissertation. Düsseldorf. Available at: https://docserv.uni-duesseldorf.de/servlets/DocumentServlet?id=34827. (In Germ.).

Kishina, E. V. (2011). Kharakter motivatsionnykh i metayazykovykh svyazey v politicheskikh tekstakh. In: *Aktualnyye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya.* Kemerovo. *4:* 413—418. (In Russ.).

Khazimullina, E. E. (2015). Obshchaya lingivsticheskaya teoriya motivatsii: k postanovke problemy. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, *2 (043)*: 144—155. (In Russ.).

Olostiak, M. (2019). Theory of lexical motivation in Slovak lexicology. *Skase journal of theoretical linguistics, 16 (3)*: 136—155.

Ulrich, W. (2017). Morphologische Bewusstheit — Wie sie uns hilft, unbekannte Wörter zu verstehen. *Der Sprachdienst, 6*: 264—276. (In Germ.).

Ulrich, W. (2020). Prayed and exhausted! Between Occasionalisms and Neologisms. *Zeitschrift für germanistische Linguistik, 48 (1)*: 167—186.

Umbreit, B. (2010). Does love come from to love or to love from love? Why lexical motivation has to be regarded as bidirectional. *Cognitive perspectives on word formation, 221*: 301—333.

Соколянский А. А. Фонологическая интерпретация согласных в русском языке в заимствованных словах на стыке приставки и корня / А. А. Соколянский // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 156—170. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-156-170.

Sokolyanskiy, A. A. (2020). Phonological Interpretation of Consonants in the Russian Language in Borrowings at the Junction of Prefix and Root. *Nauchnyi dialog, 8:* 156-170. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-156-170. (In Russ.).

УДК 811.161.1’344.2:81’373.611
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-156-170

Фонологическая интерпретация согласных в русском языке в заимствованных словах на стыке приставки и корня

© **Соколянский Александр Анатольевич (2020),** orcid.org/0000-0003-3977-5674, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный государственный университет» (Магадан, Россия), sokol_2001@mail.ru.

Статья посвящена фонологической интерпретации согласных на стыке приставки и корня в заимствованных словах типа *ир-рациональный, ир-реальный, ин-новация, им-моральный* и др. Работа выполнена с учетом типологии оппозиции долгих и кратких согласных в разных языках мира. Учтен широкий фонологический контекст употребления долгих и кратких согласных в русском языке, но в силу ограниченного объема статьи иллюстрации и интерпретации ряда явлений даны в обобщенном виде. Автор исходит из концепции многоуровневой фонологии, разработанной им в ряде работ. В основном описание строится с опорой на первичные фонемы, соотносимые с фонемами Санкт-Петербургской фонологической школы. Показано, что при выявлении морфемной структуры слов типа *иррациональный* следует исходить не из орфографического облика, а из принятого произношения. При таком подходе морфемное членение ранее приведенных слов принимает такой вид: *и-рациональный, и-реальный, и-новация, и-моральный* и др. Таким образом, в статье на конкретном примере рассматривается проблема создания фонологического описания в условиях орфоэпической неопределенности и вариативности.

Ключевые слова: долгие согласные; краткие согласные; морфемная граница; фонема; фонология.

1. Введение

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы дать фонологическую интерпретацию противопоставления долгих и кратких согласных в русском языке в заимствованных словах с учетом фактора морфемной границы. Решение данной задачи сталкивается с целым рядом трудностей, связанных с тем, что долгие согласные выполняют в языке две основные функции: а) обозначение морфемной границы (*сон-н-ый* [со́н͡ный]) и б) мар-

кирование заимствованных слов (*ванн-а* [ва́нъ̄]). Эти две функции находятся в динамическом взаимодействии.

Наиболее полное описание противопоставления долгих и кратких согласных было осуществлено Л. Л. Касаткиным [Касаткин и др., 2005; Большой орфоэпический словарь, 2012, 2017; Касаткин, 2017а, 2017б]. В статье отсылки к этим и некоторым другим работам Л. Л. Касаткина иногда специально не оговариваются, так как читатель имеет возможность найти эти данные в безупречно структурированных работах названных авторов. По мере необходимости даются отсылки к работам по орфоэпии других ученых, в первую очередь Р. И. Аванесова [Аванесов, 1984].

В итоге речь пойдет о немногочисленных и малочастотных словах с заимствованными приставками типа *иррациональный*, *ирреальный*, *иррегулярный*, *инновация* и др. Приставки в подобного рода словах выделены исследователями, но подробно не описаны ни со словообразовательной, ни с фонологической стороны. В статье также кратко освещается проблема функционирования долгих согласных в русском языке в целом.

2. Понятийный фонологический аппарат, используемый в статье

Автор статьи является сторонником многоуровнего подхода к фонологии [Соколянский, 2010, 2017, 2018]. С течением времени концепция менялась (хочется надеяться, что к лучшему). В статье автор опирается на последний вариант многоуровневой фонологии, представленный в публикации «Фонема как восхождение: основные положения многоуровневой фонологии» [Соколянский, 2018].

На фонемном уровне предлагается различать *парадигмо-фонемы*, соотносимые с московскими фонемами (Московская фонологическая школа — МФШ), *синтагмо-фонемы*, соотносимые с пражскими фонемами (Пражская фонологическая школа — ПФШ), и *первичные фонемы*, соотносимые с санкт-петербургскими фонемами (Санкт-Петербургская фонологическая школа — СПбФШ).

Парадигмо-фонема — ряд звуков, позиционно чередующихся в зависимости от фонетических условий в пределах морфемы. Парадигмо-фонему предлагается обозначать как <т>: <дуб>, <нога́>.

Синтагмо-фонема — фонематическая единица, объединяющая в себе звуки, имеющие одинаковый набор дифференциальных признаков. Обозначается как /т/: /дуП/, /нАга́/. /П/ и /А/ — синтагмо-фонемы, реализующиеся как архифонемы.

Первичная фонема — звук языка, наделенный различительной функцией и осознаваемый говорящими как единство: |дуп|, |нага́|. Для целей

нашего исследования целесообразнее всего оперировать первичными фонемами.

Примечания:

1. В статье примеры фонетической транскрипции части слова даются в квадратных скобках ([*н*[а]*гá*]), а в случае транскрибирования слова целиком выделены курсивом (*нагá*).

2. Автором данной работы с помощью программы Praat (www.praat.org — доступ свободный и бесплатный) неоднократно проводились эксперименты с целью измерения длительности согласных, однако непосредственно в статье, имеющей уклон в фонологию, ссылки на эти измерения даются в форме итоговых оценок (*часто, редко, обычно*).

3. Термин *бифонемный* в целях удобства описания используется по отношению к двум одинаковым фонемам (|тт|, |зз| и др.), хотя, строго говоря, такие сочетания, как |ст|, |вм|, тоже являются бифонемными.

4. В работе использовались различные словари, однако прямые ссылки на них отсутствуют. Это связано с тем, что в процессе анализа нам приходилось иметь дело не со словарными значениями слов, а со словообразовательными. Словообразовательное значение — это смысловой контур слова, создаваемый значениями входящих в лексему морфем.

3. Долгие и краткие согласные в языках мира

Во многих языках мира употребляются краткие и долгие согласные звуки, однако их фонемная природа может быть различной.

Так, в английском языке долгие согласные встречаются только на стыке слов (*white tie* ‘белый галстук’), в итальянском языке долгие согласные употребляются внутри морфемы: *nonno* [‘nɔnno] ‘дедушка’ ~ versus *nono* [‘nɔno] ‘девять’, *Papa* [‘papa] ‘Папа’ ~ *pappa* [‘pappa] ‘детское питание’ [Ladefoged et al., 2011, p. 251]. В финском языке слова могут различаться только долгими и краткими согласными: «*kato* ‘неурожай, потеря’ — *katto* ‘крыша’, *tuli* ‘огонь’ — *tulli* ‘таможня’ <…> *koko* ‘целый’ — *kokko* ‘орел’» [Грамматика финского языка, 1958, с. 20—23]. Особенность финских долгих согласных состоит в том, что они функционируют внутри морфемы и для определения их фонемного статуса нет необходимости обращаться к морфемному критерию, так как различия между долгими и краткими согласными весьма значительны, сама длительность в этом случае отвечает за фонологическую интерпретацию. «Разница в длительности произнесения кратких и долгих согласных фонем выражается соотношением 1:2, а часто 1:2,5 и даже 1:3» [Елисеев, 1993, с. 92].

4. Фонетическая реализация противопоставления долгих и кратких согласных в русском языке

Фонология любит орфоэпическое спокойствие. Вариативность произношения значительно затрудняет фонемное описание. На основе имеющегося материала можно прийти к выводу, что противопоставление согласных по признаку долготы / краткости в русском языке носит непоследовательный характер.

Это выражается в двух параметрах:

1. Отсутствует фонетический порог между долгими и краткими согласными. Проведенные нами исследования показали, что соотношение долгих и кратких согласных в русском языке при изолированном произнесении лексем равно приблизительно 11:9. В живой речи это противопоставление становится еще меньше и стремится к нулю. Принимая во внимание то, что длительность кратких согласных в разных темпах речи колеблется от 120 до 200 мс, различия между ними с учетом соотношения 11:9 составляют от 20 до 40 мс. Известно, что человеческое ухо улавливает длительность в пределах 30—50 мс [Бондарко, 1977, с. 19]. Такое соотношение долгих и кратких согласных приводит к трудностям в разграничении монофонемных и бифонемных сочетаний. По сути, их противопоставление уже находится на грани возможностей человеческого восприятия, а в быстром темпе речи фактически сводится к нулю.

2. Фонетистами выявлена зависимость реализации долгих согласных не только от темпа речи, но и от характера самой лексемы. Наблюдается система градаций между словами, содержащими краткие и долгие согласные. Л. Л. Касаткин предлагает различать 8 типов реализации согласных на месте двойных написаний. Шкала долготы / краткости отражена в следующем обозначении примеров:

«1 — только СС;

2 — СС, в беглой речи возможно С;

3 — СС и допустимо С;

4 — СС и С;

5 — С и допустимо СС;

6 — только С;

7 — С, в беглой речи возможен нуль звука;

8 — нуль звука и допустимо С» [Касаткин, 2017б, с. 424].

Уже один факт наличия столь дробной шкалы говорит о неустойчивости противопоставления долгих и кратких согласных на уровне отдельных лексем.

5. Фонематическая интерпретация долгих согласных

В фундаментальной работе, посвященной противопоставлению долгих и кратких согласных в русском языке, Л. Л. Касаткин и М. Чой избегают писать о фонематическом статусе долгих согласных: «Фонематическая интерпретация долгих и кратких согласных, произносящихся на месте сочетаний двух согласных букв, в таких языках, как русский, где рассматриваемые сочетания согласных могут быть не только на стыке морфем, но и в пределах одной морфемы, представляет собой отдельный сложный вопрос, требующий особого изучения. Поэтому в работе он не затронут» [Касаткин и др., 2005, с. 23].

Долгие согласные в русском языке связаны с выполнением делимитативной функции, то есть с обозначением морфемной границы (подробно данная функция рассмотрена в статье М. Л. Каленчук [Каленчук, 2018]). Обычно фонологически они в русском языке интерпретируются как бифонемные сочетания. Такое понимание их фонемной природы восходит еще к Н. С. Трубецкому, утверждавшему: «Это очевидно без пространных объяснений в отношении тех языков, где геминированные согласные появляются только на стыке морфем, как, например, в русском или польском (за исключением заимствованных слов)» [Трубецкой, 2000, с. 185].

Функционирование долгих согласных в русском языке обеспечено наличием бифонемных сочетаний типа |tt|, через которые проходит морфемная граница. Поэтому произношение [t͡] при наличии морфемной границы должно трактоваться как фонемная последовательность |tt| и служить гарантией того, что в данном случае имеет место бифонемное сочетание.

При наличии морфемной границы внутри согласного в соответствии с МФШ и ПФШ он интерпретируется как удвоенный независимо от того, произносится ли реально долгий (*рассади́ть — ра*[сс]*ади́ть — ра*<зс>*ади́ть — ра*/Сс/*ади́ть — ра*|сс|*ади́ть*) или краткий согласный (*расстро́ить — ра*[с]*тро́ить — ра*<зс>*тро́ить — ра*/Сс/*тро́ить*. Несколько иной подход в отношении так называемых первичных фонем (соотносимых с фонемами СПбФШ). Согласно положениям СПбФШ в слове *расстроить* (*ра*[с]*тро́ить*) представлена одна фонема (*ра*|с|*тро́ить*), однако морфемная граница остается в наличии. Вопрос, где именно она проходит и каков ее характер, является спорным, см. [Касевич, 2006, с. 305—312].

По аналогии со словами типа *со*[н͡]*ый* (морфемная структура: *сон-ный*) в заимствованных словах типа *ва*[н͡]*а* (морфемная структура: *ванн-а*) также выделяется бифонемное сочетание |нн|.

Не надо забывать, что во многих словах долгота реализуется непоследовательно. Например, слово *дрянной* чаще произносится с кратким со-

гласным, но не исключается употребление и долгого: *дря*[н̄]*о́й* и *дря*[н]*о́й* [Касаткин, 2017б, с. 442]. В слове *со́нный* долгий [н̄] произносится чаще, чем в слове *бессо́нница*, однако фонемная интерпретация этих слов остается неизменной: *со́*/Нн/*ый, бессо́*/Нн/*ица*. В таких случаях следует исходить из презумпции удвоенного согласного: /Нн/ → [н̄] (в обычной речи) и /Нн/ → [н] (в беглой речи).

6. Интерпретация приставок в заимствованных словах на основе словообразовательного и орфографического анализа

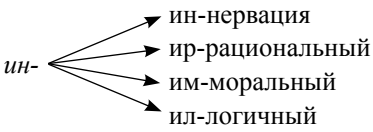
6.1. В позиции между двумя гласными на стыке «приставка + корень» удвоенные согласные реализуются как долгие: *о*[т̄]*ащит, ра*[с̄]*ылка, ра*[ш̄]*ить.* В данной статье нас интересуют определенные слова с заимствованными приставками. Речь идет о латинских по происхождению приставках *ad-* (варианты: *ac-, af-, ag-, al-, an-, ap-, ar-, as-, at-*), *in-* (варианты: *il-, im-, ir-*), *ob-* (варианты: *oc-, op-*), *sub-* (варианты: *sue-, suf-, sug-, sum-, sup-, sur-, sus-*). Фонетические модификации приставок в латинском языке — это отражение сложных процессов в области согласных в целом [Тронский, 2001, с. 122—139]. Некоторые модификации приставок перешли и в русский язык. В наши задачи не входит анализ употребления данных приставок в латинском языке, так как проявление свойств латинского языка в русском в данном случае незначительно. Тем не менее функционирование этих приставок в русском языке нуждается если не в осмыслении, то в описании.

На эти приставки не часто, но обращали внимание в исследованиях по словообразованию. Ограничимся некоторыми примерами. Информация о словах подобного рода содержится в монографии Е. А. Земской: «В научной терминологии употребительны также прилагательные с префиксами: ***ир- / им- / ин-***/: *рациональный — ир-рациональный, регулярный — ир-регулярный, реальный — ир-реальный; моральный — им-моральный; вариантный — ин-вариантный…*» [Земская, 1973, с. 285]. Е. А. Земская не говорит о смысловых отношениях между производным и производящим словом.

Более подробная информация предложена в «Русской грамматике» (1980), которая пишет о словах, содержащих приставки *им-, -ир*: «Прилагательные с п р е ф . *им- / ир-* (фонемат. |им$_1$| / |ир$_1$|) обозначают отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом. Они принадлежат к сфере научной терминологии, причем морф *им-* выступает перед согласной |м|, а морф *ир-* — перед |р| или |р’|: *имматериальный, имморальный, иррациональный, иррегулярный*. Тип непродуктивен» [Русская грамматика, 1980, с. 304].

Для дальнейшего фонологического анализа этих приставок нам следует сделать одно временное допущение, а именно: мы будем исходить из того, что написание слова с двумя одинаковыми согласными буквами предполагает, что перед нами бифонемное сочетание. В дальнейшем это допущение пройдет «фонетическую» проверку.

В русском языке часто встречаются слова с приставкой *ин-* и ее фонетическими модификациями. Общее значение этих приставок — отрицание признака, названного производящим словом. В зависимости от начального согласного корня приставка *ин-*, приспосабливаясь к нему, может принимать вид *ин-, ир-, им-, ил-*:

Используя формулы чередований, предложенные В. К. Журавлевым [Журавлев, 1986], можем записать данные примеры как:

$$\frac{\text{ин}}{\text{перед н (+в, к, д)}} \div \frac{\text{ир}}{\text{перед р}} \div \frac{\text{им}}{\text{перед м}} \div \frac{\text{ил}}{\text{перед л}}$$

Представленное чередование морфем *ин- // ир- // им- // ил-* на морфонематическом уровне можно интерпретировать как морфонему *{н} = н // р // м // л* в определенных ранее позициях.

Для аффиксальных элементов в русском языке характерна омонимия. Следует определить, в какой степени выделенные нами суффиксы представляют единство в плане содержания. Проанализируем слова с точки зрения их соответствия значению, сформулированному в «Русской грамматике», а именно: ‘отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом’ [Русская грамматика, 1980, с. 304].

Приставка *ин-* в русском языке употребляется в словах: *инновация, иннервация, инвариант, индетерминизм, инвагинальный, инкапсуляция*. Морфема — это единство плана выражения и содержания. С планом содержания в этих словах возникают проблемы.

Только в лексемах *инвариант* и *индетерминизм* префиксу *ин-* можно приписать значение ‘противоположный признак, названный мотивирующим словом’:

вариант → инвариант — ‘остающийся неизменным при смене условий, не имеющий вариантов’;

детерминизм → индетерминизм — ‘философское учение, противоположное детерминизму’.

В других примерах значение приставок иное:

вагинальный → инвагинальный (<вагина) — ‘помещаемый во влагалище’;

капсуляция → инкапсуляция (ср. капсулировать) — ‘размещение в оболочке, изоляция’.

Что касается слов *иннервация* и *инновация*, то они также демонстрируют особые смысловые отношения между производящим и производным словом.

Нерв → ин-нерв-ацц-а — ‘обеспечение органов и тканей нервными клетками = нервами’, латинская приставка *in-* ‘в’, ‘внутри’. Других слов с такими смысловыми отношениями русский язык не знает.

Новация → инновация — в главном значении эти слова совпадают и обозначают ‘новое явление в разных сферах’. По сути, это отношения синонимии. Приставка добавляет в значение оттенок какой-то сверхновизны и книжности. Опять-таки смысловые отношения не повторяются ни в какой другой паре слов.

Таким образом, о приставке *ин-* в современном русском языке можно говорить только в отношении плана выражения, тогда как план содержания у этой приставки в разных словах не совпадает. Всё это позволяет прийти к выводу, что в рассмотренных словах следует выделять серию омонимичных приставок, объединенных единством звучания. Только в словах *инвариант* и *индетерминизм* значение приставок является общим, однако значение этих терминов весьма неопределенно, поэтому и в этом случае о гармонии плана выражения и содержания надо говорить очень осторожно. Между тем данные примеры, интересные с точки зрения словообразования, не создают нам фонологических проблем, так как префикс *ин-* в рассматриваемом нами значении употребляется в словах, корень которых начинается не с *н*. Это позволяет определить фонемный состав этих слов однозначно как *и*|нв|*ариант, и*|нд|*етерминизм*. Вероятно, неслучайно, что префикс *ин-* отсутствует в «Русской грамматике»: его значение в каждом случае индивидуально.

6.2. Приставка *им-* встречается строго перед согласными *м* или *м’*: *имматериальный, имморальный, иммигрант, иммобильный*:

материальный → имматериальный — ‘не являющийся материальным, нематериальный’;

моральный → имморальный — ‘не являющийся моральным, аморальный, неморальный’;

мобильный → иммобильный — ‘не являющийся мобильным, немобильный’.

Во всех словах точно реализуется сформулированное префиксальное значение. Имеется еще слово *иммигрант* ‘лицо, приехавшее из другой страны’, смысловая связь которого с лексемами *мигрант* и *эмигрант* не вызывает сомнений, но префикс здесь по значению иной, чем в ранее рассмотренных лексемах.

6.3. Слова с аффиксом *ир-* представлены в следующих словах:

рациональный → иррациональный — ‘не являющийся рациональным, нерациональный’;

реальный → ирреальный — ‘не являющийся реальным, нереальный’;

регулярный → иррегулярный — ‘не являющийся регулярным, нерегулярный’.

Все они соответствуют базовому значению «Русской грамматики».

Слова *радиация → иррадиация* — ‘распространение чего-то из какого-то источника’ — выпадают из этого ряда по семантическим основаниям.

6.4. Слова с префиксом *ил-*:

логичный → иллогичный — ‘не являющийся логичным, нелогичный’;

легальный → иллегальный — ‘не являющийся легальным, нелегальный’.

Слова *локуция* и *иллокуция* составляют с лексемой *перлокуция* терминологическую микросистему, поэтому есть все основания выделять в них приставку *ил-* и *пер-*.

Лексемы *люстрация, перлюстрация* и *иллюстрация* связаны только исторически (от лат. *Illustration* — ‘просветляю’) и, согласно «критерию Винокура» [Винокур, 1959], не имеют смысловой связи друг с другом. Следовательно, выделение приставки в этих словах крайне сомнительно.

6.5. Другие латинские по происхождению суффиксы такого рода получили в русском языке меньшее распространение:

нуль → аннулировать — ‘признавать недействительным, сокращать до нуля’;

климат → акклиматизация — ‘адаптация организма к новым климатическим условиям’.

Если исходить исключительно из орфографии, то можно представить такую картину употребления заимствованных приставок.

Написание	Примеры употребления биконсонантных «орфографических» приставок	Примеры слов с той же приставкой, но в других позициях
нн	ин-нервация, ин-новация, ан-нулировать	ин-вариант, ин-детерминизм, ин-капсуляция
мм	им-материальный, им-моральный, им-мобильный, им-мигрант	—
рр	ир-рациональный, ир-реальный, ир-регулярный, ир-радиация,	—
лл	ил-логичный, ил-легальный, ил-локуция	—

7. Фонематическая интерпретация приставок в заимствованных словах на основе фонетического анализа

Все приведенные нами рассуждения имеют доказательную силу в отношении фонемного состава приставок только в том случае, если исходить из того, что любое удвоенное написание согласных букв предполагает произнесение долгого согласного, однако именно этого и не наблюдается в отношении рассмотренных слов. Все приведенные нами слова Л. Л. Касаткин рассматривает в группе 5 — «С и допустимо СС» или 6 — «только С» [Касаткин, 2017б, с. 424].

7.1. Префикс *ир-*: *иррациональный, ирреальный, иррегулярный, иррадиация*. Л. Л. Касаткин относит данные слова к 6-й группе, то есть к числу произносимых с кратким согласным. Р. И. Аванесов полагает, что в русском литературном языке долгий *р* вообще не употребляется: «Как видно из примеров, на месте двойного написания *рр* всегда произносится согласный нормальной длительности — [р] или [р’]» [Аванесов, 1984, с. 172]. Нельзя при этом не заметить, что в посмертном издании орфоэпического словаря под его редакцией долгий *р*ˉ обозначен в словах *ирреальный* и *иррегулярный*. В словах *иррадиация, иррационализм, иррациональный, ирригатор, ирригационный, ирригация* предлагается произносить согласный обычной длительности [Орфоэпический словарь, 1988, с. 193].

7.2. Префикс *им-*: *имморальный, имматериальный, иммигрант*, *иммобильный*. По Л. Л. Касаткину, в этих случаях произносят в основном краткий согласный, по его шкале 5 или 6.

7.3. Префикс *ил-*: *иллогичный, иллиризм, иллегальный, иллюстрация, иллокутивный.* В этих словах произносится краткий согласный (6) и в одном случае допустим долгий согласный: (5) — *иллогичный*.

7.4. Префикс *ин-*: *инновация, иннервация*. В произношении господствует краткий согласный (5).

Префикс *ан-*: *аннулировать*. В произношении только краткий (6).

7.5. Таким образом, у нас нет явных доказательств в пользу бифонемности орфографических сочетаний двух одинаковых согласных на стыках морфем в заимствованных приставках. Произношение не подтверждает их бифонемности. Тогда можно прийти к выводу, что удвоенному согласному на письме в произношении соответствует краткий согласный, а на фонемном уровне — одна фонема.

В данном случае мы имеем дело с приставками, в которых консонантный элемент отсутствует, а приставка состоит из одного гласного. Тогда фонемный статус этих слов должен быть определен следующим образом:

Фонемы	**Реализации**	**Пример**
|р|	[р]	*и-рациональный*
|р’|	[р’]	*и-реальный*
|л|	[л]	*и-логичный*
|л’|	[л’]	*и-легальный*
|м|	[м]	и-материальный

При таком решении упрощаются морфонологические отношения внутри этих приставок. Получается, что в русском языке имеется приставка *и-*, которая орфографически обозначается как *ир-* // *ил-* // *им-*. Употребление приставки ограничено положением перед определенными корневыми согласными.

Несколько более сложная картина с употреблением префикса *ин-*: *инновация, иннервация*. В этих словах тоже предпочитают произносить краткий согласный. Тем не менее нельзя рассматривать приведенные примеры в одном ряду с ранее проанализированными. В отличие от слов типа *иррациональный, имморальный, иллогичный, аннулировать* приставка *ин-* часто употребляется в словах, корень которых начинается не со звука *н*, а с других звуков, вследствие чего его фонемный состав не вызывает сомнений: *инвариантный* < *инвариант* (< *вариант*), *инвагинальный* < *вагинальный* (< *вагина*), *индетерминизм* < *детерминизм, инкапсуляция* < *капсуляция* < *капсулировать*.

Очевидно, что в словах *инвариант, инвагинальный, индетерминизм, инкапсуляция* приставка *ин-* имеет совсем иные значения, чем та же приставка в других лексемах. Таким образом, невозможно выявление фонем-

ного состава слов *инновация* и *иннервация* с помощью сопоставления со словами типа *инвариант* ввиду различия в морфемном составе, который обнаруживается на уровне семантики.

8. Заключение

8.1. В отношении фонологического статуса долгих согласных надо различать два основных типа языка: а) языки, в которых долгие согласные находятся внутри морфемы и составляют корреляцию по этому признаку: |t| × |t͡| → [t] × [t͡]; б) языки, в которых долгие согласные употребляются на месте бифонемных сочетаний, возникающих на стыках морфем, и представляют собой бифонемное сочетание: |t| × |tt| → [t] × [t͡].

8.2. В русском языке долгие согласные обычно употребляются на стыке морфем (как в языках второго типа), но вследствие проникновения в русский язык заимствованных слов в нем сформировался значительный пласт слов с долгими согласными внутри морфемы. На фоне собственно русских слов с долгими согласными на стыке морфем долгие согласные внутри морфем в заимствованных словах также следует интерпретировать как бифонемные сочетания. Если *со́*[н͡]*ый* = *со́*|нн|*ый*, так как *сон +н(ый)*, то *ва́*[н͡]*а* = *ва́*|нн|*а*.

8.3. При доказательстве бифонемной природы долгих согласных можно исходить из общих закономерностей их употребления. Тогда приведенная в предыдущем пункте формула достаточна для того, чтобы считать все употребляемые в русском языке долгие согласные в качестве бифонемных сочетаний. Иначе говоря: если *со́*[н͡]*ый* = *со́*|нн|*ый*, так как *сон+н(ый)*, то любой [t͡] = |tt|.

8.4. Особый случай употребления представляют собой слова с заимствованными приставками, которые орфографически обозначаются как *иррациональный, иллогичный, имморальный* и др. Проблема состоит в том, что только в принятом графическом обозначении данные слова имеют приставки *ир-, ил-, им-*. В произношении долгий согласный в данных словах не обнаруживается, так как на месте написаний *рр, лл, мм* обычно произносят согласный обычной длительности. Следовательно, в данных словах на стыке приставки и корня нет бифонемного сочетания. Если исходить из написания, то эти приставки должны фонематически интерпретироваться как |ир|, |ил|, |им|. Если опираться на их фонетическую реализацию (а именно только это может признаваться собственно лингвистическим подходом), то следует вести речь только о приставке |и| со значением отрицания того, что обозначено производящей основой.

Литература

1. *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение / Р. Аванесов. — Москва : Просвещение, 1984. — 383 с.

2. *Бондарко Л. В.* Звуковой строй русского языка / Л. В. Бондарко. — Москва : Просвещение, 1977. — 175 с.

3. *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию / Г. О. Винокур // Избранные труды по русскому языку. — Москва : Учпедгиз, 1959. — С. 419—442.

4. *Грамматика* финского языка: фонетика и морфология. — Москва, Ленинград : АН СССР, 1958. — 274 с.

5. *Елисеев Ю. С.* Финский язык / Ю. С. Елисеев // Языки мира : уральские языки. — Москва : Наука, 1993. — С. 90—115.

6. *Журавлев В. К.* Диахроническая фонология / В. К. Журавлев. — Москва : Наука, 1986. — 232 с.

7. *Земская Е. А.* Современный русский язык: словообразование / Е. А. Земская. — Москва : Просвещение, 1973. — 304 с.

8. *Каленчук М. Л.* Большой орфоэпический словарь русского языка / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. — Москва : АСТ-Пресс, 2012. — 1000 с.

9. *Каленчук М. Л.* Большой орфоэпический словарь русского языка / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. — Москва : АСТ-Пресс, 2017. — 1020 с.

10. *Каленчук М. Л.* Делимитация значимых единиц русского языка с помощью фонетических средств: новые тенденции / М. Л. Каленчук // Вопросы языкознания. — 2018. — № 4. — С. 74—81. — DOI: 10.31857/S0373658X0000033-5.

11. *Касаткин Л. Л.* Долгота / краткость согласного на месте сочетаний двух согласных букв в современном русском литературном языке / Л. Л. Касаткин, М. Ч. Чой. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 320 с.

12. *Касаткин Л. Л.* Орфоэпические позиции / Л. Л. Касаткин // Избранные труды : в 2 томах. — Москва : ЯСК, 2017а. — Том 1. — С. 175—190.

13. *Касаткин Л. Л.* Орфоэпические правила / Л. Л. Касаткин // Избранные труды : в 2 томах. — Москва : ЯСК, 2017б. — С. 276—501.

14. *Касевич В. Б.* Морфонология / В. Б. Касевич // Труды по языкознанию : в 2 томах. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2006. — Том 1. — С. 240—370.

15. *Орфоэпический* словарь русского языка : произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. — Москва : Русский язык, 1988. — 704 с.

16. *Русская* грамматика : в 2 томах. — Москва : Наука, 1980. — Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — 783 с.

17. *Соколянский А. А.* Модель многоуровневой фонологии русского языка / А. А. Соколянский. — Магадан : СВГУ, 2010. — 281 с.

18. *Соколянский А. А.* Русская фонология / А. А. Соколянский. — Магадан : МАОБТИ, 2017. — 172 с.

19. *Соколянский А. А.* Фонема как восхождение: основные положения многоуровневой фонологии / А. А. Соколянский // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — Москва, 2018. — Том 17. Фонетика. — С. 194—216.

20. *Тронский И. М.* Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское состояние (вопросы реконструкции) / И. М. Тронский. — Москва : Индрик, 2001. — 576 с.

21. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. — Москва : Аспект Пресс, 2000. — 351 с.

22. *Ladefoged P.* A course in phonetics / P. Ladefoged, K. Johnson. — Wadsworth, 2011. — 323 p.

Phonological Interpretation of Consonants in the Russian Language in Borrowings at the Junction of Prefix and Root

© **Aleksandr A. Sokolyanskiy (2020),** orcid.org/0000-0003-3977-5674, Doctor of Philology, professor, North-Eastern State University (Magadan, Russia), sokol_2001@mail.ru.

The article is devoted to the phonological interpretation of consonants at the junction of prefix and root in borrowings such as Russian *ir-ratsionalnyy*, *ir-realnyy*, *in-novatsiya*, *im-moralnyy*, etc. The work is performed taking into account the typology of long and short consonant opposition in different languages of the world. The broad phonological context of the use of long and short consonants in the Russian language is taken into account, but due to the limited volume of the article, illustrations and interpretations of a number of phenomena are given in a generalized form. The author proceeds from the concept of multilevel phonology, developed by him in a number of works. In general, the description is based on primary phonemes that correspond to the phonemes of the Saint Petersburg Phonological School. It is shown that when identifying the morphemic structure of words such as *irratsionalnyy* one should proceed not from the spelling appearance, but from the accepted pronunciation. With this approach, the morphemic division of the previously cited words takes the following form: *i-rationalnyy*, *i-realnyy*, *i-novatsiya*, *i-moralnyy*, etc. Thus, the article deals with the problem of creating a phonological description in the conditions of orthoepic uncertainty and variability using a specific example.

Key words: long consonants; short consonants; morphemic border; phoneme; phonology.

References

Avanesov, R. I. (1984). *Russkoye literaturnoye proiznosheniye*. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).

Avanesov, R. I. (ed.). (1988). *Orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka: proiznosheniye, udareniye, grammaticheskiye formy*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

Bondarko, L. V. (1977). *Zvukovoy stroy russkogo yazyka*. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).

Eliseev, Yu. S. (1993). Finskiy yazyk. In: *Yazyki mira: uralskiye yazyki*. Moskva: Nauka. 90—115. (In Russ.).

Grammatika finskogo yazyka: fonetika i morfologiya. (1958). Moskva, Leningrad: AN SSSR. (In Russ.).

Kalenchuk, M. L. (2018). Delimitatsiya znachimykh edinits russkogo yazyka s pomoshchyu foneticheskikh sredstv: novyye tendentsii. *Voprosy yazykoznaniya, 4:* 74—81. DOI: 10.31857/S0373658X0000033-5. (In Russ.).

Kalenchuk, M. L., Kasatkin, L. L., Kasatkina, R. F. (2012). *Bolshoy orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka.* Moskva: AST-Press. (In Russ.).

Kalenchuk, M. L., Kasatkin, L. L., Kasatkina, R. F. (2017). *Bolshoy orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: AST-Press. (In Russ.).

Kasatkin, L. L. (2017a). Orfoepicheskiye pozitsii. In: *Izbrannyye trudy, 2/1*. Moskva: YaSK. 175—190. (In Russ.).

Kasatkin, L. L. (2017b). Orfoepicheskiye pravila. In: *Izbrannyye trudy, 2/2*. Moskva: YaSK. 276—501. (In Russ.).

Kasatkin, L. L., Choy, M. Ch. (2005). *Dolgota / kratkost' soglasnogo na meste sochetaniy dvukh soglasnykh bukv v sovremennom russkom literaturnom yazyke*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).

Kasevich, V. B. (2006). Morfonologiya. In: *Trudy po yazykoznaniyu, 2/1*. Sankt-Peterburg: Filologicheskiy fakultet SPbGU. *1*: 240—370. (In Russ.).

Ladefoged, P., Johnson, K. (2011). *A course in phonetics*. Wadsworth.

Russkaya grammatika, 2/1. Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiy. (1980.). Moskva: Nauka. (In Russ.).

Sokolyanskiy, A. A. (2010). *Model mnogourovnevoy fonologii russkogo yazyka*. Magadan: SVGU. (In Russ.).

Sokolyanskiy, A. A. (2017). *Russkaya fonologiya*. Magadan: MAOBTI. (In Russ.).

Sokolyanskiy, A. A. (2018). Fonema kak voskhozhdeniye: osnovnyye polozheniya mnogourovnevoy fonologii. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 17:* 194—216. (In Russ.).

Tronskiy, I. M. (2001). *Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka. Obshcheindoevropeyskoye sostoyaniye (voprosy rekonstruktsii*). Moskva: Indrik. (In Russ.).

Trubetskoy, N. S. (2000). *Osnovy fonologii.* Moskva: Aspekt Press. (In Russ.).

Vinokur, G. O. (1959). Zametki po russkomu slovoobrazovaniyu. In: *Izbrannyye trudy po russkomu yazyku*. Moskva: Uchpedgiz. 419—442. (In Russ.).

Zemskaya, E. A. (1973). *Sovremennyy russkiy yazyk: slovoobrazovaniye*. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).

Zhuravlev, V. K. (1986*). Diakhronicheskaya fonologiya*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Улитова А. С. Расположение предлогов в словосочетаниях с однородными членами в текстах делового содержания XVIII века / А. С. Улитова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 171—184. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-171-184.

Ulitova, A. S. (2020). Preposition Repetition in Phrases with Homogeneous Parts of a Sentence in Business Texts of the 18th Century. *Nauchnyi dialog, 8:* 171-184. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-171-184. (In Russ.).

УДК 81-112.2+811.161.1'367.633"17"
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-171-184

Расположение предлогов в словосочетаниях с однородными членами в текстах делового содержания XVIII века

© Улитова Анастасия Сергеевна (2020), orcid.org/0000-0001-6578-7615, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Москва, Россия); научный сотрудник отдела древнерусского языка, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук (Москва, Россия), ulitovs@mail.ru.

Рассматривается вопрос диалектных различий в употреблении однородных членов и предлога в деловых текстах XVIII века. Уделяется внимание тем факторам, которые влияли на повторение предлога в подобных группах. Представлены результаты сопоставительного анализа периферийных (в частности, челябинских) и московских текстов делового содержания XVIII века. Поднимается вопрос о том, влияла ли синтаксическая роль слов, входящих в исследуемую группу, на повторение предлога. Особое внимание уделяется дублированию предлога в ряде устойчивых выражений, свойственных деловому узусу XVIII века. Впервые ставится задача выявления различий в употреблении повторяющихся предлогов в деловых текстах, относящихся к разным территориям. Актуальность исследования обусловлена тем, что привлекает внимание читателей к новому аспекту в истории формирования норм русского языка. Доказывается, что в деловых текстах XVIII века, имеющих различное происхождение, территориальная принадлежность не являлась решающим фактором. Автор останавливается на том, что наряду с местом написания документа на дублирование предлога могли влиять предпочтения автора, функционирование предлогов в составе формульных выражений, синтаксическая роль однородных членов и жанровая принадлежность документа.

Ключевые слова: повтор предлогов; однородные члены; деловые документы; деловой узус; язык XVIII века.

1. Введение

Повторение предлога в группе «определяемое + определение» (***на*** *рубеж* ***на*** *литовский*) и при однородных членах (***к*** *Семёну и* ***к*** *Антону*) было

широко распространённым явлением в древнерусском языке [Санников, 1968, с. 47—48]. Считается, что «повторение предлога в древнерусском языке представляло собой автоматический синтаксический механизм <…> не связанный с каким-либо подчёркиванием и эмфазой» [Зализняк, 2004, с. 164—165]. Примечательно, что повтор предлога при определении практически отсутствовал в текстах высокого регистра, но он был широко распространён в текстах некнижных [Климовская, 1965, с. 80]. Отмечалось, что «в тех же некнижных регистрах (например, в новгородских берестяных грамотах), в которых регулярно встречался повтор предлога в сложных именных группах, повтор предлога при сочинении был почти обязательным» [Минлос, 2007, с. 54]. Однако упомянем работу Э. Хоргоши, где доказывается, что повтор предлога при однородных членах нередко встречается и в книжных текстах XI—XII веков [Хоргоши, 1978, с. 117—125].

О повторе предлога в текстах более позднего времени пока известно мало [Цзинтин, 2020, с. 308].

Установлено, что к концу XVII — началу XVIII веков повтор предлога при согласованном определении или приложении, стоящем после существительного, постепенно исчезает из языка [Стеценко, 1972, с. 107], однако при однородных членах дублирование предлога сохраняется до сих пор; в целом выбор между повторением / неповторением зависит от предпочтений автора [Розенталь, 1997, § 195—196], а также от функционального стиля, к которому принадлежит текст (в учебно-научной литературе и в деловых документах предлог, как правило, повторяется) [Сатюкова, 2012, с. 478].

Появлению повторяющегося предлога при однородных членах в текстах XVIII века пока посвящено мало работ [Трахтенберг, 1982, с. 131—137; Буякова, 2009, с. 12]. Известно, что в XVIII веке дублирование предлога при однородных членах было необязательным, но всё же достаточно распространённым явлением [Ломоносов, 1952, § 571]. Так как установлено, что на повтор предлога при согласованном постпозитивном определении влияла региональная принадлежность текста (из южнорусских и украинских документов эта особенность исчезла раньше, чем из севернорусских) [Филин, 2006, с. 511], то необходимо выяснить, имелись ли региональные различия в употреблении повторяющегося предлога при однородных членах. Лучше всего для этого подходят тексты делового содержания XVIII века, так как до XVII века включительно, как уже было сказано выше, предлог в данных конструкциях повторялся всегда. И хотя в XVIII веке начинает складываться единый официально-деловой стиль, многие документы показывают высокую степень стандартизации, всё же в деловые документы нередко проникали народно-разговорные явления,

наблюдалась в них и региональная составляющая [Выхрыстюк и др., 2013, с. 21]. Например, в челябинских деловых документах XVIII века отмечается регулярный повтор предлога при составном числительном (*по рублю по десяти копеек*) [Раевская, 2014, с. 11]).

Были проанализированы и сопоставлены периферийные (по признаку территории) тексты делового содержания на материале челябинских архивов и духовные и сговорные записи московских купцов II половины XVIII века. Примеры из челябинских документов приводятся по изданиям [Челябинская старина IV] (№№ 1, 6—8, 18, 23, 26—30, 32—35, 37—39, 41, 44, 45, 47, 48, 50, 51, 53—58), [Челябинская старина VI] (№№ 2, 5, 6, 10, 11, 14, 15, 71—74, 82, 84, 85, 87—89, 91, 95, 96, 98—100, 103). Московские документы цитируются по изданию [Городская семья XVIII века] (№№ 78—86, 94—96, 102, 107, 113, 117—119, 278, 279, 297, 380, 381, 383). Для каждого примера указан номер документа в издании. Орфография упрощена.

Целью исследования является изучение становления норм делового стиля в области постановки предлога при однородных членах.

2. Московские документы

В духовных и в сговорных записях московских купцов II половины XVIII века обнаружено 121 словосочетание с предлогом и однородными членами; предлог повторяется в 54 % случаев (65 примеров).

Почти все предлоги (*на, с, в, по, за* и т. д.) могут и повторяться, и не повторяться (ср. с деловыми документами XVII века, где в данном контексте предлог дублировался всегда [Улитова, 2019, с. 220—222]). Примеры с предлогами *из, о, при* единичны, поэтому о них нельзя сделать выводов. Нужно отметить, что одни предлоги дублируются чаще, чем другие. Например, при простом подсчёте примеров выяснилось, что *к, на, с* повторяются в большинстве случаев, в то время, как *в, по* дублируются реже. Следует рассмотреть каждый из предлогов более подробно (не исследуются отдельно предлоги *между, около, для, без* и др., так как примеры, в которых они встретились, единичны).

2.2 Предлог *в*

Данный предлог встретился 38 раз; 13 примеров с повтором предлога, 25 — без повтора (*пишу **в** целой моей памети и уме* № 96; *приобретенное мною **в** вечное и потомственное владение* № 102; *лавка **в** нижнем и верхнем москотильных рядех* № 297 — и т. д.). Но если исключить из общего числа случаев формульное выражение *в целом уме и памяти* (у данного выражения есть вариации, но предлог, как правило, не дублируется: повтора нет в 17 из 19 примеров), то окажется, что повторяющийся предлог *в*, встречается чаще, чем одиночный (11 и 8 примеров соответственно): ***в** гильдию поду-*

шных денег и ***в*** *Роскольничею контору* № 86; ***в*** *том моем имении,* ***во*** *дворах и* ***в*** *пожитках и* ***в*** *долгах* № 82; *товары* ***в*** *Риге и* ***в*** *Москве* № 81; ***в*** *милостыню и* ***в*** *пустыни все роздал* № 80; ***в*** *те лавки и* ***в*** *лавочные места не вступаться* № 297; *как* ***в*** *тех, так и* ***в*** *протчих рядех* № 297 / *видя себя* ***в*** *старости и частых болезнях* № 83; *лавка* ***в*** *нижнем и верхнем москотильных рядех* № 297 и др. Возможно, в московских документах имелась связь между дублированием предлога и падежом существительных, входящих в именную группу: с предл. пад. предлог повторяется чаще, чем с винительным (табл. 1).

Таблица 1

Связь повтора предлога *в* с падежом существительного

Повтор предлога		**Отсутствие повтора**	
Предл. падеж	**Вин. падеж**	**Предл. падеж**	**Вин. падеж**
5 примеров ***в*** *том моем имении,* ***во*** *дворах и* ***в*** *пожитках и* ***в*** *долгах* № 82; *товары* ***в*** *Риге и* ***в*** *Москве* № 81 — и т. д.	6 примеров ***в*** *гильдию подушных денег и* ***в*** *Роскольничею контору* № 86; *И* ***в*** *милостыню и* ***в*** *пустыни все роздал* № 80 — и т. д.	2 примера *лавка* ***в*** *нижнем и верхнем москотильных рядех* № 297; *видя себя* ***в*** *старости и частых болезнях* № 83.	6 примеров ***в*** *вечное и потомственное ево владение* № 383; ***в*** *полную волю, опеку и попечение* № 117 — и т. д.

2.3. Предлог *по*

В большинстве примеров предлог *по* не повторяется. Всего обнаружено 6 случаев с повтором предлога и 9 — без повтора: ***по*** *изустному моему приказанию и завещанию* № 86; ***по*** *смерти своей и погребении тела моего* № 84; ***по*** *мне и родителях моих вылить колокол* № 80 / ***по*** *сему реэстру в верности* ***по*** *завещательной* № 119 и т. д. Надо отметить, что если однородные члены распространены зависимыми словами и, следовательно, располагаются далеко друг от друга, то предлог будет повторяться, чтобы текст стал понятнее читателю (***по*** *неумению перваго наследника грамоте, то есть родителя моего, и* ***по*** *ево приказанию* № 119).

2.4. Предлог *на*

При анализе примеров с предлогом *на* обнаружена примечательная особенность: если предлог способен сочетаться с двумя падежами, то вместе с существительным, стоящим в предложном падеже, он почти всегда повторяется. Но дублирование предлога обнаруживается реже, если рядом стоит существительное в винительном падеже, так что ситуация похожа на случаи с предлогом *в* (табл. 2).

Таблица 2

Связь повтора предлога *на с* падежом существительного

Предлог повторяется (всего 19 примеров)		**Предлог не повторяется (всего 6 примеров)**	
6 примеров с Предл. пад.	**13 примеров с Вин. пад.**	**1 пример с Предл. пад.**	**5 примеров с Вин. пад.**
на *мне, Герасиме, и* ***на*** *братьях моих, Дмитрие, Петре* № 380; ***на*** *жене ево Наталье Алексеевой дочереда* ***на*** *сыне ево Федоре Дмитриеве* № 78; ***на*** *нем же, Подставине, и* ***на*** *наследниках ево* № 78 — и т. д.	*употребить* ***на*** *поминовение и* ***на*** *раздачи* № 86; *денги* ***на*** *оное и* ***на*** *поминовение* № 117 — и т. д.	***на*** *нас, Андрее и Ирине, и наследниках наших* № 78.	***на*** *поминовение и погребение души моей грешной* № 78; ***на*** *ризы и стихарь* № 96; ***на*** *воспитание свое и прожиток* № 113; *предоставляю* ***на*** *ево волю и благораспоряжение* № 117; ***на*** *починки и поправки того строения* № 117.

2.5. Предлог *к*

Предлог *к* был обнаружен в 7 примерах с однородными членами, однако это исключительно словосочетания формульного характера. В целом нужно отметить, что предлоги в формульных словосочетаниях ведут себя очень единообразно: например, предлог *к* всегда повторяется в формуле *к сему прошению и к копии***,** даже несмотря на то, что в данном устойчивом выражении могут меняться отдельные лексемы (***к*** *сему прошению и* ***к*** *раздельной копии* № 380; ***к*** *сему прошению и* ***к*** *сей копии* № 119).

2.6. Предлог *с*

Возможно, дублирование предлога *с* так же, как и повторение предлогов *в, на*, зависело от падежа существительного, входящего в состав группы из однородных членов, хотя примеров для достоверных выводов недостаточно: если существительное стоит в родительном падеже, предлог не повторяется (2 раза). Если же существительное стоит в творительном падеже, предлог чаще всего употребляется более одного раза (11 примеров с повтором / 4 примера без повтора):

Без повтора:

а ***с*** *тех лавок и полавочных мест* № 297; *и* ***с*** *подписавшихся у оной свидетелей и писца* № 83 — родительный падеж ;

с *землею и садом* № 383; ***с*** *женою и дочерью их малолетнею* № 113; *двор* ***с*** *каменным и деревянным строением и садом* № 117; ***с*** *будущим сыном или дочерью* № 118 — творительнй падеж.

С повтором:

***с** моим внуком и **со** внучатами* № 80; ***с** людьми и крестьяны и **со** всем* № 68 — и т. д., творительный падеж.

Связь дублирования предлога с падежом, которым тот управляет, обнаружена не только в текстах делового содержания, но и в сочинениях М. В. Ломоносова [Улитова, 2019а, с. 244].

Нужно упомянуть, что зачастую при трёх-четырёх однородных членах предлог повторяется только два раза, что было характерно ещё для древнерусского языка [Klenin, 1989, с. 188]: ***с** каменным и деревянным строением **с** мылным заводом и огородом и прудом* № 83.

2.7. Предлог *до*

Предлог *до* в сочетании с однородными членами обнаружен только в московских документах; при этом дублирование данного предлога не встретилось ни разу: ***до** нажитого им, Дмитрием, капитала и прочего* № 380; ***до** которых закладной и векселей (… дела нет)* № 102; ***до** недвижимаго так и движимаго моего имения никому дела нет* № 83; *ни **до** какого моего имения и дворов дела нет* № 82; *что касается **до** погребения грешнаго моего тела и поминовения души моей* № 79. Вероятно, что, как и в случае с предлогом *к*, встретившимся только в формуле *к сему прошению и к копии*, на дублирование предлога *до* влияет формула «до + сущ. Р. п. + дела нет».

3. Челябинские документы

3.1. Предлог *у*

В челябинских документах количество примеров с повтором и без повтора предлога равно 58 примерам / 65 соответственно (47 % / 53 %). Напомним, что в московских духовных и сговорных записях дублирование предлога присутствовало в большинстве примеров (54 %).

Если сопоставить документы различного происхождения, то обнаружится, что в московских и челябинских текстах состав предлогов не полностью совпадает. Это объясняется принадлежностью деловых бумаг к различным жанрам.

Так, только в документах, хранящихся в Госархиве Челябинской области, был обнаружен предлог *у* при однородных членах: [Челябинская старина IV]: ***у** крестьянъ Петра Дружініна і Федора Кузнецова* № 71; ***у** исповеди и святаго причастия* № 98 и т. д. — всего 7 примеров, при этом предлог не повторяется ни разу.

3.2. Предлог *на*

В московских духовных и сговорных записях встретилось больше примеров с предлогом *на*, чем в челябинских текстах:

Напомним, что в московских документах было обнаружено 25 примеров с *на*; в 19 случаях предлог повторяется, причём имеется связь дублирования предлога с падежом существительного.

В челябинских документах встретилось лишь три примера с *на* при однородных членах; во всех случаях предлог не повторяется и находится при существительном, стоящем в предложном падеже.

[Челябинская старина IV]: ***на*** *французском или руском языкѣ* № 26; ***на*** *россійскомъ или рускомъ языкѣ* № 27;

[Челябинская старина VI]: ***на*** *дочере ево дѣвке марфе а не вассе он женился* № 14.

Необходимо отметить, что в последнем примере предлог не повторяется даже несмотря на употребление противительного союза, что невозможно в современном русском языке [Розенталь, 1997, § 196].

3.3. Предлоги *о, от*

Предлоги *о, от* намного чаще встречаются в документах Челябинской духовной консистории, чем в духовных московских купцов.

Обнаружено три примера с повтором предлога *от* и 6 примеров без повтора.

С повтором:

[Челябинская старина VI]: ***от*** *челябинскои ратуши,* ***от*** *здешнихъ воисковыхъ делъ* № 8; ***от*** *входа церковнаго и* ***от*** *таинствъ не отлучать* № 28;

[Челябинская старина IV]: ***от*** *входа церковного и* ***от*** *таинствъ* № 6.

Почти во всех 6 примерах, где предлог *от* не повторяется, однородные члены денотативно тождественны (в современном русском языке в похожих примерах предлог также никогда не повторяется [Санников, 2009, с. 142]):

[Челябинская старина VI]: ***от*** *секундъ маиора и города челябинска городничаго Фоншвеигховер* № 33; ***отъ*** *Его высокографского сиятелства высокопревосходителного повелителного господина генералъ анъшефа и разныхъ орденовъ ковалера графа Петра Ивановича Панина* № 1;

[Челябинская старина IV] ***от*** *его высокоблагородия гпдна отъ арміи премйеръ маиора и оренбургскаго казацкаго войска полковника Углецкого* № 2; ***от*** *отца своего чилябинского мѣщанина і записного расъколника Никиты Малышева* № 14.

В отличие от предлогов *на, от, у* предлог *о* при однородных членах чаще всего повторяется (в 9 примерах из 15).

С повтором предлога:

[Челябинская старина Челябинская старина VI]: ***о*** *іспрaвленіи дву кошелков о зборах в церкви і* ***о*** *прочемъ* № 7; ***о*** *полученіи указа и по оному* ***о*** *дѣйствительном исполненіи* № 18;

[Челябинская старина IV]: *о полученіи указа и* ***о*** *исполненіи* № 11 — и т. д.

Без повтора предлога:

[Челябинская старина VI]: ***о*** *записныхъ и потаенныхъ расколникахъ* № 28; ***о*** *ихъ пьянствах и невоздержаніи* № 34;

[Челябинская старина IV]: ***о*** *расколникѣ мещанинѣ Федотѣ Толстых и женѣ ево* № 11 — и т. д.

Примеры с предлогами *без, между, около* и др. единичны, поэтому об их расположении невозможно сделать выводов.

С учётом всего выше сказанного в текстах различного происхождения можно сравнить лишь употребление предлогов *в, с, по.*

3.4. Предлог *в*

Как уже было упомянуто ранее, в московских духовных предлог *в* часто встречался в формульном словосочетании *в целом уме и памяти,* где почти никогда не повторялся. Если не учитывать это устойчивое выражение при подсчёте, то повторяющийся предлог *в* при однородных членах был обнаружен 11 раз, а одиночный — 8 раз. Падеж существительного, рядом с которым был предлог, возможно, влиял на его дублирование.

В челябинских текстах одиночный предлог *в* встречается так же часто, как и повторяющийся (по 8 примеров). Так как количество примеров с повтором и без повтора предлога для каждого падежа примерно одинаково, то, вероятно, в челябинских текстах не было связи дублирующегося предлога с падежом существительных (табл. 3).

Таблица 3

Предлог «в» в челябинских документах

Предлог дублируется (8 примеров)		**Предлог не дублируется (8 примеров)**	
С предложным падежом (2 примера)	**С винительным падежом (6 примеров)**	**С предложным падежом (3 примера)**	**С винительным падежом (5 примеров)**
состояла ***в*** *православии а не* ***в*** *расколѣ* № 10 [Челябинская старина VI] — и т. д.	***в*** *караулы подводную гонбу и* ***во*** *всякие требующияся по команде исправленія употребляются* № 8 [Челябинская старина VI] — и т. д.	***въ*** *чтеніи і пѣніи і знаніи катихизиса* № 7; ***в*** *штрафах и подозреніях* № 37 [VI]; ***в*** *слободах селах и деревняхъ* № 5 [Челябинская старина IV].	***въ*** *вящее развращеніе и беззаконіе впадать не могли* № 28; ***в*** *сохранение и защищение закона* № 29 [Челябинская старина VI] — и т. д.

3.5. Предлог *по*

Предлог *по* в московских текстах чаще всего не повторяется (в 9 примерах из 15). В челябинских документах *по* дублируется в 50 % примеров (4 раза):

Без повтора:

[Челябинская старина VI]: ***по*** *ее признанію и разсужденію* № 6; *поступать* ***по*** *правиламъ стыхъ отецъ и указомъ* № 5; ***по*** *благоразумию и кроткому поучению священников* № 6;

[Челябинская старина IV]: ***по*** *изображенным в томъ чилябинской ратуши представлени и другимъ указом* № 15.

С повтором:

[Челябинская старина VI]: ***по*** *силѣ ея императорскаго величества исѣцкой правинціалной канцеляріи указу і* ***по*** *сообщенію от вас* № 23; *какъ* ***по*** *свѣтскимъ такъ и* ***по*** *духовнымъ командамъ* № 5;

[Челябинская старина IV]: ***по*** *указу ея імператорскаго величества и* ***по*** *промеморіи оного чилябинского духовного правленія* № 6.

3.4. Предлог *с*

Предлог *с* в московских документах чаще дублируется (в 11 примерах из 15), а в челябинских текстах одиночный и повторяющийся предлоги встречаются одинаково часто (по 3 примера соответственно):

Без повтора:

[Челябинская старина IV]: ***съ*** *учиненными об немъ и приобщенными при семъ… справками* № 37; ***с*** *престымъ и благимъ и животворящимъ твоимъ дхомъ* № 39; *обше* ***съ*** *дьякономъ иваномъ емельяновым и пономаремъ сыномъ моимъ евдокимом* № 41.

С повтором:

[Челябинская старина VI]: *я шолъ* ***с*** *караулнымъ да и* ***со*** *особо случившимъ по пути… господиномъ прапорщикомъ шапошниковымъ* № 30; *здѣлать справку* ***со*** *сщенно и церковнослужителями и* ***съ*** *личшими прихожанами* № 44;

[Челябинская старина IV]: ***с*** *православными ли іли* ***с*** *расколниками* № 14.

В челябинских документах предлог *с* встретился только с творительным падежом, поэтому нельзя сказать, имелась ли при употреблении этого предлога зависимость от падежа существительного, с которым сочетается предлог.

4. Дополнительные замечания о некоторых факторах, влиявших на повторение предлога в текстах

Надо отметить, что и в московских, и в челябинских документах некоторые предлоги практически не повторялись *(**между, для**)*: ***для*** *вѣдома и своего оправданія* № 5; ***между*** *челябинскими купцами, мѣщанами и це-*

ховыми № 89 [Челябинская старина IV] — и т. д. Вероятно, что в деловых текстах XVIII века сохранилась особенность, которая была свойственна и древнерусскому языку: чаще всего повторялись односложные непроизводные предлоги [Hill, 1977, с. 23, 36].

Наконец, в челябинских текстах обнаружена одна интересная особенность: в цикле документов, связанных одной темой (обращение поручика Рейнсдорпа в православие), наблюдается большая однородность в употреблении предлогов:

[Челябинская старина VI]: *прошу* ***о*** *соединеніи меня къ православной восточной церкви и* ***о*** *помазаніи меня святымъ миромъ* № 53; *просилъ* ***о*** *соединеніи ево къ православнои церкви и* ***о*** *помазаніи святымъ миромъ* № 54; ***о*** *недопущеніи ко оному і* ***о*** *обявлении* № 56; ***для*** *обученія молитвъ и* ***для*** *соединенія къ православнои церкви* № 54; ***по*** *желанію ево… а* ***по*** *резолюціи дховнаго правлѣния* № 55; *не толко* ***в*** *баталіонѣ, но и* ***въ*** *городѣ Чилябинскѣ* № 56; ***в*** *сумошествіи былъ или* ***в*** *совершенномъ разумѣ* № 56; *былъ онъ Реинсдорпъ не* ***въ*** *сумошествіи, а* ***въ*** *совершенномъ разумѣ* № 57; *былъ онъ порутчикъ Реинздорпъ не* ***в*** *сумосъшествіи, а* ***в*** *совершенном разумѣ* № 58; *потребовать* ***от*** *заказщика изъяснения и* ***от*** *бывших при миропомазаніи людей и воспріемника* № 56.

Конечно, некоторые фразы из документов дословно повторяются, но, возможно, то, что предлог практически всегда повторяется в данном цикле, объясняется авторской волей или местной канцелярской традицией.

Связь предлога с синтаксической ролью однородных членов. Отметим, что в небольшом числе примеров обнаружено влияние синтаксической роли однородных членов на дублирование предлога: с однородными определениями предлог почти не повторяется.

Челябинские документы: *на россійскомъ или руском языкѣ* № 26 / *минувшаго месеца февраля во перьвой и во второй половинахъ* № 84 — 16 раз предлог при определении не повторяется, 5 раз повторяется.

Московские документы: *в движимом и недвижимом имениях* № 67 / *серги брилиантовые с красными с алами и з бурмицкими зернами* № 297 — повтор предлога встретился всего 4 раза, при этом одиночный предлог обнаружен в 17 примерах.

Думается, что изучение связи синтаксической роли однородных членов с дублированием предлога может оказаться весьма перспективным. Это исследование планируется продолжить.

5. Выводы

В итоге можно сказать, что в повторении / неповторении предлога при однородных членах в текстах XVIII века обнаружились различия, объяс-

няющиеся территориальным происхождением текста: разное количество дублирующихся предлогов наблюдается в примерах с *в, на, с, по*: в московских текстах они повторяются чаще, чем в челябинских документах; в отличие от московских духовных и сговорных записей, в челябинских текстах не прослеживается влияние падежа словосочетания на дублирование предлога. Однако в XVIII веке территориальная принадлежность в вопросе повторения предлога при однородных членах не являлась решающим фактором. Наряду с ней на употребление служебных частей речи могли влиять предпочтения автора, формульные выражения и жанровая принадлежность документа (набор предлогов в духовных записях сильно отличается от челябинских дел, указов, репортов и т. д.).

В московских документах предлог при однородных членах повторяется чаще, чем в челябинских (54 % и 47 % случаев соответственно). Напомним, что в древнерусском языке и в современном русском языке в текстах, принадлежащих к делопроизводству, повтор предлога при однородных членах встречается в большем числе случаев, чем его отсутствие [Сатюкова, 2015, с. 477—478]. Возможно, некоторое уменьшение количества примеров с повторяющимся предлогом в деловых текстах XVIII века (по сравнению с древнерусским и современным русским языками) связано с нестабильностью нормы и с тем, что функциональные стили русского языка ещё не окончательно сформировались [Майоров, 2007, с. 13]. Таким образом, ещё раз доказано, что синтаксис деловых документов XVIII века требует дальнейшего пристального изучения.

Литература

1. *Буякова М. В.* Сочинение и подчинение в стихе и прозе в русском и французском языках : автореферат диссертации … кандидата филологических наук: 10.02.01 / М. В. Буякова. — Москва, 2009. — 23 с.

2. *Выхрыстюк М. С.* Модели разговорного синтаксиса текстов делопроизводства Тобольского Знаменского мужского монастыря второй половины XVIII века / М. С. Выхрыстюк, А. В. Окмянская // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 29 (320). — С. 21—23.

3. *Городская* семья XVIII века : семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. — Москва : URSS, 2002. — 608 с.

4. *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 881 с.

5. *Климовская И. И.* О некоторых последствиях инверсии исконно постпозитивного определения в истории русского языка / И. И. Климовская // Учёные записки Томского государственного университета. — 1965. — Том 54. — С. 78—93.

6. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений / М. В. Ломоносов. — Москва ; Ленинград : Издательство академии наук СССР, 1952. — Том 7: Труды по филологии. 1739—1758 гг. — 997 с.

7. *Майоров А. П.* Региональный узус деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья) : диссертация … доктора филологических наук: 10.02.01 / А. П. Майоров. — Москва : МГОУ, 2007. — 478 с.

8. *Минлос Ф. Р.* Повтор предлогов в Новгородской первой летописи / Ф. Р. Минлос // Русский язык в научном освещении. — 2007. — № 1. — С. 52—72.

9. *Раевская М. В.* Из истории функционирования предлога *по* в деловых документах второй половины XVIII — начала XIX в. / М. В. Раевская // Вестник ЮУрГУ. Серия. Лингвистика». — 2014. — Том. 11, № 4. — С. 10—13.

10. *Розенталь Д. Э.* Справочник по правописанию и стилистике / Д. Э. Розенталь. — Москва : Комплект, 1997. — 384 с.

11. *Санников В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — 624 с.

12. *Сатюкова Д. Н.* О повторе предлогов перед однородными определениями в современном русском языке: опыт корпусного анализа / Д. Н. Сатюкова // Acta Linguistica Petropolitana : труды Института лингвистических исследований РАН. — 2015. — Том 11 (1). — С. 468—512.

13. *Стеценко А. Н.* Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Стеценко. — Москва : Высшая школа, 1972. — 360 с.

14. *Трахтенберг О. М.* О конструкциях с повторением знаменательных слов и предлогов (на материале художественных произведений XVIII—XIX вв. / О. М. Трахтенберг // Материалы по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж, 1982. — С. 131—137.

15. *Улитова А. С.* Повтор предлогов при однородных членах в текстах XVII—XVIII вв. / А. С. Улитова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2019. — № 4. — С. 241—247.

16. *Улитова А. С.* Повтор предлогов при однородных членах в книжных и некнижных текстах XVII в. / А. С. Улитова // Русистика в XXI веке : тенденции и направления развития : сборник статей Международной научной конференции. — Ереван : ЕГУ, 2019. — С. 220—223.

17. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк / Ф. П. Филин. — Москва : КомКнига, 2006. — 655 с.

18. *Хоргоши Э.* Некоторые особенности предлогов древнерусского языка (на материале памятников XI—XII вв.) [Электронный ресурс] / Э. Хоргоши // Dissertationes Slavicae (Acta Universitates Szegedensis de Attila Jozsef Nominatae). — 1978. — Vol. 8. — P. 117—125. — Режим доступа : http://acta.bibl.u-szeged.hu/1201/1/dissert_slav_ling_015_117-125.pdf.

19. *Цзинтин С.* Повтор предлогов как стилистический прием (на примере сказок из сборника А. Н. Афанасьева) / С. Цзинтин // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — Том 9, № 1 (30). — С. 306—311.

20. *Челябинская* старина / под общ. ред. Н. А. Глинкиной. — Челябинск : Полиграф-Мастер, 2005. — Часть 4: Документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века, содержащие сведения о старообрядцах Челябинской округи. — 174 с.

21. *Челябинская* старина / под общ. ред. Н. А. Глинкиной. — Челябинск : Полиграф-Мастер. — 2006. — Часть 6: Деловые документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века. — 130 с.

22. *Klenin E.* On preposition repetition: A study in the history of syntactic government in Old Russian / E. Klenin // Russian linguistics. — 1989. — Vol. 13. — P. 185—296.

23. *Hill S.* The N-Factor and Russian Prepositions: Their Development in XI—XXth century / S. Hill. — Hague, Paris, New York : Mouton, 1977. — 365 p.

Preposition Repetition in Phrases with Homogeneous Parts of a Sentence in Business Texts of the 18th Century

© Anastasiya S. Ulitova (2020), orcid.org/0000-0001-6578-7615, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language and Literature, Non-state private educational institution of higher professional education "Moscow University for Industry and Finance "Synergy" (Moscow, Russia); research scientist, Department of Old Russian Language, Federal State Budgetary Scientific Institution V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia), ulitovs@mail.ru.

The question of dialect differences in the use of homogeneous parts of a sentence and prepositions in business texts of the 18th century is considered. Attention is paid to the factors that influenced the preposition repetition in such groups. The results of comparative analysis of peripheral (in particular, Chelyabinsk) and Moscow business texts of the 18th century are presented. The question is raised whether the syntactic role of words in the group under study affected the preposition repetition. Special attention is paid to the duplication of the preposition in a number of stable expressions typical for the business usage of the 18th century. For the first time, the task is to identify differences in the use of repeated prepositions in business texts that relate to different territories. The relevance of the research is due to the fact that it draws readers' attention to a new aspect in the history of the formation of Russian language norms. It is proved that in the business texts of the 18th century, which have different origins, territorial affiliation was not a decisive factor. The author points out that along with the place where the document was written, the author's preferences, the functioning of prepositions in formula expressions, the syntactic role of homogeneous members, and the genre of the document may have influenced the duplication of the preposition.

Key words: preposition repetition; homogeneous parts; business documents; business usage; language of the 18th century.

References

Buyakova, M. V. (2009). *Sochineniye i podchineniye v stikhe i proze v russkom i frantsuzskom yazykakh: avtoreferat dissertatsii*… kandidata filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).

Filin, F. P. (2006). *Proiskhozhdeniye russkogo, ukrainskogo i belorusskogo yazykov: istoriko-dialektologicheskiy ocherk*. Moskva: KomKniga. (In Russ.).

Glinkina, N. A. (ed.). (2005). *Chelyabinskaya starina, 4: Dokumenty Chelyabinskogo dukhovnogo pravleniya posledney chetverti XVIII veka, soderzhashchie svedeniya o staroobryadtsakh Chelyabinskoy okrugi*. Chelyabinsk: Poligraf-Master. (In Russ.).

Glinkina, N. A. (ed.). (2006). *Chelyabinskaya starina, 6: Delovyye dokumenty Chelyabinskogo dukhovnogo pravleniya posledney chetverti XVIII veka.* Chelyabinsk: Poligraf-Master. (In Russ.).

Gorodskaya semya XVIII veka: semeyno-pravovyye akty kuptsov i raznochintsev Moskvy. (2002). Moskva: URSS. (In Russ.).

Hill, S. (1977). *The N-Factor and Russian Prepositions: Their Development in XI—XXth century*. Hague, Paris, New York: Mouton.

Khorgoshi, E. (1978). Nekotoryye osobennosti predlogov drevnerusskogo yazyka (na materiale pamyatnikov XI—XII vv.). *Dissertationes Slavicae (Acta Universitates Szegedensis de Attila Jozsef Nominatae), 8:* 117—125. Available a: http://acta.bibl.u-szeged.hu/1201/1/dissert_slav_ling_015_117-125.pdf. (In Russ.).

Klenin, E. (1989). On preposition repetition: A study in the history of syntactic government in Old Russian. *Russian linguistics, 13:* 185—296.

Klimovskaya, I. I. (1965.). O nekotorykh posledstviyakh inversii iskonno postpozitivnogo opredeleniya v istorii russkogo yazyka. *Uchenyye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 54:* 78—93. (In Russ.).

Lomonosov, M. V. (1952). *Polnoye sobraniye sochineniy, 7: Trudy po filologii. 1739—1758 gg*. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo akademii nauk SSSR. (In Russ.).

Mayorov, A. P. (2007). *Regionalnyy uzus delovoy pis'mennosti XVIII veka (po pamyatnikam Zabaykalya): disertatsiya…* doktora filologicheskikh nauk. Moskva: MGOU. (In Russ.).

Minlos, F. R. (2007). Povtor predlogov v Novgorodskoy pervoy letopisi. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii, 1:* 52—72. (In Russ.).

Raevskaya, M. V. (2014). Iz istorii funktsionirovaniya predloga po v delovykh dokumentakh vtoroy poloviny XVIII — nachala XIX v. *Vestnik YuUrGU. Seriya. Lingvistika, 11/4:* 10—13. (In Russ.).

Rozental, D. E. (1997). *Spravochnik po pravopisaniyu i stilistike*. Moskva: Komplekt. (In Russ.).

Sannikov, V. Z. (2009). *Russkiy sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).

Satyukova, D. N. (2015). O povtore predlogov pered odnorodnymi opredeleniyami v sovremennom russkom yazyke: opyt korpusnogo analiza. *Acta Linguistica Petropolitana: trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 11 (1):* 468—512. (In Russ.).

Stetsenko, A. N. (1972). *Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka.* Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

Trakhtenberg, O. M. (1982). O konstruktsiyakh s povtoreniem znamenatelnykh slov i predlogov (na materiale khudozhestvennykh proizvedeniy XVIII—XIX vv. In: *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniyu*. Voronezh. 131—137. (In Russ.).

Tszintin, S. (2020). Povtor predlogov kak stilisticheskiy priem (na primere skazok iz sbornika A. N. Afanasyeva). *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal, 9/1 (30).* 306—311. (In Russ.).

Ulitova, A. S. (2019). Povtor predlogov pri odnorodnykh chlenakh v tekstakh XVII—XVIII vv. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 4:* 241—247. (In Russ.).

Ulitova, A. S. (2019). Povtor predlogov pri odnorodnykh chlenakh v knizhnykh i neknizhnykh tekstakh XVII v. In: *Rusistika v XXI veke: tendentsii i napravleniya razvitiya*: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Erevan: EGU. 220—223. (In Russ.).

Vykhrystyuk, M. S., Okmyanskaya, A. V. (2013). Modeli razgovornogo sintaksisa tekstov deloproizvodstva Tobolskogo Znamenskogo muzhskogo monastyrya vtoroy poloviny XVIII veka. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 29(320):* 21—23. (In Russ.).

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskiy dialekt.* Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).

Якушкина Е. И. К вопросу о лексических различиях староштокавских хорватских и новоштокавских сербских говоров / Е. И. Якушкина // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 185—198. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-185-198.

Yakushkina, E. I. (2020). About Lexical Differences between Old Shtokavian Croatian and New Shtokavian Serbian Dialects. *Nauchnyi dialog, 8:* 185-198. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-185-198. (In Russ.).

УДК 81-23+811.163.4’282.2
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-185-198

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЯХ СТАРОШТОКАВСКИХ ХОРВАТСКИХ И НОВОШТОКАВСКИХ СЕРБСКИХ ГОВОРОВ[1]

© Якушкина Екатерина Ивановна (2020), orcid.org/0000-0002-0052-1338, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» (Россия, Москва), jkatia@yandex.ru.

Рассматриваются лексические различия двух сербскохорватских штокавских говоров: говора села Сиче (Славония, Хорватия), относящегося к арахаическому славонскому диалекту, и говора села Господжинци (Воеводина, Сербия), принадлежащего к инновационному шумадийско-воеводинскому диалекту. Актуальность исследования обусловлена отсутствием диалектных атласов сербскохорватской территории и подробного описания лексических признаков различных штокавских говоров, в том числе западных староштокавских и восточных новоштокавских говоров, значительно отличающихся с фонетико-морфологической точки зрения. Исследование выполнено на полевом материале, специально собранном по вопроснику сербскохорватского диалектного атласа. В статье сопоставляется дифференциальная лексика анкет из двух названных сел. Анализ показывает, что основным источником лексической дифференциации в говорах является заимствованная лексика, преимущественно турецкого происхождения, вытеснившая в воеводинском говоре славянские слова, сохранившиеся в Славонии. Установлено, что наряду с заимствованиями среди лексических различий присутствует ряд праславянских синонимов, предположительно противопоставлявших различные протосербскохорватские говоры в древнейшую эпоху. Отмечается, что менее значительна в лексическом противопоставлении двух говоров роль новообразований на основе славянских корней. Показано, что лингвогеографически славонский и воеводинский говоры на основании лексических признаков чаще всего противопоставляются как западный и восточный штокавский.

Ключевые слова: сербскохорватский язык; диалектная лексикология; лингвогеография; славонский диалект; шумадийско-воеводинский диалект.

1 Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-012-00471 «Ареальное членение и ареальные связи сербскохорватских говоров в области лексики».

1. Введение

Предметом данной работы является сопоставление лексики двух говоров сербскохорватского языка: хорватского говора села Сиче в Славонии и сербского говора села Господжинци в Воеводине, см. карту (рис. 1).

Рис. 1. Сёла Сиче и Господжинци

Принадлежность носителей сербскохорватского языка к разным этносам и культурным традициям, значительные различия, существующие между сербскохорватскими диалектами, — все это делает вопрос исследования общих и дифференциальных признаков сербскохорватского языкового ареала неизменно актуальным. Лексика в нашей работе выбрана в качестве объекта анализа в силу малой изученности сербскохорватских лексических изоглосс и их большого потенциала для лингвогеографических исследований[1].

Говоры сел Славонии и Воеводины были выбраны для сопоставления по двум причинам. Первая причина основана на их территориальной близости и общности исторического развития данных регионов. Славония граничит с Воеводиной и конкретно с областью Бачка, к которой относится с. Господжинци; с 17 века Воеводина и Славония входили в состав одного государства (вначале Османской империи, позднее Габсбургской монар-

1 На данный момент отсутствуют опубликованные выпуски диалектных атласов сербского и хорватского языков (проектам национальных атласов предшествовал проект «Сербскохорватского диалектного атласа», оставшийся до конца не реализованным). Об участии Сербии в лингвогеографических проектах и об обстоятельствах работы над сербским атласом см. [Милорадовић, 2017; Реметић, 1997].

хии и Австро-Венгерской империи), а отдельные области на их территории были объединены в одну административную единицу — Военную границу (краину). Вторая причина заключается в том, что славонские и воеводинские говоры, хотя и относятся к одному штокавскому наречию сербскохорватского языка, но принадлежат к разным диалектам этого наречия. Рассматриваемый нами хорватский говор принадлежит к славонскому диалекту [Lisac, 2003; Okuka, 2008, s. 45], или, в иной терминологии, к посавскому икавскому диалекту [Ивић, 1985, с. 197][1], а сербский — к бачскому поддиалекту шумадийско-воеводинского диалекта [Ивић, 2009, с. 39; Okuka, 2008, s. 139]. Славонский диалект относится к так называемому староштокавскому типу, имеющему архаическую акцентуацию, а шумадийско-воеводинский — к новоштокавскому, для говоров которого характерна четырехакцентная система с перетяжкой ударения на один слог к началу слова [Okuka, 2008, s. 45]. Кроме того, славонские говоры отличаются от новоштокавских, и в том числе воеводинских, рядом других архаизмов в фонетике: сохранением конечно-слогового *l* (*posal* ‘работа’, воевод. *посао*) и групп *jt* (*izajt* ‘выйти’, воевод. *изићи*), *jd* (*izajde* ‘выйдет’, воевод. *изиђе*) [Ивић, 1985, с. 197—200]. Славонские говоры выделяются на фоне прочих штокавских говоров и другими чертами, которые их связывают с говорами кайкавского и чакавского наречий (наличием акута и так называемым «шчакавским» рефлексом сочетаний **stj, *skj*: славон. *gušćer* ‘ящерица’ при воевод. *гуштер*). П. Ивич трактует это явление как следствие периферийного положения славонских говоров в штокавском континууме [Ивић, 1985, с. 37], об этом пишет и Д. Брозович: характеризуя говор Сиче, он называет его остатком былого западнославонского посавского диалектного типа, входившего, наряду с подравскими, северночакавскими и северо-западными боснийскими говорами, в переходный пояс между кайкавскими говорами и основным массивом западноштокавских говоров [Brozović, 1970, s. 17]. Это позволяет сформулировать задачу данной статьи как сопоставление лексических особенностей периферийного архаического штокавского говора и центрального инновационного.

Согласно гипотезе Д. Брозовича, сербскохорватская территория была первоначально разделена на западный и восточный ареалы, которые включали, с одной стороны, кайкавские, чакавские и западноштокавские говоры, а с другой — восточноштокавские и прототорлакские. Из этих двух диалектных типов предположительно могли развиться два языка, но в ре-

1 При использовании термина славонский диалект термин посавские (икавские) говоры употребляется для обозначения одной из зон славонского диалекта [Okuka, 2008, s. 293]. Такая терминология применяется и в данной работе.

зультате последующего конвергентного развития западно- и восточноштокавские говоры сблизились, что утвердило сербскохорватское единство [Brozović, 1985, s. 62—64]. В свете данной гипотезы сопоставление лексических особенностей славонского и воеводинского говоров можно рассматривать как сопоставление лексики говоров западно- и восточноштокавского диалектного типа (Д. Брозович свою гипотезу основывал только на фонетических и морфологических данных, данные лексики им не учитывались).

Лингвогеографические исследования на материале сербскохорватской лексики имеют давнюю историю. Основные положения сербскохорватской лексической лингвогеографии сформулировали И. Попович [Поповић, 2007] и Н. И. Толстой в серии работ по географии южнославянской лексики [Толстой, 1997; Толстой, 1997а]. Они впервые обратили внимание на противопоставление инновационного штокавского центра и архаической чакавско-кайкавско-штокавской периферии. В наше время важнейший вклад в изучение географии сербскохорватской лексики внесла А. А. Плотникова, выделившая на южнославянской территории ареалы на материале лексики традиционной духовной культуры [Плотникова, 2004]. Мощным толчком к развитию славянской лексической лингвогеографии в 2000-е годы стала публикация лексико-словообразовательных выпусков «Общеславянского лингвистического атласа». На их основе написан целый ряд исследований, в том числе интерпретирующих и сербскохорватский материал [Вендина, 2014; Вендина, 2018; Siatkowski, 2004].

2. Материал и метод исследования

Материал для данного исследования был собран по анкете, составленной на основе выборки лексических вопросов из вопросника «Сербскохорватского диалектного атласа» [Upitnik za SHDA]; вопросы разделены на 14 тематических рубрик, охватывающих основные сферы деревенской жизни (семья, дом, одежда, растениеводство и животноводство и пр.)[1]. Всего в анкете содержится 370 вопросов. В с. Сиче анкета была нами записана в семье Чупичей в 2019 году. Анкету из с. Господжинци нам любезно предоставила профессор Новисадского университета Гордана Драгин, за что мы выражаем ей глубокую благодарность.

Хорватское село Сиче расположено в долине реки Сава, в 40 км от г. Славонски Брод. Сербское село Господжинци находится в юго-восточной Бачке, в окрестностях г. Жабаль.

1 С полным текстом заполненной славонской анкеты можно ознакомиться в [Berbić Kolar, Якушкина, 2020].

Исследование проведено путем сопоставления лексического материала, представленного в славонской и воеводинской анкетах. Основное внимание при анализе сосредоточено на дифференциальной части анкет.

3. Результаты исследования

Сопоставление показало, что из 370 пунктов вопросника в анкетах из двух сел различается 136 ответов, что составляет 36 % от общего числа. Проанализируем эти отличия.

3.1. Лексические различия праславянского происхождения

Первая группа лексических противопоставлений связана с использованием в говорах продолжений различных праславянских лексем. Подобные различия могут служить отражением как древней лексической дифференциации, так и внутридиалектной синонимии в сербскохорватском ареале. Некоторые из них: *kruv*[1] — *лебац* ‘хлеб’, *cesta* — *пут* ‘дорога’, *otok* — *острво* ‘остров’, *puhati* — *дувати* ‘дуть’, *zipka* — *колевка* ‘колыбель’, *krt* — *кртина* ‘крот’ — достаточно четко противопоставляют западные и восточные сербскохорватские говоры, но «западные» лексемы иногда используются и в периферийных сербских говорах, в частности, в Косово (подробнее о данных лексических парах см. [Якушкина, 2020а, Якушкина, 2020б]), что исключает их из списка потенциальных западно- и восточноштокавских изоглосс, существование которых можно было бы предположить, исходя из упомянутой выше гипотезы Д. Брозовича. Из приведенного списка слов на такой статус претендуют только слова *zipka* и *otok*, не обнаруженные нами восточнее реки Дрины. Прочие слова, несомненно, относятся к древнейшим сербскохорватским диалектным различиям, но их изоглоссы проходят иначе, чем проходит предполагаемая Д. Брозовичем граница западных и восточных сербскохорватских говоров [Brozović, 1970, s. 13]. В сербских говорах слова *крух, цеста, пухати* представлены главным образом на территории Боснии. Однако восточнее Дрины *крух* встречается в Шумадии и западной Сербии [Петровић, Капустина, 2011, с. 142; Цвијетић, 2015, с. 178], а *цеста* и *пувати* — в Черногории [Ћупић, 1997, с. 540; с. 401] и в Косово [Букумирић, 2012, с. 662; с. 505]. Слова *цеста* и *пувати* фиксируются словарем сербских говоров Воеводины, но только в двух пунктах и через отсылку к словам *друм* и *дувати* [РСГВ, т. 4, с. 364; РСГВ, т. 3, с. 401], слово *крув (крух)* в словаре отсутствует. В словаре славонских говоров также присутствует и лексема *puhati*, и лексема *duvati* [Jakšić, 2015, s. 149, 623]. Изоглосса *krt* — *кртина* (или *кртица*) также отделяет западные (кайкавские, чакавские и некоторые

1 Здесь и далее первой указывается славонская лексема, а второй — воеводинская.

западноштокавские говоры) от восточных — большинства штокавских и некоторых чакавских говоров, однако слово *крт* встречается в отдельных пунктах на Косово, в Черногории, в Шумадии [ОЛА, 1988, карта 12][1].

К группе древних синонимов относится и еще несколько лексических пар, противопоставляющих две анкеты. Это пары *roba, ruo — одело* ‘одежда’, *korito — наћве* ‘посуда для замешивания теста’, *ždrebac — пастув* ‘некастрированный самец лошади’, *podojit — помусти* ‘подоить (корову)’, *šišati — шишати, стрићи* ‘стричь’.

Славонские слова *ru(h)o* и *roba* встречаются и в Воеводине, причем *руво* там распространено достаточно широко [РСГВ, т. 3, с. 477; РСГВ, т. 3, с. 489], наряду с *одело*. *Руво* в качестве обозначения одежды или приданого фиксируется в различных сербских говорах [Петровић и др., 2011, с. 255; Петровић, Ћелић, Капустина, 2013, с. 358; Цвијетић, 2015, с. 339; Бојиновић, 2015, с. 173; Стојановић, 2010, с. 826]. Слово *роба* как обозначение одежды в сербском ареале встречается гораздо реже [Ћупић, 1997, с. 421].

Основным сербскохорватским глаголом, обозначающим дойку молока, является глагол *мусти* (**melzti* [ЭССЯ, т. 18, с. 95]), который в наших материалах отмечен в Воеводине. Глагол *dojit*, представленный в этом же значении в славонском говоре, а также в кайкавских говорах, чаще на сербскохорватской территории обозначает вскармливание материнским молоком новорожденного, что, по всей видимости, является более древним значением, чем ‘доить’ [ЭССЯ, т. 5, с. 54].

Еще одна лексическая пара, противопоставляющая славонский и воеводинский говор и образованная континуантами праславянских лексем, — это *korito — наћве* ‘посуда для замешивания теста’. В «Общеславянском лингвистическом атласе» представлена карта «деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева» [ОЛА, 2007, карта № 12], на которой лексема *korito* в сербскохорватском ареале отмечена именно в славонских и некоторых кайкавских говорах (а также в словацких и западноукраинских), тогда как в большинстве сербскохорватскиских говоров в этом значении используется слово *наћве*, так же как в русских, части белорусских и украинских говоров.

К группе континуантов праславянских лексем относится и пара *ždrebac — пастув* ‘некастрированный самец лошади’. Согласно [ОЛА 2000] (карта № 3), лексема *ždrebac* характерна для Славонии, Боснии и Герцеговины и кайкавских говоров, а также фиксируется на западе Воеводины и в восточной Сербии. На территории Сербии и Черногории в этом значении, в основном, представлено слово *пастув*.

1 Штокавская номинация кртина (кртица) в северославянских языках находит продолжение в чешских, словацких и западноукраинских говорах [ЭССЯ, т. 13, с. 55].

Из глаголов, обозначающих стрижку овец, глагол *šišati*[1] чаще встречается в сербскохорватских говорах как нейтральное обозначение любой стрижки, а глагол *стрићи* более редкий и обычно фигурирует именно как пастушеский термин.

3.2. Лексические различия, связанные с замещением в одном из говоров праславянского слова новообразованием

В ряде случаев архаизмам в одной анкете соответствуют новообразования в другой анкете. Сохранение архаизмов и возникновение новообразований свойственно обоим говорам. Среди инноваций, представленных в воеводинских говорах, есть лексемы, встречающиеся по всей территории Сербии, в том числе на ее востоке: ср. *Medvedica — мечка* ‘медведица’, *razrezati — расећи* ‘разрезать’, *zaručnica — вереница* ‘невеста’, *stan — разбој* ‘ткацкий станок’ [ОЛА, 1988; ОЛА, 2007; ОЛА, 2015; Стојановић, 2010, с. 787; Букумирић, 2012, с. 513; Петровић и др., 2011, с. 245]. Изоглоссы этих лексем проходят по центру сербскохорватского ареала, разделяя его на западную и восточную части. Изоглосса *baza — зова*[2] ‘бузина’, напротив, противопоставляет центральные и периферийные сербскохорватские говоры: ср. *бьз* в призренско-тимокских говорах [Стојановић, 2010, с. 53] и *зова* в Шумадии [Петровић, Капустина, 2011, с. 108]. Среди новообразований есть и воеводинские лексемы (ср. *kopriva — жежа* ‘крапива’)[3]. Новообразования используются и в славонском говоре: *natkrovak — стреја* ‘стреха’, *plićak — газ* ‘брод’, *zubača — брана* ‘борона’, *punica — ташта* ‘теща’, *kobac — јастреб* ‘ястреб’, *nosavice — ноздрве* ‘ноздри’[4].

3.3. Использование новообразований в обоих говорах

Среди славонско-воеводинских лексических различий есть несколько случаев использования в обоих говорах новообразований: *žganci — куља* ‘каша из кукурузной муки’, *livak — точир* ‘воронка для переливания жидкости’, *slipoočice — слепо око* ‘висок’, *slipi miš — шишмиш* ‘летучая мышь’, *na dvoru — напољу (na dvor — напоље)* ‘на улице (на улицу)’. Номинации *slipoočice* [ОЛА, 2009, карта 4] и *žganci* [Lipljin, 2002, s. 1320] связывают славонские говоры с кайкавскими, а *livak* — с центром сербскохорватского ареала (центральной Боснией, центральной и западной Сербией) [ОЛА, 2007, карта 5]. Лексемы *куља* и *точир* являются преимущественно воеводинскими [РСГВ, т. 2, с. 356; ОЛА, карта 5; РСГВ, т. 4, с. 199—200],

1 О праславянском происхождении глагола šišati см. [Skok, knj. 3, s. 395].

2 О вторичности зова по отношению к база, баз см. [Skok, knj. 1, s. 125].

3 В числе противопоставлений славонских архаизмов и воеводинских инноваций назовем также пары iskra – варница ‘искра’, osa – зоља ‘оса’, žuna – ковач ‘дятел’. Их географию предстоит выяснить.

4 География данных слов также требует дополнительного исследования.

а номинация *слепо око* объединяет воеводинские говоры с восточной частью сербскохорватской территории [ОЛА, 2009, карта 4]. Зафиксированное в Господжинцы слово *шишмиш* в «Словаре сербских говоров Воеводины» отсутствует, а согласно [ОЛА, 1988] (карта 15) характерно для кайкавских и некоторых приморских говоров. Это слово встречается и в северо-западной Сербии (с. Бела-Црква, сообщение М. Петрович-Савич). Сичанское *slipi miš*, согласно [ОЛА, 1988], распространено по всему сербскохорватскому ареалу восточнее кайкавской территории.

К семантическим новообразованиям отнесем пару *oguliti — ољуштити* ‘очищать кожуру (картофеля)’. Эти слова хотя и имеют праславянское происхождение [ЭССЯ, т. 7, с. 170; ЭССЯ, т. 16, с. 206], но исходно, вероятно, обозначали не ситуацию очищения плодов от кожуры, а сдирание кожи с туши животного (коры с дерева) и очищение от шелухи (например, фасоли или кукурузы). Изоглосса *oguliti* ‘очищать кожуру (картофеля)’ предположительно очерчивает запад (экспедиционные записи автора из с. Кола в западной Боснии; [Lipljin, 2002, s. 223; Vranić, Oštarić, 2016, s. 250]) и крайний восток [Букумирић, 2012, с. 114] сербскохорватской территории.

3.4. Использование в одном говоре общесербскохорватского слова, а в другом — локального

Приведем примеры: *brkovi — осиja* ‘ость’, *komušina — шапурика* ‘вылущенный кукурузный початок’, *sjajna muva — свитац* ‘светлячок’, *zglob — зглавак* ‘сустав’ (слово встречается в Воеводине, в западной Сербии).

3.5. Роль заимствований в лексических различиях двух говоров

Бóльшая часть лексических противопоставлений между двумя анкетами связана с освоением говорами заимствованной лексики. В воеводинской анкете по сравнению со славонской значительно преобладают заимствования, прежде всего турецкие, тогда как славонская анкета демонстрирует лучшую сохранность славянской лексики.

Наиболее часто встречается следующее соотношение: в Славонии распространено праславянское или сербскохорватское слово, а в Воеводине используется турцизм: *jetra — џигерица* ‘печень человека’, *bedro — бутина* ‘верхняя часть ноги’, *ponjava — чаршав* ‘простынь’, *mrkva — шаргарепа* ‘морковь’, *prsten — бурма* ‘обручальное кольцо’, *žlica — кашика* ‘ложка’, *lače — чакшире* ‘штаны’, *zdjela — чинија* ‘миска’, *vuk — курјак* ‘волк’, *ljestve — мердевине* ‘лестница’, *škriška — комад* ‘кусок’, *smet — ђубре* ‘мусор’, *jabučice — патлиџан* ‘помидор’, *postelj — кревет* ‘кровать’; или иное заимствование *gra — пасуљ* ‘фасоль’, *trbu — стомак* ‘живот’, *sušica — јектика* ‘туберкулез’ (грецизмы), *trim — гонак, конак* ‘пространство под навесом, стрехой’, *ljestve — лотре* ‘лестница’, *šetaju — шпацирају* ‘гулять’,

parovnjak — динер ‘сверстник’ (германизмы), *zaprega — кецеља* ‘фартук’, *trpeza — астал* ‘стол’ (унгаризмы). Анкеты демонстрируют и случаи обратного противопоставления, когда в Славонии фиксируется турцизм или германизм, а в Воеводине славизм (*marva — стока* ‘скот’, *kajmak — скорун* ‘сливки’, *đerz — момак* ‘парень’, *duvar — зид* ‘стена’, *kaiš — појас* ‘пояс, ремень’, *grincajg — зелен* ‘зелень’, *narisal — нацртати* ‘нарисовать’, *paše — ваља* ‘годится’) или в каждой из областей употребляются заимствования из разных источников или разные заимствования из одного источника: *čaira — ливада* ‘луг’ (турцизм — грецизм), *škare — маказе* ‘ножницы’, *tepih — ћилим* ‘ковер’, *drukerić — копча* ‘застежка’ (германизм — турцизм), *čorapa — фусекла* ‘носок’ (турцизм — германизм), *vanikuš — јастук* ‘подушка’ (унгаризм — турцизм), *vrtal — башта* ‘огород’, *riža — пиринџа* ‘рис’, *ulje — зејтин* ‘растительное масло’ (романизм — турцизм), *fertun — кецеља* ‘фартук’ (германизм — унгаризм), *amper — кофа* ‘ведро’ (германизм — романизм), *đono — пенџе* ‘подошва’ (турцизмы). В обеих анкетах также встречаются случаи интерференции славянских и неславянских наименований: *dvor, avlija — авлија* ‘двор’; *trpeza — сто, астал* ‘стол’; *šetaju — шпацирају, шетају* ‘гулять’, *zid, duvar — зид* ‘стена’, *čorapa — чарапа, фусекла* ‘носок’.

3.6. Отражение в анкетах лексической вариативности сербскохорватских говоров

Некоторые различия в анкетах отражают лексическую синонимию, которая в сербскохорватских говорах часто носит внутридиалектный характер: *napraviti — учинити* ‘сделать’, *vrije — кључати* ‘кипеть’, *pšenica — жито* ‘пшеница’, *vrića — џак* ‘мешок’, *čovjek — муж* ‘муж’, *drvo — цепаница* ‘полено’, *peći — пржити* ‘жарить’, *gljiva-печурка* ‘гриб’.

4. Выводы

Проведенное сопоставление анкет показывает, что наибольшую роль в лексической дифференциации славонских и воеводинских говоров сыграли заимствования, и главным образом — турцизмы, численно преобладающие в воеводинском говоре по сравнению со славонским. Источником лексической дифференциации в рассматриваемых говорах также являются германизмы, унгаризмы, романизмы, грецизмы.

Ряд лексических различий восходит к праславянской эпохе. Среди древних диалектизмов, противопоставлявших праславянские говоры, из которых впоследствие развились славонский и шумадийско-воеводинский диалекты штокавского наречия, можно назвать пары *kruv — леб(ац)* ‘хлеб’, *cesta — пут* ‘дорога’, *otok — острво* ‘остров’, *puhati — дувати* ‘дуть’, *zipka — колевка* ‘колыбель’, *krt — кртина* ‘крот’. Эти и другие вышеназванные

дифференциальные лексические признаки, восходящие к праславянской эпохе, манифестируют два основных типа ареальных противопоставлений: 1) запад — восток и 2) штокавский центр — периферия в широком смысле слова, в которую входят кайкавские, западноштокавские и периферийные сербские говоры (в том числе говоры восточной Сербии, Косова, Черногории).

Первый тип, представленный парами *kruv — лебац* ‘хлеб’, *otok — острво* ‘остров’, *zipka — колевка* ‘колыбель, *korito — нађве* ‘посуда для замешивания теста’, *podojit — помусти* ‘подоить (корову)’, может свидетельствовать о древних лексических различиях между говорами кайкавско-чакавско-западноштокавского и восточноштокавского ареалов.

Сохранение общей праславянской лексики в Славонии, в Черногории, на Косове и в восточной Сербии дает возможность предположить и несколько иной сценарий развития сербскохорватской лексической системы, чем древнее противопоставление западной и восточной части сербскохорватского континуума. Такие примеры, как *cesta — пут* ‘дорога’*, puhati — дувати* ‘дуть’, *krt — кртина* ‘крот’, *ždrebac — пастув* ‘некастрированный самец лошади’, дают основание реконструировать для раннего периода развития сербскохорватского языка оппозицию штокавского центра и прочих сербскохорватских говоров, фактически образовывавших периферию данного ареала. Тем самым и различия современных славонских и воеводинских говоров можно рассматривать в том числе как наследие былой оппозиции периферийных и центральных говоров.

Лексические новообразования послепраславянского периода демонстрируют такие же основные ареальные типы: запад — восток (*medvedica — мечка* ‘медведица’, *razrezati — расећи* ‘разрезать’*, zaručnica — вереница* ‘невеста’*, stan — разбој* ‘ткацкий станок’) и центр — периферия (*baza — зова* ‘бузина’), при этом славонские говоры обычно относятся к западному и периферийному типу, а воеводинские — к восточному и центральному. Помимо такого деления, можно наблюдать и трехчастное (запад — центр — восток), когда славонские говоры вместе с боснийскими и частью сербских образуют центр, противопоставленный кайкавским и восточным штокавским говорам (*livak* ‘воронка для переливания жидкости’, *gubice* ‘губы’).

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00471 / Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00471 «Ареальное членение и ареальные связи сербскохорватских говоров в области лексики».

Источники и принятые сокращения

1. *Бојиновић М.* Речник гламочког говора / М. Бојиновић // Српски дијалектолошки : зборник. — Београд : Институт за српски језик САНУ, 2015. — Књ. 62. — С. 1—246.

2. *Букумирић М.* Речник говора северне Метохије / М. Букумирић. — Београд : Институт за српски језик САНУ, 2012. — 704 с.

3. *Общеславянский* лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. — Warszawa, 2000. — Вып. 2. Животноводство. — 192 с.

4. *Общеславянский* лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. — Москва : ИРЯ РАН, 2007. — Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи. —192 с.

5. *Общеславянский* лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. — Kraków, 2009. — Вып. 9. Человек. — 218 с.

6. *Общеславянский* лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. — Москва : Нестор-История, 2015. — Вып. 10. Народные обычаи. — 276 с.

7. ОЛА — *Общеславянский* лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. — Москва : Наука, 1988. — Вып. 1. Животный мир. — 188 с.

8. *Петровић Д.* Из лексике Качера / Д. Петровић, Ј. Капустина // Српски дијалектолошки : зборник. — Београд : Институт за српски језик САНУ, 2011. — Књ. 58. — С. 1—336.

9. *Петровић Д.* Речник Куча / Д. Петровић, И. Ћелић, Ј. Капустина // Српски дијалектолошки: зборник. — Београд : Институт за српски језик САНУ, 2013. — Књ. 60. — 461 с.

10. РСГВ — *Речник* српских говора Војводине. — Нови Сад : Матица српска, 2019. — Књ. 1—4.

11. *Стојановић Р.* Црнотравски речник / Р. Стојановић // Српски дијалектолошки : зборник. — Београд : Институт за српски језик САНУ, 2010. — Књ. 57. — 1060 с.

12. *Ћупић Д.* Речник говора Загарача / Д. Ћупић, Ж. Ћупић // Српски дијалектолошки: зборник. — Београд : Институт за српски језик САНУ, 1997. — Књ. 44. — 615 с.

13. *Цвијетић Р.* Речник ужичког говора / Р. Цвијетић. — Ужице : Универзитет у Крагујевцу — Учитељски факултет у Ужицу, 2014. — 443 с.

14. ЭССЯ — *Этимологический* словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. — Москва : Наука, 1974—, вып.1—.

15. *Jakšić M.* Rječnik govora slavonskih, bačkih i srijemskih / M. Jakšić. — Zagreb : Dominović, 2015. — 1051 s.

16. *Lipljin T.* Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora / T. Lipljin. — Varaždin : Garestin, 2002. — 1284 s.

17. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 1—4 / P. Skok. —Zagreb : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971—1974.

18. *Upitnik* za srpskohrvatski / hrvatskosrpski dijalektološki atlas. — Београд : Институт за српски језик.

19. *Vranić S., Oštarić I.* Rječnik govora Novalje na otoku Pagu / S. Vranić, I Oštarić. — Novalja : Ogranak Matice hrvatske u Novalji, 2016. — 895 s.

Литература

1. *Бербич Колар Э.* Диалектные материалы из Славонии / Э. Бербич Колар, Е. Якушкина // Stephanos. — 2020. — № 2 (40). — С. 54—62.

2. *Вендина Т. И.* Праславянская лексика на перекрестках времени и пространства / Т. И. Вендина // Славянское языкознание : доклады российской делегации XVI Международного съезда славистов. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2018. — С. 60—81.

3. *Вендина Т. И.* Типология лексических ареалов Славии / Т. И. Вендина. — Москва : Нестор-История, 2014. — 692 с.

4. *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика: увод и штокавско наречје / П. Ивић. — Нови Сад : Матица српска, 1985. —214 с.

5. *Ивић П.* Српски дијалекти и њихова класификација: приредио Слободан Реметић / П. Ивић. — Сремски Карловци, Нови Сад : Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2009. — 221 с.

6. *Милорадовић С.* Лингвистичка географија у Србији: језички записи на картама и њихово читање / С. Милорадовић // Јужнословенски филолог. — 2017. — Књ. 73, Св. 3—4. — С. 113—135.

7. *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии / А. А. Плотникова. — Москва : Индрик, 2004. — 768 с.

8. *Поповић И.* Историја српскохрватског језика / И. Поповић. — Београд : Требник; Крагујевац : Лира; Лазаревац : Елвод принт, 2007. — 496 с.

9. *Реметић С.* Српски језик у лингвистичким атласима / С. Реметић // Славистика. — 1997. — Књ. 1. — С. 116—120.

10. *Толстой Н. И.* Из географии славянских слов / Н. И. Толстой // Избранные труды. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — Том 1. — С. 122—222.

11. *Толстой Н. И.* Сербскохорватская лексика на общеславянском фоне / Н. И. Толстой // Избранные труды. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — Том 1. — С. 261—270.

12. *Якушкина Е. И.* Изоглоссы лексем праславянского происхождения в сербскохорватском ареале / Е. И. Якушкина // Славяноведение. — 2020. (В печати).

13. *Якушкина Е. И.* Опыт реконструкции синонимических отношений в праславянской лексике на сербскохорватском материале / Е. И. Якушкина // Јужнословенски филолог. — 2020. (В печати).

14. *Brozović D.* Dijalekatska slika hrvatsko-srpskog jezičkog prostora / D. Brozović // Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru. — 1970. — Sv. 8. — S. 5—32.

15. *Brozović D.* Suvremeno štokavsko narječje kao plod konvergentnoga jezičnog razvoja / D. Brozović // Hrvatski dijalektološki zbornik. — 1985. — Vol. 1, № 7. — S. 59—71.

16. *Lisac J.* Hrvatska dijalektologija 1. Hrvatski dijalekti i govori štokavskoga narječja i hrvatski govori torlačkoga narječja / J. Lisac. — Zagreb : Golden marketing — Tehnička knjiga, 2003. — 168 s.

17. *Okuka M.* Srpski dijalekti / M. Okuka. — Zagreb : Prosvjeta, 2008. — 320 s.

18. *Siatkowski J.* Studia nad wpływami obcymi w ogólnosłowiańskim atlasie językowym / J. Siatkowski. — Warszawa : Uniwersitet Warszawsky, 2004. — 178 s.

About Lexical Differences between Old Shtokavian Croatian and New Shtokavian Serbian Dialects[1]

© Ekaterina I. Yakushkina (2020), orcid.org/0000-0002-0052-1338, PhD in Philology, associate Professor, Department of Slavic Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), jkatia@yandex.ru.

1 This work was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-012-00471.

The article deals with lexical differences between two Shtokavian Serbo-Croatian dialects: the dialect of the village Siche (Slavonia, Croatia) which belongs to archaic Slavonian dialect, and the dialect of the village of Gospodjinci (Voyvodina, Serbia) belonging to the innovative Shumadia-Voyvodina dialect. The study is actual because there are no dialect atlases of Serbo-Croatian territory and detailed descriptions of lexical features of different Shtokavian dialects. The study uses the lexical material collected specially on the base of the questionnaire of the Serbian-Croatian dialect Atlas. The article compares the differential vocabulary of questionnaires from two named villages. The analysis shows that the main part of differential lexems in two dialects are loan words, mainly of Turkish origin, which replaced in the Voyvodina dialect the Slavic words preserved in Slavonia. Among the lexical differences there are a number of proto-Slavic synonyms, which presumably contrasted various proto-Serbo-Croatian dialects at the beginning of the second Millennium. The words of later origin based on Slavic roots are not very important in the lexical opposition of the two dialects. From geolingustic point of vew Slavonian and Voyvodina dialects present an opposition of Western and Eastern Shtokavian.

Keywords: Serbo-Croatian language; dialectal lexicology; linguogeography; Slavonian dialect; Shumadia-Voyvodina dialect.

Material resources

bojinovich, M. (2015). Rechnik glamochkog govora. In: *Srpski dijalektoloshki zbornik.* Beograd: Institut za srpski jezik SANU. *LXII:* 1—246. (In Serb.).

Bukumirich, M. (2012). *Rechnik govora severne Metohije*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU. (In Serb.).

Chupich, D., Chupich, Zh. (1997). Rechnik govora Zagaracha. In: *Srpski dijalektoloshki: zbornik, 44*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU. (In Serb.).

Cvijetich, R. (2014). *Rechnik uzhichkog govora*. Uzhitse: Univerzitet u Kragujevtsu — Uchitelski fakultet u Uzhitsu. (In Serb.).

ESSYa — Trubachyov, O. N. (ed.). (1974—). *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond, 1—.* Moskva: Nauka.(In Russ.).

Jakshich, M. (2015). *Rjechnik govora slavonskih, bachkih i srijemskih*. Zagreb: Dominović. (In Serb.).

Lipljin, T. (2002). *Rjechnik varazhdinskoga kajkavskog govora*. Varaždin: Garestin. (In Serb.).

Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelnaya, 2. Zhivotnovodstvo. (2000). Warszawa. (In Russ.).

Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelnaya, 6. Domashnee khozyaystvo i prigotovlenie pishchi. (2007). Moskva: IRYa RAN. (In Russ.).

Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelnaya, 9. Chelovek. (2009). Kraków. (In Russ.).

Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelnaya, 10. Narodnyye obychai. (2015). Moskva: Nestor-Istoriya. (In Russ.).

OLA — *Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelnaya, 1. Zhivotnyy mir*. (1988). Moskva: Nauka. (In Russ.).

Petrovich, D., Kapustina, J. (2011). Iz leksike Kachera. In: *Srpski dijalektoloshki zbornik.* Beograd: Institut za srpski jezik SANU. *LVIII*: 1—336. (In Serb.).

Petrovich, D., Chelich, I., Kapustina, J. (2013). Rechnik Kucha. In: *Srpski dijalektoloshki zbornik, LX.* Beograd: Institut za srpski jezik SANU. (In Serb.).

RSGV — *Rechnik srpskikh govora Vojvodine. 1—4.* (2019). Novi Sad: Matitsa srpska. (In Serb.).

Skok, P. (1971—1974). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 1—4*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. (In Serb.).

Stojanovich, R. (2010). *Tsrnotravski rechnik. Srpski dijalektoloshki: zbornik, LVII.* Beograd: Institut za srpski jezik SANU. (In Serb.).

Upitnik za srpskohrvatski / hrvatskosrpski dijalektološki atlas. Beograd: Institut za srpski jezik. (In Serb.).

Vranich, S., Oštarić, I. (2016). *Rječnik govora Novalje na otoku Pagu*. Novalja: Ogranak Matice hrvatske u Novalji. (In Serb.).

References

berbich Kolar, E., Yakushkina, E. (2020). Dialektnyye materialy iz Slavonii. *Stephanos, 2(40):* 54—62. (In Russ.).

Brozovich, D. (1970). Dijalekatska slika hrvatsko-srpskog jezičkog prostora. *Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru, 8:* 5—32. (In Serb.).

Brozovich, D. (1985). Suvremeno štokavsko narječje kao plod konvergentnoga jezičnog razvoja. *Hrvatski dijalektološki zbornik, 1/7:* 59—71. (In Serb.).

Ivich, P. (1985). *Dijalektologija srpskokhrvatskog jezika: uvod i shtokavsko narechje*. Novi Sad: Matitsa srpska. (In Serb.).

Ivich, P. (2009). *Srpski dijalekti i njihova klasifikatsija: priredio Slobodan Remetich*. Sremski Karlovci, Novi Sad: Izdavachka knjizharnitsa Zorana Stojanovića. (In Serb.).

Lisac, J. (2003). *Hrvatska dijalektologija 1. Hrvatski dijalekti i govori štokavskoga narječja i hrvatski govori torlačkoga narječja*. Zagreb: Golden marketing — Tehnička knjiga. (In Serb.).

Miloradović, S. (2017). Lingvistićka geografija u Srbiji: jezićki zapisi na kartama i njikhovo ćitanje. *Juzhnoslovenski filolog, 73(3/4):* 113—135. (In Serb.).

Okuka, M. (2008). *Srpski dijalekti*. Zagreb: Prosvjeta. (In Serb.).

Plotnikova, A. A. (2004). *Etnolingvisticheskaya geografiya Yuzhnoy Slavii*. Moskva: Indrik. (In Russ.).

Popovich, I. (2007). *Istorija srpskokhrvatskog jezika*. Beograd: Trebnik; Kragujevats: Lira; Lazarevats: Elvod print. (In Serb.).

Remetich, S. (1997). Srpski jezik u lingvistichkim atlasima. *Slavistika, 1:* 116—120. (In Serb.).

Siatkowski, J. (2004). *Studia nad wpływami obcymi w ogólnosłowiańskim atlasie językowym*. Warszawa: Uniwersitet Warszawsky. (In Pol.).

Tolstoy, N. I. (1997). Iz geografii slavyanskikh slov. In: *Izbrannyye trudy*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. *1:* 122—222. (In Russ.).

Tolstoy, N. I. (1997). Serbskokhorvatskaya leksika na obshcheslavyanskom fone. In: *Izbrannyye trudy*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. *1:* 261—270. (In Russ.).

Vendina, T. I. (2014). *Tipologiya leksicheskikh arealov Slavii*. Moskva: Nestor-Istoriya. (In Russ.).

Vendina, T. I. (2018). Praslavyanskaya leksika na perekrestkakh vremeni i prostranstva. In: *Slavyanskoye yazykoznaniye: doklady rossiyskoy delegatsii XVI Mezhdunarodnogo syezda slavistov*. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN. 60—81. (In Russ.).

Yakushkina, E. I. (2020). Izoglossy leksem praslavyanskogo proiskhozhdeniya v serbskokhorvatskom areale. *Slavianovedenie.* (In print.). (In Russ.).

Yakushkina, E. I. (2020). Opyt rekonstruktsii sinonimicheskikh otnosheniy v praslavyanskoy leksike na serbskokhorvatskom materiale. *Juzhnoslovenski filolo*g. (In print.). (In Russ.).

Литературоведение. Журналистика. Фольклористика
Literary Studies. Journalism. Folklore

Анна Игоревна Матвиенко, канд. филол. наук (Симферополь)
Галина Александровна Солопина, канд. филол. наук (Симферополь)
Зинаида Жантемировна Кудаева, д-р филол. наук (Нальчик)
Зухра Ахметовна Кучукова, д-р филол. наук (Нальчик)
Инна Анатольевна Кажарова, канд. филол. наук (Нальчик)
Ксения Алексеевна Поташова, канд. филол. наук (Москва)
Ксения Владимировна Дементьева, канд. филол. наук (Саранск)
Лиана Бурхановна Берберова, канд. пед. наук (Москва)
Лиана Славовна Хагожеева, канд. филол. наук (Нальчик)
Светлана Викторовна Толкачева, канд. филол. наук (Ижевск)

Дементьева К. В. Медиакоммуникации региона в условиях глобализации и глокализации информационного пространства (на примере СМИ Республики Мордовия) / К. В. Дементьева // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 200—214. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-200-214.

Dementieva, K. V. (2020). Media Communications of the Region in Context of Globalization and Glocalization of Information Space (on Example of Mass Media of the Republic of Mordovia). *Nauchnyi dialog, 8:* 200-214. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-200-214. (In Russ.).

УДК 070:001.92(470.345)
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-200-214

Медиакоммуникации региона в условиях глобализации и глокализации информационного пространства (на примере СМИ Республики Мордовия)

© **Дементьева Ксения Владимировна (2020),** orcid.org/0000-0002-6484-9594, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (Саранск, Россия), dementievakv@gmail.com.

Анализируется воздействие процессов глобализации на развитие информационно-коммуникационного потенциала СМИ в Республике Мордовия. Уточняются и обосновываются такие понятия, как «глобализация», «информационно-коммуникационная глобализация», «содержательность эпохи», «ускорение ритма времени», «глокализация». Приводятся позитивные и негативные последствия воздействия глокальных процессов на развитие региона. Автор, обобщая исследования, посвященные новым медиа, процессам цифровизации информационной системы, выделяет основные факторы глобализации в региональных СМИ. Отмечается количественный рост средств массовой коммуникации в Республике Мордовия и развитие всей системы медиакоммуникаций. Доказывается, что глобализация в СМИ Республики Мордовия так же, как и в других регионах осуществляется через цифровизацию, представленную во всех информационных процессах, в то же время глокализация проявляется в сохранении региональных и национальных особенностей. На основании тематического анализа медиатекстов СМИ Мордовии показано, что подавляющее большинство материалов посвящено событиям в регионе, то есть, с одной стороны, сохраняется высоким интерес аудитории к региональной тематике, а с другой стороны — региональные новости выходят на федеральный и даже мировой уровень. Отмечается, что федеральным сетевым СМИ не удается занять значимое место в регионе и это дает простор для развития местной прессы.

Ключевые слова: глобализация; глокализация; СМИ; медиакоммуникации; медиарынок; Республика Мордовия.

1. Введение

Глобализация стала главнейшей чертой современного мира, оказывающей влияние на развитие информационного потенциала народонаселения планеты. С появлением телекоммуникационных и интернет-технологий мир предстает как единое целое во всем своем разнообразии, подтверждая взаимосвязь и взаимозависимость как национальных рынков, так и организационных структур. В наибольшей степени информационно-коммуникационный аспект глобализации проявляется в процессах интеграции средств массовой коммуникации, распространении глобальных СМИ и интернета. Информационно-коммуникационная глобализация, понимаемая как императив информационного общества и его включенность в сетевое взаимодействие, согласно теории М. Кастельса, охватывает широчайший спектр коммуникационных аспектов, где компьютеризация информации играет приоритетную роль, будь то освоение космоса или повседневное информирование человека. Все это свидетельствует о стремительной диверсификации глобальных информационных сетей.

Для понимания процессов преобразований в указанном выше аспекте весьма существенно обоснование терминов *глобализация* и *глокализация*. Исследование темы глобализации на примере проблем, связанных с обществом рисков, трансформацией политики и национального государства, обществом потребления и др., представлено в работах З. Баумана [Бауман, 2004], Э. Гидденса [Гиддэнс, 2004], Т. Фридмана [Фридман, 2014], У. Бека [Бек, 2001] и др. О трансформациях в сфере журналистики писали Я. Н. Засурский [Засурский, 2012], Е. Л. Вартанова [Вартанова, 2018], И. М. Дзялошинский [Дзялошинский, 2013], С. Л. Уразова [Уразова, 2011; Уразова, 2015] и многие другие отечественные и зарубежные исследователи.

Состояние современных СМИ в Республике Мордовия, в частности, развитие их в интернет-среде, рассматривались в работах Д. А. Бакеевой [Бакеева, 2019], Е. М. Пыреськиной и С. В. Пивкиной [Пыреськина и др., 2019], К. В. Дементьевой [Дементьева, 2015] и др. Несмотря на большое количество исследований, посвященных современным медиакоммуникациям, региональный аспект их развития, в частности в Республике Мордовия, в свете воздействия на них как глобальных, так и глокальных процессов изучен пока еще недостаточно. Например, не получила достаточного освещения проблема трансформации региональных средств массовой информации под воздействием процессов глобализации, а также вопросы их эффективного включения в глобальное информационное пространство. В изучении данных аспектов видится актуальность и научная новизна предлагаемой для рассмотрения темы. Сопоставление собранного теоре-

тического и практического материала, связанного с вопросами функционирования медиасистемы в Республике Мордовия, позволяет разрабатывать подходы к стратегии развития информационной сферы деятельности.

В ходе изучения медиакоммуникации в Республике Мордовия в условиях глобализации и глокализации информационного пространства применялись общенаучные методы системного и структурно-функционального, а также эмпирического анализа. Использовались данные Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций о зарегистрированных в Республике Мордовия СМИ с 2000 года по настоящее время. Изучался контент сайтов СМИ, групп в социальных сетях, каналов на видеохостинге YouTube, а также в мессенджере «Telegram».

2. Процессы глобализации и глокализации в современном информационном обществе

«Новая ситуация в системе массовых коммуникаций сложилась в связи с глобализацией и универсализацией коммуникативного пространства на основе компьютерных систем и сетей» [Новая …, 2001]. Благодаря цифровизации наблюдается ускорение перемещения в пространстве информации, финансов и услуг, происходящее вне зависимости от национальных границ и государственных законов. «Информационное пространство, понимаемое как единство потоков информации, образованных в результате деятельности человека, полностью зависит от глобализационных процессов. Само явление глобализации в этой области определяется функционированием многомерного процесса, базированного на взаимодействии средств распространения и создания информации, которые генерируют принципиально новый уровень информационного влияния на социум при условии сосредоточения на этом совместных усилий. Исходя из этого глобализация характеризуется прежде всего существованием современных технологий, рождающих многообразие произведенной и донесенной до аудитории информации» [Дементьева, 2017, с. 69]. То есть наблюдается «взаимодействие разных средств, источников информации — во-первых, в рамках национальных, во-вторых, в рамках глобальных» [Вольфсон и др., 2017, с. 103].

Глобализация, рожденная постиндустриальной эпохой, объединяет общество, в котором, по мнению французского социолога А. Турена, основополагающим типом деятельности являются коммуникации. Этот тезис косвенно подтверждает и Ф. Ферраротти, полагающий, что «власть в информационном обществе находится в руках тех, кто контролирует сеть общественных коммуникаций» [Там же, с. 93].

В рамках изучения проблемы глобализации часто эксплуатируются такие понятия, как «универсализация», «гомогенизация», «вестернизация», «американизация», «глобальная деревня» и т. д. И если поначалу наблюдалась некоторая тождественность в дефинировании соответствующих терминов, то в настоящее время в них все чаще вкладывают разный смысл, при этом явно доминирующим является именно понятие «глобализация», при этом компонентом, объединяющим все понятия, является признак коммуникационного единства.

В настоящее время глобализацию вполне закономерно считают объективным процессом, который невозможно спланировать или приостановить и над которым человечество потеряло контроль. «Глобализация — просто другое название “нового мирового беспорядка” Джоуитта», — пишет З. Бауман в книге «Глобализация. Последствия для человека и общества» [Бауман, 2004, с. 35]. С этим можно согласиться, так как К. Джоуитт под понятием «новый мировой беспорядок» понимал «мир, в котором существующие границы изменяются; в котором задачей является установление новых национальных / интернациональных границ» [Jowitt, 1992, p. 264], что близко к пониманию современных процессов глобализации. Американские футурологи Д. Нэсбит и П. Эбурдин полагают, что «будущее демократии заключается в интерактивности принятия политических решений с использованием информационно-коммуникационных средств через обсуждение и дискуссии» [Вольфсон и др., 2017, с. 97].

Статистические исследования свидетельствуют о том, что количество накопленной информации многократно превышает возможности отдельного человека по ее переработке и потреблению. Поэтому современный человек «фильтрует» получаемую информацию, ориентируясь на такие ее критерии, отмечаемые Ж.-Ф. Лиотаром, как перформативность (использование в случае полезности) и товарность [Там же, с. 100].

Яркими чертами современной цивилизации, по мнению, выраженному С. П. Капицей в одной из его последних статей, являются содержательность эпохи и ускорение времени. Ученый заключает, что «история измеряется не оборотами Земли вокруг Солнца, а прожитыми человеческими жизнями <…> Сейчас историческая эпоха сжалась до одного поколения» [Капица, 2012]. По подсчетам ученого, десять миллиардов человек проходит по земле примерно за 45 лет, при этом о современном периоде Капица говорит как о «стрессовом, неравновесном состоянии» [Там же]. Однако именно количество связей, контактов между людьми, увеличившееся в информационном обществе, скорость распространения информации, знаний как главного ресурса жизнедеятельности человечества обеспечивают со-

держательность эпохи и тот уровень современного развития, который мы наблюдаем. В частности, С. Л. Уразова пишет, что «социальная потребность в массовой коммуникации, будь то обмен суждениями, информацией, знаниями, коренится в природе человека. На прежних этапах истории технико-технологических возможностей, подобных цифровому времени, не было, а потому стереотип самовыражения камуфлировался» [Уразова, 2015, с. 26]. Иначе говоря, в настоящее время на первый план выступает фигура коммуниканта, а площадкой позиционирования информационного продукта все больше становятся социальные сети.

Процессом, альтернативным процессу глобализации, является глокализация информационного пространства. Термин появился в результате слияния слов *глобализация* и *локализация*, которое характеризует связь, опосредование, соотнесение, сближение всемирного и местного. У. Бек [Бек, 2001], Р. Робертсон [Robertson, 2000] доказывали, что процессы глобализации и глокализации не исключают, а дополняют друг друга: «Глокализация как процесс представляет собой глобализацию локального и локализацию глобального» [Социологический словарь, 2004]. Вместо ожидаемой унификации всего местного усиливается интерес к региональным отличиям, традициям, а само локальное выходит на мировой глобальный уровень.

Сегодня можно утверждать, что происходит смешение различных процессов, ряд из них, или по крайней мере один, обращен к локальному уровню и направлен на сохранение особенностей региона. В этом отношении интересен труд Т. Фридмана [Фридман, 2014], где он обосновывает мысль о том, что в обществе, нивелированном информационными технологиями, идет третий этап глобализации — глобализация среди отдельных людей и их небольших групп.

Среди позитивных факторов воздействия глокальных процессов на развитие регионов стоит выделить следующие: проницаемость, мгновенность информационных и энергетических связей в диапазоне от личности и небольшой социальной группы до глобального уровня. Однако исследователи отмечают и отрицательные черты глокализации. Так, З. Бауман подчеркивает: «То, что для одних — результат свободного выбора, на других обрушивается как жестокий удар судьбы <…> в сообщениях из регионов, ставших жертвами “глокализации”, трудно проследить связь между растущей нищетой, отчаяньем “прикрепленного к земле” большинства и вновь обретенной свободой мобильного меньшинства» [Бауман, 2004, с. 40—41]. Исследователь пишет о взаимозависимости этих двух явлений: стремительно развивающихся, путешествующих по миру, находящих новые способы обогащения глобалистов, «туристов» и прикованных к одному месту «бродяг», которые

в связи с быстро проникающей во все сферы глобализацией могут лишиться своего привычного и комфортного окружения [Там же].

Каждое коммуникационное новшество сближает людей друг с другом, позволяет передавать информацию точнее, оперативнее, полнее. Современный уровень медиакоммуникаций позволяет людям быть полноценными со-участниками коммуникационных процессов — не только потреблять информацию, но и производить ее, оценивать и ретранслировать. В частности, И. М. Дзялошинский отмечает, что «упадок влияния традиционных медиа и мультипликация новых площадок СМИ ведет к снижению интереса к национальным, наднациональным проблемам и повышению внимания к локальным» [Дзялошинский, 2013, с. 343].

Дальнейшее развитие медиакоммуникаций будет все чаще поднимать вопрос о сохранении конкретных культур и традиций, которые исторически были характерны для той или иной страны, то есть актуализировать проблему развития локального и национального как части по отношению к целому.

Однако согласно концепции глокализации объединение информационного пространства и процесс распространения информации не обязательно приведет к унификации и обезличиванию локальных особенностей. Именно благодаря развитию коммуникации у людей в повседневной жизни появляется возможность распространения «разнообразия» в глобальном пространстве. Т. Фридман называет это «глобализацией местного» [Фридман, 2014]. Благодаря возможности социальных сетей, блогов и мессенджеров каждый отдельный пользователь интернета может делиться своими новостями, музыкой, видео, фотографиями и т. д.

Симбиоз глобального и локального можно наблюдать во многих сферах жизни современного социума. Не являются исключением и регионы, где процессы глокализации могут носить особенно продуктивный характер в силу национальной и культурной специфики. Рассмотрим особенности медиакоммуникации в Республике Мордовия с позиций реализации в медийной сфере глобальных и региональных черт развития.

3. Медиакоммуникации в Республике Мордовия

Всего на территории Республики Мордовия осуществляют деятельность 146 СМИ, из них 46 газет, 23 журнала, 3 информационных агентства, 42 сетевых издания, 7 электронных периодических изданий, 1 телепрограмма, 1 радиопрограмма, 7 телеканалов, 16 радиоканалов. При этом в регионе наблюдается рост количества медиа. В 2000 году в республике было зарегистрировано 60 СМИ, в 2010 году — 101, в начале 2019 года — 120.

Кроме того, происходит постоянное наполнение информационного поля сети Интернет. В 2003 году в Мордовии появилось первое электронное периодическое издание, а пик роста подобных медиа пришелся на 2011—2015 годы, в это время было зарегистрировано 11—12 таких изданий, затем их число стало медленно снижаться.

В 2012 году были зарегистрированы первые сетевые издания: «Инновационное образование» и информационное агентство «Вестник Мордовии». Их количество постоянно увеличивалось, и к началу 2019 года сетевых изданий стало 26, а в октябре — уже 42.

Традиционные и электронные СМИ переводят часть своего контента в социальные сети. В начале 2010 года в регионе не было ни одного представительства официально зарегистрированных СМИ в соцсетях. К 2011 году появились первые группы в «Одноклассниках», «ВКонтакте», на «YouTube». В 2012—2013 годах к ним присоединяются «Twitter», «Facebook», «LiveJournal». В 2015 году появляются первые представительства в «Instagram», в 2017 году — в «Telegram» и «Яндекс.Дзен». Несмотря на снижение популярности некоторых платформ («Twitter», «LiveJournal»), наблюдается активное развитие новых сообществ зарегистрированных СМИ во всех перечисленных выше ресурсах.

Таким образом, большая часть медиаресурсов проникает в глобальное информационное пространство через различные социальные сети и мессенджеры. При этом налицо процессы глокализации, когда региональный контент, с одной стороны, выходит на всероссийский и даже мировой уровень (например, посещаемость группы «Столица С» «ВКонтакте» составляет 76,93 % посетителей из Саранска; 23,07 % — из других городов России; 0,5 % —из других стран), а с другой стороны, обогащается за счет внедрения глобальных тенденций. Далее рассмотрим особенности влияния глобализации и глокализации на региональные СМИ.

4. Трансформация региональных СМИ под воздействием глобализации

Глобализация проникает в региональные СМИ благодаря цифровизации. Обобщая все имеющиеся исследования о новых медиа, можно, на наш взгляд, выделить основные факторы трансформации региональных СМИ под воздействием глобализации.

(1) СМИ имеют собственные сайты в Интернете, зарегистрированные или не зарегистрированные официально как СМИ в Роскомнадзоре, полностью идентичные печатному варианту газеты (электронные версии газет) или имеющие уникальную подачу контента. И если в 1990-е годы сай-

ты российских СМИ были скорее их «визитными карточками» [Коноплев, 2017, с. 291], то с начала 2000-х годов отмечается их развитие до полноценных информационных ресурсов, однако данная тенденция в некоторых региональных и муниципальных СМИ Мордовии не реализуется — сайты не выполняют заданных функций.

(2) Кроссмедийность, которая предполагает аналоговое и цифровое использование СМИ. Большая часть региональных изданий Мордовии имеют аккаунты и подписчиков в социальной сети «ВКонтакте», что обусловлено популярностью социальной сети в целом — 57,86 % в июне 2019 года по данным SEO-AUDITOR [Рейтинг …, 2019]. Реже региональные СМИ республики представлены на таких платформах, как Facebook, Twitter, Instagram, YouTube, «Одноклассники». Последнее место в списке занимают:

а) LiveJournal — блог-платформа, взлет популярности которой пришелся на начало 2000-х, а в настоящее время сильно снизился. В начале 2019 года здесь представлено 8 медиа Мордовии, зарегистрированных как СМИ.

б) Telegram — социальная сеть, активно развивающаяся за счет того, что «многие пользователи мобильного интернета активно переключаются на мессенджер Telegram с шифрованным трафиком, считая, что находящейся под постоянным мониторингом ряда специальных надзорных программ (например, СОРМ-2, СОРМ-3) “ВКонтакте” больше нельзя доверять» [Коноплев, 2017, с. 199]. В Мордовии на базе платформы Telegram развиваются некоторые каналы официальных СМИ — всего 8 изданий, а также неофициальные анонимные каналы: «Mordor Offshore» (1,3 тыс. подписчиков), «Мордовский шпиль», «Злой мордвин» и т. д.;

в) ЯндексДзен — платформа, запущенная в 2017 году и формирующая ленту новостей, автоматически подстроенных под интересы пользователей. В Мордовии на данной платформе представлены 8 официально зарегистрированных как СМИ изданий: «Известия Мордовии», «Про Город Саранск», «MORDOVMEDIA» и др. Регулярно выкладывают информацию каналы «Все новости Мордовии и Саранска», «Саранские новости», «Сейчас Саранск» и др.

(3) Интерактивность, которая представлена формами диалогового и полилогового электронного общения, различными опросами, голосованиями, рейтингами и пр. Причем мгновенность обмена мнениями стала доступной именно после появления социальных сетей, где пользователь, не затрачивая определенных усилий, может писать комментарии и участвовать в опросах.

(4) «Освобождение авторства» [Мирошниченко, 2011], когда любой человек может предлагать свою новость СМИ (в частности, через форму обратной связи на сайте или в социальной сети) или сам становится авто-

ром, ведя свой блог. В Саранске наиболее острые темы размещаются в постах сообщества «Саранск. Доска позора», где каждый пользователь может написать о своей проблеме, приложив фото- или видеодоказательства.

(5) Мультимедийность, которая предполагает дополнение текста другими формами подачи информации: аудио, видео, фото, анимацией, графикой и т. д. Одновременно с этим сам текст имеет признаки гипертекстуальности. Все это объединяет зародившийся в Сети жанр лонгрида — содержательной истории, поданной с разбивкой мультимедийными элементами.

(6) Конвергентность, в результате которой происходит интеграция информационных и коммуникативных технологий в один источник. Далеко не всем редакциям региональных СМИ удается в полной мере сочетать вербальный текст, фото, аудио, видео, графику и т. д. Среди лидеров по регулярной и качественной интеграции различных форм подачи информации — «Столица С» и «Известия Мордовии».

(7) Доступность информации и быстрота ее передачи, позволяющие охватывать влиянием широкую аудиторию за небольшой промежуток времени. В связи с ограниченностью новостных поводов и небольшим количеством ньюсмейкеров практически любая уникальная информация мгновенно подхватывается конкурентами и тиражируется во всех СМИ республики.

(8) Возможность дополнения и расширения контента, что позволяет иначе, чем в традиционных СМИ, работать с информацией: в отличие от завершенного печатного выпуска номера сайт онлайн-СМИ или сообщество в социальной сети всегда находятся в процессе дополнения и обновления — выходят свежие новости, а старые могут дополняться комментариями пользователей.

(9) Возможность изучать аудиторию с помощью счетчиков просмотров, лайков, а также различных сервисов для оценки посещаемости вебсайтов и сбора данных о пользователях («Яндекс. Метрика», «Медиатор», Google Analytics и др.).

(10) Трансграничность, которая обусловливает возможность распространения информации вне зависимости от нахождения редакции.

5. Воздействие процессов глокализации на региональные СМИ

Несмотря на активное влияние глобализационных процессов на региональные СМИ, достаточно сильно в региональных медиа представлены и локальные черты.

Во-первых, при тематическом анализе медиатекстов обнаруживается более 95 % материалов о событиях региона. К ним же можно отнести статьи об известных медиаличностях, которые имеют «мордовские корни»

или как-то иначе связаны с республикой (патриарх Кирилл, Ж. Депардье, С. Дужников, О. Маскаев, А. Овечкин, О. Табаков, Н. Сафронов и др.).

Во-вторых, можно отметить «неприживаемость» федеральных сетевых СМИ в республике. С начала 2000-х годов попыток «входа» на медиарынок было много. Например, Министерство печати и информации запускало проект по покупке франшизы газеты «Комсомольская правда», рассчитывая рекламную окупаемость, субсидии и внедряя имиджевый контент, который бы выглядел презентабельно на фоне федеральных материалов. Однако проект оказался неудачным.

Газета «PRO ГОРОД Саранск», входившая в RNTI Media Group, выпускалась тиражом 70 тыс. экземпляров. Печатное издание освещало события социального, культурного, общественно-политического, развлекательного характера, происходящие на территории Республики Мордовия. Попытка вывода печатной версии издания на самоокупаемость и прибыль не была успешной. В Саранске этот проект стал единственным неудачным во всей линейке и проиграл конкуренцию местному СМИ. В данное время действие СМИ приостановлено в связи с отсутствием финансовых средств. Однако продолжает действовать портал издания — pg13.ru. В настоящий момент источник представлен в социальных сетях «ВКонтакте» (более 38 тыс. подписчиков), «Одноклассники» (более 600 участников), Facebook (более 400 подписчиков), Instagram (более 400 подписчиков), Twitter (более 140 читателей), YouTube (более 500 тыс. просмотров).

Еще один федеральный проект — журнал «Антенна-Телесемь» — по тиражам всегда проигрывал местному изданию «ТВ-Неделя Мордовии» (8500 и 9650 экземпляров соответственно), несмотря на более низкое качество контента последней.

Федеральные интернет-порталы mk.ru (сетевое издание «МК в Саранске»), kp.ru практически не размещают новости о Мордовии. Так, на сайте «МК в Саранске» в разделе «Срочная новость» по состоянию на 1 декабря 2019 года размещен материал от 29 августа — «В Мордовии юный герой спас сестру в пожаре».

В то же время местные издания, как имеющие вековую историю, так и появившиеся в 1990-е годы, сохраняют высокие тиражи и успешно адаптируются под требования информационного общества. Устойчивую тенденцию развития местной прессы и «неприживаемости» федеральных проектов можно, на наш взгляд, объяснить следующими взаимосвязанными причинами:

— региональные издания получают дотации от республиканского правительства, осуществляемые не обязательно напрямую, а, например, через систему грантов, поощряющих также неконкурентоспособные материалы;

— отсутствие реальной конкуренции на газетном рынке, незаинтересованность в продажах рекламы, розницы и подписки;

— отсутствие конкурентной среды внутри журналистского коллектива, отсутствие каждодневной необходимости поиска адекватных инфоповодов, подготовки «читабельных» материалов;

— аморфность читательской аудитории.

6. Выводы

Таким образом, в «плоском» мире в условиях «содержательности эпохи» и «ускорения времени» информация и коммуникация определяют развитие общества в целом. На первый план выходят практики распространения информации, управления с помощью нее сознанием общества, влияния на мировые процессы. Фигура коммуниканта становится ключевой, а площадкой позиционирования информационного продукта являются Интернет и социальные сети.

Глокализация, понимаемая как сочетание процессов глобализации и локализации в развитии человечества, проявляется в усилении интереса к региональным отличиям, традициям, а применительно к средствам массовой информации — в выходе региональной тематики на мировой уровень, в доминировании местных СМИ над крупными федеральными проектами.

В целом в Республике Мордовия наблюдается развитие системы медиакоммуникаций. Стремительно увеличивается число официально зарегистрированных в качестве СМИ сетевых изданий, традиционные средства массовой информации расширяют сферу своего влияния за счет перевода части контента в электронный формат: социальные сети, блоги, мобильные мессенджеры. Оперативно, в ногу со временем происходит освоение новых площадок — Telegram, «Яндекс.Дзен», при этом наиболее популярной социальной сетью по-прежнему остается «ВКонтакте».

Глобализация в СМИ Республики Мордовия так же, как в медийную сферу и других регионов, проникает через цифровизацию всех информационных процессов. В то же время глокализация позволяет сохранить региональные и национальные особенности медиасреды: тематический анализ медиатекстов показал, что подавляющее большинство материалов посвящено событиям в регионе. То есть, с одной стороны, сохраняется высокий интерес аудитории к региональной тематике, а с другой стороны — региональные новости выходят на федеральный и даже глобальный уровень, при этом можно отметить невысокий интерес к федеральным сетевым СМИ, пытающимся работать в республике, что дает простор для развития местной прессы.

Литература

1. *Бакеева Д. А.* Интернет-СМИ Республики Мордовия : новые подходы к подаче медиатекстов / Д. А. Бакеева // Трансформация медиасреды в XXI веке : Материалы международной научно-практической конференции / ответственный редактор Д. В. Неренц. — Москва : РГГУ, 2019. — С. 304—309.

2. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. — Москва : Весь Мир, 2004. — 188 с.

3. *Бек У.* Что такое глобализация? / У. Бек. — Москва : Прогресс-Традиция, 2001. — 301 с.

4. *Вартанова Е. Л.* Медиа в контексте общественных трансформаций : к постановке проблемы / Е. Л. Вартанова // МедиаАльманах. — 2018. — № 1 (84). — С. 8—13.

5. *Вольфсон Ю. Р.* Проблема классификации теорий информационного общества / Ю. Р. Вольфсон, А. Е. Вольчина // Современные исследования социальных проблем. — 2017. — Т. 8, № 3. — С. 80—110.

6. *Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. — Москва : Весь мир, 2004. — 120 с.

7. *Дементьева К. В.* Журналистика и глобализация : взаимодействие в современном обществе / К. В. Дементьева // Медиаисследования. Спецвыпуск 2017 : сборник научных и научно-методических работ / под редакцией Т. А. Семилет, И. В. Фотиевой. — Ставрополь : ИП Колмогоров И. А., 2017. — С. 69—72.

8. *Дементьева К. В.* Роль региональной прессы в трансформирующемся социуме / К. В. Дементьева // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. — 2015. — № 4. — С. 28—33.

9. *Дзялошинский И. М.* Медиапространство России : коммуникационные стратегии социальных институтов : монография / И. М. Дзялошинский. — Москва : Издательство АПК и ППРО, 2013. — 479 с.

10. *Засурский Я. Н.* Глобальная структура международной информации / Я. Н. Засурский // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. — 2012. — № 3. — С. 101—115.

11. *Коноплев Д. Э.* Telegram как новая среда коммуникации в СМИ и соцсетях / Д. Э. Коноплев // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2017. — № 3 (25). — С. 198—201.

12. *Мирошниченко А.* Адаптемы медиа. Закат отрасли, расцвет навыка [Электронный ресурс] / А. Мирошниченко // Republic. — 17.10.2011. — Режим доступа : https://republic.ru/future/adaptemy_media_zakat_ otrasli_rast-svet_navyka-689523.xhtml.

13. *Новая* философская энциклопедия : в 4 т. : Интернет-версия издания [Электронный ресурс]. — Москва : Мысль, 2000—2001. — Режим доступа : https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0132ab5aab6b27f749fd8532.

14. *Проективный* философский словарь [Электронный ресурс] / Т. В. Артемьева, И. П. Смирнов, Э. А. Тропп, Г. Л. Тульчинский, М. Н. Эпштейн. — Санкт-Петербург : Международная Кафедра (ЮНЕСКО) по философии и этике СПб Научного Центра РАН, 2002. — Режим доступа : https://projective_philosophy.academic.ru/20.

15. *Пыреськина Е. М.* Региональная журналистика в контексте национальной культуры / Е. М. Пыреськина, С. В. Пивкина // Медиаисследования. — 2019. — № 6. — С. 251—258.

16. *Рейтинг* социальных сетей [Электронный ресурс] // SEO-AUDITOR. 03.07.2019. — Режим доступа : http://gs.seo-auditor.com.ru/socials/.

17. *Сергей* Капица : История десяти миллиардов [Электронный ресурс] // Сноб. — 2012. — № 6 (46). — Режим доступа : https://snob.ru/magazine/entry/49621.

18. *Социологический* словарь [Электронный ресурс] / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. — Москва : Экономика, 2004. — Режим доступа : https://sociological_dictionary.academic.ru/130.

19. *Уразова С. Л.* Конвергенция как фактор жизнеспособности масс-медиа в цифровой среде. Теоретический аспект / С. Л. Уразова // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 5. — С. 287—293.

20. *Уразова С. Л.* Медиакоммуникации в фокусе цифровых трансформаций / С. Л. Уразова // МедиаАльманах. — 2015. — № 6. — С. 21—29.

21. *Фридман Т.* Плоский мир 3.0. краткая история XXI века / Т. Фридман. — Москва : АСТ, 2014. — 640 с.

22. *Jowitt K.* New World Disorder : the Leninist Extinction / K. Jowitt. — Ann Arbor, Michigan : University of California Press, 1992. — 345 p.

23. *Robertson R.* Globalization : Social Theory and Global Culture / R. Robertson. — London : SAGE Publications Ltd, 2000. — 306 p.

Media Communications of the Region in Context of Globalization and Glocalization of Information Space (on Example of Mass Media of the Republic of Mordovia)

© Kseniya V. Dementieva (2020), orcid.org/0000-0002-6484-9594, PhD in Philology, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Ogarev Mordovia State University" (Saransk, Russia), dementievakv@gmail.com.

The article analyzes the impact of globalization processes on the development of information and communication potential of mass media in the Republic of Mordovia. Such concepts as "globalization," "information and communication globalization," "content of the epoch," "acceleration of the rhythm of time," "glocalization" are clarified and justified. The positive and negative consequences of the impact of glocal processes on the development of the region are presented. The author summarizes the research on new media and the processes of digitalization of the information system and highlights the main factors of globalization in regional media. There is a quantitative growth of mass communication media in the Republic of Mordovia and the development of the entire system of media communications. It is proved that globalization in the media of the Republic of Mordovia, as well as in other regions, is carried out through digitalization, which is represented in all information processes, while glocalization is manifested in the preservation of regional and national characteristics. Based on the thematic analysis of the media texts of Mordovia, it is shown that the vast majority of materials are devoted to events in the region, that is, on the one hand, the audience remains highly interested in regional topics, and on the other hand, regional news reaches the federal and even global level. It is noted that the federal network media does not manage to take a significant place in the region and this gives scope for the development of the local press.

Key words: globalization; glocalization; mass media; media communications; media market; Republic of Mordovia.

References

Aberkrombi, N., Khill, S., Terner, B. S. *Sotsiologicheskiy slovar'* (2004). Moskva: Ekonomika. Available at: https://sociological_dictionary.academic.ru/130. (In Russ.).

Artemyeva, T. V., Smirnov, I. P., Tropp, E. A., Tulchinskiy, G. L., Epshteyn, M. N. (2002). *Proektivnyy filosofskiy slovar'.* Sankt-Peterburg: Mezhdunarodnaya Kafedra (YuNESKO) po filosofii i etike SPb Nauchnogo Tsentra RAN. Available at: https://projective_philosophy.academic.ru/20. (In Russ.).

Bakeyeva, D. A. (2019). Internet-SMI Respubliki Mordoviya: novyye podkhody k podache mediatekstov. In: *Transformatsiya mediasredy v XXI veke: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. 304—309. (In Russ.).

Bauman, Z. (2004). *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva.* Moskva: Ves' Mir. (In Russ.).

Bek, U. (2001). *Chto takoye globalizatsiya?* Moskva: Progress-Traditsiya. (In Russ.).

Dementyeva, K. V. (2015). Rol' regionalnoy pressy v transformiruyushchemsya sotsiume. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatelskogo dela, 4:* 28—33. (In Russ.).

Dementyeva, K. V. (2017). Zhurnalistika i globalizatsiya: vzaimodeystviye v sovremennom obshchestve. In: *Mediaissledovaniya. Spetsvypusk 2017: sbornik nauchnykh i nauchno-metodicheskikh rabot.* Stavropol': IP Kolmogorov I. A. 69—72. (In Russ.).

Dzyaloshinskiy, I. M. (2013). *Mediaprostranstvo Rossii: kommunikatsionnyye strategii sotsialnykh institutov: monografiya.* Moskva: Izdatelstvo APK i PPRO. (In Russ.).

Fridman, T. (2014). *Ploskiy mir 3.0. kratkaya istoriya XXI veka.* Moskva: AST. (In Russ.).

Giddens, E. (2004). *Uskolzayushchiy mir. Kak globalizatsiya menyayet nashu zhizn'.* Moskva: Ves' mir. (In Russ.).

Jowitt, K. (1992). *New World Disorder: the Leninist Extinction.* Ann Arbor, Michigan: University of California Press.

Konoplev, D. E. (2017). Telegram kak novaya sreda kommunikatsii v SMI i sotssetyakh. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya, 3 (25):* 198—201. (In Russ.).

Miroshnichenko, A. Adaptemy media. Zakat otrasli, rastsvet navyka. In: *Republic.* 17.10.2011. Available at: https://republic.ru/future/adaptemy_media_zakat_ otrasli_rastsvet_navyka-689523.xhtml. (In Russ.).

Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.: Internet-versiya izdaniya. (2000—2001). Moskva: Mysl'. Available at: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0132ab5aab6b27f749fd8532. (In Russ.).

Pyreskina, E. M., Pivkina, S. V. (2019). Regionalnaya zhurnalistika v kontekste natsionalnoy kultury. *Mediaissledovaniya, 6:* 251—258. (In Russ.).

Reyting sotsialnykh setey. In: *SEO-AUDITOR.* 03.07.2019. Available at: http://gs.seo-auditor.com.ru/socials/. (In Russ.).

Robertson, R. (2000). *Globalization: Social Theory and Global Culture.* London: SAGE Publications Ltd.

Sergey Kapitsa. Istoriya desyati milliardov (2012). In: *Snob, 6 (46).* Available at: https://snob.ru/magazine/entry/49621. (In Russ.).

Urazova, S. L. (2011). Konvergentsiya kak faktor zhiznesposobnosti mass-media v tsifrovoy srede. Teoreticheskiy aspect. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, 5:* 287—293. (In Russ.).

Urazova, S. L. (2015). Mediakommunikatsii v fokuse tsifrovykh transformatsiy. *MediaAlmanakh, 6:* 21—29. (In Russ.).

Vartanova, E. L. (2018). Media v kontekste obshchestvennykh transformatsiy: k postanovke problem. *MediaAlmanakh, 1 (84):* 8—13. (In Russ.).

Volfson, Yu. R., Volchina, A. E. (2017). Problema klassifikatsii teoriy informatsionnogo obshchestva. *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem, 8 (3):* 80—110. (In Russ.).

Zasurskiy, Ya. N. (2012). Globalnaya struktura mezhdunarodnoy informatsii. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika, 3:* 101—115. (In Russ.).

Кажарова И. А. Авторская модальность дидактического текста и читательское восприятие (на материале «Адаба» А. Г. Дымова) / И. А. Кажарова, З. А. Кучукова, Л. Б. Берберова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 215—229. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-215-229.

Kazharova, I. A., Kuchukova, Z. A., Berberova, L. B. (2020). Author's Modality of Didactic Text and Reader's Perception (by Example of A. G. Dymov's "Adab"). *Nauchnyi dialog, 8:* 215-229. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-215-229. (In Russ.).

УДК 82-342+ 821.352.3
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-215-229

Авторская модальность дидактического текста и читательское восприятие (на материале «Адаба» А. Г. Дымова)

© **Кажарова Инна Анатольевна (2020),** orcid.org/0000-0002-7431-0840, SPIN-код 8466-0022, Researcher ID K-2461-2018, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардинской литературы, Институт гуманитарных исследований — филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), barsello@rambler.ru.

© **Кучукова Зухра Ахметовна (2020),** orcid.org/0000-0001-7907-0404, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литератур, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» (Нальчик, Россия), kuchuk60@list.ru.

© **Берберова Лиана Бурхановна (2020),** orcid.org/0000-0002-3729-0238, кандидат педагогических наук, старший преподаватель Департамента языковой подготовки, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Москва, Россия), berberova.liana@yandex.

Рассматриваются аспекты проявления авторской модальности и связанные с этим особенности восприятия дидактического текста. Кратко характеризуется отражение дидактического дискурса в литературоведческой рецепции, аргументируется значимость выявления авторской модальности в нравоучительных текстах, представленных в образовательной литературе. На конкретном материале исследуются формы выражения авторского сознания и специфика восприятия дидактического текста. Показана определяющая роль фоновых знаний в ситуации, когда читатель и автор дидактического сочинения принадлежат к разным эпохам. Формы выражения модальности в представленном материале определяются выбором жанра и особенностями взаимодействия авторского сознания с законами этого жанра, точками зрения, доминирующими в тексте, и закономерностями их взаимодействия, выбором героя и персонажей, степенью категоричности авторского «я». Примеры приводятся из дидактических сочинений А. Г. Дымова («Адаб»),

творчество которого до настоящего времени не рассматривалось с позиции смысловой выразительности задействованного в нем субъекта авторского плана. Несмотря на то, что мера субъективности в дидактическом тексте, предназначенном для образовательных целей, должна быть минимальной, а их эстетика может быть непритязательной, на конкретном материале доказано, что распознание форм авторской модальности позволяет не только конкретизировать ценностные установки автора, но и во многом судить о причинах, удерживающих внимание при чтении подобных текстов.

Ключевые слова: дидактический текст; Адам Дымов; ценностные установки; авторская модальность; читательское восприятие; жанр; герой; персонаж.

1. Введение

Дидактический дискурс представлен в письменной культуре весьма широко, это и древние памятники письменности, и собственно художественная литература, и нравоучительные тексты образовательных изданий. Разумеется, дидактические произведения, представленные в учебных книгах, могут быть успешно позаимствованы из области художественной литературы, однако предметом нашего внимания стал именно второй случай: образцы нравоучительных текстов, написанные в русле учебной литературы. Не исключено, что подобные образцы способны менять свой статус — переходить в разряд литературных шедевров, но чаще всего претензии на такой переход отсутствуют, в то же время суггестивность, которая нередко характеризует подобные сочинения, способна пробудить интерес к их структуре, и в первую очередь к одной из центральных категорий исследования текста — авторской модальности. Мы намеренно заимствуем понятие из области теории текста, поскольку оно представляется более объемным, способным включить в себя такое литературоведческое понятие, как «субъект авторского плана» (С. Бройтман) и все его разновидности: рассказчик, образ автора, повествователь. По точному замечанию С. С. Ваулиной и О. В. Девиной, «…особенность содержания термина *авторская модальность* заключается <…>, в видовом положении авторской модальности по отношению к родовому — субъективной модальности» [Ваулина и др., 2010, с. 9].

Небольшие по объему, содержательно и художественно непритязательные, поучительные произведения, предназначенные лишь для учебников, мало привлекают интерес литературоведов. Вообще надо сказать, что как таковой дидактический дискурс сложно назвать активно исследуемым. Возможно, в отечественной культуре это связано с тем, что наиболее поздний период его популярности оставил далеко не однозначное впечатление. Оценивая его проявления в художественной литературе XX века, авторы «Литературной энциклопедии» подводят такой итог: «Высокая дидактика классицизма, основанная на религиозно-философских традициях, имела

бо́льшую суггестивную силу, чем в соцреализме, где в силу идеологической ограниченности вызывала протест, иронию и эстетический бунт, выразившийся в русском неомодернизме 1960-х» [ЛЭ, 2001, с. 231].

Пусть не в области отечественного литературоведения, но все же определенные шаги к тому, чтобы признать существенность дидактического дискурса в ряду других нарративных типов, совершались. Упоминание об этом можно встретить в рассуждениях авторов четырехтомной «Теории литературы» о методах классификации жанров. Ссылаясь на монографическое разыскание П. Хернади, которое стало, «по мнению российских и западных исследователей жанра, одной из наиболее значительных попыток в сфере построения новых систем классификации» [Теория …, 2003, с. 111], они отмечают: «…сделанная П. Хернади классификация типов дискурса до некоторой степени традиционна: она включает лирический, драматический и повествовательный типы. *Новым является добавление «тематического типа», ориентированного на риторические, дидактические формы речи*» (курсив наш. — *И. К., З. К., Л. Б.*) [Там же, с. 114].

Вряд ли будет ошибкой сказать, что дидактический дискурс не предполагает особой свободы в проявлении авторской индивидуальности. В данном случае законы жанра выдвигают на первый план не возможность самовыражения, а те «концепты героя и картины мира» (В. Тюпа), которые связаны с задачами познания и воспитания. Но сколь бы неприметен ни был субъект авторского плана в дидактическом тексте, он вызывает особый интерес в тех случаях, когда речь заходит о творчестве новатора. Тогда авторская модальность может оказаться главным «инструментом» выявления личностных ориентиров автора. Необычным и, несомненно, новаторским для своего времени явилось творчество адыгского просветителя, новометодника, одного из лидеров так называемого «Баксанского культурного движения» Адама Гафаровича Дымова (1878—1937). Его дидактические тексты будут рассмотрены в нашей работе с точки зрения авторской модальности.

2. Читательская рецепция и фоновые знания

Сочинения, о которых пойдет речь, объединены общим арабоязычным названием «Адаб». Как поясняет З. М. Налоев, «Адаб — это круг знаний, который необходим образованному светскому человеку. В этот круг могут войти и поэзия, и религиозные догмы, и нравственные принципы (этикет), и история, и философия и т. д. Он имеет определенную дидактическую направленность» [Адаб …, 1991, с. 41]. В данном случае «Адаб» входил в перечень книг, по которым Адам Дымов обучал детей в своем новометодном медресе. По свидетельству современников, первое издание дымовского

«Адаба» датируется 1914 годом, вышло оно в Каире, на арабском языке одной книгой, а второе — в трех небольших книжках на кабардинском языке с использованием арабской графики — вышло в Кабарде, в «Типографии братьев Дымовых». До наших дней дошли только первые две части, год издания обеих — 1918. Иными словами, перед нами один из ранних образцов национальной письменности, педагогики и книгопечатания кабардинцев.

Уже при беглом взгляде на заголовки произведений, составивших «Адаб», можно заметить, что рассказы религиозного содержания перемежаются с рассуждениями морально-нравственного характера. Также можно констатировать, что немалое количество текстов построено в форме вопросов и ответов. Конечно, ничего необычного в этом нет: первое вполне соответствует принципам конфессионального образования, второе — традициям дидактического повествования. Но «если отвлечься от дидактической упрощенности этих текстов <…> то можно констатировать, что конфессиональная компонента их концепции непротиворечиво перетекает в светскую и наоборот. То есть, по сути, преодолевается умозрительность религиозных постулатов» [Кажарова, 2014, с. 37]. Для читательского восприятия, абстрагированного от культурного контекста того времени, новаторство и непривычность мировоззрения и образовательных принципов, в рамках которых формировалась дидактическая литература, подобная «Адабу», скорее всего, останется незамеченной. Чтобы составить хотя бы приблизительное представление о том эффекте, которое в свое время производили подобные сочинения и их авторы, стоит привести характерный «отклик» представителей старометодного образования: «Не отдавайте своих детей в школу Дымова, он погубит их, *он обучает их не языку имана* (вера в истинность ислама. — *И. К., З. К., Л. Б.*), *а совсем другим вещам*!» (курсив наш. — *И. К., З. К., Л. Б.*) [Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, № 663-ф/55].

Можно сразу сказать, что полнота восприятия ценностных установок, которые мы надеемся определить через авторскую модальность, в дидактическом тексте видится довольно проблематичной. Тот очевидный факт, что автор проецирует свое произведение на читателя, в случае с подобными текстами имеет некоторую специфику: автор проецирует свое произведение на читателя определенного типа.

Действительно, всякий разговор о модальности текста становится возможным благодаря функциональности читательского восприятия. Вот как пишет об этом Н. С. Валгина: «*Восприятие личности автора через формы ее воплощения в тексте — процесс двунаправленный. Он сориентирован на взаимоотношения автора и читателя* (курсив наш. — *И. К., З. К., Л. Б.*). Модальность текста — это выражение в тексте отношения автора

к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю» [Валгина, 2003, с. 58]. В свете того, что установка автора дидактического текста коррелирует с установками определенного читателя, а наш современник существенно отдален во времени от автора и того социокультурного континуума, который генерировал его идеи, возрастает важность компонента читательской рецепции, который обозначают как фоновое знание — «предварительное знание, дающее возможность адекватно воспринять текст» [Валгина, 2003, с. 8].

В круге фоновых знаний в первую очередь обозначится то, что дидактика А. Дымова основана на религиозных традициях, — это самая первичная и элементарная информация, она становится очевидной в процессе чтения. Менее очевидное и находящееся «за пределами текста как результат знания и опыта составителя текста» (Н. Валгина) — то, что сочинения А. Дымова появлялись под влиянием идей исламского реформаторства рубежа XIX — XX веков. В Российской Империи оно воплотилось в движении джадидизма (от арабского усул-и-джадид — «новый метод»), или, как его иногда называют, — новометодничества. Определяющей для сторонников этого движения была тенденция «модернизации ислама, одним из основополагающих моментов которой выступала реформа исламского образования, что, в свою очередь, предполагало изучение наряду с арабским языком и конфессиональными дисциплинами родного языка и светских дисциплин» [Кажарова, 2017, с. 23]. Останавливаться на истории джадидизма мы не станем, его аспекты подробно освещены в научной литературе [Гафаров, 2014; Сенюткина, 2018], скажем только, что тип и уровень полученного А. Дымовым образования (конфессиональное высшее; выпускник Каирского духовного университета аль-Азхар) косвенно свидетельствует о глубине восприятия им культурнических идей исламского реформаторства.

Также важно не упустить, что творчество А. Дымова представляет народно-демократическую традицию литературы кабардинцев, именно она формировалась под влиянием культуры Востока; другая традиция, которую условно называют «аристократической», складывалась под российским и европейским культурным влиянием.

В данном случае восточная доминанта объясняет и оправдывает обилие арабских слов, которое бросается в глаза при чтении «Адаба», причем большинству из них можно было бы легко подобрать соответствие в родном языке, но автор этого не сделал. Учитывая «школьное» предназначение рассматриваемого сочинения, можно предположить, что обилие этих слов служит задаче более быстрого введения обучаемых в арабский

языковой континуум (ведь знание арабского — фундамент мусульманского образования). Однако обилие арабских слов наблюдается также в текстах корреспондентов первой кабардинской газеты «Адыгское слово». Значит, дело не только в закреплении языковых знаний. Скорее всего, в контексте обозначенной культурной традиции это был вполне привычный лексикон, не нуждающийся в дополнительных пояснениях. В этом лексиконе прочитывается «рецептивная установка адресата, коррелирующая с коммуникативной инициативой говорящего субъекта» (В. Тюпа), также просматривается некая система ценностей, с которыми эти знания ассоциировалось, включенность наставника и его учеников в объединяющее их ментальное поле.

О том, какое впечатление производили тексты «Адаба» на юных учеников А. Дымова, нам неизвестно, прямых свидетельств, к сожалению, не сохранилось. Но есть косвенные доказательства плодотворности его подходов и востребованности его сочинений. Так, многие из числа тех, кто начинал свой образовательный путь в новометодной школе А. Дымова, добились заметных результатов в развитии культуры родного этноса, а по его новометодным учебникам, отвергаемым представителями классической системы конфессионального образования, тем не менее, успешно обучались воспитанники ряда медресе Кабарды [Налоев, 2009, с. 582].

3. Формы выражения авторской модальности в текстах «Адаба» А. Дымова

Как представляется нам, самый верхний уровень рассмотрения авторской модальности определяется выбором жанра и особенностями взаимодействие авторского сознания с законами этого жанра.

Как мы уже сказали, основу дымовского «Адаба» составляют небольшие по объему рассказы. Бóльшая часть из них религиозного содержания, в основном это краткие переложения некоторых хадисов (преданий о жизни и высказываниях пророка Мухаммеда). Также сюда включены миниатюры морально-нравственного содержания, которые могут содержать религиозные сентенции, а могут обходиться и без них. Помимо указанных двух содержательных типов, в «Адабе» встречаются образцы изложения сути и последовательности некоторых исламских обрядов.

Заметим, что в выборе жанра А. Дымов заметно отходит от предпочтений своих предшественников. К слову, дидактические сочинения Умара Берсея [Антология …, 2010, с. 171—174] и Паго Тамбиева [Антология …, 2010, с. 220—222] представляют собой творческое переложение европейских басен, восточных сказок и адыгского фольклора.

Прекрасный знаток европейской и восточной литературы, ценитель адыгского фольклора А. Дымов к жанру басни и сказки не обращается вообще. Он идет по другому пути, видимо, не желая нарушать риторику и формы, которые в тот период устанавливались для начальной ступени конфессионального образования в рамках реформаторского течения. Его творческая свобода проявляется лишь в том, что он позволяет себе назидательные рассказы собственного сочинения. Думается, поступил он так еще и потому, что «личное присутствие» в этих текстах его самого (в форме авторского «я» или же в образе наставника, показанного в третьем лице) было для него значимо.

Краткие переложения хадисов соседствуют с рассказами, построенными в диалогической форме. Как констатирует Ф. Ш. Ошнокова, «Дымов излагает правила хорошего тона доходчиво, в форме вопросов и ответов, обращаясь к детям со словами “мой младший брат”» [Дымов, 2003, с. 10]. Справедливо заметить, что подобная форма повествования (вопросы и ответы) имеет выраженную параллель в европейской дидактической литературе. Это популярный некогда жанр разговора. Так, «персонажи разговора ведут между собой непринужденную беседу на различные нравственные и общественные темы с целью поучения светской публики. Нередко наставительные разговоры перерастают в кодекс поведения» [ЛЭ, 2001, с. 846]. Эти характеристики близки и к текстам «Адаба».

В этом «разговорном контексте» доминирующей можно назвать форму авторской модальности, свойственную эйдетической поэтике. Определяя особенности личностного сознания в эйдетической поэтике, С. Н. Бройтман пишет, «что оно зиждется на неавтономной причастности человека Богу и миру» [Теория …, 2004, Т. 2, с. 222]. Логично, что данный принцип обусловливает и типичную для эйдетической поэтики точку зрения автора. Оперируя терминологией М. М. Бахтина, С. Н. Бройтман конкретизирует ее следующим образом: «… риторическое слово “аргументирует с точки зрения “третьего”: индивидуально-глубинные пласты в этом не участвуют”. Позиция “третьего” и есть та внешняя (“публичная”) и привилегированная точка зрения, с которой в эйдетической поэтике открывалась абсолютная перспектива видения реальности» [Теория …, 2004, Т. 2, с. 225]. Но сказать, что эйдетическая модальность и обусловленная ею точка зрения объединяет все рассказы «Адаба», было бы не совсем точно. Она открывает это сочинение, задает ему определенную интонацию, а потом спорадически проявляется в рассказах о жизни пророка. Вот как начинается «Адаб»:

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. И благодарность, и хвала Ему, Аллаху Единому. Мухаммеда-пророка, открывшего нам частицу света на нашем пути, Аллах да благословит!

Боже наш единый, всех одаряющий, благо этого прекрасного дара пусть не прервется! [Антология …, 2010, с. 238].

«Привилегированная точка зрения» обозначена с самого начала, однако, как мы увидим далее, модальность автора также найдет возможность проявления, и в этих проявлениях можно будет обнаружить некоторые особенности.

Итак, вполне типовое формульное вступление перетекает в диалог «Все сотворено Аллахом». Короткие вопросы и короткие ответы. То и другое совершенно безлично. Но уже в следующем рассказе («Все даровано Аллахом») можно наблюдать, как вопросы и ответы становятся более развернутыми, а вместе с этим уменьшается и степень безличности того, кто эти вопросы задает. Намечается, если воспользоваться терминологией В. И. Тюпы, глоссализация высказываний, «эффект распределенности текста между несколькими голосами» [Теория …, 2004, Т. 1, с. 31]. В какой-то момент, наконец, проступает «лицо» наставника: *Если все это тебе уже понятно, то ответь на вопрос, который* ***я*** *тебе задам* [Антология …, 2010, с. 239]. Но это «я», если можно так выразиться, совершенно неразвернутое. Его интенции намечаются в следующем рассказе («Что нравится и не нравится Аллаху»). Теперь мы можем уточнить, что это не просто некий наставник, а помощник, подсказчик:

…все, подобное этому, не угодно Аллаху, порицается им. Но кто же дал тебе знание о том, что то, о чем мы только что сказали, Ему не нравится, а то, о чем говорили до этого — нравится?

Ответить на этот вопрос будет тебе затруднительно. Я подскажу тебе ответ: когда Аллах, у которого нет сотоварищей, создавал людей, он избрал, озарил некоторых из них. Он дал им знание о том, что ему любо, а что нет, сделал их посланниками, которые должны сообщить нам Его волю, поделиться с нами своими знаниями, наставить на верный путь. Зовутся они расулами, что значит "посланники"» [Антология …, 2010, с. 239].

Именно в этом диалоге впервые проявляется и степень категоричности авторского «я». Причем в «Адабе» она колеблется очень редко: наставник этот не требует и указывает, а подводит ученика к самостоятельным суждениям и при необходимости дает ему подсказки.

Основным героем его повествования и главной поведенческой моделью для подражания становится расул — пророк Мухаммед. Ничего необычного для исламского дидактического текста в этом нет, но примечательно, что одновременно с развитием «темы расулов» проявляемое до этого лишь изредка «я» наставника и подразумеваемое «вы» учеников

сменяется ярко выраженным «мы», определяющим общий, сплачивающий контекст существования и расулов, и наставника, и его учеников. Так же примечательно, что именно в этом контексте впервые звучит обращение наставника к своему ученику — «мой младший брат» и уже прочно закрепляется в последующих рассуждениях. Такая форма обращения в очередной раз подтверждает сказанное немного выше о степени категоричности авторского «я», но, кроме того, эта форма обращения ставит его если и не на одну ступень с учениками, то, во всяком случае, делает к ним гораздо ближе, чем просто наставник. Такова в «Адабе» точка зрения авторского «я», которая существует параллельно «привилегированной внешней точке зрения».

Примечательно, как в сплачивающем контексте существования происходят плавные переходы от рассуждений о совершенствах расула к мотиву школьного прилежания:

Посланник Аллаха, да будет он благословен, что бы ни делал или ни говорил, во всем был человеком честным. И таким он был с самого детства.

Так вот, если мы будем честными, будем брать с него пример, то и посланник Аллаха, с кого мы берем пример, и тот, кто его к нам направил, полюбят нас; мы обретем уважение и внимательное отношение к себе людей, все это, словно рубашка, которая никогда не износится, останется при нас навсегда.

Послушай, мой младший брат! Когда ты опаздываешь в школу, и учитель спрашивает тебя «Почему ты задержался?», — а ты скрываешь истинную причину, то честным считаться не можешь. <…>

Если ты разбил чернильницу, а вину перекладываешь на другого, видишь, как того наказывают, и молчишь, то честным [называться] не можешь, мой брат! [Антология …, 2010, с. 241].

Подобные переходы можно наблюдать и во второй части «Адаба», к слову, таковы рассказы «Счастье верности», «Благонравие посланника». Можно сказать, что присутствие в них «привилегированной внешней точки зрения» («*Чтобы Аллах был нами доволен...*») задает инерцию восприятия назидательных миниатюр из числа тех, в которых религиозные сентенции отсутствуют.

Разумеется, во всех эпизодах, в которых просматривается образ автора, его присутствие минимизировано. Таковы требования жанра. Можно назвать только одно исключение — это рассказ «Сдержанность», в котором образ автора представлен более развернуто. Автор позволяет себе поместить в центр повествования собственный опыт, при этом обойтись без религиозных сентенций и отсылок к образу пророка: *Как-то раз пошел*

я повидаться с одним лекарем. Подсел к тем, кто ожидал своей очереди к нему. Кто-то из них вздыхал, кто-то громко стонал, а были и те, кто сидел спокойно, словно и не болит у них ничего.

Пришел лекарь и каждого принял. Прописал им лекарства. «А что беспокоило тех, кто сидел тихо?», — спросил я его после.

«Их болезни намного глубже и тяжелее, чем у тех, что вздыхали да стонали, однако терпение, сдержанность их велики, — ответил он. — Их терпение убеждает нас в том, как велики в них надежда, смелость, мудрость» [Антология …, 2010, с. 251].

От эпизода из частной жизни автор переходит к наблюдениям из школьной практики: один ученик, очиняя перо, поранил палец, да так при этом разорался, что вызвал укор своих товарищей. А было и такое, что двое учеников, играя в мяч, столкнулись, и один из них упал на землю. Понятно было, что ему очень больно. Однако он не подал виду: *Из учащихся побеждает тот, кто без жалоб, без лишних слов преодолевает трудности. Кто терпелив к трудностям, тот хорошо справляется с любым поручением. И став взрослым, если не сможет избежать чужого притеснения, то найдет силы терпеливо его переносить. Разве бывает так, чтобы человек никогда не встречался с чем-то досадным? Не бывает* [Антология …, 2010, с. 251]. В основу сюжета, как было сказано, положены личные наблюдения наставника. Свободно излагая их от первого лица, он сопоставляет, рассуждает, подводит к определенному выводу. Личность автора присутствует, но не довлеет. Делясь своими наблюдениями, он не акцентирует собственное «я», не делает свою личность примером для подражания.

Как подчеркивает Е. Ю. Донскова, «…авторская модальность может быть представлена не прямо, а опосредованно — через персонажную сферу» [Донскова, 2015, с. 38]. В этом плане стоит заметить, что, помимо пророка, который оказывается главным героем «Адаба», наличествуют и некоторые персонажи: это ученики и наставник, при этом повествование ведется от третьего лица, и, соответственно, несколько меняется точка зрения. Таков рассказ «Человечность» из второй части «Адаба». Он также диалогичен, однако, благодаря ремаркам от третьего лица, здесь возникает иллюзия наблюдения за происходящим со стороны. Этот рассказ, поделенный на три части, самый развернутый в «Адабе». Видимо, основное внимание обучающихся должно было задерживаться именно на нем.

Ученики, отвечая на поставленный вопрос, приводят различные примеры проявления человечности, постепенно продвигаясь от простых историй к более сложным. Примечательно, что, дополняя и оценивая истории

детей, наставник поэтапно подводит их к идее человечности через социальные мотивы, а религиозные отсылки вынесены в самое последнее предложение рассматриваемого произведения. Надо сказать, что наставник в качестве персонажа максимально приближен к «образу автора», «прототипом которого служит для создателя произведения он сам как «внехудожественная» личность — как частное лицо с особой биографией <…> и как человек определенной профессии» [Введение …, 2006, с. 306].

В отношении «персонажной сферы», опосредующей авторскую модальность, также стоит обратить внимание на ряд текстов, в которых разъясняется порядок совершения намаза, посещения мечети и прочее подобное. Это четыре миниатюры, которыми завершается первая часть «Адаба». Построены они в форме оживленной беседы мальчика и девочки («Сулейман и Зейнаб спрашивают друг друга»). В этой беседе ненавязчиво вскрываются различия в соблюдении мужчинами и женщинами некоторых мусульманских традиций. Казалось бы, ничего особенного, назначение этих текстов чисто практическое, и проявиться авторской модальности здесь вроде бы не в чем. Однако ввиду того, что «Адаб» создавался новометодником, а именно в русле новометодного образования впервые в исламской культуре вводилось совместное обучение мальчиков и девочек, становится ясно, что диалог мальчика и девочки Дымову был необходим.

В конкретном случае диалог несет определенную ценностную нагрузку даже безотносительно к его содержательным моментам. Совместное обучение мальчиков и девочек наряду с введением светских предметов составляет один из «щепетильных сюжетов» новометодного образования. Против такого обучения активно выступали сторонники старых методов. Включение диалога (вернее, серии диалогов) между мальчиком и девочкой подчеркивает мировоззренческую позицию автора. Дымов демонстрирует свою приверженность новой, прогрессивной системе ценностей. Но он не забывает при этом о главном: о том, как следует понимать этот «сюжет» основному адресату его сочинения, в какое русло лучше направить его восприятие. Непривычную для учеников ситуацию совместного присутствия в медресе мальчиков и девочек он оформляет очень изящно. Беседуя, мальчик и девочка обращаются друг к другу «мой брат», «моя сестра». И это не просто фигура красноречия и не надуманная модель поведения. Дымов подразумевал реальных брата и сестру, ведь не случайно он наделяет этих персонажей именами своих детей — Сулейман и Зейнаб. Безусловно, в подобном именовании был способ воздействия на читателя, ради которого он сочинял эти тексты, ведь ученики скорее всего знали, что у этих персонажей есть прототипы.

4. Заключение

Бесспорно, что дидактическое сочинение А. Г. Дымова, будучи, как мы упоминали, одним из ранних образцов национальной письменности, педагогики и книгопечатания кабардинцев, представляет интерес с точки зрения истории литературы. Однако притягательность «Адаба», которая обнаруживается при чтении этого эстетически непритязательного и содержательно «неактуального» уже произведения, не может быть понята вне его рассмотрения с позиций главного фактора выразительности — авторской модальности.

Несмотря на то, что мера субъективности в нравоучительном произведении, предназначенном для образовательных целей, должна быть сведена к минимуму, анализ модальности позволяет выявить даже в таком специфическом дискурсе, как дидактический, разнообразие форм присутствия авторского «я» в тексте.

Всякий эпизод, связанный с выражением в «Адабе» авторского «я», заставляет читателя мысленно обращаться к личности автора. В этом плане нам видится функциональной выявленная здесь степень категоричности авторского «я». При явной выраженности религиозной компоненты автор нигде не ораторствует, нет никакой выспренности, только спокойная констатация, располагающая к себе слушателя и читателя. Что касается всех остальных аспектов — выбор жанра и особенности взаимодействия авторского сознания с его законами, доминирующие в тексте точки зрения и закономерности их взаимодействия, выбор героя и персонажей, — то они очевидны лишь для читателя-исследователя.

Источники и принятые сокращения

1. ЛЭ — *Литературная* энциклопедия терминов и понятий / ред. А. Н. Николюкин. — Москва : Интелвак, 2001. — 799 с.

2. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН — *Фоноархив* Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. О Дымове Адаме. Информатор Р. А. Дымова. Звукозапись З. М. Налоева. № 663-ф/55.

Литература

1. *Адаб* баксанского культурного движения / сост. З. М. Налоев. — Нальчик : Эльбрус, 1991. — 440 с.

2. *Антология* ранней адыгоязычной литературы / сост. З. М. Налоев. — Нальчик : КБИГИ, 2010. — 352 с.

3. *Валгина Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003. — 173 с.

4. *Ваулина С. С.* Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) / С. С. Ваулина, О. В. Девина // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — 2010. — № 8. — С. 8—13.

5. *Введение* в литературоведение / ред. Л. В. Чернец. — Москва : Высшая школа, 2006. — 680 с.

6. *Гафаров А. А.* Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX — начало XX вв.) / А. А. Гафаров. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014. — 564 с.

7. Донскова Е. Ю. Образ автора и «точка зрения» в аспекте модальности художественного текста / Е. Ю. Донскова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. — 2015. — Вып. 4 (168). — С. 35—39.

8. *Дымов А. Г.* Избранное / А. Г. Дымов. — Нальчик : Эльбрус, 2003. — 124 с.

9. *Кажарова И. А.* Кабардинская поэзия XX века : актуализация идеала / И. А. Кажарова. — Нальчик : Печатный двор, 2014. — 176 с.

10. *Кажарова И. А.* Становление идеала совершенного человека в адыгской письменности начала XX века (на материале сочинений А. Г. Дымова) / И. А. Кажарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 7—2 (73). — С. 23—25.

11. *Налоев З. М.* Этюды по истории культуры адыгов / З. М. Налоев. — Нальчик : Эльбрус, 2009. — 656 с.

12. *Сенюткина О. Н.* Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки) / О. Н. Сенюткина // Исламоведение. — 2018. — Т. 9, № 2 (36). — С. 15—29.

13. *Теория* литературы : в 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / ред. Н. Д. Тамарченко. — Москва : Академия, 2004. — 512 с.

14. *Теория* литературы : в 2 т. Т. 2. Историческая поэтика / ред. Н. Д. Тамарченко. — Москва : Академия, 2004. — 368 с.

15. *Теория* литературы : в 4 т. Т. 3. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении) / ред. Ю. Б. Борев [и др.]. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — 592 с.

Author's Modality of Didactic Text and Reader's Perception (by Example of A. G. Dymov's "Adab")

© Inna A. Kazharova (2020), orcid.org/0000-0002-7431-0840, SPIN-код 8466-0022, Researcher ID K-2461-2018, PhD in Philology, senior research scientist, Sector of Kabardian Literature, The Institute for the Humanities Research — Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment "Federal Scientific Center "Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" (Nalchik, Russia), barsello@rambler.ru.

© Zukhra A. Kuchukova (2020), orcid.org/0000-0001-7907-0404, Doctor of Philology, professor, Department of Russian and Foreign Literatures, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov" (Nalchik, Russia), kuchuk60@list.ru.

© Liana B. Berberova (2020), orcid.org/0000-0002-3729-0238, PhD in Education, senior lecturer, Department of Language Teaching, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation" (Moscow, Russia), berberova.liana@yandex.

Aspects of the author's modality manifestation and related features of didactic text perception are considered. The authors briefly describe the reflection of didactic discourse in the literary

reception, argue the importance of identifying the author's modality in the moralizing texts presented in the educational literature. Based on a specific material, the authors study the forms of expression of the author's consciousness and the specifics of perception of the didactic text. The defining role of background knowledge in a situation when the reader and the author of a didactic work belong to different eras is shown. Expressions of modality in the present article are determined by the choice of genre and interaction between the author's consciousness with the laws of the genre, points of view dominant in the text and the regularities of their interactions, the choice of character and characters, the degree of categoricity of the author's "I." Examples are given from the didactic works of A. G. Dymov ("Adab"), whose work has not yet been considered from the position of semantic expressiveness of the subject of the author's plan involved in it. Despite the fact that the measure of subjectivity in a didactic text intended for educational purposes should be minimal, and their aesthetics can be unassuming, it is proved on a specific material that the recognition of forms of author's modality allows not only to specify the author's value attitudes, but also to judge in many ways the reasons that hold attention when reading such texts.

Key words: didactic text; Adam Dymov; value attitudes; author's modality; reader's perception; genre; hero; character.

Material resources

Fonoarkhiv IGI KBNTs RAN — *Fonoarkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. O Dymove Adame. Informator R. A. Dymova*. Zvukozapis' Z. M. Naloeva. №663-f/55. (In Russ.).

LE — Nikolyukin, A. N. (ed.). (2001). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*. Moskva: Intelvak. (In Russ.).

References

Borev, Yu. B. (et al.). (eds.). (2003). *Teoriya literatury. Rody i zhanry (osnovnyye problemy v istoricheskom osveshchenii)*. Moskva: IMLI RAN. 4/3. (In Russ.).

Chernets, L. V. (ed.). (2006). *Vvedenie v literaturovedenie*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

Donskova, E. Yu. (2015). Obraz avtora i «tochka zreniya» v aspekte modalnosti khudozhestvennogo teksta. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: filologiya i iskusstvovedenie, 4 (168)*: 35—39. (In Russ.).

Dymov, A. G. (2003). *Izbrannoye*. Nalchik: Elbrus. (In Russ.).

Gafarov, A. A. (2014). *Rossiyskie musulmane v kontekste obshcheislamskoy modernizatsii (XIX — nachalo XX vv.)*. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta. (In Russ.).

Kazharova, I. A. (2014). *Kabardinskaya poeziya XX veka: aktualizatsiya ideala*. Nalchik: Pechatnyy dvor. (In Russ.).

Kazharova, I. A. (2017). Stanovlenie ideala sovershennogo cheloveka v adygskoy pismennosti nachala XX veka (na materiale sochineniy A. G. Dymova). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 7—2 (73)*: 23—25. (In Russ.).

Naloev, Z. M. (2009). *Etyudy po istorii kultury adygov*. Nalchik: Elbrus. (In Russ.).

Naloev, Z. M. (ed.). (1991). *Adab baksanskogo kulturnogo dvizheniya*. Nalchik: Elbrus. (In Russ.).

Naloev, Z. M. (ed.). (2010). *Antologiya ranney adygoyazychnoy literatury*. Nalchik : KBIGI. (In Russ.).

Senyutkina, O. N. (2018). Dzhadidizm kak chast' rossiyskogo islamskogo diskursa (sovremennyye istoriograficheskie otsenki). *Islamovedenie, 9 (2)*: 15—29. (In Russ.).
Tamarchenko, N. D. (ed.). (2004). *Teoriya literatury. Istoricheskaya poetika*. Moskva: Akademiya. 2/2. (In Russ.).
Tamarchenko, N. D. (ed.). (2004). *Teoriya literatury. Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika*. Moskva: Akademiya. 2/1. (In Russ.).
Valgina, N. S. (2003). *Teoriya teksta.* Moskva: Logos. (In Russ.).
Vaulina, S. S., Devina, O. V. (2010). Avtorskaya modalnost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya (k postanovke problemy). *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, *8*: 8—13. (In Russ.).

Кудаева З. Ж. Жанровые свойства и типы адыгских топонимических преданий / З. Ж. Кудаева, Л. С. Хагожеева // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 230—242. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-230-242.

Kudaeva, Z. Zh., Khagozheeva, L. S. (2020). Genre Features and Types of Adyghe Toponymic Legends. *Nauchnyi dialog, 8:* 230-242. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-230-242. (In Russ.).

УДК 398.2(=352.3)
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-230-242

Жанровые свойства и типы адыгских топонимических преданий

© Кудаева Зинаида Жантемировна (2020), orcid.org/0000-0002-0255-4432, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литератур, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» (Нальчик, КБР, Россия), zina_777@bk.ru.

© Хагожеева Лиана Славовна (2020), orcid.org/0000-0003-1811-5183, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора, Институт гуманитарных исследований — филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр "Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН) (Нальчик, КБР, Россия), liana1771@mail.ru.

Исследуются адыгские топонимические предания. Актуальность работы состоит в том, что она обращена к одной из сложных теоретических проблем современной отечественной фольклористики — определению дифференцирующих жанровых признаков произведений устной народной прозы. Авторы исходят из того, что выявление жанровых характеристик адыгских топонимических преданий должно способствовать созданию обобщающей жанровой системы адыгской народной несказочной прозы. Новизна исследования состоит в определении жанровых признаков адыгских топонимических преданий и их классификации. В континууме адыгских топонимических преданий выделены две группы: предания первой группы архаичны, они повествуют о событиях отдаленного прошлого и известны в пределах всей этнической территории. Показано, что сюжет этого типа преданий развернут, усложнен и включает ряд дополнительных мотивов — историю миграции и заселения народом нынешних территорий, генеалогические экскурсы. Отмечается, что другая группа топонимических преданий связана с событиями недавнего прошлого и обладает узкой локальной приуроченностью. Маркером исторической достоверности описываемых фактов и событий является указание на реальных исторических лиц, выступающих в качестве персонажей предания. Утверждается, что сюжет этого типа преданий не развит, они, как правило, одноэпизодны, а ареал распространения данной группы преданий ограничен, как правило, пределами одного населенного пункта.

Ключевые слова: фольклор; адыги; топонимические предания; классификация; мотив.

1. Введение

Адыгская народная несказочная проза, ее жанровый состав и классификация входящих в нее жанров остается одной из дискуссионных и актуальных проблем адыгской фольклористики. Жанры адыгской народной несказочной прозы представляют собой определенную, условно выделяемую и взаимопроникающую жанровую систему. Исследование входящих в нее жанров и жанровых разновидностей, выявление дифференцирующих жанровых характеристик составляющих ее элементов, изучение специфических и общих особенностей каждого из входящих в нее жанров лежат в русле основных направлений исследований отечественной науки о фольклоре. «Для каждого народа, — отмечал в связи с этим В. Я. Пропп, — нужно установить жанровый состав его фольклора и дать определение всех жанров [Пропп, 1976, с. 39].

Топонимические предания непосредственно связаны с национальной культурой, историей, мировоззрением создавшего их этноса. Они представляют собой один из важных источников для понимания исторического прошлого народа, путей его миграции и освоения этнических территорий. Адыгские топонимические предания как жанр несказочной прозы не становились предметом специального изучения. В связи с этим исследование адыгских топонимических преданий, выявление их жанровых особенностей и классификация должны стать одним из этапов решения обозначенной проблемы и способствовать созданию обобщающего представления о жанровой системе адыгской несказочной прозы, ее составе, общих и специфических характеристиках составляющих ее элементов. Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что «жанры фольклора представляют собой не изолированную, а взаимопроницаемую систему, компоненты которой находятся в постоянном движении — как в плане синхроническом — внутрижанровое проникновение, трансформация, так и в диахроническом» [Кудаева, 2006, с. 5].

2. Изучение топонимических преданий в отечественной фольклористике

В отечественной фольклористике доминирующим является представление о топонимических преданиях как об одной из жанровых разновидностей народной прозы, которые противопоставляются преданиям собственно историческим [Соколова, 1972 и др.]. Вместе с тем существует также точка зрения, согласно которой это разграничение представляется достаточно условным. В частности, Н. А. Криничная считает, что понятия «исторический» и «топонимический» применительно к данным жанрам соотносятся друг с другом как общее и частное. «Топонимическое предание, — отмечает Н. А. Криничная, — в такой же степени исторично, как и

всякое другое предание. С другой стороны, многие “исторические” предания заключают в себе тот или иной топонимический мотив, что не наносит ущерба их историчности. Топонимическим может быть названо не столько само произведение, сколько содержащийся в нем мотив» [Криничная, 1987, с. 70]. Такая точка зрения не вносит ясности в определение границ топонимических преданий, обладающих ярко выраженной функцией объяснения названия того или иного географического объекта.

В отечественной фольклористике изучение топонимических преданий велось в различных направлениях. Так, например, В. К. Соколова выявляет различные типы топонимов [Соколова, 1972, с. 202—233], в труде И. А. Голованова изучаются мифологические мотивы в топонимических преданиях [Голованова, 2008, с. 26—33; Голованова, 2009], В. В. Сокил исследует сюжетно-тематический состав топонимических преданий, выявляет генетическую связь, национальную и региональную специфику сюжетов, мотивов, образов карпатских преданий с преданиями украинцев и в целом славянских народов, определяет жанровые и стилевые признаки преданий [Сокил, 1990]. В работе В. П. Кругляшовой представлена классификация жанров несказочной прозы, исследуются сюжеты, персонажи и функции преданий уральского горнозаводского фольклора [Кругляшова, 1974]. В работе Л. А. Климковой исследуется роль преданий в фольклорной картине мира [Климкова, 2015, с. 12—19].

Топонимические предания становятся объектом исследования лингвистов [Березович, 2010; Дмитриева, 2006; Тихонова, 2016, с. 223—230], этнографов, историков [Корусенко, 2000; Кузеев, 1968 и др.]. Е. Л. Березович анализирует способы взаимодействия топонимической системы и устной словесной традиции [Березович, 2010], изучает способы и формы преломления фольклорным художественным сознанием исторической основы предания [Березович, 2015, с. 108—133].

Топонимические предания исследуются отечественными фольклористами как элемент регионального фольклора [Голованов, 2009; Лазарев, 1970], как жанровая составляющая локальной этнической устной традиции. Так, например, классификации осетинских преданий посвящена статья С. З. Габисовой [Габисова, 1992, с. 115—134], дагестанские топонимические предания исследуются в статье М. М Курбанова [Курбанов, 2008, с. 12—18], изучение карачаево-балкарских топонимических преданий предпринято Б. А. Берберовым [Берберов, 2019, с. 77—83] и т. д.

В адыгской фольклористике к проблеме изучения и классификации жанров устной несказочной прозы обращались А. И. Алиева [Алиева,1974, с. 179—185], Ш. Х. Хут [Хут, 1989], А. А. Ципинов [Ципинов,

2000], З. Ж. Кудаева [Кудаева, 2018; Кудаева, 2019]. Одна из первых попыток классификации народной прозы предпринята в статьях А. И. Алиевой [Алиева, 1974, с. 179—185; Алиева, 1988, с. 237—264], которая наряду с этнонимическими, этногенетическими, историческими преданиями выделяет «топонимические хабары» (*хъыбар* — каб.-черк. ‘предание’) [Алиева, 1988, с. 237—264]. Ш. Х. Хут разделяет топонимические предания на историко-героические, нартские и семейно-бытовые [Хут, 1989]. В своем исследовании, посвященном народной исторической прозе, А. А. Ципинов [Ципинов, 2000] вслед за Н. А Криничной [Криничная, 1987] рассматривает адыгские топонимические предания не в качестве отдельного жанра или жанровой разновидности, а «как сюжетно-тематическую группу» в составе исторических преданий, в которых топонимический мотив «играет главную, сюжетообразующую роль» [Ципинов, 2000, с. 85].

Очевидно, что в адыгской фольклористике отсутствует общепринятое представление о топонимических преданиях как о континууме текстов, обладающих общими жанровыми свойствами. С одной стороны, в работе Ш. Х. Хута [Хут, 1989] топонимические предания представлены в расширительном толковании, включающем сюжеты о героях и персонажах нартского эпоса; с другой — не рассматриваются как отдельное жанровое образование [Ципинов, 2000]. В связи с этим представляется необходимым определить место и роль топонимических преданий в системе жанров адыгской несказочной прозы, выявить их дифференцирующие жанровые признаки и свойства.

3. Жанровые характеристики адыгских топонимических преданий

Адыгские топонимические предания представляют собой одну из жанровых разновидностей адыгской исторической прозы. Общими, «родовыми» признаками народной исторической прозы, согласно мнению большинства исследователей, являются присущий ей историзм, а также установка на достоверность. Наряду с этим в качестве определяющих критериев для дифференциации жанров несказочной прозы исследователи выдвигают также предметно-тематический принцип, отношение к действительности и доминирующий характер информативной или эстетической функций. «Доминантная функция, определяющая структуру произведения, — отмечает Э. В. Померанцева, — является наиболее достоверным признаком рода устной народной прозы. В зависимости от нее сообщения, совпадающие по сюжету, могут относиться к разным жанрам и даже родам прозы» [Померанцева, 1975, с. 75—81].

Однако наряду с перечисленными критериями адыгские топонимические предания обладают признаками, позволяющими рассматривать их

в качестве отдельной жанровой разновидности народной исторической прозы. Это, прежде всего, специфическая функция, заключающаяся в объяснении названия и описании истории возникновения того или иного топонимического объекта, определяющая доминирующий, сюжетообразующий характер топонимического мотива в структуре текста.

4. Классификация адыгских топонимических преданий

В составе адыгских топонимических преданий можно выделить две группы: (а) ранние, архаические предания, которые описывают события, относящиеся к отдаленному прошлому, и, как правило, содержат дополнительные мотивы (генеалогические и т. д.); (б) предания, соотносящиеся с событиями недавнего прошлого, предметом описания которых являются микротопонимические объекты.

К наиболее архаичным адыгским топонимическим преданиям относятся предания об истории расселения и освоения этнической территории: «“Къэбэрдей” щIыфIащар» («Почему назвали “Кабарда”»); «Тамбийр къыздикIар» («Откуда появился Тамбиев»); «Къэбэрдейр къыздикIар» («Откуда пошло [название] Кабарда»); «Къэбэрдейм и тхыдэ» («История Кабарды»); «Къэбардэ и къуэ Къэбардэ» («Кабарда сын Кабарды»); «Тамбий Къабардэ и таурыхъ» («Предание о Кабарде Тамбиеве») и др. Как и во многих других этнических традициях, история освоения этнической территории соотносится с именем первопоселенца, основателя. *Мы щIыпIэм япэ къитIысхьар Тамбий и къуэ Къэбардэрщ* (На этой земле первым поселился Кабарда, сын Тамбия) («Къэбэрдейр къыздикIар» / «Откуда появилась Кабарда») [Адыгэ IуэрыIуатэхэр, 1969, с. 56]. *Къэбэрдейм ипэкIэ “КъэбэрдейкIэ” еджу щытакъым». <…> Тамбийхэ ящыщу Къэбардэ жаIари зы нахъ лIыфI гуэр яхэтти, жылэр абы елъэIуащ ежьэу щыпсэуну щIыпIэ нэхъыфIыIуэ къахуилъыхъуэну* (Вначале Кабарда не называлась “Кабардой”. <…> Среди них был один славный мужчина Кабарда из рода Тамбиевых, и люди попросили его отправиться на поиски лучшей земли, где они могли бы обосноваться) («Откуда возникло [название] Кабарда» /«Къэбэрдей цIэр къызыхэкIар») [Адыгэ IуэрыIуатэхэр, 1969, с. 56]. «Мотив происхождения географических названий от имен основателей селений, — отмечает Н. А. Криничная, — известен древнейшим произведениям народной исторической прозы, и прежде всего преданиям об основании соседних селений братьями или селения одним первопоселенцем» [Криничная, 1987, с. 71—72].

К этой же группе относятся топонимические предания, в которых описываются общественно значимые культурно-исторические деяния человека. Например, в предании «Кыщпэк щIыжаIэм и хъыбар» («Предание

о том, откуда пошло название Кишпек») рассказывается о происхождении названия реки (и одноименного селения), появление которого связывается с человеком по имени Бек Кишев, проложившим его современное русло.

Для ранних адыгских топонимических преданий характерно присутствие генеалогического мотива. Основная функция генеалогических экскурсов в сюжете топонимического предания состояла в обосновании его исторической достоверности, а также в определении и уточнении хронологических параметров описываемых событий («Мудар и кхъэ нэпцI» / «Ложная могила Мудара»; «Откуда пошло название Кабарды»; «КыщпэкщIыжаIэм и хъыбар» / «Предание о том, откуда пошло название Кишпек» и др.): «Название Кабарды берет свое начало от имени Кабарды Тамбиева. <…> Тамбиевы происходят из Мудави [абхазы]» («Откуда пошло название Кабарды») [Кабардинский фольклор, 1936, с. 145].

В ранних топонимических преданиях описываются также маршруты миграции этноса, история освоения им новых земель и расселения на современных территориях («КыщпекщIыжаIам и хъыбар» / «Предание о названии “Кишпек”»; «Откуда пошло название Кабарды»; «Алъхъуо Чэркэс» и др.): «Кабарда Тамбиев, Хызроков и Пхытыков втроем переселились из Падиса в Новочеркасск. Поживя там немного, перешли на Лабу, а оттуда передвинулись к Большому Лахрану» [Там же].

Предания, относящиеся ко второй группе, имеют более позднее происхождение и описывают события, относящиеся к относительно недавнему прошлому. Сюжетная организация этого типа преданий «тяготеет к эмбриональным формам» [Аникин, 1972, с. 10], они, как правило, одноэпизодны. Это нарративы, описывающие историю возникновения того или иного микротопонима. Топонимические предания этой группы имеют узкую локальную привязанность, их распространение ограничено ареалом одного населенного пункта. Достоверность описываемых фактов, событий не вызывает ни у рассказчика, ни у слушателя сомнений, поскольку они принадлежат относительно недавнему прошлому и могут быть подтверждены. Например, в предании «Чэримхэ я тIыгъэ» («Прокоп Керимовых»), записанном в с. Нижний Курп, рассказывается история появления прокопа, проложенного сквозь горную гряду мужчиной из рода Керимовых. Семья Керимовых до недавнего времени проживала в селении, и история создания этого топонимического объекта известна не только среди односельчан, этот текст функционирует и в качестве их родового предания.

К этому же типу микротопонимических нарративов относятся «Бгы дыкъуакъуэ» («Раздвоенная скала»), «Шыкхъэ» («Кладбище коней»), у с. Хамидия; «Истребителыр щехуэхам» («Место, где упал истребитель»),

Терский район. «Дзыгъуэл и щхьэлыпIэжь» («Мельница Дзыгола»), «Псыфа» («Гнилая вода»), Пенькозавод; «Брам тедзэпIэжь» («Паромные переправы») у с. Хамидия и с. Терекское [Хажуев, 2014, с. 47—48], «Батыр и хуей» с. Лечинкай [Записи Л. С. Хагожеевой].

В составе топонимических преданий можно выделить ряд сюжетно-тематических групп; среди них предания: а) о родниках, источниках, названных в честь тех, кто их открыл («Къазий и псыкъуий» / «Источник Казия», «Хьэжым и псынэ» / «Родник Хаджи», «Наурзокъуэхэ я псынащхьэ» / «Источник Наурзоковых», с. Лечинкай); б) о создателях прокопов в холмах, благодаря которым были проложены новые дороги («Чэримхэ я тIыгъэ» / «Прокоп Керимовых»); в) о строителях мостов и переправ («Къарэшей лъэмыж» / «Карачаевский мост», в окрестностях селения Лечинкай); г) о местах старинных поселений и их владельцах («Барцэ и къуэм и щIыпIэ» / «Земля сына Барца», с. Лечинкай); д) об исторических событиях, связанных с тем или иным топонимическим объектом (например, предание о горе «ШхьэпцIанэ» / «Лысая голова» у селения Абейкъуажэ — современное Урожайное), где состоялась встреча делегации жителей селения с одним из лидеров антибольшевистского движения на Северном Кавказе генерал-майором Заурбеком Даутоковым-Серебряковым. Согласно преданию, в результате состоявшихся на горе «Лысая голова» переговоров в селении были предотвращены намеченные Даутоковым-Серебряковым репрессии и казни.

Отдельную сюжетно-тематическую группу представляют топонимические предания, связанные с именами известных в тех или иных окрестностях абреков, с их стойбищами и тайными укрытиями («Чеикъуэрэ Сэрэджыкъуэрэ», с. Лечинкай; «Хьеймащэ»). В топонимическом предании «Хьеймащэ» описывается необычайно глубокий провал в окрестностях Хабеза, в котором могло бы разместиться небольшое село (… зы хьэблэ цIыкIу псэупIэ хуэдиз мэхъу) [Адыгэ хъыбархэр, 1986, с. 311]. Внутри провала, в его глубине, находится подземелье или пещера — *бгъуэнщIагъ* (каб.-черк.), в котором, как отмечается в предании, может разместиться пастушье становище с овцами [Адыгэ хъыбархэр, 1986, с. 311]. В предании рассказывается, что на месте этого провала было стойбище абреков, которое в одну ночь в наказание за их поступки обрушилось и погребло их вместе с добычей, украденными лошадьми и волами, которых воры здесь прятали. К этому же типу топонимических преданий, обозначавших места тайных убежищ наездников, похитителей скота, относится и предание «Шыдыгъуокъуэ» (с. Лечинкай).

Топонимическое предание «Хьэнахъуэ и Iуащхьэ» («Курган Ханахо») [Адыгэ хъыбархэр, 1986, с. 310—312], бытующее в окрестностях селения Хабез в Карачаево-Черкесии, связано с именем Ханахо — отцом известно-

го адыгского поэта Хусина Гошокова. За курганом закрепилось название «Кургана Ханахо», поскольку якобы обычно в полдень отец поэта располагался вместе со своим стадом на этом кургане и дремал. Однако в сюжете о «Кургане Ханахо» содержится также мотив «захороненных сокровищ»: *Хьэнахъуэ и Іуащхьэм аргуэру хужаІэр тешанкІэ щІэту. А тешанкІэр мыпхуэдэм ищІащ, мобы къикІащ зыми жьыІэу зыхэзмыха. Ауэ щІэту жаІэ. ЛІыжьхэм жаІэу зыхэсхащ Хьэнахъуэ и Іуащхьэм дыщэ тешанкІэ щІэту. ЗыщІар зэхэсхакъым, мыпхуэдэ гъукІэм ищІащ сыт жоуэ* (О кургане Ханахо еще говорят, что под ним находится тачанка. Эту тачанку тот-то сделал, или оттуда взялась — я не слышал, чтобы рассказывали. Но слышал, что говорили. Старики говорили, что в кургане Ханахо внутри — золотая тачанка [находится]. Кто ее сделал, какой кузнец сделал, не слышал, чтобы говорили) [Адыгэ хъыбархэр, 1986, с. 311].

Появление дополнительного мотива отражает процесс осложнения и дальнейшего развития сюжета топонимического предания, сопровождающегося преобразованием его художественной формы и появлением, наряду с информационной и номинативной, также эстетической функции. Примером может служить и упомянутое выше предание «Хьеймащэ», сюжет которого осложнен мотивом наказания абреков-конокрадов за их прегрешения. Топонимическое предание дополняется нравственно-этическими смысловыми коннотациями, приобретая при этом черты притчи.

В топонимическом предании «Чеикъуэрэ Сэрэджыкъуэрэ» (с. Лечинкай) повествуется о братьях-абреках Чее и Саредже. Согласно сюжету предания, братья решают сделать своими убежищами разные ущелья, чтобы в случае, если одного из них схватят жандармы, другому удалось остаться на свободе. Укрытие одного из братьев — Чея — было обнаружено. Оказавшись окруженным, он решает не сдаваться, завязывает башлыком глаза своему коню и бросается вместе с ним в пропасть. В его честь одно из ущелий получило название «Чеикъуэ» — «Ущелье Чея». Другое же в честь второго брата-абрека названо «Сэрэджыкъуэ» — «Ущелье Сареджа» [Записи Л. С. Хагожеевой].

Тенденция осложнения и дальнейшего развития сюжета проявляется также, например, в результате процесса контаминации микротопонимического и этиологического предания, объясняющего историю названия родника и растения. Как правило, такого типа нарративы связаны с именем одного и того же персонажа. В частности, предание «Хьэдзу и псынэ. Хьэдзу и джэнш» («Родник Хадзу. Фасоль Хадзу») [Адыгэ хъыбархэр, 1986, с. 311] состоит из двух частей, в первой из которых объясняется история возникновения топонимического объекта — родника («Родник Хадзу»),

а во второй части излагается история происхождения названия растения — фасоли («Фасоль Хадзу»).

5. Заключение

Топонимические предания представляют собой одну из жанровых разновидностей адыгской несказочной исторической прозы. Определяющими для них являются функция номинации и объяснение названия местности того или иного географического объекта. Топонимические предания условно могут быть разделены на две группы. К первой, наиболее архаичной группе преданий относятся нарративы, описывающие масштабные, имеющие общенародное значение исторические события и связанные с ними знаковые объекты; такие как, например, происхождение названия одного из адыгских субэтнических территорий («Къэбэрдей цIэр къызыхэкIар» / «Откуда пошло название «Кабарда»), название реки и селения («Кыщпэк щIыжаIэм и хъыбар» / «Предание о том, откуда пошло название Кишпек»). Для преданий этой группы характерен развитый сюжет, осложненный дополнительными мотивами (генеалогическими и т. д.). Доминирующий характер информативной функции в этом типе преданий не исключает присутствия функции эстетической.

Более продуктивной является вторая группа топонимических преданий, которые представляют собой небольшие тексты, как правило, одноэпизодные, обладающие узкой локальной приуроченностью. Как и у первой группы преданий, их основной функцией является объяснение истории возникновения того или иного топонимического объекта. Доминирующей для этого типа топонимических преданий является информативная, в частности номинативная, функция, сопрягающаяся с историей возникновения топонимического объекта. Номинация топонима привязывается к имени его создателя или к происходившему в данном месте событию («Хьэдзу и псынэ» / «Родник Хадзу», «Чэримхэ я тIыгъэ» / «Прокоп Керимовых», «Шыдыгъуокъуэ» / «Балка краденных коней» и т. д.). Хронологические рамки этих микротопонимических преданий — события относительно недавнего прошлого. Ареал их распространения ограничен пределами одного селения.

Источники

1. *Адыгэ* ІуэрыІуатэхэр : в 2-х т. / Зыхэзылъхьар Къардэнгъущ З. — Налшык, 1969. — Т. 2. — 412 с. (Адыгский фольклор / сост. З. П. Кардангушев). (на каб.-черк. яз.).

2. *Адыгэ* хъыбархэр / Зыхэзылъхьар, пэублэ тхыгъэр, комментариехэр зытхар Мыжей Михаилщ / ред. Гъут Іэдэмщ. — Черкесск, 1986. — 360 с. (Адыгские предания / сост., предисл., коммент. М. И. Мижаев / ред. А. М. Гутов). (на каб.-черк. яз.).

3. *Записи* Л. С. Хагожеевой. Информант Мамрешев Адам Хамидович, 1958 г. р. ; Мамрешева Зарета Адамовна, 1987 г. р. с. Лечинкай, КБР, 2020 г.

4. *Кабардинский* фольклор / вступительная статья, комментарии и словарь М. Е. Талпа ; под ред. Ю. М. Соколова. — Москва ; Ленинград : Academia, 1936 (Москва : тип. «Кр. Пролетарий»). — 650 с.

Литература

1. *Алиева А. И.* Прозаические жанры в фольклоре адыгов / А. И. Алиева // Прозаические жанры в фольклоре народов СССР. — Минск : [б. и.], 1974. — С. 179—185.

2. *Алиева А. И.* Адыгский фольклор в записях XIX — начала XX вв. / А. И. Алиева // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX — начала XX вв. — Нальчик : Эльбрус, 1988. — Кн. 2. — С. 237—264.

3. *Аникин В. П.* Художественное творчество в жанрах несказочной прозы / В. П. Аникин // Русский фольклор. Русская народная проза. — Ленинград : Наука, 1972. — Т. XIII. — С. 6—19.

4. *Берберов Б. А.* Специфика карачаево-балкарских топонимических преданий / Б. А. Берберов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2019. — № 4 (90). — С. 77—83.

5. *Березович Е. Л.* Топонимия и исторические предания : к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации / Е. Л. Березович // Вопросы ономастики. — 2015. — № 1 (18). — С. 108—133.

6. *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : Мифопоэтический образ пространства / Е. Л. Березович. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : КомКнига. — 2010. — 240 с.

7. *Габисова С. З.* Топонимические и генеалогические народные предания осетин / С. З. Габисова // Осетинская филология. Современность и традиции. — Владикавказ : [б. и.], 1992. — С. 115—134.

8. *Голованов И. А.* Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX—XXI вв.) / И. А. Голованов. — Челябинск : Энциклопедия, 2009. — 251 с.

9. *Голованов И. А.* Проблема жанровой дифференциации несказочной прозы : коммуникативный аспект / И. А. Голованов // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. — 2008. — Выпуск 27. — № 36 (137). — С. 26—33.

10. *Дмитриева Т. Н.* Топонимия бассейна реки Казым : диссертация … доктора филологических наук : 10.02.02 / Т. Н. Дмитриева. — Ижевск, 2006 — 850 с.

11. *Климкова Л. А.* Топонимические предания в региональной фольклорной картине мира : социальный и личностный аспекты / Л. А. Климкова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2015. — № 4 (19). — С. 12—19.

12. *Корусенко С. Н.* Генеалогия и “устная история” (к вопросу об источниках) / С. Н. Корусенко // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории : тезисы докладов и сообщений IV региональной научно-практической конференции. — Омск : [б. и.], 2000. — С. 135—138.

13. *Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза : Вопросы генезиса и структуры / Н. А. Криничная. — Ленинград : Наука, 1987. — С. 70—77.

14. *Кругляшова В. П.* Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора / В. П. Кругляшова. — Свердловск : [Уральск. ун-т], 1974. — 168 с.

15. *Кудаева З. Ж.* Мифо-эпическая модель адыгской словесной культуры : автореферат диссертации … доктора филологических наук / Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова. — Нальчик, 2006. — 42 с.

17. *Кудаева З. Ж.* Легенды : к проблеме определения и классификации жанров адыгской несказочной прозы / З. Ж. Кудаева // Вестник АГУ. — 2019. — № 4. — С. 129—136.

18. *Кузеев Р. Г.* К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд) / Р. Г. Кузеев // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1968. — Т. III. — С. 228—248.

19. *Курбанов М. М.* К вопросу о специфике и классификации жанров несказочной прозы / М. М. Курбанов // Известия ДГПУ. — 2008. — № 2. — С. 12—18.

20. *Лазарев А. И.* Предания рабочих Урала как художественное явление / А. И. Лазарев. — Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1970. — 202 с.

21. *Померанцева Э. В.* Соотношение эстетической и информативной функции в разных жанрах устной прозы / Э. В. Померанцева // Проблемы фольклора. — Москва : Наука, 1975. — С. 75—81.

22. *Пропп В. Я.* Жанровый состав русского фольклора / В. Я. Пропп // Фольклор и действительность. — Москва : Наука, 1976. — С. 46—82.

23. *Сокил В. В.* Топонимические легенды и предания украинцев Карпат : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / В. В. Сокил. — Минск, 1990. — 20 с.

24. *Соколова В. К.* Типы восточнославянских топонимических преданий / В. К. Соколова // Славянский фольклор. — Москва : Наука, 1972. — С. 202—233.

25. *Тихонова Е. Л.* Топонимическая номинация как ориентир в коммуникативном пространстве (на примере фольклорной прозы) / Е. Л. Тихонова // Вестник бурятского государственного университета. — 2016. — Выпуск 2. — С. 223—230.

26. *Хажуев А. А.* Топонимы Малой Кабарды / А. А. Хажуев. — Нальчик : Тетраграф, 2014. — 189 с.

27. *Хут Ш. Х.* Несказочная проза адыгов / Ш. Х. Хут. — Майкоп : Адыг. отд. Краснодарского кн. изд-ва, 1989. — 336 с.

28. *Ципинов А. А.* Народная историческая проза адыгов / А. А. Ципинов. — Нальчик : Эль-Фа, 2000. — 157 с.

29. *Kudaeva Z. Zh.* Mythopoetic basis of Sosruco character (by the Adyghe version of nart saga) / Z. Zh. Kudaeva, M. Ch. Kremshokalova, D. V. Sokaeva, G. R. Khusainova, M. F. Bukhurov, L. S. Khagozheeva // Dilemas contemporáneos : Educación, Política y Valores. — 2019. — Vol. 6, Iss. 58. — 33 p.

Genre Features and Types of Adyghe Toponymic Legends

© Zinaida Zh. Kudaeva (2020), orcid.org/0000-0002-0255-4432, Doctor of Philology, professor, Department of Russian and Foreign Literatures, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov" (Nalchik, Russia), zina_777@bk.ru.

© Liana S. Khagozheeva (2020), orcid.org/0000-0003-1811-5183, PhD in Philology, junior research scientist, Sector of Adyghe folklore, The Institute for the Humanities Research — Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment "Federal Scientific Cen-

ter “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Nalchik, Russia), liana1771@mail.ru.

The article examines the Adyghe toponymic traditions. The relevance of the work is that it addresses one of the complex theoretical problems of modern Russian folklore — the definition of differentiating genre features of works of oral folk prose. The authors proceed from the fact that the identification of genre characteristics of Adyghe toponymic legends should contribute to the creation of a generalizing genre system of Adyghe folk non-fairy prose. The novelty of the research consists in determining the genre features of Adyghe toponymic legends and their classification. In the continuum of Adyghe toponymic traditions, two groups are distinguished: the traditions of the first group are archaic, they tell about the events of the distant past and are known throughout the entire ethnic territory. It is shown that the plot of this type of legend is expanded, complicated and includes a number of additional motives — the history of migration and settlement of the current territories by the people, genealogical excursions. It is noted that another group of toponymic legends is associated with events of the recent past and has a narrow local connectedness. The marker of historical authenticity of the described facts and events is an indication of real historical persons who act as characters in the legend. It is argued that the plot of this type of legend is not developed, they are usually one-episode, and the area of distribution of this group of legends is usually limited to one locality.

Key words: folklore; Adyghes; toponymic legends; classification; motif.

Material resources

Kardangushev, Z. P. (sost.). (1969). *Adygskiy folklor: v 2-kh t., 2.* Nalshyk. (In Kab.-cherk.).

Gutov, A. M. (ed.) (1986). *Adygskiye predaniya.* Cherkessk. (In Kab.-cherk.).

Sokolov, Yu. M. (ed.) (1936). *Kabardinskiy folklor.* Moskva; Leningrad: Academia (Moskva: tip. «Kr. Proletariy»). (In Russ.).

Zapisi, L. S. (2020). *Khagozheevoy. Informant Mamreshev Adam Khamidovich, 1958 g. r.; Mamresheva Zareta Adamovna, 1987 g. r. s. Lechinkay, KBR*. (In Russ.).

References

Aliyeva, A. I. (1974). Prozaicheskiye zhanry v folklore adygov. In: *Prozaicheskiye zhanry v folklore narodov SSSR.* Minsk: [b. i.]. 179—185. (In Russ.).

Aliyeva, A. I. (1988). Adygskiy folklor v zapisyakh XIX — nachala XX vv. In: *Folklor adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX — nachala XX vv., 2.* Nalchik: Elbrus. 237—264. (In Russ.).

Anikin, V. P. (1972). Khudozhestvennoye tvorchestvo v zhanrakh neskazochnoy prozy. In: *Russkiy folklor. Russkaya narodnaya proza, XIII.* Leningrad: Nauka. 6—19. (In Russ.).

Berberov, B. A. (2019). Spetsifika karachayevo-balkarskikh toponimicheskikh predaniy. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN, 4 (90):* 77—83. (In Russ.).

Berezovich, E. L. (2010). *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Mifopoeticheskiy obraz prostranstva.* Moskva: KomKniga. (In Russ.).

Berezovich, E. L. (2015). Toponimiya i istoricheskiye predaniya: k voprosu o vzaimodeystvii razlichnykh versiy etnokulturnoy informatsii. *Voprosy onomastiki, 1 (18):* 108—133. (In Russ.).

Dmitriyeva, T. N. (2006). *Toponimiya basseyna reki Kazym: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk.* Izhevsk. (In Russ.).

Gabisova, S. 3. (1992). Toponimicheskiye i genealogicheskiye narodnyye predaniya osetin. *Osetinskaya filologiya. Sovremennost’ i traditsii.* Vladikavkaz: [b. i.]. 115—134. (In Russ.).

Golovanov, I. A. (2009). *Konstanty folklornogo soznaniya v ustnoy narodnoy proze Urala (XX—XXI vv.).* Chelyabinsk: Entsiklopediya. (In Russ.).

Golovanov, I. A. (2008). Problema zhanrovoy differentsiatsii neskazochnoy prozy: kommunikativnyy aspect. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya i iskusstvovedeniye, 27 / 36 (137):* 26—33. (In Russ.).

Khazhuyev, A. A. (2014). *Toponimy Maloy Kabardy.* Nalchik: Tetragraf.

Khut, Sh. Kh. (1989). *Neskazochnaya proza adygov.* Maykop: Adyg. otd. Krasnodarskogo kn. izd-va.

Klimkova, L. A. (2015). Toponimicheskiye predaniya v regionalnoy folklornoy kartine mira: sotsialnyy i lichnostnyy aspekty. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva, 4 (19):* 12—19. (In Russ.).

Korusenko, S. N. (2000). Genealogiya i "ustnaya istoriya" (k voprosu ob istochnikakh). In: *Problemy istoriografii, istochnikovedeniya i istoricheskogo krayevedeniya v vuzovskom kurse otechestvennoy istorii: tezisy dokladov i soobshcheniy IV regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Omsk: [b. i.]. 135—138. (In Russ.).

Krinichnaya, N. A. (1987). *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: Voprosy genezisa i struktury.* Leningrad: Nauka. 70—77. (In Russ.).

Kruglyashova, V. P. (1974). *Zhanry neskazochnoy prozy uralskogo gornozavodskogo folklora.* Sverdlovsk: [Uralsk. un-t]. (In Russ.).

Kudayeva, Z. Zh. (2006). *Mifo-epicheskaya model' adygskoy slovesnoy kultury: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk.* Nalchik. (In Russ.).

Kudayeva, Z. Zh. (2019). Legendy: k probleme opredeleniya i klassifikatsii zhanrov adygskoy neskazochnoy prozy. *Vestnik AGU, 4:* 129—136. (In Russ.).

Kudayeva, Z. Zh., Kremshokalova, M. Ch., Sokayeva, D. V. Khusainova, G. R., Bukhurov, M. F., Khagozheyeva, L. S. (2019). Mythopoetic basis of Sosruco character (by the Adyghe version of nart saga). *Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores, 6 (58)*.

Kurbanov, M. M. (2008). K voprosu o spetsifike i klassifikatsii zhanrov neskazochnoy prozy. *Izvestiya DGPU, 2:* 12—18. (In Russ.).

Kuzeyev, R. G. (1968). K etnicheskoy istorii bashkir v kontse I — nachale II tysyacheletiya n. e. (opyt sravnitelno-istoricheskogo analiza shezhere, istoricheskikh predaniy i legend). In: *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii, III.* Ufa. 228—248. (In Russ.).

Lazarev, A. I. (1970). *Predaniya rabochikh Urala kak khudozhestvennoye yavleniye.* Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoe knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).

Pomerantseva E. V. (1975). Sootnosheniye esteticheskoy i informativnoy funktsii v raznykh zhanrakh ustnoy prozy. In: *Problemy folklora.* Moskva: Nauka. 75—81. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1976). Zhanrovyy sostav russkogo folklore. In: *Folklor i deystvitelnost'.* Moskva: Nauka. 46—82. (In Russ.).

Sokil, V. V. (1990). *Toponimicheskiye legendy i predaniya ukraintsev Karpat: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk*. Minsk.

Sokolova, V. K. (1972). Tipy vostochnoslavyanskikh toponimicheskikh predaniy. In: *Slavyanskiy folklor.* Moskva: Nauka. 202—233.

Tikhonova, E. L. (2016). Toponimicheskaya nominatsiya kak oriyentir v kommunikativnom prostranstve (na primere folklornoy prozy). *Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2:* 223—230.

Tsipinov, A. A. (2000). *Narodnaya istoricheskaya proza adygov*. Nalchik: El-Fa.

Матвиенко А. И. Поэтика магического реализма в комедии Сары Рул «Чистый дом»/ А. И. Матвиенко, Г. А. Солопина // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 243—257. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-243-257.

Matvienko, A. I., Solopina, G. A. (2020). Poetics of Magical Realism in Sarah Ruhl's comedy "The Clean House". *Nauchnyi dialog, 8:* 243-257. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-243-257. (In Russ.).

УДК 821.111(73)-2.09
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-243-257

Поэтика магического реализма в комедии Сары Рул «Чистый дом»

© **Матвиенко Анна Игоревна (2020),** orcid.org/0000-0001-8316-6425, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (Симферополь, Россия), matvienko_ganna@i.ua.
© **Солопина Галина Александровна (2020),** orcid.org/0000-0002-3391-658X, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (Симферополь, Россия), gorbunova.galya@gmail.com.

В статье рассматриваются особенности магического реализма как направления литературы, а также некоторые характерные черты американской драмы. В работе представлена история постановок пьесы «Чистый дом» американского драматурга Сары Рул, а также предложен краткий обзор критических статей об указанных театральных постановках. Проведенное исследование доказывает, что пьесу «Чистый дом» можно рассматривать в контексте магического реализма, исходя из ряда характерных признаков, таких как метафизичность, условность, отказ от психологического объяснения поступков персонажей, наличие двух реальностей, искажение пространства и времени, экзистенциальная проблематика. Отмечается, что данные особенности проявляются на уровне композиционного построения, речевой организации пьесы, хронотопа, содержания. Показано, что метафизически замкнутое пространство является материально открытым, а время в пьесе нивелируется, останавливается и определяется субъективными переживаниями героев. Ключевым концептом пьесы, связывающим пространственно-временную организацию текста с его онтологическим содержанием, назван смех, поскольку посредством смеха в пьесе утверждается идея бессмертия любви героев, которая приобретает сакральное значение. Подчеркивается, что поэтика «магического» позволяет реализовать онтологический или бытийный смысл пьесы, показать сосуществование чудесного и обыденного.

Ключевые слова: магический реализм; Сара Рул; хронотоп; ремарки; онтологический смысл; концепты; ДОМ; СМЕХ.

1. Творчество Сары Рул в оценке литературной критики

Сара Рул (Sarah Ruhl, род. в 1974 году) является ярким представителем американской драматургии и эссеистом, чье творчество отмечено множеством престижных наград. Писательница получила Стипендию Мак-Артура за «исключительные достижения и потенциал для долгой и плодотворной творческой работы», премию Хелен Меррилл и премию Уайтинг. Известны ее пьесы, увидевшие свет в последние десятилетия: «Stage Kiss» (2011), «In the Next Room (or The Vibrator Play)» (2009) (финалист Пулитцеровской премии, номинант премии «Тони» за лучшую новую пьесу; Премия PEN American, Четвертая премия в области драматургии Центра Кеннеди); «Dead Man's Cell Phone» (2007) (премия Хелен Хейс); «Late, a Cowboy Song» (2003), «The Oldest Boy» (2014); и из недавних — «For Peter Pan on Her 70th Birthday» (2017) и «How to Transcend a Happy Marriage» (2017).

Пьесы Сары Рул были поставлены на Бродвее в Лицейском театре Театром Линкольн-центра, Офф-Бродвеем и в театре «Мици Э. Ньюхаус» Линкольн-центра, Йельском репертуарном театре, Театре Гудмана, Репертуарном театре Беркли и Театральной мастерской Пивена в Чикаго.

Театр Сары Рул требует от зрителя умения нестандартно мыслить. Ее режиссура часто бросает вызов сценическому воображению режиссеров: «Меня интересуют вещи, которые театр может делать, а другие формы не могут» [Lahr, 2008]. К тому же произведения С. Рул характеризуются минимумом предыстории; зритель погружен в череду разворачивающихся драматических действий: «Мне нравятся пьесы, в которых есть откровения в данный момент, где эмоции меняются почти необъяснимо» [Lahr, 2008]. Иррациональность эмоций — это тема, которая постоянно интерпретируется в ее произведениях.

Пьеса «Чистый дом» (2004) — одна из первых работ писательницы, которой Сара Рул заявила о себе, как о многообещающем драматурге. Это подтверждает не только история постановок, положительные отзывы театральных критиков, но и несколько полученных за пьесу престижных наград. Так, произведение стало финалистом Пулитцеровской премии по литературе в 2005 году и заняло второе место в конкурсе, а также за него Рул получила премию Сьюзан Смит Блэкберн — международную награду, присуждаемую женской драматургии на английском языке.

Премьера пьесы состоялась осенью 2004 года в Йельском репертуарном театре (Коннектикут) в постановке режиссера Б. Рауча. Спектакль был представлен во многих региональных театрах, таких как the Cincinnati Playhouse in the Park (Цинциннати, Огайо) с января по февраль 2006 года;

театре Гудмана (Чикаго, Иллинойс) с апреля по июнь 2006 года; Woolly Mammoth Theatre Company (Вашингтон, округ Колумбия) с 11 июля по 14 августа 2005 года; Театре Барксдейл в Ричмонде (Вирджиния) в 2008 году и Portland Stage Company (Портленд, Орегон) в 2009 и др.

Кроме того, спектакль по пьесе «Чистый дом» был поставлен и на иностранных сценах, например, в Marlowe Theatre в Кентербери (2008); Espace Libre в Монреале на французском языке (2008); Circa в Веллингтоне (2009).

В целом критика приняла пьесу положительно, назвав ее самой инсценированной американской пьесой сезона. Произведение Сары Рул представляет собой «умную маленькую сатиру на трудовые отношения между титулованным и иммигрантским низшим классом в современной Америке», пьесу отличает «терпкий юмор, театральная дерзость и эмоциональное богатство» [Isherwood]. В рецензии, опубликованной в издании Variety, Д. Руни характеризует работу молодого драматурга «с оригинальным и смелым голосом» как богатое произведение, заставляющее размышлять на вечные темы любви, жизни и смерти [Rooney, 2006]. Р. Пендер отмечает отличный состав актеров и дизайн декораций в постановке Э. Стерна, сравнивает пьесу с романами Г. Г. Маркеса, в которых изображаются реальные вещи, пропитанные магией [Pender]. Большинство критиков сходятся во мнении, что Сара Рул — молодой, но многообещающий автор. Ее произведения можно отнести к магическому реализму. Вместе с тем Сара Рул отмечает: «… меня интересует сама идея жанров. Я не думаю, что сочинение должно вписываться в какой-то конкретный жанр, чтобы волшебство могло происходить на сцене. Может быть, мы все еще немного боимся этого, поэтому рассуждаем категориями, а не верим, что магия может произойти в любой момент. Я думаю, что наша культура остро нуждается в магии» [Diaz].

Действительно, в пьесе Сары Рул «Чистый дом» присутствует ряд особенностей, которые, на наш взгляд, можно отнести к поэтике магического реализма. Более того, черты магического реализма проявляются в данной пьесе не только на уровне содержания, но и на уровне формы произведения. Таким образом, цель данной статьи состоит в выявлении и анализе элементов магического реализма в художественном пространстве пьесы.

2. «Магический реализм»: история понятия, его культурологическое и теоретико-литературное наполнение

Возникновение термина *магический реализм* связывают с выходом в 20-х годах XX века книги Ф. Роо «Постэкспрессионизм. Магический реализм», в которой автор дал характеристику особенного творческого

метода художников, заключающегося преимущественно в искажении пространственного жизнеподобия [Roh, 1925]. Несколько позже данное понятие актуализировал и более детально разработал уже в контексте литературоведения М. Бонтемпелли [Bontempelli, 1931]. Дальнейшая разработка понятия «магический реализм» традиционно связывается с немецкой и бельгийской литературами. Так, в Дрездене в начале 1930-х годов на страницах журнала «Колонна» писатели Г. Казак, Э. Лангессер, Г. Айх теоретизировали понятие «магический реализм» (см. об этом: [Панчехина, 2017, с. 16]), опираясь на существующие разработки Ф. Роо и М. Бонтемпелли.

В «Энциклопедическом словаре экспрессионизма» данный термин называют одним из самых «„блуждающих" искусствоведческих и литературоведческих терминов XX в.» [Гугнин, 2008, с. 356]. К его основным признакам авторы словаря относят «„двоемирное" художественное пространство произведения, которое может быть либо отчетливо разделено на реально-рациональное и фантастически-иррациональное <…> либо организовано так, что в обыденную реальность вторгаются ирреальные (внерациональные, природно-космические) элементы до тех пор, пока эта обыденная реальность не превращается в ирреальную» [Там же]. А в энциклопедическом исследовании В. В. Бычкова термин *магический реализм* определяется как «возникшее в 60-х гг. XX в. направление латиноамериканской литературы, существенно отличающееся от классической европейской реалистической традиции», которое «обретает черты художественно-эстетического метода» [Лексикон …, 2003, с. 487]. По мнению автора работы, уникальность данного направления заключается в соединении реального и магического, связи с народными верованиями, а также обыденностью изображаемого.

А. Ф. Кофман в монографии «Латиноамериканский художественный образ мира» [Кофман, 1997] основательно рассмотрел составляющие художественного образа мира, создаваемого латиноамериканской литературой, а также онтологическое содержание основных концептов дискурса латиноамериканской литературы: ДОМ, ДОРОГА, ПАМЯТЬ, ПРОШЛОЕ, САКРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР, ТАЙНА и т. п. В работе Ю. Н. Гирина «Поэтика сверхпредельности: К интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры» [Гирин, 2008] также рассматриваются особенности латиноамериканского культурогенеза и концепты, характерные для культуры региона Латинской Америки. Среди отечественных исследований, посвященных феномену латиноамериканской литературы, следует назвать также работы В. Б. Земскова [Земсков, 2000], И. Н. Ионова [Ионов, 2007], Я. Г. Шемякина [Шемякин, 2001] и т. д.

Следует отметить, что магический реализм долгое время отождествлялся преимущественно с латиноамериканской литературой, однако в современном литературоведении принято считать, что магический реализм распространился и в других национальных литературах.

В связи с типологизацией магического реализма как мультикультурного феномена, проявившегося в мировой (в том числе европейской) литературной традиции, особый интерес представляют концепции Н. Лейдермана и М. Н. Липовецкого [Лейдерман, 2002; Лейдерман и др., 2003], а также О. В. Якуниной [Якунина, 2008].

Чаще всего поэтика «магического» реализуется в жанрах рассказа, новеллы, повести или романа. Однако сегодня мы можем наблюдать черты магического реализма и в драматургии, где поэтика «магического» имеет свою специфику. Несмотря на появление новых тенденций в драматургии и популярности литературы магического реализма, в литературоведении практически нет работ, посвященных исследованию особенностей поэтики «магического» в современной пьесе.

Вместе с тем современная американская драматургия представляет собой значительное явление в литературном процессе. Работы, направленные на ее изучение, как правило, носят обзорный характер и фокусируются на идейно-тематических и социально-исторических аспектах. Кроме того, объектом их изучения чаще всего становятся уже известные произведения середины и конца XX века. Так, например, социально-философским идеям англо-американской драматургии второй половины XX века посвящена работа В. В. Курашовой [Курашова, 2003]. Исследователь объясняет появление и становление женской драматургии рядом культурно-исторических процессов и развитием экспериментальных театров.

В. Б. Шамина в монографии «Американская драма XX века: основные тенденции развития» [Шамина, 2011] рассматривает виды драматургии США: историческую, семейную, мифологическую и феминистскую драму, а также прослеживает интерпретацию западноевропейских традиций и формирование национальных особенностей на материале наиболее выдающихся драматических произведений американских писателей XX века. Интересным считаем утверждение исследователя о том, что «тяга к мифу» является наиболее характерной чертой американской драматургии [Там же, с. 71].

Вместе с тем драматургия многих молодых авторов американской литературы остается практически неисследованной. Их пьесы, безусловно, заслуживают внимания ученых и должны быть рассмотрены с позиций современного литературоведения.

3. Особенности формы произведения «Чистый дом» и их связь с поэтикой магического реализма

Анализ черт магического реализма в пьесе Сары Рул следует начинать, на наш взгляд, с рассмотрения особенностей формы произведения.

Драматическое произведение, несомненно, отличается от произведений других родов литературы, поэтому и признаки, характерные для литературы в целом, будут реализовываться в нем иначе, чем в прозе. Как следствие — черты поэтики «магического» в пьесе проявляются несколько иначе, чем, например, в романе или в рассказе. На наш взгляд, эти отличия заметны прежде всего на уровне структуры анализируемого произведения, то есть на уровне авторских ремарок и диалогов.

Традиционно весь текст драматического произведения принято делить на авторскую речь и речь персонажей. Реплики последних являются основой драматического действия. Общепринятым считается тот факт, что ремарки давно утратили свое исключительно служебное назначение и стали не просто указаниями для актеров и режиссеров при постановке пьесы, а неотъемлемой частью художественного произведения, реализующей авторский замысел.

Многочисленные современные работы посвящены поэтике речи в англоязычной драматургии, где рассматриваются в том числе и особенности современных ремарок. Так, И. Зайцева отмечает синтетический характер современной драмы, в которой сочетаются разные стили и жанры литературы. Современная драматургическая речь, по мнению исследователя, обладает следующими признаками: изменением функций речи героев, употреблением эмотивной и разговорной лексики, увеличением роли автора в тексте, оценочным характер ремарок [Зайцева, 2002].

Ремарки в пьесе «Чистый дом» не соответствуют традиционным правилам оформления и выполняют не свойственные им функции. Так, например, ремарки расположены не посередине в тексте, а в начале строки. Тем самым автор делает акцент на их важности для содержания произведения. К тому же некоторые из сценических указаний пьесы достаточно сложно изобразить на сцене. Например: *Типичная война между сестрами; Вирджиния просто счастлива; Смотрят друг на друга. / Влюбляются <…> Смотрят друг на друга. / Влюбляются еще больше <…> Влюблены по уши. / Целуются взасос; Лейн постукивает по аквариуму. Рыбка резко виляет хвостом; Ана и Чарльз пытаются читать мысли друг друга; Тишина. Зловещая* [Рул].

Метафизическим, нарушающим границы, можно назвать взаимодействие и взаимопроникновение ремарок и диалога в пьесе. Так, в двух отрывках пье-

сы ремарки органично переплетаются со словами героя, который кого-то или что-то представляет себе, например, своих умерших родителей или свидание бывшего мужа с новой женой. Все это всего лишь «игра воображения»:

Л е й н (обращаясь к публике). *А вот как я представляю себе свидание своего бывшего мужа с его новой женой. / Появляются Чарльз и Ана. / Он помогает ей снять платье. / А что на ней: больничный халат или бальное платье? / Мой муж снимает с нее платье. / Он очень нежен <…> Он целует шрам. / Тот целует шрам. / Он остался после операции. / Шрам ровный. / Хирург он хороший. / Целует ее в губы. / Целует ей лоб. / Священный ритуал, / Глаза бы мои его не видели. / Входит Матильда с чемоданом в руке. / Любовники стоят, как стояли. / Целуют друг друга в разные места, настоящий ритуал* [Там же].

Из примера видно, что ремарки, относящиеся к словам Лейн, сочетаются с ее прямой речью. А описание воображаемого героиней свидания включает в себя кинетические и мимические указания на то, как могли бы вести себя участники встречи.

Ввиду сложности изображения на сцене подобных деталей при постановке пьесы Сара Рул предлагает использовать субтитры на экране и подчеркивает тем самым новую функцию, которую, по ее мнению, должны выполнять ремарки: «Я специально не использую скобки при написании ремарок, потому что я не хочу, чтобы актеры или режиссеры считали их необязательными. Они столь же интимны и целостны, как и диалог, даже если режиссер не следует им буквально. В пьесе „Чистый дом” мне было интересно использовать сценические указания, чтобы общаться непосредственно с актерами, <…> но потом мне пришло в голову, что ремарки являются неотъемлемой частью пьесы и что субтитры дополнительно влияют на зрителя» [Diaz].

Оформление некоторых ремарок в тексте произведения больше похоже на форму стихотворения, в чем проявляется первоначальная страсть писателя — поэзия. Например: *Лейн уходит. / Матильда достает таблетки. / Открывает пузырек, / достает одну таблетку, / смотрит на нее / и выбрасывает в помойное ведро* [Рул]. Стихотворная форма — это своеобразный способ общения с актерами. Так драматург передает свои ощущения относительно той или иной сцены. На наш взгляд, описанный выше синтез ремарок и диалогов — это одна из особенностей жанровой формы произведения, связанная с поэтикой «магического», поскольку ремарки приобретают особое метафизическое звучание.

Свойственна авторской речи Сары Рул и некая условность. Писательница оставляет на усмотрение режиссера ряд интонационно-декламаци-

онных ремарок и ремарок предметного мира, например: *По желанию режиссера гостиную можно оживить кое-какими деталями. Желательно, чтобы гостиная выглядела необычно, но привлекательно; Если актер, исполняющий роль Чарльза, обладает хорошим голосом, он может спеть любовную песню на латыни — о своей операции. / Если актриса, исполняющая роль Аны, обладает хорошим голосом, было бы замечательно, если бы после окончания операции она села и начала подпевать ему* [Рул].

Подобная условность больше характерна сценариям, чем художественным произведениям. Однако, на наш взгляд, такая особенность ремарок в комедии закономерна и также обусловлена поэтикой «магического», поскольку реалистичные картины дополняются шутливо-волшебными комментариями.

В пьесе не мотивированы и условны действия героев, которые к тому же отличаются быстрой сменой. Отказ от психологического объяснения поступков персонажей присущ произведениям магического реализма. Например: *Матильда укладывает белье. / Вирджиния сидит. / Вирджиния встает. / Снова садится. / Снова встает. / Вирджиния в лихорадочном состоянии. / Начинает прибираться на кофейном столике. / Входит Лейн. / Левая рука у нее в крови. / Она прикладывает к ране кухонное полотенце»; «Лейн пытается смеяться. / Потом начинает плакать; Лейн плачет. / Потом смеется. / Снова плачет. / Снова смеется. / И так несколько раз. / Входит Вирджиния* [Рул].

4. Своеобразие хронотопа и концепт ДОМ в пьесы Сары Рул

Все особенности действия в пьесе связаны с категорией хронотопа. В. Е. Хализев в работе «Драма как явление искусства» отметил: «Какую бы значительную роль в драматических повествованиях ни приобретали повествовательные фрагменты, как бы ни дробилось изображаемое действие, как бы ни подчинялись звучащие вслух высказывания персонажей логике их внутренней речи, драма привержена к замкнутым в пространстве и времени картинам» [Хализев, 1978, с. 238]. В комедии Сары Рул хронотоп становится основой, «канвой» художественного мира, в котором действуют герои и который несет на себе отпечаток поэтики «магического».

В пьесе «Чистый дом» представлена модель замкнутого пространства, которая, по утверждению А. Ф. Кофмана, представляет такое построение произведения, «когда действие их [*героев произведения*] полностью сосредоточено на узком отрезке пространства и этот локус представляется как бы отгороженным от всего мира и абсолютно замкнутым в себе» [Кофман, 1997, с. 69]. Данная модель реализуется посредством концепта ДОМ, ведь

именно там происходят все события пьесы. Так, действие в комедии разворачивается в доме, который находится «где-то в Коннектикуте, недалеко от океана и от города» [Рул, 2004]. Подчеркнутая неопределенность месторасположения дома, на наш взгляд, говорит об условности и необязательности всего, что может происходить за его стенами, и в то же время свидетельствует о важности, сакральности данного дома.

Интересно, что дом в комедии не воспринимается крепостью с определенными физическими границами, отгораживающей человека от «враждебного» внешнего мира. Дом, где живет семейная пара врачей Лейн и Чарльза, а также впоследствии — Ана и Вирджиния, представляет собой совершенно открытое, даже безграничное, пространство, в котором, например, огрызок от съеденного в гостиной яблока может оказаться выброшенным в океан или специи, рассыпанные в одной квартире, покрывают желтой пылью балкон на первом этаже другой квартиры. При этом герои пьесы совершенно невозмутимо интересуются друг у друга, как им живется в разных комнатах одного дома: *Матильда садится. Над ними на балкончике Ана и Чарльз танцуют медленный танец. / Ну как, тебе там хорошо? В их доме? / МАТИЛЬДА. Да. / ЛЕЙН. И что у нее за дом? / МАТИЛЬДА. Маленький такой. И с балкончиком с видом на океан* [Там же].

Иронично и необычно выглядит в данном контексте также ситуация, когда Чарльз, будучи на Аляске в поисках тиса, дерева, которое, по его убеждению, способно исцелить больную раком Ану, вдруг на расстоянии появляется в толстой меховой куртке и при этом в гостиной идет снег.

Подобные неожиданности создают комический эффект, но вместе с тем подтверждают тот факт, что дом как пространство, где разворачивается действие пьесы, является метафизически замкнутым, но физически, материально открытым.

При подобном своеобразии дом создает особое «храмовое» пространство семейной жизни сначала Лейн и Чарльза, а потом Чарльза и Аны и реализует свою сакральную функцию. Следует отметить, что в произведениях магического реализма, «функция дома в том и состоит, чтобы создать внутреннее пространство, которое нередко приобретает сакральный характер» [Кофман, 1997, с. 64]. Сакральный центр, которым является дом, как отметил А. Ф. Кофман, «мыслится как наикратчайшее связующее звено между настоящим и прошлым; это та точка в пространстве, где происходит максимальная актуализация прошлого» [Там же, с. 57].

В пьесе Сары Рул прошлое становится вполне материальным, осязаемым фактом существования главных героев. Например, Матильда, служанка Лейн и Аны, в 14 сцене пьесы не просто представляет своих умерших ро-

дителей, а наблюдает сцену своего рождения и даже участвует в ней, а также присутствует при смерти матери, которая буквально умерла, смеясь над анекдотом мужа. Важно отметить, что в родителей Матильды превратились Ана и Чарльз: *Под курткой Чарльза костюм отца Матильды. Под халатом Аны платье матери Матильды* [Рул, 2004]. Подобная метаморфоза вполне закономерна для литературы магического реализма, поскольку «пространство, противостоящее норме, регламенту, лепит своего обитателя в соответствии своему образу. Отчасти именно поэтому герои латиноамериканской литературы в характерах и поступках стремятся быть под стать своей среде и постоянно выходят за пределы нормы» [Кофман, 1997, с. 35].

Переплетение прошлого и настоящего в пьесе «Чистый дом» создает особую сакральную временную организацию. Темпоральность пространства в произведениях магического реализма чаще всего проявляется в том, что пространство не просто возвращает героя в прошлое, а продуцирует атемпоральность, то есть останавливает либо уничтожает время. Действительно, сложно сказать, на протяжение какого времени разворачиваются события в пьесе Сары Рул — это несколько дней или более долгий промежуток времени. А иногда складывается впечатление, что время останавливается или обращается вспять, например, тогда, когда Чарльз, делая операцию Ане, вдруг начинает с ней танцевать и она при этом одета в вечернее платье. По мнению О. А. Овчаренко, время в произведениях магического реализма «субъективно и относительно, что является следствием отказа от рационалистического мышления и отражает поэтическое ощущение мира» [Овчаренко, 2001, с. 276].

5. Сакральное значение смеха как ключевого концепта пьесы «Чистый дом»

В пьесе «Чистый дом» не только происходят «темпоральные смещения», но и наблюдается связь подобной пространственно-временной организации текста с его онтологическим содержанием посредством категории смеха. Смех — это ключевой концепт пьесы, практически все события так или иначе связаны со смехом. Например, в самом начале пьесы, в примечаниях, автор говорит о том, что «любой из персонажей способен рассказать смешной анекдот» [Рул, 2004]. Тем не менее анекдоты рассказывает только Матильда, более того, она мечтает сочинить самый смешной анекдот, следуя традициям своей семьи.

Для родителей Матильды смех был основой жизни, поэтому, когда мать Матильды умерла от смеха (*она смеялась над очередным анекдотом отца. Он его целый год сочинял, специально к годовщине свадьбы* [Там же]), отец застрелился. Матильда же надеялась продолжить дело своих родителей по

части сочинения анекдотов, поэтому вместо уборки в доме своей хозяйки Лейн, она сочиняла анекдоты, получая от этого истинное удовольствие.

Очевидно, что анекдот в пьесе сакрализуется и выполняет не просто развлекательную функцию, он является основой бытия, то есть анекдот, а значит и смех, который он вызывает, наделяются в пьесе онтологическим содержанием. Именно поэтому Матильда убеждена в том, что как только она сочинит лучший в мире анекдот, то обязательно умрет, поскольку цель жизни будет достигнута и стремиться ей больше будет не к чему: *Совершенный анекдот — это как совершенная музыка. Ты услышишь ее единственный раз в жизни и больше никогда* [Там же].

Смех в пьесе является не только смыслом жизни Матильды, а и своеобразным способом принятия смерти Аны, которая по сюжету была неизлечимо больна. Ана не хочет умирать от болезни, она хочет умереть от смеха, поэтому просит Матильду рассказать идеальный анекдот, и как только девушка прошептала его на ухо больной, та умерла от смеха. Очевидно, что здесь интерпретируется концепция ритуального смеха. Согласно М. М. Бахтину, ритуальный смех — это «универсальное миросозерцательное начало, исцеляющее и возрождающее, связанное с вопросами устроения жизни и смерти» [Бахтин, 1990, с. 64]. С. С. Аверинцев, продолжая теорию М. М. Бахтина, писал, что смех — это «взрыв — захватывает и увлекает одновременно духовную и физическую часть человеческого естества <…> это переход от несвободы к свободе, а если быть точным, то к освобождению» [Аверинцев, 1992, с. 11].

Так и произошло с героиней пьесы Сары Рул Аной: она посредством смеха освободилась от болезни и преодолела свой страх перед смертью. Более того, смех в данном контексте выступает как проявление дионисийского начала, которое может разрушить иллюзии и преодолеть страх удовольствием (Ф. Ницше). Исходя из этого, закономерным считаем тот факт, что в комедии «Чистый дом» с помощью смеха нивелируется смерть. Смех позволил Ане преодолеть страх смерти и болезни, то есть саму смерть как ужасный акт физического умирания. Иными словами, в комедии утверждается бессмертие. Бессмертие Аны заключается в том, что она, по словам Чарльза, была вписана в его генетический код, а в ней после операции Чарльз оставил свою душу, как врачи иногда оставляют в телах своих пациентов зажимы или тампоны.

6. Выводы

Как видим, в пьесе Сары Рул посредством смеха утверждается идея бессмертия любви героев, которая приобретает сакральное содержание. А зна-

чит, пьеса Сары Рул «Чистый дом» — это комедия, рассказывающая о бессмертии любви, которую люди не всегда замечают в погоне за желанием сделать собственную жизнь упорядоченной, чистой и правильной. Отметим также, что подобный онтологический или бытийный смысл пьесы реализуется в том числе благодаря поэтике «магического», которая и позволила создать повествование о сосуществовании чудесного и обыденного.

Таким образом, в результате анализа комедии Сары Рул «Чистый дом» было установлено, что поэтика «магического» использована в пьесе автором на уровне композиции, формы и содержания. Метафизическим, нарушающим границы, является взаимодействие и взаимопроникновение ремарок и диалога в пьесе. Это накладывает отпечаток на хронотоп комедии. Дом как пространство, где разворачивается действие пьесы, является метафизически замкнутым, но физически, материально открытым. Вместе с тем особая пространственная организация в комедии влияет и на темпоральность произведения. В пьесе «Чистый дом» не только происходят «темпоральные смещения», наблюдается тяготение к нивелированию категории времени, но и видна связь подобной пространственно-временной организации текста с его онтологическим содержанием посредством категории смеха. Смех — это ключевой концепт пьесы, универсальное миросозерцательное начало, связанное с вопросами жизни и смерти.

Источники

1. *Рул С.* Чистый дом [Электронный ресурс] / С. Рул. — Режим доступа : https://libking.ru/books/humor-/comedy/569386-sara-rul-anekdoty-v-chistom-dome-chistyy-dom.html.

2. *Rooney D.* The Clean House [Electronic resource] / D. Rooney. — Access mode : https://variety.com/2006/legit/reviews/the-clean-house-1200512300/.

Литература

1. *Аверинцев С.* М. М. Бахтин как философ / С. Аверинцев, Ю. Давыдов, В. Турбин и др. — Москва : Наука, 1992. — 256 с.

2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и на родная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — 2-е изд. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с.

3. *Гирин Ю. Н.* Поэтика сверхпредельности к интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры / Ю. Н. Гирин. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. — 216 с.

4. *Гугнин А.* Магический реализм / А. Гугнин // Энциклопедический словарь экспрессионизма / Главный редактор П. М. Топер. — Москва : ИМЛИ имени А. М. Горького РАН, 2008. — 735 с.

5. *Зайцева И. П.* Современная драматургическая речь : Структура, семантика, стилистика : дисссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / И. П. Зайцева. — Москва, 2002. — 444 с.

6. *Земсков В. Б.* Латинская Америка и Россия. Проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях / В. Б. Земсков // Общественные науки и современность. — 2000. — № 5. — С. 96—103.

7. *Ионов И. Н.* Истоки и структура цивилизационных представлений в Латинской Америке и России (Общее и особенное) / И. Н. Ионов // Общественные науки и современность. — 2007. — № 2. — С. 96—109.

8. *Кофман А. Ф.* Латиноамериканский художественный образ мира / А. Ф. Кофман. — Москва : Наследие, 1997. — 318 с.

9. *Курашова В. В.* Социально-философские смыслы женской англо-американской драматургии : автореферат дисссертации … кандидата философских наук : 09.00.11 / В. В. Курашова. — Казань, 2003. — 22 с.

10. *Лейдерман Н. М.* Траектории «экспериментирующей эпохи» / Н. М. Лейдерман // Вопросы литературы. — 2002. — № 4. — С. 3—47.

11. *Лейдерман Н. Л.* Современная русская литература, 1950—1990-е годы : учебное пособие для студентов вузов : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — Москва : Академия, 2003. — Т. 2 : 1968—1990. — 686 с.

12. *Лексикон* нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / Под редакцией В. В. Бычкова. — Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 607 с.

13. *Овчаренко О. А.* Магический реализм / О. А. Овчаренко // Теория литературы. Т. IV. Литературный процесс. — Москва : ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. — 624 с.

14. *Панчехина М. Н.* Магический реализм как художественный метод в романах М. А. Булгакова : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.08 / М. Н. Панчехина. — Донецк, 2017. — 189 с.

15. *Хализев В. Е.* Драма как явление искусства / В. Е. Хализев. — Москва : Искусство, 1978. — 240 с.

16. *Шамина В. Б.* Американская драма XX века : основные тенденции развития / В. Б. Шамина. — LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. — 218 с.

17. *Шемякин Я. Г.* Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории / Я. Г. Шемякин. — Москва : Наука, 2001. — 391 с

18. *Якунина О. В.* Метафизический реализм в современной литературно-художественной парадигме : к вопросу теоретического обоснования / О. В. Якунина // Гуманитарные исследования. — 2008. — № 1 (25). — С. 78—84.

19. *Bontempelli M.* Novecentismo letterario. Visioni spirituali d'Italia. — Roma : Casa editrice "Nemi", 1931. — 82 p.

20. *Diaz K.* The Clean House. Study Guide [Electronic resource] / K. Diaz. — Access mode : http://www.lunarcow.com/client/CPH/oldsite/StudyGuides/MS0706-sg.pdf.

21. *Isherwood C.* Always Ready With a Joke, if Not a Feather Duster [Electronic resource] / C. Isherwood. — Access mode : https://www.nytimes.com/2006/10/31/theater/reviews/31clea.html?_r=0&pagewanted=/

22. *Lahr J.* Surreal Life. The plays of Sarah Ruhl [Electronic resource] / J. Lahr. — Access mode : https://www.newyorker.com/magazine/2008/03/17/surreal-life?verso=true.

23. *Pender R.* Review : The Clean House [Electronic resource] / R. Pender. — Access mode : https://www.backstage.com/magazine/article/review-clean-house-22411/.

24. *Roh F.* Nachexpressionismus. Magischer Realismus. Probleme der neuesten europäischen Malerei / F. Roh. — Leipzig : Klinkhardt & Biermann, 1925. — 134 s.

Poetics of Magical Realism in Sarah Ruhl's comedy "The Clean House"

© **Anna I. Matvienko (2020),** orcid.org/0000-0001-8316-6425, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Ukrainian Philology with Teaching Methods, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), matvienko_ganna@i.ua.
© **Galina A. Solopina (2020),** orcid.org/0000-0002-3391-658X, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Philology and Teaching Methods, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), gorbunova.galya@gmail.com.

The article examines the features of magical realism as a direction of literature, as well as some of the characteristic features of American drama. The history of performances of the play "The Clean House" by the American playwright Sarah Ruhl is presented in the paper, and also a brief overview of critical articles about these theatrical performances is offered. The study proves that the play "The Clean House" can be viewed in the context of magical realism, based on a number of characteristic features, such as metaphysics, conventionality, rejection of psychological explanations of the characters' actions, the presence of two realities, distortion of space and time, existential problems. It is noted that these features are manifested at the level of compositional construction, speech organization of the play, chronotope, content. It is shown that a metaphysically closed space is materially open, and time in the play is leveled, stopped and determined by the subjective experiences of the characters. Laughter is nominated as the key concept of the play, linking the spatio-temporal organization of the text with its ontological content since through laughter the idea of the immortality of the heroes' love, which acquires a sacred meaning is affirmed in the play. It is emphasized that the poetics of the "magical" makes it possible to realize the ontological or existential meaning of the play, to show the coexistence of the miraculous and the ordinary.

Key words: magic realism; Sarah Ruhl; chronotope; remarks; ontological meaning; concepts; HOME; LAUGHTER.

Material resources

Rooney, D. *The Clean House.* Available at: https://variety.com/2006/legit/reviews/the-clean-house-1200512300/.

Rul, S. *Chistyy dom.* Available at: https://libking.ru/books/humor-/comedy/569386-sara-rul-anekdoty-v-chistom-dome-chistyy-dom.html. (In Russ.).

References

Averintsev, S., Davydov, Yu., Turbin, V. (1992). *M. M. Bakhtin kak filosof.* Moskva: Nauka. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i na rodnaya kultura srednevekovya i Renessansa. 2-e izd.* Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

Bontempelli, M. (1931). *Novecentismo letterario. Visioni spirituali d'Italia.* Roma: Casa editrice "Nemi".

Diaz, K. *The Clean House. Study Guide.* Available at: http://www.lunarcow.com/client/CPH/oldsite/StudyGuides/MS0706-sg.pdf.

Girin, Yu. N. (2008). *Poetika sverkhpredelnosti k interpretatsii khudozhestvennykh protsessov latinoamerikanskoy kultury.* Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).

Gugnin, A. (2008). Magicheskiy realism. *Entsiklopedicheskiy slovar' ekspressionizm*. Moskva: IMLI imeni A. M. Gorkogo RAN. (In Russ.).

Ionov, I. N. (2007). Istoki i struktura tsivilizatsionnykh predstavleniy v Latinskoy Amerike i Rossii (Obshcheye i osobennoye). *Obshchestvennye nauki i sovremennost', 2:* 96—109. (In Russ.).

Isherwood, C. *Always Ready With a Joke, if Not a Feather Duster.* Available at: https://www.nytimes.com/2006/10/31/theater/reviews/31clea.html?_r=0&pagewanted=/

Khalizev, V. E. (1978). *Drama kak yavlenie iskusstva.* Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).

Kofman, A. F. (1997). *Latinoamerikanskiy khudozhestvennyy obraz mira.* Moskva: Nasledie. (In Russ.).

Kurashova, V. V. (2003). *Sotsialno-filosofskie smysly zhenskoy anglo-amerikanskoy dramaturgii: avtoreferat disssertatsii ... kandidata filosofskikh nauk.* Kazan'. (In Russ.).

Lahr, J. *Surreal Life. The plays of Sarah Ruhl.* Available at: https://www.newyorker.com/magazine/2008/03/17/surreal-life?verso=true.

Leksikon nonklassiki. *Khudozhestvenno-esteticheskaya kultura XX veka.* (2003). Moskva: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN). (In Russ.).

Leyderman, N. M. (2002). Trayektorii «eksperimentiruyushchey epokhi». *Voprosy literatury, 4:* 3—47. (In Russ.).

Leyderman, N. M., Lipovetskiy, M. N. (2003). *Sovremennaya russkaya literatura, 1950—1990-e gody: uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov: v 2 t., 2: 1968—1990.* Moskva: Akademiya. (In Russ.).

Ovcharenko, O. A. (2001). Magicheskiy realism. *Teoriya literatury. T. IV. Literaturnyy protsess.* Moskva: IMLI RAN, Nasledie. (In Russ.).

Panchekhina, M. N. (2017). *Magicheskiy realizm kak khudozhestvennyy metod v romanakh M. A. Bulgakova: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk.* Donetsk. (In Ykrain.).

Pender, R. *Review: The Clean House.* Available at: https://www.backstage.com/magazine/article/review-clean-house-22411/.

Roh, F. (1925). Nachexpressionismus. Magischer Realismus. Probleme der neuesten europäischen Malerei. Leipzig: Klinkhardt & Biermann.

Shamina, V. B. (2011). *Amerikanskaya drama XX veka: osnovnyye tendentsii razvitiya.* LAP LAMBERT Academic Publishing. (In Russ.).

Shemyakin, Ya. G. (2001). *Evropa* i Latinskaya Amerika. Vzaimodeystviye tsivilizatsiy v kontekste vsemirnoy istorii. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Yakunina, O. V. (2008). Metafizicheskiy realizm v sovremennoy literaturno-khudozhestvennoy paradigme: k voprosu teoreticheskogo obosnovaniya. *Gumanitarnyye issledovaniya, 1 (25):* 78—84. (In Russ.).

Zaytseva, I. P. (2002). *Sovremennaya dramaturgicheskaya rech: Struktura, semantika, stilistika: disssertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk.* Moskva. (In Russ.).

Zemskov, V. B. (2000). Latinskaya Amerika i Rossiya. Problema kulturnogo sinteza v pogranichnykh tsivilizatsiyakh. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost', 5:* 96—103. (In Russ.).

Поташова К. А. Поэтическая формула «я вижу» в творчестве К. Н. Батюшкова: творческое усвоение державинской традиции / К. А. Поташова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 258—271. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-258-271.

Potashova, K. A. (2020). Poetic Formula “I see” in K. N. Batyushkov’s Work: Creative Assimilation of the Derzhavin Tradition. *Nauchnyi dialog, 8:* 258-271. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-258-271. (In Russ.).

УДК 821.161.1Батюшков.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-258-271

Поэтическая формула «я вижу» в творчестве К. Н. Батюшкова: творческое усвоение державинской традиции[1]

© **Поташова Ксения Алексеевна (2020),** orcid.org/0000-0002-0164-0371, ResearcherID Y-9252-2018, SPIN 7997-0089, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет (Москва, Россия), kseniaslovo@yandex.ru.

Анализируются зрительные метафоры поэзии К. Н. Батюшкова, в которых он выступает творческим наследником художественного стиля Г. Р. Державина. Актуальность поставленной проблемы связана с необходимостью уточнения особенностей творческого метода К. Н. Батюшкова в аспекте усвоения им державинской традиции. Новизна исследования связана с расширением представлений о поэтике зрительного в русской поэзии начала XIX века, в частности, в творчестве К. Н. Батюшкова. Доказано, что К. Н. Батюшков представляет зрение как процесс познания мира. Рассмотрены механизмы преобразования К. Н. Батюшковым зрительно воспринимаемого мира в художественный образ, реконструировано художественное мышление поэта. Выявлено, что в основе модели создания визуального словесного образа в творчестве К. Н. Батюшкова лежит поэтическая формула «я вижу». Показано, что К. Н. Батюшков акцентирует позицию наблюдателя, размышляя при этом о многообразии и величии Божьего мира, о причинно-следственной связи явлений действительности. Установлено, что в творчестве поэта особенное место отведено представлению исторических событий: посредством поэтической формулы «я вижу» К. Н. Батюшков помещает себя внутрь изображенной картины, что отвечает складывающейся эстетике романтизма с его культом личностного восприятия действительности.

Ключевые слова: художественный образ; поэтика зрительного; К. Н. Батюшков; Г. Р. Державин; поэтическая формула; эстетика романтизма.

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-78-00118 «Визуализация художественного образа в русской поэзии конца XVIII – первой трети XIX века».

1. Введение

Художественное сознание К. Н. Батюшкова в высшей степени предрасположено к живописному началу. В своей статье «Нечто о поэте и поэзии» (1815) К. Н. Батюшков рассматривает литературу в категориях, более применимых к живописи: «Само изучение правил, беспристрастное и упорное наблюдение изящных образцов недостаточно. Надобно, чтобы вся жизнь, все тайны помышления, все пристрастия клонились к одному предмету, и сей предмет должен быть Искусство» [Батюшков, 1934, т. II, с. 342]. Живопись в творчестве К. Н. Батюшкова занимала значительное место, его статья «Прогулка в Академию художеств» (1814) положила начало русской художественной критике. Обширные знания в области живописного искусства, общение с художниками С. Ф. Щедриным, О. А. Кипренским, А. Н. Олениным, увлечение альбомным рисованием, пейзажем и автопортретом оказали влияние на особенность поэтики его произведений, связанную с многочисленными зрительными экспериментами. Целью настоящего исследования является изучение особенностей создания К. Н. Батюшковым художественного образа посредством привлечения живописных элементов в поэтику текста. Для достижения поставленной цели в статье изучается проблема взаимодействия повествовательного и описательного начал в художественном образе, определяется значение использования живописной техники в организации поэтического текста. Новизна исследования связана с реконструкцией художественного мышления К. Н. Батюшкова в аспекте создания объемного художественного образа, с расширением представлений о поэтике зрительного в русской поэзии начала XIX века.

2. История и методология исследуемой проблемы в поэзии К. Н. Батюшкова

Живописность как ведущая черта поэтики К. Н. Батюшкова была обозначена еще в критике 1820—30-х годов. Так, И. А. Плетнев в отклике на элегию К. Н. Батюшкова «Умирающий Тасс» (1817) назвал произведение «лучшим перлом новейшей нашей поэзии» в связи с особенностью стиля поэта, проявившейся в быстрой смене «живых развивающихся картин» [Плетнев, 1825, с. 214]. В этом же ключе рассматривает поэтику творчества К. Н. Батюшкова В. К. Кюхельбекер, отметивший в качестве несомненного достоинства его поэзии воображение, повлиявшее на создание словесных картин: «В самом деле, мало найдется сюжетов, которые способны были бы так много сказать воображению» [Кюхельбекер, 1993, с. 51]. Образность поэзии К. Н. Батюшкова была подчеркнута и Н. А. Полевым, им же был намечен сопоставительный анализ поэзии К. Н. Батюшкова и

Г. Р. Державина в аспекте специфики художественной образности [Полевой, 1839, с. 119]. Общий характер поэзии К. Н. Батюшкова, связанный с «осязаемостью» и «видимостью», сформулировал Н. В. Гоголь: «Этот весь потонул в роскошной прелести видимого, которое так ясно слышал и так ясно чувствовал» [Гоголь, 1952, т. VIII, с. 379].

Мастерство К. Н. Батюшкова-художника было высоко оценено В. Г. Белинским, определившим, в чем состоит «отличительный характер» его поэзии: «В стихах его много пластики, много скульптурности, если можно так выразиться. Стих его часто не только слышим уху, но видим глазу: хочется ощупать извивы и складки его мраморной драпировки» [Белинский, 1955, т. VII, с. 224]. В. Г. Белинский сопоставляет художественное мастерство Батюшкова и поэтов-предшественников, при этом утверждая: «Природная поэтическая сила Державина выше поэтической силы, например, Батюшкова; но как художник Батюшков несравненно выше Державина» [Белинский, 1955, т. VI, с. 290].

В первой монографии, посвященной творчеству К. Н. Батюшкова, Н. Т. Костырь, рассматривая художественный инструментарий поэта, выявил «пластицизм чувств», состоящий в том, что «чувство Батюшкова всегда обращено к какому-нибудь действительному предмету и потому всегда имеет определенность или телесную, так сказать, осязаемость» [цит. по: Фридман, 1971, с. 33]. «Пластическое» как возможность видеть и осязать поэтические образы, созданные К. Н. Батюшковым, было рассмотрено в очерке И. Н. Розанова «Русская лирика» (1914) [Розанов, 1914, с. 255—256], эстетическое чувство поэта, его «пластика речи и художественных образов» отмечена Н. А. Котляревским [Котляревский, 1917, с. 122].

В литературоведении XX века проблема визуальности образной системы творчества К. Н. Батюшкова затрагивалась в связи с рассмотрением художественного стиля поэта. Так, Д. Д. Благой отмечал частые «аллегорические картины» в «зоркой» эпикурейской лирике К. Н. Батюшкова и их связь с «анакреонтическими песнями Державина» [Благой, 1934, с. 35]. Н. П. Верховский, рассматривая особенности художественного стиля исторических элегий, связал новаторство поэзии К. Н. Батюшкова с созданием образа «через раскрытие “образа жизни”, нравов, через картинные описания», в чем исследователь видит предвосхищение «пушкинского способа изображения явлений того же порядка» [Верховский, 1941, с. 408]. Понятие «картина» по отношению к созданному поэтом яркому художественному образу использовалось в анализе элегий К. Н. Батюшкова в работах Б. В. Томашевского [Томашевский, 1948], Н. В. Фридмана [Фридман,

1971], И. О. Шайтанова [Шайтанов, 1987], И. М. Семенко [Семенко, 1978], С. Ю. Баранова [Баранов, 1990], В. А. Кошелева [Кошелев, 1987]. В связи с особенностями художественного стиля проблема визуализации художественного образа К. Н. Батюшкова затрагивается в литературоведении на современном этапе. Так, В. Н. Аношкина применительно к историческим элегиям отмечает «предромантическую живопись исторических полотен Батюшкова» [Аношкина, 2007, с. 29].

Однако, обращаясь к творчеству К. Н. Батюшкова, «непосредственно запечатлевшему переход от поэтики XVIII столетия к новому стилю» [Васильева, 2018, с. 74], представляется недостаточной констатация картинности как особенности художественного стиля без выявления самого процесса достижения яркой образности, без определения механизмов визуализации, функционирующих «вкупе со смысловой составляющей образа» [Киселева и др., 2019, с. 265].

3. Механизмы визуализации художественного образа в творчестве К. Н. Батюшкова

Особенность поэтического зрения К. Н. Батюшкова состоит в расширении рамок «предметов поэтических», в описании и возвышенного образа, и повседневности обыденным языком и вместе с тем в умении расцветить созданный образ красками воображения. Живописное начало в творчестве К. Н. Батюшкова многообразно, для эстетической системы поэта особое значение имеет «позиция наблюдателя, воспринимающего мир при помощи зрения» [Поташова, 2015, с. 8]. К основным механизмам визуализации художественного образа следует отнести создание развернутого портрета или пейзажа, интермедиальные отсылки к произведениям изобразительного искусства, введение в поэтический текст живописной техники. Доминирующим путем создания зримого художественного образа является развитая К. Н. Батюшковым зрительная метафора, основанная на понимании зрения как процесса, уникальность которого связана с возможностью познания человека. В этой связи актуальным остается изучение отношений между восприятием визуального образа и такими взаимосвязанными пропозициональными установками, как зрение, воображение, память, знание. Рассмотрение этих отношений представляется интересным как в связи с определением механизмов преобразования зримой картины в художественный образ, объединяющий вербальное и визуальное, так и с выявлением особенностей художественного мировоззрения поэта. Принимая во внимание, что абстрактную сущность художественного образа составляет синтез рецептивных (зрительных) и ментальных (умственных)

процессов, поэтическое восприятие объекта или исторического события можно рассматривать как зрительную модель, одним из путей создания которой является построение композиционной структуры с использованием поэтической формулы «я вижу», сложившейся на рубеже XVIII—XIX веков в творчестве Г. Р. Державина, «мастера-обрисовки» [Поташова, 2019, с. 200], преемником которого можно назвать и К. Н. Батюшкова, привнесшего в художественный образ, в соответствии с романтическими тенденциями, личностную тональность.

Тяготение поэзии К. Н. Батюшкова к визуальному началу внешне проявляется в использовании глаголов зрительного восприятия для организации поэтического текста: *Я видел красоту, достойную венца; Задремал и видел сон; О жалкий вид; Увидел наконец Адмиралтейства шпиц, Фонтанку, этот дом…; Увидишь ты меня перед крыльцом; Во тьме Ты ясно зришь и в глубине морей* [Батюшков, 1934, т. I, с. 225, 228, 176, 160, 249, 190]. Столь многообразное использование К. Н. Батюшковым целого ряда глагольных форм связано с особым типом его поэтического мышления, основанном на объемном построении изображений. Поэтическое описание, открывающееся словами *пред картиною* [Там же, т. II, с. 330], подразумевает построенность образа в самом восприятии окружающего, картинность, готовую для словесного изображения. Каждому объекту изображения соответствует свой тип взгляда поэта и свой язык описания. Восторженным взглядом Батюшков *зр<ит> муз перед собою* [Там же, т. I, с. 203], пронзительным и умственным взглядом смотрит на свою жизнь (*Я зрю то мрачный ад, // То счастия чертог* [Там же, т. I, с. 206]), взгляд поэта-наблюдателя обращен в прошлое (*Вспомни, милый граф, счастливы времена, // Когда нас юношей увидела Двина* [Там же, т. I, с. 115]) или будущее (*Болезнь к тебе, я вижу, смерть ведет* [Там же, т. I, с. 200]).

Сфокусированному зрению часто противопоставлен широкий панорамный взгляд. По принципам панорамного изображения, складывающегося из множества мелких кадров, К. Н. Батюшков строит описание ситуаций военного времени, образно представляет боевые столкновения, развивая заложенную уже в XVIII веке поэтическую традицию. Сцены из военной жизни, созданные К. Н. Батюшковым, представляют собой модель реальности, поэтически преображенной в живописное полотно. Так, поэт в образе страшной природной стихии, настигнувшей человека, представляет видимыми и слышимыми ужасы войны 1812 года: *Гремит повсюду страшный гром, // Горами к небу вздуто море, // Стихии яростные в споре, // И тухнет дальний солнцев долг* [Там же, т. I, с. 237].

4. К. Н. Батюшков как наследник державинской традиции: поэтика зрительного в батальной поэзии

Придавая большое значение самой форме описания военного сражения, К. Н. Батюшков замышлял написание статьи «О войне и баталиях относительно к живописи и поэзии», заключая, что «сражение новейшее живописнее древних» [Там же, т. II, с. 375]. Синонимом к «живописному» сражению у поэта выступает «зрелище», поэт наблюдает за битвой и находит «внешнюю красивость в стройном движении и в картине боя» [Розанов, 1914, с. 626], от которой замирает из-за невыразимости чувства, эта пауза пунктуационно подчеркнута в многоточии: *Колонны сдвинулись, как лес. // И вот ... о* ***зрелище*** *прекрасно! // Идут — безмолвие ужасно! // Идут — ружье наперевес* [Батюшков, 1934, т. I, с. 144]. Именно в «зрелищности», «картинности» сосредотачивается вся гамма впечатлений от увиденных и прочувствованных реалий: *На пути мы встретили несколько корпусов, прикрывавших столицу, и под Fer-Champenoise их проглотили. Зрелище чудесное* [Там же, т. III, с. 405].

Характерное для баталистики К. Н. Батюшкова восприятие битвы как зрелища восходит к поэтической традиции XVIII века, батальные оды Г. Р. Державина также наполнены визуальными образами, призванными воздействовать на эмоциональный настрой читателя, а через чувства — на разум. Метафорично названные у Г. Р. Державина «зрелищем» (*О! Что за зрелище предстало! // О пагубный, о страшный час!* [Державин, 1957, с. 158]) или «видом» («*Ядро казалось раскаленно: // Се вид, как вшел в Измаил росс!*» [Державин, 1957, с. 159]) военные события в представлении читателя одновременно могут вызвать ощущение и масштабности, и театральной картинности. Создавая «зрелище» взятия Измаила, Державин не только призывает восхититься русским воинством, но и заставляет читателя поверить в происшедшее, постигнуть собственным разумом и чувствами все тяготы военной битвы. Развивая державинскую традицию изображения батальных сцен, К. Н. Батюшков насыщает военные описания картинами, что приводит к появлению необычного в жанровом отношении поэтического типа, синтезирующего патетическую оду с лирической элегией: *И, жадные с холмов в окрестность брося взоры, // Приветствую поля и горы, // И замки рыцарей в туманных облаках* [Батюшков, 1934, т. I, с. 158].

Зрелищность державинских картин военных сражений слагается из описаний бурных состояний природы, отвечающих действиям русского воина. В связи с этим картины, открывшиеся зрению поэта, — это картины динамические, фиксирующие движение, потому они состоят из множества глаголов со значением стремительного движения (*пошли*, *взвились*, *гнали*

и т. д.), этот же принцип наследует и К. Н. Батюшков, выхватывающий сам момент движения. Начиная свое письмо к Н. И. Гнедичу о бое, произошедшем на пути следования русской армии в Париж, со слова *вообрази*, поэт фиксирует динамическую картину сражения: *Вообрази себе тучу кавалерии, которая с обеих сторон на чистом поле врезывается в пехоту, а пехота густой колонной, скорыми шагами, отступает без выстрелов, пуская изредка батальный огонь* [Там же, т. III, 405]. У К. Н. Батюшкова в военных сценах отсутствуют столь красочные державинские эпитеты, поэт идет дальше, развивая заложенный Г. Р. Державиным динамизм, стремится наполнить сложившийся в классицизме стиль военной поэзии не эстетикой, а жизнью.

Еще один вариант реализации поэтической формулы «я вижу» связан с фиксацией изображения войны не панорамно, а изнутри. Помещая себя на ратном поле рядом с воюющими россами, Г. Р. Державин уже не всеохватным взглядом, а сфокусированным замечает мельчайшие детали столкновения: *Поверглось, россы, все на вас! // Зрю камни, ядра, вар и бревны, — // Но чем герои устрашенны?* [Державин, 1957, с. 158]. Лишенная метафоричности, поэтическая формула «я вижу» в контексте отражения военных событий изнутри, находит свое развитие в элегии К. Н. Батюшкова «К Дашкову» (1813), передающей впечатления поэта от увиденных картин сгоревшей в 1812 году Москвы. После первого своего пребывания в Москве К. Н. Батюшков написал Н. И. Гнедичу: «От Твери до Москвы и от Москвы до Нижнего, я видел, видел целые семейства всех состояний, всех возрастов, в самом жалком положении; я видел то, чего ни в Пруссии, ни в Швеции видеть не мог: переселение целых губерний! Видел нищету, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны и с трепетом взирал на землю, на небо и на себя» [Батюшков, 1934, т. III, с. 208]. Поэт в сжатой форме посредством использования формулы «я вижу» задает эмоциональный посыл, затем воплощенный в поэтической форме: *Мой друг! я видел море зла // И неба мстительного кары; // Врагов неистовых дела, // Войну и гибельны пожары. // Я видел сонмы богачей, // Бегущих в рубищах надранных; // Я видел бледных матерей, // Из милой родины изгнанных!* [Там же, т. I, с. 87].

Элегия «К Дашкову», написанная под влиянием державинской традиции «одической и эпической баталистики» [Нилова, 2013, с. 116], раскрывает иные смыслы поэтической формулы «я вижу». Если Г. Р. Державин посредством нее придавал достоверность событиям, при этом не будучи сам их непосредственным участником, то К. Н. Батюшков фиксирует собственное восприятие, потрясение от увиденных картин, реализуя в формуле «я

вижу» точку зрения очевидца пожара Москвы, посредством повтора этой формулы придавая посланию «яркую экспрессивность» [Фридман, 1971, с. 166]. Патетически скорбные переживания К. Н. Батюшкова о Москве вписаны в конкретные реалии происходящих событий, а формула «я вижу» является сосредоточением всей «силы передачи лично прочувствованных бедствий» [Поташова, 2017, с. 26]. Установка на достоверность в поэтической формуле «я вижу» вторична, К. Н. Батюшкову не нужно с ее помощью создавать эффект реальности, достоверность тексту придает целый ряд введенных обстоятельственных деталей — поэт фиксирует свое трехкратное пребывание в сгоревшей Москве (*Трикраты прах ее священной // Слезами скорби омочил*), *израненным героем* (поэт цитирует оду Г. Р. Державина «Вельможа»), называет генерала А. Н. Бахметьева, получившего тяжелое ранение на Бородинском поле (К. Н. Батюшков у него служил адъютантом), а само стихотворение посвящает своему другу Д. В. Дашкову. Использованная в элегии «К Дашкову» поэтическая формула «я вижу» является неотъемлемой частью «сложной системы индивидуальных форм лирической экспрессии» [Виноградов, 1941, с. 120] К. Н. Батюшкова.

Объединенные в общую картину страдающей Москвы, сфокусированные отдельные сцены бедствий рождают размышления о былой славе и могуществе, свидетельствующие об «осознанном переживании истории» [Троицкий, 2019, с. 17]. Неслучайно Г. Р. Державин, взирающий на картины Русско-турецкой войны, погружается в воспоминания о временах Батыя, когда славяне отстояли свою независимость, К. Н. Батюшков смотрит на исконно-русские Москву (*Дней мира и трудов плоды, // Пред златоглавою Москвой*) и Тверь (*От Твери до Москвы*) как символы борьбы, страдания и самопожертвования. В «Оде на взятие Измаила» Г. Р. Державин связывает изгнание врагов с вмешательством Божественной силы: *Но Бог, но дух его великий // Сотряс с него беды толики, — // Расторннул лев железну вервь!* [Державин, 1957, с. 158]. Эту же идею развивает и К. Н. Батюшков, но отказывается от прямых возгласов, поэту оказывается достаточным изобразить только взгляд. Сначала в письме, а затем и в элегии К. Н. Батюшков заостряет внимание на взгляде, обращенном к небу (*взирал на землю, на небо и на себя; И с новым трепетом взирали // На небо рдяное кругом* [Батюшков, 1934, т. I, с. 87]), тем самым переводит взгляд с пожаров к небу, «образу из категории философской» [Зуев, 2000], утверждая, что в трагических событиях истории, «потребовавших от защитников Русской земли напряжения всех духовных сил и явившие их данность» [Киселева, 2012, с. 184], русский человек постигает высший смысл происходящих с ним бедствий.

5. Поэтика зрительного в онтологической поэзии К. Н. Батюшкова

В художественном мире К. Н. Батюшкова зрение является средством познания истины и постижения Бога в его творениях. В своем раннем стихотворении «Бог» (1805) К. Н. Батюшков продолжает державинскую традицию в высказывании мысли о всесильном Творце-Вседержителе, Которому подвластны видимый мир (материальная вселенная) и мир невидимый: *Но бури страшные и громы Ты смиряешь // И благость на земли реками изливаешь* [Батюшков, 1934, т. I, с. 190], и создает, как указывает В. Н. Аношкина, «величественную картинность» [Аношкина, 2011, с. 31]. На идейном уровне стихотворение К. Н. Батюшкова «Бог» близко к одноименной оде Г. Р. Державина или его же стихотворению «Величество Божие. Псалом 102». Однако, не отрицая сходства однотемных произведений обоих поэт, следует отметить иную расстановку акцентов К. Н. Батюшковым, сделанную при помощи системы визуальных приемов. Если Г. Р. Державин представляет грандиозную картину мироздания и стремится постигнуть место человека в нем («*Но Ты во мне сияешь // Величеством Твоих доброт; // Во мне Себя изображаешь, // Как солнце в малой капле вод*» [Державин, 1957, с. 115]), то К. Н. Батюшков в образном рисунке стихотворения отказывается от категории устрашающего в пользу категории величественного, а еще сохраняющиеся аллегорические картины и классицистические патетические интонации (*На вечном троне Ты средь облаков сидишь // И сильною рукой гром мещешь и разишь* [Батюшков, 1934, т. I, с. 109]) разбавляет новыми, погружаясь в постижение собственного сознания, поэт говорит о себе: *И где луна в ночи свет тихий проливает // Туда мой скромный взор с надеждою летит* [Там же, т. I, с. 190]. Единый историко-литературный контекст со стихотворением К. Н. Батюшкова «Бог» составляет державинское «Евгению. Жизнь Званская» (1807), лишенное прежнего самоутверждения человека, но также проникнутое идеей гармонии миропорядка. Описание утра у Г. Р. Державина открывается формулой «Взвожу на небо скромный взор», посредством которого происходит «узрение Бога» [Киселева, 2011, с. 78] Сквозь этот «скромный взор» и у К. Н. Батюшкова, и у Г. Р. Державина просвечивает активное, творящее зрение, «скромный взор» структурирует изображенное пространство. С помощью пространственных указателей («там» и «где» — К. Н. Батюшков, «над» и «под» — Г. Р. Державин) оба поэта создают горизонтально развернутую широкую зрительную ленту, в которой представляют природу нерукотворной красотой Божьего мира: *горы вечные, класы … златые на полях, небесный чистый свод* [Батюшков, 1934, т. I, с. 190]; *багрянец зарь, Солнце восходяще* [Державин, 1957, с. 327]. Семантика глагольной конструкции «взвожу … взор», образующей повествование

обоих стихотворений, связана с восприятием зрения как проявления высших интеллектуальных переживаний, умение видеть оказывается тождественно умению мыслить, а значит, и познавать мир (корень вѣд — ведать — восходит к санскритским корням *vid* и *ved*, то есть ведать — это познать мир при помощи глаз): *Хочу постичь Тебя, хочу — не постигаю. // Хочу не знать Тебя, хочу — и обретаю* [Батюшков, 1934, т. I, с. 190]. Суть формулы «я вижу» связана с «обращением к своему внутреннему миру» [Киселева и др., 2018, с. 37], заключается в возможности облачить в художественную форму движение самосознания, а в поэтической канве стихотворного текста придать поступательный характер повествованию.

6. Выводы

В письмах и элегии К. Н. Батюшкова поэтическая формула «я вижу», выступающая в различных инвариантах («я видел», «взвожу взор», «представь … зрелище», «я зрю», «ты зришь», «увидел», «перед мной картина»), выполняет текстообразующую, изобразительную, гносеологическую функции. Посредством этой формулы поэт не только акцентирует позицию наблюдателя, но размышляет о многообразии и величии Божьего мира, постигает причинно-следственную связь явлений действительности, зрительно представляет исторические события, помещая себя внутрь изображенной картины и излагая свои переживания, что отвечает складывающейся эстетике романтизма. Рассмотрение генезиса поэтической формулы «я вижу» в творчестве К. Н. Батюшкова выявляет схожесть созданных общебытийственных (картины мира и природы) и исторических (прежде всего батальных) картин с описаниями космоса и батальных сцен у Г. Р. Державина. Однако если у Г. Р. Державина целью использования формулы «я вижу» является создание правдоподобной и в то же время аллегорически представленной картины, то у К. Н. Батюшкова она связана с выведением на первый план личного впечатления от предстающей взору участника действий или субъекта размышлений картины.

Источники

1. *Батюшков К. Н.* Сочинения : В 3-х т. / К. Н. Батюшков. — Москва ; Ленинград : Academia, 1934. — 792 с.

2. *Державин Г. Р.* Стихотворения / Г. Р. Державин. — Ленинград : Советский писатель, 1957. — 469 с.

Литература

1. *Аношкина В. Н.* «Дружелюбное обаяние поэта». Жизненный и творческий путь К. Н. Батюшкова / В. Н. Аношкина // К другу. Избранные произведения и письма. — Москва : Парад, 2007. — С. 5—44.

2. *Аношкина В. Н.* К. Н. Батюшков. Пролог и эпилог творчества (Об истоках религиозности) / В. Н. Аношкина // Аношкина-Касаткина В. Н. Православные основы русской литературы XIX века. — Москва : Пашков Дом, 2011. — С. 26—52.

3. *Баранов С. Ю.* Идиллия в творчестве К. Н. Батюшкова / С. Ю. Баранов // Развитие жанров русской лирики конца XVIII—XIX веков : межвузовский сборник научных трудов. — Куйбышев : КГПИ, 1990. — С. 52—64.

4. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений : В 13 т. / В. Г. Белинский. — Москва : Издательство АН СССР, 1954—1955. — Т 13. — 23 с.

5. *Благой Д. Д.* Судьба Батюшкова // Батюшков К. Н. Сочинения. — Москва ; Ленинград : Academia, 1934. — С. 7—39.

6. *Васильева И. Э.* Топос в культуре нового времени : к постановке проблемы / И. Э. Васильева // Мир русского слова. — 2018. — № 4. — С. 70—78.

7. *Верховский Н. П.* Батюшков / Н. П. Верховский // История русской литературы : В 10 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941. — Т. 5. — С. 392—417.

8. *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1941. — 620 с.

9. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений : В 14 т. / Н. В. Гоголь. — Москва : Изд-во АН СССР, 1952. — 23. с.

10. *Зуев Н. Н.* Константин Батюшков. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам [Электронный ресурс] / Н. Н. Зуев. — 2-е издание. — Москва : Изд-во МГУ, 2000. — 112 с. — Режим доступа : https://www.booksite.ru/fulltext/zuy/evb/4.htm

11. *Киселева И. А.* Творческая история стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» (1841) в культурно-историческом контексте / И. А. Киселева // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 264—279. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-10-264-279.

12. *Киселева И. А.* Семантика и поэтика русского костюма в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16. — № 2. — С. 36—48.

13. *Киселева И. А.* Онтология стихии в художественном мире М. Ю. Лермонтова / И. А. Киселева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Философские науки. — 2011. — № 4. — С. 74—78.

14. *Киселева И. А.* Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века : к вопросу о патриотизме Лермонтова / И. А. Киселева // Вестник Московского государственного областного университета. — 2012. — № 4. — С. 182—187.

15. *Котляревский Н. А.* Литературные направления Александровской эпохи : пособие для приступающих к изучению русской изящной словесности XIX века. — Изд. 3-е. – Петроград : Типография М. М. Стасюлевича, 1917. — 495 с.

16. *Кошелев В. А.* Константин Батюшков : Странствия и страсти / В. А. Кошелев. — Москва : Современник, 1987. — 351 с.

17. *Кюхельбекер В. К.* «Опыты в стихах и прозе» г-на Батюшкова / В. К. Кюхельбекер // Русская литература XIX века. 1800—1830 : источниковедческая хрестоматия / под редакцией В. Н. Аношкиной [и др.]. — Москва : МПУ, 1993. — С. 51—52.

18. *Нилова А. Ю.* Топика поэтических посланий и война 1812 года / А. Ю. Нилова // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 4 (2). — С. 115—118.

19. *Плетнев И. А.* Разбор элегии Батюшкова «Умирающий Тасс» / И. А. Плетнев // Журнал изящных искусств. — 1825. — Книга 3. — С. 210—227.

20. *Полевой Н. А.* Очерки русской литературы : В 2 ч. / Н. А. Полевой. — Санкт-Петербург : Типография Сахарова, 1839. — 20 с.

21. *Поташова К. А.* Образ пылающего вулкана в сознании очевидцев пожара Москвы 1812 года / К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2017. — Т. 15. — № 3. — С. 21—34.

22. *Поташова К. А.* Влияние живописи на эстетический идеал русской литературы первой трети XIX века (А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / К. А. Поташова. — Москва, 2015. — 22. с.

23. *Поташова К. А.* Цветовая визуализация художественного образа как особенность творческого метода Г. Р. Державина / К. А. Поташова // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 199—214. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-11-199-214.

24. *Розанов И. Н.* Русская лирика. От поэзии безличной — к исповеди сердца : историко-литературные очерки / И. Н. Розанов. — Москва : Задруга, 1914. — 168 с.

25. *Семенко И. М.* Батюшков и его «Опыты» / И. М. Семенко // Опыты в стихах и прозе / К. Н. Батюшков ; изд подгот. И. М. Семенко. — Москва : Наука, 1978. — С. 433—492.

26. *Томашевский Б. В.* К. Н. Батюшков : [вступительная статья.] / Б. В. Томашевский // Батюшков К. Н. Стихотворения. — Москва : Художественная литература, 1948. — С. V—LV.

27. *Троицкий В. Ю.* Национальное самосознание в русской поэзии 1816—1821 гг. / В. Ю. Троцкий // Два века русской классики. — 2019. — Т. 1. — № 2. — С. 8—35.

28. *Фридман Н. В.* Поэзия Батюшкова / Н. В. Фридман. — Москва : Наука, 1971. — 383 с.

29. *Шайтанов И. О.* Константин Николаевич Батюшков (1787—1855) / И. О. Шайтанов // Батюшков К. Н. Стихотворения. — Москва : Художественная литература, 1987. — С. 3—16.

Poetic Formula "I see" in K. N. Batyushkov's Work: Creative Assimilation of the Derzhavin Tradition[1]

© **Ksenia A. Potashova (2020),** orcid.org/0000-0002-0164-0371, ResearcherID Y-9252-2018, SPIN 7997-0089, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University (Moscow, Russia), kseniaslovo@yandex.ru.

The author analyses the visual metaphors of K. N. Batyushkov's poetry, in which he acts as the creative heir to the artistic style of G. R. Derzhavin. The urgency of the problem is connected with the need to clarify the features of the creative method of K. N. Batyushkov in the aspect of his assimilation of the Derzhavin tradition. The novelty of the research is connected with the expansion of ideas about the poetics of the visual in Russian poetry of the early 19th century, in particular, in the work of K. N. Batyushkov. It is proved that K. N. Batyushkov represents vision as a process of cognition of the world. The mechanisms of K. N. Batyushkov's transformation of visually perceived world in an artistic image are considered, the artistic thinking of the poet is reconstructed. It is revealed that the model of creating a visual verbal image

1 The article is financially supported by RSF, project № 19-78-00118 " Visualization of an artistic image in Russian poetry of the end of the 18th – first third of the 19th century."

in K. N. Batyushkov's work is based on the poetic formula "I see." It is shown that K. N. Batyushkov emphasizes the position of the observer, reflecting at the same time on the diversity and greatness of God's world, on the cause-and-effect relationship of reality phenomena. It is established that a special place is given to the representation of historical events in the work of the poet: through the poetic formula "I see" K. N. Batyushkov places himself inside the picture, which corresponds to the emerging aesthetics of romanticism with its cult of personal perception of reality.

Key words: artistic image; poetics of the visual; K. N. Batyushkov; G. R. Derzhavin; poetic formula; aesthetics of romanticism.

Material resources

Batyushkov, K. N. (1934). *Sochineniya, 3:* Moskva; Leningrad: Academia. (In Russ.).
Derzhavin, G. R. (1957). *Stikhotvoreniya.* Leningrad: Sovetskiy pisatel'. (In Russ.).

References

Anoshkina, V. N. (2007). «Druzhelyubnoyye obayaniye poeta». Zhiznennyy i tvorcheskiy put' K. N. Batyushkova. In: *K drugu. Izbrannyye proizvedeniya i pisma.* Moskva: Parad. 5—44. (In Russ.).

Anoshkina, V. N. (2011). K. N. Batyushkov. Prolog i epilog tvorchestva (Ob istokakh religioznosti). In: Anoshkina-Kasatkina V. N. *Pravoslavnyye osnovy russkoy literatury XIX veka.* Moskva: Pashkov Dom. 26—52. (In Russ.).

Baranov, S. Yu. (1990). Idilliya v tvorchestve K. N. Batyushkova. In: *Razvitiye zhanrov russkoy liriki kontsa XVIII—XIX vekov: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov.* Kuybyshev: KGPI. 52—64. (In Russ.).

Belinskiy, V. G. (1954—1955). *Polnoye sobraniye sochineniy, 13.* Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. (In Russ.).

Blagoy, D. D. (1934). Sudba Batyushkova. In: Batyushkov K. N. *Sochineniya.* Moskva; Leningrad: Academia. 7—39. (In Russ.).

Fridman, N. V. (1971). *Poeziya Batyushkova.* Moskva: Nauka. (In Russ.).

Gogol', N. V. (1952). *Polnoye sobraniye sochineniy, 14.* Moskva: Izd-vo AN SSSR, (In Russ.).

Kiseleva, I. A. (2011). Ontologiya stikhii v khudozhestvennom mire M. Yu. Lermontova. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskiye nauki, 4:* 74—78. (In Russ.).

Kiseleva, I. A. (2012). Rol' sobytiy voyny 1812 goda v formirovanii imperskikh nastroyeniy russkogo obshchestva pervoy treti XIX veka: k voprosu o patriotizme Lermontova. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, 4:* 182—187. (In Russ.).

Kiseleva, I. A. (2019). Tvorcheskaya istoriya stikhotvoreniya M. Yu. Lermontova «Spor» (1841) v kulturno-istoricheskom kontekste. *Nauchnyy dialog, 10:* 264—279. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-264-279. (In Russ.).

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2018). Semantika i poetika russkogo kostyuma v «Istorii Gosudarstva Rossiyskogo» N. M. Karamzina. *Problemy istoricheskoy poetiki, 16 (2):* 36—48. (In Russ.).

Koshelev, V. A. (1987). *Konstantin Batyushkov: Stranstviya i strasti.* Moskva: Sovremennik. (In Russ.).

Kotlyarevskiy, N. A. (1917). *Literaturnyye napravleniya Aleksandrovskoy epokhi: posobiye dlya pristupayushchikh k izucheniyu russkoy izyashchnoy slovesnosti XIX veka.* Izd. 3-e. Petrograd: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. (In Russ.).

Kyukhelbeker, V. K. (1993). «Opyty v stikhakh i proze» g-na Batyushkova. In: *Russkaya literatura XIX veka. 1800—1830: istochnikovedcheskaya khrestomatiya.* Moskva: MPU. 51—52. (In Russ.).

Nilova, A. Yu. (2013). Topika poeticheskikh poslaniy i voyna 1812 goda. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, 4 (2):* 115—118. (In Russ.).

Pletnev, I. A. (1825). Razbor elegii Batyushkova «Umirayushchiy Tass». *Zhurnal izyashchnykh iskusstv, 3:* 210—227. (In Russ.).

Polevoy, N. A. (1839). *Ocherki russkoy literatury, 2.* Sankt-Peterburg: Tipografiya Sakharova. (In Russ.).

Potashova, K. A. (2015). Vliyaniye zhivopisi na esteticheskiy ideal russkoy literatury pervoy treti XIX veka (A. S. Pushkin i M. Yu. Lermontov): avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).

Potashova, K. A. (2017). Obraz pylayushchego vulkana v soznanii ochevidtsev pozhara Moskvy 1812 goda. *Problemy istoricheskoy poetiki, 15 (3):* 21—34. (In Russ.).

Potashova, K. A. (2019). Tsvetovaya vizualizatsiya khudozhestvennogo obraza kak osobennost' tvorcheskogo metoda G. R. Derzhavina. *Nauchnyy dialog, 11:* 199—214. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-199-214. (In Russ.).

Rozanov, I. N. (1914). *Russkaya lirika. Ot poezii bezlichnoy — k ispovedi serdtsa: istoriko-literaturnyye ocherki.* Moskva: Zadruga. (In Russ.).

Semenko, I. M. (1978). Batyushkov i yego «Opyty». *Opyty v stikhakh i proze.* Moskva: Nauka. 433—492. (In Russ.).

Shaytanov, I. O. (1987). Konstantin Nikolayevich Batyushkov (1787—1855). In: *Batyushkov K. N. Stikhotvoreniya.* Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 3—16. (In Russ.).

Tomashevskiy, B. V. (1948). K. N. Batyushkov: [vstupitelnaya statya.]. In: Batyushkov K. N. Stikhotvoreniya. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. V—LV. (In Russ.).

Troitskiy, V. Yu. (2019). Natsionalnoye samosoznaniye v russkoy poezii 1816—1821 gg. *Dva veka russkoy klassiki, 1 (2):* 8—35. (In Russ.).

Vasilyeva, I. E. (2018). Topos v kulture novogo vremeni: k postanovke problem. *Mir russkogo slova, 4:* 70—78. (In Russ.).

Verkhovskiy, N. P. (1941). Batyushkov. *Istoriya russkoy literatury, 10 (5).* Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 392—417. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1941). *Stil' Pushkina.* Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. (In Russ.).

Zuyev, N. N. (2000). *Konstantin Batyushkov. V pomoshch' prepodavatelyam, starsheklassnikam i abituriyentam.* Moskva: Izd-vo MGU. Available at: https://www.booksite.ru/fulltext/zuy/evb/4.htm(In Russ.).

Толкачева С. В. Традиционные рекрутские обряды русского населения Удмуртии: этнографические параллели с рекрутскими обрядами народов Урало-Поволжья / С. В. Толкачева // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 272—285. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-272-285.

Tolkacheva, S. V. (2020). Traditional Recruitment Rites of Russian Residents of Udmurtia: Ethnographic Parallels with Recruitment Rites of Ural-Volga Region Peoples. *Nauchnyi dialog, 8:* 272-285. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-272-285. (In Russ.).

УДК 398.8(470.51)
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-272-285

Традиционные рекрутские обряды русского населения Удмуртии: этнографические параллели с рекрутскими обрядами народов Урало-Поволжья

© **Толкачева Светлана Викторовна (2020),** orcid.org/0000-0002-9362-3017, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия), svetlana-tolk@mail.ru.

Статья посвящена реконструкции русского рекрутского обряда, бытовавшего на территории современной Удмуртии в начале и середине XX века. Источниковой базой для реконструкции послужили этнографические рассказы, зафиксированные автором в 90-е годы XX века в фольклорно-этнографических экспедициях Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. В результате предварительного анализа и систематизации материала доказано функционирование в данном регионе единой, общей структуры ритуала. Продемонстрирована тенденция, связанная с направленностью русской традиционной культуры региона к объединению в два крупных этнокультурных ареала. Актуальность работы обусловлена тем, что рекрутские обряды русских жителей Удмуртии впервые рассмотрены в контексте традиционных рекрутских обрядов других народов Урало-Поволжья. Представлены результаты сопоставительного анализа русских рекрутских обрядов, бытующих в Удмуртии, и традиционных рекрутских ритуалов башкир, бесермян, коми-пермяков, марийцев, татар, чувашей, удмуртов, проживающих в Урало-Поволжье. Доказано типологическое сходство рекрутских обрядов данных народов. В результате анализа обнаружены многочисленные этнографические параллели в проведении традиционных рекрутских обрядов у народов Урало-Поволжья и русского населения современной Удмуртии.

Ключевые слова: некрут; русский обрядовый фольклор Удмуртии; проводы; рекрутские обряды; Урало-Поволжье.

1. Введение

Рекрутские обряды являлись неотъемлемой частью русской традиционной культуры, бытовавшей вплоть до 60—70-х годов XX века на тер-

ритории современной Удмуртии. В данной статье предлагается краткий анализ и попытка реконструкции русского рекрутского обряда на основании этнографических рассказов, зафиксированных автором в 90-е годы XX века в ходе фольклорно-этнографических экспедиций в указанном регионе. Этнографическая составляющая рекрутских обрядов русского населения Удмуртии рассмотрена в контексте традиционных рекрутских обрядов других народов Урало-Поволжья.

В проведении русских рекрутских обрядов в Удмуртии условно можно выделить два этапа. Первый этап начинался после извещения семьи молодого человека о призыве. Начало второго этапа знаменовал *прощальный вечер* накануне отправления рекрута в армию. Завершался обряд проводами призывника и его отъездом.

В русских диалектах, бытующих на территории Удмуртии, термин *рекрут* заменялся терминами *не́крут* или *солдат* (здесь и далее курсивом выделены диалектные слова, выражения, тексты, записанные в ходе бесед с информантами).

2. Традиционный рекрутский обряд русского населения Удмуртии

2.1. Первый этап рекрутского обряда

В южном этнокультурном ареале Удмуртии (подробнее об этнокультурных ареалах см. [Стародубцева, 2001, с. 10—13]) первый этап рекрутского ритуала назывался в *некрута́х гулять*. *Гуляния некрута* в разных диалектных традициях и этнокультурных ареалах были неодинаковы по продолжительности. В северных районах Удмуртии первый этап длился две недели и более, в южных районах — не менее месяца [Толкачева, 2019, с. 294—295].

Узнав о перспективе предстоящей службы, молодой человек резко менял занятия, образ жизни на оставшийся период. Он посещал односельчан и родственников в окрестных деревнях с известием о своей повестке, катался с друзьями на лошадях. По воспоминаниям уроженца Якшур-Бодьинского района П. П. Фертикова, после известия о призыве рекрут начинал с большим рвением помогать родителям по хозяйству [Фертиков, 2008, с. 58].

Упряжь для гуляний *некрута* по аналогии с другими семейными и календарными обрядами региона — катаниями молодёжи в Масленицу и во время свадьбы — празднично украшалась колокольчиками, бубенцами, лентами, платками, цветами [Болдырева и др., 2018, с. 35]. В руках у *некрута* всегда была гармонь. Приведённое ниже описание масленичных катаний в дер. Черепаново Воткинского района идентично воспоминаниям большинства русских жителей о любых традиционных катаниях на лоша-

дях: *Девки, парни! Гармони ревут! Такое весе́лле! Беда! Весело было, весело! [Лошадей]… украшают! Колоколы́, ленточки навешают, платочки! Ага!...* [Кузнецова; Молкова].

В дер. Березек Вавожского района при перемещении в повозке люди стояли. Они держались за верёвку, которая натягивалась по центру повозки [Толкачева, 2019, с. 294].

В северном этнокультурном ареале Удмуртии *гостевания некрута* существенно отличались от подобного обычая, бытовавшего в южном этнокультурном ареале. Посещая родственников и знакомых, *некрут* приглашал их на *последние столы* (прощальный вечер), в ряде населённых пунктов он прибивал к матице монетой *ленту* / *тряпку*. Хозяева вешали на *некрута* полотенца, давали ему деньги. В дер. Андриёнки Балезинского района *некрут* постоянно ходил в связанных полотенцах, надетых на него родителями после известия о призыве [Там же, с. 295].

2.2. Второй этап традиционного рекрутского обряда русского населения Удмуртии

Завершался традиционный рекрутский обряд прощанием *некрута* со всеми родными и друзьями накануне или в день отправления и проводами. По всей территории современной Удмуртии данный этап оформлялся сходным образом, с незначительными вариантами. Родственники, соседи, друзья *некрута* приходили на *последние столы* / *про́воды* / *провожа́ны* / *вечёрку*. Во время трапезы постоянно звучали песни. В дер. Самки Глазовского района под заключительную песню *последнего стола* «А вечор я был мальчишка» все гости по очереди водили *некрута* за руку по избе [Толкачева, 2019, с. 296]. Гости дарили *некруту* подарки — полотенца, платочки и кисеты с вышитыми пожеланиями, а также деньги. В южном этнокультурном ареале подобные подарки могли положить на носовой платок, лежащий на блюдце [Дурновцев; Дурновцева]

В северном этнокультурном ареале Удмуртии на *прощальном вечере*, аналогично предыдущим дням, гости поочерёдно накидывали на шею *некрута* полотенца. Также мать *некрута* вешала полотенце и при его выходе из дома на место сбора, а если он отъезжал на лошадях — прикрепляла полотенце к дуге [Толкачева, 2019, с. 295].

В северных и центральных районах Удмуртии было принято, чтобы *некрут* прибивал к матице монетой алую ленту, которые он сам снимал после возвращения из армии. В дер. Архипята Балезинского района *некрут* мог приколоть ленту к своей шапке, которую потом оставлял дома [Там же]. В дорогу *некруту* обычно подготавливали выпечку *орешки* (мучные шарики, выпекаемые на сметане).

Перед выходом из дома мать благословляла *некрута* иконой и молитвой, *читала молитвенные слова*. Некоторые информанты сообщают, что *некрут* забирал икону, которой его благословляли, и / или листок / книгу с молитвами, с собой на службу [Богданова, 2019].

Выходя из дома, *некрут* мог ненадолго возвратиться обратно, *дак штоб опéть обратно за стол же за тот сял <…>, штобы он вернулся обратно за этот же стол* [Дурновцев; Дурновцева]. В селе Карсовай *некрут* смотрел в печь, на очаг, крестился и только потом уходил из дома, или он доставал из печи каравай, предварительно положенный туда матерью, откусывал от него кусочек [Богданова, 2019].

Еда на столе в день проводов служила своеобразным оберегом *некрута*. В селе Камское Каракулинского района существовало поверье, что еду со стола в день проводов и ещё два-три дня убирать нельзя, она *ночует туто-ка* [Дурновцев; Дурновцева].

В большинстве локальных традиций до места сбора *некрут* и провожающие шли пешком. *Некрута* подхватывали под руки и пели песни.

В Каракулинском районе, в частности, в селе Вятское [Толкачева, 2019, с. 296] и в дер. Боярка, во время вывода *некрута* из дома и его проводов до места сбора несколько девушек шли перед ним *вперёд пяткáми* (вперёд спинами, лицом к *некруту*): *Когда уже некрутá, когда уже на машину из дому... А он* [рекрут] *идёт к тебе лицом. Он по пути идёт, а мы идём взади вот, взад пяткáми. Ну, он идёт с девкой, ну, там, подружкой... Некрут, там, с невестой, мама-папа у него там, кто-куся́, сёстры идут вот, с нём рядом…* [Кашникова].

Садясь в автобус, *некрут* махал подаренным ему носовым платком.

Итак, в результате предварительного анализа полевых материалов фольклорно-этнографических экспедиций 90-х годов XX века, собранных автором на территории современной Удмуртии, и предпринятой реконструкции этнографического оформления русских рекрутских обрядов выявились две основных тенденции. Первая — это функционирование в данном регионе единой, общей структуры ритуала. Вторая тенденция связана с бытованием в различных диалектных традициях оригинальных эпизодов, имеющих склонность к повторению или незначительному варьированию в пределах одного этнокультурного ареала.

3. Этнокультурные взаимодействия

Традиционный рекрутский обряд русских жителей Удмуртии обнаруживает значительное сходство с рекрутскими обрядами других народов, проживающих в Урало-Поволжье — удмуртов, бесермян, чувашей, башкир, ма-

рийцев, коми-пермяков, татар. Повсеместно на данной территории сходным образом проводились *гостевания*, были аналогичными традиции прибивания ленточек, катания на лошадях, ритуальных угощений гостей, преподнесения новобранцу полотенец и подарков, благопожеланий, исполнения песен. Наибольшее количество параллелей можно провести с рекрутскими обрядами бесермян, удмуртов, чувашей, марийцев, коми-пермяков.

3.1. Ленты. Чук. Платки, платочки

Аналогично рекрутским обрядам русского населения Удмуртии в традиционных рекрутских обрядах других народов Урало-Поволжья подарками для новобранца могли служить отрезы холста, одежда, платки, лоскуты, ленты, полотенца, платочки, кисеты, нитки, перчатки, чулки, бельё, портянки. Предметы из ткани обладали разнообразной семантикой, например, представляли собой оберег новобранца [Алламуратова, 2015, с. 90; Петров, 2015, с. 62].

Подобно рекрутским обрядам русских жителей Удмуртии, у удмуртов, бесермян, чувашей полотенца, навешиваемые на рекрута родителями, а также родственниками и друзьями во время *гостевания*, не снимались вплоть до его проводов [Петров, 2015, с. 61].

Лентами, полотенцами, платками украшалась упряжь для перевозки рекрута и его сопровождающих в удмуртских, бесермянских, коми-пермяцких, чувашских ритуалах [Кудрявцева, 2017, с. 82; Петров, 2015, с. 60; Черных, 2007, с. 113].

Характерный обычай для рекрутского обряда удмуртов, бесермян, чувашей и русских, проживающих в северных районах Удмуртии, — прибивание монетой ленты или лоскута, чаще красного цвета. В удмуртском и бесермянском рекрутском обряде *чук* / *туг* / *чача* / *син-пельлы* — «один или несколько лоскутов или ленточек, вбитые монетой в матицу... Согласно поверьям, чем больше лоскутков / ленточек оставит новобранец, тем удачнее пройдет его служба в армии. В современной традиции *чук* / *туг* расценивается как своеобразная памятка / подарок родному дому / родственникам <...>, апотропейная функция которого непосредственно связана с матицей и ее оберегными свойствами» [Владыкина и др., 2018, с. 144—146].

В бесермянском обряде *чук* могли прибивать к воротам [Попова, 2011, с. 149], в удмуртском — прицеплять новобранцу на грудь или вбивать *туг* в специальное дерево [Назмутдинова, 2017, с. 83].

Аналогично русскому рекрутскому обряду, в удмуртской традиции «ленточка на память <...> висела до возвращения солдата. Вернувшись со службы, он сам ее снимал. Одновременно в доме могло висеть несколько ленточек, и хозяева помнили, кто прибивал каждую из них» [Ирисова].

3.2. Еда

Традиционно наделялась функцией оберега рекрута еда — хлеб, выпечка, сладости (*колобки*, *орешки*, *чак-чак*). Помимо мучных изделий, магические «охраняющие» свойства в рекрутском обряде приписывались сахару, соли, маслу, молоку, молочным продуктам. У татар, башкир в рекрутских обрядах большое внимание уделялось блюдам из курицы [Алламуратова, 2015, с. 91; Черных, 2007, с. 254].

И. Г. Петров приводит уникальные сведения, свидетельствующие о сакральной функции хлеба в чувашском рекрутском обряде, и утверждает, что отрезание / откусывание от каравая ломтя и его дальнейшее сохранение способствовало благополучному возвращению солдата домой, чтобы, вернувшись, он мог «еще раз взять в руки хлеб...» [Петров, 2015, с. 67]. Аналогичные обычаи бытовали у удмуртов, башкир, коми-пермяков, пермских татар [Назмутдинова, 2017, с. 84; Черных, 2007, с. 113]. А. Г. Черных отмечает, что «сами действия с караваем и их интерпретации часто варьируются в разных деревнях» [Черных, 2007, с. 253]. Например, у марийцев Пермского края хлеб заворачивали в полотенце, висевшее на шее призывника, и помещали его на чердак до возвращения солдата [Черных и др., 2013, с. 276].

В башкирской традиции «молодого человека по обычаю мать поила молоком или другим молочным продуктом, а также давала откусить хлеб, который обводили вокруг пояса и берегли до возвращения <...> Сакральность обрядовой еды подчеркивается местом его размещения: хлеб подвешивали на матицу, хранили на печи, шкафу» [Алламуратова, 2015, с. 91].

3.3. Проявления сакрализации пространства в рекрутских обрядах

В традиционном рекрутском обряде большую смысловую нагрузку приобретала символика пространства. Это проявлялось в активизации пространства «верха» в системе оппозиции «верх» — «низ», в «графике» перемещений людей, в определённых действиях с «сакральными» предметами, в повышенном внимании к наиболее значимым элементам пространства избы и двора. «Инаковое» поведение и перемещение рекрута и его сопровождающих было характерным для всех рекрутских обрядов Урало-Поволжья.

Необычные действия по отношению к обыденности могли выполняться с водой (с вёдрами), а также с такими предметами, как печь, полотенца, платки, платочки, блюда, головные уборы [Назмутдинова, 2017, с. 84; Черных и др., 2013, с. 278]. Водной стихии и всем этим предметам приписывались магические свойства и в повседневной жизни. Во взаимодействии с ними большое значение уделялось видам движения или неподвижности.

Зачастую после отбытия рекрута в его доме актуализировались многие типичные для других семейных и календарных обрядов табу на некоторые

действия, связанные с едой, со столом, с водой. Данные запреты значительно ограничивали кинетическую активность домочадцев новобранца. Например, у башкир «после отъезда призывника <...> из дома старались ничего не давать, запрещалось убираться дома, мыть полы, стирать белье, ходить за водой» [Алламуратова, 2015, с. 91].

3.3.1. Проявление оппозиции «верх — низ» в рекрутских обрядах

Семиотическая оппозиция «верх» — «низ» [Толстой, 1995, с. 345—346] в рекрутском обряде народов Урало-Поволжья проявлялась в многочисленных действиях и манипуляциях с предметами в пространствах дома, леса, в символизации тела человека и его одежды, в гаданиях, в диалектных выражениях. В данных обычаях всегда акцентировалось положительное, магическое преимущество верха в вертикали пространства избы и тела человека, в действиях с растениями, в диалектных выражениях.

Например, *чук* вбивали именно в матицу — центральную балку, поддерживающую потолок избы и являющуюся основой для крыши. В обычае прибивании ленты / чука доминанта на «верхнем» — «положительном» — пространстве проведения ритуала — под потолком — усиливалась тем, что рекрут использовал для удобства стул или табурет. Мужчины могли его приподнимать на руках или поддерживать под руки [Попова, 2011, с. 147].

Ярким примером проявления оппозиции «верх» — «низ» в бесермянском и удмуртском рекрутских обрядах служил обычай срубания верхних веток или непосредственно верхушки дерева у ели. «Считалось, что, если дерево после этого засохнет, значит, этот человек не вернется домой, если не засохнет — вернется со службы...» [Владыкина и др., 2017, с. 238; Шутова, 2001, с. 56].

О сакральном отношении к телесно ориентированным на человека проявлениям символов «верха» в рекрутском обряде, в частности, голове и шее, в бесермянском и удмуртском языках свидетельствуют диалектные выражения «йыро/кыз… (букв. ‘ель с головой’); чыртио/кыз... (букв. ‘ель с шеей’); картузо/кыз… (букв. ‘ель с картузом’)» [Владыкина и др., 2017, с. 237—238; Попова, 2011, с. 150].

С гаданием на «жизнь / смерть будущего солдата» связанно диалектное выражение *йыр йылаз султыны кулэ* — ‘встать на голову’: «После закрепления оберега к матице новобранец должен был бросить нож или молоток через плечо так, чтобы они не упали плашмя: нож должен был воткнуться в пол, а молоток — «встать на голову»...» [Владыкина и др., 2018, с. 146].

Сакральное восприятие верхней части тела и головных уборов в рекрутских обрядах также подчёркивается специфическими манипуляциями с собственно головой новобранца или с его шапкой, с женскими платками.

Например, аналогично русским *некрутам,* которые *наприкалывали* шапку к матице, «у малмыжских удмуртов (левобережье Вятки) перед выходом из дома новобранец должен три раза дотронуться своим головным убором до матицы» [Нуриева, 1999, с. 128]. В ряде чувашских населенных пунктов рекруту дарили «женские полотенцеобразные головные уборы (*сурпан*)…» [Петров, 2015, с. 61].

И у русских жителей Удмуртии, и у удмуртов, чувашей, елабужских мари, пермских татар было принято, чтобы новобранец размахивал подаренным ему платком во время перемещения на призывной пункт. В ряде локальных традиций бытовало поверье о том, что рекруту надо было размахивать платком только по направлению «к себе». Это будто бы помогало благополучному возвращению новобранца со службы домой [Владыкина и др., 2018, с. 147; Герасимов, 1997, с. 43; Петров, 2015, с. 72; Назмутдинова, 2017, с. 84].

3.3.2. Перемещения по избе, действия с печью, столом, матицей, переход через порог

Действия, отображающие почитание стола и печи в рекрутских обрядах русских жителей Удмуртии, характерны также и для бесермянских, удмуртских, чувашских рекрутских обрядов [Петров, 2015, с. 68; Топорков, 2002, с. 450—451].

Так, в удмуртской традиции, бытовавшей на территории современной Башкирии, призывник кусал угол печи, после чего это место нельзя было трогать, оно *ждало его* [Назмутдинова, 2017, с. 84]. В диалектном варианте рекрутского обряда марийцев Пермского края с целью благополучного возвращения новобранец «целовал печь» [Черных, 2007, с. 188].

В бесермянской обрядовой культуре действия, совершаемые вокруг печи и стола, обозначали «причастность к родственному коллективу и домашнему очагу. Например, стараясь <...> “закрепить” свои связи с родным домом, уходящий человек касается печи или обходит стол» [Попова, 2011, с. 53]. В описании отправления рекрута из дома Е. В. Поповой прослеживаются взаимосвязи в сакральном мировосприятии бесермянами еды, предметов, пространства избы и положения тела призывника: «...перед самым выходом из дома накрывают специальный стол, ставят на него хлеб или муку, масло, соль, напитки. Новобранец, поддерживаемый мужчинами, обходит его по ходу солнца, притрагивается к хлебу или откусывает его» [Попова, 2011, с. 53].

Как следует из приведённого фрагмента, отделение новобранца от родного сообщества, его очевидную принадлежность к иному миру символизировало накрытие отдельного стола продуктами, традиционно наделяемыми магическим смыслом (хлеб, мука, соль, масло, напитки). Будущую «муж-

скую» — военную — среду и интенцию укрепления «мужского» духа рекрута подчёркивал обычай поддержки новобранца при обходе стола мужчинами.

В описании бесермянского рекрутского обряда прослеживается кинетическая параллель с русским обрядом из дер. Самки Глазовского района. Аналогично бесермянскому обряду поочерёдное «вождение» *некрута* гостями по избе под пение песни также могло наделяться функцией оберега [Топорков, 2002, с. 451].

В ряде исследований традиционной культуры коми-пермяков, удмуртов описывается появление рекрута в доме уже после его «последнего» выхода. Для этого новобранец делал вид, будто что-то «забыл», например, головной убор, хлеб. Иногда он обходил дом, надворные постройки, заглядывал в конюшню и в хлев, после чего возвращался в дом [Черных, 2007, с. 113].

Последний выход рекрута из дома в большинстве описаний обряда всегда необычен в кинетическом плане — новобранца поддерживали под руки или выносили на руках. Исследователи объясняют это верой народа в то, что магические действия способны облегчить дальнейшую военную службу новобранцу, положительно повлиять на неё [Петров, 2015, с. 69—70].

У бесермян «через порог новобранца выводили, придерживая за руки, а в отдельных селениях переносили на руках двое отслуживших парней...» [Попова, 2011, с. 148]. Марийцы, проживающие в Пермском крае, выходя из двери дома, не наклонялись [Черных, 2007, с. 189].

В удмуртском рекрутском обряде дер. Дубровский Киясовского района рекрут выходит из дома, «пятясь назад, а мать бросает ему под ноги какую-нибудь материю...» [Ирисова].

В башкирской традиционной культуре рекрут выходил из дома «с правой ноги, у заволжских башкир есть обряд уходящего на службу выводить из дома спиной вперед, символизирующий его успешное возвращение [Алламуратова, 2015, с. 91]. Во многих традициях рекруту не разрешалось оглядываться после его окончательного прощания с родными [Черных и др., 2013, с. 280].

3.4. Молитвы. Благопожелания

Согласно научным изысканиям Ж. В. Корминой, в русском рекрутском обряде родительское благословение было «кульминационной точкой проводов» [Кормина, 2005, с. 153]. В рекрутских обрядах народов Урало-Поволжья благословения, молитвы, благопожелания, напутствия, специальные словесные формулы, призванные обеспечить новобранцу благополучную службу, звучали на протяжении всего ритуала. Максимальное их количество приходилось на день проводов [Петров, 2015, с. 65; Алламуратова, 2015, с. 91].

Функцию благопожеланий могли выполнять специальные словесные формулы, проговариваемые рекрутом или его родными в ситуациях преподнесения подарков, выхода из дома при отправлении на службу [Ирисова]. Бытующий у коми-пермяков оригинальный обычай благословения призывника сначала лошадью, а потом уже родителями описан А. В. Черных [Черных, 2007, с. 113].

При выходе из дома в южно-удмуртской традиции рекруты обращались к матице, а в бесермянской традиции — к собаке со сходными по звучанию и смыслу словами с просьбами об ожидании их возвращения. Е. В. Попова приводит обычай кормления призывником собаки куском хлеба, посыпанного солью, со словами: «*Возьма монэ!*» (букв. «Жди меня!») [Попова, 2011, с. 148]. В южных районах Удмуртии рекрут проговаривал подобные слова, дотрагиваясь до матицы, либо произносил их перед выходом из дома [Ирисова; Назмутдинова, 2017, с. 84].

4. Выводы

Итак, в результате анализа и реконструкции рекрутских обрядов русского населения современной Удмуртии было выявлено, что проведение конкретных ритуалов обладало как типичными, так и самобытными чертами [Толкачева, 2019, с. 296—298]. На примерах рекрутских обрядов чувашского народа данное явление досконально описано И. Г. Петровым [Петров, 2015].

При сравнении фрагментов рекрутского обряда русских жителей Удмуртии и других народов Урало-Поволжья — удмуртов, бесермян, башкир, коми-пермяков, марийцев, татар, чувашей — обнаружено их типологическое сходство. Подобный феномен можно объяснить рядом факторов, и прежде всего введением Петром I в 1705 году указа «О рекрутской повинности».

В исследованиях А. К. Байбурина, Ж. В. Корминой, Г. А. Левинтона, И. Г. Петрова, Е. В. Поповой, А. В. Черных [Байбурин, 1993; Байбурин и др., 1990; Кормина, 2005; Петров, 2015; Попова, 2011; Черных, 2001; Черных и др., 2013 и др.] доказано, что и русские, и бесермянские, и чувашские рекрутские ритуалы формировались по аналогии со свадебными и похоронными обрядами. Несмотря на различные этногенетические корни народов, проживающих в Урало-Поволжье, сходные ландшафтные условия, социальные и экономические связи, установившиеся на данной территории, способствовали активным этнокультурным контактам.

Многочисленные этнографические параллели в проведении традиционных рекрутских обрядов народами Урало-Поволжья могут свидетельствовать о сходных мифологических представлениях ритуального оформления обрядов «проводного» типа, о вере в благотворное влияние на ре-

крутов древних магических практик, связанных со словом, с кинетикой, с пространственной и временной символикой, с едой.

Список информантов

Дурновцев — Дурновцев Алексей Николаевич, 1930 г. р., село Камское Воткинского района Удмуртии, урож. дер. Шараши Пермской области.

Дурновцева — Дурновцева Прасковья Васильевна, 1923 г. р., село Камское Воткинского района Удмуртии, урож. села Лисья Пермской области.

Кашникова — Кашникова Фаина Григорьевна, 1932 г. р., дер. Боярка Каракулинского района Удмуртии, уроженка дер. Костоватово.

Кузнецова — Кузнецова Александра Демидовна, 1905 г. р., дер. Дремино Воткинского района Удмуртии.

Молкова — Молкова Нина Александровна, 1914 г. р., дер. Дремино Воткинского района Удмуртии.

Литература

1. *Алламуратова Л. Х.* Рекрутский обряд башкир / Л. Х. Алламуратова // Перспективы науки = SCIENCE PROSPECTS. — 2015. — № 11 (74). — С. 90—92.

2. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре : структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 240 с.

3. *Байбурин А. К.* Похороны и свадьба / А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд : сборник статей. — Москва : Наука, 1990. — С. 76—77.

4. *Богданова Ю. П.* Певческая традиция фольклорного ансамбля «Родные напевы» с. Карсовай Балезинского района : история формирования : выпускная квалификационная работа / Ю. П. Богданова. — Ижевск, 2019. — Рукопись.

5. *Болдырева В. Г.* Русская свадьба Среднего Прикамья / В. Г. Болдырева, С. В. Толкачева. — Ижевск : Шелест, 2018. — 302 с.

6. *Владыкина Т. Г.* «Именные деревья» (нимтуло писпу) в микротопонимии удмуртов / Т. Г. Владыкина, Л. Е. Кириллова // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 232—246. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-232-246.

7. *Владыкина Т. Г. Чук* в традиционной культуре удмуртов / Т. Г. Владыкина, Г. А. Глухова, Т. И. Панина // Традиционная культура. — 2018. — Т. 19, № 1. — С. 139—151.

8. *Герасимов О. М.* Элнет кундемын поянлыкше : музыкальный фольклор елабужских мари : сборник песен и инструментальных наигрышей с аналитическим материалом / О. М. Герасимов. — Йошкар-Ола : Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1997. — 240 с.

9. *Ирисова П. Ю.* Проводы в армию : исследовательская работа [Электронный ресурс] / П. Ю. Ирисова. — 2017. — Режим доступа : https://infourok.ru/issledovatelskaya-rabota-provodi-v-armiyu-1735107.html.

10. *Кормина Ж. В.* Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа / Ж. В. Кормина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2005. — 376 с.

11. *Кудрявцева И. К.* Традиционное поведение удмуртской молодежи: половозрастной аспект (на примере удмуртов Слободского района Кировской области) / И. К. Кудрявцева // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. — 2017. — № 7. — С. 79—83.

12. *Назмутдинова И. К.* Семейный этикет в системе традиционной культуры удмуртов : монография / И. К. Назмутдинова. — Ижевск : Шелест, 2017. — 224 с.

13. *Нуриева И. М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов : проблемы культурного контекста и традиционного мышления / И. М. Нуриева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. — 272 с.

14. *Петров И. Г.* Проводы в рекруты у чувашей (конец XIX — начало XX в.) / И. Г. Петров // Чувашский гуманитарный вестник. — 2015. — № 10. — С. 51—87.

15. *Попова Е. В.* Культовые памятники и сакральные объекты бесермян / Е. В. Попова. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2011. — 317 с.

16. *Стародубцева С. В.* Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья / С. В. Стародубцева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. — 421 с.

17. *Толкачева С. В.* Рекрутский обряд в русской традиционной культуре Удмуртии / С. В. Толкачева // Прикамское собрание : материалы III Всероссийского открытого научно-практического форума «Ресурсы развития российских территорий» (27—28 сентября 2019 г., г. Сарапул) : сборник статей. — Ижевск-Сарапул, 2019. — С. 293—299.

18. *Толстой Н. И.* Верх-низ / Н. И. Толстой // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 1 / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995. — С. 345—346.

19. *Топорков А. Л.* Стол / А. Л. Топорков // Славянская мифология : энциклопедический словарь. — Москва : Международные отношения, 2002. — С. 450—451.

20. *Фертиков П. П.* Починок Патраковский — деревня Патраки Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики. 1863—2008 : страницы истории / П. П. Фертиков. — Ижевск : Удмуртия, 2008. — 168 с.

21. *Черных А. В.* Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) / А. В. Черных // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре : социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. — Москва : Лабиринт, 2001. — С. 142—149.

22. *Черных А. В.* Народы Пермского края. История и этнография / А. В. Черных. — Пермь : Пушка, 2007. — 296 с.

23. *Черных А. В.* Марийцы Пермского края : очерки истории и этнографии / А. В. Черных, Т. Г. Голева, Р. И. Щукина. — Пермь : ОТ и ДО, 2013. — 530 с.

24. *Шутова Н. И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции : опыт комплексного исследования / Н. И. Шутова. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. — 304 с.

Traditional Recruitment Rites of Russian Residents of Udmurtia: Ethnographic Parallels with Recruitment Rites of Ural-Volga Region Peoples

© Svetlana V. Tolkacheva (2020), orcid.org/0000-0002-9362-3017, PhD in Philology, senior research scientist, Department of Philological Studies, Federal State Budgetary Institution of Science Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), svetlana-tolk@mail.ru.

The article is devoted to the reconstruction of the Russian recruitment rite that existed in the territory of modern Udmurtia in the early and mid-20th century. The source base for the reconstruction was ethnographic stories recorded by the author in the 1990s in folklore and ethnographic expeditions of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. As a result of preliminary analysis and systematization of the material, the functioning of a single, general structure of the ritual in this region is proved. The article demonstrates the tendency of the Russian traditional culture of the region to unite into two large ethno-cultural areas. The relevance of the work is due to the fact that the recruitment rites of Russian residents of Udmurtia were first considered in the context of traditional recruitment rites of other peoples of the Ural-Volga region. The results of a comparative analysis of Russian recruitment rituals in Udmurtia and traditional recruitment rituals of Bashkirs, Besermyans, Komi-Permyaks, Mari, Tatars, Chuvash, Udmurts living in the Ural-Volga region are presented. The typological similarity of recruitment rites of these peoples is proved. The analysis revealed numerous ethnographic parallels in the conduct of traditional recruitment rites among the peoples of the Ural-Volga region and the Russian population of modern Udmurtia.

Key words: recruit; Russian ritual folklore of the Udmurt Republic; sendoff; recruitment rites; Ural-Volga region.

References

Allamuratova, L. Kh. (2015). Rekrutskiy obryad bashkir *Perspektivy nauki = SCIENCE PROSPECTS, 11 (74)*: 90—92. (In Russ.).

Bayburin, A. K. (1993). *Ritual v traditsionnoy kulture: strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov*. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).

Bayburin, A. K., Levinton, G. A. (1990). Pokhorony i svadba. In: *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kultury. Pogrebalnyy obryad: sbornik statey*. Moskva: Nauka. 76—77. (In Russ.).

Bogdanova, Yu. P. (2019). *Pevcheskaya traditsiya folklornogo ansamblya «Rodnyye napevy» s. Karsovay Balezinskogo rayona: istoriya formirovaniya: vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota*. Izhevsk. (In Russ.).

Boldyreva, V. G., Tolkacheva, S. V. (2018). *Russkaya svadba Srednego Prikamya*. Izhevsk: Shelest. (In Russ.).

Chernykh, A. V. (2001). Povedencheskie normy v rekrutskoy obryadnosti (po materialam Permskogo Prikamya). In: *Muzhskoy sbornik. Vyp. 1. Muzhchina v traditsionnoy kulture: sotsialnyye i professionalnyye statusy i roli. Sila i vlast'. Muzhskaya atributika i formy povedeniya. Muzhskoy folklor*. Moskva: Labirint. 142—149. (In Russ.).

Chernykh, A. V. (2007). *Narody Permskogo kraya. Istoriya i etnografiya*. Perm: Pushka. (In Russ.).

Chernykh, A. V., Goleva, T. G. Shchukina, R. I. (2013). Mariytsy Permskogo kraya: ocherki istorii i etnografii. Perm: OT i DO. (In Russ.).

Fertikov, P. P. (2008). *Pochinok Patrakovskiy — derevnya Patraki Yakshur-Bodyinskogo rayona Udmurtskoy Respubliki. 1863—2008: stranitsy istorii*. Izhevsk: Udmurtiya. (In Russ.).

Gerasimov, O. M. (1997). *Elnet kundemyn poyanlykshe: muzykalnyy folklor elabuzhskikh mari: sbornik pesen i instrumentalnykh naigryshey s analiticheskim materialom*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy poligrafichesko-izdatelskiy kombinat. (In Russ.).

Irisova, P. Yu. (2017). *Provody v armiyu: issledovatelskaya rabota*. Available at: https://infourok.ru/issledovatelskaya-rabota-provodi-v-armiyu-1735107.html. (In Russ.).

Kormina, Zh. V. (2005). Provody v armiyu v poreformennoy Rossii. Opyt etnograficheskogo analiza. Moskva: Novoye literaturnoye obozrenie. (In Russ.).

Kudryavtseva, I. K. (2017). Traditsionnoye povedenie udmurtskoy molodezhi: polovozrastnoy aspekt (na primere udmurtov Slobodskogo rayona Kirovskoy oblasti). *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Preduraliya*, *7*: 79—83. (In Russ.).

Nazmutdinova, I. K. (2017). *Semeynyy etiket v sisteme traditsionnoy kultury udmurtov*. Izhevsk: Shelest. (In Russ.).

Nurieva, I. M. (1999). *Muzyka v obryadovoy kulture zavyatskikh udmurtov: problemy kulturnogo konteksta i traditsionnogo myshleniya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).

Petrov, I. G. (2015). Provody v rekruty u chuvashey (konets XIX — nachalo XX v.). *Chuvashskiy gumanitarnyy vestnik*, *10*: 51—87. (In Russ.).

Popova, E. V. (2011). *Kultovyye pamyatniki i sakralnyye obyekty besermyan*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).

Shutova, N. I. (2001). Dokhristianskie kultovyye pamyatniki v udmurtskoy religioznoy traditsii: opyt kompleksnogo issledovaniya. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).

Starodubtseva, S. V. (2011). *Russkaya khorovodnaya traditsiya Kamsko-Vyatskogo mezhdurechya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).

Tolkacheva, S. V. (2019). Rekrutskiy obryad v russkoy traditsionnoy kulture Udmurtii. In: *Prikamskoye sobranie: materialy III Vserossiyskogo otkrytogo nauchno-prakticheskogo foruma «Resursy razvitiya rossiyskikh territoriy».* Izhevsk-Sarapul. 293—299. (In Russ.).

Tolstoy, N. I. (1995). Verkh-niz. In: *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 5/1: 345—346. (In Russ.).

Toporkov, A. L. (2002). Stol. In: *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 450—451. (In Russ.).

Vladykina, T. G., Glukhova, G. A., Panina, T. I. (2018). Chuk v traditsionnoy kulture udmurtov. *Traditsionnaya kultura*, *19 (1)*: 139—151. (In Russ.).

Vladykina, T. G., Kirillova, L. E. (2017). «Imennye derevya» (nimtulo pispu) v mikrotoponimii udmurtov ["Nominal Trees" (*нимтуло писпу*) in Microtoponymy of Udmurts]. *Nauchnyi dialog, 11*: 232—246. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-232-246. (In Russ.).

Исторические науки. Этнография. Этнология
History. Ethnography. Ethnology

Алексей Хасанович Абазов, д-р истор. наук (Нальчик)
Анзор Валериевич Дарчиев, канд. истор. наук (Владикавказ)
Валерий Васильевич Касьянов, д-р истор. наук (Краснодар)
Виктория Викторовна Бондарева, канд. истор. наук (Краснодар)
Вячеслав Викторович Калинов, д-р истор. наук (Москва)
Евгений Иванович Гайданка, канд. полит. наук (Трнава, Словакия)
Елена Владимировна Бодрова, д-р истор. наук (Москва)
Инара Руслановна Нахушева, старший преподаватель (Нальчик)
Ксения Андреевна Беспалова, младший научный сотрудник (Екатеринбург)
Ксения Андреевна Созинова, старший преподаватель (Екатеринбург)
Марина Витальевна Белозёрова, д-р истор. наук (Сочи)
Татьяна Петровна Нестерова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Юрий Асланбиевич Яхутль, канд. истор. наук (Краснодар)

Абазов А. Х., Нахушева И. Р. Приставские управления на Северном Кавказе в последней трети XVIII — первой половине XIX века: эволюция деятельности / А. Х. Абазов, И. Р. Нахушева // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 287—300. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-287-300.

Abazov, A. Kh., Nakhusheva, I. R. (2020). Bailiffs' Offices in the North Caucasus in the Last Third of the 18th — First Half of the 19th Centuries: Evolution of Activity. *Nauchnyi dialog, 8:* 287-300. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-287-300. (In Russ.).

УДК 94(470.6)"1770/1860"
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-287-300

Приставские управления на Северном Кавказе в последней трети XVIII — первой половине XIX века: эволюция деятельности

© **Абазов Алексей Хасанович (2020),** orcid.org/0000-0003-4004-7009, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований — филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), alex_abazov@list.ru.

© **Нахушева Инара Руслановна (2020),** orcid.org/0000-0002-0283-7467, старший преподаватель кафедры административного и конституционного права Института права, экономики и финансов, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» (Нальчик, Россия), nakhusheva.inara@bk.ru.

В статье рассмотрена эволюция и предложена периодизация деятельности учреждений локального судебно-административного контроля на Северном Кавказе в последней трети XVIII — первой половине XIX веков на примере приставских управлений. Выделены 4 этапа: 1) учреждение первого частного пристава в Кабарде (1769) и образование Главного кавказского приставского управления (1800); 2) выделение из его структуры Главного калмыцкого приставства (1801); 3) принятие Учреждения для управления Кавказской областью (1827); 4) реорганизация чеченского приставства (1852) и замена приставств институтами военного народного управления (1858). Рассмотрены функции главных и частных приставских управлений в рамках предложенной периодизации. Исследованы особенности административной подчиненности частных и главных приставских управлений, их штатная структура. Обращается внимание на сложности организации деятельности приставских управлений, связанные с их подчинением, с одной стороны, Коллегии (Министерству) иностранных дел, с другой — губернскому или линейному начальству. Сделан вывод, что предложенная периодизация позволяет представить динамику деятельности приставств на Северном Кавказе в последней трети XVIII — первой половине XIX веков как комплексное явление, направленное на поиски оптимальных форм управления народами, включаемыми в политико-правовое пространство Российской империи.

Ключевые слова: приставские управления; частный пристав; Главный пристав; Северный Кавказ; Российская империя; административное устройство; периодизация.

1. Введение

Формирование административной системы России на Северном Кавказе в последней трети XVIII — первой половине XIX века затрагивало разные уровни организации власти: от руководства крупным политико-правовым образованием (наместничество, губерния, область) до локальных форм судебно-административного контроля (приставства, родовые суды). Поэтому изучение истории образования и деятельности сети приставских управлений на Северном Кавказе в это время как учреждений, непосредственно контактировавших с народами инкорпорируемых территорий, представляется важной научной задачей, требующей комплексного исследования. Кроме того, совокупность приставств как учреждений с сопоставимыми полномочиями, сгруппированных по этно-территориальному принципу, в это время можно рассматривать в исторической динамике как системное явление — важную часть российского административного процесса на Северном Кавказе. В этом плане нерешенным вопросом является периодизация деятельности приставских управлений как основных учреждений локального судебно-административного контроля.

Установление и развитие системы локального судебного административного контроля является одним из важных механизмов инкорпорации народов Северного Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи в последней трети XVIII века. В данном регионе этот процесс протекал в нескольких направлениях: учреждение приставских управлений (как для коренного населения внутренних российских территорий, так и для народов, проживающих в рубежных зонах, учреждение пограничных судов), деятельность которых сочетала принципы российского судоустройства и народного правосудия местных жителей; принятие представителей региональных этноэлит на военную или гражданскую службу и т. п. Наиболее масштабные преобразования в этом плане коснулись приставских управлений, которые к середине XIX века выросли в целую сеть, насчитывавшую несколько уровней административной иерархии.

Полагаем, что введение системы приставских управлений на Северном Кавказе было обусловлено характером складывающихся к тому времени российско-северокавказских отношений. Исследователи полагают, что в отличие от прежних форм взаимодействия России и Кавказа, находившихся в плоскости внешних связей между государством и сопредельными народами и носивших нерегулярный характер, «институт приставов обеспечил постоянные административные связи с местным населением» [Мальцев и др., 2012, с. 90]. Это давало российским властям

возможность глубже вникнуть в особенности общественного быта коренных северо-кавказских народов, чтобы приступить к их поэтапному включению в политико-правовое пространство Российской империи.

Некоторые аспекты деятельности приставских управлений Северного Кавказа затрагивались в работах П. Г. Буткова [Бутков, 2001, с. 266], Н. Ф. Грабовского [Грабовский, 2008], С. Э. Эсадзе [Эсадзе, 1907], И. Х. Калмыкова, Р. Х. Керейтова и А. И. Сикалиева [Калмыков и др., 1988], З. М. Блиевой [Блиева, 2017; Блиева, 2019], Ж. А. Калмыкова [Калмыков, 2007], Ю. Ю. Клычникова [Клычников, 1999], Г. Н. Малаховой [Малахова, 2001], И. Р. Нахушевой [Нахушева, 2020], М. И. Афауновой [Афаунова, 2007], Е. И. Кобахидзе [Кобахидзе, 2008], З. Б. Кипкеевой [Кипкеева, 2008], Б. В. Виноградова [Виноградов, 2010], В. Н. Мальцева [Мальцев и др., 2012], Е. С. Шавлоховой [Шавлохова, 2012], Д. С. Кидирниязова [Кидирниязов, 2014], А. Т. Джумагуловой [Джумагулова, 2014], З. Ж. Глашевой [Глашева, 2017], А. Х. Абазова [Абазов, 2016; Абазов, 2019] и др. К настоящему времени в историографии проблемы накоплены сведения о деятельности приставских управлений на Северном Кавказе в последней трети XVIII — первой половине XIX веков, выявлены некоторые локальные особенности их деятельности, определен объем полномочий и т. п. Предпринимались и некоторые попытки определить периодизацию их деятельности. Например, В. Н. Мальцев и А. Ю. Чирг выделяли в этом процессе 2 этапа. Первый этап (вторая половина XVIII — первые годы XIX века) охватывал период, когда «приставства относились к Коллегии иностранных дел и выполняли по преимуществу распоряжения данного ведомства, устанавливали отношения с управленческой верхушкой кавказских народов, координировали их политику по отношению к России и соседям» [Мальцев и др., 2008, с. 90]. Второй этап приходится на период с начала XIX века по 60-е годы XIX века, когда «приставства подчинились военному командованию на Кавказе и наделялись наряду с прежними и военно-полицейскими полномочиями» [Мальцев и др., 2008, с. 90]. Однако накопленные к настоящему времени данные позволяют дополнить и детализировать эту концепцию периодизации.

2. Учреждение и деятельность частных кабардинского и ногайских приставских управлений (1769—1800). Образование Главного кавказского приставского управления (1800)

Полагаем, что историческую динамику деятельности приставских управлений на Северном Кавказе с последней трети XVIII до 60-х годов XIX века можно рассматривать в рамках четырех этапов:

— 1769—1800 годы: учреждение частных приставств в Центральном Кавказе и на юге Степного Предкавказья и образование на их основе Главного приставского управления в 1800 году;

— 1801—1826 годы: выделение Главного калмыцкого приставства из структуры Главного кавказского приставства; расширение сети приставских управлений на Северном Кавказе;

— 1827—1851 годы: принятие Учреждения по управлению Кавказской областью (1827), преобразование сети приставских управлений и расширение их территориальной организации;

— 1852—1864 годы: реорганизация приставских управлений в условиях административных преобразований в Чечне в 1852 году, ликвидация приставств Центрального и Северо-Восточного Кавказа в условиях учреждения системы военно-народного управления в 1858—1860 годах, преобразование системы приставских управлений Ставропольской губернии.

Одним из первых учреждений локального судебно-административного контроля России на Северном Кавказе было созданное в 1769 году в Кабарде приставское управление. А в качестве приставов назначались офицеры, состоявшие на Российской военной службе. 3 ноября этого года Екатерина II специальным указом назначила приставом кабардинского народа секунд-майора Дмитрия Таганова [Урушадзе, 2011, с. 12—16]. Также в последние десятилетия XVIII века эту должность занимали князь Афанасий Ураков [АКАК, т. 2, с. 1111], коллежский советник Лаба [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 179, л. 5; Абазов, 2019, с. 79], надворный советник Г. Стемпковский [АКАК, т. 1, с. 723].

Круг полномочий первого кабардинского пристава был установлен в инструкции [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 39]. Основной его функцией было «наблюдение за кабардинскими князьями, которые должны были согласовывать с ним свои действия» [Хлынина и др., 2012, с 33]. М. И. Афаунова акцентировала внимание на том, что в его обязанности, помимо прочего, входило установление отношений с закубанскими черкесами [Афаунова, 2007, с. 101]. Помимо прочего, пристав Кабарды выполнял посреднические функции во взаимодействии российской власти и представителей кабардинского нобилитета, занимая промежуточное (посредническое) положение в коммуникации между ними.

Параллельно с приставством Кабарды на Северном Кавказе предпринимались попытки учреждения частных приставских управлений и в отношении находившихся там ногайских кочевьев. В частности, А. Т. Джумагулова в ходе анализа архивных документов установила, что в июле — сентябре 1771 года после переселения в Кубанскую степь кочевавших до

этого в Северном Причерноморье ногайцев с целью надзора за миграцией «к ним был назначен в приставы подполковник Стремоухов с неявными надзирательными функциями» [Джумагулова, 2014, с. 35]. В его подведомственность были переданы кочевья ногайцев, находившиеся на территории между реками Ея и Кубань.

Расширение системы локального судебно-административного контроля привело российские власти к необходимости институционализировать эту должность, и в 1793 году было официально учреждено приставство среди ногайцев Северного Кавказа. А. Т Джумагулова видит в этом событии действенный механизм обеспечения поэтапного вхождения ногайцев в административно-правовую систему Российской империи [Джумагулова, 2014, с. 35]. Она установила, что территория ногайских кочевьев была разделена на 4 приставства: в первое приставство были объединены Калаусо-Саблинские и Бештово-Кумские ногайцы; во второе — Калаусо-Джембойлукские, в третье — Ачикулак-Джембойлукские и Едисанские, четвертое — Едишкульские и Караногайские [Джумагулова, 2014, с. 35].

Учреждение главного Кавказского приставского управления в 1800 году было продиктовано расширением сети частных приставских управлений, потребностями и запросами части коренного населения. Круг его полномочий определялся Указом «об определении к. [оллежского] с. [оветника] Макарова к управлению делами калмык, кабардинцев, трухменцев, ногайцев и других азиатских народов» [Административная практика …, 2012, с. 104; Абрамян, 2014, с. 23]. Главный пристав (1800) подчинялся Коллегии иностранных дел. Однако по гражданским вопросам он взаимодействовал с военным и гражданским губернаторами в Астрахани.

В круг полномочий главного пристава входили посредничество между российской властью и коренными жителями, установление партнерских взаимоотношений с представителями региональных этноэлит, контроль и надзор над деятельностью локальных приставов, решение споров и конфликтов среди представителей местного населения, посредничество при урегулировании междоусобных разногласий, превенция конфликтов с подданными иностранных государств, выдача проездных билетов и контроль за индивидуальной и групповой миграцией на подконтрольной территории, сбор сведений о народах Северного Кавказа и т. п.

Четко определенные штатная структура, размер бюджетных ассигнований и объем полномочий делали его важным звеном в механизме российского государства. Однако характер расселения народов Северного Кавказа по отношению к Кавказской линии предопределил двойное подчинение главного приставского управления: с одной стороны — государственной

коллегии иностранных дел, с другой — военному и гражданскому губернатором. Этим закладывались предпосылки для появления в последующем конфликта интересов между ведомствами, который выражался в особенностях коммуникации между ними и главным приставским управлением, характере отдаваемых распоряжений, определении источников финансирования и т. п.

3. Динамика системы приставских управлений в 1801—1827 годах

1801—1826 годы ознаменовались существенными преобразованиями системы приставских управлений на Северном Кавказе: из Главного Кавказского приставства было выделено Главное Калмыцкое приставство в 1801 году, увеличено количество частных приставских управлений за счет расширения территориального суверенитета России и вовлечения в её политическую орбиту новых народов, образовано на базе Кавказского приставства Главное приставство магометанских народов путем присоединения к нему главного караногайского приставства в 1822 году и т. п.

В этот период главные и частные приставы обладали по отношению к подведомственным народам посредническими, административными, судебными, информативными, аналитическими и другими функциями. Полномочия главных приставов определялись в указах, наставлениях, инструкциях Коллегии иностранных дел, а частных — в приказах и предписаниях высшего военного начальства в губерниях. При этом исчерпывающего перечня полномочий приставов в нормативных документах не содержалось. В случае необходимости главные приставы имели право ходатайствовать у Коллегии иностранных дел о расширении круга их полномочий. В круг полномочий Главного пристава входили оказание покровительства и защиты проживавшим на подведомственной ему территории горских и кочевых народов, превенция междоусобных споров и конфликтов, содействие в беспрепятственном доступе к природным ресурсам (рыбной ловле, сельско-хозяйственным работам, пастьбе скота, заготовке дров и т. п.), «управление миграцией», выдача паспортов («билетов») сроком до 1 года на право перемещения за пределы Кавказской линии, организация делегирования представителей местного населения в столицу Российской империи для решения важных вопросов, пресечение военных походов и вооруженных столкновений за пределами Линии, согласование с вышестоящим начальством вопросы решения локальных конфликтов и ликвидации их последствий на подведомственной территории, наблюдение за жизнью подвластных народов, надзор за правильностью применения российских законов и традиционных социальных норм, содействие процессу отправ-

ления правосудия в российских судебных учреждениях по тяжким уголовных делам и т. п.

Главные и частные приставские управления имели схожие штатные структуры. «Инструкция Государственной коллегии иностранных дел к. [оллежскому] с. [оветнику] Макарову» [АКАК, т. 6, ч. 2, с. 820—821] (1802) содержала сведения, позволяющие установить штатную структуру Главного приставского управления. Так, «для письменных дел назначаются <…> 1 секретарь, 1 переводчик и 1 писец, а для словесных переводов и посылок к оным народам 2 толмача и сверх того 6 человек частных приставов и 1 помощник» [АКАК, т. 6, ч. 2, с. 821]. На должности приставов назначались как военные офицеры, так и служащие, имевшие гражданские чины. Среди приставов в этот период встречались и представители местного населения. Отличившиеся на данных должностях приставы могли продолжить службу на более высоких должностях.

Также в это время наметилась тенденция к апробации альтернативных приставским форм организации власти. В частности, в 1822 году в Большой Кабарде приставские функции были рассредоточены между Кабардинским временным судом и линейным начальством.

В целом в этот период была создана разноуровневая система приставских управлений, в которой частные приставства входили в состав главных. Однако в числе сложностей организации ее деятельности выделяются неудобства двойного подчинения приставов (Коллегии иностранных дел и Губернскому начальству), нагрузка на государственный бюджет при финансировании деятельности приставских управлений, в некоторых случаях — невысокая исполнительская культура частных приставов и злоупотребление полномочиями.

4. Приставские управления в структуре власти Северного Кавказа в 1827—1851 годах

В 1827—1851 годах на развитие системы приставских управлений повлияло принятие учреждения о Кавказской области (1827), которое устанавливало дифференцированный подход к организации управления Северо-Кавказскими приставствами. Внутренние приставства подчинялись губернскому начальнику, пограничные приставства — начальникам Центра и Левого фланга Кавказской линии.

На юге Степного Предкавказья функционировали те же приставства, что и в предыдущий период. Главное приставство магометанских народов, как в Кавказской области (Ставропольской губернии), было преемником учрежденного в 1800 году главного приставства на Кавказе (под командо-

ванием Макарова). В Калмыкии продолжало работать главное калмыцкое приставство, выведенное из Главного Кавказского приставства в 1801 году. В 1834 году приставство в этом регионе было заменено попечительством [Горяев, 2013, с. 34—41].

Наиболее интенсивные преобразования наблюдались на Центральном и Северо-Восточном Кавказе, где функционировали некоторые прежние и появлялись новые управления. К прежним относились малокабардинское (правопреемник кабардинского) и реорганизованные приставства, охватывающие часть ингушского и чеченского народов. К новым — осетинские (1830) и балкарские (1846).

В целом на данном этапе круг полномочий главного и частных приставов постоянно расширялся и в большинстве случаев был подробно регламентирован в нормативно-правовых актах. К основным полномочиям приставов в отношении подведомственных народов относились охрана собственности, улучшение благосостояния народа, сбор сведений об обычаях и традициях, самостоятельное решение незначительных споров и конфликтов, осуществление предварительного расследования по преступлениям и содействие в поимке и доставке преступников в суд, выдача проездных билетов, превенция беспорядков и волнений, обеспечение бесперебойного функционирования основных средств коммуникации (путей сообщения, почтовой связи и т. п.), взимание налогов и податей, мониторинг состояния здоровья жителей и принятие мер по противодействию распространения инфекционных заболеваний, удостоверение социального статуса, заверение сделок и соглашений и т. п.

5. Преобразование системы приставских управлений в 1852—1858 годах

Преобразование системы приставских управлений в Центре и на Левом фланге Кавказской линии началось в 1852 году, когда было ликвидировано приставство чеченцев и образовано главное управление чеченского народа, в которое входили помощники начальника на местах [АКАК, т. 12, с. 645]. Затем в малокабардинском приставстве были предприняты попытки разделить судебные и административные полномочия пристава, что имело следствием образование народного суда на территории приставства [АКАК, т. 12, с. 644—645].

Сами же приставские управления на Левом крыле Кавказской линии были ликвидированы в 1858 году в результате преобразований, направленных на учреждение институтов военно-народного управления, образования округов и их объединения в Терскую область. В новых условиях схо-

жими с приставскими структурами были помощники начальников округа на местах, затем начальники участков и наибы. Приставские управления Ставропольской губернии в это время продолжали функционировать в прежнем виде, оставаясь в подведомственности Губернского правления, Кавказского Комитета и Министерства внутренних дел.

После ликвидации приставских управлений на Центральном и Северо-Восточном Кавказе в 1858 году началось формирование новых учреждений локального судебно-административного контроля в рамках установления системы военно-народного управления. Однако трансфер полномочий и функции приставов новым структурам осуществлялся не единовременно: сначала территории бывших приставских управлений вошли в состав Военно-народных округов (Кабардинского, Военно-Осетинского, Чеченского, Кумыкского), при начальниках округов учреждены должности курирующего часть округа начальника, затем округа были разделены на участки и на наибства. Учреждения власти, создание в участках, наделялись соответствующими полномочиями, отдельно учреждались участковые суды.

6. Заключение

Таким образом, с последней трети XVIII до середины XIX веков на Северном Кавказе сложилась и функционировала широкая сеть приставских управлений, которые представляли собой разновидность учреждений локального судебно-административного контроля над жизнью подведомственных народов и выполняли посреднические, административные, судебные, информативные (в некоторых случаях фискальные, полицейский, нотариальные и другие) функции. Основу условного деления процесса их становления и деятельности на определенные хронологические периоды составили значимые административные преобразования: учреждение первого частного приставства в Кабарде (1769), образование Главного кавказского приставского управления (1800) и выделение из его структуры Главного калмыцкого приставства (1801), принятие Учреждения для управления Кавказской областью (1827), реорганизация чеченского приставства (1852) и замена приставств институтами военного народного управления (1858). Наиболее существенные преобразования системы приставских управлений произошли в 1858 году на Левом фланге Кавказской линии, когда была подготовлена и принята к исполнению записка «Главного штаба Кавказской армии о преобразовании приставских управлений на Кавказе». В ходе административных преобразований в 1858 году территория Левого крыла Кавказской линии была поделена на Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский и Кумыкский округа. После преобразования

в этой части Кавказа приставских управлений в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века продолжалось формирование новой системы локального судебно-административного контроля и её встраивание в иерархию образованной в 1860 году Терской области. Для управления частями округов Терской области назначались помощники начальника округа, а позже — начальники участков и наибств, которые были наделены целым рядом функций, принадлежавших до реформы приставам. При этом предложенная в данном исследовании концепция периодизации позволяет представить динамику деятельности приставств на Северном Кавказе в последней трети XVIII — первой половине XIX века как комплексное явление, направленное на поиски оптимальных форм управления народами, включаемыми в политико-правовое пространство Российской империи.

Источники и принятые сокращения

1. *Административная* практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII до 1870 г. (на материалах Осетии) : сборник документов / сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахизде. — Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2012. — 399 с.

2. АКАК — *Акты* Кавказской археографической комиссии. Том 1. Тифлис : Типография главного управления Наместника кавказского, 1866. — 816 с.; Том 2. Тифлис : Типография главного управления Наместника кавказского, 1868. — 1238 с.; Том 6. Ч. 2. Тифлис : Типография главного управления Наместника кавказского, 1875. — 950 с.; Том 12. Тифлис : Типография главного управления Наместника кавказского, 1904. — 1552 с.

3. Архив ИГИ КБНЦ РАН — *Научный* архив Института гуманитарных исследований — филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральное научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

4. ЦГА РСО-Алания — *Центральный* государственный архив Республики Северная Осетия — Алания.

Литература

1. *Абазов А. Х.* Моздокский верхний пограничный суд в политике Российской империи на Северном Кавказе в 1793—1822 гг. / А. Х. Абазов. — Нальчик : ИГИ КБНЦ РАН, 2019. — 124 с.

2. *Абазов А. Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII — начале XX в. / А. Х. Абазов. — Нальчик : Печатный двор, 2016. — 264 с.

3. *Абрамян Л. П.* Нормативно-правовая основа включения народов степного Предкавказья в российское политико-административное пространство в конце XVIII — 20-х гг. XIX в. / Л. П Абрамян // «Кавказ: история и современность» : материалы III Международной научно-практической конференции, 26—27 сентября 2013 г. — Пятигорск : Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2014. — Том 1. — С. 21—29.

4. *Афаунова М. И.* Институт приставства в Кабарде (1769—1822) / М. И. Афаунова // Исторический вестник КБИГИ. — Нальчик, 2007. — Выпуск 6. — С. 99—111.

5. *Блиева З. М.* Е. А. Головин: проекты о преобразовании кавказских управленческих структур / З. М. Блиева // Вестник Северо-Осетинского государственного университете им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. — 2019. — № 3. — С. 22—30. — DOI: https://doi.org/10.29025/1994-7720-2019-3-22-30.

6. *Блиева З. М.* Приставская система в Осетии (30—50-е годы XIX в.) / З. М. Блиева // Вестник Северо-Осетинского государственного университете им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. — 2017. — № 4. — С. 17—21.

7. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год : извлечения / П. Г. Бутков. — Нальчик : Эль-Фа, 2001. — 350 с.

8. *Виноградов Б. В.* Россия и Северный Кавказ в 1783—1816 гг.: проблемы взаимодействия во внутри- и внешнеполитическом контексте / Б. В. Виноградов. — Славянск-на-Кубани : СГПИ, 2010. — 95 с.

9. *Глашева З. Ж.* Административно-территориальные преобразования в Кабарде и Балкарии в XVI — начале XX в. / З. Ж. Глашева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2017. — № 5 (79). — С. 78—88.

10. *Горяев М. С.* Установление системы попечительства в Калмыкии по положениям 1834, 1847 гг. / М. С. Горяев // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2013. — № 5 (21). — С. 34—41.

11. *Грабовский Н. Ф.* Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость / Н. Ф. Грабовский. — Нальчик : Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. — 463 с.

12. *Джумагулова А. Т.* Тенденции в административно-правовом развитии ногайцев Северного Кавказа в составе Российской империи в конце XVIII — 60-х гг. XIX в. / А. Т. Джумагулова // Современная наука и инновации. — 2014. — № 3 (7). — С. 35–40.

13. *Калмыков Ж. А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII — начало XX в.) / Ж. А. Калмыков. — Нальчик : Эль-Фа, 2007. — 232 с.

14. *Калмыков И. Х.* Ногайцы: историко-этнографический очерк / Ж. А. Калмыков, Р. Х. Керейтов, А. И. Сикалиев. — Черкесск : Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отдание, 1988. — 232 с.

15. *Кидирниязов Д. С.* Первые административные реформы российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII — 20-е гг. XIX в. / Д. С. Кидирниязов // Вестник института ИАЭ. — 2014. — № 2. — С. 18—32.

16. *Кипкеева З. Б.* Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории / З. Б. Кипкеева. — Ставрополь : СГУ, 2008. — 432 с.

17. *Клычников Ю. Ю.* Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816—1827) : диссертация … кандидата исторических наук / Ю. Ю. Клычников. — Пятигорск, 1998. — 210 с.

18. *Кобахидзе Е. И.* Институты власти и управления у осетин (конец XVIII—XIX вв.) / Е. И. Кобахидзе. — Владикавказ : СОИГСИ, 2008. — 246 с.

19. *Малахова Г. Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII—XIX вв. / Г. Н. Малахова. — Ростов-на-Дону : СКАГС, 2001. — 392 с.

20. *Мальцев В. Н.* Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII — 1860 год) // Вестник Адыгейского государственного

университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2012. — № 2. — С. 89—96.

21. *Нахушева И. Р.* К вопросу об истоках формирования системы приставских управлений на Северном Кавказе в последней трети XVIII в. / И. Р. Нахушева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2020. — № 2 (94). — С. 94—101.

22. *Урушадзе А. Т.* Кабарда в политике А. П. Ермолова на Кавказе: значение и особенности / А. Урушадзе // Былые годы. — 2011. — № 4 (22). — С. 12—16.

23. *Хлынина Т. П.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона / Т. П. Хлынина, Е. Ф. Кринко, А. Т. Урушадзе. — Ростов-на-Дону : ЮНЦ РАН, 2012. — 272 с.

24. *Шавлохова Е. С.* Создание и особенности первых институтов административного управления горскими сообществами / Е. С. Шавлохова // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2012. — № 1. — С. 100—105.

25. *Эсадзе С. Э.* Историческая записка об управлении Кавказом / С. Э. Эсадзе. — Тифлис: Типография Гуттенберг, 1907. — Том 1. — 620 с.

Bailiffs' Offices in the North Caucasus in the Last Third of the 18th — First Half of the 19th Centuries: Evolution of Activity

© Aleksey Kh. Abazov (2020), orcid.org/0000-0003-4004-7009, Doctor of History, leading research scientist, The Institute for the Humanities Research — Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment "Federal Scientific Center "Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" (Nalchik, Russia), alex_abazov@list.ru.
© Inara R. Nakhusheva (2020), orcid.org/0000-0002-0283-7467, senior lecturer, Department of Administrative and Constitutional Law, Institute of Law, Economics and Finance, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov" (Nalchik, Russia), nakhusheva.inara@bk.ru.

The article considers the evolution and suggests the periodization of the activities of local judicial and administrative control institutions in the North Caucasus in the last third of the 18th — first half of the 19th centuries on the example of bailiffs' offices. Four stages are highlighted: 1) the establishment of the first private bailiff in Kabarda (1769) and the formation of the Main Caucasian bailiff's office (1800); 2) its separation from the Main Kalmyk bailiff's office structure (1801); 3) adoption of an Institution for the administration of the Caucasus region (1827); 4) reorganization of the Chechen bailiff (1852) and replacement of bailiffs by institutions of military popular administration (1858). The functions of the main and local bailiffs' offices within the framework of the proposed periodization are considered. The features of administrative subordination of local and main bailiff offices and their staff structure are studied. Attention is drawn to the difficulties of organizing the activities of bailiffs' offices related to their subordination, on the one hand, to the Board (Ministry) of Foreign Affairs, on the other — to the provincial or linear authorities. It is concluded that the proposed periodization allows to present the dynamics of the activity of the bailiffs in the North Caucasus in the last third of the 18th — first half of the 19th centuries as a complex phenomenon aimed at finding optimal forms of governance of the peoples included in the political and legal space of the Russian Empire.

Key words: bailiff offices; private bailiff; Chief bailiff; North Caucasus; Russian Empire; administrative structure; periodization.

Material resources

aKAK — *Akty Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii, 1—12*. (1866—1904). Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika kavkazskogo. (In Russ.).

Arkhiv IGI KBNTs RAN — *Nauchnyy arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy* — filial Federalnogo gosudarstvennogo byudzhetnogo nauchnogo uchrezhdeniya «Federalnoye nauchnyy tsentr «Kabardino-Balkarskiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk». (In Russ.).

Kobakhizde, E. I. (ed.). (2012). *Administrativnaya praktika Rossiyskoy imperii na Tsentralnom Kavkaze s kontsa XVIII do 1870 g. (na materialakh Osetii):* sbornik dokumentov. Vladikavkaz: IPO SOIGSI. (In Russ.).

TsGA RSO-Alaniya — *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya — Alaniya*. (In Russ.).

References

Abazov, A. Kh. (2016). *Narody Tsentralnogo Kavkaza v sudebnoy sisteme Rossiyskoy imperii v kontse XVIII — nachale XX v*. Nalchik: Pechatnyy dvor. (In Russ.).

Abazov, A. Kh. (2019). *Mozdokskiy verkhniy pogranichnyy sud v politike Rossiyskoy imperii na Severnom Kavkaze v 1793—1822 gg*. Nalchik: IGI KBNTs RAN. (In Russ.).

Abramyan, L. P. (2014). Normativno-pravovaya osnova vklyucheniya narodov stepnogo Predkavkazya v rossiyskoye politiko-administrativnoye prostranstvo v kontse XVIII — 20-kh gg. XIX v. In: «*Kavkaz: istoriya i sovremennost'»: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 26—27 sentyabrya 2013 g. 1.* Pyatigorsk: Reklamno-informatsionnoye agentstvo na KMV. 21—29. (In Russ.).

Afaunova, M. I. (2007). Institut pristavstva v Kabarde (1769—1822). In: *Istoricheskiy vestnik, 6.* KBIGI. Nalchik. 99—111. (In Russ.).

Blieva, Z. M. (2017). Pristavskaya sistema v Osetii (30—50-e gody XIX v.). *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universitete im. K. L. Khetagurova. Obshchestvennyye nauki, 4:* 17—21. (In Russ.).

Blieva, Z. M. (2019). E. A. Golovin: proekty o preobrazovanii kavkazskikh upravlencheskikh struktur. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universitete im. K. L. Khetagurova. Obshchestvennyye nauki, 3:* 22—30. DOI: https://doi.org/10.29025/1994-7720-2019-3-22-30. (In Russ.).

Butkov, P. G. (2001). *Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1722-go po 1803 god: izvlecheniy*a. Nalchik: El'-Fa. (In Russ.).

Dzhumagulova, A. T. (2014). Tendentsii v administrativno-pravovom razvitii nogaytsev Severnogo Kavkaza v sostave Rossiyskoy imperii v kontse XVIII — 60-kh gg. XIX v. *Sovremennaya nauka i innovatsii, 3 (7):* 35–40.

Esadze, S. E. (1907). *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom, 1.* Tiflis: Tipografiya Guttenberg. (In Russ.).

Glasheva, Z. Zh. (2017). Administrativno-territorialnyye preobrazovaniya v Kabarde i Balkarii v XVI — nachale XX v. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN, 5 (79):* 78—88. (In Russ.).

Goryaev, M. S. (2013). Ustanovleniye sistemy popechitelstva v Kalmykii po polozheniyam 1834, 1847 gg. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatelnaya mysl', 5 (21):* 34—41. (In Russ.).

Grabovskiy, N. F. (2008). *Prisoyedineniye Kabardy k Rossii i ee bor'ba za nezavisimost'*. Nalchik: Respublikanskiy poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g. (In Russ.).

Kalmykov, I. Kh., Kereytov, R. Kh., Sikaliev, A. I. (1988). *Nogaytsy: istoriko-etnograficheskiy ocherk.* Cherkessk: Stavropolskoye knizhnoye izdatelstvo, Karachaevo-Cherkesskoye otdaniye. (In Russ.).

Kalmykov, Zh. A. (2007). *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiyskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII — nachalo XX v.).* Nalchik: El-Fa. (In Russ.).

Khlynina, T. P., Krinko, E. F., Urushadze, A. T. (2012). *Rossiyskiy Severnyy Kavkaz: istoricheskiy opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona*. Rostov-na-Donu: YuNTs RAN. (In Russ.).

Kidirniyazov, D. S. (2014). Pervyye administrativnyye reformy rossiyskikh vlastey na Severnom Kavkaze v kontse XVIII — 20-e gg. XIX v. *Vestnik instituta IAE, 2:* 18—32. (In Russ.).

Kipkeeva, Z. B. (2008). *Severnyy Kavkaz v Rossiyskoy imperii: narody, migratsii, territorii*. Stavropol: SGU. (In Russ.).

Klychnikov, Yu. Yu. (1998). *Deyatelnost' A. P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816—1827): dissertatsiya… kandidata istoricheskikh nauk*. Pyatigorsk. (In Russ.).

Kobakhidze, E. I. (2008). *Instituty vlasti i upravleniya u osetin (konets XVIII—XIX vv.)*. Vladikavkaz: SOIGSI. (In Russ.).

Malakhova, G. N. (2001). *Stanovleniye i razvitiye rossiyskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII—XIX vv*. Rostov-na-Donu: SKAGS. (In Russ.).

Maltsev, V. N., Chirg, A. Yu. (2012). Institut pristavstva na Kavkaze: sozdaniye, deyatelnost', evolyutsiya (vtoraya polovina XVIII — 1860 god). *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye, filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya, 2:* 89—96. (In Russ.).

Nakhusheva, I. R. (2020). K voprosu ob istokakh formirovaniya sistemy pristavskikh upravleniy na Severnom Kavkaze v posledney treti XVIII v. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2 (94):* 94—101. (In Russ.).

Shavlokhova, E. S. (2012). Sozdaniye i osobennosti pervykh institutov administrativnogo upravleniya gorskimi soobshchestvami. *Nauchnyye problemy gumanitarnykh issledovaniy, 1:* 100—105. (In Russ.).

Urushadze, A. T. (2011). Kabarda v politike A. P. Ermolova na Kavkaze: znacheniye i osobennosti. *Bylye gody, 4 (22):* 12—16. (In Russ.).

Vinogradov, B. V. (2010). *Rossiya i Severnyy Kavkaz v 1783 — 1816 gg.: problemy vzaimodeystviya vo vnutri- i vneshnepoliticheskom kontekste*. Slavyansk-na-Kubani: SGPI. (In Russ.).

Белозёрова М. В. К проблеме национального самоопределения автохтонных народов на примере регионов юга России (конец 1980-х — начало 1990-х годов) / М. В. Белозёрова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 301—319. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-301-319.

Belozerova, M. V. (2020). On Problem of National Self-Determination of Autochthonous Peoples by Example of Southern Russia Regions (Late 1980s — Early 1990s). *Nauchnyi dialog, 8:* 301-319. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-301-319. (In Russ.).

УДК 94(470.6):323.17“1980/199”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-301-319

К проблеме национального самоопределения автохтонных народов на примере регионов юга России (конец 1980-х — начало 1990-х годов)

© **Белозёрова Марина Витальевна (2020),** orcid.org/0000-0002-3156-2458, доктор исторических наук, доцент по специальности «Отечественная история», главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных исследований, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук» (Сочи, Россия), mbelozerowa@mail.ru.

Рассматривается проблема национального самоопределения в среде автохтонных народов России как составляющая этнополитических процессов конца 1980-х — начала 1990-х годов. Актуальность определяется необходимостью изучения проявившихся этнических интересов, межэтнической напряженности и сепаратистских тенденций, перешедших у ряда автохтонных народов из латентного состояния в открытую форму. На основе компаративного анализа, исследования архивных документов государственных, ведомственных, личных архивов, историографических данных выявлены общие тенденции и региональная специфика у хакасов, адыгов, шапсугов, шорцев и телеутов. К этнополитическим процессам, на которых базировались идеи национального самоопределения, отнесены рост этнического самосознания, «политизация» этничности, смена идеологических парадигм, институциональная деятельность национальных элит, формирование программ национального возрождения, мифотворчество. Выявлены содержательная общность мифов («поиск врага», «утрата» национальной культуры и других тезисов) и отличия, основанные на исторической и этнической памяти каждого народа. Особое внимание уделено проблеме автономизации. Она рассматривалась в качестве проявившегося компонента в попытках реализации идеи национального самоопределения. Опыт нормализации социальных отношений рассматривался при анализе тактики, применяемой национальными элитами в достижении поставленных политических задач, решений, принимаемых органами региональной власти, и реакции различных слоев общества.

Ключевые слова: национальное самоопределение; этнополитические процессы; автономизация; автохтонные народы; мифотворчество.

1. Введение

Интерес исследователей к изучению этнополитических процессов на региональном уровне конца 1980-х — начала 1990-х годов в России, как следствия перехода от реалий СССР к либерально-демократической форме государственности, не ослабевает вплоть до настоящего времени. Данный период характеризовался устремлением национальных элит из среды автохтонных народов к этнической самоидентификации и регионализму, вплоть до проявления сепаратистских тенденций и возникновения межэтнической напряженности. Актуализирует проблему то, что состоянию межэтнической напряженности на местах свойственна тенденция перехода от открытой формы ее проявления к латентному состоянию, тем более в условиях, когда право называть себя коренными имеют не только малые, но и другие народы и этносы, проживающие на данной территории не одно столетие, но не отнесенные к категории с особым статусом («коренные малочисленные народы», «народы Севера). Отметим, что особый статус предполагает на определенных этапах исторического развития законодательное оформление преференций (например, льгот по налогообложению, получению высшего образования и др.).

Актуальность и новизну поднимаемой проблематики определяет и то, что данная тематика не в полной мере освещена в научной литературе. Достаточное внимание было уделено этнополитическим вопросам в целом: генезису межэтнической напряженности [Михайлов, 1995; Здравомыслов, 1997; Авксентьев, 1998, с. 33; Феномен идентичности …, 2011], проявлениям этнической солидарности и ее использованию для достижения социальных и политических преимуществ [Тишков, 1993б; Грошева, 2007]. Частично затрагивались аспекты взаимодействия этнических элит с региональными органами власти и русскоязычным населением регионов [Шорова, 2010, с. 3—4]. Освещались различные подходы к проблеме этнической идентичности, факторы этнической мобилизации в общественно-политических процессах в центре и отдельных регионах [Тишков, 1993а, с. 6; Губогло, 2000; Борина, 2003; Логачева, 2006]. Ряд работ посвящен теоретическим проблемам национального самоопределения в контексте политических интересов [Новожилов, 2019] и с точки зрения международного права [Дзидзоев, 2019].

Проблемы формирования идеи национального самоопределения у автохтонных народов отражены в ряде монографических и диссертационных исследований, в отдельных статьях в соответствии с поставленными авторами задачами. Такие работы, как правило, охватывали весь комплекс региональных социально-экономических проблем (например, [Сивер, 2002;

Белозёрова, 2008б]) или отдельные вопросы межэтнических отношений (например, [Батьянова, 1993; Тугужекова и др., 2005; Карачакова, 2005; Грошева, 2007; Сивер, 2013]). В то же время данная проблематика зачастую остается вне внимания на уровне региональных исследований.

Недостаточная изученность тематики во многом обусловливается тем, что исследования введены в область политологии и социологии. В политологии основное внимание уделяется обобщающим проблемам: генезису политического плюрализма, включая этнические проблемы, и федеративных отношений, специфике развертывания политической оппозиции и т. п., например: [Козодой, 2001, с. 4; Беленко, 2006, с. 13; Литвинова, 2016 и др.]. В социологических исследованиях охватывается широкий спектр вопросов, связанных в целом с этнополитическими процессами в регионе или населенном пункте. На региональном уровне можно отметить публикацию результатов социологических исследований по некоторым этническим группам Южной Сибири [Постсоветская Хакасия …, 2005; Этнологическая экспертиза …, 2008; Нечипоренко и др., 2001; Костюк и др., 2001], в отличие от Западного Кавказа, где социологические обследования по широкому кругу вопросов не проводились. Не отрицая значимости разработок в данных областях науки, отметим, что поднимаемая тема является предметом также исторического исследования и этнологического регионоведения. В данном контексте акцентируем внимание на целях и методологических подходах в различных сферах исследований. Как правило, социологическое исследование отражает современную ситуацию, а не процесс. Поэтому методика его проведения предусматривает массовый опрос населения, зачастую без выделения этнической составляющей региона. Другой особенностью является то, что значительная доля в социологических анкетах отводится вопросам, относящимся к сфере личной и семейной жизни, отношений в быту, с соседями, на работе и т. п., представляющихся важными каждому человеку [Нечипоренко и др., 2001; Этнологическая экспертиза …, 2008, с. 226]. Перед историками и антропологами, как правило, стоят иные цели и задачи: выявление и отражение динамики процессов. С этой целью используются и другие методологические подходы: проведение компаративного, типологического анализа процессов на основе привлечения данных о более ранних хронологических срезах или о различных этносах в разных регионах в один временной промежуток.

С учетом результата анализа историографических и источниковых данных в предлагаемой статье поставлена цель — выявление тенденций национального самоопределения у автохтонных народов (в отдельных регионах РФ: в Южной Сибири — хакасов, шорцев, телеутов, на Западном Кавказе —

адыгов, шапсугов) как составляющей этнополитических процессов и эффективности взаимодействия региональных органов власти и различных слоев общества с национальными общественными объединениями.

Методологической основой работы стали принципы системного подхода. Был использован выборочный метод по хронологическому срезу (конец 1980-х — начало 1990-х годов) и по ряду субъектов РФ (Республики Адыгея и Хакасия, Кемеровская область, Причерноморье). Сравнительно-типологический метод и компаративный анализ позволили проследить общие тенденции и специфику этнополитических процессов и принимаемых управленческих решений в субъектах РФ.

Основными источниками послужили неопубликованные документы, отложившиеся в государственных, ведомственных и личных архивах, нормативно-правовая документация регионального уровня, материалы научно-исследовательских отчетов, опубликованные документы национальных общественных организаций. Ряд архивных документов впервые вводится в научный оборот.

2. Региональные аспекты этнополитических процессов в конце 1980-х — начале 1990-х годов

Формирование идеи национального самоопределения у автохтонных народов Южной Сибири и Западного Кавказа. Основной тенденцией, которая характеризовала этнополитическую ситуацию в этот период, стал рост этнического самосознания в среде автохтонных народов. На этой основе шло формирование идеи национального самоопределения. В конце 1980-х — начале 1990-х годов общественную поддержку получили положения о праве народов решать самим свою судьбу, создавать государственность, определять меру своей независимости, что соответствовало ленинским трактовкам национальной политики, было декларировано в Конституции СССР и в программных документах КПСС, хотя механизмов реализации данного права государством предложено не было. Первоначально идеи самоопределения стали формироваться у представителей национальной интеллигенции, работников партийных и комсомольских органов [Батьянова, 1993, с. 9—14; Белозёрова, 2008а, с. 71]. Постепенно в этот процесс вовлекались другие слои населения — городские и сельские жители различных профессий и специальностей. В ходе нашего исследования были определены сферы их деятельности, в рамках которой формировалась идея национального самоопределения.

Институциональная деятельность хакасов, шорцев, телеутов, адыгов, шапсугов. Начиная со второй половины 1980-

х годов представители автохтонных народов получили возможность проявить себя в принципиально иной общественной, институциональной деятельности. Это выразилось в формировании многочисленных национально-культурных центров и национально-общественных ассоциаций, которые со всей очевидностью можно отнести к институтам гражданского общества как сегменту в общественно-политических процессах этого периода. При этом следует отметить попытки через созданные общественные объединения оказать влияние на принятие решений органами региональной власти по всем вопросам жизнедеятельности автохтонных народов [Сивер, 2002; Карачакова, 2005; Белозёрова, 2008б, с. 35, 37]. В качестве примера можно привести ввод российских военных в Чечню в середине декабря 1994 года и начало вооруженного конфликта. Ситуация не только была фактором этнической консолидации адыгов, но и могла стать поводом для формирования сепаратистских тенденций в будущем. О резком неприятии в адыгском обществе свидетельствовали решения и заявления, принятые на Внеочередном съезде адыгского народа (11.12.1994 года), о прямой поддержке сепаратизма в северо-кавказском регионе, несогласии с вводом войск в Чечню, осуждении этого акта, требовании только политических решений, призыве к Президенту РА, Законодательному собранию — Хасэ и Парламенту РА о возвращении всех военнослужащих Майкопского гарнизона в место постоянной дислокации, объявлении о созыве бессрочного ежедневного митинга до удовлетворения выдвинутых требований [ГКУ НАРА, д. р-499, оп. 1, д. 142, л. 11, 12, 13]. В регулировании ситуации по этой проблеме имели место взвешенные решения органов региональной власти, поддержанные населением и общественным объединением славян Адыгеи [там же]. В дальнейшем, вплоть до 2010-х годов институциональные формы деятельности стали для национальных меньшинств средоточием общественной и политической деятельности, активного участия в культурном и национальном возрождении своих народов [Белозёрова, 2011].

Тогда же закладывались основы политических программ, рождались суждения о советском периоде истории, ставшие основой мифотворчества. Анализ значительного числа архивных документов, публицистики, материалов СМИ, научных работ показал, что в основу мифотворчества было положено, по крайней мере, два блока проблем. К одному относились проблемы, связанные с неудовлетворенностью автохтонных народов своим социально-экономическим положением, нерешенностью социальных проблем в советское время, которые проявились к концу 1980-х — началу 1990-х годов. К таким относились депопуляционные процессы, ассимиляция и деградация в среде автохтонных народов (например, в регионах

Южной Сибири), осознание экологического «ущерба» их «этнической территории», который «нанесло государство» в ходе эксплуатации природных ресурсов [ГКУ НАРА, д. 142, л. 10—11; ЦГАРХ, д. 2, т. 2, л. 29; Аборигены Кузбасса …, 1997, с. 49—50; Белозёрова, 2008б, с. 37; Сивер, 2002; Тугужекова и др., 2005].

Историческое мифотворчество и вопросы «политизации» этничности у хакасов, шорцев, телеутов, адыгов и шапсугов. Второй круг сюжетов был связан с процессом «политизации» этничности, использованием этнических ценностей, исторических сюжетов и исторической памяти этносов при формировании новых идеологических и мировоззренческих конструктов. В этом смысле этническая идентичность использовалась определенными социальными группами (политиками, представителями национальной элиты, определенными общественными группами) в качестве инструмента социальной инженерии [Воеводина, 2002; Белозёрова, 2008а, с. 71; Исследования социальных …, 2018]. При содержательной общности («поиск врага», «утрата» национальной культуры и других подобных тезисов), мифы основывались на исторической памяти каждого этноса, включавшие конкретные исторические факты и суждения. В этом прослеживается определенная региональная специфика. Так, у ряда автохтонных народов Южной Сибири основным стал деструктивный, по своей сути, мотив «поиска врага». Например, хакасские лидеры использовали в дискурсе тезисы об «искусственной русификации», «русской оккупации», ее последствиях — сокращении представителей этнических групп в руководящем составе автономии, «утрате» национальной культуры, традиций, родного языка [ЦГАРХ, д. 96, л. 3]. Для автохтонных народов Адыгеи (адыги) и Причерноморья (шапсуги, субэтнос адыгов) мифотворчество основывалось на попытках возложить вину за начало Кавказской войны XIX века полностью на российское правительство, в продвижении в региональной историографии тезисов о «завоевании» и «колонизации» Россией кавказских горцев [Кудаева, 2006, с. 44; Белозёрова, 2018], на мифах о «золотом веке», «упадке» и «возрождении» адыгов и шапсугов [Сивер, 2002; Сивер, 2013]. В основе мифотворчества у телеутов и шорцев (компактно проживают в Кемеровской области) не прослеживалось деструктивных элементов. Мифология у телеутов строилась на тезисе о необходимости восстановления «этнической справедливости» с лейтмотивом сохранения самоназвании этноса. По оценкам ряда исследователей, они представляли собой лишь территориально разобщенную часть алтайского народа, не имевшую существенных этнических различий [Архив ЛЭЭГ КемГУ]. На практическом уровне восстановление

«этнической справедливости» заключалось в признании на официальном (региональном и федеральном) уровне этноса с самоназванием «телеуты», в его записи в графе «национальность» в паспортах и в учете их в материалах переписей населения. Для шорцев мифотворчество строилось на мысли о необходимости сохранения «уникальной традиционной культуры» [ГАКО, оп. 63, д. 114, л. 16; ЦГАРХ, д. 75, л. 91—95; Потапов, 1994]. Ввиду этого нелишне отметить, что до революции 1917 года шорцы были бродячими охотниками, дисперсно проживавшими в небольших аилах (2—5 семей). Возможность развивать свою культуру, синтезируя тюркские и русские традиции, они получили только с проникновением в Горную Шорию русских. Безусловно, импульс для формирования национальной интеллигенции и культуры, их развития был дан в советское время при создании всеобщей системы школьного и дополнительного образования, на основе которой шорцы, как и другие народы в СССР, получили возможность развивать свой образовательный, научный и творческий потенциал.

Мифотворчество и построение идеологических конструктов, основанных на мифах, стало одной из составляющих этнической самоидентификации и консолидации, одной из основ идеи национального самоопределения. Они легли в основу при выработке национально-общественными ассоциациями программ «национального возрождения», в которых определялись права на самоопределение, национально-территориальную автономию как гарант прав по отношению к национальным меньшинствам, обозначалась необходимость местного национального самоуправления, налоговых льгот, доли участия в освоении природных богатств, сохранения и развития традиционной культуры и языка и т. д. [ГАКО, оп. 63, д. 58, л. 92—93; Аборигены Кузбасса …, О восстановлении …, 1992, с. 153; Архив ЛЭЭГ КемГУ, Проект Устава …; Постсоветская Хакасия …, 2005, с. 182; Белозёрова, 2008а, с. 72; Сивер, 2002, с. 135—136, 145—147]. Выдвигаемые требования поддерживались представителями автохтонных народов на митингах, демонстрациях, в материалах СМИ.

Проблемы национального самоопределения и автономизации этносов на региональном уровне. Одним из самых обсуждаемых в общественном дискурсе у всех рассматриваемых этносов был вопрос об автономизации как часть проблемы самоопределения. В обсуждении участвовали национальные ассоциации, представители региональных органов власти, научного сообщества и различных слоев общества. При рассмотрении этого вопроса отметим ряд аспектов, раскрывающих как общие тенденции, так и региональную специфику. Прежде всего коснемся вопроса наличия исторического опыта автономизации, который

был различен. Так, хакасы и адыги имели свои национально-территориальные автономии в советское время — это, соответственно, Хакасская АССР и Адыгейская АО. Два народа имели исторический опыт автономизации в середине 1920-х — конце 1930-х годов — шорцы (Шорский национальный район) и шапсуги (Шапсугский национальный район). Телеуты опыта автономизации никогда не имели. Таким образом, для адыгов и хакасов вопрос решался изменением статуса (республика в составе РФ) уже имевшихся автономий в соответствии с существующим федеральным законодательством. Шорцы, телеуты Кемеровской области и шапсуги Причерноморья рассчитывали на предоставление национально-территориальной автономии. При этом национальные лидеры не всегда четко представляли, например, будущую административно-территориальную структуру (национальный район или округ) и границы.

Нюансы прослеживаются в выбранной национальными лидерами тактике, применявшейся для достижения поставленных задач. В ряде регионов попытки оформления автономии не выходили за правовые рамки. Например, в Адыгее, процесс шел в соответствии с существовавшими нормативно-правовыми актами, статьями 71, 82, 82 действующей Конституции РСФСР. Адыгейская АССР с принятием «Декларации о государственном суверенитете Советской Социалистической Республики Адыгея» (28—29.06.1991 года) становилась самостоятельным субъектом РФ в составе России [ГКУ НАРА, д. р-499, оп. 1, д. 2, л. 1, 4, 12, 13]. Постановлением Верховного Совета республики от 23.03.1992 года были утверждены изменения в наименовании: АССР Адыгея впредь стала именоваться Республика Адыгея в составе Российской Федерации [Там же, д. 17, л. 12—13]. Дискуссии разгорелись по вопросу представительства в Верховном Совете республики. Адыгская общественность на основе решений съезда адыгского народа настаивала на пропорции 50/50, то есть на предоставлении адыгам половины мест. Аргументы приводились следующие: адыги/черкесы являлись первопроходцами на данной территории, понесли значительные потери в ходе Кавказской войны XIX века, в то же время «стремились к добрососедским отношениям» с русскими в течение второй половины XIX—XX веков. Главным в этих дискуссиях было изменение избирательной системы в части числа избирателей по округам. По мысли адыгской элиты, депутат от русского населения в избирательном округе должен был избираться от 10 000 человек. А адыгский депутат — избираться в округе от 500 избирателей. Однако данный вариант не соответствовал существовавшему законодательству [Там же, д. 4, л. 7, 15, 21, 24]. Точка в дискуссии была поставлена принятием Постановления Президиума Верховного Со-

вета РСФСР «О порядке и сроках проведения выборов в Верховный Совет Советской Социалистической Республики Адыгея в составе РСФСР». На его основе избирательные округа образовывались с учетом административно-территориального деления и иных особенностей, при соблюдении в основном равной численности избирателей. В то же время допускалось уменьшение числа избирателей в округах с компактным проживанием коренного населения [О порядке …, 1991; ГКУ НАРА, д. р-499, оп. 1, д. 8, л. 13—14].

Лозунги и призывы национальных лидеров о самоопределении и автономии не всегда носили мирный, конструктивный характер. Так, в Причерноморье в начале 1990-х годов лозунг о «возрождении» Шапсугского национального района стал решающим в давлении на региональные и местные органы власти. По мнению шапсугских лидеров, только предоставление автономии могло решить основные проблемы «самобытного» этноса: избежать угрозы его исчезновения, «ущербного» представительства в органах законодательной и исполнительной власти, «информационной и культурной блокады» [Сивер, 2002, с. 134]. На Первом съезде причерноморских адыгов / шапсугов (01.12.1991 года) было декларировано создание Шапсугского национального района как субъекта РСФСР в границах традиционного расселения этноса (с. Головинка Лазаревского района города Сочи — посёлок Новомихайловский Туапсинского района). Первоначально этот акт был поддержан общественными объединениями армян, греков, казаков Причерноморья и некоторыми политическими деятелями федерального уровня, в частности, вице-спикером ВС РСФСР Р. И. Хасбулатовым. В дальнейшем, как отмечал исследователь А. В. Сивер, произошло выделение радикального крыла в «шапсугском движении». Он характеризовал сложившуюся ситуацию как «прямую конфронтацию шапсугского движения с краевыми властями» [Сивер, 2002, с. 135—136, 137]. Отметим, что оппозиционность проявилась и по отношению к городским и районным органам власти. Ярким проявлением конфронтации были не только митинги и демонстрации шапсугов, но и снос в августе 1990 года памятника создателю Черноморской линии адмиралу П. М. Лазареву в посёлке Лазаревском (агломерация Большого Сочи; восстановлен в 2003 году), который, по «мнению» шапсугской общественности, «оскорблял национальные чувства» [Сивер, 2002, с. 134]. Реакция общественности и населения, проживающего в Сочинском Причерноморье, включая и районы компактного проживания шапсугов, в Краснодарском крае в целом была негативной вплоть до обвинений шапсугов в сепаратизме и разжигании национальной розни. Ситуация была нормализована в течение

1991 года. Сочинский городской Совет совместно с краевыми властями и местным самоуправлением на территориях компактного проживания шапсугов приняли ряд решений, организовали и провели конференции и слушания с участием общественности, включая и представителей различных этносов, проживающих в агломерации. Так, Сочинским городским Советом 27 декабря 1991 года были приняты следующие решения: 1) отложить рассмотрение вопроса о создании Шапсугского национального района вплоть до принятия соответствующего закона РФ о национально-территориальных единицах и государственной границе; 2) признать право всех жителей Сочи на развитие своей культуры и национальных традиций; 3) считать правомочными поднимаемые шапсугами вопросы; 4) для их решения не менять административно-территориальные границы; 5) учитывая малочисленность этноса, создать комиссию из депутатов городского и Лазаревского районного советов для изучения проблем адыгов-шапсугов, формирования программ развития культуры, языка, традиций; 5) после принятия соответствующего закона РФ о национально-территориальных единицах и государственной границе вопрос о создании Шапсугском национальном районе рассмотреть с учетом результатов референдума жителей города Сочи. В результате проведенной работы удалось погасить резкие вспышки напряжённости. Итогом стало признание общественным объединением Адыге-Хасэ и национальными лидерами «Шапсугского района» как части Краснодарского края; произошла переориентация их деятельности с политической в область общественного и культурного развития этноса, предусматривающую такие направления, как возрождение «адыгской топонимии», изучение родного языка, сохранение и развитие народной культуры и традиций. При этом вопрос автономизации сохранялся в течение последующего времени.

В Кузбассе дискуссии и деятельность некоторых национальных лидеров принимали форму «политического шантажа». Так, решениями национальных съездов шорского и телеутского народов давалось поручение народным депутатам России от Кемеровской области о внесении вопроса об автономизации в повестку дня Верховного Совета РСФСР. При его невыполнении декларировалась возможность обращения от имени этих этносов за помощью к международному сообществу, вплоть до ООН [Аборигены Кузбасса …, 1997, с. 153]. Декларации об автономии вплоть до 1993 года поддерживались региональными органами власти [ГАКО, оп. 63, д. 58, л. 92—93; оп. 66, д. 29, л. 178]. После принятия Конституции РФ (1993 года), в соответствии с ее положениями поддержка идеи сохранения и возрождения малых народов осуществлялась уже через отработку меха-

низмов взаимодействия с районными и национальными администрациями по предоставлению определенных прав в области местного самоуправления (национальные сельсоветы / администрации). С середины 1990-х годов поддерживались только проекты, направленные на решение проблем в социальной сфере и развитие культурных потребностей и традиций [Белозёрова, 2008а, с. 266]. Снижению напряженности в обществе способствовала организация органами исполнительной власти области ряда конференций с привлечением представителей научного сообщества — специалистов в области истории и этнографии. На них скрупулезно рассматривались проблемы малых народов и вырабатывались пути их разрешения. Действенным средством контроля деятельности общественных организаций со стороны органов власти, несомненно, явилось финансирование тех или иных мероприятий.

Вопрос автономизации обострился в Хакасии, где усилилось противостояние Ассоциации хакасского народа «тун» с русскоязычным населением и органами власти [ЦГАРХ, д. 2, т. 2, л. 273; Постсоветская Хакасия …, с. 185, 192, 194; Белозёрова, 2008а, с. 71—72]. В основе было два фактора: 1) нежелание национальной ассоциации избирать на пост Председателя ВС РХ в 1992 году русского по национальности, а не хакаса, и 2) выработка и принятие «Декларации Республики Хакасия». Предложенный ассоциацией вариант «Декларации о государственном суверенитете Хакасии» означал углубление сепаратистских тенденций в республике. На митинги и демонстрации, организованные национальной ассоциацией, в столицу Хакасии г. Абакан подвозили хакасов из районов республики. В местных СМИ звучали призывы к созданию вооруженных формирований из хакасского населения, открытому противостоянию по отношению к руководству региона, выступлениям против русского населения [ЦГАРХ, д. 75, л. 30, 51]. Ситуация в Хакасии, как и в рассмотренных других регионах, была урегулирована при значительных усилиях органов власти. В Верховном Совете РХ были проведены большие дискуссии, результатом которых стало принятие на I сессии (1992 год) варианта о государственно-правовом статусе республики в составе РФ [ЦГАРХ, д. 2, т. 2, л. 256, 259, 273], который удовлетворил большинство депутатов. В декларации были закреплены принципы территориальной целостности и единство Российской Федерации, зафиксировано стремление Республики Хакасия создавать правовую республику в составе РФ. Определенная роль в стабилизации принадлежала принципиальной позиции Славяно-казачьего союза Хакасии и населения в целом, не поддавшихся на провокации и не поддержавших линию национальных объединений.

3. Выводы

В конце 1980-х — начале 1990-х годов одной из основных составляющих этнополитических процессов у автохтонных народов (хакасов, адыгов, шапсугов, шорцев и телеутов) стало национальное самоопределение. Эти идеи были зафиксированы в программных документах национальных ассоциаций и рассматривались этническими элитами как гарант «национального возрождения».

К этнополитическим процессам, на которых базировались идеи национального самоопределения, отнесены следующие: этническая консолидация и рост этнического самосознания на основе формирования новых идеологических конструктов (либерально-демократических) и «политизации» этничности; участие национальной интеллигенции (элиты) как социальной страты, сформированной в советское время, в институциональной деятельности (создание институтов гражданского общества — национальных ассоциаций, национально-культурных центров и других форм); формирование программ «национального возрождения»; подбор социальных технологий со стороны национальных ассоциаций для воздействия на региональный курс национальной политики по отношению к автохтонным этносам. Этнополитические процессы были тесно взаимосвязаны с таким этнокультурным процессом, как историческое мифотворчество — важной составляющей смены идеологических парадигм. Мифы конструировались на тезисах о нерешенности социальных проблем в советское время, об ухудшавшемся социально-экономическом положении автохтонных народов, этнических ценностях, исторической памяти. Их лейтмотивом стали «поиск врага», «утрата» национальной культуры и другие утверждения. Региональная специфика мифотворчества проявилась при анализе тех исторических фактов и суждений, которые были положены в основу мифов каждого этноса (к примеру, у адыгов — мотивы Кавказской войны XIX века, у телеутов — идеи «этнической справедливости» и т. д.).

Проблема автономизации рассматривалась в качестве проявившегося компонента при попытках реализации идеи национального самоопределения. Прослеживается идентичность задач, которые предполагалось решить в результате получения автономии — увеличение представительства в органах управления всех уровней, сохранение и развитие национальной культуры и традиций, родного языка. С автономизацией связывались и надежды национальной элиты на решение не только политических, социальных, культурных, но и экономических вопросов — налогового обложения, частной собственности на землю и недра. Например, национальные лидеры шорцев и телеутов (Кемеровская область) считали, что автономизация

упрощала их решение. Шапсуги откладывали их решение на более поздний срок, предлагая объявить «мораторий по изменению форм собственности <…> на землю, природные ресурсы, государственные предприятия и санаторно-курортные комплексы», во всяком случае, на «переходный период» становления и признания Шапсугского национального района [Сивер, 2002, с. 136]. В Адыгее на Внеочередном съезде адыгского народа (11.12.1994 года) был сформулирован ряд требований о собственности на землю и возможности ее купли-продажи для внесения в текст принимаемой Конституции РА. Ни региональное руководство, ни общественные и национальные объединения других народов, ни население в целом региона не поддержали данные положения. Так, на III съезде общественного объединения славян Адыгеи (10.12.1994 года) была принята резолюция, в которой подчеркивалась необходимость принятия документа в соответствии с Конституцией РФ [ГКУ НАРА, ф. р-499, оп. 1, д. 142, л. 11].

Проявление идеи автономизации и попытки ее реализации можно рассматривать в качестве одного из индикаторов межнациональной напряженности и появления сепаратистских тенденций. Региональную специфику определяет тактика (приемы) достижения поставленных задач. Это прослеживается по накалу дискуссий представителей этнической элиты с органами власти и противостоянию по отношению к другим этносам (прежде всего к русским) и социальным стратам (к примеру, казакам).

В связи с этим актуализируются проблемы анализа накопленного в субъектах России опыта стабилизации этносоциальной обстановки на основе взаимодействия региональных органов власти с национальными общественными объединениями и представителями различных слоев общества, в частности, практики принятия решений по регуляции межэтнических отношений, использования норм, отраженных в законодательстве РСФСР/РФ; создания комиссий по межнациональным отношениям при органах региональной власти по решению проблем автохтонных народов [ГАКО, д. 58, л. 92—93; ЦГАРХ, д. 75; ГКУ НАРА, ф. Р-79, оп. 4, д. 1147, л. 1, 4]; обсуждения проблем с привлечением представителей национальных организаций, научного сообщества и широкой общественности.

Источники и принятые сокращения

1. *Аборигены* Кузбасса. Современные этнополитические процессы : сборник документов / сост. В. М. Кимеев, В. В. Ерошов. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. — 304 с.

2. Архив ЛЭЭГ КемГУ — *Архив* лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета. Самаев Г. П. Справка об этническом составе алтайского народа; Проект Устава телеутского национального округа.

3. *Белозёрова М. В.* Личный архив, 2011 г. Анкеты для национально-общественных и национально-культурных организаций Кемеровской области (48 анкет).

4. ГАКО — *Государственный* архив Кемеровской области. Ф. П-75. Оп. 63. Д. 58, Д. 114; Оп. 66. Д. 29.

5. ГКУ НАРА — *Государственное* казенное учреждение Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-79. Майкопский городской совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и его исполнительный комитет. 1922—1935, 1943—1992 гг. Оп. 4. Д. 1147; Ф. Р-499 (Верховный Совет Республики Адыгея (1992—1993 гг.), Государственный Совет-Хасэ Республики Адыгея (1995 — по наст. вр.). Оп. 1. Д. 2; Д. 4; Д. 8; Д. 17; Д. 142.

6. *Исследования* социальных технологий управления пограничными полиэтничными районами юга России в имперский, советский и постсоветский периоды (промежуточный, этап 2). Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013—2020 гг. : отчет о НИР СНИЦ РАН / А. Н. Садовой, М. В. Белозёрова, А. С. Кизилов, Т. Т. Тарасова, П. А. Куринских, А. И. Наконечный. — Сочи : Сочинский научно-исследовательский центр РАН, 2018. — 101 с.

7. *О восстановлении* автономии шорского народа : постановление II съезда шорского народа от 28—29.03.1992 г. (г. Таштагол).

8. *О порядке* и сроках проведения выборов народных депутатов в Советской Социалистической Республике Адыгея в составе РСФСР : постановление Президиума Верховного Совета РСФСР № 1669-I от 23 сентября 1991 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа : http://www.alppp.ru/law/konstitucionnyj-stroj/zakonodatelnaja-predstavitelnaja-vlast-sovetskogo-perioda/1/postanovlenie-prezidiuma-vs-rsfsr-ot-23-09-1991--1669-1.html.

9. ЦГАРХ — *Центральный* Государственный архив Республики Хакасия. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 2. Т. 2; Д. 75; Д. 96.

Литература

1. *Авксентьев В. А.* Этнические проблемы Северного Кавказа в контексте общероссийских и мировых этнических процессов / В. А. Авксентьев // Известия ВУЗов. Северокавказский регион. Общественные науки. — 1998. — № 2. — С. 9—12.

2. *Батьянова Е. П.* К этнополитической ситуации в Кемеровской области / Е. П. Батьянова // Серия А. Межнациональные отношения в современном мире. Документ № 39. — Москва : ИЭиА РАН, 1993. — 23 с.

3. Беленко Н. М. Становление и развитие федеративных отношений в России (90-е гг. XX — начало XXI вв.) : автореф. дис. … д-ра истор. наук / Н. М. Беленко. — Москва, 2006. — 39 с.

4. *Белозёрова М. В.* (а) К проблеме проявления национального сепаратизма у коренных народов Южной Сибири : XX столетие / М. В. Белозёрова // Вестник Томского госуниверситета. — 2008. — № 312. — С. 69—73.

5. *Белозёрова М. В.* (б) Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири (1920-е гг. — начало XXI в.) : автореф. дис. … д-ра истор. наук / М. В. Белозёрова. — Томск : Томский государственный университет, 2008. — 56 с.

6. *Белозёрова М. В.* Цивилизационный подход в исследованиях общества Западного Кавказа : методологический аспект / М. В. Белозёрова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2018. — № 43. — С. 27—35.

7. *Борина Л. С.* Формирование этнического самосознания шорцев (вторая половина XIX—XX вв. : автореф. дис. … канд. истор. наук / Л. С. Борина. — Томск : Томский государственный университет, 2003. — 22 с.

8. *Воеводина Л. Н.* Мифотворчество как феномен современной культуры : автореф. дис. … д-ра филос. наук — Москва : Московский государственный университет культуры и искусств, 2002. — 43 с.

9. *Грошева Г. В.* Этничность в научном и политическом дискурсе современной Хакасии (конец XX — начало XXI в.) / Г. В. Грошева // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 303. — С. 63—68.

10. *Губогло В. А. В* лабиринтах этнической мобилизации / А. В. Губогло // Отечественная история. — 2000. — № 3. — С. 106—124.

11. *Дзидоев В. Д.* Национальное самоопределение в теории и на практике / В. Д. Дзидоев // Вестник Владикавказского научного центра. — 2019. — Т. 19, № 3. — С. 27—32.

12. *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. — Москва : Аспект Пресс, 1997. — 286 с.

13. *Карачакова О. М.* Национальное движение в Хакасии в конце 1980 — начале 1990 гг. / О. М. Карачакова // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. — Абакан : Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова — 2005. — № 6. — С. 85—92.

14. *Козодой В. И.* Общественно-политическая жизнь Сибири (вторая половина 1980-х — середина 1990-х гг.) : автореф. дис. … д-ра истор. наук / В. И. Козодой. — Москва, 2009. — 46 с.

15. *Костюк В. Г.* Проблемы развития хакасского этноса в условиях российских реформ 1990-х гг. (социологическая экспертиза) / В. Г. Костюк, Ю. В. Попков, В. Н. Тугужекова — Абакан, 2001. — 72 с.

16. *Кудаева С. Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.) : автореф. дис. … д-ра истор. Наук / С. Г. Кудаева. — Махачкала, 2006. — 59 с.

17. *Логачева А. С.* Современная Хакасия : этносоциальные процессы / А. С. Логачева. — Абакан : Хакасское книжное изд-во, 2006. — 116 с.

18. *Литвинова Т. Н.* Политические процессы на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности (институциональный подход) : автореф. дис. … д-ра полит. наук / Т. Н. Литвинова. — Москва, 2016. — 55 с.

19. *Михайлов В. А.* Национальная политика России как фактор государственного строительства / В. А. Михайлов. — Москва, 1995.

20. *Нечипоренко О. В.* Социальная ситуация в сельских районах Республики Алтай / О. В. Нечипоренко, А. Н. Вольский. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. — 108 с.

21. *Новожилов А. М.* Политическое самоопределение и его основные формы / А. М. Новожилов // Ученые записки Академии предпринимательства. — Москва. — 2018. — Т. 18, № 3. — С. 299—274.

22. *Постсоветская Хакасия:* трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации : этносоциол. очерки / ред. М. Н. Губогло, Л. В. Остапенко. — Москва, 2005. — 484 с.

23. *Потапов Л. П.* Шорцы на пути к социализму / Л. П. Потапов // Шорский сборник : Вып. 1. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории : межвузовский сборник научных трудов. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 1994. — С. 124—139.

24. *Сивер А. В.* Шапсуги. Этническая история и идентификация / А. В. Сивер. — Нальчик : Полиграфсервис и Т, 2002. — 216 с.

25. *Сивер А. В.* Шапсуги и проблема восстановления Шапсугского национального района / А. В. Сивер // Шапсугия. — 27.03.2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://shapsugiya.ru/index.php?newsid=3771.

26. *Тишков В. А.* (а) О природе этнического конфликта / В. А. Тишков // Свободная мысль. — 1993. — № 4. — С. 6.

27. *Тишков В. А.* (б) Этничность и национализм в постсоветском пространстве / В. А. Тишков // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. — Омск, 1993.

28. *Тугужекова В. Н.* Межнациональные отношения в Хакасии в конце XX века / В. Н. Тугужекова, О. М. Карачакова. — Абакан, 2005. — 103 с.

29. *Феномен идентичности* в современном гуманитарном знании : к 70-летию академика В. А. Тишкова / сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — Москва : Наука, 2011. — 670 с.

30. *Шорова М. Б.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии : середина 1980-х — 1990-е гг. : автореф. дис. ... канд. историч. Наук / М. Б. Шорова. — Нальчик, 2010. — 22 с.

31. *Этнологическая экспертиза.* Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области / В. И. Бойко, А. Н. Садовой, О. В. Нечипоренко и др. — Новосибирск : ИФиП СО РАН, 2008. — Вып. 2. — 232 с.

On Problem of National Self-Determination of Autochthonous Peoples by Example of Southern Russia Regions (Late 1980s — Early 1990s)

© Marina V. Belozerova (2020), orcid.org/0000-0002-3156-2458, Doctor of History, Associate Professor with a degree in Russian History, Chief Researcher, Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russia), mbelozerowa@mail.ru.

The article considers the problem of national self-determination among the autochthonous peoples of Russia as a component of the ethnopolitical processes of the late 1980s and early 1990s. The relevance is determined by the need to study the manifested ethnic interests, inter-ethnic tension and separatist tendencies that have passed from a latent state to an open form among a number of autochthonous peoples. On the basis of comparative analysis, research of archival documents of state, departmental, personal archives and historiographical data, general trends and regional specifics of Khakas, Adygs, Shapsugs, Shors, and Teleuts are revealed. The ethno-political processes on which the ideas of national self-determination were based include the growth of ethnic consciousness, "the politicization" of ethnicity, the change of ideological paradigms, the institutional activity of national elites, the formation of national revival programs, and myth-making. The author reveals the significant commonality of myths ("search for the enemy," "loss" of national culture and other theses) and differences based on the historical and ethnic memory of each nation. Special attention is paid to the problem

of autonomy. It was seen as an emerging component in attempts to implement the idea of national self-determination. The experience of normalization of social relations was considered in the analysis of the tactics used by national elites in achieving political goals, decisions made by regional authorities, and the reaction of various segments of society.

Key words: national self-determination; ethnopolitical processes; autonomization; autochthonous peoples; myth-making.

Material resources

Arkhiv LEEG KemGU — *Arkhiv laboratorii etnosotsialnoy i etnoekologicheskoy geoinformatiki Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Samaev G. P. Spravka ob etnicheskom sostave altayskogo naroda; Proekt Ustava teleutskogo natsional'nogo okruga*. (In Russ.).

Belozerova, M. V. (2011). *Lichnyy arkhiv. Ankety dlya natsionalno-obshchestvennykh i natsionalno-kulturnykh organizatsiy Kemerovskoy oblasti (48 anket)*. (In Russ.).

GAKO — *Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti*. (In Russ.).

GKU NARA — *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Natsionalnyy arkhiv Respubliki Adygeya.* (In Russ.).

Issledovaniya sotsialnykh tekhnologiy upravleniya pogranichnymi polietnichnymi rayonami yuga Rossii v imperskiy, sovetskiy i postsovetskiy periody (promezhutochnyy, etap 2). Programma fundamentalnykh nauchnykh issledovaniy gosudarstvennykh akademiy nauk na 2013—2020 gg.: otchet o NIR SNITs RAN (2018). Sochi: Sochinskiy nauchno-issledovatelskiy tsentr RAN. (In Russ.).

Kimeev, V. M., Eroshov, V. V. (eds.). (1997). *Aborigeny Kuzbassa. Sovremennyye etnopoliticheskie protsessy: sbornik dokumentov*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (In Russ.).

O vosstanovlenii avtonomii shorskogo naroda: postanovlenie II syezda shorskogo naroda ot 28—29.03.1992 g. (g. Tashtagol). (In Russ.).

O poryadke i srokakh provedeniya vyborov narodnykh deputatov v Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respublike Adygeya v sostave RSFSR: postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR № 1669-I ot 23 sentyabrya 1991 g. Available at: http://www.alppp.ru/law/konstitucionnyj-stroj/zakonodatelnaja-predstavitelnaja-vlast-sovetskogo-perioda/1/postanovlenie-prezidiuma-vs-rsfsr-ot-23-09-1991--1669-1.html (In Russ.).

TsGARKh — *Tsentralnyy Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Khakasiya*. (In Russ.).

References

Avksentyev, V. A. (1998). Etnicheskie problemy Severnogo Kavkaza v kontekste obshcherossiyskikh i mirovykh etnicheskikh protsessov. In: *Izvestiya VUZov. Severokavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*. *2*: 9—12. (In Russ.). (In Russ.).

Batyanova, E. P. (1993). K etnopoliticheskoy situatsii v Kemerovskoy oblasti. In: *Seriya A. Mezhnatsionalnyye otnosheniya v sovremennom mire. Dokument 39*. Moskva: IEiA RAN. (In Russ.).

Belenko, N. M. (2006). *Stanovlenie i razvitie federativnykh otnosheniy v Rossii (90-e gg. XX — nachalo XXI vv.):* avtoref. dis. … doktorra istor. nauk. Moskva. (In Russ.).

Belozerova, M. V. (2008a). K probleme proyavleniya natsionalnogo separatizma u korennykh narodov Yuzhnoy Sibiri: XX stoletie. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta, 312*: 69—73. (In Russ.).

Belozerova, M. V. (2008b) *Problemy integratsii i natsionalnogo samoopredeleniya korennykh narodov Yuzhnoy Sibiri (1920-e gg. — nachalo XXI v.):* avtoref. dis. … doktora istor. nauk. Tomsk. (In Russ.).

Belozerova, M. V. (2018). Tsivilizatsionnyy podkhod v issledovaniyakh obshchestva Zapadnogo Kavkaza: metodologicheskiy aspekt. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv, 43*: 27—35. (In Russ.).

Borina, L. S. (2003). *Formirovanie etnicheskogo samosoznaniya shortsev (vtoraya polovina XIX—XX vv.:* avtoref. dis. … kand. istor. nauk. Tomsk. (In Russ.).

Boyko, V. I., Sadovoy, A. N., Nechiporenko, O. V. et al. (2008). *Etnologicheskaya ekspertiza. Etnopoliticheskie, sotsialno-ekonomicheskie i etnodemograficheskie protsessy v srede teleutov Belovskogo i Guryevskogo rayonov Kemerovskoy oblasti*. Novosibirsk: IFiP SO RAN. 2. (In Russ.).

Dzidoev, V. D. (2019). Natsionalnoe samoopredelenie v teorii i na praktike. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra, 19 (3)*: 27—32. (In Russ.).

Grosheva, G. V. (2007). Etnichnost' v nauchnom i politicheskom diskurse sovremennoy Khakasii (konets XX — nachalo XXI v.). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 303*: 63—68. (In Russ.).

Guboglo, M. N., Dubova, N. A. (eds.). (2011). *Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii: k 70-letiyu akademika V. A. Tishkova*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Guboglo, M. N., Ostapenko, L. V. (eds.). (2005). *Postsovetskaya Khakasiya: transformatsionnye protsessy i etnoregionalnye modeli adaptatsii*. Moskva. (In Russ.).

Guboglo, V. A. (2000). V labirintakh etnicheskoy mobilizatsii. *Otechestvennaya istoriya. 3*: 106—124. (In Russ.).

Karachakova, O. M. (2005). Natsionalnoye dvizhenie v Khakasii v kontse 1980 — nachale 1990 gg. In: *Aktualnyye problemy istorii i kultury Sayano-Altaya. — Abakan : Izd-vo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. 6: 85—92. (In Russ.).

Kozodoy, V. I. (2009). *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri (vtoraya polovina 1980-kh — seredina 1990-kh gg.):* avtoref. dis. … doktora istor. nauk. Moskva. (In Russ.).

Kostyuk, V. G., Popkov, Yu. V., Tuguzhekova, V. N. (2001). *Problemy razvitiya khakasskogo etnosa v usloviyakh rossiyskikh reform 1990-kh gg. (sotsiologicheskaya ekspertiza)*. Abakan. (In Russ.).

Kudaeva, S. G. (2006). *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva (XIX v.):* avtoref. dis. … doktora istor. nauk. Makhachkala. (In Russ.).

Logacheva, A. S. (2006). *Sovremennaya Khakasiya: etnosotsialnye protsessy*. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo. (In Russ.).

Litvinova, T. N. (2016). *Politicheskie protsessy na Severnom Kavkaze v kontekste razvitiya rossiyskoy gosudarstvennosti (institutsionalnyy podkhod):* avtoref. dis. … doktora polit. nauk. Moskva. (In Russ.).

Mikhaylov, V. A. (1995). *Natsionalnaya politika Rossii kak faktor gosudarstvennogo stroitelstva*. Moskva. (In Russ.).

Nechiporenko, O. V., Volskiy, A. N. (2000). *Sotsialnaya situatsiya v selskikh rayonakh Respubliki Altay*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russ.).

Novozhilov, A. M. (2018). Politicheskoe samoopredelenie i ego osnovnye formy. In: *Uchenye zapiski Akademii predprinimatelstva*. *18, 3*: 299—274. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1994). Shortsy na puti k sotsializmu. In: *Shorskiy sbornik. Istoriko-kulturnoe i prirodnoe nasledie Gornoy Shorii*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 1: 124—139. (In Russ.).

Siver, A. V. (2002) *Shapsugi. Etnicheskaya istoriya i identifikatsiya*. Nalchik: Poligrafservis i T. (In Russ.).

Siver, A. V. (2013). Shapsugi i problema vosstanovleniya Shapsugskogo natsionalnogo rayona. In: *Shapsugiya.* 27.03.2013. Available at: https://shapsugiya.ru/index.php?newsid=3771. (In Russ.).

Shorova, M. B. (2010). *Natsionalnyy vopros v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Kabardino-Balkarii: seredina 1980-kh — 1990-e gg.:* avtoref. dis. ... kand. istorich. nauk. Nalchik. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (1993a) O prirode etnicheskogo konflikta. *Svobodnaya mysl, 4*: 6. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (1993b). Etnichnost' i natsionalizm v postsovetskom prostranstve. In: *Regionalnye problemy mezhnatsionalnykh otnosheniy v Rossii*. Omsk. (In Russ.).

Tuguzhekova, V. N., Karachakova, O. M. (2005). *Mezhnatsionalnye otnosheniya v Khakasii v kontse XX veka*. Abakan. (In Russ.).

Voevodina, L. N. (2002). *Mifotvorchestvo kak fenomen sovremennoy kultury:* avtoref. dis. … doktora filos. nauk Moskva. (In Russ.).

Zdravomyslov, A. G. *Mezhnatsionalnye konflikty v postsovetskom prostranstve*. Moskva: Aspekt Press. (In Russ.).

Беспалова К. А. Французская коммунистическая группа в Москве : создание и деятельность (1918—1920) / К. А. Беспалова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 320—333. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-320-333.

Bespalova, K. A. (2020). French Communist Group in Moscow: Formation and Activities (1918—1920). *Nauchnyi dialog, 8:* 320-333. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-320-333. (In Russ.).

УДК 94(47).084.3: 94(44).082
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-320-333

Французская коммунистическая группа в Москве: создание и деятельность (1918—1920)[1]

© Беспалова Ксения Андреевна (2020), orcid.org/0000-0001-8391-8017, младший научный сотрудник, лаборатория эдиционной археографии, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), ksenia.bespalova@urfu.ru.

Рассматривается проблема изучения деятельности Французской коммунистической группы (ФКГ), созданной в России в 1918 году по инициативе Российской коммунистической партии. В отечественной и зарубежной историографии существуют труды, посвященные истории формирования данной организации и состава группы. Анализ трудов показывает, что работа французской группы в нескольких городах России представлена как деятельность одной организации. В данной статье особое внимание уделяется изучению работы главного бюро ФКГ, находящегося в Москве в 1918—1920-х годах, как ключевого ядра организации. Источниковую базу исследования составляют архивные документы и источники личного происхождения. Проанализированы появление, деятельность и роспуск московского бюро ФКГ, выявлены количественный и профессиональный состав участников, структура подчинения и распределение обязанностей. Определена основная задача, стоявшая перед членами бюро, — агитационно-пропагандистская деятельность. Систематизированы основные направления агитационно-пропагандистской деятельности московского бюро среди соотечественников: публикация и распространение печатных изданий, проведение собраний и митингов, встречи и личные беседы, участие в проведении Первого и Второго конгрессов Коминтерна, работа с парламентской оппозицией во Франции к целью прекращения интервенции и распространения идей мировой революции. Доказывается, что, помимо агитационной деятельности, имела место также активная помощь членов бюро французским гражданам, проживающим или арестованным в России.

Ключевые слова: Французская коммунистическая группа; Коминтерн; пропаганда; агитационная деятельность; Третий Интернационал.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90025 «Деятельность Французской коммунистической группы в Москве: пропаганда идей большевизма и эволюция взглядов ее участников (1917 — середина 1930-х годов)».

1. Историография и постановка проблемы

В разгар Гражданской войны, когда по всей России вспыхивали восстания, а к границам подступали интервенты, для молодой Советской власти особенно важно было не допустить враждебной активизации многочисленных иностранцев в стране. Центром притяжения всех иностранцев была в первую очередь новая столица России — Москва. Она нашла сочувствовавших среди и эмигрантов, и иностранных рабочих, и военных союзных стран. В 1918 году в России насчитывалось около 5 млн иностранцев [Kriegel et al., 1963, p. 293]. Это были представители многих наций: немцы, французы, венгры, румыны, итальянцы, англичане и др. Осознавая необходимость следить за этим «ресурсом благожелателей», а еще лучше — распоряжаться им, Центральный комитет Российской коммунистической партии большевиков (ЦК РКП (б)) в 1918 году создал Федерацию иностранных коммунистических групп. Это позволило объединить иностранцев в организации по национальностям и использовать их, в первую очередь, в качестве активных проводников революции.

Благодаря созданию иностранных групп удалось контролировать столичных иностранцев. Одной из таких организаций была созданная в августе 1918 года в Москве Французская коммунистическая группа (ФКГ). Численность группы была небольшой — около двадцати человек. Впоследствии этой очарованной блеском революции горстке французов удалось развернуть активную пропагандистскую деятельность и оставить заметный след в мировом коммунистическом движении.

Изучению ФКГ уделяли внимание отечественные и зарубежные исследователи, которые рассматривали либо деятельность французских левых в России, либо аспекты франко-русских или франко-советских отношений. Ученые сосредотачивались на основном направлении деятельности членов организации — пропаганде идей коммунизма, но не отразили всего многообразия способов работы сотрудников группы с соотечественниками. Исследователи обычно отмечали наиболее популярные способы агитации группы: публикационную деятельность (в частности, издание газет) [Виллар, 1977; Зак, 1960; Зак, 1962; Краева, 2009; Слуцкая, 2011], проведение собраний и митингов для привлечения новых адептов [Зак, 1960; Зак, 1962; Краева, 2009], помощь в организации и участие членов ФКГ в Первом [Зак, 1960; Зак, 1962; Coeuré, 2014] и Втором [Вершинин, 2012; Lejeune, 1987] конгрессах Коммунистического интернационала в 1919—1920 годах. Реже в историографии упоминаются выпуск и распространение листовок и брошюр [Зак, 1960; Зак, 1962; Coeuré, 1999], помощь со стороны группы французской колонии в Москве и других городах в период разрыва дипломатических от-

ношений между Россией и Францией [Слуцкая, 2011]. Помимо публикаций, касающихся деятельности данной организации в целом, существуют исследования, посвященные отдельным ее сотрудникам [Бабинцев, 2009; Виане, 2014; Данилова 2011а; Данилова, 2011б; Фюре, 2001]. Но в этих публикациях авторы сосредотачивали внимание на жизненном пути этих личностей, нежели на периоде работы в ФКГ.

Опубликованы и мемуары активистов Марселя Боди и Пьера Паскаля, описывающих их участие в ФКГ [Body, 2003; Body, 2015; Pascal, 1977]. Их воспоминания свидетельствуют о том, что московское бюро организации не было единственным подразделением ФКГ в России. Подобные отделы позже были созданы в Петрограде, Киеве и Одессе, но их деятельность не была столь же заметной, как деятельность бюро в Москве. В трудах исследователей работа отделов ФКГ представлена как работа одной организации. Однако новые группы в других городах являлись другими подразделениями ФКГ и выполняли иные функции, отличные от функций, выполняемых московским бюро. В данной статье мы попытались сконцентрировать внимание исключительно на работе московского бюро от момента его организации в 1918 году до роспуска в 1920 году. На основе выявленных нами документов и с учетом сведений из публикаций предшественников мы изучили формирование московского бюро ФКГ, состав и обязанности его членов, а также выделили и систематизировали основные направления деятельности группы.

2. Создание Французской коммунистической группы, ее состав и иерархия

Возникновение бюро ФКГ в Москве объяснялось необходимостью проведения активной пропаганды идей большевиков в столице. Именно здесь находилась наиболее многочисленная французская диаспора — основной фронт работы для агитационной деятельности. Это были и военные (члены французской военной миссии до весны 1919 года находились в России, ожидая отправки во Францию), и гражданские лица разных профессий.

Французская коммунистическая группа, как было отмечено выше, была немногочисленной, но одновременно с этим характеризовалась достаточно пестрым составом своих членов. Она включала этнических французов и несколько бывших русских эмигрантов, живших во Франции или Швейцарии [Body, 2015, p. 9]. Из числа мигрантов, живущих в России, были Рауль Шапоан (Raoul Chapoan), Гильфер (Guelfer), Рене Маршан (René Marchand), Жанна Лябурб (Jeanne Labourbe), Мари-Луиза Пти (Marie-Louise Petit), Розали Барберет (Rosalie Barberet) и ее юный сын Анри (Henri). В 1919 году к группе

присоединился журналист Анри Гильбо (Henri Guilbeaux), а в 1920 году — Сюзанна Жиро (Susanne Girault). Помимо эмигрантов, в организации были и члены прежней французской военной миссии, которая находилась в России в период Первой мировой войны по союзническим обязательствам. Некоторые ее сотрудники под воздействием революционной атмосферы и пропаганды отказались подчиняться своему руководству [SHD/T, p. 379] и остались в России. Это были офицеры — капитан Жак Садуль (Jacques Sadoul) и лейтенант Пьер Паскаль (Pierre Pascal), а также солдаты — Робер Пти (Robert Petit) и Марсель Боди (Marcel Body).

Бюро организации разместилось по адресу Обухов переулок (Ныне Чистый), дом № 3. Этот дом был одновременно бюро группы и местом проживания двух членов группы — Ж. Садуля и П. Паскаля [Pascal, 1977, p. 19]. Принадлежность к организации подтверждалась персональными удостоверениями с печатью группы, дающими право свободного проживания и перемещения в пределах России. В удостоверениях отражалась и регулярность членских взносов их предъявителей. Финансирование организации осуществлялось за счет ЦК РКП (б).

В ФКГ имелась определенная иерархия и распределение обязанностей. Главным в группе был Ж. Садуль, что не удивительно, поскольку он был социалистом, эмиссаром французского министра вооружений А. Тома (Albert Thomas) и был близок к В. Ленину и Л. Троцкому. К тому же он был капитаном французской военной миссии и прекрасным оратором. Его доверенным лицом был П. Паскаль. М. Боди и Р. Пти были также под полным контролем Садуля [SHD/T, p. 119]. Однако его авторитет оказался серьезно подорван с марта 1919 года, когда появился новый претендент на руководство группой — А. Гильбо, давний знакомый В. Ленина. Секретарем бюро до 1919 года была Ж. Лябурб. Позднее, когда она была отправлена в Одессу для привлечения в ряды большевиков находящихся там французских и английских военных и моряков, ее место занял П. Паскаль. До того, как стать секретарем группы, П. Паскаль, работал секретарем в комиссариате иностранных дел у Г. Чичерина, где занимался сбором данных об успехах советской власти. Эти данные под диктовку П. Паскаля печатал на машинке Р. Пти, затем Г. Чичерин вносил в эти тексты правки [Pascal, 1977, p. 23], очевидно, контролируя характер той информации, которая затем по радио должна была транслироваться заграницу.

Речи и статьи для публикации от имени ФКГ подготавливали, судя по всему, самые красноречивые члены организации — Ж. Садуль и М. Боди. Р. Пти печатал тексты для публикации, а Р. Маршан занимался их переводом [Body, 2015, p. 17]. Отметим, что русским языком владели не все чле-

ны группы. Язык неплохо знали эмигранты, а также М. Боди и П. Паскаль. Однако Ж. Садуль, наиболее яркий оратор, русским языком не владел, а значит, в первую очередь ему были необходимы переводы и переводчики.

3. Методы осуществления пропаганды

Популяризация большевистских идей среди соотечественников осуществлялась прежде всего через печать. Первым масштабным проектом в этом плане было издание собственной газеты. Идея издания газеты принадлежала Ж. Лябурб, и инициативу одобрил сам В. Ленин. Он же позаботился и об обеспечении издателей бумагой и типографией. Благодаря ему появился и политический редактор Н. Нюрин [Pascal, 1977, p. 154]. В состав редколлегии вошли И. Арманд, Ж. Лябурб, А. Барберет, Н. Нюрин и М. Мартинс [Зак, 1960, с. 157]. Под руководством последнего издавался французский еженедельник — «Третий Интернационал. Орган французской секции Российской коммунистической партии (большевиков)» (La Troixieme International. Organe de la Section français du Parti Communiste (Bolchevik) Russe). «Третий Интернационал» издавался с октября 1918 года по март 1919 года; всего было выпущено 16 номеров [Зак, 1962, с. 35]. Газета, адресованная французскому пролетариату, представляла собой две страницы каждого выпуска, отпечатанных на толстой бумаге разного цвета [Body, 2015, p. 11]. Редакция издания не скрывала своих целей, объясняя французским рабочим смысл политики Российской социалистической республики и открыто объявляя о своей задаче — вовлечь рабочих в борьбу за мировую революцию [SHD/T, p. 317]. В газете были статьи, прославлявшие большевизм и клеймившие политику союзников, печатались выдержки из лояльных большевикам французских газет [РГАСПИ, ф. 517, оп. 1, д. 4, л. 1—2], подводились политические итоги недели, давался анализ постановлений советского правительства с комментариями П. Паскаля [Body, 2015, p. 11]. Так, например, 15 ноября 1918 года читатели получили третий номер газеты, который содержал сделанный П. Паскалем перевод недавней речи В. Ленина об общей политической ситуации и о необходимости борьбы против интервентов. В этом же номере была статья Ж. Садуля, пытавшегося доказать читателю превосходство советского строя над строем парламентским [SHD/T, p. 368]. Последний нередко подписывал статьи как «Капитан Жак Садуль, член французской военной миссии» [SHD/T, p. 382] или «Капитан Жак Садуль, бывший секретарь Социалистической федерации во Вьенне (Франция)» [РГАСПИ, ф. 517, оп. 1, д. 4, л. 63, 64] для создания иллюзии связи своей деятельности с политической жизнью Франции.

ФКГ не ограничивалась изданием «Третьего Интернационала». Группа печатала листовки и брошюры, содержащие броские лозунги и выдержки из разного рода газетных статей [Интернационалисты ..., 1967, с. 527]. В частности, в брошюрах, автором которых был Ж. Садуль, содержались призывы противостоять политике Антанты, поскольку, по его словам, каждая угнетенная нация имеет право распоряжаться своей судьбой [SHD/T, p. 318]. Капитан призывал французских солдат и матросов сложить оружие и не противодействовать начавшейся революции. Важно отметить, что если газета ориентировалась на франкоязычную аудиторию в целом, то в листовках группа обращалась к конкретным категориям живших в России французов — «К рабочим Франции», «К солдатам и морякам», «К рабочим и крестьянам Франции» [РГАСПИ, ф. 517, оп. 1, д. 4, л. 41, 43, 51, 63].

Вторым каналом агитационно-пропагандистской деятельности была организация собраний, конференций и митингов для французов, проживавших в русской столице и сочувствующих революции. Эти мероприятия носили как организационный, так и агитационный характер. Например, на собрании 4 сентября 1918 года постановили вести пропаганду среди французских рабочих в Москве и издавать «Третий Интернационал». На собраниях ораторы стремились поведать французам, оказавшимся в России, о русской революции [SHD/T, p. 108]. Впрочем, среди французских граждан, посещавших эти собрания, находились и те, кто противостоял коммунистической пропаганде [SHD/T, p. 152].

Бюро организовывало также и встречи, посвященные памяти павших героев революции. Так, когда в марте 1919 года пришли печальные известия с юга России о том, что одна из видных членов группы, Ж. Лябурб, пала от рук интервентов и белогвардейцев, группа, дабы почтить память подруги и соратницы, организовала встречу с оркестром и траурными речами в бывшем дворянском клубе (Maison des Syndicats) [Body, 2015, p. 37]. Ко всему прочему, ФКГ участвовала и в мероприятиях, организуемых РКП (б). Например, на открытии памятников М. Робеспьеру и Ж. Жоресу осенью 1918 года с речью выступал «капитан французской военной миссии» Ж. Садуль [Гражданская война …, 1983, с. 520]. В годовщину революции группа приняла участие в демонстрации под красными транспарантами, зримо выделяясь в общей торжественной процессии [SHD/T, p. 368—369].

Третье направление пропагандистской деятельности заключалось в работе с французскими военными с целью привлечения их на сторону большевиков. В первые месяцы существования группа вела агитацию среди еще находившихся в России сотрудников французской военной миссии. Ж. Садуль, на правах офицера миссии, наведывался в осажденное

красногвардейцами расположение военных, убеждая солдат примкнуть к большевикам. Призывая отказаться от выполнения приказов французских офицеров миссии, он заявлял, что таким образом солдаты смогут избежать арестов и казней. Многие сотрудники миссии были арестованы и заключены в тюрьмы Всероссийской чрезвычайной комиссией (ВЧК) по подозрению союзников по Антанте в контрреволюционной деятельности. Приходил в расположение и П. Паскаль, украдкой раздавая солдатам брошюры Ж. Садуля «Да здравствует Республика Советов! (Vivé la République Soviets!)» [SHD/T, p. 113]. Так, посредством личных бесед и распространения брошюр, организация проводила большевистскую пропаганду в рядах миссии, и, судя по отчетам французской разведки, ее действия имели ощутимый успех [SHD/T, p. 390].

4. Другие направления деятельности Французской группы

Помимо пропаганды, московское бюро содействовало большевикам в организации конгрессов Коминтерна. В начале 1919 года Ж. Садуль и П. Паскаль формировали делегацию от ФКГ для участия в Первом конгрессе Коминтерна. Ж. Садуль писал доклад и разрабатывал тезисы от имени французской делегации, а Р. Пти копировал их вручную [Body, 2015, p. 32]. Члены бюро активно занимались организацией приглашений для участников предстоящей конференции [Pascal, 1977, p. 26]. Накануне конференции на заседании 1 марта 1919 года группа, ориентируясь на программу РКП (б), заявила о своей цели: *«Показать французскому народу настоятельную необходимость замены буржуазно-демократической формы правления системой Советов» и «подготовить французский рабочий класс к осознанию этого процесса* (осознанию необходимости перехода к диктатуре пролетариата) *и к захвату власти»* [РГАСПИ, ф. 517, оп. 1, д. 4, л. 4—9]. Открытие конференции состоялось 2 марта 1919 года в Москве, где московское бюро представляло французское коммунистическое движение в целом. От французских коммунистов присутствовали Ж. Садуль и П. Паскаль. Ж. Садуль выступил от имени Франции с докладом [Coeuré, 2014, p. 93], заявив, что французский пролетариат с некоторыми оговорками примет программу большевистской партии [Коммунистический интернационал …, 1933, с. 60].

Через год сотрудники группы были привлечены к организации Второго конгресса Коммунистического интернационала. М. Боди занимался подготовкой выпуска бюллетеней с выступлениями делегатов [РГАСПИ, ф. 495, оп. 270, д. 6333, л. 3—4]. 19 июня 1920 года члены бюро приняли участие в заседании исполкома Конгресса. Однако делегатами от Франции

из членов группы были только самые яркие ее представители — Ж. Садуль и А. Гильбо. На одной из сохранившихся фотографий Конгресса можно видеть сидящего через двух лиц от В. Ленина Ж. Садуля и стоящего за Садулем М. Боди [РГАСПИ, ф. 489, оп. 1, д, 67, л. 65]. Последний присутствовал на Конгрессе как технический сотрудник и переводчик. Эта фотография свидетельствует о том, что для большевистских лидеров присутствие членов группы и их работа были очень важны. Не исключено также, что привлечение членов группы было сделано в угоду делегатам от Социалистической партии Франции (СФИО) — Марселю Кашену (Marcel Cachin) и Луи-Оскару Фроссару (Ludovic-Oscar Frossard). Тем самым было продемонстрировано, что доброжелательные отношения с Францией являются для большевиков одним из приоритетных направлений их деятельности. Большевистское руководство, стремясь расположить к себе делегатов конгресса от французских социалистов, запланировало для них отдых — небольшое путешествие по Волге с посещением Нижнего Новгорода, Казани, Симбирска, Самары, Саратова, а также Тулы в сопровождении Ж. Садуля и его супруги Ивон [Sadoul, 1978, p. 122—127] (Yvonne Sadoul). Организацией отдыха занимались Ж. Садуль и революционер и журналист Виктор Таратута [Вершинин, 2012, с. 86]. Отметим, что именно с того времени зародилась практика демонстрации «потемкинских деревень» приезжающим в Советский Союз иностранцам. Для комментирования достижений советского строя заинтересованных иностранцев или, как в данном случае, колеблющихся с вступлением в Третий Интернационал делегатов часто сопровождали проживающие в России их соотечественники.

Анализ деятельность московского бюро в период организации и работы Первого и Второго конгрессов Коминтерна позволяет с уверенностью сказать, что перед ним было поставлено несколько задач. Помимо помощи в организации этих мероприятий и «презентации» французского пролетариата, группа должна была реализовать и более масштабную задачу. В период открытой французской интервенции против Советской власти ФКГ должна была обеспечить дополнительную связь между Москвой и Парижем через оппозиционную французскому правительству Социалистическую партию Франции. Именно через французскую оппозицию должны были транслироваться во Францию идеи мировой революции с перспективой свержения существовавшего там политического и государственного режима.

Внешне второстепенным, но важным направлением в деятельности ФКГ была помощь проживающим в России французским гражданам. Беспомощное состояние французов проявилось в 1918—1919 годах, когда после разрыва русско-французских дипломатических отношений и отъезда

посла Жозефа Нуланса (Joseph Noulens) в России не осталось официального французского представителя. Это осложнялось ростом подозрительности со стороны ВЧК в отношении союзников по Антанте на предмет их контрреволюционной деятельности. Так, многие сотрудники миссии (не только военные) были арестованы и заключены в тюрьмы. Именно в этих обстоятельствах французские граждане нуждались в поддержке соотечественников, и ФКГ посредничала между советскими и французскими властями. По воспоминаниям Пьера Паскаля, в Москве была французская колония, которая *«давала убежище 300 гражданам, которые там жили и питались. Это учреждение ранее содержалось за счет фондов консулата, но управлялось с возмутительным произволом со стороны так называемого Комитета французской колонии, включающего местных предпринимателей-миллионеров, разбогатевших за счет русского народа»* [Pascal, 1977, p. 154]. Благодаря группе эта колония отныне начала управляться уполномоченной комиссией и стала финансироваться за счет субсидий от французских коммунистов. Сотрудникам группы удалось вернуть этому «убежищу» его истинное назначение, а именно обеспечение помощи нуждающимся старикам, женщинам и детям. Члены группы помогали согражданам в поисках работы, исходя из принципа, что все люди работоспособного возраста обязаны работать; в противном же случае они должны были покинуть это «убежище» [SHD/T, p. 121].

Сотрудники бюро выполняли и своего рода квази-консульские обязанности. Они пытались улучшить положение задержанных ВЧК французских военных и гражданских лиц. Например, П. Паскаль и Ж. Садуль неоднократно заступались перед Ф. Дзержинским за тех французов, которых различными способами притесняли, расхищали их имущество или арестовывали [Pascal, 1977, p. 19—20]. Что касается заключенных под стражу военных, то благодаря личным отношениям членов группы с лидерами большевиков удалось избежать судов над ними и расстрелов [Садуль, 1990, с. 371]. Военные в конечном итоге смогли вернуться на родину.

И все же усилия по оказанию помощи согражданам, оказавшимся в России, имели неоднозначные результаты. Так, например, удалось добиться освобождения заключенных в тюрьму четырех сестер-монахинь, которые являлись преподавателями французской школы Св. Екатерины [SHD/T, p. 313]. Вместе с тем современники отмечали, что многие французы из числа гражданских лиц выглядели подавленными. Большинство из них пытались уехать, но они сталкивались с категорическим отказом советских властей, даже несмотря на усилия, предпринимавшиеся ФКГ [SHD/T, p. 151].

В конце 1919 года деятельность группы как единого целого постепенно прекратилась. Это было связано с внутренними конфликтами среди некогда одной «большой семьи». С появлением в московском бюро А. Гильбо начался долгий конфликт между двумя стремившимися стать лидерами ФКГ личностями — между А. Гильбо и Ж. Садулем. Их соперничество быстро разрушило коллектив. Конфликт распространился и на остальных членов организации, которая разделилась на два противоборствующих лагеря. Эти два лагеря стали обвинять друг друга в оппортунизме, католицизме, присвоении некогда изъятых у французских дипломатов денег и т. д. В сущности, все члены бюро оказались скомпрометированными. Представители ЦК РКП (б) решили побеседовать с каждым из членов группы, чтобы составить персональную характеристику. По результатам этих бесед, иногда напоминавших допросы, было решено реорганизовать бюро. В состав обновленной группы вошли российская революционерка Е. Стасова (представитель от РКП (б) для контроля), Ж. Садуль, А. Гильбо, Р. Пти, М. Боди, Р. Маршан [Pascal, 1977, p. 146] — самые видные или менее запятнавшие себя члены прежнего состава. Остальных из группы исключили. Но даже в этом уменьшенном составе организация просуществовала недолго и постепенно прекратила свою деятельность. Последнее собрание группы состоялось в марте 1920 года, на котором в ФКГ приняли приехавшую из Одессы С. Жиро [Coeuré, 2014, p. 95—96]. Последней акцией для московского бюро стало участие его членов в работе Второго конгресса Коминтерна.

5. Заключение

Подведем итоги. Деятельность московского бюро ФКГ характеризовалась масштабностью. Пропаганда группой идей большевиков обеспечивалась всеми доступными для того периода средствами: через периодическую печать, радио, издание и распространение брошюр и листовок, проведение многочисленных собраний и митингов, различные формы общения с соотечественниками. с помощью этих каналов предполагалось охватить огромную аудиторию, состоящую из проживавших тогда в Москве французов. Вместе с тем, как показала практика, значительных результатов эти усилия не дали. Армии вдохновленных революционным духом находившихся в России французских граждан не появилось.

Наиболее заметный результат был связан с работой московского бюро по организации конгрессов Коминтерна. Через этот канал большевикам удалось обеспечить неофициальный контакт с французской оппозицией в лице социалистов, в результате чего в конце 1920 года появилась Французская коммунистическая партия.

Жизненно важной была деятельность группы при оказании помощи соотечественникам, оставшимся один на один с советской властью. Сотрудникам организации удалось спасти не одну жизнь французских граждан от суда, расстрела и голодной смерти.

К 1920 году по мере военных успехов большевиков, достигнутых в ходе Гражданской войны, с укреплением Советской власти и созданием Третьего Интернационала необходимость присутствия иностранных групп в России исчезла. Теперь иностранные активисты в большей степени оказались нужны за границей в качестве агентов Коминтерна для осуществления идеи мировой революции.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90025 “The Activities of the French Communist Group in Moscow: Propaganda of the Ideas of Bolshevism and the Evolution of the Views of its Participants (1917 — Mid 1930s)» / Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90025 «Деятельность Французской коммунистической группы в Москве: пропаганда идей большевизма и эволюция взглядов ее участников (1917 — середина 1930-х годов)».

Источники и принятые сокращения

1. *Коммунистический* интернационал — Первый конгресс Коминтерна, март 1919 г. / Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП (б) ; под ред. Е. Короткого, Б. Куна, О. Пятницкого. — Москва, 1933. — 275 с.

2. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 517. Оп. 1. Д. 4; Ф. 495. Оп 270. Д. 6333; Ф. 489. Оп. 1. Д. 67.

3. *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции (окт. 1917 — янв. 1919) / Ж. Садуль. — Москва : Книга, 1990. — 400 с.

4. *Body M.* Au cœur de la Révolution: mes années de Russie. 1917—1927 / M. Body. — Paris : Max Chaleil, 2003. — 303 p.

5. *Body M.* Les Groupes communistes français de Russie. 1918—1922 / M. Body. — Paris : Allia, 2015. — 102 p.

6. *Pascal P.* En communism. Mon journal de Russie. 1918—1921 / P. Pascal. — Lausanne : L’age d’Homme, 1977. — 226 p.

7. *Sadoul Y.* Tels qu’en mon souvenir / Y. Sadoul. — Paris : Editions Grasset & Fasquelle, 1978. — 256 p.

8. SHD/T — *Service* historique de la Défense, Terre, GR 7 NN 2013.

Литература

1. *Бабинцев В. А.* Пьер Паскаль: левая траектория французского консерватизма / В. А. Бабинцев // Французский ежегодник 2009: Левые во Франции. — 2009. — С. 208—220.

2. *Вершинин А. А.* Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919—1923) : к истокам французского коммунистического движения / А. А. Вершинин. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2012. — 200 с.

3. *Виане Б.* Марсель Боди: типографский рабочий из Франции, ставший советским дипломатом / Б. Виане // Новейшая история России. — 2014. — № 2 (10). — С. 73—85.

4. *Виллар К.* Первое знакомство французского рабочего класса с Октябрьской революцией (1918—1919) / К. Виллар // Французский ежегодник 1977. — 1979. — С. 11—19.

5. *Гражданская война* и военная интервенция в СССР : энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — 704 с.

6. *Данилова О. С.* Пьер Паскаль в зеркале историографии: образ российских и французских исследований / О. С. Данилова // Французский ежегодник 2011а. — 2011. — С. 393–411.

7. *Данилова О. С.* Пьер Паскаль — политический и духовный путь / О. С. Данилова // Россия и Франция XVIII—XX века. — 2011б. — № 10. — С 221—242.

8. *Зак Л. М.* Деятельность французской коммунистической группы РКП (б) в 1918—1919 годах / Л. М. Зак // Вопросы истории. — 1960. — № 2. — С. 152—166.

9. *Зак Л. М.* Славные традиции солидарности: борьба французского народа против интервенции в Советскую Россию в 1918—1920 гг. / Л. М. Зак. — Москва : Госполитиздат, 1962. — 128 с.

10. *Краева Т. В.* Французские левые в русской революции: 1917—1921 гг. / Т. В. Краева // Французский ежегодник 2009: Левые во Франции. — 2009. — С. 191—207.

11. *Интернационалисты* : Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики / [ред. коллегия: А. Я. Манусевич (отв. ред.) и др.]. — Москва : Наука, 1967. — 615 с.

12. *Слуцкая Л. В.* Французы на службе интересов Советской России: политический аспект сотрудничества / Л. В. Слуцкая // Вышэйшая школа. — 2011. — № 4. — С. 45—49.

13. *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии / Ф. Фюре. — Москва : Ad Marginem, 2001. — 640 с.

14. *Coeuré S.* La grande lueur à l'est : Les Français et l'Union sov., 1917—1939 / S. Cœuré. — Paris : Ed. du Seuil, 1999. — 358 p.

15. *Coeuré S.* Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communism / S. Coeuré. — Lausanne : Les éditions noir sur blanc, 2014. — 416 p.

16. *Kriegel A.* Les groupes communistes étrangers en Russie et la révolution mondiale (1917—1919). État des travaux / A. Kriegel, G. Haupt // Revue d'histoire moderne et contemporaine. — 1963. — № 4. — P. 289—300.

17. *Lejeune D.* Les missions de la SFIO dans la Russie de 1917 / D. Lejeune // Revue Historique. — 1987. — Octobre-décembre. — P. 373—386.

French Communist Group in Moscow: Formation and Activities (1918—1920)[1]

© Ksenia A. Bespalova (2020), orcid.org/0000-0001-8391-8017, junior researcher, Laboratory of Ethnic Archeography, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher

1 The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-39-90025 "The Activities of the French Communist Group in Moscow: Propaganda of the Ideas of Bolshevism and the Evolution of the Views of its Participants (1917 — Mid 1930s)».

Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), ksenia.bespalova@urfu.ru.

The problem of studying the activities of the French Communist Group (FCG), created in Russia in 1918 on the initiative of the Russian Communist Party, is examined. In domestic and foreign historiography, there are works devoted to the history of the formation of this organization and the composition of the group. An analysis of the works shows that the work of the French group in several cities of Russia is presented as the activity of one organization. In this article, special attention is paid to studying the work of the main bureau of the FCG, located in Moscow in the 1918—1920s, as the key core of the organization. The source base of the study is archival documents and sources of personal origin. The appearance, activity and dissolution of the Moscow bureau of the Federal Financial Group are analyzed, the quantitative and professional composition of the participants, the structure of subordination and the distribution of responsibilities are revealed. The main task facing the bureau members was determined — propaganda activities. The main lines of propaganda activity of the Moscow bureau among compatriots are systematized: publication and distribution of print media, holding meetings and rallies, personal meetings and conversations, participation in the First and Second Congresses of the Comintern, work with the parliamentary opposition in France to end the intervention and spread of world revolution ideas. It is proved that, in addition to campaigning, there was also active assistance of the bureau members to French citizens residing or arrested in Russia.

Key words: French Communist Group; Comintern; propaganda; propaganda activities; Third International.

Material resources

Body, M. (2003). *Au cœur de la Révolution: mes années de Russie. 1917—1927*. Paris: Max Chaleil.

Body, M. (2015). *Les Groupes communistes français de Russie. 1918—1922*. Paris: Allia.

Kommunisticheskiy internatsional — Korotkiy, E., Kun, B., Pyatnitskiy, O. (eds.). (1933). *Pervyy kongress Kominterna, mart 1919 g*. Moskva. (In Russ.).

Pascal, P. (1977). *En communism. Mon journal de Russie. 1918—1921*. Lausanne: L’age d’Homme.

RGASPI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii*. (In Russ.).

Sadoul, Y. (1978). *Tels qu’en mon souvenir*. Paris: Editions Grasset & Fasquelle.

Sadul, Zh. (1990). *Zapiski o bolshevistskoy revolyutsii (okt. 1917 — yanv. 1919)*. Moskva: Kniga. (In Russ.).

SHD/T — Service historique de la Défense, Terre, GR 7 NN 2013.

References

Babintsev, V. A. Pyer Paskal: levaya traektoriya frantsuzskogo konservatizma. *Frantsuzskiy ezhegodnik, 2009: Levye vo Frantsii:* 208—220. (In Russ.).

Coeuré, S. (1999). *La grande lueur à l’est: Les Français et l’Union sov., 1917—1939*. Paris: Ed. du Seuil.

Coeuré, S. (2014). *Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communism*. Lausanne: Les éditions noir sur blanc.

Danilova, O. S. (2011a). Pyer Paskal v zerkale istoriografii: obraz rossiyskikh i frantsuzskikh issledovaniy. *Frantsuzskiy ezhegodnik, 2011:* 393–411. (In Russ.).

Danilova, O. S. (2011b). Pyer Paskal — politicheskiy i dukhovnyy put'. *Rossiya i Frantsiya XVIII—XX veka, 10:* 221—242. (In Russ.).

Fyure, F. (2001). *Proshloye odnoy illyuzii*. Moskva: Ad Marginem. (In Russ.).

Internatsionalisty: Trudyashchiesya zarubezhnykh stran — uchastniki borby za vlast' Sovetov na yuge i vostoke Respubliki. (1967). Moskva: Nauka. (In Russ.).

Krayeva, T. V. (2009). Frantsuzskie levyye v russkoy revolyutsii: 1917—1921 gg. *Frantsuzskiy ezhegodnik, 2009: Levye vo Frantsii:* 191—207. (In Russ.).

Kriegel, A., Haupt, G. (1963). Les groupes communistes étrangers en Russie et la révolution mondiale (1917—1919). État des travaux. *Revue d'histoire moderne et contemporaine, 4:* 289—300.

Lejeune, D. (1987). Les missions de la SFIO dans la Russie de 1917. *Revue Historique, Octobre-décembre:* 373—386.

Slutskaya, L. V. (2011). Frantsuzy na sluzhbe interesov Sovetskoy Rossii: politicheskiy aspekt sotrudnichestva. *Vysheyshaya shkola, 4:* 45—49. (In Russ.).

Vershinin, A. A. (2012). *Mirovaya revolyutsiya pod zvuki «Marselyezy» (1919—1923): k istokam frantsuzskogo kommunisticheskogo dvizheniya*. Moskva: LIBROKOM. (In Russ.).

Viane, B. (2014). Marsel' Bodi: tipografskiy rabochiy iz Frantsii, stavshiy sovetskim diplomatom. *Noveyshaya istoriya Rossii, 2 (10):* 73—85. (In Russ.).

Villar, K. (1979). Pervoye znakomstvo frantsuzskogo rabochego klassa s Oktyabrskoy revolyutsiey (1918—1919). *Frantsuzskiy ezhegodnik 1977:* 11—19. (In Russ.).

Zak, L. M. (1960). Deyatelnost' frantsuzskoy kommunisticheskoy gruppy RKP (b) v 1918—1919 godakh. *Voprosy istorii, 2:* 152—166. (In Russ.).

Zak, L. M. (1962). *Slavnyye traditsii solidarnosti: borba frantsuzskogo naroda protiv interventsii v Sovetskuyu Rossiyu v 1918—1920 gg*. Moskva: Gospolitizdat. (In Russ.).

Бодрова Е. В. К истории строительства поставленных в СССР по ленд-лизу нефтеперерабатывающих заводов (1941—1945 гг.) / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 334—345. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-334-345.

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V. (2020). On History of Construction of Oil Refineries Supplied to the USSR under Lend-Lease (1941—1945). *Nauchnyi dialog, 8:* 334-345. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-334-345. (In Russ.).

УДК 94(47).084.8:665.6
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-334-345

К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПОСТАВЛЕННЫХ В СССР ПО ЛЕНД-ЛИЗУ НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ЗАВОДОВ (1941—1945 ГГ.)

© Бодрова Елена Владимировна (2020), orcid.org/0000-0001-7889-3054, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «МИРЭА — Российский технологический университет» (Москва, Россия), evbodrova@mail.ru.

© Калинов Вячеслав Викторович (2020), orcid.org/0000-0002-9709-7720, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина» (Москва, Россия), kafedra-i@yandex.ru.

На основе архивных материалов исследуется весьма актуальный в условиях обострившихся дискуссий о проблемах, связанных с историей Второй мировой войны, вопрос о строительстве нефтеперегонных предприятий, поставленных в СССР по ленд-лизу в соответствии с соглашением, подписанным с США в 1942 году. Новизна исследования определяется не только введением в научный оборот новых архивных документов, но и попыткой точнее определить причины срыва запланированных сроков ввода в эксплуатацию нефтеперерабатывающих заводов. Представлены результаты анализа отчетов американских специалистов, что позволило объективнее рассмотреть возникавшие в ходе строительства проблемы. Особое внимание уделяется попыткам авторов этих документов определить основные причины торможения строительства. Комментируются перемены в отношении американцев к руководителям строек, системе управления в течение 1944 года. Показано, что в отчетах нашла выражение их неудовлетворенность положением консультантов. Сделан вывод о том, что собственное производство горючего для действующей армии в нашей стране постоянно росло и в значительной степени обеспечивало фронт. Доказано, что ввод в эксплуатацию поставляемых США нефтеперерабатывающих заводов после окончания войны никак не мог оказать влияния на ее исход, но позже стал основой для создания нефтеперерабатывающей промышленности нижневолжского региона.

Ключевые слова: нефтеперерабатывающие заводы; ленд-лиз; строительство; специалисты.

1. Введение

В год празднования 75-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне представляется крайне важным объективное, на основе документальных данных, рассмотрение проблем, касающихся степени готовности страны к войне, модернизации нефтяной отрасли, которая приобретала все большее стратегическое значение в военные годы. Кроме того, критическая значимость для современной России осуществления технологического рывка чрезвычайно актуализирует проблему изучения поиска механизмов, приведших к осуществлению общенациональных проектов в годы форсированной индустриализации в СССР, выявления как достижений, так и просчетов, допущенных в 1930-е годы и в годы Великой Отечественной войны. В ряду основных просчетов того времени считаем правомерным назвать игнорирование властью рекомендаций и разработок ведущих ученых, касающихся, в частности, освоения новых месторождений и строительства современных нефтеперерабатывающих заводов на востоке страны.

В отдельных публикациях, посвященных истории развития нефтяной отрасли в довоенный и послевоенный период, рассматривались отдельные аспекты интересующей нас проблемы [Калинов, 2018, с. 73—87; Иголкин, 2005]. Однако архивные документы, изученные нами в недавнее время, позволяют более глубоко и объективно исследовать вопросы, связанные со строительством нефтеперерабатывающих заводов, поставленных СССР по ленд-лизу в годы Великой Отечественной войны.

2. Факторы, определившие необходимость поставок нефтеперерабатывающих заводов из США

Достаточно подробно нами была изучена история ряда довоенных научно-исследовательских проектов в области нефтепереработки, в частности, получения толуола методом парафазно-окислительного пиролиза под руководством К. К. Дубровая. Однако у этого метода оказалось слишком много противников, начало строительства завода в СССР постоянно откладывалось [Бодрова и др., 2019, с. 109—111]. В мае 1941 года в Наркомнефти наконец был утвержден технический проект НПЗ № 33, но началась Великая Отечественная война, строительство было отнесено к категории объектов непервоочередной важности [АРАН, ф. 414, оп. 1, д. 73, л. 33].

Архивные и опубликованные документы подтверждают вывод о том, что производству авиационного бензина в предвоенные годы уделялось пристальное внимание, но для большой войны качественного авиабензи-

на в стране было недостаточно. В начале 1941 года каталитического крекинга (дающего бензин с октановым числом хотя бы 75—85) в СССР еще не существовало. В основном для военной авиации производился бензин с октановым числом 74 и в небольшом количестве — 78, в США — с октановым числом 100. Но для современных самолетов требовались и соответствующие характеристики бензина. Вынужденное признать серьезное отставание от США в этой сфере, советское правительство вело переговоры уже в 1941 году с американской фирмой «Беджер энд Сомс К°», предложившей продать завод по производству авиабензина.

Начальник Главного разведывательного управления РККА (июль 1940 — октябрь 1941 годов) генерал-лейтенант Ф. И. Голиков в своей книге вспоминает о том, что уже 26 июля 1941 года советская военная миссия, главой которой был он, прибыла в Нью-Йорк для переговоров о поставках вооружения и оборудования. Членам миссии был вручен документ, в котором содержалось разрешение на приобретение оборудования для автошинного завода, 3-х крекинговых и стабилизационных заводов, 1-го предприятия по производству высокооктанового бензина, 2-х абсорбционных заводов и 1-й инсталляции по выпуску высококачественных сортов смазочных масел. Но в советской заявке содержался запрос о поставках 2-х каталитических заводов, установки для производства толуола и другие пункты. Лишь 23 августа 1941 года советской миссии было передано согласие на удовлетворение заявки по авиационному бензину, этилу, крекинговым и толуоловому заводам [Голиков, 2018, с. 126, 210—211].

14 февраля 1943 года Государственным Комитетом Обороны было принято Постановление «О строительстве импортных нефтеперерабатывающих заводов», в котором планировалось построить заводы в Красноводске, Орске, в Куйбышеве и Гурьеве. Им присваивались номера: № 228, № 431, № 441, № 443. В качестве основного поставщика оборудования была определена фирма «Беджер», через неё шли поставки и других американских компаний. В Гурьеве и Орске основой для нефтепереработки становились установки каталитического крекинга «Гудри», на остальных заводах — солярового крекинга «Винклер-Кох» и атмосферно-вакуумные трубчатки. Согласно планам, пуск в эксплуатацию завода в Куйбышеве был намечен на 1 декабря 1944 года, в Орске — на январь 1945 года. С сентября 1943 года на Дальний Восток стало прибывать импортное оборудование для строительства заводов [Иголкин, 2007, с. 53—55]. На протяжении 1943—1944 годов вопросы ускорения строительства, материально-технического обеспечения заводов в качестве приоритетных неоднократно рассматривались на заседаниях ГКО [РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 103,

л. 168—172; д. 146, л. 111—118; д. 199, л. 1—4; д. 285, л. 242—246; д. 313, л. 180—183, 184—186; Иголкин, 2007, с. 53—55]. Однако вскоре стало понятно, что в сроки уложиться не получится.

В это же время, в 1943 году, заведующим лабораторией окислительного крекинга Института горючих ископаемых АН СССР К. К. Дубровaем и главным инженером проекта С. Ф. Васильевым был вновь поставлен вопрос о необходимости строительства отечественного уже запроектированного завода № 33 для выработки высококачественного авиационного бензина [АРАН, ф. 414, оп. 1, д. 73, л. 34]. Однако руководитель Наркомнефти И. К. Седин в декабре 1943 года посчитал это предложение несвоевременным из-за дефицита керосино-газойлевой фракции, использующейся для снабжения импортируемых установок Гудри и в качестве дизельного топлива [АРАН, ф. 414, оп. 1, д. 85, л. 2]. Аргументом в пользу такого решения стало и уже принятое решение о строительстве импортных нефтеперерабатывающих заводов.

3. Отчеты американских специалистов, принимавших участие в строительстве НПЗ: сопоставительный анализ

В этой связи значительный интерес представляют в настоящее время хранящиеся в фондах Российского государственного архива экономики отчеты американских специалистов, участвующих в проектировании и строительстве поставляемых из США нефтеперерабатывающих заводов. Так, в частности, на основе одного из отчетов, подготовленных в начале 1944 года и направленных в офис компании «Беджер энд Сомс К°», расположенный в Нью-Йорке, удалось выяснить, что была создана группа американских специалистов, которая периодически инспектировала строительство заводов, выезжая для этого на места из Московской Конторы. Часть специалистов была командирована в январе 1944 года в Гурьев — место расположения завода № 1 (нумерацией американцы пользовались своей), затем 24 января отправились в Орск, место расположения завода № 2. Затем 2 февраля приехали в Куйбышев (завод № 3) [РГАЭ, ф. 8627, оп. 30, д. 3, л. 11]. Другие американские специалисты участвовали непосредственно в строительстве заводов.

На строительстве завода № 3 в Куйбышеве работали сначала 7 американцев. Затем приехали еще несколько человек. Руководитель, координирующей все действия группы, такое количество оценивал как чрезмерное и планировал двоих отправить в Орск. Из этих документов нам удалось узнать имена работавших на строительстве заводов значительной части американских специалистов — Мак-Карди (автор отчетов), Элледж, Хейс,

Парк, Эванс, Вулке, Нидерлин, Каррен, Драммонд, Дули, Митчелл, Формель, Фуллер, Фостер и Кросби.

В отчете, подготовленном в январе 1944 года, упоминалось о незначительных изменениях в проектах (передислокации лабораторий, резервуаров и т. п.). В качестве основного фактора, задерживающего строительство всех заводов, в отчете определялось отсутствие комплектов чертежей и технической документации, а также требуемого оборудования. Американские эксперты не имели копий заказов. Поступающее оборудование приходилось проверять лишь по коносаментам — документам, выдаваемым перевозчиком груза грузовладельцу, что не позволяло проверить, полностью ли поступил заказ и все ли оборудование для данного участка работ имелось в наличии. Это приводило к большой путанице. В качестве причины отсутствия необходимой документации американцы называли продолжительность пересылки её из США. Так, первая партия чертежей, предназначенных для использования в ходе строительства, была отправлена из Нью-Йорка за 3,5 месяца до написания отчета, но до этого времени так и не была получена [РГАЭ, ф. 8627, оп. 30, д. 3, л. 10].

Значительный интерес, на наш взгляд, представляют впечатления американских специалистов от увиденного на строительстве заводов к моменту их прибытия. В частности, то, что было сделано на заводе № 1, хотя строительные работы там только начались, заслужило достаточно высокой оценки экспертов. Планирование и проведение предварительных работ — таких как строительство дорог, железнодорожных веток, рабочих поселков и т. п. — было очень хорошо выполнено. Специально было отмечено отличное обращение с оборудованием: «Материал и оборудование содержится в прекрасном порядке и заботятся о нем больше, чем на какой-либо работе, какие мне приходилось до сих пор видеть» [РГАЭ, ф. 8627, оп. 30, д. 3, л. 11]. К тому времени было получено около 78 % общего тоннажа оборудования для завода. Собственно строительные работы были начаты только по водоводу из р. Урал на заводскую площадку и по фундаментам для комбинированной установки и одной из крупных колонн. Четверо специалистов — Формель, Фуллер, Фостер и Кросби — были оставлены в Гурьеве, устроены во временном помещении, поскольку дома для них еще не были готовы. Но постоянные квартиры, которые им предназначались, представляли собой три хорошо построенных кирпичных дома, со всеми удобствами, содержащих по две квартиры каждый.

В отчете особо отмечалась компетентность сотрудников дирекции завода и руководителей строительства в Гурьеве, работающих в «тесном сотрудничестве». Однако в Орске условия оказались гораздо хуже. К тому

времени там был построен лишь один кирпичный склад. Железнодорожная ветка для поступающего оборудования оказалась построенной, но так как была начата слишком поздно, оказалась не готова к началу прибытия оборудования. Строительство дорог в пределах завода еще не началось, материалы находились в беспорядке. Однако, так как в Орске в это время находился заместитель наркома нефтяной промышленности, ведающий всей программой строительства нефтеперегонных заводов, положение под его руководством выправлялось. На этом заводе к началу февраля 1944 года было получено около 69 % общего тоннажа оборудования. Американские специалисты ещё на стройку не приехали, но для них были построены жилые помещения, состоящие из четырех домов примерно такой же планировки, как и в Гурьеве. Оценка инспектирующими увиденного на этом строительстве была более сдержанна: «До тех пор, пока существующее положение не будет выправлено и новая строительная организация не начнет функционировать, нельзя пытаться предсказать, как будет проходить строительство завода № 2» [РГАЭ, ф. 8627, оп. 30, д. 3, л. 11об].

В Куйбышеве работы продвигались быстрее, чем на других двух посещенных американцами заводах. Это была вторая поездка специалистов на завод № 3. Первый раз, судя по отчету, они посещали его в середине декабря 1943 года и отмечали тогда хорошее планирование предварительных работ. Во время второго визита фундаментные работы по комбинированной установке были закончены приблизительно на 30 %. На этой стройке было получено уже 68 % общего тоннажа оборудования, установлено 6 ректификационных колонн, проложено около «2—2,5 миль водовода от Волги на завод». Заслужили высокой оценки американцев проделанные работы по водозаборной станции, темпы строительства и его компетентные руководители [РГАЭ, ф. 8627, оп. 30, д. 3, л. 11об].

Отчет от 30 апреля 1944 года в основном был посвящен сетованиям автора на возникшие проблемы с отправкой продовольственных и иных запасов из Москвы в места командировок специалистов: «Хищения, медленные перевозки и задержки, постоянные и бесконечные, привели к тому, что наши запасы попали на места только в этом месяце» [РГАЭ, ф. 8627, оп. 30, д. 3, л. 18]. Из-за хищений и плохого обращения с грузами потери продуктов достигли 12 %. Радиоустановка была украдена еще в Иране. Ящики с одеждой были взломаны и содержимое похищено по дороге между портом и Москвой. В Орск и Гурьев продукты были доставлены вместе с американцами, в товарном вагоне, прицепленном к пассажирскому поезду. В Куйбышеве запасы были получены около 12 мая, а в Красноводске — 15 мая, то есть почти через 8 месяцев после отгрузки их из

Соединенных Штатов [РГАЭ, ф. 8627, оп. 30, д. 3, л. 23]. К этому моменту часть американцев жила уже в постоянных квартирах или коттеджах, другие были поселены в гостиницах.

В отчете, впрочем, указывалось и на недостаточность поставленного для строек оборудования. Особо тревожил автора дефицит воздушных компрессоров, кранов и грузовиков. Острая ситуация сложилась из-за этого на строительстве заводов № 2 и № 4, так как большая часть строительного оборудования была изъята для работ в прифронтовой полосе. Между тем на некоторые площадки иногда поступало более 100 вагонов импортного оборудования в день. Так как железная дорога жестко регламентировала время, предоставляемое для разгрузки, без достаточного оснащения механизмами, её обеспечивающими, справиться было весьма затруднительно. Автор указывал и на другие просчеты поставщиков: плохая упаковка оборудования, которое в результате повреждалось; низкое качество сварки на металлоконструкциях для ТЭЦ и колонн; ряд ошибок в проектировании водоводов; дефицит труб. Из-за этого пуск завода № 4 мог задержаться [РГАЭ, ф. 8627, оп. 30, д. 3, л. 22, 23]. Советские инженеры также заявляли, что они встретились с большими затруднениями в работе компрессоров «Кларк» ввиду чрезмерно сильной вибрации в случаях, когда фундаменты строились в соответствии с чертежами, присланными производителем [РГАЭ, ф. 8627, оп. 30, д. 3, л. 23].

В целом темпы строительства на большинстве заводов американцами оценивались как неудовлетворительные из-за недостатка материалов и откладывания начала некоторых работ. В ряду причин назывался также дефицит квалифицированных механиков. На некоторых заводах качество сварочных работ было неудовлетворительным, требовались более квалифицированные рабочие. В связи с этим проблема окончания строительства в установленные сроки инспектирующим представлялась трудно разрешимой, а в некоторых случаях даже невозможной. В качестве обязательного условия рекомендовалось увеличить поставку транспортных средств, в том числе для Московской конторы компании.

С 20 апреля по 10 мая 1944 года группа американских специалистов в составе Парка, Эванса, Элледжа, Хэйса и Мак-Карди посетила заводы № 2,1 и 3 в вышеуказанном порядке. В Куйбышеве к ним присоединились Митчелл и Драммонд, которые сопровождали группу в Орск и Гурьев. В Гурьев приехал и Кросби. Но постоянное назначение в Гурьев и Красноводск получил Каррен. В отчете группы вновь звучала тревога относительно соблюдения сроков строительства из-за отсутствия оборудования, часть которого замерзла в северных портах, и поэтому могло быть доставлено

лишь в конце августа или в сентябре. Так, в Орск не были еще доставлены 7 из 9 камер Гудри. Особенно остро недостаток оборудования ощущался в Куйбышеве. Отсутствие деталей печей и заготовленных труб для комбинированной установки заставило практически приостановить работы на этом объекте [РГАЭ, ф. 8627, оп. 30, д. 3, л. 24].

В отчете, датированном 17 августа 1944 года, вновь акцентировалось внимание на неудовлетворительном состоянии работ на заводе № 2 из-за недостатка материалов и рабочей силы. Однако в ряду тормозов впервые называлось отсутствие со стороны местного руководства должной заботы о материалах, невыполнение им инструкций производителей и рекомендаций американских инженеров; нежелание форсировать работы, которые должны были быть закончены до наступления зимы. На совместном совещании в Наркомнефти в связи с этим была создана специальная комиссия. Однако, писал автор, «… в Москве отмечается очевидное желание со стороны руководства извлечь как можно больше пользы из нашего присутствия, но, благодаря сложности организации, очень трудно перенести эти желания на заводы. *Положение советчика или консультанта без ответственности и прав,* — заключал он, — *является неудовлетворительным, чтобы не сказать больше*» (выделено нами. — *Е. Б., В. К.*) [РГАЭ, ф. 8627, оп. 30, д. 3, л. 34].

Первым из 4-х поставленных в СССР в годы войны НПЗ был пущен в сентябре 1945 года Куйбышевский завод [Иголкин, 2007, с. 119—120]. Строительство остальных НПЗ было завершено позже. Получить санкцию американского правительства становилось все труднее, поставки оборудования для вторых очередей Куйбышевского нефтеперерабатывающего завода Конгрессом были запрещены.

4. Заключение

Таким образом, архивные и иные документы подтверждают, что производству авиационного бензина и высококачественной смазки для самолетов в предвоенные годы со стороны правительства уделялось пристальное внимание, но для большой войны качественного авиабензина в нашей стране было недостаточно. В ряду причин — недоверие ряда хозяйственников к отечественным ученым и их разработкам, желание с целью обеспечения быстрого результата закупить за границей не только отдельное оборудование, но и целые заводы. Часть чиновников не понимала стратегического значения развития собственной нефтяной отрасли промышленности [Бодрова и др., 2019, с. 109—111]. Ставка делалась перед войной и на использование разведывательных органов для полу-

чения технической документации американских корпораций [Бодрова и др., 2020, с. 50—67].

В результате СССР в годы Великой Отечественной войны в рамках ленд-лиза вынужден был получать американский авиабензин и оборудование для нефтеперерабатывающих заводов, строительство которых велось в Гурьеве, Орске, Куйбышеве и Красноводске. Изученные нами архивные документы позволили более глубоко исследовать историю строительства этих предприятий, возникавшие в ходе его проблемы. Заслуживает внимания явно меняющееся отношение в течение 1944 года автора отчетов Мак-Карди к руководителям строек, возникающим проблемам, его неудовлетворенность положением консультанта. И если в начале 1944 года американские специалисты в основным видели причины торможения строительства в недопоставках, дефиците того или иного оборудования, просчетах в проектировании, то в конце года в их отчетах назывались совсем иные факторы: сложившаяся система управления, нежелание местного руководства выполнять инструкции, форсировать темпы стройки.

Оценивая роль союзников в обеспечении нефтью и нефтепродуктами фронта, напомним, что за 1941—1945 годы войны в СССР было добыто 110,7 млн т нефти, а поставки США в нашу страну составили 2,6 млн т [Роковые решения …, 1958, с. 114]. Всего различных нефтепродуктов было получено 1300 тыс. т, включая 470 тыс. т авиационного бензина, что составляло примерно 15 % от объемов его отечественного производства [Нефтегазовый комплекс …, 1995, с. 38]. Несмотря на общее падение добычи нефти в годы Великой Отечественной войны, собственная выработка в нашей стране горючего для армии постоянно росла. По сравнению с 1942 годом производство бензина в 1943 году увеличилась в 1,1 раза, дизельного топлива — в 2,3 раза, моторного — в 1,7 раза [История …, 1961]. Потребности фронта в горючем обеспечивалась на 83 % текущим производством, на 9 % — импортом, на 1,2 % — трофейным горючим [Нефть …, 1987, с. 52]. Таким образом, большое значение для СССР в годы войны имели поставляемые из США высокооктановый бензин и компоненты для его производства, почти всеми остальными видами нефтепродукции страна обеспечивала себя сама.

Что же касается нефтеперерабатывающих заводов, поставленных в СССР по ленд-лизу и построенных с помощью американских консультантов, то их ввод в эксплуатацию был осуществлен уже после окончания войны, и влияния на ход военных действий это событие оказать не могло. Однако строительство этих НПЗ положило начало создания в послевоенный период средневолжской нефтеперерабатывающей промышленности:

в этом регионе было налажено крупное производство авиамасел, различных смазок.

Источники и принятые сокращения

1. АРАН — *Архив* Российской академии наук. Ф. 455 (Институт горючих ископаемых АН СССР). Оп. 1. Д. 73. Л. 33; Д. 85. Л. 2.

2. *Голиков Ф. И.* Записки начальника Разведупра. Июль 1940 — июнь 1941 г. / Ф. И. Голиков. — Москва : Родина, 2018. — 464 с.

3. НПЗ — *нефтеперерабатывающие* заводы.

4. Наркомнефти — *Народный* комиссариат нефтяной промышленности.

5. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. (Государственный комитет обороны). Ф. 644. Оп. 1. Д. 103. Л. 168—172; Д. 146. Л. 111—118; Д. 199. Л. 1—4; Д. 285. Л. 242—246; Д. 313. Л. 180—183, 184—186.

6. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики (Министерство нефтяной промышленности СССР). Ф. 8627. Оп. 30. Д. 3. Л. 10, 11—11об, 18, 22 24, 34.

7. ТЭЦ — *теплоэлектроцентраль*.

Литература

1. *Бодрова Е. В.* О вкладе ученых в техническое перевооружение нефтяной промышленности в годы Великой Отечественной войны (на примере Института горючих ископаемых АН СССР) / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов // Нефтяное хозяйство. — 2019. — № 5. — С. 109—111.

2. *Бодрова Е. В*. Наука — нефтяному комплексу страны накануне и в годы Великой Отечественной войны : монография / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов. — Москва : Дашков и К°, 2020 — 284 с.

3. *Иголкин А. А*. Нефтеперерабатывающие заводы, поставленные СССР из США по ленд-лизу /А. А. Иголкин // Бурение и нефть. — 2007. — № 5 (май). — С. 53—55.

4. *Иголкин А. А.* Нефтяная политика СССР в 1928—1940-м годах / А. А. Иголкин. — Москва : Институт российской истории РАН, 2005. — 262 с.

5. *Иголкин А. А.* Новая «столица» советской нефтедобычи / А. А. Иголкин // Нефть России. — 2007. — № 7. — С. 119—120.

6. *История* Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. : в 6 т. Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. (Ноябрь 1942 г. — декабрь 1943 г.) / ред. комис. П. Н. Поспелов (пред.) и др. — Москва : Воениздат, 1961. — 652 с.

7. *Калинов В. В.* Достижения и просчеты государственной научно-технической политики СССР в послевоенный период / В. В. Калинов // Российский технологический журнал. — 2018. — Т. 6, № 1. — С. 73—87.

8. *Нефть* СССР (1917—1987 гг.) / [Ю. Г. Апанович, Н. М. Банков и др.] ; под ред. В. А. Динкова. — Москва : Недра, 1987. — 383 с.

9. *Нефтегазовый* комплекс в годы Великой Отечественной войны : вып. 4 : дополнительный / сост. А. Л. Салтыков, Л. Д. Шор. — Москва : НТО нефтяников и газовиков им. И. М. Губкина, 1995. — 95 с.

10. *Роковые решения* : [сборник статей] / З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит и др. — Москва : Воениздат, 1958. — 318 с.

On History of Construction of Oil Refineries Supplied to the USSR under Lend-Lease (1941—1945)

© **Elena V. Bodrova (2020),** orcid.org/0000-0001-7889-3054, Doctor of History, professor, Head of the Department of History, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "MIREA-Russian Technological University" (Moscow, Russia), evbodrova@mail.ru.
© **Vyacheslav V. Kalinov, orcid.org/0000-0002-9709-7720,** Doctor of History, associate professor, Head of the Department of History, National University of Oil and Gas «Gubkin University» (Moscow, Russia), kafedra-i@yandex.ru.

On the basis of archival materials, the issue of the construction of oil refineries set up in the USSR under lend-lease in accordance with the agreement signed with the United States in 1942 is examined, which is very relevant in the context of heightened discussions about the problems related to the history of World War II. The novelty of the research is determined not only by the introduction of new archival documents into scientific circulation, but also by an attempt to determine more precisely the reasons for the failure of the planned dates of commissioning of oil refineries. The results of the analysis of reports by American specialists are presented, which allowed to objectively consider the problems that arose during construction. Special attention is paid to the attempts of the authors of these documents to determine the main reasons for the construction slowdown. The changes in the attitude of Americans to construction managers, the management system during 1944 are commented. It is shown that their dissatisfaction with the position of consultants was expressed in the reports. It is concluded that our own production of fuel for the active army in our country was constantly growing and largely provided the front. It is proved that the commissioning of oil refineries supplied by the United States after the end of the war could not influence its outcome, but later became the basis for the creation of the refining industry in the lower Volga region.

Key words: oil refineries; lend-lease; construction; specialists.

Material resources

ARAN — *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk. Institut goryuchikh iskopaemykh AN SSSR*. (In Russ.).

Golikov, F. I. (2018). *Zapiski nachalnika Razvedupra. Iyul 1940 — iyun' 1941 g*. Moskva: Rodina. (In Russ.).

Narkomnefti — *Narodnyy komissariat neftyanoy promyshlennosti*. (In Russ.).

NPZ — *Neftepererabatyvayushchie zavody*. (In Russ.).

RGAE — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (Ministerstvo neftyanoy promyshlennosti SSSR*. (In Russ.).

RGASPI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii. Gosudarstvennyy komitet oborony*. (In Russ.).

TETs — *Teploelektrotsentral*.

References

Apanovich, Yu. G., Bankov, N. M. (et al.). (1987). *Neft' SSSR (1917—1987 gg.)*. Moskva: Nedra. (In Russ.).

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V. (2019). O vklade uchenykh v tekhnicheskoe perevooruzhenie neftyanoy promyshlennosti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na primere Instituta goryuchikh iskopaemykh AN SSSR). *Neftyanoe khozyaystvo*, *5*: 109—111. (In Russ.).

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V. (2020). *Nauka — neftyanomu kompleksu strany nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*. Moskva: Dashkov i Ko. (In Russ.).

Igolkin, A. A. (2005). *Neftyanaya politika SSSR v 1928—1940-m godakh*. Moskva: Institut rossiyskoy istorii RAN. (In Russ.).

Igolkin, A. A. (2007). Neftepererabatyvayushchie zavody, postavlennye SSSR iz USA po lend-lizu. *Burenie i neft', 5 (may)*: 53—55. (In Russ.).

Igolkin, A. A. (2007). Novaya «stolitsa» sovetskoy neftedobychi. *Neft' Rossii, 7*: 119—120. (In Russ.).

Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza 1941—1945 gg. Korennoy perelom v khode Velikoy Otechestvennoy voyny. (Noyabr' 1942 g. — dekabr' 1943 g.). (1961). Moskva: Voenizdat. (In Russ.).

Kalinov, V. V. (2018). Dostizheniya i proschety gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politiki SSSR v poslevoennyy period. *Rossiyskiy tekhnologicheskiy zhurnal, 6 (1)*: 73—87. (In Russ.).

Neftegazovyy kompleks v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. (1995). Moskva: NTO neftyanikov i gazovikov im. I. M. Gubkina. 4 (dopolnitelnyy). (In Russ.).

Vestfal, Z., Kreype, V., Blyumentrit, G. (et al.). (1958). *Rokovye resheniya.* Moskva: Voenizdat. (In Russ.).

Бондарева В. В. Движение «красной охраны» в первые годы «культурной революции» в Китае (1966—1967): взгляд отечественных и зарубежных исследователей / В. В. Бондарева // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 346—366. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-346-366.

Bondareva, V. V. (2020). Red Guard Movement in the First Years of "Cultural Revolution" in China (1966—1967): View of Domestic and Foreign Researchers. *Nauchnyi dialog, 8:* 346-366. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-346-366. (In Russ.).

УДК 94(510).093
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-346-366

Движение «красной охраны» в первые годы «культурной революции» в Китае (1966—1967): взгляд отечественных и зарубежных исследователей

© **Бондарева Виктория Викторовна (2020),** orcid.org/0000-0002-7316-1484, SPIN 9877-9800, Researcher ID E-1305-2015, кандидат исторических наук; доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет» (Краснодар, Россия), lotus_blanc@mail.ru.

Анализируются первые годы «культурной революции» в Китае (1966—1967), характеризовавшиеся высокой революционной активностью студенческой и школьной молодежи, организованной в отряды «красных охранников» (хунвэйбинов), которые отличались в своих действиях крайней жестокостью и фанатизмом. С этой точки зрения в разрушительных действиях хунвэйбинов, носивших террористический и массовый характер, выделяется главное направление их революционного удара, который был нанесен по партийно-государственному аппарату Китая. Мао Цзэдун представлен как инициатор массового движения хунвэйбинов, использовавших чудовищные террористические методы борьбы с его оппозицией и всеми, с их точки зрения, не достаточно политически сознательными элементами. Движение хунвэйбинов, рассматриваемое в качестве инструмента борьбы Мао Цзэдуна с оппозицией, позволяет раскрыть в процессе исследования личностные качества вождя, который во имя утверждения собственного культа не побоялся сознательно ввергнуть в массовую и глубоко беспорядочную смуту всю страну. Детализация личного отношения Мао Цзэдуна к происходящему, производимая на основании документальных источников, позволяет вскрыть глубоко диктаторский и антидемократический характер его власти, утверждаемой в первые годы «культурной революции» при помощи движения хунвэйбинов.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика (КНР); Коммунистическая партия Китая (КПК); Мао Цзэдун; политическая оппозиция; ревизионизм; «культурная революция»; движение «красной охраны»; хунвэйбины; партийно-государственный аппарат; Народная освободительная армия Китая (НОАК).

1. Введение

«Культурная революция» (1966—1976) в Китае была сложным и противоречивым явлением, оказавшим сильнейшее воздействие на всю новейшую историю страны. На сегодняшний день в научно-исследовательской среде как отечественной, зарубежной, так и китайской, существуют различные мнения относительно оценки событий в Китае, происходивших во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х годов. Мнения отечественных, зарубежных и китайских исследователей относительно роли, сущности и хронологии «культурной революции» в Китае 1966—1976 годов были рассмотрены нами в работе, посвященной историографии этих событий [Бондарева, 2015, с. 24—29].

Следует отметить, что в самом Китае существуют не только отрицательные, но и положительные оценки «культурной революции» и, в частности, движения хунвэйбинов, несмотря на ярко выраженный разрушительный характер происходивших событий [Там же]. Так, например, согласно концепции Чжэн И, «культурная революция», начавшаяся с движения хунвэйбинов, была демократическим движением, великим народным восстанием во главе с Мао Цзэдуном, охватившим всю страну и направленным против того деспотического партийного строя, который сложился после 1949 года [Там же]. Составной частью этой теории является концепция полного оправдания всех действий и поступков, чинимых хунвэйбинами, развиваемая и другими китайскими авторами, в особенности публицистом Лю Гокаем, который в прошлом состоял в одной из организаций цзаофаней и теперь классифицировал их действия как выражение требований народных масс [Там же]. Однако следует заметить, что в Китае большинство историков и публицистов оценивают «культурную революцию» негативно (Ван Жуньнань, Си Сюань, Цзинь Чуньмин, Хэ Цзы и другие), подчеркивая ее разрушительные последствия и указывая на то, что она была насилием над демократией и правом.

Несмотря на явно преобладающий отрицательный тон в оценке роли и сущности «культурной революции», которая началась с движения хунвэйбинов, в самом Китае изучение ее событий затруднено в силу ряда причин (прежде всего ввиду нежелания критики Мао Цзэдуна), поэтому многие китайские авторы работали и издавали свои труды за рубежом (Ли Чжисуй, Су Шаочжи, Цзинь Чуньфэн, Ян Цзянци, Лу Син и др.) [Там же]. В частности, Ли Чжисуй, личный врач Мао Цзэдуна, эмигрировавший в США, о своих мемуарах под названием «Частная жизнь председателя Мао» в свое время сказал: «Я посвятил мою профессиональную жизнь Мао и Китаю, и вот сейчас у меня нет ни гражданства, ни дома; я никому не нужен на родине. Мои мечты стать нейрохирургом не сбылись, а надежды на новый

Китай перечеркнуты. Я заплатил за эту книгу своей жизнью» [Ли Чжисуй, 1996а, с. 384]. Согласно мнению профессора Колумбийского университета Эндрю Натана, «ни одна из биографий “великого кормчего” не является столь подробной и объективной, как мемуары доктора Ли Чжисуя», который показал, «как сочетание абсолютной власти с грандиозными и порой авантюрными идеями порождает величайшие преступления» [Ли Чжисуй, 1996а, с. 14]. Опубликованная в США работа Ли Чжисуя в Китае была воспринята негативно, его обвинили в предвзятости и искажении фактов, навсегда вычеркнув его имя из официальной истории КНР [Там же].

После провала «большого скачка» (1958—1960), инициированного Мао Цзэдуном, нанесшего серьезный ущерб экономике Китая и обернувшегося массовым голодом, в результате которого погибло 45 миллионов человек, авторитет вождя, основанный на вере в его непогрешимость, в народе и партии сильно пошатнулся [Meisner, 1977, p. 204—226; Leberhal, 1993, p. 87—147; Фан Сяо …]. Выходом из создавшегося положения стала так называемая «великая пролетарская культурная революция» (1966—1976), которая под предлогом борьбы с ревизионизмом и врагами народа, сорвавшими «большой скачок», была призвана обеспечить разгром политических оппонентов Мао Цзэдуна («правое крыло» КПК) и укрепить его личную власть на фоне утверждения маоистского идеологического пространства. Одним из механизмов в устранении противников вождя в центре и на местах на начальном этапе «культурной революции» являлись хунвэйбины — многомиллионные отряды «красной охраны», формировавшиеся из студенческой и школьной молодежи и отличавшиеся крайней жестокостью и фанатизмом в своей революционной борьбе во имя торжества «идей» Мао Цзэдуна.

2. Возникновение и развитие движения «красной охраны» в период «культурной революции» в Китае

В календарь «великой пролетарской культурной революции» день 18 августа 1966 года вошел как день рождения «красной охраны». Мао Цзэдун на этой встрече был провозглашен командующим хунвэйбинов, Линь Бяо — его заместителем, а Чжоу Эньлай вызвался быть советником [Елисеев и др., 1967, с. 4; РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 71, т. 4, л. 10—13]. В разговоре со своим ближайшим соратником Линь Бяо Мао Цзэдун сказал о хунвэйбинах («маленьких генералах революции», как он их называл) [Маоизм …, 1980, с. 208; Усов, 2003, с. 358], что «… это очень большое движение», «оно поистине мобилизовало массы» и «имеет величайшее значение для революционизирования сознания людей всей страны» [Де-

люсин, 1967, с. 15]. Всего в рядах хунвэйбинов, которые, согласно исследователю Ф. М. Бурлацкому, были верной опорой Мао Цзэдуна в 1966 году, насчитывалось 25 миллионов [Бурлацкий, 1979, с. 135].

По свидетельству очевидца, болгарского дипломата и журналиста К. Босева, в тот день, 18 августа 1866 года, на самой большой в мире площади Тяньаньмэнь («Храм Небесного покоя») в Пекине на встрече с Мао Цзэдуном присутствовало около одного миллиона человек, среди которых подавляющее большинство составляли юноши и девушки до 20 лет «с глазами как у волков, которые видят и слышат добычу» [Босев, 1978, с. 122; Усов, 2003, с. 358]. Площадь Тяньаньмэнь и примыкающая к ней с востока улица были похожи на «ликующий людской океан» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 71, т. 4, л. 10—13]. Почти у каждого в руках была красная книжечка с цитатами вождя, которую юные революционеры листали, выкрикивая: «Десять тысяч лет жизни нашему Мао-Чжуси (Главе Мао)» [Босев, 1978, с. 122; РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 71, т. 4, л. 10—13]. Повсюду в честь «великого вождя, великого полководца» и «великого учителя» звучала песня «В открытом море не обойтись без кормчего» [Делюсин, 1967, с. 15].

В действительности первые отряды «красной охраны» сформировались несколько раньше. Начало движения хунвэйбинов связывают с событиями 25 мая 1966 года, когда преподаватель философии Пекинского университета Не Юаньцзы выступила с жесткой критикой «буржуазной» университетской администрации и призвала молодежь сплотиться в борьбе с ревизионистами, «решительно, радикально, целиком и полностью» искоренить их «засилье и зловредные замыслы» [Xing Lu, 2004, с. 61]. Логическим продолжением этого призыва стало возникновение первых отрядов «красных охранников» (хунвэйбинов) и развитие молодежного народного ополчения в целом [Киссинджер, 2014, с. 214]. Миллионы школьников принялись рьяно выискивать буржуазных изменников, прежде всего, среди своих преподавателей и университетского руководства. В словах Не Юаньцзы была заложена настолько глубоко воздействующая сила и мобилизующая энергия, что восхищенный Мао Цзэдун распорядился зачитать по радио и опубликовать в партийной печати ее обращение [Xing Lu, 2004, с. 61], назвав его впоследствии на расширенном заседании постоянного комитета ЦК КПК от 4 августа 1966 года «Манифестом Парижской коммуны Китая 60-х годов XX столетия» [Выступления …, 1976, с. 217; Маоизм …, 1980, с. 205].

Призыв Не Юаньцзы и последовавшие за ним действия хунвэйбинов, весьма удачно вписывались в общую концепцию отношения Мао Цзэдуна к интеллигенции как особой социальной группе, классовый статус которой сложно поддавался определению, поскольку она занимала промежуточное

положение между буржуазией и рабочим классом. Несмотря на то, что в 1956 году на специальной конференции, посвященной интеллигенции, из уст Чжоу Эньлая прозвучал тезис о том, что она в своем большинстве является частью рабочего класса [Zhou Enlai, 1962, p. 128—144], в годы «культурной революции» интеллигенция была причислена к неблагонадежным элементам ревизионистского толка [His-sheng Ch'i, 1991, p. 126—127]. Особенным объектом критики стали гуманитарии, недоверие к которым в партийных кругах, усиливаемое отношением Мао Цзэдуна, проявилось еще за несколько лет до «культурной революции», в первой половине 1960-х годов [Goidman, 1973, p. 219—254].

Мао Цзэдун открыто выражал свою поддержку отрядам «красных охранников», бунтовавшим против «буржуазии, империалистов, ревизионистов и их приспешников», о чем, в частности, свидетельствует его письмо к хунвэйбинам средней школы при университете Цинхуа от 1 августа 1966 года, где он обращался к юным товарищам со словами: «Я горячо поддерживаю вас», и «выражаю горячую поддержку дацзыбао …, в которой говорится, что бунт против реакционеров правомерен» [Выступления …, 1976, с. 215]. По свидетельству Ли Чжисуя, эти «слова Мао были опубликованы в студенческих изданиях и моментально стали сплачивающим лозунгом молодежи» [Ли Чжисуй, 1996б, с. 196], тем более что именно к сплочению в движении «культурной революции» в своем письме и призывал Мао Цзэдун [Выступления …, 1976, с. 215]. Обращение великого кормчего к «революционным учащимся» 18 августа 1966 года окончательно санкционировало создание «красной охраны», которая, по словам самого Мао Цзэдуна, должна была стать опорой культурной революции [Маоизм …, 1980, с. 200—201]. Как отмечал в свое время Ф. М. Бурлацкий, «через каких-то несколько дней сотни тысяч юных участников организации буквально наводнили всю страну, объявив беспощадную войну "старому миру"» [Бурлацкий, 1979, с. 131]. Занятия на неопределенное время были прекращены, поскольку отныне хунвэйбины должны были согласно призыву Мао Цзэдуна «учиться революции, делая революцию» [Киссинджер, 2014, с. 214].

23 августа 1966 года в здании народного комитета Пекина (орган власти столицы) был создан Главный штаб связи хунвэйбинов, о чем свидетельствовала соответствующая вывеска, сменившая собой вывеску народного комитета. Работа здесь осуществлялась фактически круглосуточно (печатались прокламации, воззвания, листовки, различные инструкции), отсюда во все концы города спешили посланники хунвэйбинов. В этом же штабе была отпечатана и «декларация» (программа) хунвэйбинов, в которой провозглашались их основные задачи: «высоко нести великое красное

знамя идей Мао Цзэдуна», «безгранично и горячо любить председателя Мао, беспредельно преклоняться перед ним», «решительно защищать ЦК и председателя Мао» [Яковлев, 1981, с. 194]. Перед хунвэйбинами ставилась также и задача проведения «борьбы — критики — преобразования», то есть «борьбы против облеченных властью в партии и идущих по капиталистическому пути, критики буржуазной линии и преобразования старой идеологии, надстройки» [Там же].

«Декларацией» определялись порядок и условия приема в ряды «красных охранников», учреждалась нарукавная повязка. По свидетельству известного отечественного китаеведа А. Н. Желоховцева, неоднократно бывавшего в Китае, «красными охранниками» могли стать только дети рабочих и крестьян, не относящихся ни к партии, ни к комсомолу, а также дети тех партийных работников, которые были сторонниками «культурной революции» [Желоховцев, 1973, с. 191]. Однако впоследствии в ряды хунвэйбинов стали принимать практически всех учащихся и студентов, в результате чего движение «красной охраны» утратило свою социальную однородность.

Деятельность хунвэйбинов вдохновлялась самим Мао Цзэдуном и высшими партийными работниками: Линь Бяо, Чжоу Эньлаем, Цзян Цин. Так, с 18 августа по 26 ноября 1966 года в Пекине на площади Тяньаньмэнь было проведено восемь встреч (массовых митингов) Мао Цзэдуна с хунвэйбинами, на которых присутствовало около 11 миллионов человек [Бурлацкий, 1979, с. 131; Ли Чжисуй, 1996б, с. 197; Усов, 2003, с. 359]. Согласно исследователю А. В. Панцову, «наиболее грандиозными были демонстрации 25 и 26 ноября», в которых участвовало 2,5 миллиона «революционных студентов» [Панцов, 2012, с. 678]. По свидетельству Ли Чжисуя, «чтобы увидеть своего великого вождя», хунвэйбины стекались в Пекин из самых дальних районов страны [Ли Чжисуй, 1996б, с. 197]. Такие массовые встречи должны были вселить в них уверенность в том, что их действия и атака на партийные комитеты поддерживаются и поощряются лично Мао Цзэдуном. 23 августа 1966 года, в день создания Главного штаба хунвэйбинов, «Жэньминь жибао» (ежедневная газета, официальное печатное издание ЦК КПК) опубликовала передовую статью, в которой открыто призвала хунвэйбинов к атаке на партийные комитеты.

Словно в унисон этому призыву на всех массовых митингах хунвэйбинов великий кормчий появлялся в военной форме [Делюсин, 1967, с. 15], в результате чего для всего Пекина стало очевидным, что «Мао Цзэдун переоделся со смыслом» [Желоховцев, 1973, с. 200]. Согласно А. Н. Желоховцеву, «он дал понять всем и каждому, что партия ему враждебна, и против нее, против затаившихся в ней своих врагов он и направляет удар “культурной

революции”» [Там же]. Данная декларация на встрече с хунвэйбинами была настолько важна для Мао Цзэдуна, что он появился на одном из митингов (25 ноября 1966 года) в одной только военной форме (без пальто) даже тогда, когда температура упала до семи градусов ниже нуля по цельсию, имея при этом в качестве хронического заболевания частые приступы бронхита [РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 71, т. 4, л. 10—13]. По свидетельству А. Н. Желоховцева, «зеленая армейская форма напоминала, что за всем шумом, гамом и столпотворением стояла сила штыка, верная лично Мао Цзэдуну армия, которую маршал Линь был готов бросить в дело по мановению его руки, если понадобится» [Желоховцев, 1973, с. 200]. Известный американский журналист Э. Сноу, преподававший в Пекинском университете и неоднократно бравший интервью у Мао Цзэдуна, беседовавший о нем с рядовыми солдатами, также подтверждает большой личный авторитет Мао в армейских кругах и его духовную близость с солдатами [Snow, 1961, p. 87].

Армия и органы госбезопасности стояли не только за спиной Мао Цзэдуна, но и за спиной хунвэйбинов, молодых революционеров, направляя их действия по указанию Мао Цзэдуна и призывая их во всем учиться у НОАК [Сидихменов, 1969, с. 132]. Движение хунвэйбинов тщательно маскировало механизм «культурной революции»: «Наблюдая за ним, так сказать, снизу, трудно было определить, где кончается инициатива самих хунвэйбинов и где начинается выполнение директив» [Желоховцев, 1973, с. 206]. «Главным условием всей этой “революционной” деятельности, — как отмечает очевидец А. Н. Желоховцев, — была безнаказанность, которую обеспечивали контролируемая маоистами армия и карательные органы» [Там же].

Начало движения «красной охраны» было относительно безобидным, порой даже комичным: старые, традиционные названия улиц и площадей Пекина заменялись на «революционные», «антиревизионистские», «антиимпериалистические» [Делюсин, 1967, с. 16]. Уничтожению подлежали реакционные вывески магазинов, ресторанов, парикмахерских, швейных, сапожных и иных мастерских. Из продажи были изъяты одеколон, духи, пудра и другие парфюмерные изделия, заключавшие в себе «опасность буржуазного разложения» [Там же]. Аквариумы с золотыми рыбками, которые были примечательной деталью многих китайских домов, выносились на улицу и разбивались [Усов, 2003, с. 361]. Разведение цветов, любовь к канарейкам, кошкам и собакам также расценивались как феодальные пережитки [Шорт, 2001, с. 511]. Хунвэйбины предложили изменить цветовое назначение светофорных сигналов, «ибо, по их мнению, “двигаться вперед можно только на красный свет”, поскольку “красный цвет — это цвет революции, а зеленый символизирует яд”» [Делюсин, 1967, с. 16].

По сведениям пекинских корреспондентов, изложенным в работе Л. П. Делюсина, хунвэйбины приказали «всем носящим узкие брюки и остроносую обувь в двухдневный срок <…> расширить или укоротить брюки, а из остроносых ботинок, “если жалко выбросить”, сделать босоножки» [Бовин и др., 1968, с. 74; Делюсин, 1967, с. 16]. В приказе также отмечалось, что «если по истечении двух дней на ком-либо будут замечены такие брюки и обувь, то прямо на месте брюки будут укорочены, а носки ботинок обрезаны» [Там же]. Длинные косы у девушек и женщин также считались феодальной традицией, поэтому их необходимо было в срочном порядке остричь, в противном случае короткую «революционную» стрижку прямо на улице делали сами хунвэйбины [Усов, 2003, с. 361].

Требования, которые надлежало исполнять всем жителям города, а также конкретные шаги своей деятельности хунвэйбины излагали в листовках и дацзыбао. Прежде всего, они обязывали население усилить изучение и пропаганду идей Мао Цзэдуна, портреты которого необходимо было вывесить на каждой улице, в каждом дворе и каждой семье. Улицы городов Китая, в частности улица Чаоян в самом центре Пекина, были похожи на картинные галереи с портретами Мао Цзэдуна различных размеров, цветов и возраста изображенного вождя. В своих воззваниях хунвэйбины также призывали каждого китайца все время носить с собой красную книжечку с изречениями Мао Цзэдуна, постоянно изучать ее и во всех делах поступать в соответствии с тем, что в ней написано [Яковлев, 1981, с. 194; Яковлев …]. По словам Г. Киссинджера, маленькая красная книжечка цитат Мао Цзэдуна, составленная Линь Бяо в 1964 году, стала символом «культурной революции» в Китае [Кисинджер, 2014, с. 216].

3. Усиление террористических методов борьбы в «движении красной охраны» в Китае. Разгром государственных органов власти

Вскоре то, что на первых порах могло быть воспринято с улыбкой, начало обретать трагедийную окраску. Согласно Ли Чжисую, ощутив поддержку Мао Цзэдуна, хунвэйбины «стали безудержными» в своих поисках лиц, подозреваемых в «буржуазных» тенденциях [Ли Чжисуй, 1996б, с. 198]. Даже Ли Чжисуй, личный врач Мао Цзэдуна, мог чувствовать себя в безопасности только тогда, когда находился в Чжуньхае (пекинской резиденции высшего руководства КНР) рядом с Мао. Супруга Ли Чжисуя, Лилиан, опасаясь за жизнь своего мужа, даже уговаривала его не ночевать дома [Там же].

В Пекине начались погромы, «красные охранники» стали «врываться в частные дома, пытаясь найти свидетельства антипатии их жителей к социализму» [Там же]. Согласно данным, представленным зарубежным

исследователем Ф. Шортом, в течение осени 1966 года до трети всех пекинских жилищ подверглись регулярным обыскам хунвэйбинов, в ходе которых конфисковались имущество и материальные ценности семей (книги, свитки с каллиграфией, ювелирные изделия, музыкальные инструменты, живопись, фарфор, старые фотографии и многое другое) [Шорт, 2001, с. 511]. Жители зачастую лишались крова над головой и высылались из Пекина: так, в частности, в течение месяца в августе — сентябре 1966 года обыскам и ссылкам в столице были подвергнуты 85 тысяч 198 человек [Киссинджер, 2014, с. 214].

Натиску хунвэйбинов, помимо жилых домов, подверглись также места и здания общественного назначения: в самом Пекине 4922 из 6843 исторических и культурных памятников были уничтожены. Пурпурный запретный город (Цзыцзиньчэн), «сердце императорского Китая», самый обширный дворцовый комплекс в мире, находящийся в центре Пекина и выступающий образцом китайской традиционной архитектуры, удалось спасти от разграбления и разрушения только благодаря личному вмешательству Чжоу Эньлая, пославшего батальон, чтобы охранять город [Thurston, 1987, p. 101—103; MacFarquhar et al., 2006, p. 118—120].

Однако главный удар юные революционеры должны были направить на центральные и местные партийные комитеты, а также на комсомольские организации и профсоюзы. Чувствуя угрозу своей личной власти под флагом преобразований «культурной революции», Мао Цзэдун призывал свергнуть тех, кто находился у власти и шел по капиталистическому пути, кто вынашивал планы реставрации капитализма [Yan Jiaqi et al., 1996, p. 1—7]. Как писал очевидец событий советский корреспондент М. И. Яковлев, «с выходом хунвэйбинов на улицы китайских городов и сел, по существу, началось открытое наступление Мао и его группы на КПК и государственные органы власти на всех уровнях» [Яковлев …]. О том, что хунвэйбины, охваченные идеологической лихорадкой и действовавшие вне закона, не подчинялись, а зачастую открыто выступали против обычных государственных структур, пишет и зарубежный исследователь Г. Киссинджер, лично общавшийся с Мао Цзэдуном. Он указывает также на то, что в годы так называемой «великой пролетарской культурной революции», которая, по сути, являлась гражданской войной, «ни один из государственных институтов не избежал шедших волна за волной потрясений» [Киссинджер, 2014, с. 213—214].

В Пекине, Тяньцзине, Харбине, Ухани, Хэфее, Сиани, Гуаньчжоу, Гуйяне, Наньчане, Фучжоу и многих других городах хунвэйбины врывались в здания парткомов и, нападая на партийных работников, требовали от них

признаний и публичных покаяний в отступничестве от идей Мао Цзэдуна. При этом хунвэйбины издевались над партийными работниками, заслуженными революционерами, оплевывали их, возили на машинах по улицам с оскорбительными ярлыками на груди, на голову надевали шутовские колпаки, заставляли часами выстаивать на палящем солнце и выслушивать унизительные ругательства.

Как пишет В. Н. Усов, автором-пропагандистом этих методов глумления, в частности использования шутовского колпака и черной таблички с надписью-обвинением («нечисть», «черный бандит», «ревизионист», «контрреволюционер», «помещик», «буржуазный элемент» и т. п.), являлся «китайский Берия», «владыка ада» Кан Шэн, активно подстрекавший военизированные отряды хунвэйбинов к революционной борьбе [Усов, 2003, с. 361], которая, по словам Мао Цзэдуна, должна была, «встряхнуть людей» [Маоизм …, 1980, с. 200], дать возможность исправиться тем, кто совершил ошибки [Выступления …, 1976, с. 215]. Однако возможность «исправления» совсем не входила в планы фанатичных хунвэйбинов, которые во многих случаях убивали партийных работников, представителей интеллигенции из сферы культуры и образования или доводили их до самоубийства (как в случае с самой первой жертвой, известным писателем КНР Лао Шэ [Усов, 2003, с. 361—364]). Известны факты жесточайших допросов, в ходе которых применяли до 100 видов изощренных пыток, не уступающих фашистским, в отношении ни в чем не повинных людей, которые зачастую не выдерживали мучений [Там же, с. 368]. Мао Цзэдун по этому поводу лишь замечал, что «нельзя совсем не убивать, но нельзя убивать многих» [Маоизм …, 1980, с. 200], ограждая этими словами скорее самого себя от возможности обвинения в массовой гибели людей.

Однако, как отмечает Г. Киссинджер, «сцены жестокости разворачивались по всей стране» [Киссинджер, 2014, с. 214]. Согласно далеко не полным сведениям Пекинского отделения министерства общественной безопасности КНР, хунвэйбинами в столице в течение одного только месяца (с конца августа по конец сентября 1966 года) были убиты 1722 человека, а под Пекином в коммунах уезда Дасин в течение всего нескольких дней (с 27 августа по 1 сентября 1966 года) — 325 человек, в том числе старики и дети (самому старшему из убитых было 80 лет, самому младшему — всего 38 дней от роду) [Усов, 2003, с. 364]. «Результатом стало потрясающее смертоубийство как людей, так и учреждений, поскольку органы власти и управления в Китае один за другим — включая высшие органы компартии — пали под ударами идеологической шокотерапии отрядов подростков» [Киссинджер, 2014, с. 214].

Действия хунвэйбинов, имевшие откровенно уголовную окраску, не встречали никаких препятствий ни со стороны организаторов культурной революции, которые, напротив, уверяли, что революционные учащиеся «поступают замечательно», ни со стороны правоохранительных органов [Бовин и др., 1968, с. 85]. Более того, прямую поддержку хунвэйбинам оказывал генерал-полковник Се Фуечжи, министр общественной безопасности КНР, лично обратившийся к сотрудникам милиции с призывом не вмешиваться в действия хунвэйбинов, поскольку это проявление революционной энергии масс. Еще в июле 1966 года на одном из партийных совещаний Мао Цзэдун говорил о том, что в «культурной революции» «следует опираться только на революционных преподавателей и учащихся» [Маоизм …, 1980, с. 201]. «В настоящее время сложилось положение, — продолжал Мао Цзэдун, — когда повсюду на первом месте стоит боязнь беспорядков. Сейчас занятия в учебных заведениях приостановлены, но питание выдается. А когда поешь, то появляется энергия, появляется желание устроить беспорядки. <…> Беспорядки — это и есть революция» [Там же]. «Смуту можно делать, только опираясь на учащихся» [Там же]. «Если не заниматься смутой, то что же делать?» [Там же] — вопрошал Мао Цзэдун, подбадривая хунвэйбинов «туманными лозунгами» («Бунт — дело правое!», «Огонь по штабу!») и поощряя их «“яростные нападки” на существовавший бюрократический аппарат компартии и традиционные общественные нормы» [Киссинджер, 2014, с. 214].

4. Рост сопротивления движению «красной охраны» в Китае. Участие в революционном строительстве вооруженных сил

Однако не все злодеяния, чинимые «юными революционерами», сходили им с рук, поскольку возмущенное население зачастую оказывало поддержку партийным комитетам, а не хунвэйбинам. В конце августа 1966 года в Циндао, крупном портовом городе страны, произошло одно из первых кровавых столкновений хунвэйбинов с населением, в результате чего погибло 14 человек [Яковлев, 1981, с. 87]. Подобные кровавые столкновения происходили и в других городах Китая, в частности, в Ухани, Тайюани, Гуйяне, Тяньцзине, где сопротивление населения хунвэйбинам было настолько сильным, что властям для устрашения жителей пришлось ввести публичную смертную казнь [Там же]. 23 августа 1966 года в газете «Жэньминь жибао» было заявлено о том, что все действия хунвэйбинов — «революционные и законные», и кто выступает против них, «тот идет прямо вразрез с указаниями председателя Мао Цзэдуна и нарушает постановление Центрального Комитета партии» [Делюсин, 1967, с. 17]. Данное заявление свидетельствовало о том,

что отряды «красной охраны» были поставлены над партийными организациями, которым следовало «скромно учиться у маленьких застрельщиков революции», «вести себя смирно и послушно» [Там же].

Согласно свидетельствам очевидца М. И. Яковлева, «в ноябре — декабре 1966 года, а кое-где и несколько раньше» началась новая фаза «культурной революции», которая, нанеся удар по областным парткомам, стала распространяться на производство. Усилилось проникновение на заводы и фабрики хунвэйбинов, учинявших бесчинства в отношении административных работников и вносивших хаос в производственную деятельность [Яковлев …]. Ответом на эти процессы стала волна забастовок в стране, охватившая Пекин, Шэньян, Нанкин, Шанхай, Сиань, Чунцин, Фулаэрцзи, Цзинань, Урумчи и другие города [Делюсин, 1967, с. 24]. Рабочие активно выражали свое недовольство грубым вмешательством хунвэйбинов в дела фабричных и заводских коллективов, направляли в Пекин делегации для передачи руководству КПК своих требований, организовывали отряды защиты предприятий. В Пекин с петициями протеста против бесчинств хунвэйбинов обратились даже рабочие знаменитых Дацинских нефтепромыслов, которые считались «преданными и верными идеям Мао», воспринимались как образец применения его идей [Бовин и др., 1968, с. 99—100].

В этих условиях организаторы культурной революции решили взять курс на раскол рабочего класса. Разогнав в конце декабря 1966 года руководящие органы Всекитайской федерации профсоюзов и ее отделений, маоисты приступили к созданию отрядов цзаофаней («бунтарей»), которые формировались, как правило, из низкоквалифицированных молодых и временных рабочих [Яковлев …]. А. Е. Бовин и Л. П. Делюсин пишут, что эти отряды были созданы в противовес партийным комитетам и местным профсоюзным организациям и «использовались для нанесения ударов по рабочему классу, разложения его изнутри» [Бовин и др., 1968, с. 99—100].

Еще одним шагом в направлении подавления сопротивления мероприятиям «культурной революции» стала кампания по захвату власти, развернувшаяся в январе 1967 года [Усов, 1991, с. 159]. По своей сути эта кампания, напрямую связанная с движением хунвэйбинов и цзаофаней, представляла собой политический переворот, направленный на захват власти у государственных органов управления (партийных и народных комитетов). Особенно напряженная обстановка сложилась в Пекине, Шанхае, Тяньцзине и на Северо-Востоке страны [Бовин и др., 1968, с. 101].

В частности, серьезная попытка сопротивления кампании по захвату власти имела место в Шанхае, крупнейшем промышленном центре Китая, где рабочие ряда заводов и фабрик прекратили работу. Причем одни сдела-

ли это под предлогом участия в «культурной революции», другие, напротив, — в знак протеста против нее, что являлось прямым свидетельством раскола рабочего класса. Однако основная масса рабочих поддержала шанхайский горком и народный комитет, которые в интересах рабочих и служащих приняли ряд мер по улучшению их положения (была увеличена заработная плата, решались материально-бытовые проблемы, осуществлялись необходимые дополнительные выплаты) [Делюсин, 1967, с. 24]. Маоисты обвинили шанхайские власти в проявлении «экономизма», в «контрнаступлении на экономическом фронте», усмотрев в их действиях «буржуазную реакционную линию» [Там же], и развернули против них широчайшую кампанию разгрома, основной карательной силой которой явились хунвэйбины и цзаофани. К середине января 1967 года забастовки рабочих Шанхая удалось подавить, было объявлено о провозглашении Шанхайской народной коммуны, наряду с которой были организованы также коммуны и в других городах, в частности, в Пекине.

Значимость «великой январской революции» 1967 года, завершившейся победой маоистов над шанхайским горкомом, для них самих была действительно очень велика: ведь если бы опыту Шанхая последовали и другие города в Китае, то ход «культурной революции» мог бы кардинальным образом измениться, причем далеко не в пользу Мао Цзэдуна и его сторонников. В четвертом номере журнала «Китай на стройке» за 1967 год сообщалось, что разразившаяся в Шанхае «революционная буря охватила всю страну и двинула великую пролетарскую культурную революцию на новый этап, этап широкого объединения пролетарских революционеров, на захват власти у горстки облеченных властью в рядах партии, идущих по капиталистическому пути» [Яковлев, 1981, с. 214]. Характеристика внутриполитической обстановки Китая тех лет содержится также в мемуарах Ли Чжисуя, который пишет о том, что к январю 1967 года «культурная революция» действительно «бушевала по всей стране»: в ход пускалось оружие, партийные и правительственные учреждения были парализованы, промышленное производство падало (в некоторых местах предприятия остановились вообще), транспорт разрушался [Ли Чжисуй, 1996б, с. 207]. Способствуя накалу революционных страстей, Линь Бяо и Цзян Цин призывали хунвэйбинов к свержению всех существующих порядков и к продолжению гражданской войны. То, что происходило тогда в Китае, действительно можно было назвать гражданской войной, поскольку, по словам Ли Чжисуя, «страна разделилась»: сторонники компартии старались изо всех сил оказывать сопротивление группам воинственных хунвэйбинов, продолжавшим нападать на партийные комитеты и правительственные учреждения [Там же].

Ли Чжисуй отмечает, что борьбу парткомов против хунвэйбинов осложняли внутренние разногласия: «… В парткомах не было мира, — писал Ли Чжисуй, — их руководители яростно выступали друг против друга, причем каждый надеялся взять верх и захватить власть» [Там же]. Однако в целом, как указывал Ли Чжисуй, сопротивление парткомов было значительным: «Партийные комитеты за многие годы получили слишком большую власть, чтобы их легко можно было свергнуть» [Там же]. Причем сила этого сопротивления была настолько велика, что в конце января 1967 года Мао Цзэдуну пришлось открыто призвать армию, чтобы поддержать «красных охранников» [Там же]. Об этом «великом призыве» вождя в своих воспоминаниях писал не только Ли Чжисуй, но и многие советские корреспонденты, побывавшие в то время в Китае, в частности М. Яковлев, отмечавший, что «свой приказ о приведении армии в действие Мао отдал <…> еще 21 января 1967 года» [Яковлев …]. Именно тогда ему стало известно о сопротивлении «культурной революции», оказанном в провинции Аньхуэй, и он незамедлительно поспешил заявить Линь Бяо о том, что для поддержки «левых, широких масс» необходимо задействовать Народную освободительную армию Китая (НОАК) [Там же; Маоизм …, 1980, с. 206]. Данный шаг, когда Мао Цзэдун в поддержку действий хунвэйбинов выдвинул против партии армию, привлек внимание зарубежных исследователей, в частности Р. Макфаркуара и М. Шенхалса, назвавших действия китайского вождя беспрецедентной акцией, не имеющей аналогов в истории коммунистических стран. В то же время исследователи, документирующие в ужасающих деталях состояние революционного хаоса, указывают также и на то, что армейские батальоны в Китае использовались для контроля и даже сдерживания действий хунвэйбинов, как, например, в случае с охраной Пурпурного запретного города (резиденции китайских императоров), однако такие действия были единичны [MacFarquhar et al., 2006, p. 118—120].

Несмотря на то, что Мао Цзэдун считал армию решающей силой в «культурной революции», чистки были проведены и в ее рядах. 14 января 1967 года в передовой статье армейской газеты «Цзефанцзюнь бао» появилась изобличающая статья с характерной обвинительной формулировкой, согласно которой объектом «культурной революции» в армии являлась «горстка облеченных властью и идущих по капиталистическому пути» [Усов, 2003, 382]. Примечательно, что накануне, 13 января 1967 года, в высших правительственных кругах был сформирован особый список лиц, которые защищались от критики силой закона. Первоначально в этот список входили только два человека — Мао Цзэдун и Линь Бяо, однако вскоре в него были включены Цзян Цин, Кан Шэн и Чень Бода. 19 января

1967 года ближайший соратник Мао Цзэдуна Чень Бода, имевший статус неприкосновенного лица и наряду с Линь Бяо, единственным заместителем и преемником Председателя, входивший в постоянный комитет Политбюро [РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 71, т. 3, л. 104—105], обвинил НОАК в «обуржуазивании» [Там же]. Результатом борьбы с «буржуазной реакционной линией» в армии стали репрессии, затронувшие свыше 70 процентов командных кадров. Согласно официальным данным, опубликованным в ноябре 1980 года на страницах китайской печати (газеты «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюнь бао»), в Народной освободительной армии Китая от клеветы и травли пострадали 80 тысяч человек, 1169 высокопоставленных военных погибли [Там же]. Таким образом, вооруженные силы, принимавшие прямое участие в подавлении сопротивления противников «культурной революции», сами стали объектом репрессий.

К весне 1967 года в Китае произошло резкое обострение внутриполитического кризиса, что проявилось в росте силы сопротивления мероприятиям «культурной революции». В итоге с мая по июль 1967 года маоисты, опиравшиеся на хунвэйбинов и цзаофаней, так и не смогли отстранить от дел значительный слой партийного актива, по-прежнему сохранявшего заметное влияние в стране. Не сумели они также предотвратить широкие, хотя и разрозненные рабоче-крестьянские выступления в защиту партии и социалистических завоеваний Китая, поддержанные частью командного состава армии [Делюсин, 1967, с. 27], а также частью тех хунвэйбинов и цзаофаней, которые откололись от общего движения «красных охранников» и «бунтарей» [Яковлев …]. По мнению М. Яковлева, очень сложно было оценить, сколько людей тогда шло за Мао Цзэдуном, а сколько против него. Так, например, один из предводителей пекинских хунвэйбинов Куай Дафу, отметив опасность революционного накала страстей, заявил, что «не уверен, будут ли во время решающей битвы хотя бы 50 процентов населения поддерживать председателя Мао» [Там же]. В стране все явственнее назревал хаос, последствия которого трудно было предвидеть и контролировать. Более того, в рядах «защитников» Мао Цзэдуна (хунвэйбинов и цзаофаней) уже давно начались распри, доходившие до кровавых столкновений и принявшие настолько широкий размах, что журнал «Хунци» был вынужден обратиться к ним с призывом покончить с анархизмом и объединиться, усилить организованность и дисциплину.

Именно тогда для Мао Цзэдуна стало очевидным, что движение хунвэйбинов в своем чистом виде исчерпало себя и для борьбы с оппозицией требуются новые методы. Согласно мнению Ф. М. Бурлацкого, «эра хунвэйбинов подошла к концу» еще в начале 1967 года, «когда было официаль-

но объявлено об установлении военного контроля над партийными и государственными органами» [Бурлацкий, 1979, с. 134]. В феврале 1967 года Мао Цзэдун заявил о том, что «среди хунвэйбинов есть ненадежные», что большинство из них являются детьми высокопоставленных кадровых работников, таких как Хэ Лун, Лу Дини [Маоизм …, 1980, с. 206]. Маршал Хэ Лун, в частности, попавший в список жертв «культурной революции», «за антипартийную деятельность» в 1966 году был снят со всех постов и умер в заключении, испытав, по словам исследователя А. В. Панцова, страшные муки ада [Панцов, 2012, с. 680]. Если принять во внимание участь Хэ Луна, слова Мао Цзэдуна в отношении «ненадежных хунвэйбинов» прозвучали словно приговор целому движению, на которое он больше не желал и не мог полагаться. Как указывает Ф. М. Бурлацкий, ссылаясь на западную корреспонденцию, на одном из митингов в июле 1968 года Мао Цзэдун, «не скрывая слез», говорил хунвэйбинам: «Вы предали меня, и, более того, в вас разочаровались рабочие, крестьяне и солдаты Китая!» [Бурлацкий, 1979, с. 134]. По свидетельству Ф. М. Бурлацкого, в печати появилось сообщение о том, что Мао Цзэдун прислал корзину плодов манго рабочим и крестьянам, которые пропагандировали его «идеи» среди студентов Пекинского университета [Там же, с. 134—135]. Получив этот нехитрый подарок, «люди радовались, рыдали и выкрикивали изречения Мао» [Там же]. По мнению Ф. М. Бурлацкого, «таким путем Мао дал понять о закате эры хунвэйбинов и о поощрении бригад из рабочих и крестьян, занятых пропагандой маоизма» [Там же]. Хунвэйбины, некогда воспитывавшие весь Китай посредством методов жестокого террора, теперь сами подлежали перевоспитанию через трудовые работы в сельской местности, поскольку в их среде было очень много неблагонадежных элементов (по словам самого Мао Цзэдуна, большая часть студенчества, особенно гуманитарии, без воздействия воспитательных мер культурной революции «рисковала заняться ревизионизмом) [Маоизм …, 1980, с. 207].

5. Выводы

Таким образом, первые годы «культурной революции» (1966—1967) характеризовались чрезвычайно высокой активностью студенческой и школьной молодежи, организованной в отряды хунвэйбинов («красной охраны»), основной революционной целью которых являлось устранение противников Мао Цзэдуна на фоне беспредельного возвеличивания его культа. Первоначальной областью развертывания карательных действий хунвэйбинов явилась профессорско-преподавательская среда, сфера образования: удар был направлен против интеллигенции. Тактически это

было очень важное направление в движении хунвэйбинов, поскольку деятельность интеллигенции в сфере культуры, науки и образования была напрямую связана с идеологией, которую Мао Цзэдун считал основой основ в государственном строительстве. Интеллигенция стала исходной социальной зоной, от которой огонь революционной борьбы распространился на органы партийно-государственного аппарата (главную мишень «революционного» удара хунвэйбинов).

Портрет «великого вождя» предстает поистине пугающим, когда становятся известными его слова прямого призыва к беспорядочной смуте и откровенному хаосу, когда вождь спокойно говорит о том, что занятия в вузах приостановлены, но выдается питание, от которого в молодом организме появляется энергия и желание устроить беспорядки, и их не нужно бояться, ведь они и есть революция. Без стеснения Мао Цзэдун использовал также понятие «смуты», которая наряду с беспорядками есть проявление революции, выражение энергии революционных масс. Смуту, по мнению Мао Цзэдуна, можно было создавать, только опираясь на учащихся (хунвэйбинов), которых он стремился использовать как слепую карательную силу, способную навести абсолютный порядок. И здесь в рассуждениях Мао Цзэдуна может быть вскрыто и выявлено одно очень важное противоречие: он явно полагал и открыто декларировал, что абсолютный хаос может создать абсолютный порядок, основным критерием которого является глубокая идеологическая однородность, суть которой заключена в его идеях. Многомиллионное население Китая стало заложником личных амбиций вождя, стремившегося во что бы то ни стало утвердить и сохранить свою личную власть, пресечь даже самую мысль о возможном с ним несогласии. Мао Цзэдун не хотел быть первым среди равных, он хотел быть единственным.

Борьбу со своими соперниками Мао Цзэдун осуществлял под флагом борьбы с ревизионизмом. При этом особенно обращает на себя внимание тот факт, что обвинялась «горстка» стоящих у власти, идущих по капиталистическому пути, а громили в период движения хунвэйбинов, в прямом смысле слова, всю страну. Очевидно, Мао Цзэдун не до конца был уверен, что многомиллионные массы Китая поддержат его. Создание списка неприкосновенных лиц, то есть лиц, которые защищались от возможной критики силой закона, с одной стороны, свидетельствовало о том, что «культурная революция» в обвинительно-карательных акциях хунвэйбинов набрала достаточно масштабные обороты, с другой стороны, указывало на явное нарушение принципов коллективного руководства страной и вскрывало имена основных карателей многомиллионной страны.

Движение хунвэйбинов практически парализовало страну как в политическом, так и в социально-экономическом смысле, позволив Мао Цзэдуну, с одной стороны, нанести чудовищный удар по всей политической системе, заключавшей в себе оппозицию, с другой стороны, чисто в тактическом смысле, остаться непричастным тем массовым бесчинствам и злодеяниям, которые творили хунвэйбины, способные предъявить обвинение в ревизионизме случайному прохожему, первому попавшемуся человеку, в квартиру которого они ворвались. Движение хунвэйбинов стало одним из механизмов не только подавления оппозиции, но и нагнетания тотального страха в многомиллионной стране, выступавшего ключевым условием упрочения личной диктатуры и культа Мао Цзэдуна.

Источники и принятые сокращения

1. *Босев К.* Тайфун. Записки из Китая / К. Босев. — Москва : Издательство политической литературы, 1978. — 344 с.

2. *Выступления* и статьи Мао Цзэдуна разных лет, ранее не публиковавшиеся в печати : сборник / ред. О. Борисова, М. Титаренко. — Москва : Прогресс, 1976. — Выпуск 6. — 315 с.

3. *Желоховцев А. Н.* «Культурная революция» с близкого расстояния (записки очевидца) / А. Н. Желоховцев. — Москва : Политиздат, 1973. — 262 с.

4. *Ли Чжисуй.* Мао Цзэдун. Записки личного врача : в 2 книгах / Ли Чжисуй. — Минск : Интер-Дайджест, 1996а. — Книга 1. — 1996. — 384 с.

5. *Ли Чжисуй.* Мао Цзэдун. Записки личного врача : в 2 книгах / Ли Чжисуй. — Минск : Интер-Дайджест, 1996б. — Книга 2. — 1996. — 368 с.

6. *Маоизм* без прикрас: некоторые уже известные, а также ранее не опубликованные в китайской печати высказывания Мао Цзэдуна / ред. О. Е. Владимиров. — Москва : Прогресс, 1980. — 286 с.

7. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 4. Л. 10—13; Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 3. Л. 104—105.

8. *Яковлев М. И.* 17 лет в Китае / М. И. Яковлев. — Москва : Политиздат, 1981. — 320 с.

9. *Яковлев М. И.* Китай 60-х годов (из записок очевидца) [Электронный ресурс] / М. И. Яковлев. — Режим доступа : https://biblio.kz/m/articles/view/Китай-60-х-годов.

10. *Zhou Enlai.* On the Question of Intellectuals / Zhou Enlai // Communist China 1955—1959: Policy Documents with Analysis / R. B. Bowie, J. K. Fairbank (eds). — Cambridge : Center for International Affairs, 1962. — P. 128—144.

Литература

1. *Бондарева В. В.* Отечественные и зарубежные исследователи о роли, сущности и хронологии «культурной революции» 1966—1976 гг. в Китае / В. В. Бондарева // Альманах современной науки и образования. — 2015. — № 10 (100). — С. 24—29.

2. *Бурлацкий Ф. М.* Мао Цзэдун и его наследники / Ф. М. Бурлацкий. — Москва : Международные отношения, 1979. — 400 с.

3. *Бовин А. Е.* Политический кризис в Китае : события и причины / А. Е. Бовин, Л. П. Делюсин. — Москва : Политиздат, 1968. — 184 с.

4. *Делюсин Л. П.* Культурная революция в Китае / Л. П. Делюсин. — Москва : Знание, 1967. — 48 с.

5. *Елисеев Г. П.* Кричащие батальоны. Так называемая «великая пролетарская культурная революция» Китая вблизи / Г. П. Елисеев, А. С. Крушинский, В. Б. Милютенко. — Москва : Молодая гвардия, 1967. — 128 с.

6. *Киссинджер Г.* О Китае / Г. Киссинджер; перевод с английского В. И. Верченко. — Москва : АСТ, 2014. — 635 с.

7. *Панцов А. В.* Мао Цзэдун / А. В. Панцов. — Москва : Молодая гвардия, 2012. — 867 с.

8. *Сидихменов В. Я.* Против фальсификации марксистско-ленинского учения о классах и классовой борьбе / В. Я. Сидихменов // Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэдуна : сборник статей / ред. М. И. Сладковский. — Москва : Политиздат, 1969. — С. 125—130.

9. *Усов В. Н.* Китайский Берия Кан Шэн / В. Н. Усов. — Москва : Олма-пресс, 2003. — 479 с.

10. *Усов В. Н.* «Культурная революция» в Китае / В. Н. Усов // Китай : история в лицах и событиях. — Москва : Политиздат, 1991. — С. 157—160.

11. *Фан Сяо.* Китайские СМИ раскрывают запрещенные страницы истории Китая [Электронный ресурс] / Фан Сяо. — Режим доступа : www.epochtimes. ru/content/view/62997/4.

12. *Шорт Ф.* Мао Цзэдун / Ф. Шорт; перевод с английского Ю. Г. Кирьяка. — Москва : АСТ, 2001. — 608 с.

13. *Goidman M.* The Chinese Communist Party's «Cultural Revolution» of 1962—1964 / M. Goidman // Ideology and Politics in Contemporary China. — Seattle : Washington University Press, 1973. — P. 219—254.

14. *His-sheng Ch'i.* Politics of Disillusionment: The Chinese Communist Party under Deng Xiaoping, 1978— 1989 / His-sheng Ch'i. — Armonk, New York : M. E. Sharpe, Inc., 1991. — 328 p.

15. *Leberhal K.* The Great Leap Forward and the Split in Yan'an Leadership: 1958—1965 / K. Leberhal // The Politics of China: 1949—1989. — New York : Cambridge University Press, 1993. — P. 87—147.

16. *MacFarquhar R.* Maos Last Revolution / R. MacFarquhar, M. Schoenals. — Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2006. — 693 p.

17. Meisner M. Mao's China: A History of the People's Republic / M. Meisner. — New York : Simon and Schuster, 1977. — 587 p.

18. *Snow E.* Red Star over China / E. Snow. — New York : Grove press, Inc., 1961. — 529 p.

19. *Thurston Anne F.* Enemies of the People / Anne F. Thurston. — New York : Alfred A. Knopf, 1987. — 323 p.

20. *Xing Lu.* Rhetoric of the Chinese Cultural Revolution: The Impact on Chinese Thought, Culture, and Communication / Xing Lu. — Columbia : University of South Carolina Press, 2004. — 250 p.

21. *Yan Jiaqi*o. Turbulent Decade: A History of Cultural Revolution / Yan Jiaqi, Gao Gao. — Honolulu : University of Hawai'i Press, 1996. — 659 p.

Red Guard Movement in the First Years of "Cultural Revolution" in China (1966—1967): View of Domestic and Foreign Researchers

© Viktoriya V. Bondareva (2020), orcid.org/0000-0002-7316-1484, SPIN 9877-9800, Researcher ID E-1305-2015, PhD in History; associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Technological University" (Krasnodar, Russia), lotus_blanc@mail.ru.

The article analyzes the first years of "the cultural revolution" in China (1966—1967), characterized by high revolutionary activity of students and school youth, organized into groups of "red guards", who were distinguished in their actions by extreme cruelty and fanaticism. From this point of view, the destructive actions of the red guards, which were of a terrorist and mass nature, highlight the main direction of their revolutionary strike, which was inflicted on the party and state apparatus of China. Mao Zedong is presented as the initiator of a mass movement of red guards who used monstrous terrorist methods to fight his opposition and all, from their point of view, not enough politically conscious elements. The hongweibing movement, considered as an instrument of Mao Zedong's struggle with the opposition, allows to reveal in the course of research the personal qualities of a leader who, in the name of establishing his own cult, was not afraid to deliberately plunge the entire country into mass and deeply disorderly turmoil. The detailed description of Mao Zedong's personal attitude to what is happening, based on documentary sources, reveals the deeply dictatorial and anti-democratic nature of his power, which was asserted in the first years of "the cultural revolution" with the help of the red guards movement.

Key words: People's Republic of China (PRC); Communist party of China (CPC); Mao Zedong; political opposition; revisionism; "cultural revolution"; red guard movement; hongweibings; party and state apparatus; People's Liberation Army of China (PLA).

Material resources

borisova, O., Titarenko, M. (eds.). (1976). *Vystupleniya i stat'i Mao Tszeduna raznykh let, ranee ne publikovavshiesya v pechati, 6*.: sbornik. Moskva: Progress. (In Russ.).

Bosev, K. (1978). *Tayfun. Zapiski iz Kitaya*. Moskva: Izdatelstvo politicheskoy literatury. (In Russ.).

Li Chzhisuy. (1996). *Mao Tszedun. Zapiski lichnogo vracha, 1*. Minsk: Inter-Daydzhest. (In Russ.).

Li Chzhisuy. (1996*). Mao Tszedun. Zapiski lichnogo vracha, 2*. Minsk: Inter-Daydzhest. (In Russ.).

RGASPI — Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii. F. 495. Op. 225. D. 71. T. 4. L. 10—13; F. 495. Op. 225. D. 71. T. 3. L. 104—105. (In Russ.).

Vladimirov, O. E. (1980). *Maoizm bez prikras: nekotorye uzhe izvestnye, a takzhe ranee ne opublikovannye v kitayskoy pechati vyskazyvaniya Mao Tszeduna*. Moskva: Progress. (In Russ.).

Yakovlev, M. I. (1981). *17 let v Kitae*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).

Yakovlev, M. I. *Kitay 60-kh godov (iz zapisok ochevidtsa)*. Available at: https://biblio.kz/m/articles/view/Kitay-60-kh-godov. (In Russ.).

Zhelokhovtsev, A. N. (1973). «*Kulturnaya revolyutsiya» s blizkogo rasstoyaniya (Zapiski ochevidtsa)*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).

Zhou Enlai. (1962). On the Question of Intellectuals. In: *Communist China 1955—1959: Policy Documents with Analysis*. Cambridge: Center for International Affairs. 128—144.

References

Bondareva, V. V. (2015). Otechestvennyye i zarubezhnyye issledovateli o roli, sushchnosti i khronologii «kulturnoy revolyutsii» 1966—1976 gg. V Kitae*. Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya, 10 (100):* 24—29. (In Russ.).

Bovin, A. E., Delyusin, L. P. (1968). *Politicheskiy krizis v Kitae: sobytiya i prichiny*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).

Burlatskiy, F. M. (1979). *Mao Tszedun i ego naslednik*i. Moskva : Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russ.).

Delyusin, L. P. (1967). *Kulturnaya revolyutsiya v Kitae*. Moskva: Znaniye. (In Russ.).

Eliseev, G. P., Krushinskiy, A. S., Milyutenko, V. B. (1967.). *Krichashchiye batalony. Tak nazyvaemaya «velikaya proletarskaya kulturnaya revolyutsiya» Kitaya vblizi.* Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).

Fan Syao. *Kitayskie SMI raskryvayut zapreshchennye stranitsy istorii Kitaya*. Available at: www.epochtimes. ru/content/view/62997/4. (In Russ.).

Goidman, M. (1973). The Chinese Communist Party's «Cultural Revolution» of 1962—1964. In: *Ideology and Politics in Contemporary China*. Seattle: Washington University Press. 219—254.

His-sheng, Ch'i. (1991). *Politics of Disillusionment: The Chinese Communist Party under Deng Xiaoping, 1978— 1989*. Armonk, New York: M. E. Sharpe, Inc.

Kissindzher, G. (2014). *O Kitae.* Moskva: AST. (In Russ.).

Leberhal, K. (1993). The Great Leap Forward and the Split in Yan'an Leadership: 1958—1965. *The Politics of China: 1949—1989*. New York: Cambridge University Press. 87—147.

MacFarquhar, R., Schoenals, M. (2006). *Maos Last Revolution*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Meisner, M. (1977). *Mao's China: A History of the People's Republic*. New York: Simon and Schuster.

Pantsov, A. V. (2012). *Mao Tszedun*. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).

Short, F. (2001). *Mao Tszedun*. Moskva: AST. (In Russ.).

Sidikhmenov, V. Ya. (1969). Protiv falsifikatsii marksistsko-leninskogo ucheniya o klassakh i klassovoy borbe. In*: Antimarksistskaya sushchnost' vzglyadov i politiki Mao Tszeduna:* sbornik statey. Moskva: Politizdat. 125—130. (In Russ.).

Snow, E. (1961*). Red Star over China*. New York: Grove press, Inc.

Thurston Anne F. (1987). *Enemies of the People*. New York: Alfred A. Knopf.

Usov, V. N. (1991). «Kulturnaya revolyutsiya» v Kitae. In: *Kitay: istoriya v litsakh i sobytiyakh*. Moskva: Politizdat. 157—160. (In Russ.).

Usov, V. N. (2003*). Kitayskiy Beriya Kan Shen*. Moskva: Olma-press. (In Russ.).

Xing, Lu. (2004). *Rhetoric of the Chinese Cultural Revolution: The Impact on Chinese Thought, Culture, and Communication*. Columbia: University of South Carolina Press.

Yan Jiaqio,, Gao Gao. (1996.). *Turbulent Decade: A History of Cultural Revolution*. Honolulu: University of Hawai'i Press.

Гайданка Е. И. Либерализация государственного режима в условиях кризиса социализма: словацкий контекст (середина 1980-х — 1992 годов) / Е. И. Гайданка // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 367—382. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-367-382.

Haydanka, Ye. I. (2020). State Regime Liberalization in Conditions of Crisis of Socialism: Slovak Context (mid-1980s—1992). *Nauchnyi dialog, 8:* 367-382. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-367-382. (In Russ.).

УДК 323.2(437.6)«1980/1992»:329.12+328.16
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-367-382

Либерализация государственного режима в условиях кризиса социализма: словацкий контекст (середина 1980-х — 1992 годов)

© **Гайданка Евгений Иванович (2020),** orcid.org/0000-0001-8112-2090, Researcher ID M-7335-2018, кандидат политических наук, доцент, факультет философии и гуманитарных наук, Трнавский университет (Трнава, Словакия), yevheniy.haydanka@truni.sk.

В статье рассмотрена трансформация словацкого государственного режима в период изменения системы социалистического управления середины 1980-х — 1992 годов. Определено, что существенное влияние на дальнейшие успехи демократических преобразований оказал исторический период либерализации коммунистического режима. Предметом анализа выступила общественная и церковная оппозиция в социалистической Словакии. Установлен факт идеологической эволюции оппозиционного движения «Общественность против насилия». Отмечается, что движение за независимость в Словакии 1989—1992 годов, которое инициировалось словацкой элитой во главе с Владимиром Мечияром, существенно снизило интенсивность демократического перехода. Утверждается, что в первой половине 1990-х годов Владимир Мечияр выстроил прочную вертикаль исполнительной власти, подкрепленную доминированием в парламенте Движения за демократическую Словакию. Подчеркивается, что первые конкурентные парламентские выборы в Словакии 1990-го и 1992-го годов не смогли стабилизировать общественно-политическую ситуацию в стране, несмотря на интенсивное развитие многопартийности.

Ключевые слова: посткоммунистическая Словакия; демократические преобразования; Общественность против насилия; мечияризм; церковная оппозиция; антикоммунистическая оппозиция; Чехословацкая федерация.

1. Введение

Общественно-политические изменения в ряде стран Центрально-Восточной и Южной Европы конца 1980-х — начала 1990-х годов до сих пор остаются наиболее масштабным экспериментом по системной трансформации в мире. Дело даже не в том, что состоялся самый значительный переход ряда стран от авторитарных основ социалистического управле-

ния к началу новых демократий. С позиций 2020 года (более 30 лет постсоциалистического реформирования осталось позади) гораздо больший интерес вызывают исторические условия и общественные преобразования в странах, в частности, в период эрозии социалистической модели и начала либерализационных процессов. Ведь по итогам демократической трансформации слишком разными оказались конечные результаты реформирования политических систем стран бывшего соцлагеря — от консолидированных демократий к крепким автократиям. Считаем, что лучше понять логику реформирования и определить общий вектор либерализации государственных социалистических режимов можно, изучив особенности возникновения оппозиционных общественных движений и распространения демократических идей. В этом аспекте актуализируется вопрос определения специфики словацкой транзитивности, существенно осложняющегося тем, что Чехословацкая Социалистическая Республика (далее — *ЧССР*) являла собой федеративную модель. В конце концов, даже на современном этапе Словакия время от времени переживает проявления кризисов в функционировании как общественных [Sociálny ..., 2010], управленческих [Haydanka, 2019], так и политических институтов [Martinkovič, 2018].

Конечно, в научной сфере тематика исторических предпосылок и процесса трансформации государственных режимов на постсоциалистическом пространстве является достаточно разработанной. Это касается также опыта государственного реформирования периодов чехословацкого федерализма и начального словацкого республиканства. Среди фундаментальных исследований общественных изменений чехословацкого (словацкого) исторического периода середины 1980-х — начала 1990-х годов выделяются труды таких российских исследователей, как Э. Задорожнюк, В. Марьина, Е. Серапионова [Задорожнюк и др., 2005; Чехия ..., 2005], Ю. Новопашин [История ..., 2007], Н. Коровицына [Коровицына, 2001], Ю. Щербакова [Щербакова, 2004] и ряд других ученых. Однако считаем, что история разрушения коммунистических режимов и начала развития новых демократических стран на национальной основе не потеряла своей актуальности, особенно в регионе центрально-восточных европейских стран.

2. Зарождение и институализация словацкого оппозиционного движения

Непосредственно началом либерализации государственного режима в социалистической Словакии следует считать активизацию антиком-

мунистической общественной оппозиции в середине 1980-х годов. Учитывая текущие исторические обстоятельства, считаем, что основными предпосылками формирования оппозиционных к политике, проводимой Коммунистической партией Чехословакии, общественных движений и организаций стали, во-первых, внешний фактор, а точнее, начало периода «перестройки» в СССР и, соответственно, ослабление контроля за ЧССР со стороны Москвы; во-вторых, национально-исторические особенности и конституционные принципы «реального социализма» 1960-х годов.

Специфика оппозиционного движения в социалистической Словакии заключалась в том, что первые оппозиционные организации отстаивали в основном требования реализации прав на вероисповедание, улучшения социально-экономического положения в стране и регионах, беспокоились о праве на духовную и культурную самобытность словацкого народа. Следовательно, деятельность словацкой оппозиции практически не была посвящена сложным вопросам политических изменений в стране, в частности, кардинальным преобразованиям, связанным с уходом государства от социалистической модели управления. Оппозиционное движение Словакии второй половины 1980-х годов следует разделять по двум основным направлениям: диссидентское движение и церковная оппозиция.

Далее рассмотрим два общих направления диссидентского движения, которые представлены в работе [Центральноевропейские ..., 2003, с. 160]:

1. Организации по защите прав человека. В первую очередь, это *Хартия-77*, деятельность которой поддерживали диссиденты. Так, от Словакии Хартию подписали многие участники оппозиции, среди которых наиболее активными были Ян Млинарик, Мирослав Куси, Доминик Татарка и др. На протяжении 1977—1989 годов Хартия всего насчитывала 1883 члена, среди которых было 50 словаков. Традиционным средством борьбы являлся «самиздат», в частности, членами Хартии всего было создано и распространено 598 документов, которые касались прежде всего улучшения экологической ситуации, отстаивания гражданских прав и религиозных свобод [Charta 77 …].

2. Общественно-экологическое движение. Основной целью деятельности экологических организаций стала не только защита окружающей среды, но и требование постепенного улучшения социально-экономической жизни граждан. Так, в 1987 году издается нелегальная работа «Братислава вслух» (*«Bratislava nahlas»*) [Bratislava ..., 1987], в которой основным требованием стала необходимость улучшения социально-экономического положения в стране.

Специфической особенностью процесса либерализации в Словакии, в отличие от Чехии того периода, было наличие в стране крепкой церковной антикоммунистической оппозиции. Отстаивая религиозную самобытность словацкого народа, церковь вступала в конфронтацию с социалистической властью и господствующей в обществе идеологией. Одним из самых массовых было католическое движение, которое возглавлял Ян Чарногурский. Печатным органом католической оппозиции являлся нелегальный журнал «Братиславские письма» (*«Bratislavske listy»*) [Bratislavské ..., 1988—1989].

Результатами деятельности церковной оппозиции стали массовые антикоммунистические митинги во второй половине 1980-х годов. Только в наиболее масштабных оппозиционных акциях приняли участие более полумиллиона верующих (табл. 1).

Таблица 1

Самые масштабные церковные оппозиционные шествия в Словакии (1986—1988 годах)

Дата	Место проведения	Количество (приблизительное)
Март 1986 года	г. Шаштин	50 тыс.
Июль 1986 года	г. Левоч	250 тыс.
Июль 1986 года	г. Габолтове	100 тыс.
Март 1988 года	г. Братислава	100 тыс.

Источник: [Центральноевропейские ..., 2003, с. 160].

19 ноября 1989 года начало свою деятельность антикоммунистическое общественное движение «Общественность против насилия» (далее — ГПН). Уже в начале своей деятельности эта организация прошла существенную идеологическую эволюцию — от отрицания идеологических основ развития «социализма с человеческим лицом» к отстаиванию новых демократических принципов. Подтверждением этому являются требования, которые выдвигали представители ГПН к коммунистической элите. Можно выделить три основных события в идеологической эволюции ГПН:

20 ноября 1989 года — Координационный Комитет ГПН выдвигает требования к коммунистической власти: а) осуждение социально-экономического и идеологического социалистического развития Словакии; б) улучшение социального медицинского обеспечения и в) деидеологизация образования и культурной сферы;

21 ноября 1989 года — лидеры ГПН обращаются к республиканским и федеральным органам власти с новыми требованиями: а) исторической реабилитации и уголовного расследования событий «Пражской весны»

1968 года; б) освобождения политзаключенных и в) проведения равноправных политических переговоров между оппозицией (ГПН) и коммунистами (КПЧ);

25 ноября 1989 года было обнародовано программное заявление ГПН, которое включало следующие требования: а) ликвидацию руководящей роли КПЧ; б) проведение свободных выборов в республиканский парламент; в) гарантию свободы СМИ; г) свободу массовых оппозиционных собраний и д) свободу предпринимательства.

Все эти идеологические требования менялись молниеносно в соответствии с текущими общественными обстоятельствами конца 1989 года. Таким образом, в течение одной недели движение «Общественность против насилия» заявило о себе как о «гражданской инициативе, которая стремится <...> предлагать необходимые решения и добиваться их реализации» [Центральноевропейские ..., 2003, с. 166].

3. Чехословацкий фактор демократических изменений

Рассматривая этапы демократического реформирования Словакии, значительное внимание необходимо уделить изменениям в республиканской и федеральной Конституциях Чехии и Словакии на пути обеих стран к политической независимости. Более того, политические дискуссии, касающиеся возможности дальнейшего существования федерации в Чехословакии, внутри этих стран стали серьезным импульсом к демократизации Чешской и Словацкой Республик, поскольку с самого начала либерализации на чешских и словацких землях в 1990 году одним с актуальнейших вопросов общенационального масштаба стала конституционная дилемма относительно возможности дальнейшего существования чехословацкой федерации или же приоритета национальных республик. Соответственно, необходимо было определить приоритет либо республиканских Конституций, либо Конституции ЧССР. Одним из первых действий конституционного реформирования государственного устройства Чехословакии стал Конституционный Закон № 110, принятый федеральным парламентом в апреле 1990 года. Этот правовой документ определял государственный союз Чехии и Словакии как Чешскую и Словацкую Федеративную Республику [Rychlík ..., 2002, s. 124].

Политическими элитами Чехии и Словакии отстаивались две модели существования государства (государств) после краха коммунистического режима:

1) федералистская, которая допускала возможность будущего государственного объединения словаков и чехов исключительно в форме фе-

дерации или конфедерации с единой системой конституционных, политических и экономических ресурсов управления. Приверженцами этой идеи были президент Чехословацкой Федеративной Республики (далее — ЧСФР) Вацлав Гавел и председатель правительства Чешской Республики Вацлав Клаус.

2) республиканская, которая опиралась на постепенную автономизацию обоих субъектов федерации с целью полной независимости друг от друга Чешской и Словацкой Республик. В этой модели все федеральные органы государственного управления должны быть ликвидированы, в том числе должно прекратить свое действие и федеральная Конституция. Вместо этого в республиках необходимо было разработать и принять новые республиканские Конституции. Отстаивал идею республиканства глава правительства Словацкой Республики Владимир Мечияр.

После проведения первых свободных парламентских выборов в 1990 году стремление к федеративному разрыву с Чехией и развитию независимого словацкого государства окончательно закрепилось не только в политической сфере, но и социуме Словакии. В частности, Владимир Мечияр отметил необходимость «развития модели федерации, в которой национальные республики имеют полноценную власть» [Novembrova ..., 2002, s. 96]. Тем самым со стороны Словакии была отвергнута государственная федералистская концепция Вацлава Гавела, который отстаивал конституционный принцип паритета компетенций федеральных и республиканских Конституций.

Фактически с конца 1990 года Чехия и Словакия избрали абсолютно разные направления демократического реформирования. Чехия беспокоилась в первую очередь о реформировании экономической системы; политическая элита Словацкой Республики стремилась к национальному и государственному самоопределению и независимости [Власть ..., 2006, с. 309]. Постепенные политические переговоры и изменение конституционного законодательства привели к созданию 1 января 1993 года двух независимых стран — Чешской Республики и Словацкой Республики (табл. 2).

Становление независимой Словацкой Республики стало своеобразным образцом легального распада коммунистического государства, имеющего форму федерации, что существенно отличалось от аналогичных процессов в СССР и Югославии. С другой стороны, имела место возможность использования национального вопроса между чехами и словаками в контексте проведения парламентских избирательных кампаний в Чехии и Словакии в 1990 году и 1992 году (со стороны Вацлава Клауса и Владимира Мечияра).

Таблица 2

Хронология обретения независимости Словацкой Республики (политико-правовой аспект)

Дата	Инициаторы	Последствия
8—9 августа 1990 года (г. Тренчианске Теплице)	Премьер-министр Чешской Республики Петр Питгарт и премьер-министр Словацкой Республики Владимир Мечияр	Принятие совместной резолюции с целью разработки новых демократических Конституций в Чехии и Словакии, которые направлены на демократическое развитие Чехословацкой федерации.
17 августа 1990 года (г. Прага)	Лидеры Гражданского форума, Лидеры ГПН, Президент ЧСФР Вацлав Гавел	Принятие резолюции о создании конфедеративного союза Чехии и Словакии на основе независимости двух республик.
12 декабря 1990 года	Федеральное Собрание ЧСФР	Новелизация Закона о федерации 1968 года (Закон о компетенциях) [Ústavný ..., 1990, č. 46]. В соответствии с законом большинство государственных компетенций делегировалось от федерального уровня республиканскому.
17 июля 1992 года	Национальний совет Словакии	Принятие Декларации о государственном суверенитете Словацкой Республики [Deklarácia ..., 1992].
22—23 июля 1992 года	Правительства Чешской и Словацкой Республик	Разработка предложения Федеральному Собранию о принятии законопроекта о ликвидации ЧСФР.
1 сентября 1992 года	Национальний совет Словакии	Принятие Конституции независимой Словацкой Республики [Ústavný ..., 1992, č. 460].
25 ноября 1992 года	Федеральное Собрание ЧСФР	Принятие Закона о ликвидации Чехословацкой Федерации [Ústavný ..., 1992, č. 542].
31 декабря 1992 года — 1 января 1993 года	Правительства Чешской и Словацкой Республик	Вступление в действие Закона о ликвидации ЧСФР и де-юре создание Чешской Республики и Словацкой Республики.

Источник: составлено автором на основе анализа общественно-исторических событий и правовых документов в транзитивной Чехословакии [Hilde, 1999].

4. Первые постсоциалистические шаги новой Словацкой Республики

Начало периода постсоциализма в Словакии определить достаточно трудно. Вместе с тем наиболее важные шаги по будущему реформированию страны закладывались ориентировочно в период 1989—1992 годов. Именно тогда антикоммунистическое движение не только оформилось как антиидеологическое, но и появились отдельные общественно-политические акторы, которые начали претендовать на монополию коммунистов на власть (в первую очередь, лидеры ГПН, вроде Владимира Мечияра). Указанные субъекты сначала выполняли исключительно оппозиционную функцию, но в течение нескольких лет уже определяли общие векторы будущих реформ. Сложность в определении институционального дизайна будущих реформ заключалась не только в развитии чего-то нового, ориентировочно демократического, но и в неудержимом желании новой словацкой элиты получить независимость для Словакии. В то же время Словакия стала одной из немногих посткоммунистических стран, в которой в начале 1990-х годов сложились оптимальные политические и правовые условия для начала развития новой демократической страны. С обретением независимости словацкая политическая элита неофициально задекларировала приоритет конституционного принципа сдержек и противовесов в системе власти. Именно с помощью оптимизации полномочий и взаимодействия органов государственной власти в стране были заложены основы для развития демократических институтов.

Показательным для Словакии является то, что новая Конституция была принята 1 сентября 1992 года, еще до фактического обретения независимости, когда Словацкая Республика пребывала в федеративном союзе с Чехией. Юридическую силу Конституция Словацкой Республики обрела 1 октября 1992 года. О демократическом характере Конституции Словацкой Республики свидетельствует, в частности, первая статья, в которой отмечается, что Словакия является «суверенным, демократическим и правовым государством, которое не опирается на каки-либо идеологии или религии» [Ústavný ..., 1992, č. 460]. Важно, что в Конституционном акте сразу четко определилась плюральная структура высших органов государственной власти. Так, они разделялись на высший законодательный орган — Национальный Совет Словацкой Республики (ст. 72), высший исполнительный орган — правительство (ст. 108) и главу государства — президента (ст. 101) [Ibid.].

Анализируя трансформацию политического режима посткоммунистической Словакии, полагаем, что значительное внимание необходимо уделить развитию политических партий и становлению плюральной партийной системы. После ликвидации монополии на власть КПЧ (отмена

30 ноября 1989 года четвёртой статьи Конституции ЧССР о руководящей общественной роли КПЧ) в Словакии начался процесс постепенного перехода к политическому плюрализму.

Достаточно показательной для понимания логики либерализации в Словакии является логика деятельности крупнейшей оппозиционной антикоммунистической силы ГПН. По своей идеологической составляющей ГПН во многом близка к аналогичным антикоммунистическим оппозиционным движениям в Польше («Солидарность») и Чехии («Гражданский форум»). Институциональная близость между ГПН, «Солидарностью» и Гражданским форумом заметна в том, что ГПН в Словакии также стала основным общественно-политическим двигателем многопартийности и в целом демократического процесса. При этом достаточно неоднозначным является процесс партийной дифференциации, который начался внутри ГПН после первых альтернативных парламентских выборов. Общереспубликанское антикоммунистическое движение распалось на две партийные организации — Движение за демократическую Словакию (далее — ДЗДС) и Гражданский демократический союз. При этом ДЗДС во главе с Владимиром Мечияром в дальнейшем становится центральным актором в политической жизни, от которого напрямую зависят успех или неудачи демократического реформирования страны, углубление евроатлантической интеграции и тому подобное. Безусловно, деятельность Владимира Мечияра на словацком политическом олимпе была во многом неоднозначной [Haughton, 2001; Szomolányi, 2004]. Что касается быстрого распада наибольшей оппозиционной структуры, то эта тенденция характерна для партийно-политического строительства большинства стран, находящихся в состоянии перехода от коммунистического правления к демократическому. Можем выделить три основных фактора распада ГПН:

а) ГПН выполнила свою историческую миссию, способствуя распаду коммунистической системы и инициируя словацкое республиканское движение за независимость;

б) по сути ГПН выполняла функции общественно-политического движения, а для нового этапа независимости в Словакии оптимальной моделью для борьбы за власть являлась уже политическая партия (плюральная партийная система опирается на развитый институт политических партий);

в) новый период постсоциализма требовал обновления политической элиты, что вместе с политическими амбициями Владимира Мечияра привело к распаду ГПН и созданию новых партийных субъектов.

С началом постсоциализма формируется первый этап развития словацкой многопартийности, который охватывает период 1989—1991 годов.

Именно в течение этих нескольких лет в Словакии на общей волне антикоммунизма и деидеологизации общества возникают первые альтернативные КПЧ общественные движения и политические партии. В программных документах новых политических сил центральное внимание отводилось правовому статусу Словакии в федеративном союзе с Чехией — от конфедерации к самостоятельному развитию на республиканских началах. Конечно, для постсоциалистической Словакии определяющим стало построение молодой национальной республики, что так или иначе отображено в программах новых политических сил. Так, в течение 1989—1991 годов словацкая политика получила широкий идеологический спектр акторов — от традиционных антикоммунистов ГНП к евроскептикам Словацкой народной партии [Register ..., 2020; Rybář, 2011; Politické .., 2005].

Первые конкурентные парламентские выборы в Словакии состоялись в июне 1990 года и в дальнейшем закрепились проведением еще десяти парламентских избирательных кампаний (1992—2020 годы). Основным результатом для политической фрагментации постсоциалистической Словакии стало поражение коммунистов и полная победа бывших оппозиционных сил [Výsledky volieb rok, 1990]. Победа оппозиции на республиканском и федеральных уровнях стала заключительной стадией демонтажа коммунистической системы управления. Главной задачей новой парламентской коалиции во главе с ГПН стало проведение эффективных демократических реформ в транзитивном словацком обществе.

Следует отметить еще одну особенность расстановки политических сил в постсоциалистической Словакии. Определяющей чертой формирования словацкой партийной структуры в течение 1990-х годов стало укрепление политических позиций Владимира Мечияра. С самого начала в своем отношении к общественным преобразованиям Владимир Мечияр часто эксплуатирует популистские идеи и опирается на принципы централизованного управления, в основе которого находится крепкий институт премьер-министра. Очевидно, стремясь к укреплению собственных политических позиций, в 1991 году Владимир Мечияр выходит из партийных рядов либеральной ГПН и создает консервативный ДЗДС, который сразу становится влиятельной силой на политической сцене.

Следующие парламентские выборы состоялись в июне 1992 года и ознаменовались победой ДЗДС, что существенно укрепило позиции Владимира Мечияра на парламентском уровне [Výsledky volieb rok, 1992]. Премьер-министром страны снова прогнозируемо становится Владимир Мечияр. Но имеющиеся нерешенные социально-экономические проблемы и дифференциация внутри ДЗДС (преимущественно из-за авторитарного

стиля руководства лидера партии) приводят в 1994 году к кратковременной отставке Владимира Мечияра с поста премьер-министра. Отметим, что Мечияру удалось в третий раз возглавить Правительство Словакии на длительный период (1994—1998 годы).

Приведенные факты из общественно-политической жизни Словакии 1989—1992 годов свидетельствуют о высоком уровне турбулентности словацкого общества. Период постсоциализма не только способствовал возникновению Словацкой Республики как самодостаточной страны, но и ознаменовался «стабильной нестабильностью» в попытках развития новой парламентской демократии на национальной основе.

5. Заключение

Таким образом, период позднего социализма и раннего постсоциализма существенно влияют на дальнейший успех перехода политической системы Словакии к демократической модели. Учитывая словацкий опыт, выделим следующие особенности политических процессов в стране:

1. Оппозиционные движения в Словакии возникли в период кризиса социализма середины 1980-х годов. Эти движения носили общественный характер и практически не выдвигали политических требований по изменению существующего коммунистического строя. Основными оппозиционными формами участия в политической жизни стали экологические инициативы и вопросы вероисповедания. В завершающей фазе кризиса коммунистического строя, в конце 1989 года, оппозиционное движение институализируется и свою деятельность начинает ГПН.

2. После краха коммунистической системы следующим неразрешенным вопросом для Словакии стал выбор будущего государственный формата — status quo федеративного союза с Чехией или новая республиканская модель на самостоятельной основе. В течение 1990—1992 годов Чехословацкая федерация была «нежно» разрушена, что инициировалось прежде всего словацкой элитой (Владимир Мечияр), так как чешская элита (Вацлав Клаус, Вацлав Гавел) стремилась сохранить имеющийся федеральный формат. Считаем, что чехословацкий фактор сыграл одну из решающих ролей в словацком демократическом переходе, ведь вопрос независимости имел высокий уровень популизма в стране.

3. Период раннего постсоциализма (1989—1992 годы) в Словакии ознаменовался целым рядом кризисных явлений, вызванных как попытками либерализации общественно-политической жизни, так и движением за независимость внутри страны. Именно в этот период начинает формироваться крепкая исполнительная вертикаль власти во главе с Владимиром

Мечияром и доминированием в парламенте ДЗДС. В то же время сделаны весомые и необходимые шаги страны на пути к демократическому реформированию: принята демократическая Конституция, развита многопартийность с разнообразным идеологическим спектром (от антикоммунизма к евроскептицизму), состоялись первые конкурентные парламентские выборы (1990 год и 1992 год). Таким образом, были заложены необходимые предпосылки для дальнейшего углубления демократических реформ, которые в конечном итоге зависели от политического курса словацких элит и уровня развития словацкого гражданского общества.

Acknowledgments: Работа выполнена в рамках реализации грантового проекта VEGA 1/0131/18 (Словацкая Республика) «Европа в движении. Поликаузальность действующего кризиса демократии и расцвет экстремизма в Европе» / The research was carried out within the framework of the VEGA Project 1/0131/18 (Slovak Republic) entitled «Europe in Movement. Multicausality of Present Democracy Crisis and the Rise of Extremism in Europe».

Источники

1. *Bratislava* nahlas, 1987 [Electronic resource] / J. Budaj (ed.). — Access mode : https://monoskop.org/images/1/1d/Budaj_Jan_ed_Bratislava_nahlas.pdf.

2. *Bratislavské* listy [Electronic resource] / J. Čarnogurský, J. Langoš (redakcia). — 1988. — № 1-2; 1989. — № 1-3 // Samizdat.sk. — Access mode : http://www.samizdat.sk/bratislavske-listy.

3. *Charta* 77 a Slovensko [Electronic resource] // Ústav pamäti národa; European Network Remembrance and Solidarity. — Access mode : https://www.upn.gov.sk/data/files/skladacky-2017-9_10.pdf.

4. *Deklarácia* Slovenskej národnej rady o zvrchovanosti Slovenskej republiky [Electronic resource] : uznesením zo 17. júla 1992 číslo 26 // Národná rada Slovenskej republiky. — Access mode : https://www.nrsr.sk/web/Static/sk-SK/NRSR/Doc/v_deklaracia-o-zvrchovanosti.htm.

5. *Register* politických strán a politických hnutí [Electronic resource] // Ministerstvo vnútra Slovenskej republiky, sekcia verejnej správy, 2020. — Access mode : http://ives.minv.sk/rez/registre/pages/start.aspx?type=ps.

6. *Ústavný* zákon č. 46/1990 Zb. [Electronic resource] // Zákony pre ľudí.sk. — Access mode : https://www.zakonypreludi.sk/zz/1990-46.

7. *Ústavný* zákon č. 460/1992 Zb. Ústava Slovenskej republiky [Electronic resource] // Zákony pre ľudí.sk. — Access mode : https://www.zakonypreludi.sk/zz/1992-460.

8. *Ústavný* zákon č. 542/1992 Zb. Ústavný zákon o zániku Českej a Slovenskej Federatívnej Republiky [Electronic resource] // Zákony pre ľudí.sk. — Access mode : https://www.zakonypreludi.sk/zz/1992-542.

9. *Výsledky* volieb rok 1990 [Electronic resource] // Štatistický úrad Slovenskej republiky. — Access mode : http://volby.statistics.sk/nrsr/snr1990/volby90_s/uvod90.htm.

10. *Výsledky* volieb rok 1992 [Electronic resource] // Štatistický úrad Slovenskej republiky. — Access mode : https://volby.statistics.sk/nrsr/snr1992/volby92s/uvod92.htm.

Литература

1. *Власть* — общество — реформы : Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / отв. ред. Э. Задорожнюк. — Москва : Наука, 2006. — 442 с. — ISBN 5-02-010359-4.

2. *Задорожнюк Э.* Чешско-словацкие отношения: от «режима нормализации» 1969 года к «бархатной» революции 1989 года / Э. Задорожнюк // Новая и новейшая история. — 2005. — № 6. — С. 15—33.

3. *История* антикоммунистических революций конца XX века : Центральная и Юго-Восточная Европа / отв. ред. Ю. Новопашин. — Москва : Наука, 2007. — 397 с. — ISBN 5-02-0355521-6.

4. *Коровицына Н.* «Бархатные» революции как феномен массового сознания восточноевропейцев / Н. Коровицына // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы : взгляд через десятилетие / под ред. Э. Задорожнюк, Ю. Новопашина. — Москва : Наука, 2001. — С. 43—55. — ISBN 5-02-008748-3.

5. *Центральноевропейские* страны на рубеже XX—XXI вв. Аспекты общественно-политического развития : историко-политологический справочник / отв. сост. Ю. Новопашин. — Москва : Новый хронограф, 2003. — 256 с. — ISBN 5-94881-007-0.

6. *Чехия* и Словакия в XX веке: очерки истории / под. ред. Э. Задорожнюк, Е. Серапионова, В. Марьина. — Москва : Наука, 2005. — Кн. 2. — 558 с. — ISBN 5-02-010350-0.

7. *Щербакова Ю.* Политический плюрализм и демократическое развитие Чехии и Словакии (конец 80-х — 90-е годы XX в.) : монография / Ю. Щербакова. — Москва : ИНИОН РАН, 2004. — 127 с. — ISBN 5-248-00192-7.

8. *Haughton T.* HZDS: The Ideology, Organisation and Support Base of Slovakia's Most Successful Party / T. Haughton // Europe-Asia Studies. — 2001. — Vol. 53, No. 5. — P. 745—769. — DOI: 10.1080/09668130120060251.

9. *Haydanka Y.* Transformation and quality of the government in the Slovak republic / Y. Haydanka // Byrokracia verzus vedomostná organizácia v prostredí verejnej správy / D. Rovenská, E. Župová (eds.). — Košice : Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach, 2019. — S. 107—113. — DOI: 10.33542/BVV2019-822-4.

10. *Hilde P. S.* Slovak Nationalism and the Break-Up of Czechoslovakia / P. S. Hilde // Europe-Asia Studies. — 1999. — Vol. 51, No. 4. — P. 647—665. — DOI: 10.1080/09668139998831.

11. *Martinkovič M.* Regionálne voľby do VÚC ako prejav krízy funkčnosti strán v Slovenskom straníckom systéme / M. Martinkovič // Politologická analýza regionálnych volieb 2017 na Slovensku / I. Dudinská, M. Cirner, G. Székely (eds.). — Prešov : Vydavateľstvo Prešovskej university, 2018. — S. 39—49. — ISBN 978-80-555-2128-2.

12. *Novembrova* revolucia a česko-slovensky rozchod : od česko-slovenskej federacie k samostatnej demokratickej slovenskej štatnosti: vyber dokumentov a prejavov (november 1989 — december 1992) / pod. red. V. Hlavova, J. Žatkuliak. — Bratislava : Literarne informačne centrum, 2002. — 380 s. — ISBN 8-08-887875-6.

13. *Politické* strany: vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu, 1861—2004 / J. Malíř, P. Marek a kol. — Brno : Nakladatelství Doplněk, 2005. — ISBN: 80-7239-179-8.

14. *Rybář M.* Medzi štátom a spoločnosťou : Politické strany na Slovensku po roku 1989 / M. Rybář. — Bratislava : DEVIN printing house, 2011. — 160 s. — ISBN 978-80-89493-06-7.

15. *Rychlík J.* Rozpad Ceskoslovenska. Cesko-slovenske vztahy, 1989—1992 / J. Rychlík. — Bratislava : Academic Electronic Press, 2002. — 458 s. — ISBN 978-80-8888-002-8

16. *Sociálny* kapitál, ľudský kapitál a chudoba v regiónoch Slovenska : zborník statí / I. Pauhofová, O. Hudec, T. Želinský (eds.). — Košice : TU Košice, 2010. — 103 s. — ISBN 78-80-553-0573-8.

17. *Szomolányi S.* Slovakia: From a Difficult Case of Transition to a Consolidated Central European Democracy / S. Szomolányi // Democracy and Market Economics in Central and Eastern Europe : Are New Institutions Being Consolidated? / T. Hayashi (ed.). — Sapporo : Slavic Research Center, Hokkaido University, 2004. — P. 149—188. — ISBN 4-938-63731-6.

State Regime Liberalization in Conditions of Crisis of Socialism: Slovak Context (mid-1980s—1992)

© Yevheniy I. Haydanka (2020), orcid.org/0000-0001-8112-2090, ResearcherID M-7335-2018, PhD in Political Sciences, associate professor, Faculty of Philosophy and Arts, Trnava University (Trnava, Slovakia), yevheniy.haydanka@truni.sk.

The article deals with the transformation of the Slovak state regime in the period of changes in the system of socialist governance in the mid-1980s — 1992. It is determined that the historical period of liberalization of the Communist regime had a significant impact on the further success of democratic transformations. The subject of the analysis was the public and Church opposition in socialist Slovakia. The fact of the ideological evolution of the opposition movement "Public against violence" has been established. It is noted that the movement for independence in Slovakia in 1989—1992, which was initiated by the Slovak elite led by Vladimir Mechiyar, significantly reduced the intensity of the democratic transition. It is claimed that in the first half of the 1990s Vladimir Mechiyar built a strong vertical of Executive power, supported by the dominance of the Movement for a democratic Slovakia in the Parliament. It is emphasized that the first competitive parliamentary elections in Slovakia in 1990 and 1992 failed to stabilize the socio-political situation in the country, despite the intensive development of multiparty systems.

Key words: post-Communist Slovakia; democratic transformations; Public against violence; mechiyarism; Church opposition; anti-Communist opposition; Czechoslovak Federation.

Material resources

Budaj, J. (ed.). (1987). *Bratislava nahlas*. Available at: https://monoskop.org/images/1/1d/Budaj_Jan_ed_Bratislava_nahlas.pdf. (In Slov.).

Čarnogurský, J., Langoš, J. (eds.). (1988—1989). Bratislavské listy, 1—3. In: *Samizdat.sk.* Available at: http://www.samizdat.sk/bratislavske-listy. (In Slov.).

Charta 77 a Slovensko. (2017). In: *Ústav pamäti národa; European Network Remembrance and Solidarity.* Available at: https://www.upn.gov.sk/data/files/skladacky-2017-9_10.pdf. (In Slov.).

Deklarácia Slovenskej národnej rady o zvrchovanosti Slovenskej republiky: uznesením zo 17. júla 1992 číslo 26. (1992). In: *Národná rada Slovenskej republiky*. Available at: https://www.nrsr.sk/web/Static/sk-SK/NRSR/Doc/v_deklaracia-o-zvrchovanosti.htm. (In Slov.).

Register politických strán a politických hnutí. (2020). In: *Ministerstvo vnútra Slovenskej republiky, sekcia verejnej správy*. Available at: http://ives.minv.sk/rez/registre/pages/start.aspx?type=ps. (In Slov.).

Ústavný zákon č. 46/1990 Zb. In: *Zákony pre ľudí.sk*. Available at: https://www.zakonypreludi.sk/zz/1990-46. (In Slov.).

Ústavný zákon č. 460/1992 Zb. Ústava Slovenskej republiky. In: *Zákony pre ľudí.sk.* Available at: https://www.zakonypreludi.sk/zz/1992-460. (In Slov.).

Ústavný zákon č. 542/1992 Zb. Ústavný zákon o zániku Českej a Slovenskej Federatívnej Republiky. In: *Zákony pre ľudí.sk*. Available at: https://www.zakonypreludi.sk/zz/1992-542. (In Slov.).

Výsledky volieb rok (1990). In: *Štatistický úrad Slovenskej republiky*. Available at: http://volby.statistics.sk/nrsr/snr1990/volby90_s/uvod90.htm. (In Slov.).

Výsledky volieb rok. (1992). In: *Štatistický úrad Slovenskej republiky*. Available at: https://volby.statistics.sk/nrsr/snr1992/volby92s/uvod92.htm. (In Slov.).

References

Haughton, T. (2001). HZDS: The Ideology, Organisation and Support Base of Slovakia's Most Successful Party. *Europe-Asia Studies, 53/5:* 745—769. DOI: 10.1080/09668130120060251.

Haydanka, Y. (2019). Transformation and quality of the government in the Slovak republic. In: Rovenská, D., Župová, E. (eds.) *Byrokracia verzus vedomostná organizácia v prostredí verejnej správy*. Košice: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach. 107—113. DOI: 10.33542/BVV2019-822-4.

Hilde, P. S. (1999). Slovak Nationalism and the Break-Up of Czechoslovakia. *Europe-Asia Studies, 51/4:* 647—665. DOI: 10.1080/09668139998831.

Hlavov, V., Žatkuliak, J. (2002). *Novembrova revolucia a česko-slovensky rozchod: od československej federacie k samostatnej demokratickej slovenskej štatnosti*: vyber dokumentov a prejavov (november 1989 — december 1992). Bratislava: Literarne informačne centrum. ISBN 8-08-887875-6. (In Slov.).

Korovitsyna, N. (2001). «Barkhatnyye» revolyutsii kak fenomen massovogo soznaniya vostochnoevropeytsev. In: Zadorozhnyuk, E., Novopashin, Yu. (eds.). *Revolyutsii 1989 goda v stranakh Tsentralnoy (Vostochnoy) Evropy: vzglyad cherez desyatiletiye* Moskva: Nauka. 43—55. — ISBN 5-02-008748-3. (In Russ.).

Malíř, J., Marek, P. at al. (2005). *Politické strany: vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu, 1861—2004*. Brno: Nakladatelství Doplněk. ISBN 80-7239-179-8. (In Slov.).

Martinkovič, M. (2018). Regionálne voby do VÚC ako prejav krízy funkčnosti strán v Slovenskom stranickom systéme. In: Dudinská, I., Cirner, M., Székely, G. (eds.). *Politologická analýza regionálnych volieb 2017 na Slovensku*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej university. 39—49. ISBN 978-80-555-2128-2. (In Slov.).

Novopashin, Yu. (2007). *Istoriya antikommunisticheskikh revolyutsiy kontsa XX veka: Tsentralnaya i Yugo-Vostochnaya Evropa*. Moskva: Nauka. ISBN 5-02-0355521-6. (In Russ.).

Novopashin, Yu. (ed.). (2003). *Tsentralnoevropeyskiye strany na rubezhe XX—XXI vv. Aspekty obshchestvenno-politicheskogo razvitiya: istoriko-politologicheskiy spravochnik.* Moskva: Novyy khronograf. ISBN 5-94881-007-0. (In Russ.).

Pauhofová, I., Hudec, O., Želinský, T. (eds.). (2010). *Sociálny kapitál, ľudský kapitál a chudoba v regiónoch Slovenska*: zborník statí. Košice: TU Košice. ISBN 78-80-553-0573-8. (In Slov.).

Rybář, M. (2011). *Medzi štátom a spoločnosťou: politické strany na Slovensku po roku 1989*. Bratislava: DEVIN printing house. ISBN 978-80-89493-06-7. (In Slov.).

Rychlík, J. (2002). *Rozpad Ceskoslovenska. Cesko-slovenske vztahy, 1989—1992*. Bratislava: Academic Electronic Press. (In Slov.).

Shcherbakova, Yu. (2004). *Politicheskiy plyuralizm i demokraticheskoe razvitie Chekhii i Slovakii (konets 80-kh — 90-e gody XX v.): monografiya*. Moskva: INION RAN. ISBN 5-248-00192-7. (In Russ.).

Szomolányi, S. (2004). Slovakia: From a Difficult Case of Transition to a Consolidated Central European Democracy. In: Hayashi, T. (ed.). *Democracy and Market Economics in Central and Eastern Europe: Are New Institutions Being Consolidated*? Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. 149—188. ISBN 4-938-63731-6.

Zadorozhnyuk, E. (2005). Cheshsko-slovatskiye otnosheniya: ot «rezhima normalizatsii» 1969 goda k «barkhatnoy» revolyutsii 1989 goda. *Novaya i noveyshaya istoriya, 6:* 15—33. (In Russ.).

Zadorozhnyuk, E. (ed.). (2006). *Vlast' — obshchestvo — reformy: Tsentralnaya i Yugo-Vostochnaya Evropa. Vtoraya polovina XX veka*. Moskva: Nauka. ISBN 5-02-010359-4. (In Russ.).

Zadorozhnyuk, E., Serapionov, E., Mar'in, V. (eds.). (2005). *Chekhiya i Slovakiya v XX veke: ocherki istorii, 2*. Moskva: Nauka. ISBN 5-02-010350-0. (In Russ.).

Дарчиев А. В. К вопросу о значении трёхногого коня в религиозно-мифологических представлениях осетин / А. В. Дарчиев // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 383—397. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-383-397.

Darchiev, A. V. (2020). On Problem of Meaning of Three-Legged Horse in Religious and Mythological Representations of Ossetians. *Nauchnyi dialog, 8:* 383-397. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-383-397. (In Russ.).

УДК 398.221
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-383-397

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ТРЁХНОГОГО КОНЯ В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОСЕТИН

© **Дарчиев Анзор Валериевич (2020),** orcid.org/0000-0001-8534-1936, ResearcherID B-6545-2017, SPIN 7095-1837, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева — филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия), dar-anzor@yandex.ru.

Статья посвящена рассмотрению образа чудесного трёхногого коня, принадлежащего, согласно религиозным воззрениям осетин, небесному покровителю мужчин, воинов и путников Уастырджи. Актуальность исследования обусловлена тем, что Уастырджи является одним основных действующих лиц осетинского эпоса и мифологии, поэтому тщательное изучение всех связанных с ним сюжетов и персонажей способствует более полной реконструкции традиционных религиозно-мифологических представлений осетин. Кроме того, настоящее исследование является ответом на возросший в Осетии общественный интерес к данной проблематике, которая в последнее время приобрела дискуссионный характер. Подвергается критике распространённая трактовка мотива трёхногости чудесного коня как его трансформированной «огненноногости». Представлен обширный сопоставительный материал, показывающий распространённость образа трёхногого коня в фольклоре и мифологических системах разных народов мира. Автор приходит к выводу, что мотив трёхногости есть одно из проявлений солярной символики коня в мифологии. Уделяется внимание рассмотрению присущей образу трёхногого коня психопомпной функции. Новизна исследования видится в привлечении для истолкования мотива трёхногости новых аргументов (прежде всего данных индоиранской мифологии), ранее остававшихся за пределами внимания исследователей.

Ключевые слова: трёхногий конь; Уастырджи; нартовский эпос; осетинская мифология; солярный символ.

1. Критика гипотезы об «огненноногости» чудесного коня

Одним из основных персонажей осетинского религиозного пантеона является Уастырджи — небесный покровитель мужчин, воинов и путников. Тщательное изучение связанных с ним мифологических сюжетов и

образов должно способствовать более полной реконструкции архаичных религиозно-мифологических представлений осетин. Фольклорные тексты изображают Уастырджи всадником, который спускается с небес, чтобы помочь честным людям и покарать их обидчиков. Он относится к числу главных действующих лиц осетинской нартиады. Его чудесного белого коня сказители называют трёхногим (*ӕртыкъахыг*), и относительно этой особенности у исследователей существуют разные точки зрения.

В 1976 году в журнале «Мах Дуг» вышла статья осетинского поэта и прозаика Георгия Чеджемова «Нарты нӕртон Уырызмӕг», в которой особое внимание уделено мотиву трёхногости коня, принадлежащего Уастырджи. Чеджемов исходил из того, что трёхногий конь встречается исключительно в осетинской мифологии (на самом деле он известен в фольклоре разных народов мира от Северной Европы до Сибири; об этом см. ниже). Считая наличие у коня, пусть даже и мифологического, не четырёх, а всего лишь трёх ног, лишённым всякого смысла, автор предложил следующую интерпретацию эпитета *ӕртыкъахыг*. По его мнению, образ Уастырджи сформировался на основе образа нарта Уырызмага, в силу чего принадлежащий Уастырджи конь должен был вобрать в себя черты, присущие Арфану, коню нарта Уырызмага. А поскольку Арфан своими стальными копытами высекает искры, то таким же свойством должен обладать и конь Уастырджи, и, стало быть, его могли называть *Уастырджийы арткъахыг бӕх* (огненноногий конь Уастыджи). Со временем выражение *арткъахыг бӕх* или *ӕрткъахыг бӕх* (огненноногий конь) могло перейти в *ӕртыкъахыг бӕх* (трёхногий конь) [Чеджемты, 1976, с. 96].

Даже если принять гипотетический тезис о взаимосвязи образов Уастырджи и Уырызмага, предложенная трактовка неизбежно вызывает вопросы. «Огненноногость» коня Уастырджи целиком выводится из сопоставления с Арфаном, конём нарта Уырызмага. Но почему в таком случае мы не находим текстов, в которых бы к самому Арфану применялся эпитет *ӕртыкъахыг* (трёхногий) или *ӕрткъахыг* (огненноногий)? С другой стороны, кроме Уастырджи, в осетинской нартиаде обладателем трёхногого коня выступает и нарт Сослан: 1) *Уӕдта ӕ ӕртикъахуг бӕхбӕл, ӕ тӕрнихи ба еунӕг цӕстӕ, уобӕл саргъ февардта ӕма йеци ӕхсӕвигон ранӕхстӕр ӕй, сӕумӕ сабат уодзӕнӕй, зӕгъгӕ, уӕд* / Затем [Сослан] оседлал своего трехногого коня с одним глазом на лбу и в ту же ночь, накануне субботы, отправился (записал Константин Гарданов в сел. Христиановском, не позднее 1902 г.) [НСЭОН, кн. 2, с. 494]; 2) *Йе ’ртикъахуг Дзиндз-аласабӕл / Йеци ӕ байвӕд бӕргӕ рабадуй, / Нарти бӕстӕмӕ, зӕгъуй, бӕргӕ фӕййагайуй* / [Сослан] на своего трехногого дзындз-аласа

сел, / В Нартовскую страну отправился (сказитель 68-летний Дабег Гатуев из сел. Христиановское; 5 февраля 1941 года записал Казбек Казбеков) [Там же, с. 498]. Образ нартовского Сослана невозможно вывести из образа нарта Уырызмага, а потому и трёхногость его коня не может быть объяснена путём экстраполяции на него гипотетического вывода об «огненноногости» Арфана. Однако главная трудность состоит в другом: в нартовском эпосе нет ни одного случая использования эпитета *арткъахыг* / *ӕрткъахыг* (огненноногий). Такого слова нет ни в одном лексикографическом источнике, и мы не находим ни одной документированной цитаты, подтверждающей его существование в осетинском языке до выхода вышеупомянутой статьи Г. Чеджемова. Стало быть, замена *ӕртыкъахыг* на *арткъахыг,* то есть замена трёхногого коня на «огненноногого», не имеет основания в осетинской фольклорной и литературной традиции.

И всё же эта остроумная и не лишенная поэтического изящества гипотеза приобрела немало сторонников как среди неискушённых любителей эпоса, так и среди опытных исследователей. А. Р. Чочиев в монографии 1982 года также пишет о переосмыслении «огненноногости» *ӕрткъахыг* крылатого коня Уастырджи в *ӕртыкъахыг* (трёхногость) [Чочиев, 1985, с. 168, 169]. Конём Уастырджи он называет Арфана и относит *ӕрткъахыг* (огненноногий) к числу его наиболее частых эпитетов, однако без указания хотя бы одного источника, подтверждающего данное положение [Там же, с. 165]. Опираясь на книгу Чочиева, эти выводы повторяют А. И. Иванчик [Ivantchik, 2005, S. 163, 164] и Т. Н. Чибиров [Чибиров, 2018, с. 13]. О том, насколько большое влияние приобрела в настоящее время эта гипотеза, свидетельствует составленный Х. Ф. Цгоевым «Словарь осетинской мифологии и уклада жизни». В нём также без каких-либо отсылок к источникам утверждается, что осетины издавна называют коня Уастырджи *ӕрткъахыг* (огненноногий), а эпитет *ӕртыкъахыг* (трёхногий) является всего лишь его неправильным вариантом [Цгоев, 2017, с. 671].

Тем не менее факт остаётся фактом: мотив трёхногости коня, принадлежащего Уастырджи, чётко фиксируется нартовскими текстами, записанными от разных сказителей. Приведём примеры: 1) *Уыцы уынгӕг сахаты йӕм Хуыцау Уастырджийы ӕрбауагъта йӕ ӕртыкъахыг бӕхыл ӕмӕ йӕ егӕрттимӕ* / В этот трудный час Бог послал ей Уастырджи на трехногом коне и с борзыми (сказитель 80-летний Кавдын Гуриев из сел. Гули Куртатинского ущелья; в марте 1896 года записал Гагудз Гуриев) [НСЭОН, кн. 1, с. 18]; 2) *Кӕцӕйдӕр фӕзынди Уастырджи ӕмӕ куы бамбӕрста Нарты сӕфты хабар, уӕд йе ’ртыкъахыг бӕхыл Нарты хъӕуы смидӕг* / Откуда-то появился Уастырджи и, когда понял, что нарты погибают, на своём трёх-

ногом коне оказался в нартовском селении (сказитель 127-летний Пепе Бегизов из сел. Едыс, Южная Осетия; 3 февраля 1939 года записал Дудар Бегизов) [Там же, с. 463].

2. Трёхногие кони в эпосе и мифологии народов мира

Трехногие кони встречаются в мифологии многих народов мира, и исследователи сопоставляют их с аналогичным образом осетинского фольклора. Так, например, А. А. Туаллагов находит трёхногих коней в карачаево-балкарском и кабардинском эпосах, в сказаниях вайнахов и аварцев; у якутов трёхногий конь считается животным, переносящим шамана в иной мир [Туаллагов, 2001, с. 53—62]. К этому ряду мы добавим трёхногих лошадей из французских [Cosquin, 1886, p. 135—137, 209], швейцарских [Tscheinen et al., 1872, S. 241—243], русских [Афанасьев, 1957, с. 4], венгерских [Ungarische …, 1966, S. 171], грузинских [Mourier, 1888, p. 50, 51, 58], кетских [Николаев, 1985, с. 104], туркменских [Сакали, 1945, с. 1938] и курдских [Курдские …, 1989, с. 165] сказок и преданий. Образ трёхногого коня широко распространён в немецком фольклоре [Panzer, 1901, S. 262], и его глубинный смысл с точки зрения аналитической психологии исследовал Карл Густав Юнг [Jung, 1948, S. 37—60].

В греческой мифологии Харон, перевозчик душ умерших людей в аиде, первоначально представлялся как трёхногий конь [Scheibelreiter, 1976, S. 46]. В датских легендах богиня смерти Хель является за душами людей верхом на трёхногой лошади Хельхест, но, по мнению М. Олдфид Гоувей, изначально Хель почиталась как богиня-мать на белоснежном трёхногом скакуне [Howey, 1923, p. 205]. Один (Водан), верховный бог германо-скандинавской мифологии, обладает восьминогим конём Слейпниром, однако в немецких легендах о «дикой охоте» Один фигурирует в роли предводителя войска мёртвых и скачет не на восьминогом, а на трёхногом коне [Menzel, 1855, S. 203; Obermüller, 1872, S. 418; Ninck, 1935, S. 142]. Р. Вольфрам видел в этом мифологическое отражение древнего культового действа, совершавшегося членами мужского союза и сохранившегося в виде обрядовых шествий сельской молодёжи в разных частях Европы вплоть до начала XX века [Wolfram, 1932, S. 364]. Так, например, в разных селениях графства Кент центральное место в подобных шествиях принадлежало трёхногому коню: «Образ коня представляется в следующем виде: на конце палки длиной в четыре фута закреплена очень древняя, вырезанная из дерева и раскрашенная голова коня. К этой конструкции прикреплён мешок из материи, в котором укрывается человек (“Hoodner”). Он и в самом деле должен идти согнувшись, чтобы имитировать продолговатое, вытянутое туловище лошади, опи-

раясь при этом на вертикально удерживаемую палку, на которой закреплена лошадиная голова, так что животное выступает трёхногим (палка впереди — в качестве третьей ноги). Это раскрывает нам загадку призрачных животных в Дикой Охоте, которые снова и снова обозначаются как трёхногие. Эта фигура появляется точно также и в Румынии, по внешнему виду не отличаясь от английской» [Wolfram, 1932, S. 363—364].

3. Солярная трактовка мотива трёхногости чудесного коня

В чём же состоит смысл мотива трёхногости применительно к коню Уастырджи? Как отметил В. И. Абаев, Уастырджи наделён чертами солнечного божества [Абаев, 1990б, с. 133], и не случайно именно он выступает обладателем чудесных коней, поскольку солярный символизм коня широко распространён как в индоевропейской традиции, так и за её пределами. Полагаем, трёхногость коня может быть объяснена его солярным значением, поскольку в архаичных культурах тройственная символика была тесно связана с представлениями о солнце [Евсюков и др., 1984, с. 58—60]. В Малой Азии, например, солнце часто изображалось в виде так называемого трискелиона: диска, из которого выходят («излучаются») три бегущие человеческие ноги [Goblet d'Alviella, 2000, pp. 54, 55, 68, 180]. Такой распространённый в античное время предмет домашнего обихода и религиозного культа, как треножник, также считается солнечным символом, поскольку три его опоры соответствуют трём «моментам» солнечного пути: восходу, зениту и закату [Cirlot, 1971, p. 352].

О связи трёхногости коня с солярным символизмом этого животного говорят некоторые факты индоиранской мифологии. Древнеиндийский солнечный бог Вишну в одном из своих зооморфных воплощений предстаёт в образе коня и наделяется соответствующими эпитетами: «имеющий лицо коня», «лошадиноголовый» [Gonda, 1954, p. 148]. В то же время, согласно ведийскому мифу, Вишну совершает три чудесных шага (tripada), которые, по одной из наиболее распространённых трактовок, обозначают движение солнца: восход, зенит и закат [Kuiper, 1962, pp. 139, 140]. Следует отметить, что древнеиндийское *pad-* обозначает и шаг, и ногу [Топоров, 2010, с. 114], поэтому вполне справедливым представляется вывод В. В. Евсюкова и С. А. Комиссарова о семантическом тождестве тройного шага и трёхногости, подтверждаемом многими деталями индоевропейских ритуалов и материалами древнекитайской мифологии [Евсюков и др., 1984, с. 58—60]. Полагаем, именно этим тождеством объясняются известные в индийском искусстве изображения трёхногого Вишну [Varadpande, 2009, p. 51].

С мифологемой трёх шагов связывают и другое представление о Вишну. Голландский священник Филипп Бальдеус (1632—1671), автор «Описания берегов Ост-Индии», привёл немало интересных сведений по индуистской мифологии. Десятую аватару Вишну он описывает как белого летающего коня (“weiß fliegend Pferd”) [Baldaeus, 1672, S. 550], который находится на небесах и всегда стоит только на трёх ногах, а переднюю правую ногу держит поднятой (“ein weiß Pferd oben im Himmel, welches auf drei Füssen stehe und das rechte Forderbein in die Höhe halte”). Когда греховность людей достигнет предела, конь опустит четвёртую ногу и земля будет уничтожена [Baldaeus, 1672, S. 552]. Считается, что Бальдеус использовал какое-то неизданное рукописное сочинение, составленное на основе как письменных, так и устных источников [Charpentier, 1924, p. 420]. Существует также традиция, изображающая десятую грядущую аватару Вишну в виде всадника на белом летающем коне и с пламенеющим мечом в руке [Vollmer, 1836, S. 997].

М. Йенс сопоставил сведения Бальдеуса с иранской легендой из «Зардушт-нама», согласно которой ноги коня, принадлежавшего царю Гуштаспу, оказались втянутыми в туловище. Пророк Зардушт смог исцелить животное, вытянув при помощи молитвы его скрытые в туловище ноги. Йенс называет принадлежащего Вишну коня «трёхногим» и, судя по всему, рассматривает мотив его «поднятой ноги» как соответствие мотиву «скрытых ног» в зороастрийской легенде [Jähns, 1872, S. 409].

Три шага Вишну обозначают не только движение солнца, но и путь в высший солнечный мир, где пребывают люди после смерти [Dumézil, 1968, p. 235]. Аналогичное воззрение имеется в иранской мифологии. Тремя шагами Амэша-Спэнта (высшие божества зороастрийского пантеона) восходят от земли к солнечной сфере и достигают райской обители праведных душ [Darmesteter, 1892, p. 401]. Зороастрийцы представляют рай состоящим из трех ступеней, проходя которые душа праведника совершает три шага, при этом третья ступень относится к сфере солнца [Pavry, 1929, pp. 93, 104], подобно тому как в «Ригведе» третий шаг Вишну отождествляется с солнцем в зените [Kuiper, 1962, pp. 139, 140].

В осетинском обряде посвящения коня покойному (*бæхфæлдисын*) один из стариков сначала трижды обводил осёдланного коня вокруг покойного, затем с чашей пива или араки произносил посвятительную речь и, дав коню отведать из чаши, выливал напиток на его копыта [ПНТО, с. 365] (по другому варианту — разбивал чашу о копыто коня) [ППКОО, с. 700]. Смысл обозначаемой в обряде связи между конскими копытами и хмельным напитком может быть прояснён в сопоставлении с данными ведий-

ской мифологии. Согласно исследованиям австрийского этнолога Карла фон Шписса, в архаичных культурах сосуд для напитка бессмертия мог иметь форму конского копыта. Так, в ведийской мифологии по велению божественных близнецов-всадников Ашвинов из копыта лошади вытекают 100 кувшинов хмельного напитка суры или мадху (оба слова означают мёд или напиток, приготовленный из мёда). Кроме того, о трёх следах, оставленных тремя шагами Вишну, в «Ригведе» сказано, что они «полны мёда» (I, 124, 4), а «в высшем следе Вишну — источник мёда» (I, 124, 5). Поскольку Вишну, с одной стороны, оставляет три следа, а с другой — прямо отождествляется с конём, стоящим на трёх ногах, постольку он должен быть трёхногим. Стало быть, заключает фон Шписс, наполненные мёдом три конских следа (“drei (Pferde-) Stapfen”) Вишну отражают мифологическую идею о копыте коня как источнике хмельного напитка (мёда) [Spieß, 1914, S. 42].

Уастырджи не только сам перемещается между мирами на трёхногом коне, но и одаривает умерших людей чудесными конями, чтобы они могли быстрее добраться до Страны мёртвых. Вообще говоря, Уастырджи как-то особенно тесно связан с миром мёртвых. В нартовском эпосе именно он совершает погребение Ахсара и Ахсартага, одним лишь ударом войлочной плети соорудив для них склеп [НСЭОН, кн. 1, с. 32, 52, 65]. Когда дочь Донбеттыра хитростью скрылась от него в море, он бросает ей вслед: *Гъæй, додойаг дæ къона! Уæлæуыл дыл нал фæхæст уыдзынæн, фæлæ мын Мæрдты та кæдæм ирвæздзынæ!* / Ей, горе твоему очагу! В этом мире мне тебя уже не поймать, но куда же ты скроешься от меня на том свете? [Там же, с. 65] (ср. [Миллер, 1881, с. 46]). В этой угрозе, кроме горечи обманутых мужских ожиданий, нельзя не почувствовать и уверенности Уастырджи в своей ничем не ограниченной власти в мире мёртвых. Он проникает в склеп Дзерассы (снова действие в зоне неживого) и возвращает мёртвую красавицу к жизни, притом что в остальных нартовских текстах властью возвращать умерших людей на некоторое время в мир живых обладает Барастыр, повелитель Страны мёртвых.

Пытаясь понять удивительную связь Уастырджи с миром мёртвых, следует, очевидно, вспомнить о присущих ему функциях военного божества. По мнению В. И. Абаева, он «унаследовал черты того аланского бога войны, которому аланы поклонялись в образе меча» [Абаев, 1990а, с. 109]. Но этого же бога войны, согласно Б. Бахраху, аланы почитали и как бога загробного мира [Bachrach, 1973, p. 111]. Вероятно, следует допустить, что Уастырджи вместе с военными функциями унаследовал и те черты аланского бога войны, которые характеризовали последнего как владыку мира

мёртвых. В таком случае становится понятным, почему в традиционных религиозных представлениях осетин именно Уастырджи считается установителем обряда посвящения коня покойнику [ПНТО, с. 179].

В анонимной статье 1868 года, посвящённой религиозным верованиям осетин (её автором, как полагают, был П. И. Головинский), приводится в высшей степени интересное описание напутственной речи, произносимой над умершим: «Речь эта, то сокращаемая, то растягиваемая, смотря по умению говорящего, одинакова по содержанию для всех; только в отношении умерших храбрецов — друзей святого Георгия (Уастырджи. — *Д.А.*) по оружию — соблюдается особый оборот. Когда умирал храбрый наездник, весть об этом святому Георгию сообщала “богатырь”-ласточка (нарты зærватыкк), быстрейшая из всех птиц. Она, прилетев к Георгию на тот свет и сев ему на правое плечо, докладывала: “Твой приятель, такой-то умер”. Святой Георгий приказывал нарты зærватыкку дать усопшему лучшего коня из своего табуна или быстрейшего афсурга из своего стада. Тотчас по смерти покойника омывают, одевают в чистое белье, вкладывают ему в правую руку узду, и один из родных, обращаясь к нему, говорит: “Ты хороший, добрый, храбрый человек, должен предстать на лучшем коне перед Барастыром. Советую тебе взять коня у канты. Лошади у этого народа имеют оленьи уши, глаза большие, блестящие, губы янтарные, зубы слоновой кости, гривы золотые, шерсть серебряную. Если у канты все лошади в разгоне, постарайся взять лошадь в табуне св. Георгия; если у него кони в разгоне, то возьми чистейшей пшеницы и примани ею к себе афсурга св. Георгия. Добыв коня или афсурга, отправляйся на нем к Барастыру» [ППКОО, с. 786, 787]. Из этой речи становится ясно, что святой Георгий / Уастырджи одаривал конями не всех умерших, а только храбрых воинов. Умершие храбрецы именуются «друзьями» самого Уастырджи (святого Георгия), и в этом мы видим отголосок древней идеологии военного мужского союза, небесным главой и покровителем которого представлялся бог войны. О том, что осетинский Уастырджи / Святой Георгий является именно таким божеством-покровителем военных мужских союзов, уже писали в своих исследованиях А. И. Иванчик [Ivančik, 1993, pp. 317—319] и К. Кершоу [Kershaw, 2000, p. 186].

Особого внимания в этом тексте заслуживает последовательность поиска коня для умершего храбреца. Не сумев найти подходящего скакуна среди лошадей народа канты, он должен попробовать выбрать его в табуне Уастырджи (святого Георгия), если и это не удастся, то умершему предлагается третий и, судя по всему, наиболее сложный вариант — приманить чудесного коня / афсурга, принадлежащего Уастырджи. В примеча-

нии поясняется, что «афсург — трехногое животное, похожее на лошадь, быстрейшее из всех животных» [ППКОО, с. 787]. Стало быть, умерший храбрец отправляется в царство мёртвых на чудесном трёхногом скакуне самого Уастырджи — факт, который может показаться странным, однако мы находим для него близкую параллель в германо-скандинавской мифологии. Здесь Один (Водан) — бог войны, покровитель мужских союзов и владыка Вальхаллы, небесного чертога («рая»), где пребывают павшие в битвах отважные воины. Только Один обладает чудесным восьминогим конём Слейпниром. В то же время исследователи обнаружили одну весьма любопытную деталь: памятные стелы острова Готланд (Швеция, вторая половина I тыс. н.э.) из Ардре, Хаблинго и Тьянгвиде содержат изображение умершего человека, перемещающегося в иной мир на восьминогом коне Одина [Wolfram, 1932, S. 367]. По мнению О. Хёфлера, это свидетельствует о том, что владыка Вальхаллы иногда сам представлялся в образе коня [Höfler, 1932, S. 38], для нас же особенно важна аналогия с осетинским текстом посвящения, в котором умерший храбрец перемещается в иной мир на трёхногом коне, принадлежащем Уастырджи.

4. Заключение

Трёхногость коня, принадлежащего Уастырджи, это не позднейшая смысловая аберрация его «огненноногости», а мифологический мотив, относящийся к весьма архаичному слою традиционной духовной культуры осетин.

Мотив трёхногости коня солнечного божества Уастырджи относится к тем тройственным элементам, которые присущи солярной символике в религиозно-мифологических представлениях многих народов мира. Трёхногий конь, принадлежащий Уастырджи, наделяется также психопомпной функцией, что находит соответствия в древнегреческой и германо-скандинавской мифологии.

Наиболее близкие аналогии обнаруживаются в генетически родственных мифологических системах (древнеиндийский солнечный бог Вишну совершает три чудесных шага, которые обозначают путь в небесную обитель предков, он изображается трёхногим или отождествляется с конём, стоящим только на трёх ногах; в иранской мифологии — три шага, которыми после смерти человек восходит к солнечной сфере).

Учитывая явную связь солнечного Уастырджи с миром мёртвых, можно допустить, что его трёхногий конь, переносящий умершего в иной мир, есть зооморфное воплощение индоиранской мифологемы о трёх шагах солнечного божества, возносящих душу праведника в обитель блаженства.

Источники и принятые сокращения

1. *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды / В. Ф. Миллер. — Москва : Типография бывш. Ф. Б. Миллера, 1881. — Ч. 1. — 166 с.

2. НСЭОН — *Нартовские* сказания. Эпос осетинского народа. — Владикавказ : Иристон, 2003. — Кн. 1. — 590 с. ; Владикавказ : Изд.-полигр. пр-тие им. В. А. Гассиева, 2003. — Кн. 2. — 896 с. (На осет. яз.).

3. ПНТО — *Памятники* народного творчества осетин / сост. Т. А. Хамицаева. — Владикавказ : Ир, 1992. — Т. 1. — 440 с.

4. ППКОО — *Периодическая* печать Кавказа об Осетии и осетинах. Научно—популярный сборник : в 3 т. / Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ; сост., предисл., примеч. и коммент. Л. А. Чибирова. Изд. 2-е. — Владикавказ : Проект-Пресс, 2016. — Т. 2. — 1224 с.

Литература

1. *Абаев В. И.* Дохристианская религия алан / В. И. Абаев // Абаев В. И. Избранные труды. — Владикавказ : Ир, 1990а. — Т. 1. — С. 102—114.

2. *Абаев В. И.* Как апостол Пётр стал Нептуном / В. И. Абаев // Абаев В. И. Избранные труды. — Владикавказ : Ир, 1990б. —Т. 1. — С. 123—136.

3. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 т. / А. Н. Афанасьев ; подготовка текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. — Москва : Гослитиздат. Ленингр. отд-ние, 1957. — Т. 2. — 510 с.

4. *Евсюков В. В.* Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю в свете сравнительного анализа колесничных мифов / В. В. Евсюков, С. А. Комиссаров // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1984. — С. 52—66.

5. *Курдские* сказки, легенды и предания. — Москва : Наука, 1989. — 623 с.

6. *Николаев Р. В.* Фольклор и вопросы этнической истории кетов / Р. В. Николаев. — Красноярск : Изд-во Краснояр. Ун-та, 1985. — 127 с.

7. *Сакали М. А.* Образ коня в туркменских и русских волшебных сказках. (Предварительное сообщение) / М. А. Сакали // Известия Туркменского филиала Академии Наук СССР. — Ашхабад : Изд-во ТуркменФАН, 1945. — № 3—4. — С. 36—42.

8. *Топоров В. Н.* К этимологии др.-инд. kram- «шагать», «ступать» / В. Н. Топоров // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике : сборник научных трудов. — Москва : Языки славянских культур, 2010. — Т. 3. — Кн. 2. — С. 96—116.

9. *Туаллагов А. А.* Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин / А. А. Туаллагов. — Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2001. — 315 с.

10. *Цгоев Х. Ф.* Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. 2-е изд., доп. и испр. / Х. Ф. Цгоев. — Владикавказ : СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. — 753 с.

11. *Чеджемты Г.* Нарты нæртон Уырызмæг / Г. Чеджемты // Мах дуг. — 1976. — № 3. — Ф. 85—98.

12. *Чибиров Т. Н.* Классификация иппонимов в осетинской, русской и английской лингвокультурах / Т. Н. Чибиров // Вестник ВНЦ. — 2018. — Т. 18. — № 1. — С. 10—18. DOI 10.23671/VNC.2018.1.12019

13. *Чочиев А. Р.* Очерки истории социальной культуры осетин (традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин) / А. Р. Чочиев. — Цхинвал : Ирыстон, 1985. — 288 с.

14. *Bachrach B. S.* A History of the Alans in the West. From Their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages / B. S. Bachrach. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1973. — 161 p.

15. *Baldaeus Ph.* Wahrhaftige Ausführliche Beschreibung : Der Berühmten Ostindischen Küsten Malabar und Coromandel, als Auch der Insel Zeylon / Ph. Baldaeus. — Amsterdam : Bey Johannes Janssonius von Waesberge und von Someren, 1672. — 610 S.

16. *Charpentier J.* The Brit. Mus. MS. Sloane 3290, the Common Source of Baldæus and Dapper / J. Charpentier // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. — Cambridge : Cambridge University Press, 1924. — Vol. 3. — № 3. — Pp. 413—420.

17. *Cirlot J. E.* A Dictionary of Symbols. 2nd ed. / J. E. Cirlot. — London : Routledge, 1971. — 419 p.

18. *Cosquin E.* Contes populaires de Lorraine : comparés avec les contes des autres provinces de france et des pays étrangers / E. Cosquin. — Paris : F. Wieweg, 1886. — T. 1. — 376 p.

19. *Darmesteter J.* Le Zend-Avesta. Traduction nouvelle avec commentaire historique et philologique / J. Darmesteter. — Paris : Ernest Leroux, 1892. — Vol. 1. — 500 p.

20. *Dumézil G.* Mythe et épopée. L'ideologie des trois fonctions dans les epopees des peuples indo-europeens / G. Dumézil. — Paris : Gallimard, 1968. — Vol. 1. — 653 p.

21. *Goblet d'Alviella E.* Symbols : their migration and universality / E. Goblet d'Alviella. — Mineola, New York : Dover Publications, 2000. — 277 p. (reprint).

22. *Gonda J.* Aspects of Early Viṣṇuism / J. Gonda. — Utrecht : A. Oosthoek, 1954. — 270 p.

23. *Höfler O.* Kultische Geheimbünde der Germanen / O. Höfler. — Frankfurt am Mein : M. Diesterweg, 1934. — Bd. 1. — 357 S.

24. *Howey M. O.* The horse in Magic and Myth / M. O. Howey. — London : William Rider & Son, 1923. — 238 p.

25. *Ivančik A. I.* Les guerriers-chiens : Loups-garous et invasions scythes en Asie Mineure / A. I. Ivančik // Revue de l'histoire des religions. — 1993. — Vol. 210. — № 3. — Pp. 305—330.

26. *Ivantchik A. I.* Am Vorabend der Kolonisation. Das nördliche Schwarzmeergebiet und die Steppennomaden des 8. — 7. Jhs. v.Chr. in der klassischen Literaturtradition : Mündliche Überlieferung, Literatur und Geschichte (Pontus Septentrionalis, 3) / A. I. Ivantchik. — Berlin, Moskau, 2005. — 311 S.

27. *Jähns M.* Ross und Reiter in Leben und Sprache, Glauben und Geschichte der Deutschen / M. Jähns. — Leipzig: Grunow, 1872. — Bd. 1. — 464 S.

28. *Jung C. G.* Zur Phänomenologie des Geistes im Märchen / C. G. Jung // Jung C. G. Symbolik des Geistes. — Zürich : Rascher, 1948. — S. 3—67.

29. *Kershaw K.* The One-eyed God : Odin and the (Indo-) Germanic Männerbünde / K. Kershaw. — Washington, D.C. : Institute for the Study of Man, 2000. — 306 p.

30. *Kuiper F. B. J.* The three strides of Viṣṇu / F. B. J. Kuiper // Indological studies in honor of W. Norman Braun / Ed. by E. Bender. — New Haven, Connecticut : American Oriental Society, 1962. — Pp. 137—151.

31. *Menzel W.* Odin / W. Menzel. — Stuttgart : Paul Neff, 1855. — Bd. 1. — 352 S.

32. *Obermüller W.* Deutsch-keltisches, geschichtlich-geographisches Wörterbuch / W. Obermüller. — Berlin : Denicke [u. a.], 1872. — Bd. 2. — 1049 S.

33. *Ninck M.* Odin und germanischer Schicksalsglaube / M. Ninck. — Jena : Eugen Diederich, 1935. — 358 S.

34. *Mourier J.* Contes et legendes du Caucase / J. Mourier. — Paris : Maisonneuve & Ch. Leclerc, 1888. — 113 p.

35. *Panzer F.* Hilde-Gudrun. Eine sagen- und literargeschichtliche Untersuchung / F. Panzer. — Halle a. S. : Max Niemeyer, 1901. — 451 S.

36. *Pavry J. D. C.* The zoroastrian doctrine of a future life. From death to the individual judgment. 2nd ed. / J. D. C. Pavry. — New York : Columbia University Press, 1929. — 126 p.

37. *Scheibelreiter G.* Tiernamen und Wappenwesen / G. Scheibelreiter. — Wien : Böhlau, 1976. — 150 S. [Veröffentlichungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd. 24].

38. *Spieß K. v.* Die Behälter des Unsterblichkeitstrankes / K. v. Spieß // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. — Wien : Kommission bei Alfred Hölder, K.U.K. Hof- und Üniversitäts-Buchhändler, 1914. — Bd. 44. — S. 17—43.

39. *Tscheinen M.* Walliser-Sagen. Gesammelt und hrsg. von Sagenfreunden / M. Tscheinen, P. J. Ruppen. — Sitten : Schmid, 1872. — 282 S.

40. *Ungarische* Volksmärchen / hg. Ágnes Kovács. — Düsseldorf-Köln : Diederichs, 1966. — 344 S.

41. *Varadpande M. L.* Mythology of Vishnu and His Incarnations / M. L. Varadpande. — New Delhi : Gyan Publishing House, 2009. — 224 p.

42. *Vollmer W.* Vollständiges Wörterbuch der Mythologie aller Nationen / W. Vollmer. — Stuttgart : Hoffmann'sche Verlags-Buchhandlung, 1836. — 1560 S.

43. *Wolfram R.* Robin Hood und Hobby Horse / R. Wolfram // Wiener prähistorische Zeitschrift. — Wien : Wiener prähistorischen Gesellschaft, 1932. — Jahrgang XIX. — Halbjahrsheft 1—2. — S. 357—374.

On Problem of Meaning of Three-Legged Horse in Religious a nd Mythological Representations of Ossetians

© Anzor V. Darchiev (2020), orcid.org/0000-0001-8534-1936, ResearcherID B-6545-2017, SPIN 7095-1837, PhD in History, senior research scientist, Department of Ethnology, V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies — the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Vladikavkaz, Russia), dar-anzor@yandex.ru.

The article is devoted to the image of a wonderful three-legged horse belonging, according to the religious views of Ossetians, to Uastyrdzhi — the heavenly patron of men, warriors and travellers. The relevance of the research is due to the fact that Uastyrdzhi is one of the main actors of the Ossetian saga and mythology, so a thorough study of all the stories and characters associated with Uastyrdzhi contributes to a more complete reconstruction of traditional religious and mythological representations of Ossetians. In addition, this study is a response to the increased public interest in this issue in Ossetia, which has recently acquired a debatable character. The common interpretation of the three-legged motif of the miraculous horse as its transformed "fire-legged" is criticized. An extensive comparative material is presented, showing the prevalence of the image of a three-legged horse in folklore and mythological systems of different peoples of the world. The author comes to the conclusion that three-legged motif is one of the manifestations of solar symbolism of a horse in mythology. Attention is paid to the psychopompic

function inherent in the image of a three-legged horse. The novelty of the research is seen in attracting new arguments for the interpretation of three-legged motif (primarily data from Indo-Iranian mythology), which previously remained outside the researchers' attention.

Key word: three-legged horse; Uastyrdzhi; Nart saga; Ossetian mythology; solar symbol.

Material resources

Miller, V. F. (1881). *Osetinskiye etyudy, 1.* Moskva: Tipografiya byvsh. F. B. Millera. (In Russ.).

NSEON — *Nartovskiye skazaniya. Epos osetinskogo naroda, 1, 2.* (2003). Vladikavkaz: Iriston, Izd.-poligr. pr-tie im. V. A. Gassieva. (In Oset.).

PNTO —Khamitsayeva, T. A. (sost.) (1992). *Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin, 1.* Vladikavkaz: Ir. (In Russ.).

PPKOO — *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh. Nauchno-populyarnyy sbornik: v 3 t., 2.* (2016). Vladikavkaz: Proekt-Press. (In Russ.).

References

Abayev, V. I. (1990a). Dokhristianskaya religiya alan. In: *Izbrannyye Trudy, 1.* Vladikavkaz: Ir. 102—114. (In Russ.).

Abayev, V. I. (1990b). Kak apostol Petr stal Neptunom. In: *Izbrannyye Trudy, 1.* Vladikavkaz: Ir. 123—136. (In Russ.).

Afanasyev, A. N. (1957). *Narodnyye russkiye skazki A. N. Afanasyeva v 3 t., 2.* Moskva: Goslitizdat. Leningr. Otd-niye. (In Russ.).

Bachrach, B. S. (1973). *A History of the Alans in the West. From Their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages.* Minneapolis: University of Minnesota Press.

Baldaeus, Ph. (1672). *Wahrhaftige Ausführliche Beschreibung: Der Berühmten Ostindischen Küsten Malabar und Coromandel, als Auch der Insel Zeylon.* Amsterdam: Bey Johannes Janssonius von Waesberge und von Someren.

Charpentier, J. (1924). The Brit. Mus. MS. Sloane 3290, the Common Source of Baldæus and Dapper. In: *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London, 3 (3).* Cambridge: Cambridge University Press. 413—420.

Chedzhemty, G. (1976). Narty nærton Uyryzmæg. *Makh dug, 3:* 85—98. (In Oset.).

Chibirov, T. N. (2018). Klassifikatsiya ipponimov v osetinskoy, russkoy i angliyskoy lingvokulturakh. *Vestnik VNTs, 18 (1):* 10—18. DOI 10.23671/VNC.2018.1.12019

Chochiyev, A. R. (1985). *Ocherki istorii sotsialnoy kultury osetin (traditsii kochevnichestva i osedlosti v sotsialnoy kulture osetin).* Tskhinval: Iryston. (In Russ.).

Cirlot, J. E. (1971). *A Dictionary of Symbols.* London: Routledge.

Cosquin, E. (1886). *Contes populaires de Lorraine: comparés avec les contes des autres provinces de france et des pays étrangers, 1.* Paris: F. Wieweg. (In Fren.).

Darmesteter, J. (1892). *Le Zend-Avesta. Traduction nouvelle avec commentaire historique et philologique, 1.* Paris: Ernest Leroux. (In Fren.).

Dumézil, G. (1968). *Mythe et épopée. L'ideologie des trois fonctions dans les epopees des peuples indo-europeens, 1.* Paris: Gallimard. (In Fren.).

Evsyukov, V. V., Komissarov, S. A. (1984). Bronzovaya model' kolesnitsy epokhi Chuntsyu v svete sravnitelnogo analiza kolesnichnykh mifov. In: *Novoye v arkheologii Kitaya. Issledovaniya i problemy.* Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-niye. 52—66.

Goblet d'Alviella E. (2000). *Symbols: their migration and universality.* Mineola, New York: Dover Publications. (reprint).

Gonda, J. (1954). *Aspects of Early Viṣṇuism.* Utrecht: A. Oosthoek.

Höfler, O. (1934). *Kultische Geheimbünde der Germanen, 1.* Frankfurt am Mein: M. Diesterweg.

Howey, M. O. (1923). *The horse in Magic and Myth.* London: William Rider & Son.

Ivančik, A. I. (1993). Les guerriers-chiens: Loups-garous et invasions scythes en Asie Mineure. *Revue de l'histoire des religions, 210(3):* 305—330. (In Fren.).

Ivantchik, A. I. (2005). *Am Vorabend der Kolonisation. Das nördliche Schwarzmeergebiet und die Steppennomaden des 8. — 7. Jhs. v.Chr. in der klassischen Literaturtradition: Mündliche Überlieferung, Literatur und Geschichte (Pontus Septentrionalis, 3).* Berlin, Moskau. (In Germ.).

Jähns, M. (1872). *Ross und Reiter in Leben und Sprache, Glauben und Geschichte der Deutschen, 1.* Leipzig: Grunow. (In Germ.).

Jung, C. G. (1948). Zur Phänomenologie des Geistes im Märchen. In: Jung, C. G. *Symbolik des Geistes.* Zürich: Rascher. 3—67. (In Germ.).

Kershaw, K. (2000). *The One-eyed God: Odin and the (Indo-) Germanic Männerbünde*. Washington, D.C.: Institute for the Study of Man.

Kuiper, F. B. J. (1962). *The three strides of Viṣṇu. In: Indological studies in honor of W. Norman Braun.* New Haven, Connecticut: American Oriental Society. Pp. 137—151.

Kurdskiye skazki, legendy i predaniya. (1989). Moskva: Nauka. (In Russ.).

Menzel, W. (1855). *Odin, 1.* Stuttgart: Paul Neff.

Mourier, J. (1888). *Contes et legendes du Caucase.* Paris: Maisonneuve & Ch. Leclerc. (In Fren.).

Nikolayev, R. V. (1985). *Folklor i voprosy etnicheskoy istorii ketov.* Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. Un-ta. (In Russ.).

Ninck, M. (1935). *Odin und germanischer Schicksalsglaube.* Jena: Eugen Diederich. (In Germ.).

Obermüller, W. (1872). *Deutsch-keltisches, geschichtlich-geographisches Wörterbuch, 2.* Berlin: Denicke [u. a.]. (In Germ.).

Panzer, F. (1901). *Hilde-Gudrun. Eine sagen- und literargeschichtliche Untersuchung*. Halle a. S.: Max Niemeyer. (In Germ.).

Pavry, J. D. C. (1929*). The zoroastrian doctrine of a future life. From death to the individual judgment.* New York: Columbia University Press.

Sakali, M. A. (1945). Obraz konya v turkmenskikh i russkikh volshebnykh skazkakh. (Predvaritelnoye soobshcheniye). *Izvestiya Turkmenskogo filiala Akademii Nauk SSSR, 3—4:* 36—42. (In Russ.).

Scheibelreiter, G. (1976). *Tiernamen und Wappenwesen.* Wien: Böhlau [Veröffentlichungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd. 24]. (In Germ.).

Spieß, K. v. (1914). Die Behälter des Unsterblichkeitstrankes. In: *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, 44.* Wien: Kommission bei Alfred Hölder, K.U.K. Hof- und Üniversitäts-Buchhändler. 17—43. (In Germ.).

Toporov, V. N. (2010). K etimologii dr.-ind. kram- «shagat'», «stupat'». In: *Issledovaniya po etimologii i semantike: sbornik nauchnykh trudov, 3 (2).* Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. 96—116. (In Russ.).

Tscheinen, M., Ruppen, P. J. (1872). *Walliser-Sagen. Gesammelt und hrsg. von Sagenfreunden*. Sitten: Schmid. (In Germ.).

Tsgoyev, Kh. F. (2017). *Slovar' osetinskoy mifologii i uklada zhizni.* Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN. (In Russ.).

Tuallagov, A. A. (2001). *Skifo-sarmatskiy mir i Nartovskiy epos osetin.* Vladikavkaz: Izd-vo SOGU. (In Russ.).

Ungarische Volksmärchen (1966). Düsseldorf-Köln: Diederichs.

Varadpande, M. L. (2009). *Mythology of Vishnu and His Incarnations.* New Delhi: Gyan Publishing House.

Vollmer, W. (1836). *Vollständiges Wörterbuch der Mythologie aller Nationen.* Stuttgart: Hoffmann'sche Verlags-Buchhandlung. (In Germ.).

Wolfram, R. (1932). Robin Hood und Hobby Horse. In: *Wiener prähistorische Zeitschrift.* Wien: Wiener prähistorischen Gesellschaft. Jahrgang XIX. Halbjahrsheft 1—2. 357—374. (In Germ.).

Нестерова Т. П. Франция и попытка урегулирования итало-эфиопского конфликта в конце 1935 года : план Хора—Лаваля / Т. П. Нестерова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 398—411. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-398-411.

Nesterova, T. P. (2020). France and Attempt to Resolve the Italo-Ethiopian Conflict in Late 1935: the Hoare–Laval Plan. *Nauchnyi dialog, 8:* 398-411. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-398-411. (In Russ.).

УДК 94:327.56(44)+94(450:630)“1935/1936”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-398-411

Франция и попытка урегулирования итало-эфиопского конфликта в конце 1935 года: план Хора—Лаваля

© **Нестерова Татьяна Петровна (2020),** orcid.org/0000-0002-1799-1897, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, Уральский гуманитарный институт, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), tpnesterova@yandex.ru.

Статья посвящена политике Франции по отношению к Италии и Эфиопии на начальном этапе итало-эфиопской войны 1935—1936 годов. Показано, что осенью 1935 года правительство Франции заняло позицию, направленную на мирное урегулирование итало-эфиопского конфликта за счет Эфиопии, поскольку для Франции отношения с Италией имели намного большее значение, чем отношения с Эфиопией, и «реальная политика» требовала от Франции достижения соглашения прежде всего с Италией. Отмечается, что сходную позицию занимала и Великобритания. Указывается, что следствием этого стало формирование плана урегулирования конфликта, выдвинутого в декабре 1935 года главой правительства Франции Пьером Лавалем и министром иностранных дел Великобритании Сэмюэлем Хором. Доказано, что план Хора—Лаваля был ранней формой политики «умиротворения агрессора», которая стала ведущим направлением французской и британской внешней политики в период краха Версальской системы международных отношений в 1938—1939 годах. Исследование основано на публикациях советских, французских, итальянских и канадских дипломатических документов, документов Лиги Наций, мемуарах политических деятелей той эпохи, а также на неопубликованных документах из Архива публицистической деятельности (Германия).

Ключевые слова: Итало-эфиопская война; история Италии; внешняя политика Италии; внешняя политика Франции; Лига Наций; «политика умиротворения».

1. Введение

Итало-эфиопская война, начавшаяся 3 октября 1935 года, стала крупнейшим испытанием в истории Лиги Наций, которая должна была теперь показать, какое практическое значение для защиты мира имеет Устав Лиги

Наций, гарантирующий ее членам нерушимость границ. Эфиопский вопрос стал показателем эффективности деятельности международной организации. Особенно большое значение имели действия Лиги Наций для малых государств, которые сами по себе не могли защитить себя при угрозе агрессии великих держав и связывали большие надежды с системой коллективной безопасности. Поэтому итало-эфиопская война стала наиболее важным аспектом международной политики конца 1935 и в определенной степени начала 1936 года. Она во многом показала неэффективность организации, призванной защищать международное право и поддерживать мир, а также заниматься урегулированием международных конфликтов.

Фактически итало-эфиопская война продолжалась с осени 1935 до мая 1941 года включительно, хотя в исторической литературе и утвердилась ее датировка 1935—1936 годами, ограничивая ее продолжительность периодом до взятия итальянцами Аддис-Абебы и провозглашения Итальянской Эфиопской империи. Однако в работах Д. Р. Вобликова [Вобликов, 1961] и В. А. Трофимова [Трофимов, 1979], как и в последующих исследованиях Г. В. Цыпкина и В. С. Ягьи [Цыпкин, 1988; Цыпкин, 1989; Ягья, 1978], обоснована иная датировка войны, которой придерживается и автор данной статьи: несмотря на провозглашенную аннексию, около ⅔ территории Эфиопии оставалось вне сферы итальянского контроля, до конца 1936 года действовало временное правительство Эфиопии во главе с расом Имру Хайле Сыллассе, а затем велась длительная партизанская война.

Однако в международном аспекте итало-эфиопская война продолжалась с момента нападения Италии на Эфиопию в октябре 1935 года вплоть до отмены антиитальянских санкций в Лиге Наций в июле 1936 года. Все это время не прекращались попытки найти мирный путь урегулирования конфликта. Однако итальянское правительство не проявляло существенного интереса к «умиротворению». Значительно в большей степени оно было заинтересовано в «нерасширении» санкций, прежде всего в нераспространении системы санкций на нефть и нефтепродукты. Значительную поддержку в этом Италии оказало правительство Франции, хотя Франция и отклонила итальянскую просьбу представлять интересы Италии в Эфиопии во время войны [DDF, t. XII, № 368, p. 539] (после непродолжительных переговоров защиту итальянских интересов в Эфиопии взяло на себя правительство Бельгии [Ibid., № 380, p. 543]).

Франция, а вместе с ней и Великобритания последовательно пытались найти возможность урегулирования конфликта, при этом фактически добиваясь удовлетворения основных требований Италии, хотя и не желая уничтожения Эфиопии как государства. Несколько позднее такая политика

получила название «политики умиротворения», наиболее ярким проявлением которой стало Мюнхенское соглашение 1938 года, приведшее к уничтожению Чехословакии и открывшее прямой путь к началу европейской, а затем и мировой войны.

2. Франция и попытки урегулирования итало-эфиопского конфликта в октябре — ноябре 1935 года

3 октября 1935 года в Женеву поступила официальная просьба эфиопского правительства о немедленном созыве Совета Лиги Наций в связи с неспровоцированной итальянской агрессией против Эфиопии. Правительство Эфиопии просило рассмотреть возможность применения Устава Лиги Наций для защиты суверенитета Эфиопии [LNOJ, 1935, № 11, p. 1604].

В соответствии с оперативным планом главный удар вооруженные силы Италии нанесли на северном, эритрейском фронте, где было сосредоточено около ⅔ итальянской экспедиционной армии. Две оперативные группировки итальянской армии действовали на южном, Сомалийском фронте. Наконец, небольшая группировка итальянских войск действовала в направлении от Асэба вглубь Эфиопии [De Bono, 1937, pp. 1—79]. В целом итальянская армия, включая вспомогательные части, насчитывала 350—400 тыс. человек [Бартницкий и др., 1976, с. 487—488]. Примерно такие же силы удалось мобилизовать Эфиопии, но мобилизация завершилась только через два месяца после нападения Италии, кроме того, эфиопская армия, кроме гвардейских частей, не имела современного оружия [Там же, с. 490]. Итальянскую армию возглавлял маршал Италии Эмилио Де Боно, эфиопскую — император Хайле Селассие I.

5 октября 1935 года были возобновлены заседания 89 сессии Совета Лиги Наций. Перед началом заседания сессии итальянский представитель в Лиге Наций барон Помпео Алоизи встретился с премьер-министром Франции Пьером Лавалем. Во время беседы руководители итальянской и французской делегаций обсуждали вопрос о возможности отказа Совета Лиги Наций от квалификации Италии в качестве агрессора, поскольку перед началом вторжения в Эфиопию было сообщено, что эфиопские вооруженные силы нарушили границы Эритреи и Итальянского Сомали [Aloisi, 1957, p. 311; DDI, № 252, p. 236].

На заседании Совета Лиги Наций 5 октября представитель Эфиопии Тэкле Хауарьят обратился к Совету с просьбой о начале действий на основании статьи 16 Устава Лиги Наций, предусматривающей применение против агрессора санкций всеми членами Лиги Наций [LNOJ, 1935, № 11, pp. 1212—1213]. Итальянский представитель, барон Помпео Алоизи, в своем

выступлении, напротив, подчеркнул, что речь идет не о неспровоцированной агрессии, а лишь о мерах, которые Италия вынуждена была предпринять для защиты своих владений в Восточной Африке [Ibid., p. 1211]. На заседании было принято решение о создании Комитета шести: (в составе представителей Франции, Великобритании, Чили, Дании, Румынии и Португалии) [Ibid., p. 1209]. Он должен был проанализировать сложившуюся политическую ситуацию и доложить Совету Лиги Наций. На 9 октября 1935 года был назначен созыв чрезвычайной сессии Ассамблеи Лиги Наций [Ibid., p. 1213].

Уже 6 октября Комитет шести подготовил доклад, в котором констатировалось, что Италия нарушила Устав Лиги Наций. На закрытом заседании 89 сессии Совета Лиги Наций утром 7 октября 1935 года доклад Комитета шести был принят без дискуссии, несмотря на протесты итальянской делегации [Ibid., p. 1216]. На открытом заседании Совета в этот же день Алоизи резко выступил против признания Италии агрессором, но Совет Лиги Наций уже официально заявил о принятии доклада Комитета шести [Ibid., p. 1226]. Решение о том, что Италия нарушила Устав Лиги Наций, автоматически вело к применению статьи 16 Устава, то есть к признанию Италии страной, находящейся в конфликте со всеми другими странами, членами Лиги Наций. Это обстоятельство, в случае утверждения данного решения Ассамблеей Лиги Наций, вело к применению по крайней мере экономических санкций против агрессора.

«Мы — в изоляции», — записал вечером 7 октября в свой дневник Алоизи [Aloisi, 1957, p. 312]. Единственным надежным другом Италии в Лиге Наций Алоизи назвал Лаваля, с которым он встретился в этот день [DDI, № 275, p. 260]. В результате ряда бесед и встреч Алоизи установил, что дружественно по отношению к Италии относятся представители Польши, Турции, Австрии, Венгрии, Албании и Болгарии, но, с сожалением отметил Алоизи, ожидать от них существенной поддержки на Ассамблее Лиги Наций не приходится [Aloisi, 1957, pp. 312—313]. Для того, чтобы укрепить Францию в ее политике лояльности по отношению к Италии, 9 октября 1935 года итальянское правительство выступило с заявлением о нейтрализации железной дороги Джибути — Аддис-Абеба [DDF, t. XII, № 395, t. 568—569]. В соответствии с этим заявлением 10 октября П. Лаваль отдал распоряжение министру колоний Л. Роллену о запрете перевозки военных грузов по железной дороге через Джибути в Эфиопию, поскольку дорога приобретает нейтральный статус и в войне не участвует [Ibid., p. 586—587]. За несколько дней до этого с заявлением о введении полного эмбарго на военные поставки Италии и Эфиопии выступил президент США Ф. Д. Рузвельт [Neutrality …, 1936, p. 253]. И действия Фран-

ции, и действия США фактически были ударом по Эфиопии, поскольку эта страна полностью зависела от военных поставок из-за рубежа и не имела собственной военной промышленности.

9 октября 1935 года открылась сессия Ассамблеи Лиги Наций. Помпео Алоизи ожидал выступления Лаваля, но Лаваль молчал: вечером он объяснил Алоизи, что выступит на следующий день [Aloisi, 1957, p. 313]. 10 октября 1935 года на сессии Ассамблеи выступил Алоизи, отстаивая итальянскую позицию. Выступление вызвало «нужный эффект», ему аплодировали, но поддержки Италия не получила. Ассамблея приняла резолюцию о введении антиитальянских санкций всеми членами Лиги Наций. За введение санкций проголосовало 50 членов Лиги Наций, в том числе Франция, против — только Италия в лице Алоизи, воздержались представители Австрии, Венгрии и Албании. Был создан Координационный комитет, который определил, что санкции вступят в силу с 18 ноября 1935 года, и составил списки товаров, запрещенных к экспорту в Италию (нефть и нефтепродукты в список не вошли) [LNOJ. Special Supplement 150, p. 1; DDF, t. XII, № 419, pp. 602—603; № 434, pp. 619—620; № 441, pp. 626—627]. «Считаю, что наше осуждение Лигой Наций нежизненно», — отметил, однако, Алоизи [Aloisi, 1957, p. 314]. 14 октября министр иностранных дел Великобритании Антони Иден выступил с заявлением о необходимости полной солидарности всех стран, применяющих антиитальянские санкции, при этом Иден подчеркнул роль Франции в деле соблюдения санкций [DDF, t. XII, № 447, pp. 632—633]. В прессе и общественном мнении Франции в этот период появилась заметная антианглийская струя [Ibid., № 336, pp. 475—476]. Дипломатические представители Франции с тревогой сообщали о военных приготовлениях Великобритании в Средиземноморье [Ibid., № 466, pp. 652—653], особенно о возможностях взаимодействия Великобритании и Германии: как уже упоминалось, 17 октября германский посол по особым поручениям Иоахим фон Риббентроп заявил, что в случае конфликта между Италией и Великобританией Германия будет на британской стороне [de Juniac, 1979, p. 155]. Тем не менее Германия, как и США, игнорировала решения Лиги Наций и не присоединилась к антиитальянским санкциям [DDF, t. XIII, № 7, p. 8].

Уже 16 октября французское правительство выступило с предложением о посредничестве в конфликте [Ibid., № 1, pp. 1—2; DDI, № 360, pp. 337—338], однако глава итальянского правительства Бенито Муссолини продолжал настаивать на сокращении территории Эфиопии до границ 1889 года, то есть на отказе Эфиопии от всех завоеваний императора Менелика II [DDF, t. XIII, № 10, pp. 12—13]. Наконец 24 октября итальянское посольство в Па-

риже представило официальные итальянские условия для начала мирных переговоров между Италией и Эфиопией (приняв тем самым французское посредничество в конфликте): 1) итальянский мандат от имени Лиги Наций или иная форма итальянского управления территориями Эфиопии, вошедшими в ее состав после 1889 года, 2) итальянское участие в системе коллективного контроля над амхарской частью Эфиопии (то есть территориями в границах 1889 года), 3) гарантии безопасности итальянских колоний в Восточной Африки, 4) исправление границ между итальянскими, французскими и британскими колониями в Данакиле и Огадене, 5) итальянский контроль над эфиопской армией, 6) Италия готова предоставить Эфиопии один причал в порту Асэб в Эритрее и не препятствовать эфиопской торговле через Джибути и Берберу [Ibid., № 89, p. 119; DDI, № 471, p. 445]. Одновременно Италия выдвинула идею замораживания военно-морских и военно-воздушных сил в Средиземноморье, имея в виду прежде всего Великобританию [DDF, t. XIII, № 145, p. 200; DDI, № 550, p. 524].

Итальянские требования существенно не отличались от предложений, выдвинутых Муссолини в июне 1935 года во время переговоров с Иденом. Несмотря на то, что итальянская армия по боевой силе намного превосходила армию Эфиопии, итальянское правительство не возражало получить искомые владения в восточной части Африки и без войны, на основании решения Лиги Наций. Но в этот период на столь серьезные уступки не были готовы идти ни Эфиопия, ни Великобритания.

Работа Координационного комитета (или Комитета 16-ти — по числу его членов) в первое же время после начала итало-эфиопской войны показала неэффективность системы Лиги Наций. Не случайно 19 октября советский представитель М. М. Литвинов отметил, что ряд членов Лиги уклоняются от введения антиитальянских санкций, ссылаясь на те или иные причины. «Любой агрессор найдет среди 54-х членов Лиги так называемых конъюнктурных или традиционных друзей. Если это так, то мы никогда не сможем рассчитывать на выполнение санкций всеми членами Лиги. Если Лига Наций хочет быть опорой миру, то такой опорой могут быть не доброхотные даяния, то есть санкции в порядке добровольности, а лишь всеобщие обязательства. Там, где нет универсальности обязательств, там нет и Лиги Наций для той роли, на которую она претендует», — заявил Литвинов [ДВП, т. XVIII, № 384, с. 532—533].

Боевые действия на первом этапе войны не принесли итальянской армии решающего успеха. Северная армия на длительное время задержалась на линии Аксум — Адуа — Адди-Грат (на которую она вышла к 10 октября 1935 года). Только в начале ноября после кровопролитных боев итальянцы

заняли город Мэкэле [L'Italia …, 1936, p. 39]. На южном фронте войска, которыми командовал Р. Грациани, заняли ряд оазисов в пустыне Огаден, но существенных успехов не достигли; мало того, губернатор провинции Бале дэджазмач Бейэне Мэрид совершил успешный рейд на территорию Итальянского Сомали.

В конце ноября 1935 года главнокомандующим итальянскими войсками в Восточной Африке стал маршал Пьетро Бадольо, сменивший на этом посту маршала Эмилио Де Боно. Он начал подготовку к новому наступлению. Однако эфиопская армия под непосредственным командованием расов Имру Хайле Сыллассе, Каса Хайлу и Сыюм Мэнгэша нанесла опережающий удар. В результате боев, продолжавшихся с середины декабря до середины января 1936 года, итальянцы даже были вынуждены в ряде мест отступить.

В этот период Комитет 16-ти продолжал обсуждение вопроса о санкциях против Италии. 2 ноября делегат Канады У. Риддел выдвинул предложение о распространении санкций на нефть и нефтепродукты, что, по его мнению, значительно увеличило бы эффективность санкций [DCFP, p. 554; DDF, t. XIII, № 138, p. 191]. Это было первое официальное выдвижение идеи санкций такого рода, что вызвало обоснованную тревогу итальянского правительства. «Ситуация сложная», — отметил в дневнике Алоизи [Aloisi, 1957, p. 320]. Предложения Франции в Комитете 16-ти были намного более сдержанными: в них отмечалось, что сократить французский импорт из Италии невозможно [LNOJ. Special Supplement 150, p. 133; DDF, t. XIII, № 48, p. 65].

2 ноября 1935 года итальянское правительство распространило ноту, где, в частности, указывалось, что оно «выражает решительный протест против тяжести и несправедливости предпринимаемых к его ущербу мероприятий» [ДВП, т. XVIII, с. 561—562]. В ноте указывалось, что Лига Наций должна была бы учесть факты, что население оккупированных итальянцами областей Эфиопии относится к ним с доверием, что на итальянскую сторону перешел видный представитель эфиопской аристократии, правнук императора Йоханныса IV (1871—1889) дэджазмач Хайле Сыллассе Гугса. В ноте отмечалось, что «санкции никогда не были применены в предыдущих конфликтах» [Там же] и что в качестве следствия их введения итальянское правительство вынуждено будет принять ответные меры экономического и финансового характера. Правительство Италии, отмечалось в заключении в ноте, «считает своим долгом обратить внимание государств — членов Лиги Наций — на ответственность, связанную с применяемыми мерами, и на тяжесть их последствий» [Там же].

Введение санкций 18 ноября 1935 года не изменило положения на фронтах в Эфиопии. Оно, однако, вызвало значительные изменения в си-

стеме итальянского товарообмена с зарубежными странами. Резко сократилась торговля с традиционными партнерами Италии, в том числе с СССР, вырос товарообмен с Германией и США. Нефтяное эмбарго — единственный действенный фактор в системе санкций — так и не было введено. Впоследствии Муссолини отмечал: «Если бы Лига Наций во время эфиопского конфликта прислушалась к рекомендациям Идена и расширила санкции против Италии на нефть, то мы вынуждены были бы вернуться из Эфиопии в течение восьми дней. Для нас это была бы катастрофа, которую трудно себе представить» [Бартницкий и др., 1976, с. 502]. В дальнейшем внешнеполитическая деятельность итальянского правительства в значительной степени будет связана с борьбой против угрозы «нефтяного эмбарго», против которого Муссолини применял шантаж — угрозу выхода из Лиги Наций, чего крайне опасался Лаваль.

3. План Хора—Лаваля: концепция урегулирования конфликта за счет жертвы агрессии (декабрь 1935 года)

Правительство Эфиопии в ноябре 1935 года неоднократно обращалось в Лигу Наций с призывами и просьбами к мирному урегулированию конфликта [LNOJ, 1936, № 1, pp. 24—29]. Лигой Наций реальных решений в этот период принято не было, но руководство Англии и Франции начало разработку своего плана «умиротворения», вошедшего в историю как «план Хора—Лаваля».

Победа консерваторов в Великобритании на парламентских выборах в ноябре 1935 года укрепила позиции министра иностранных дел С. Хора, сменившего на этом посту А. Идена. Позиция С. Хора по отношению к Италии была значительно более сдержанной, чем позиция Идена, резко выступавшего против итальянской агрессии [DDF, t. XIII, № 307, p. 447]. «Наше поведение в Женеве создало для Лаваля большие трудности, — вспоминал впоследствии Л. Эмери. — Он жаловался на фанатическое упорство Идена, стремившегося настроить Лигу Наций против Италии. А вскоре он начал публично выступать против слишком активных мер» [Эмери, 1960, с. 413—414]. Отношения между Великобританией и Италией стали обостряться, и британское правительство приняло решение не доводить дело до крайности. В конце ноября посол в Риме Эрик Дрэммонд несколько раз беседовал с заместителем министра иностранных дел Италии Фульвио Сувичем и с Бенито Муссолини (который одновременно исполнял обязанности главы правительства и министра иностранных дел), выясняя, какие условия мира могут быть приемлемыми для Италии [Ibid., № 245, p. 361; № 296, p. 430]. Одновременно британский эксперт по эфиопским

вопросам М. Петерсон прибыл в Париж для обсуждения возможного проекта мирного урегулирования итало-эфиопского конфликта [Ibid., № 263, p. 382; № 270, pp. 396—398; № 318, pp. 463—465]. 6 декабря 1935 года в Париж прибыл С. Хор. В результате двухдневных переговоров был разработан план, представленный 9 декабря Лиге Наций, итальянскому и эфиопскому правительствам [Ibid., № 307, p. 447; № 352, pp. 512—524; № 366, pp. 548—549; № 368, p. 552; DDI, № 826, p. 810].

Сущность проекта, как отмечает Л. Эмери, мало отличалась от предложений, выдвинутых Комитетом пяти в сентябре [Эмери, 1960, с. 414]. В соответствии с планом Хора—Лаваля, к Италии целиком переходили восточные эфиопские провинции Огаден и Данакиль, а также часть провинции Тигре с городом Адуа. Взамен Эфиопия получала порт Асэб в Эритрее и коридор вдоль границы Французского Берега Сомали для сухопутной связи с Асэбом. На территории южнее 8-го градуса с. ш. создавались обширная «зона поселения и экспансии», на которую влияние Италии распространялось de facto без каких-либо ограничений под минимальным контролем Лиги Наций [Ibid., t. XIII, № 367, pp. 550—551; № 358, pp. 528—541; Archiv, 9.01.1936 / 2]. За Эфиопией сохранялась ее территория в границах 1889 года и выход к морю через порт Асэб. «Это было разумное соглашение, которое наряду с уважением независимости собственно Эфиопской монархии и ее воинственного народа давало перспективу на улучшение условий жизни народности галла и другим угнетенным племенам», — комментировал Л. Эмери [Эмери, 1960, с. 415], однако ни итальянская, ни эфиопская сторона не одобрили проект Хора—Лаваля. Итальянское руководство требовало большего: отделения от Эфиопии всей провинции Тигре, установления итальянского протектората над амхарской часть империи, свободы для итальянских подданных разработки минеральных ресурсов всей Эфиопии [DDF, t. XIII, № 427, pp. 617—619; DDI, № 842, pp. 824—825]. Для Эфиопии же принятие плана Хора—Лаваля означало потерю суверенитета в обмен на Асэб [Archiv, 2.01.1936].

12 декабря правительство Эфиопии отклонило план Хора—Лаваля, заявив, что англо-французские предложения направлены на аннексию Эфиопии Италией [LNOJ, 1936, № 1, p. 41; DDF, t. XIII, № 451, pp. 649—650; DDI, № 836, p. 819]. Эфиопский посланник Уольдэ Марйам писал в этот день генеральному секретарю Лиги Наций Ж. Авенолю: «Лига <…> способствует окончательному разрушению системы гарантированной коллективной безопасности, предусмотренной ее Уставом» [Marcus, 1987, p. 171], имея в виду отказ от принципа нерушимости границ, фактически зафиксированный в плане Хора—Лаваля. 18 декабря 1935 года император Хай-

ле Селассие I заявил: «Торжественно и со всей решимостью заявляю, что наши стремления к мирному урегулированию конфликта не изменились, тем не менее принятие нами англо-французских предложений означало бы измену в отношении не только к нашему народу, но и к Лиге Наций и ко всем тем государствам, которые показали, что возлагают надежду на систему коллективной безопасности. Эти предложения попирают те принципы, на которых основана Лига Наций» [Barker, 1968, p. 204]. «Когда мы получили эти предложения, мы не были разбиты Италией, мы были свободны, — писал впоследствии Хайле Селассие I — какова же действительная позиция Лиги Наций, если она вместо защиты говорит о расчленении атакованной страны»? [Barker, 1968, p. 255; Archiv, 9.01.1936/1].

«Будь такое соглашение достигнуто в Стрезе (в апреле 1935 года. — *Т. Н.*) или позднее, в сентябре, оно, несомненно, было бы одобрено Лигой Наций …», — комментировал Л. Эмери, стремясь выдать желаемое за действительное [Эмери, 1960, с. 415]. Дальнейшие события Эмери излагает следующим образом: оппозиция неистовствовала. Остин Чемберлен выступил с речью, «преисполненной благородного негодования против такого предательства по отношению к Лиге Наций». Правительство было напугано перспективой парламентского «бунта», пресса резко выступала против плана раздела Эфиопии. 18 декабря 1935 года Муссолини дал по телефону указание итальянскому послу в Великобритании Дино Гранди сообщить премьер-министру Стенли Болдуину, что Италия принимает условия плана Хора—Лаваля, но Гранди опоздал — Болдуин потребовал от Хора «отречения» от плана, а Хор предпочел уйти в отставку [Эмери, 1960, с. 415—418]. Фактически оппозиционные силы в британском парламенте использовали план Хора—Лаваля для внутриполитической борьбы с целью достижения отставки британского правительства [DDI, № 880, p. 868].

Вопрос о предложениях С. Хора и П. Лаваля обсуждался на очередном заседании 89 сессии Совета Лиги Наций 18—19 декабря 1935 года. Представитель СССР на данном заседании В. Потемкин подчеркнул, что предложения Хора и Лаваля означают раздел Эфиопии и Лига Наций не может их одобрить (другое дело, если будет на данной основе достигнуто соглашение сторон вне Лиги Наций) [ДВП, т. XVIII, № 447, с. 591]. Представитель Эфиопии Уольде Марйам в категорической форме отверг англо-французские предложения [LNOJ, 1936, № 1, pp. 11—12], и вопрос был снят с повестки дня. Итальянские представители в заседании Совета Лиги Наций не участвовали. Муссолини не считал нужным делать официальные заявления по поводу англо-французского плана, поскольку было очевидно, что он провалился [DDF, t. XIII, № 445, p. 643]. Возмущение мирового общественного

мнения планом раздела жертвы агрессии вместо оказания ей помощи было настолько велико, что 20 декабря 1935 года глава британского правительства С. Болдуин принял отставку С. Хора с поста министра иностранных дел Соединенного Королевства. Сложным оставалось положение П. Лаваля. Оппозиция резко обрушилась на правительство за осуществление им «чудовищного принципа вознаграждения агрессора» [Эррио, 1958, с. 744], и итальянский посол отмечал возможность падения кабинета Лаваля [DDI, № 885, p. 870]. Уже поэтому, как верно предположил М. Литвинов, Лаваль не смог призвать к сокращению санкций, хотя и блокировал их расширение [ДВП, т. XVIII, № 448, с. 591—592], поскольку, как отметил Лаваль в своем выступлении в парламенте Франции 27 декабря 1935 года, расширение санкций увеличило бы военную опасность [Эррио, 1958, с. 753]. В беседе с итальянским заместителем министра иностранных дел Фульвио Сувичем французский посол в Риме Ш. де Шамбрен признал, что предложение плана Хора—Лаваля привело к серьезному обострению внутриполитической обстановки во Франции [DDI, № 933, pp. 925—926].

Обсуждение плана Хора—Лаваля в Лиге Наций привело к отсрочке рассмотрения вопроса о нефтяных санкциях. «Эта отсрочка, — писал английский исследователь А. Дж. Баркер, — положила конец каким-либо эффективным действиям против Италии» [Barker, 1968, p. 204].

В начале января 1936 года положение правительства Пьера Лаваля можно было охарактеризовать как «исключительно тяжелое» [ДВП, т. XIX, № 6, с. 19]. Провал англо-французского плана раздела Эфиопии, отставка С. Хора, позиция французского общественного мнения, нарастающие атаки оппозиции в итоге вынудили Лаваля подать в отставку 20 января 1936 года. Однако вплоть до последнего момента Лаваль пытался продолжать линию прямой поддержки Италии и решения итало-эфиопского конфликта в пользу Италии дипломатическим путем. В дипломатических кругах существовали даже предположения, что в конце января или в начале февраля 1936 года Лаваль выдвинет новый план «умиротворения» конфликта, подобный декабрьскому плану Хора—Лаваля; при этом возможность действительного принятия подобного плана «умиротворения» полностью отвергалась [ДВП, т. XIX, № 6, с. 18].

4. Заключение

Попытка урегулирования итало-эфиопского конфликта, предпринятая Великобританией и Францией в декабре 1935 года, провалилась прежде всего потому, что ни французское, ни британское правительства не ощущали непосредственной угрозы трансформации конфликта в Восточной Африке

в европейскую и тем более в мировую войну. Тем не менее уже в этот период началось формирование концепции умиротворения агрессора, которая сыграет столь значимую роль в событиях 1938—1939 годов и приведет непосредственно к началу Второй мировой войны. Уже в 1935 году стал очевидным ключевой момент данной концепции — решение спорных вопросов за счет более слабого участника конфликта, даже в ущерб положениям международного права и уставу международной организации, призванной защищать и поддерживать мир. В то же время на общественное мнение Франции и Великобритании еще не давила непосредственная угроза европейского конфликта, который может начаться, если не пойти на уступки одной из сторон, и требования все же отказаться от раздела территории союзной африканской страны привели к краху первой попытки реализации политики умиротворения агрессора накануне Второй мировой войны.

Источники и принятые сокращения

1. ДВП — *Документы* внешней политики СССР. — Москва : МИД СССР, 1973. — Т. XVIII. 1935. — 718 с. ; Москва : МИД СССР, 1974. — Т. XIX. 1936. — 823 с.

2. *Эмери Л.* Моя политическая жизнь / Л. Эмери. — Москва : Политиздат, 1960. — 685 с.

3. *Эррио Э.* Из прошлого : Между двумя войнами. 1914—1936 / Э. Эррио. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1958. — 772 с.

4. *Aloisi P.* Journal (25 juilet 1932 — 14 juin 1936) / P. Aloisi. — Paris : Plon, 1957. — 392 p.

5. *Archiv* von Publizistischer Arbeit (Bundesrepublik Deutschland). 2.01.1936. Die französisch-englische Vermittlungsvorschlag vom Dezember 1935 im italienisch-abessinischen Streit ; 9.01.1936 / 1. Abessiniens Haltung gegenüber den englisch-französischen Friedensvorschlägen im Dezember 1935 ; 9.01.1936 / 2. Die Begründung der englisch-französischen Friedensvorschlag im italienisch-abessinischen Streit.

6. DCFP — *Documents* on Canadian Foreign Policy 1917—1939 / Ed. W. A. Riddell. — Toronto : Oxford University Press, 1962. — 806 p.

7. DDF — *Documents* diplomatiques francais 1932—1939. Serie 1 (1932—1935). — Paris : Imprimerie national, 1984. — T. XII (21 aôut — 15 oct. 1935). — 706 p. ; T. XIII (16 oct. — 31 dec. 1935). — 776 p.

8. DDI — *I Documenti* diplomatici italiani. Seria 8 (1935—1939). — Roma : Librerio dello stato, 1991. — Vol. 2 (1 settembre — 31 dicembre 1935). — 1005 p.

9. *De Bono E.* La preparazione e le prime operazioni / E. De Bono. — Roma : Istituto nazionale fascista di cultura, 1937. — 217 p.

10. *Haile Selassie I.* My Life and Ethiopia's Progress : The Autobiography of Emperor / Haile Selassie I. — Oxford : Oxford University Press, 1976. — 338 p.

11. LNOJ — *League* of Nations Official Journal, 1935, № 11 ; 1936, № 1 ; Special Supplement 150.

Литература

1. *Бартницкий А.* История Эфиопии / А. Бартницкий, И. Мантель-Нечко. — Москва : Прогресс, 1976. — 592 с.

2. *Вобликов Д. Р.* Эфиопия в борьбе за сохранение независимости : 1860—1960 / Д. Р. Вобликов. — Москва : Наука, 1961. — 218 с.

3. *Трофимов В. А.* Итальянский колониализм и неоколониализм : История и современность / В. А. Трофимов. — Москва : Наука, 1979. — 288 с.

4. *Цыпкин Г. В.* Эфиопия в антиколониальных войнах / Г. В. Цыпкин. — Москва : Наука, 1988. — 312 с.

5. *Цыпкин Г. В.* История Эфиопии в новое и новейшее время / Г. В. Цыпкин, В. С. Ягья. — Москва : Наука, 1989. — 405 с.

5. *Ягья В. С.* Эфиопия в новейшее время / В. С. Ягья. — Москва : Наука, 1978. — 327 с.

6. *Barker A. J.* The Civilising Mission : The Italo-Ethiopian War 1935—1936 / A. J. Barker. — London : Cassell, 1968. — 416 p.

7. *Juniac de G.* Le dernier Roi des Rois : L'Éthiopie de Haïlé Sélassié / G. de Juniac. — Paris : L'Harmattan, 1979. — 416 p.

8. *L'Italia* in Etiopia. Dal Mareb ad Addis Abeba. — Roma : Novissima, 1936. — 188 p.

9. *Marcus H. G.* Haile Selassie I : The Formative Years, 1892—1936 / H. G. Marcus. — Berkeley (Ca) : University of California Press, 1987. — 242 p.

10. *Neutrality* and Collective Security. — Chicago : University of Chicago Press, 1936. — 278 p.

France and Attempt to Resolve the Italo-Ethiopian Conflict in Late 1935: the Hoare–Laval Plan

© Tatiana P. Nesterova (2020), orcid.org/0000-0002-1799-1897, PhD in History, associate professor, Department of Foreign Region Studies, Ural Institute for Humanities, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin" (Yekaterinburg, Russia), tpnesterova@yandex.ru.

The article is devoted to the policy of France towards Italy and Ethiopia at the initial stage of the Italo-Ethiopian war of 1935—1936. It is shown that in the autumn of 1935, the French government took a position aimed at a peaceful settlement of the Italian-Ethiopian conflict at the expense of Ethiopia, since relations with Italy were much more important for France than relations with Ethiopia, and "real policy" required France to reach an agreement primarily with Italy. It is noted that a similar position was taken by the United Kingdom. It is indicated that this resulted in the formation of a plan for the settlement of the conflict, put forward in December 1935 by the head of the French government, Pierre Laval, and the British foreign Minister, Samuel Hoare. It is proved that the Hoare–Laval plan was an early form of the policy of "appeasement of the aggressor," which became the leading direction of French and British foreign policy during the collapse of the Versailles system of international relations in 1938—1939. The research is based on publications of Soviet, French, Italian and Canadian diplomatic documents, League of Nations documents, memoirs of political figures of that era, as well as unpublished documents from the Archive of Publicistic Activity (Germany).

Key words: Italian-Ethiopian war; history of Italy; foreign policy of Italy; foreign policy of France; League of Nations; "policy of appeasement."

Material resources

Aloisi, P. (1957). *Journal (25 juilet 1932—14 juin 1936).* Paris: Plon. (In Frenc.).

Archiv von Publizistischer Arbeit (Bundesrepublik Deutschland). 02.01.1936. Die französisch-englische Vermittlungsvorschlag vom Dezember 1935 im italienisch-abessinischen Streit; 09.01.1936 / 1. Abessiniens Haltung gegenüber den englisch-französischen Friedensvorschlägen im Dezember 1935; 09.01.1936 / 2. Die Begründung der englisch-französischen Friedensvorschlag im italienisch-abessinischen Streit. (In Germ.).

DCFP — *Documents on Canadian Foreign Policy 1917—1939.* (1962). Toronto: Oxford University Press.

DDF — *Documents diplomatiques francais 1932—1939. Serie 1 (1932—1935), XII (21 août — 15 oct. 1935), XIII (16 oct. — 31 dec. 1935).* (1984). Paris: Imprimerie national. (In Frenc.).

DDI — *I Documenti diplomatici italiani. Seria 8 (1935—1939), 2 (1 settembre — 31 dicembre 1935).* (1991). Roma: Librerio dello stato. (In Ital.).

De Bono, E. (1937). *La preparazione e le prime operazioni.* Roma: Istituto nazionale fascista di cultura. (In Ital.).

DVP — *Dokumenty vneshney politiki SSSR, XVIII. 1935, XIX. 1936.* (1973—1974). Moskva: MID SSSR. (In Russ.).

Emery, L. (1960). *Moya politicheskaya zhizn'.* Moskva: Politizdat. (In Russ.).

Herriot, E. (1958). *Iz proshlogo: Mezhdu dvumya voynami. 1914—1936.* Moskva: Izdatelstvo inostrannoy literatury. (In Russ.).

Haile Selassie I. (1976). *My Life and Ethiopia's Progress: The Autobiography of Emperor.* Oxford: Oxford University Press.

LNOJ — *League of Nations Official Journal, 11* (1935), *1* (1936), *Special Supplement 150.*

References

Barker, A. J. (1968). *The Civilising Mission: The Italo-Ethiopian War 1935—1936.* London: Cassell.

Bartnicki, A., Mantel-Nećko, I. (1976). *Istoriya Efiopii.* Moskva: Progress. (In Russ.).

Juniac de, G. (1979). *Le dernier Roi des Rois: L'Éthiopie de Haïlé Sélassié.* Paris: L'Harmattan. (In Frenc.).

L'Italia in Etiopia. Dal Mareb ad Addis Abeba. (1936). Roma: Novissima. (In Ital.).

Marcus, H. G. (1987). *Haile Selassie I: The Formative Years, 1892—1936.* Berkeley (Ca): University of California Press.

Neutrality and Collective Security. (1936). Chicago: University of Chicago Press.

Trofimov, V. A. (1979). *Italyanskiy kolonializm i neokolonializm: Istoriya i sovremennost'.* Moskva: Nauka. (In Russ.).

Tsypkin, G. V. (1988). *Efiopiya v antikolonialnykh voynakh.* Moskva: Nauka. (In Russ.).

Tsypkin, G. V., Yagya, V. S. (1989). *Istoriya Efiopii v novoye i noveysheye vremya.* Moskva: Nauka. (In Russ.).

Voblikov, D. R. (1961). *Efiopiya v borbe za sokhraneniye nezavisimosti: 1860—1960.* Moskva: Nauka. (In Russ.).

Yagya, V. S. (1978). Efiopiya v noveysheye vremya. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Созинова К. А. «Следы моих слез останутся на этой бумаге ...» : письма Елизаветы Стивенс М. М. Сперанскому / К. А. Созинова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 412—427. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-412-427.

Sozinova, K. A. (2020). "Traces of my tears will remain on this paper ...": Letters from Elizabeth Stephens to M. M. Speransky. *Nauchnyi dialog, 8:* 412-427. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-412-427. (In Russ.).

УДК 929Сперанский+929Стивенс
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-412-427

«Следы моих слез останутся на этой бумаге ...»: письма Елизаветы Стивенс М. М. Сперанскому[1]

© Созинова Ксения Андреевна (2020), orcid.org/0000-0002-6980-5881, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения, Уральский гуманитарный институт, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), k.a.sozinova@urfu.ru.

Автор статьи исходит из того, что межгосударственные отношения России и Великобритании в конце XVIII — начале XIX веков во многом определяли область частных контактов русских и англичан. Отмечается, что особое место в истории англо-русских отношений занимают англо-русские браки. Уделяется внимание одному из подобных союзов — браку выдающегося государственного деятеля М. М. Сперанского с англичанкой Элизабет Стивенс. Утверждается, что значительную роль в судьбе Сперанского сыграл А. А. Самборский, также женатый на англичанке, в доме которого и произошла судьбоносная встреча Сперанского с будущей женой. Сообщается, что в фонде Сперанского Российской национальной библиотеки сохранились письма Элизабет (Елизаветы) Стивенс к Сперанскому, ранее широко не привлекаемые исследователями, однако не все из этих писем в действительности принадлежат Элизабет, часть из них принадлежит ее сестре — Марианне. В данном исследовании впервые приводится перевод данных писем для анализа частной жизни Сперанского. Автором делается вывод о том, что сохранившаяся переписка отвечает стандартам и способам проявления чувств в эпоху «сентиментализма». Также рассматривается вопрос о том, насколько Сперанский был погружен в культурный контекст британской действительности благодаря этому браку. Несмотря на то, что брак был достаточно коротким, связь Сперанского с семейством Стивенсов оказалось достаточно прочной.

Ключевые слова: история России; история Великобритании; англо-русские браки; М. М. Сперанский; А. А. Самборский; Елизавета Стивенс; Марианна Стивенс; история повседневности.

1 Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура Духа» vs «Культура Разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII—XVIII вв.)».

1. Англо-русские отношения в XVIII — начале XIX веков: историография вопроса

Англо-русские отношения имеют достаточно длительную историю. Огромное влияние на межгосударственные отношения двух стран в конце XVIII — начале XIX веков оказывали частные контакты русских и англичан. Англо-русские контакты характеризовались не только устойчивыми дипломатическими отношениями и интенсивным обменом специалистами, изучением интеллектуального опыта и появлением многочисленных травелогов, написанных англичанами о России и русскими о Британии, но и англо-русскими браками, которые заключались среди людей, связанных с государственной службой. Такие глубокие связи двух культур в XVIII веке способствовали их взаимопроникновению и обогащению. Англо-русские семейные союзы раскрывают область частного в англо-русских отношениях, и одним из примеров таких союзов является брак известного государственного деятеля Михаила Михайловича Сперанского (1772—1839) с англичанкой Элизабет (Елизаветой) Стивенс.

Исследование англо-русских связей как в отечественной, так и в зарубежной историографии имеет достаточно длительную и богатую историю. Начало этим исследованиям было положено еще в конце XIX — начале XX веков — это работы В. И. Александренко, Ф. Ф. Мартенса [Александренко, 1897; Мартенс, 1892]. Огромный вклад в изучение англо-русских отношений XVIII—XIX веков внесли современные исследования В. В. Высоковой, А. Ю. Ануфриевой, Т. Л. Лабутиной, А. Б. Соколова [Высокова и др., 2006; Лабутина, 2013; Соколов, 1992]. В британской историографии отдельного внимания заслуживают фундаментальные труды Э. Кросса, в центре внимания которых исследование сферы «частного» в англо-русских отношениях в XVIII — начале XIX вв. [Кросс, 1996; Cross, 1996]. Однако тема англо-русских браков и «частного» до сих пор остается в тени «публичного» в отношениях России и Британии.

В отечественной историографии существует обширный корпус работ, посвященных государственной деятельности самого М. М. Сперанского, но к его частной жизни исследователи обращались достаточно фрагментарно, и ее освещению отводилось мало места. Наибольший вклад в этом отношении внесла дореволюционная работа М. А. Корфа [Корф, 1861], где автором выделяется несколько периодов частной жизни Сперанского. Особый интерес для нас представляет первый период, до кончины Павла I (недолгий брак с Элизабет Стивенс, рождение дочери), и второй — с 1801 по 1812 годы. Из современных биографических исследований, где раскрывается не только реформаторская жизнь Сперанского, но и его

частная жизнь, можно отметить работы Н. В. Минаевой и В. А. Томсинова, [Минаева, 2009; Томсинов, 2003]. Кросс-культурные связи Британии и России также рассматривались сквозь призму деятельности иностранных гувернанток в России в XVIII—XIX веках, в частности, к судьбе Стивенс-старшей (матери Элизабет) обращалась в своей работе О. Ю. Солодянкина [Solodyankina, 2018].

Важное место в настоящем исследовании занимает относительно новое течение в социальной истории — история эмоций. Отношения Сперанского с молодой супругой — богатая почва для оценки влияния положения в обществе, гендерной принадлежности и возраста в России на складывающийся эмоциональный опыт, способы проявления чувств и «эмоциональные стандарты» конца XVIII века. В этом русле классическим исследованием является работа Б. Розенвейн [Rosenwein, 2006] об «эмоциональных сообществах» в эпоху Средних веков, а также У. Редди «Навигация эмоций» [Reddy, 2001] с его политической концепцией сентиментализма. Анализу феномена меланхолии и ее роли в западной культуре посвящено исследование К. Юханнисон. Она рассматривает структуры чувств, подчеркивая их классовую и гендерную обусловленность и указывая, что «распространению меланхолии способствовали салонная культура и традиции эпистолярного жанра — письма и дневники носили полуличный характер и выполняли в определенных кругах функцию современных блогов» [Юханнисон, 2019, с. 11]. В отечественной историографии данная проблематика нашла свое отражение в исследованиях А. Л. Зорина. В статье «Разлука с семьей в 1797 г.: двойная идентичность Михаила Муравьева» анализируются индивидуальные переживания Муравьева, дающие представление о сосуществовании в сознании героя статьи «служебного» и сентименталистского кодексов. Автором поднимается вопрос о том, «насколько мирно в эмоциональном репертуаре Муравьева уживались друг с другом матрицы, характерные для русского дворянина на царской службе и европейского сентименталиста и писателя» [Зорин, 2011]. Схожие проблемы, хоть и в меньшей мере, преследовали и Сперанского.

2. Англо-русские браки: М. М. Сперанский и Э. Стивенс

Немалое участие в судьбе Сперанского принял Андрей Афанасьевич Самборский (1732—1815). С его фигурой, в первую очередь, связана деятельность посольской церкви в Лондоне, где Самборский с 1769 по 1779 годы занимал место настоятеля. Данная церковь при русском посольстве, официально носившая название Православная греко-российская церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, была открыта еще

в 1716 году. Именно вокруг нее сосредоточилась частная жизнь русских подданных в Лондоне. Самборский поддерживал дружеские отношения со многими известными англичанами. Он был знаком с Артуром Янгом и Джереми Бентамом [Высокова, 2006, с. 327].

С другой стороны, англичане также имели возможность отправлять культ англиканской церкви в России, при британском посольстве в Петербурге состоял капеллан. В своем исследовании В. В. Высокова указывает, что «в Москве по полицейским ведомостям о числе жителей города за 1811 г. насчитывалось 188 британцев обоего пола (111 мужчин и 77 женщин). В Москву, как и Петербург, приезжали купцы, предприниматели, техники, ремесленники, садовники, конюхи, гувернеры, доктора и специалисты в различных областях сельского хозяйства. Протестантская колония старалась держаться вместе в районе улиц Мясницкой, Басманной и Лефортовской» [Высокова, 2006, с. 328].

Следует отметить, что сам Самборский выбрал себе в супруги англичанку Елизавету Филдинг, сироту. Дозволения на заключение брака ему пришлось испрашивать у Святейшего Синода, одним из условий которого был переход невесты в православную веру. Все формальности были достаточно быстро соблюдены, и уже в 1768 году состоялось венчание. Адмиралы Н. С. Мордвинов (1754—1845) и П. В. Чичагов (1767—1849) также связали свою судьбу с англичанками и являют еще один из примеров счастливого англо-русского брака. Так, Н. С. Мордвинов в 1784 году женился на Генриэтте Коблей, а Чичагов в 1799 году заключил брак с Элизабет Проби.

В конце XVIII века сформировалась целая интеллектуальная сеть англоманов в России, в центре которой находились: А. А. Самборский, М. М. Сперанский, В. Ф. Малиновский (первый директор Царскосельского лицея). Последний был женат на дочери А. А. Самборского — Софии (1772—1812), наполовину англичанке. Кроме этого, жизненный путь Малиновского был также связан с туманным Альбионом, в 1789—1791 годах он состоял переводчиком при русской миссии в Лондоне. Следует упомянуть и русских путешественников — дворян, после указа о вольностях дворянских (1762) и Жалованной грамоты (1785) получивших широкие возможности для заграничных поездок, чаще всего включающие именно Англию. Среди этого круга приближенных ко двору интеллектуалов и интеллектуалок были княгиня Е. Р. Дашкова (1743—1810), В. Г. Орлов (1743—1831), А. Б. Куракин (1752—1818) и т. д. Служилое дворянство, связанное с литературным творчеством, также достаточно часто избирало Англию в числе стран для большого заграничного путешествия: Н. М. Карамзин (1766—1826), П. И. Макаров (1765—1805) и т. д. Данный круг лиц можно расширять и далее, но

очевидно, что, несмотря на внешнеполитические обстоятельства и, казалось бы, распространенное в конце XVIII века франкофильство, русские интеллектуалы неизменно отдавали свои симпатии туманному Альбиону. В связи с этим и англо-русские браки были предсказуемым следствием живого интереса, проявляемого нашими соотечественниками к Англии. И следует отметить, что данный интерес был симметричным.

Как уже упоминалось выше, М. М. Сперанский был связан тесной дружбой с Самборским. Сохранилось письмо от 16 июня 1788 года, написанное тогда еще студентом духовного училища Сперанским к Самборскому, где он просит походатайствовать о переводе его в Московский университет, так как «желательно слушать богословие в месте изучения французского языка и математических занятий науками, которых в семинарии не преподают» [РНБ, ф. 731, ед. хр. 1934, л. 1], но «Архипастор мой этому моему желанию исполниться не дозволит» [Там же, л. 2]. Именно на ужине в доме у Самборского летом 1797 года он встретился с будущей женой — Элизабет Стивенс, дочерью англиканского пастора.

Корф указывает, что Самборский, еще находясь в Лондоне, сошелся близко со швейцарским семейством Планта, издавна поселившимся в Англии и состоявшим на момент знакомства из двух братьев и четырех сестер. Один брат жил как частное лицо, «другой был инспектором Британского музея и написал историю Швейцарии <...> Из четырех сестер, старшая, после замужества, переселилась в Америку; вторая — была надзирательницей при Английских принцессах, дочерях Георга III; третья, болезненная, находилась помощницею при второй» [Корф, 1861, с. 67]. Четвертая — Елизавета Андреевна (как после называли ее в России), прекрасно образованная и привлекательная женщина, — обладала неуживчивым нравом. Уровень ее образованности соответствовал тогдашним представлениям о женском образовании в позднегеоргианской Англии. Она владела французским, итальянским и английским языками, была музыкальна (умела играть на арфе, пела и сочиняла музыку), что позволяло ее родственникам надеяться, что она в дальнейшем составит прекрасную партию не менее блистательному молодому человеку. Однако она имела неосторожность связать свою судьбу с приходским священником — Генри Стивенсом (Henry Stephens), обвенчавшись с ним против воли своих братьев. Елизавета Планта совершила достаточно смелый, но безрассудный поступок, отдав предпочтение буржуазному браку по любви. Столь незавидное положение Елизаветы Стивенс ухудшилось, когда в 1789 году умер ее супруг, оставив ее одну с тремя детьми (две дочери, Елизавета и Марианна, и сын Фрэнсис). В этой непростой ситуации один из братьев сыграл значительную

роль в последующем устройстве судьбы сестры. Джозеф Планта написал Самборскому из Лондона (12 января 1790 года) с просьбой пристроить его младшую сестру, ставшую вдовой: «Вы наверно ее помните, она одарена была музыкальными талантами. Муж умер шесть месяцев назад и оставил ее и ее детей в бедственном положении» [РНБ, ф. 731, ед. хр. 2323, л. 1]. Уже в следующем письме от 10 августа 1790 года он благодарит Самборского за участие в судьбе сестры и заверяет: «Когда ваш сын будет в городе, я готов оказать ему всяческую поддержку и любую услугу» [Там же, л. 3].

Полученное в молодости образование открыло возможность Елизавете претендовать на должность гувернантки при знатной семье. Покровительство Самборского позволило ей в 1790 году поступить на службу в один из самых знатных домов в России — к графу Андрею Петровичу Шувалову. Она стала гувернанткой при младшей дочери графа — Александре. Елизавета быстро смогла завоевать доверие как у супруги Шувалова, так и своих подопечных и выписать своих детей из Англии, где они оставались под присмотром няни, мисс Джойс [Корф, 1861, с. 69]. По прибытии в Петербург они еще какое-то время жили в доме своей няни, а затем девочки были определены в частный пансион. Графиня Шувалова взяла на себя покровительство над старшей сестрой. Так, Елизавета стала частым гостем как в доме Шуваловых, так и Самборского, где и произошла ее первая встреча с молодым Сперанским.

Он с первого взгляда влюбился в эту 16-летнюю девушку. Судьбоносная встреча произошла в Павловске на ужине у А. А. Самборского в конце лета 1797 года. Как и ее мать, она была достаточно образованна, была обучена французскому языку. Постижение же русского языка она, судя по всему, начала уже в браке со Сперанским, что следует из их переписки, которая велась на французском языке. Так, в конце письма от 8 сентября 1799 года Елизавета уже пишет на русском, хоть и с небольшими грамматическими погрешностями: «… сколько мне скушно без тебя и сколько я желаю быть опять с тобой, ты обещался быть суда зафтра, теперь 6 часов от 6 часов до завра 4 можит в 5 остается 23 часа, а как много время надо чтобы проводила без тебя, друг мой сердечный и любезный — приезжай поскорее к нам, с каким удовольствием я с тобой увижусь» [РНБ, ф. 731, ед. хр. 2171, л. 10]. В конце письма стоит приписка также на русском — «верная Лизанка». Благодаря Елизавете и сам Сперанский выучил английский язык, хотя в историографии до сих пор ведутся споры о том, имел ли этот факт место в действительности или он владел лишь несколькими разговорными фразами. М. А. Корф указывает на то, что Сперанский мог на нем и писать, и свободно изъясняться [Корф, 1861, с. 74]. Если обратиться

к содержанию бумаг самого Сперанского, то можно встретить множество выписок из трудов англичан: Аддисона, Джонсона, Свифта [РНБ, ф. 731, ед. хр. 894, 37 лл.]. Кроме того, встречается много выписок из «Эдинбург ревью» [Там же, ед. хр. 898, л. 1; Там же, ед. хр. 899, лл. 1—2]. Очевидно, что взгляды Сперанского на государство и право складывались в числе прочего и под воздействием англосаксонской общественно-правовой мысли. Кроме того, Сперанский активно интересовался и вопросами теологии, обращаясь к трудам английских богословов.

Сперанскому, как и Самборскому, пришлось испрашивать разрешения на бракосочетание с иностранкой. Так, 25 октября 1798 года было подано прошение на имя императора Павла: «Прошу, милостивый государь, приказать изготовить указ на имя Сампсониевского иерея, ежели можно, завтра к полудню … совокупиться законным первым браком состоящем в Реформатском законе к лютеранскому закону не склоняется» [Там же, ед. хр. 2, л. 5]. В сведениях о своей невесте Сперанский указал, что «от роду ей семнадцать лет, родилась в Англии в герцогстве Нортумберландском близ городка Гексама. Отец ее английский пастор Генрих Стивенс помре, мать Анна Елизавета Стивенс находится в живых» [Там же]. 29 октября 1798 года был получен указ за номером 2278 и уже 3 ноября 1798 года в метрической книге Самсоньевской церкви, что на Выборской стороне под № 19 [РНБ, ф. 731, ед. хр. 2, л. 2] появилась запись о венчании первым браком Елизаветы Стивенс и М. М. Сперанского. Бракосочетание состоялось в конце 1798 года. Дореволюционный историк С. Н. Южаков, говоря о браке Сперанского, с горечью отмечает, что «… в эти последние годы императора Павла <…> Сперанский был уже на такой дороге, что мог рассчитывать на самую блестящую будущность, а, следовательно, и на блестящую партию, которая укрепила бы его положение, дала бы ему, безродному поповичу, связи и опору в чиновном и сановном мире. Сперанский же женился по любви на бедной англичанке Елисавете Андреевне Стивенс, дочери гувернантки, без связей и состояния» [Южаков, 1892, с. 19].

5 сентября 1799 года у них родилась дочь. По роковому стечению обстоятельств молодая жена Сперанского умерла вскоре после родов от чахотки (6 ноября 1799 года), девочку назвали в честь матери Елизаветой. В качестве основной причины развития чахотки биографы М. М. Сперанского ссылаются на его подарок невесте в честь помолвки — массивные карманные часы, которые она носила на цепочке. В результате несчастного случая карета, на которой Елизавета с матерью отправились в гости к графине Дитрихштейн, опрокинулась, «девушка упала на ту сторону, где висели у нее часы, и их с такою силою вдавило ей в грудь, что они в ту

же минуту остановились» [Корф, 1861, с. 75]. Последствия данной травмы она скрыла от мужа.

Удивительно, что в одном из писем Елизаветы уже прочитывается предчувствие скорой смерти. Она пишет:

«Забыла вам сказать, что весь вчерашний день я провела в постели, чувствуя себя просто ужасно — не слишком забавная новость. А книги господина Ц. (видимо, речь идет о Цейере.[1] — *К. С.*) были мне очень полезны. Читая одну из них, «Могилы» Харви, я не смогла сдержать слезы при описании смерти отца семейства. Мне казалось, я увидела смерть и своего отца тоже. О, как он мне нравится, какой великий человек этот Харви, какой мыслитель! Его манера описывать одновременно и настоящая, и такая трогательная, что никогда не научишься ей сопротивляться. Помните могилу того юноши, который собирался жениться?.. Если я потеряю вас, у меня больше ничего не останется на этом свете, и честное слово, моя партия в таком случае сыграна. Я знаю, что бы стала делать — все, что приносило бы мне удовольствие, до тех пор, пока это не стало бы невыносимым. Может, я и правда сошла с ума, но я ему верю, и думаю, следы от моих слез останутся на этой бумаге. Пускай, будь что будет. И снова повторюсь, какой великий человек Харви, разве можно не прочитать его творение еще и на английском.

Прошлой ночью мне снился отец, снилось, что я увидела его и бросилась к нему в объятия. Ощущение смерти так и не покинуло мою душу. Сон был восхитительным, самым сладким, что я когда-либо чувствовала в своей жизни. Но увы, это был лишь сон, и мне никогда больше не почувствовать подобного. От этой мысли я вновь чувствую слезы, но восхитительные слезы — вот бы они никогда не иссякли…» [РНБ, ф. 731, ед. хр. 2171, л. 10].

Известно, что 6 ноября 1799 года Елизавета скоропостижно скончалась, тем удивительнее выглядят последние строки одного из писем, написанные под впечатлением от прочтения трактата «Размышления среди могил» (1746) английского священника и писателя преподобного Джеймса Харви (1714—1758) [Hervey, 1748]. «Размышления» выдержали пятнадцать переизданий в XVIII веке в Лондоне [Parisot, 2014, p. 121]. Собрание «Размышления и созерцания» (1748), включавшее данный трактат, также стало бестселлером и к концу века достигло двадцати шести изданий [Parisot, 2014, p. 122]. Трактат Харви является важным связующим звеном

1 Франц Иванович Цейер работал под началом Сперанского, живя его жизнью на протяжении более тридцати лет. Был и хозяйкой, и нянькою, и почти слугою своего покровителя. Знал французский язык [подробнее см.: Корф, 1861, с. 84].

между текстами, написанными в русле реформационной теологии, и зарождающимся сентиментализмом в английской литературе, поскольку в нем по-новому рассматриваются представления о смерти и загробной жизни. В данном письме ясно прослеживается основной эмоциональный регистр сентиментального письма, который обычно задается разлукой автора с близкими, с супругом [Зорин, 2011]. Все письмо пронизано трагичными нотками, периоды разлуки с любимым неизменно тяготят юную Елизавету, в письме тесно переплелась любовь и меланхолия. Прочитывается состояние глубокой подавленности и погружение в мир чувств и тонких ощущений. Именно так К. Юханнисон [Юханнисон, 2019, с. 21] характеризует меланхолию Нового времени. Елизавета постоянно подчеркивает свои переживания, начиная с них запись каждого нового дня в письме: «Суббота, 4 сентября. Бог мой, как же тянутся дни … и с каким отчаянием я жду, когда они закончатся. Каждое утро, когда я просыпаюсь, думаю лишь о том, как вечером пойду спать. Вот какие мысли, мой дорогой друг, занимают меня почти всегда с тех пор, как вы уехали. И точно так же прошла пятница и практически весь сегодняшний день, ведь уже скоро пора ложиться. А так как я имею удовольствие писать вам, думаю лишь о том, что чем позже я лягу, тем позже завтра проснусь, а значит, времени останется чуть меньше. В пятницу, как вы могли догадаться, у меня совсем не было настроения» [РНБ, ф. 731, ед. хр. 2171, л. 9].

Сперанский тяжело пережил потерю жены. В его поведении проявились черты, столь характерные для «эпохи чувствительности», — период краткого торжества эмоций над разумом. Узнав о смерти супруги, он лишь оставил записку, в которой нарекал дочь именем матери, и исчез. Несколько недель он не возвращался домой. Сам он так описал свое состояние: «И время меня не утешает. Вот третья неделя наступает, как я проснулся, и горести мои каждый день возрастают по мере того, как я обнимаю ужас моего состояния <…> Жестокое дитя, немилосердные друзья; один удар, одно мгновенье, и я бы разложился. Прах мой смешался бы с нею» [Цит. по: Корф, 1861, с. 76—77]. Под воздействием захлестнувших его эмоций Сперанский полностью выпал из жизни, пренебрегая обществом, службой и долгом перед новорожденной дочерью. Если судить по тексту письма, не исключено, что была предпринята даже попытка самоубийства, от которой Сперанского удержали друзья. Столь яркое проявление эмоций коррелирует с общим духом эпохи сентиментализма, возвышающего человеческие страдания. В этот же «поведенческий стереотип» вписывается и дальнейшая судьба Сперанского, образ вдовца, потерявшего единственную любовь и посвятившего всю свою дальнейшую жизнь заботам о дочери.

Здесь отчетливо видна эстетизация главной эмоции эпохи — меланхолии. К. Юханнисон подчеркивает, что для человека Нового времени «горение души становится стилем жизни, выбранным по контрасту с отвратительной легкостью существования» [Юханнисон, 2019, с. 44]. Чувство утраты было успешно конвертировано Сперанским в культурный капитал — законотворческую деятельность.

3. Фонд М. М. Сперанского: письма Елизаветы Стивенс к мужу

Личная переписка Сперанского хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде М. М. Сперанского (Ф. 731. Ед. хр. 2171. Стивенс Елизавета, невеста, а потом жена М. М. Сперанского. Письма (21) М. М. Сперанскому. 22 июня 1800 г. и б.д. На франц. яз. 40 лл.). Свои письма к Елизавете Сперанский уничтожил после ее смерти, остались лишь те, что писала сама Елизавета. В 1857 году его дочь Елизавета Михайловна передала все оставшиеся после смерти отца бумаги в фонд Императорской публичной библиотеки [В память …, 1872, с. I]. Однако известно, что Елизавета умерла еще в ноябре 1799 года, тогда как часть писем написана уже после 1799 года и, очевидно, принадлежать ей не может. Письма, вероятно, были написаны ее младшей сестрой Марианной, которая после смерти сестры чаяла занять ее место рядом со Сперанским. Корф отмечает, что «она захотела непременно занять место умершей своей сестры, т. е. сделаться женою Сперанского, что давало беспрестанно повод к самым неприятным сценам и с нею и с ее матерью, потворствовавшей ее планам, а с другой стороны — к разным предосудительным толкам в их кругу и вне его» [Корф, 1861, с. 272]. С точки зрения русской традиции данное поведение рассматривалось в окружении Сперанского как предосудительное, однако для англичан стремление Марианны занять место сестры было вполне приемлемым и даже очевидным. Так, следующее письмо от 22 июня 1800 года, вероятнее всего, принадлежит именно Марианне Стивенс:

«Прошу прощения, тысячу раз прошу меня простить, мой глубокоуважаемый друг, что я так поздно сообщаю вам вести о вашей дорогой дочери. Хотя я и оказалась права, что отложила это до конца недели, чтобы доставить вам удовольствие следующей новостью.

Сегодня утром я была у нее и, вместо того, чтобы увидеть маленькую миловидную девочку, достаточно скромную и спокойную, я встретила перепачканного, озорного мальчишку, маленького савояра. Объевшись чернослива, она испачкала все лицо самым забавным образом, ее костюм был таким же черным. Одним словом, хоть картину пиши. Все, что она

делает — неслыханно; когда-то мы должны были ее развлекать, а сейчас она делает это сама. Когда ставишь ее на кровать, она тут же падает с нее очертя голову и заливисто смеется, а потом заставляет повторять этот трюк снова и снова. В том представлении не хватает только вас. В целом она ведет себя хорошо. Я, как всегда, водила ее посмотреть на курочек, ее маленьких протеже. Она подзывала их к себе своей детской ручкой с таким серьезным лицом — очень смешно.

На самом деле, мой дорогой и глубокоуважаемый друг, хотя вас уже не назвать нежным словом «муж», у вас остается такое же мягкое слово «папа», а также уверенность в том, что вас любят очень сильно, и не на красивых словах, а всем сердцем.

Сможет ли она составить счастье ваших дней, которое вы так хотите испробовать? Сможет ли осуществить все ваши самые дорогие ожидания? Что до меня, я всегда буду любить ее, как люблю вас, чтобы однажды она скрепила цементом те ниточки, что связывают меня с вами, и чтобы вы полюбили меня еще сильнее. До свидания, всего наилучшего, ваша…» [РНБ, ф. 731, ед. хр. 2171, л. 2].

Марианне вместе с матерью пришлось вернуться из Вены, чтобы помочь Сперанскому с маленькой Лизой. В 1802 году Марианна вышла замуж за Константина Васильевича Злобина (1779—1813), но этот брак не принес счастья супругам, хотя Марианна сумела вызвать симпатию у отца Злобина, своего свекра, Василия Ивановича. Он был близок со Сперанским и долгое время оказывал финансовую поддержку Марианне, даже когда ее отношения с его сыном были окончательно расстроены. В письме от января 1804 года она пишет Сперанскому:

«Уже очень давно я думала, мой дорогой друг, о том, что вам нужно создать небольшой фонд во избежание всяких сюрпризов судьбы.

Первой моей идеей было пустить в оборот для вашей прибыли капитал, который я бы предложила поместить в фонд Роверри: но, тщательно продумав этот проект, я нашла его немного сложным. Поэтому я решила понемногу сформировать для вас капитал из моих личных средств, который бы принадлежал вам как абсолютная и исключительная собственность вас и ваших потомков. Эта идея осуществилась, и в конце этого года фонд, о котором я вам только что говорила, увеличился до 5000 (?), я оставляю их здесь в качестве отложенного долга на два года. Вы сможете распоряжаться ими, как вам заблагорассудится. Я бы на вашем месте поместила эти деньги или к господину, или к Роверри, или к Бержьену. Ваш доход будет составлять как минимум 500, если только вы не захотите пустить их в спекулятивные операции, чего я бы вам не советовала.

Оказывая вам эту услугу, я радуюсь только от мысли, что, что бы со мной ни случилось и даже если я умру, вы сможете сохранить состояние благодаря этому доходу.

Зная ваши умеренные вкусы, могу быть уверена в том, что они обеспечат вашу независимость, если вы решите обосноваться в одной из лучших провинций России.

Мне нет необходимости убеждать вас в том, что это мера предосторожности против превратностей судьбы, ведь пока я жива, мое состояние — это и ваше состояние тоже.

Также я слышала, что дело зеленого корабля продвигается в том же духе, и если оно что-то принесет (в чем я сомневаюсь), то перейдет к вам без промедления.

Остаюсь вашим другом, никому ничего не говорите.

Суббота» [Там же, ед. хр. 1943. лл. 1—2].[1]

Около 1811 года Сперанский купил дом близ Новгорода, небольшое имение Великополье, частично на свои средства, а частично на деньги Марианны, которые были даны ей ее свекром Злобиным [Корф, 1861, с. 282]. Сама Марианна умерла зимой 1812 года, оставив на попечение семейству «воспитанную ею девочку Анюту» [Корф, 1861, с. 282], что впоследствии породило слухи о том, что отцом ее был сам Сперанский.

4. Заключение

Таким образом, брак М. М. Сперанского с Элизабет Стивенс и его последующие отношения с семейством покойной супруги являют собой пример «частного» в англо-русских связях в конце XVIII — начале XIX веков. Все женщины семейства Стивенс, начиная с матери, были высокообразованными особами по меркам того времени и впоследствии связали свою жизнь с Российской империей. Среди писем к Сперанскому в его фонде хранятся не только письма Элизабет, но и письма ее сестры. Несмотря на то, что некоторые исследователи биографии Сперанского рисуют образ Марианны как достаточно легкомысленной девушки, вознамерившейся занять место своей старшей сестры, ее письма свидетельствуют о зрелости ее жизненной позиции и теплых чувствах к Сперанскому. Сама переписка в этот период велась на французском языке, хотя изучение рабочих бумаг Сперанского начала XIX века показывает, что он владел английским языком наряду с французским. При этом до знакомства с Элизабет Сперанский английского не знал и тяготился званными вечерами у Самборского,

1 Перевод писем с французского языка выполнен Дворниковой Юлией Вячеславовной, студенткой 3 курса кафедры зарубежного регионоведения УрФУ.

где было много англичан. Также обращает на себя внимание тот факт, что в англо-русских браках чаще всего встречаются браки русского и англичанки, а не наоборот. При этом русские оказались гораздо больше втянутыми в культурный контекст британской действительности, стремились перенять английский образ жизни и ближе познакомиться с политической системой Великобритании. Трагическая ранняя смерть супруги оказала сильнейшее влияние на последующую жизнь Сперанского, окрашенную меланхолией, однако успешно обращенную в активную созидательную деятельность на ниве государственной службы. Перспективы исследования видятся в дальнейшем восстановлении сведений о сети «англоманов» среди русских интеллектуалов на рубеже XVIII—XIX веков.

Источники и принятые сокращения

1. РНБ — *Российская* национальная библиотека. Ф. 731. Ед. хр. 1934. Л. 1 , Л. 2 ; Ед. хр. 2. Письмо о заключении брака на имя императора Павла I (25 октября 1798). Л. 5 ; Ед. хр. 2171. Л. 10 ; Ед. хр. 2171. Л. 2, Л. 9—10 ; Ед. хр. 2323. Л. 1, Л. 3 ; Ед. хр. 894. 37 лл. ; Ед. хр. 898. Л. 1 ; Ед. хр. 899. Л. 1—2 ; Ф. 731.2. Л. 2.

2. *Hervey J.* Meditations and Contemplations / J. Hervey. — London : John and James Rivington, 1748. — Vol. I. — 197 p.

Литература

1. *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. / В. Н. Александренко. — Варшава : Типография Варшавскаго учебнаго округа, 1897. — Т. 1—2. — 25 с.

2. *В память* графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772—1872 / под редакцией А. Ф. Бычкова. — Санкт-Петербург : Имп. Публ. б-ка, 1872. — 855 с.

3. *Высокова В. В.* Частное и публичное в англо-русских отношениях конца XVIII — начала XIX века / В. В. Высокова, А. Ю. Ануфриева // Россия и Британия. — Москва, 2006. — Выпуск 4 : Связи и взаимные представления XIX—XX века. — С. 316—337.

4. *Зорин А. Л.* Разлука с семьей в 1797 г : двойная идентичность Михаила Муравьева [Электронный ресурс] / А. Л. Зорин // НЛО. — 2011. — № 4. — Режим доступа : https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/110_nlo_4_2011/article/18362/.

5. *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского / М. А. Корф. — Санкт-Петербург : Издание Императорской публичной библиотеки, 1861. — Т. 1. — 283 с.

6. *Кросс Э.* У темзских берегов : Россияне в Британии в XVIII в. / Э. Кросс. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1996. — 388 с.

7. *Лабутина Т. Л.* Британцы в России в XVIII веке / Т. Л. Лабутина. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. — 352 с.

8. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Ф. Ф. Мартенс. — Санкт-Петербург : Тип. М-ва Путей Сообщения (А. Бенке), 1710—1801. — Т. 9 (10). Трактаты с Англией. — 563 с.

9. *Минаева Н. В.* М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. Конец XVIII — первая половина XIX веков / Н. В. Минаев. — Москва : Собрание, 2009. — 341 с.

10. *Соколов А. Б.* Навстречу друг другу : Англия и Россия в XVI—XVIII вв. / А. Б. Соколов. — Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1992. — 300 с.

11. *Томсинов В. А.* Судьба реформатора, или Жизнь Сперанского / В. А. Томсинов. — Москва : Издательство «Норма», 2003. — 272 с.

12. *Южаков С. Н.* М. М. Сперанский. Его жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк / С. Н. Южаков. — Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1892. — 88 с.

13. *Юханнисон К.* История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь / К. Юханнисон. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 320 с.

14. *Cross A.* By the banks of Neva / A. Cross. — Cambridge : Cambridge University Press, 1996. — 474 p.

15. *Parisot E.* The Work of Feeling in James Hervey's Meditations among the Tombs (1746) / E. Parisot // Parergon. — December 2014. — Vol 3, № 2. — Pp. 121—135.

16. *Reddy W. M.* The navigation of feeling : A Frame-work for the History of Emotions / W. M. Reddy. — New York : Cambridge University Press, 2001. — 380 p.

17. *Rosenwein B. H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages / B. H. Rosenwein. — Ithaca : Cornell University Press, 2006. — 248 p.

18. *Solodyankina O.* Cross-Cultural Closeness : Foreign Governess in the Russian Empire, 1700—1850 / O. Solodyankina // Early Professional Women in Northern Europe, 1650—1850. — London : Routledge, 2018. — Pp. 217—243.

"Traces of my tears will remain on this paper ...": Letters from Elizabeth Stephens to M. M. Speransky[1]

© Kseniya A. Sozinova (2020), orcid.org/0000-0002-6980-5881, PhD in History, senior lecturer Department of Foreign Region Studies, Ural Institute for Humanities, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin" (Yekaterinburg, Russia), k.a.sozinova@urfu.ru.

The author of the article assumes that the interstate relations between Russia and Great Britain in the late 18th — early 19th centuries largely determined the area of private contacts between Russians and the British. English-Russian marriages have a special place in the history of English-Russian relations. Attention is paid to one of such unions — the marriage of the outstanding statesman M. M. Speransky with an Englishwoman Elizabeth Stephens. It is claimed that a significant role in Speransky's fate was played by A. A. Samborsky, also married to an Englishwoman, in whose house Speransky's fateful meeting with his future wife took place. It is reported that the Speransky Fund of the Russian national library preserved letters of Elizabeth Stephens to Speransky, previously not widely attracted by researchers, but not all of these letters actually belong to Elizabeth, some of them belong to her sister — Marianne. This study provides the first translation of these letters for the analysis of Speransky's private

1 The study is supported by the RSF grant (project № 19-18-00186 "Culture of the spirit" vs "Culture of the Mind": Intellectuals and Power in Britain and Russia in the era of Change (17th—18th centuries)".

life. The author concludes that the preserved correspondence meets the standards and methods of expression of feelings in the era of "sentimentalism." The problem of how much Speransky was immersed in the cultural context of British reality due to this marriage is also considered. Despite the fact that the marriage was quite short, Speransky's relations with the Stephens family were quite strong.

Key words: history of Russia; history of Great Britain; English-Russian marriages; M. M. Speransky; A. A. Samborsky; Elizabeth Stephens; Marianna Stephens; history of everyday life.

Material resources

Hervey, J. (1748). *Meditations and Contemplations.* London: John and James Rivington, I.

RNB — *Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka. F. 731. Ed. khr. 1934. L. 1, L. 2; Ed. khr. 2. Pismo o zaklyuchenii braka na imya imperatora Pavla I (25 oktyabrya 1798). L. 5; Ed. khr. 2171. L. 10; Ed. khr. 2171. L. 2, L. 9—10; Ed. khr. 2323. L. 1, L. 3; Ed. khr. 894. 37 ll.; Ed. khr. 898. L. 1; Ed. khr. 899. L. 1—2; F. 731.2. L. 2.* (In Russ.).

References

Aleksandrenko, V. N. (1897). *Russkiye diplomaticheskiye agenty v Londone v XVIII v., 1—2.* Varshava: Tipografiya Varshavskago uchebnago okruga. (In Russ.).

Cross, A. (1996). *By the banks of Neva.* Cambridge: Cambridge University Press.

Korf, M. A. (1861). *Zhizn' grafa Speranskogo, 1.* Sankt-Peterburg: Izdaniye Imperatorskoy publichnoy biblioteki. (In Russ.).

Kross, E. (1996). *U temzskikh beregov: Rossiyane v Britanii v XVIII v.* Sankt-Peterburg: Akademicheskiy proekt. (In Russ.).

Labutina, T. L. (2013). *Britantsy v Rossii v XVIII veke.* Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).

Martens, F. F. (1710—1801). *Sobraniye traktatov i konventsiy, zaklyuchennykh Rossiyey s inostrannymi derzhavami, 9 (10).* Sankt-Peterburg: Tip. M-va Putey Soobshcheniya (A. Benke). Traktaty s Angliey. (In Russ.).

Minayeva, N. V. (2009). *M. M. Speranskiy v vospominaniyakh sovremennikov. Konets XVIII — pervaya polovina XIX vekov.* Moskva: Sobraniye. (In Russ.).

Parisot, E. (December 2014). The Work of Feeling in James Hervey's Meditations among the Tombs (1746). *Parergon, 3 (2):* 121—135.

Reddy, W. M. (2001). *The navigation of feeling: A Frame-work for the History of Emotions.* New York: Cambridge University Press.

Rosenwein, B. H. (2006). *Emotional Communities in the Early Middle Ages.* Ithaca: Cornell University Press.

Sokolov, A. B. (1992). *Navstrechu drug drugu: Angliya i Rossiya v XVI—XVIII vv.* Yaroslavl': Verkhne-Volzhskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).

Solodyankina, O. (2018). Cross-Cultural Closeness: Foreign Governess in the Russian Empire, 1700—1850. In: *Early Professional Women in Northern Europe, 1650—1850.* London: Routledge. 217—243.

Tomsinov, V. A. (2003). *Sudba reformatora, ili Zhizn' Speranskogo.* Moskva: Izdatelstvo «Norma». (In Russ.).

Yuzhakov, S. N. (1892). *M. M. Speranskiy. Ego zhizn' i obshchestvennaya deyatelnost'. Biograficheskiy ocherk.* Sankt-Peterburg: Tip. t-va «Obshchestv. Polza». (In Russ.).

Yukhannison, K. (2019). *Istoriya melankholii. O strakhe, skuke i chuvstvitelnosti v prezhniye vremena i teper'.* Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).

V pamyat' grafa Mikhaila Mikhaylovicha Speranskogo. 1772—1872. (1872). Sankt-Peterburg: Imp. Publ. b-ka. (In Russ.).

Vysokova, V. V., Anufriyeva, A. Yu. (2006). Chastnoye i publichnoye v anglo-russkikh otnosheniyakh kontsa XVIII — nachala XIX veka. *Rossiya i Britaniya, 4: Svyazi i vzaimnye predstavleniya XIX—XX veka.* Moskva. 316—337. (In Russ.).

Zorin, A. L. (2011). Razluka s semey v 1797 g.: dvoynaya identichnost' Mikhaila Muravyeva. *NLO, 4*. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/110_nlo_4_2011/article/18362/. (In Russ.).

Яхутль Ю. А. Повстанческое движение в казачьих регионах Юга России: причины и политические формы в 1920—1924 годах / Ю. А. Яхутль, В. В. Касьянов // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 428—442. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-428-442.

Yakhutl, Yu. A., Kasyanov, V. V. (2020). Insurrectionary Movement in the Cossack Regions of the South of Russia: Causes and Political Forms in 1920—1924. *Nauchnyi dialog, 8:* 428-442. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-428-442. (In Russ.).

УДК 94(470.62)“1920/1924”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-428-442

Повстанческое движение в казачьих регионах Юга России: причины и политические формы в 1920—1924 годах

© Яхутль Юрий Асланбиевич (2020), orcid.org/0000-0002-6750-4110, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Россия), a075ca@yandex.ru.

© Касьянов Валерий Васильевич (2020), orcid.org/0000-0002-9844-1802, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Россия), culture@kubsu.ru.

На примере повстанческого движения казаков и крестьян Дона и Кубани в начале 1920-х годов рассматривается один из сложных вопросов истории перехода от политики военного коммунизма к новой экономической политике. Выявлены причины и проявления повстанчества на Юге России в 1920—1924 годах, его влияние на содержание реформ в регионе. Установлены особенности «бело-зеленого» движения в южнороссийских станицах, обусловленные исторически сложившимися порядком землепользования, формами станичного самоуправления, сословным и классовым составом населения. Отмечается, что актуальность исследования возрастает в контексте переосмысления реформ российского общества, необходимости укрепления социальной базы реформ и разрешения конфликтов. Новизна исследования видится в том, что впервые рассматривается повстанческое движение не как классовое противостояние, а как противостояние власти и южнороссийского сообщества, представленного различными сословными, классовыми группами и общественно-политическими движениями. Установлены факторы регулирования конфликта при переходе к нэпу. Автор приходит к выводу, что принуждение к миру казачьих регионов Юга России произошло посредством не только активного применения регулярных частей Красной армии и силовых структур, но и компромиссных решений, ставших основой для начала экономических реформ.

Ключевые слова: повстанцы; конфликт; Юг России; казачество; причины; формы.

1. Введение

Повстанческое движение казаков и крестьян на Юге России в 1920—1924 годах вызывает интерес политической направленностью, региональными особенностями. Переосмысление темы даст возможность лучше понять факторы перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике.

Хронологические рамки работы определены, с одной стороны, мартом марта 1920 года, когда Добровольческая армия эвакуировалась в Крым, с другой — осенью 1924 года. Верхняя граница специфична для каждой из областей: Донской, Кубано-Черноморской и Терской. Раньше всего мятежи подавлены на Дону, позже всего — в горных и приморских местностях Терека и Кубани.

В советской историографии повстанческое движение 1920-х годов рассматривалось как проявление классового противостояния в деревне. В. И. Ленин в докладе на X съезде РКП(б) использовал термин *бандитизм* применительно к демобилизованным красноармейцам и дезертирам, недовольным «военным коммунизмом» [Ленин, 1977, с. 10]. Авторы работ 1920-х годов — военачальники и партийно-советские работники — уделяли основное внимание военному аспекту, но отмечали сложное переплетение классовых и сословных факторов повстанческих выступлений, их политическую неоднородность [Буйский, 1927], [Кубанин, 1925, с. 98—129]. В исследованиях 1930—1980-х годов «политический бандитизм» рассматривался лишь в контексте противостояния власти с антисоветскими группировками внутри страны и в эмиграции [Трифонов, 1960], [Голинков, 1978, кн. 2, с. 51], [Степаненко, 1972]. Историки расценивали антибольшевистские выступления как классовые, обусловленные интересами кулачества и офицерства.

Качественные изменения в историографии происходят с 1990-х годов, когда появилась возможность без идеологических ограничений осмыслить события. Исследователи рассматривают движение казаков и крестьян как многофакторное явление, как одну из причин, вынудивших большевиков перейти к нэпу [Баранов, 2005, с. 119—129; Баранов, 2018, с. 184—195; Грищенко, 2009; Жупикова, 2004, с. 159—169; Жупикова, 2016, с. 12—13; Кратова, 2006, с. 117—129; Чернопицкий, 1998, с. 3—12; Яблочкина, 2000], обосновывают причины повстанческого движения — протест хлеборобов против продразвёрстки и передела земель, разрушения казачьего самоуправления [Филин, 2007, с. 7; Черкассов, 2007]. Достижения современной историографии обобщены в работе [Кринко и др., 2009, с. 76—82].

В постсоветский период произошло переосмысление антибольшевистских выступлений. Историки стали рассматривать явление во взаимосвязи

с курсом партийных органов в регионе, анализируя общественное мнение и политические группировки земледельцев [Жупикова, 2004, с. 160; Сатарова и др., 2017, с. 66—69].

Источниковой основой статьи стали архивные материалы Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива, Центров документации новейшей истории Ростовской области и Краснодарского края, Государственного архива Ростовской области, опубликованные документы партийных и советских органов, ВЧК-ОГПУ. Источники дают возможность изучить экономические и социальные причины конфликта, общественное мнение казаков и крестьян, социальную опору повстанцев, их лозунги, этапы и формы антибольшевистских выступлений, решения органов власти [Берелович и др., 1998, т. 1; Шанин и др., 1997].

2. Повстанческое движение на Дону и Кубани: причины и особенности

Антибольшевистские вооружённые выступления в казачьих регионах Юга России вызывались долгосрочными экономическими, социально-классовыми и политическими условиями. Юг России — один из лидеров аграрной экономики. Геополитическое положение региона вызывало интерес европейских государств и Турции. Влияние иностранных спецслужб не имеет прямых доказательств, но есть косвенные данные об их наличии [Николин и др., 2005, с. 110—113]. Это проявлялось в координации действий повстанческих отрядов и их кадровом, материально-техническом обеспечении из-за границы [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 116, л. 1].

Важен и демографический фактор. Население Юга России (Дона, Кубани и Терека) в 1917 году на 83 % проживало в сельской местности. Соотношение сословных групп хлеборобов неравномерно, наибольший удельный вес казаков — в Донской и Кубанской областях (до 44 % населения). Если на Дону и Кубани основной конфликт был на почве сословного неравенства, земельных и налоговых привилегий казаков, то есть конфликт был внутри русского населения, то на Тереке основные противоречия — между казаками и горскими народами. «Иногородние» крестьяне — это переселенцы в первом-втором поколениях, не имевшие прав владеть земельным паем, они вынуждены были арендовать угодья или временно пользоваться наделом, батрачить. Коренное крестьянство — более давние переселенцы, получившие право общинного владения землёй [Жупикова, 2016, с. 77]. Казачьи хозяйства превосходили по обеспеченности землёй и товарности хозяйства «среднерусских» крестьян [ЦДНИРО, ф. 4, оп. 1, д. 3, л. 3].

По расчётам Е. Ф. Жупиковой, хлеборобы Юга имели больше земли, чем в среднем по стране. В среднем хозяйство насчитывало 9,84 дес. посева на Дону и 7,7 дес. посева на Кубани, а на душу населения засевалось по 1,2 дес. (в среднем по России — 0,7 дес.) [Жупикова, 2007, с. 189—192].

Большая часть (80 %) угодий находилась в пользовании казаков, но лишь 5,2 % их угодий являлись частными наследственными, а свыше 80 % были в коллективном общинном пользовании. Земельный надел определен законодательством в 30 дес., но фактически снизился до 4—5 дес., особенно в густозаселённых равнинных районах [Перехов, 1997, с. 25; Яблочкина, 2000, с. 34—40].

Важен вопрос о причинах конфликта. Общероссийскими факторами ожесточённости конфликта были земельный и продовольственный вопрос, а на Юге РСФСР — и проблема казачьего самоуправления. В начале марта 1920 года Первый Всероссийский съезд трудового казачества в резолюциях, подготовленных Л. Б. Каменевым и Д. В. Полуяном, сохранил особый порядок землепользования, обещал амнистию рядовых казаков — участников белого движения. Совет народных комиссаров РСФСР издал 25 марта 1920 года декрет «О строительстве Советской власти в казачьих областях» [СУ РСФСР, 1920, с. 175—176]. Эти решения были направлены на установление компромисса с трудовым казачеством. Но о сохранении автономий речь не шла, для большевиков казачество было сословием, а не национальностью.

К лету 1920 года политика «военного коммунизма» стала проводиться на Юге РСФСР в полном объёме, что диктовалось продолжением Гражданской войны и продовольственным кризисом. Ужесточение продразверстки, передача трудовых наделов земельным коммунам, «расказачивание», массовое взятие заложников и их расстрелы кардинально изменили обстановку, спровоцировав мятежи. Такие решения (лето 1920 — начало 1921 годов) разрушали принципы землепользования (большевики на словах признавали трудовое общинное землепользование) и местное самоуправление.

По мере разворачивания уравнительного земельного передела и продразвёрстки большинство казаков перешло на сторону антибольшевистских сил. По признанию коммунистов, даже первые ревкомы активно помогали «бело-зеленым», демонстрируя неприятие продовольственной политики. Среди казаков пошли слухи о шаткости советской власти, что должно было привести к врангелевским десантам и интервенции [ЦДНИКК, ф. 17, оп. 1, д. 87, л. 1]. Меры «военного коммунизма» спровоцировали мятежи. С июня по август 1920 года движение «бело-зеленых» стало массовым.

На Юге России можно наблюдать изменение движущих сил повстанцев за 1920—1924 годы. На начальном этапе основой отрядов были солдаты и офицеры Белой армии, зажиточная часть казачества [ЦДНИКК, ф. 1774-р, оп. 2, д. 207, л. 6]. Летом 1920 года инициатива по формированию повстанческих отрядов принадлежала офицерам Белой армии. Они приступили к наступлению, захватывая станицы и хутора, уничтожая советские органы. Возникла угроза свержения советской власти. Особую опасность представляла «Армия возрождения России» под командованием М. А. Фостикова в верховьях р. Кубань. Вопрос о численности повстанцев спорный. По данным М. А. Фостикова, его силы составляли до 25 тыс. чел., по мнению историков — от 12 до 30 тыс. [Стрелянов, 2002, с. 182—185]. На Дону для противостояния врангелевскому десанту Ф. Д. Назарова и махновцам проведена мобилизация 400 коммунистов в городе Ростове-на-Дону и 10 % членов партии в сельской местности. Донской округ дважды подвергался нападению анархистов. В пределах нижнего Дона действовали отряды Свекольника, Северякина, Назарова. Два месяца они вели активные бои, но потерпели поражение [ЦДНИРО, ф. 4, оп. 1, д. 1, лл. 18, 65].

Положение осложнилось настолько, что в августе 1920 года повстанцы Кубани на съезде 12 июля 1920 года в станице Курджипской приняли решение о создании народных комитетов по примеру казачьего самоуправления, призывая к разгону ревкомов [ЦДНИКК, ф. 1774-р, оп. 1, д. 529, л. 5]. Но большинство кубанских и донских казаков отвергли монархическую программу «Армии возрождения России» и врангелевцев.

Рост восстаний вынуждал власть усилить репрессии. Они усугублялись неправомерными действиями местных органов власти (ревкомов, Советов, партийных ячеек), их бюрократизмом и игнорированием местных условий. В сентябре 1920 года ВЧК поделила области на участки, создала сеть осведомителей, собрала сведения об участниках и родственниках повстанцев, приняла карающие меры с участием частей РККА. Особые комиссии расстреливали участников мятежей, а членов их семей высылали в Архангельскую губернию. Органы власти Кубано-Черноморской области создавали «пятерки». Командующий 1-й Конной армии С. М. Будённый разрешал «пятеркам» выносить смертные приговоры, а членов семей «белобандитов репрессировать» [ЦДНИКК, ф. 1774-р, оп. 2, д. 316, л. 3]. Власть получила поддержку бедняцкого слоя казаков и крестьян [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 249, лл. 2, 3, 17]. Аналогичная политика проводилась и в Донской области, где появление врангелевского десанта и повстанцев повлекло за собой репрессии против части казачества, не вызывавшего доверия властей [ГАРО, ф. р-97, оп. 1, д. 219, л. 13].

Юг страны находился в состоянии острого конфликта и после полномасштабной Гражданской войны — зимой 1920—1921 годов ввиду ужесточения мер «военного коммунизма». Насколько сложна обстановка, свидетельствует стенограмма II Кубано-Черноморской областной конференции РКП (б) (20—22 февраля 1921 года). Её делегат Даниленко полагал: «У нас на Кубани положение скверное под влиянием продовольственной продразверстки. В городах ситуация не лучше. Отсутствует связь партийных ячеек с областным комитетом. Сейчас среди местных коммунистов есть мнение проводить политику 1918 года в ежовых рукавицах» [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 80, л. 11]. В ряде волостей местные органы власти объявили осадное положение, создавая чрезвычайные штабы [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 110, л. 7].

После замены продразвёрстки на продналог ситуация изменилась, но не кардинально. К лету 1921 года продналог взимался принудительными методами, он был дополнен единовременным продовольственным нарядом, станицы-неплательщики блокировались войсками без права подвоза продуктов. В условиях перехода к нэпу большевики разнообразили тактику. Северо-Кавказское краевое военное совещание 21 июля 1921 года издало приказ о помиловании добровольно сдавшихся «бело-зеленых». Объявлялась амнистия всем, кто вовлечен в повстанчество, включая командиров отрядов.

3. Характер и движущие силы повстанческого движения

Идейное содержание требований повстанцев нашло отражение в их документах. Степень радикализма повстанческого движения определялась аграрной политикой власти, насильственным изъятием продовольствия и земли, что вызывало рост недовольства, особенно зажиточных и середняцких слоёв казачества.

Программные документы и лозунги повстанцев демонстрировали неприятие большевизма как идеологии и системы власти, но отторжения Советов мы не наблюдаем. На Кубани и Дону лозунг «Советы без коммунистов» популярен. Отличительная черта политических лозунгов в казачьих регионах Юга России — идеи «самостийности», понимавшиеся противоречиво: от сословной автономии до сепаратизма. Лозунг самостийности преобладал среди большей части повстанцев, которая представляла казачье население Дона и западной части Кубани (черноморских казаков). На востоке Кубани (среди линейных казаков) и в терском казачестве преобладала идея «единонеделимой» России. Равенство сословий стало одним из призывов повстанцев, но оно понималось ограниченно. Мятежники требовали сохранения форм станичного самоуправления в соответствии

с Положением от 31 июля 1891 года, выселения из областей мигрантов, прибывших с 1913 года.

Среди казаков и крестьян сохранялись монархические чувства, но их влияние не было массовым, казаки и крестьяне разочарованы аграрной политикой монархии, а также политикой Добровольческой армии. Монархизм проявлялся в наибольшей мере среди белого офицерства и части интеллигентов, а не рядовых казаков. Среди влиятельных вожаков-повстанцев монархистами считали себя только М. А. Фостиков (командующий «Армией возрождения России» летом 1920 года) [РГВА, ф. 192, оп. 2, д. 431, л. 53], М. Н. Жуков и Е. Дубина [РГВА, ф. 192, оп. 3, д. 1424, л. 45].

Анархические лозунги не нашли массовой поддержки на Юге. Казачьи регионы — Дон, Кубань — не имели социальной базы распространения анархизма ввиду традиционной поддержки крепкой власти казачеством [ЦДНИРО, ф. 4, оп. 1, д. 1, лл. 65, 110].

Напротив, эсеровские лозунги «трудовластия» популярны, имели определяющее значение в листовках и приказах повстанческих организаций. Движущей силой повстанчества выступало на Дону и Кубани зажиточное казачество, в руководящем составе офицеры белого движения, а по мере разрастания движения и бывшие командиры РККА, и демобилизованные красноармейцы, и дезертиры.

Именно бывшие красные командиры стали носителями лозунгов: «Советы без коммунистов», «Да здравствует Советская власть без коммунистов» [ЦДНИКК, ф. 1774-р, оп. 1, д. 529, л. 12]. Яркий пример на Дону — Г. С. Маслаков, командир 19-го полка 1-й Конной армии. Из-за личного конфликта в феврале 1921 года он дезертировал из РККА вместе с односельчанами. Позже взгляды Г. С. Маслакова изменились на эсеро-меньшевистские. Бывший красный командир Захарченко тоже использовал этот лозунг.

К данному течению относились бывшие члены Казачьей секции Кубано-Черноморского областного ревкома М. П. Пилюк и П. А. Савицкий, перешедшие в конце 1920 года на сторону мятежников, а также вожаки отрядов — Захарченко, В. Н. Серебряков (Даутоков), Сычёв, В. Ф. Рябоконь и др. [РГВА, ф. 25896, оп. 2, д. 42, л. 50]. Их отряды насчитывали 1200—1800 чел., выступали под лозунгом «Да здравствует Советская власть, долой коммунистов» [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 11, лл. 1, 1 а, 1 г].

Несмотря на идейное разнообразие движения и малограмотную форму призывов, в 1921 году можно выделить ядро лозунгов: справедливое распределение земли, отмена продразвёрстки, сохранение личной собственности на землю, свободная торговля и предпринимательская деятельность, созыв Учредительного Собрания, равные выборы в Советы без коммуни-

стов, республиканская форма правления, соблюдение гражданских прав. Эти лозунги содержатся в листовках политотдела «Кубанской повстанческой армии», имевшей в июне — сентябре 1921 года штаб в предгорной лесной полосе вблизи города Горячий Ключ под командованием генерала М. А. Пржевальского. Близкие призывы выдвигала и крупная группировка под командованием полковника В. Серебрякова (Даутокова) на Верхней Кубани и в Пятигорье, разгромленная в 1921 году. Преобладали лозунги в духе правых эсеров. В 1921 году движение на Кубани находилось под влиянием «самостийников», которые готовили всеобщее восстание к осени 1921 года. План предусматривал захват города Краснодара и провозглашение Кубанской республики. Такие цели не находили поддержки части повстанцев — сторонников монархии.

Повстанчество имело сезонный характер — зависело от сельскохозяйственных работ. Так, на Тамани летом 1921 года насчитывалось до 300 активных повстанцев [ГАКК, ф. р-102, оп. 1, д. 410, л. 23]. В районе станицы Саратовской действовал отряд до 500 чел. В Тимашевском отделе воевал отряд «Дивизия помощи Русской Армии» до 400 чел. из врангелевцев, в Причерноморье — отряды под руководством офицеров Корсюка и Ростовцева. Отряды офицеров Филимонова, Ерошина, Селюкова контролировали Славянский отдел [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 120, л. 11], [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 115, лл. 1—3].

Применение регулярных частей РККА вызвало поражение крупных соединений повстанцев на Кубани под руководством М. А. Пржевальского, М. П. Пилюка и др. в сентябре — октябре 1921 года. Кроме военного превосходства РККА, важно наличие политических противоречий среди «бело-зеленых». Так, после создания «Кубанской повстанческой армии» во главе с М. А. Пржевальским, насчитывавшей до 5 тыс. штыков, возник конфликт командующего с Политическим отделом КПА. От Пржевальского требовали отказаться от политического руководства, сосредоточившись на военном. Это внесло раскол в группировку, она распалась 27 сентября 1921 года после сражений с 1-й Конной армией.

Партийные и советские органы находились под постоянной угрозой, что побуждало их усиливать репрессии. Партийная организация переведена на военное положение, была организована мобилизация 200 коммунистов. Предложено объявить заложниками 10 тыс. чел. [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 111, лл. 1, 1а, 1 г]. Расстрелы заложников в сентябре — октябре 1921 года охватили 372 чел., в том числе больше всего пострадали жители станицы Динской — 102 чел. Приговор приводился в исполнение по решениям чрезвычайных «троек» [ГАКК, ф. р-382, оп. 1, д. 394, л. 16].

Но и в 1922 году продолжали действовать небольшие отряды численностью до 50 чел. Часть населения проявляла недовольство в ходе «хлебных бунтов», вызванных принудительным сбором продналога. При подготовке V Кубано-Черноморской областной конференции РКП(б) собрана информация о количестве бело-зеленых отрядов и их составе. Их число разительно отличалось от показателей 1921 года — осталось лишь 300 активных участников повстанческого движения по сравнению с «десятками тысяч» в 1921 году [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 204, л. 93]. Притом данные о составе большинства отрядов, где проводилась значительная ротация личного состава, свидетельствуют о завышении числа участников «бело-зеленого» движения [РГВА, ф. 58, оп. 1, д. 58, лл. 61, 61 об]. Государственная информационная сводка ОГПУ 7 марта 1923 года содержит вывод: «Мечты казачества об автономии изжиты <…> Остатки отрядов небоеспособны, чисто уголовные…» [Севостьянов, 2001, т. 1, ч. 2, с. 815].

Определяющим в стабилизации обстановки стал компромисс в аграрной политике. Спад повстанческого движения к началу 1923 года обусловлен не только военным превосходством РККА над повстанцами и репрессивными мерами (институт заложничества), но и отказом значительной части населения поддерживать мятежи [Кратова, 2006, с. 118—119]. Усталость населения от войны проявлялась на сходах, где появились лозунги: «Долой бандитов!», «Хватит крови!». Казачество переходило к восстановлению хозяйства, к мирному труду [ЦДНИКК, ф. 17, оп. 1, д. 327, л. 10]. По мнению руководства Юго-Восточной краевой организации РКП(б), «политический бандитизм» вырождался в уголовный. На октябрь 1924 года на Кубани насчитывалось всего две «банды» численностью 19 чел., в Майкопском округе — одна «банда» в составе 12 штыков и в Армавирском округе — два отряда численностью 20 сабель [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 354 а, л. 12]. Сельское население, уставшее от войны, готово было принять условия правительственных уступок в рамках начатых реформ нэпа. В особенности положительное значение имели принятие в 1922 году Земельного кодекса РСФСР, гарантировавшего неприкосновенность трудового общинного землепользования, роспуск многих земельных коммун, проведение беспартийных конференций казаков и крестьян, введение единого сельскохозяйственного налога в денежной форме [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 286, лл. 1—5]. Осенью 1924 года проводится амнистия части эмигрантов и рядовых участников белого движения, повстанцев, они получают гражданские права. Последние очаги выступлений ликвидированы в приазовских плавнях (отряд В. Ф. Рябоконя) и высокогорной части Кавказа (отряд Белова).

4. Выводы

Итак, антибольшевистские выступления стали продолжением Гражданской войны в региональных условиях. Комплекс сложных причин породил повстанческое движение на Юге России. К объективным долгосрочным причинам необходимо отнести глубокий кризис крестьянского хозяйства в 1914—1922 годах, вызванный войной и политикой «военного коммунизма», сословную и классовую нетерпимость, попытку форсированного перехода к социализму, некомпетентность партийно-советских работников, подрывное влияние иностранных спецслужб и эмиграции.

Политика «военного коммунизма», рецидивы которой в виде насильственного изъятия продналога и ограничений торговли, расказачивания проявлялись до 1923 года, столкнулась с прочными рыночными и сословными традициями южнороссийской станицы. Политика государственного регулирования хозяйства в годы «военного коммунизма» не нашла поддержки крестьян и казаков, вызвала их сопротивление. Часть повстанцев, особенно представители белого движения, ставили цель свержения советской системы. Большинство желало сохранить советскую власть, но совместить её с общинной собственностью, свободой частной торговли, многопартийностью. В повстанческом движении отсутствовала единая идейная платформа, которая могла бы объединить все социальные слои. Это проявляется в сравнении этапов повстанчества. Так, на этапе 1920 года преобладали монархические лозунги «единой и неделимой России», а в 1921—1922 годах — «самостийные» призывы в правоэсеровском духе; в 1923—1924 годах движение постепенно утрачивает политические цели и распадается на действия уголовных банд.

Протестные выступления казаков и крестьян стали следствием неприятия «военного коммунизма» и исхода Гражданской войны, стали одной из основных причин перехода к нэпу и начала относительного гражданского примирения середины 1920-х годов. Поворотным пунктом в конфликте стал затяжной переход к нэпу. Преодоление повстанчества стало возможным благодаря формированию институтов компромисса, проведению в 1922 году беспартийных крестьянских конференций. На завершающем этапе повстанческого движения постепенно социальные противоречия, основанные на имущественном неравенстве, выходят на первое место в сравнении с сословными. В 1922 году большевики согласились на уступки. В противостоянии крестьяне и казаки получили максимально возможные экономические (продналог) и политические (сохранение сельского схода как органа общинного самоуправления) преференции.

Разгром повстанчества в 1924 году, открыл возможности для амнистии эмигрантов и участников мятежей, для смягчения земельной, налоговой и социальной политики РКП(б), для введения мер создания «советского казачества». Советская система продемонстрировала устойчивость и способность подавлять антиправительственные выступления, сочетая силу и демонстрацию заинтересованности в мирном хозяйственном возрождении региона, что вынудило к миру казачество Юга России, уважавшее сильную власть. Конфликт завершился военным поражением повстанцев, но не полной победой власти, а политикой компромисса.

Источники и принятые сокращения

1. РГВА — *Российский* государственный военный архив. Ф. 58 (Штаб частей особого назначения СССР (ЧОН). Оп. 1. Д. 58. Лл. 61, 61. об; Ф. 192 (Управление 9-й Кубанской армией). Оп. 2. Д. 431. Л. 53. Оп. 3. Д. 1424. Л. 45; Ф. 25896 (Управление войсками Северо-Кавказского военного округа). Оп. 2. Д. 42. Л. 50.

2. ГАКК — *Государственный* архив Краснодарского края. Ф. Р-102 (Отдел управления Кубано-Черноморского облисполкома). Оп. 1. Д. 410. Л. 23; Ф. Р-382 (Славянский отдельский отдел управления) Оп. 1. Д. 394. Л. 16.

3. ГАРО — *Государственный* архив Ростовской области. Ф. Р-97 (Исполнительный комитет Донского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Донисполком, ДИК). Оп. 1. Д. 219. Л. 13.

4. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 4 (Донской областной комитет РКП(б)). Оп. 1. Д. 1. Лл. 18, 65, 110. Д. 3. Л. 3.

5. ЦДНИКК — *Центр* документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1 (Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б)) Оп. 1. Д. 80. Л. 11. Д. 110. Л. 7. Д. 111, Лл. 1, 1а, 1 г. Д. 115. Лл. 1—3. Д. 116. Л. 1. Д. 120. Л. 11. Д. 204. Л. 93. Д. 249. Лл. 2, 3, 17. 286. Лл. 1—5. Д. 354 а. Л. 12; Ф. 1774-р. (Коллекция документов по истории Кубани). Оп. 1. Д. 529. Л. 5, 12. Оп. 2. Д. 207, Л. 6. Д. 316. Л. 3; Ф. 17 (Краснодарский отдельский комитет РКП (б)) Оп. 1. Д. 87. Л. 1. Д. 327, Л. 10.

6. *О строительстве* Советской власти в казачьих областях: декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 25 марта 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. — Москва, 1943. — С. 175—176.

7. *Советская* деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939 : документы и материалы : в 4 томах / под редакцией А. Береловича, В. П. Данилова. — Москва : РОССПЭН, 1998. — Том 1. — 864 с.

Литература

1. *Баранов А. В.* Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920—1924 гг.) / А. Баранов // Белая гвардия: альманах. — 2005. — № 8. — С. 119—129.

2. *Баранов А. В.* Роль территориальных органов ВЧК-ОГПУ в преодолении повстанческого движения «бело-зелёных» в Кубано-Черноморской области (1920—1924 гг.) / А. Баранов // Политическая история России : материалы XV Всероссийских исторических чтений. — Санкт-Петербург : Любавич, 2018. — С. 184—195.

3. *Без грифа* «секретно»: из истории органов безопасности на Кубани / редактор С. Д. Николин и др. — Краснодар : Советская Кубань, 2005. — Книга 1. — 648 с.

4. *Буйский А.* Красная Армия на внутреннем фронте. Борьба с белогвардейскими восстаниями, повстанчеством и бандитизмом / А. Буйский. — Москва ; Ленинград : Госиздат, 1927. — 80 с.

5. *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР / Д. Голинков. — Москва : Политиздат, 1978. — 399 с.

6. *Грищенко А. Н.* Антибольшевистское повстанческое движение в Донской области в 1920—1922 годах : автореферат диссертации … кандидата исторических наук / А. Н. Грищенко. — Ростов-на-Дону, 2009. — 28 с.

7. *Жупикова Е. Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920—1925 годах (документальные публикации и новейшая отечественная историография) / Е. Жупикова // Отечественная история. — 2004. — № 3. — С. 159—169.

8. *Жупикова Е. Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920—1925 годах / Е. Жупикова // Академия исторических наук : сборник трудов. — Москва, 2007. — Том 1. — С. 189—192.

9. *Жупикова Е. Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920—1925 гг. / Е. Жупикова. — Москва : Новый хронограф, 2016. — 422 с.

10. *Кратова Н. В.* Формирование повстанческих отрядов на территории Кубано-Черноморской области в 1920—1922 гг. / Н. Кратова // Вестник Южного научного центра РАН. — 2006. — № 1. — С. 117—129.

11. *Кринко Е. Ф.* Советский Северный Кавказ: проблемные зоны отечественной историографии / Е. Кринко, Т. Хлынина // Вестник Южного научного центра РАН. — 2009. — Том 5, № 3. — С. 76—82.

12. *Кубанин М. И.* К истории кулацкой контрреволюции / М. Кубанин // На аграрном фронте. — 1925. — № 7—8. — С. 98—129.

13. *Ленин В. И.* Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б). 8 марта. X съезд РКП(б) / В. И Ленин // Полное собрание сочинений. — Москва, 1977. — Том 43. — С. 1—127.

14. *Перехов Я. А.* Власть и казачество: поиск соглашения (1920—1926 гг.) / Я. Перехов. — Ростов-на-Дону : Гефест, 1997. — 140 с.

15. *Сатарова А. П.* Антибольшевистские выступления в верховых районах Дона в 1920—1924 гг. (по материалам Хопёрского и Усть-Медведицкого округов) // А. Сатарова, С. Соловьева // Вестник Вятского государственного университета. — 2017. — № 9. — С. 66—69.

16. *Степаненко Б. И.* Борьба с вооруженной контрреволюцией на Дону и Кубани и ее разгром (март 1920—1922 гг.) : диссертация … кандидата исторических наук / Б. И. Степаненко. — Ростов-на-Дону, 1972. — 205 с.

17. *Стрелянов (Калабухов) П. Н.* «Армия возрождения России» генерала Фостикова (март—октябрь 1920 г.) / П. Стрелянов (Калабухов) // Белая гвардия: альманах. — 2002. — № 6. — С. 182—186.

18. *Трифонов И. Я.* Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937 гг.) / И. Трифонов. — Ленинград : ЛГУ, 1960. — Часть 1. — 278 с.

19. *Филин М. В.* Протестное движение российского казачества в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918—1922 гг.) : автореферат диссертации … кандидата исторических наук / М. В. Филин. — Москва, 2007. — 26 с.

20. *Филипп Миронов*. Тихий Дон в 1917—1921 гг. : документы и материалы / редактор Т. Шанин, В. П. Данилов. — Москва : Международный фонд Демократия, 1997. — 787 с.

21. *Черкасов А. А.* Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917—1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии : диссертация … доктора исторических наук / А. Черкасов. — Ставрополь, 2007. — 581 с.

22. *Чернопицкий П. Г.* Повстанческое движение у крестьян и казаков Дона в 1920—1922 гг. / П. Чернопицкий // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 1998. — № 3. — С. 3—12.

23. *Яблочкина И. В.* Рецидивы Гражданской войны. Антигосударственные вооруженные выступления, повстанческое движение в Советской России. 1921—1925 гг. / И. Яблочкина. — Москва : Русский дом, 2000. — 218 с.

Insurrectionary Movement in the Cossack Regions of the South of Russia: Causes and Political Forms in 1920—1924

© **Yuri A. Yakhutl (2020),** orcid.org/0000-0002-6750-4110, PhD in History, Associate Professor; Department of Russian History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (Krasnodar, Russia), a075ca@yandex.ru.
© **Valery V. Kasyanov (2020),** orcid.org/0000-0002-9844-1802, Doctor of History, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Russian History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (Krasnodar, Russia), culture@kubsu.ru.

On the example of the insurrectionary movement of the Cossacks and peasants of the Don and Kuban in the early 1920s, one of the most difficult issues in the history of the transition from the policy of war communism to the new economic policy is considered. The reasons and manifestations of the insurrection in the South of Russia in 1920—1924, its influence on the content of reforms in the region are revealed. The features of the "white-green" movement in the southern Russian stanitsas, conditioned by the historically established order of land use, the forms of stanitsa self-government, the estate and class composition of the population, are established. It is noted that the relevance of the study increases in the context of rethinking the reforms of Russian society, the need to strengthen the social base of reforms and conflict resolution. The novelty of the study is seen in the fact that for the first time we consider the insurrectionary movement not as a class confrontation, but as a confrontation between the authorities and the South Russian community, represented by various estate, class groups and socio-political movements. The factors for regulating the conflict during the transition to NEP have been established. The author comes to the conclusion that the "pacification" of the Cossack regions of the South of Russia took place not only through the active use of the regular units of the Red Army and security forces, but also through compromise decisions that became the basis for the start of economic reforms.

Key words: insurgents; conflict; South of Russia; Cossacks; the reasons; forms.

Material resources

berelovich, A., Danilov, V. P. (ed). (1998). *Sovetskaya derevnya glazami VChK — OGPU — NKVD. 1918—1939: dokumenty i materialy, 4/1*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).

GAKK — *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya*. F. R-102 (Otdel upravleniya Kubano-Chernomorskogo oblispolkoma); F. R-382 (Slavyanskiy otdelskiy otdel upravleniya). (In Russ.).

GARO — *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti.* F. R-97 (Ispolnitelnyy komitet Donskogo oblastnogo Soveta rabochikh, krestyanskikh, krasnoarmeyskikh i kazachikh deputatov (Donispolkom, DIK). (In Russ.).

O stroitelstve Sovetskoy vlasti v kazach'ikh oblastyakh: dekret Soveta narodnykh komissarov RSFSR ot 25 marta 1920 g. (1943). In: *Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy pravitelstva za 1920 g*. Moskva. 175—176. (In Russ.).

RGVA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyy arkhiv*. F. 58 (Shtab chastey osobogo naznacheniya SSSR (ChON); F. 192 (Upravleniye 9-y Kubanskoy armiey); F. 25896 (Upravleniye voyskami Severo-Kavkazskogo voyennogo okruga). (In Russ.).

TsDNIKK — *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraya*. F. 1 (Kubano-Chernomorskiy oblastnoy komitet RKP(b)); F. 1774-r. (Kollektsiya dokumentov po istorii Kubani); F. 17 (Krasnodarskiy otdelskiy komitet RKP(b)). (In Russ.).

TsDNIRO — *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti*. F. 4 (Donskoy oblastnoy komitet RKP(b)). (In Russ.).

References

Baranov, A. V. (2005). Povstancheskoye dvizheniye «belo-zelenykh» v kazachyikh oblastyakh Yuga Rossii (1920—1924 gg.). *Belaya gvardiya: almanakh, 8:* 119—129. (In Russ.).

Baranov, A. V. (2018.). Rol' territorialnykh organov VChK-OGPU v preodolenii povstancheskogo dvizheniya «belo-zelenykh» v Kubano-Chernomorskoy oblasti (1920—1924 gg.). *Politicheskaya istoriya Rossii: materialy XV Vserossiyskikh istoricheskikh chteniy*. Sankt-Peterburg: Lyubavich. 184—195. (In Russ.).

Buyskiy, A. (1927). *Krasnaya Armiya na vnutrennem fronte. Borba s belogvardeyskimi vosstaniyami, povstanchestvom i banditizmom*. Moskva; Leningrad: Gosizdat. (In Russ.).

Cherkasov, A. A. (2007). *Grazhdanskaya voyna na Kubani i Chernomorye (1917—1922 gg.): «tretya sila» v sotsialno-politicheskom protivostoyanii: dissertatsiya… doktora istoricheskikh nauk*. Stavropol. (In Russ.).

Chernopitskiy, P. G. (1998). Povstancheskoye dvizheniye u krestyan i kazakov Dona v 1920—1922 gg. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki, 3:* 3—12. (In Russ.).

Filin, M. V. (2007). *Protestnoye dvizheniye rossiyskogo kazachestva v usloviyakh politiki voyennogo kommunizma i ee posledstviy (1918—1922 gg.): avtoreferat dissertatsii… kandidata istoricheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).

Golinkov, D. L. (1978). *Krusheniye antisovetskogo podpolya v SSSR*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).

Grishchenko, A. N. (2009). *Antibolshevistskoye povstancheskoye dvizheniye v Donskoy oblasti v 1920—1922 godakh: avtoreferat dissertatsii… kandidata istoricheskikh nauk*. Rostov-na-Donu. (In Russ.).

Kratova, N. V. (2006). Formirovaniye povstancheskikh otryadov na territorii Kubano-Chernomorskoy oblasti v 1920—1922 gg. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN, 1:* 117—129. (In Russ.).

Krinko, E. F., Khlynina, T. V. (2009). Sovetskiy Severnyy Kavkaz: problemnyye zony otechestvennoy istoriografii. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN, 5/3:* 76—82. (In Russ.).

Kubanin, M. I. (1925). K istorii kulatskoy kontrrevolyutsii. *Na agrarnom fronte, 7—8:* 98—129. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1977). Otchet o politicheskoy deyatelnosti TsK RKP(b). 8 marta. X syezd RKP(b). In: *Polnoye sobraniye sochineniy, 43*. Moskva. 1—127. (In Russ.).

Nikolin, S. D. et al. (eds.). (2005). *Bez grifa «sekretno»: iz istorii organov bezopasnosti na Kubani, 1*. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'. (In Russ.).

Perekhov, Ya. A. (1997). *Vlast' i kazachestvo: poisk soglasheniya (1920—1926 gg.)*. Rostov-na-Donu: Gefest. (In Russ.).

Satarova, A. P., Solov'eva, S. V. (2017). Antibolshevistskiye vystupleniya v verkhovykh rayonakh Dona v 1920—1924 gg. (po materialam Khoperskogo i Ust'-Medveditskogo okrugov). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta, 9:* 66—69. (In Russ.).

Shanin, T., Danilov, V. P. (eds.). (1997). *Filipp Mironov. Tikhiy Don v 1917—1921 gg*.: dokumenty i materialy. Moskva: Mezhdunarodnyy fond Demokratiya. (In Russ.).

Stepanenko, B. I. (1972). *Bor'ba s vooruzhennoy kontrrevolyutsiey na Donu i Kubani i ee razgrom (mart 1920—1922 gg.): dissertatsiya… kandidata istoricheskikh nauk*. Rostov-na-Donu. (In Russ.).

Strelyanov (Kalabukhov), P. N. (2002). «Armiya vozrozhdeniya Rossii» generala Fostikova (mart-oktyabr' 1920 g.). *Belaya gvardiya: almanakh, 6:* 182—186. (In Russ.).

Trifonov, I. Ya. (1960). *Ocherki istorii klassovoy bor'by v SSSR v gody nepa (1921—1937 gg.), 1*. Leningrad: LGU. (In Russ.).

Yablochkina, I. V. (2000). *Retsidivy Grazhdanskoy voyny. Antigosudarstvennyye vooruzhennyye vystupleniya, povstancheskoye dvizheniye v Sovetskoy Rossii. 1921—1925 gg*. Moskva: Russkiy dom. (In Russ.).

Zhupikova, E. F. (2004). Povstancheskoye dvizheniye na Severnom Kavkaze v 1920—1925 godakh (dokumentalnyye publikatsii i noveyshaya otechestvennaya istoriografiya). *Otechestvennaya istoriya, 3:* 159—169. (In Russ.).

Zhupikova, E. F. (2007). Povstancheskoye dvizheniye na Severnom Kavkaze v 1920—1925 godakh. *Akademiya istoricheskikh nauk: sbornik trudov, 1*. Moskva. 189—192. (In Russ.).

Zhupikova, E. F. (2016). *Povstancheskoye dvizheniye na Severnom Kavkaze v 1920—1925 gg*. Moskva: Novyy khronograf. (In Russ.).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
Индексируется в Google Академия
Индексируется в Index Copernicus ICV 2018 = 100.00
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Импакт-фактор РИНЦ (пятилетний) 2018 = 0,362
Десятилетний индекс Хирша 2018 = 18
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книж-ную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издается с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© Иванова Анна Ивановна (2020), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос… Уделяется внимание… Представлены результаты сопоставительного анализа… Поднимается вопрос о… Особое внимание уделяется… Новизна исследования видится в том, что… Актуальность исследования обусловлена… Приводятся определения… Автор останавливается на… Доказано, что… Предлагается классификация… Выполнен обзор… Представлена авторская разработка… Описан опыт многолетней работы автора … и под.).*

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги

двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать издательство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.

2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).

3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.

4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.

5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.

6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.

2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40— 45.

3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.

4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации … кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.

5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.

6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.

7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация …. кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.

8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.

9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.

10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : http:// www.anpi.it/militari/rodi.html.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала **http://www.nauka-dialog.ru/.** Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984.**

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

Contents

Linguistics

Abrosimova E. A. Modern Hypertext Poetry: Aspects of Relations between Author's Text and Internet Resources 9

Belov V. A. Semantic Studies of Organisation and Functioning of Mental Lexicon 29

Budaev E. V. Literary Characters as a Source Domain of Precedent Names in the UK Media 52

Dankova N. S., Krekhtunova E. V. Media Representation of the Pandemic: a Metaphorical Image of War (based on American Newspapers) 69

Ilyina E. N., Tivo V. S. Onomastic Space of Animated Films about Russian Heroes by the Studio of Animation Cinema "Mill" 84

Inyutina L. A., Shilnikova T. S. On Changes in Complex Sentences Syntax in the Russian Language of the 17th Century (on Material of Siberian Petitions) 97

Kireeva E. Z. Addressee factor in Text of the Official Document (Decrees of Governor of Tula Region, Issued in Connection with the Spread of Covid-2019) 108

Parshina O. D., Ivanyan E. P. Axiology of the Province Phenomenon in Russian Mass Media of the Beginning of the 21st Century 123

Rebrina L. N. Semantic and Motivational Characteristics of Neolexemes of Enmity: Discursive Disclosure of Inner Form of the Word 141

Sokolyanskiy A. A. Phonological Interpretation of Consonants in the Russian Language in Borrowings at the Junction of Prefix and Root 156

Ulitova A. S. Preposition Repetition in Phrases with Homogeneous Parts of a Sentence in Business Texts of the 18th Century 171

Yakushkina E. I. About Lexical Differences between Old Shtokavian Croatian and New Shtokavian Serbian Dialects 185

Literary Studies. Journalism. Folklore

Dementieva K. V. Media Communications of the Region in Context of Globalization and Glocalization of Information Space (on Example of Mass Media of the Republic of Mordovia) 200

Kazharova I. A., Kuchukova Z. A., Berberova L. B. Author's Modality of Didactic Text and Reader's Perception (by Example of A. G. Dymov's "Adab") 215

Kudaeva Z. Zh., Khagozheeva L. S. Genre Features and Types of Adyghe Toponymic Legends 230

Matvienko A. I., Solopina G. A. Poetics of Magical Realism in Sarah Ruhl's comedy "The Clean House" 243

Potashova K. A. Poetic Formula "I see" in K. N. Batyushkov's Work: Creative Assimilation of the Derzhavin Tradition 258

Tolkacheva S. V. Traditional Recruitment Rites of Russian Residents of Udmurtia: Ethnographic Parallels with Recruitment Rites of Ural-Volga Region Peoples 272

History. Ethnography. Ethnology

Abazov A. Kh., Nakhusheva I. R. Bailiffs' Offices in the North Caucasus in the Last Third of the 18th — First Half of the 19th Centuries: Evolution of Activity 287

Belozerova M. V. On Problem of National Self-Determination of Autochthonous Peoples by Example of Southern Russia Regions (Late 1980s — Early 1990s) 301

Bespalova K. A. French Communist Group in Moscow: Formation and Activities (1918—1920) 320

Bodrova E. V., Kalinov V. V. On History of Construction of Oil Refineries Supplied to the USSR under Lend-Lease (1941—1945) 334

Bondareva V. V. Red Guard Movement in the First Years of "Cultural Revolution" in China (1966—1967): View of Domestic and Foreign Researchers 346

Haydanka Ye. I. State Regime Liberalization in Conditions of Crisis of Socialism: Slovak Context (mid-1980s—1992) 367

Darchiev A. V. On Problem of Meaning of Three-Legged Horse in Religious and Mythological Representations of Ossetians 383

Nesterova T. P. France and Attempt to Resolve the Italo-Ethiopian Conflict in Late 1935: the Hoare–Laval Plan 398

Sozinova K. A. "Traces of my tears will remain on this paper ...": Letters from Elizabeth Stephens to M. M. Speransky 412

Yakhutl Yu. A., Kasyanov V. V. Insurrectionary Movement in the Cossack Regions of the South of Russia: Causes and Political Forms in 1920—1924 428

TO AUTHORS 443

ПОДПИСКА

на журнал «Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 27.08.2020. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 26,59. Тираж 500 экз. Заказ 27/05-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2020

Свободная цена